
ВЗЫСКУЮЩИЕ
ГРАДА
АНТОЛОГИЯ
КНИГА II
1901–1904

Исследования по истории русской мысли

...не имеем здесь постоянного
града, но ищем будущего.

*Апостол Павел.
Послание к евреям 13, 14.*

Ах, если бы им мог попасться
Путь, что на карты не попал.
Но быстро таяли запасы
Отмеченных на карте шпал.

*Борис Пастернак.
«Высокая болезнь»*

С Е Р И Я

ИССЛЕДОВАНИЯ
ПО ИСТОРИИ
РУССКОЙ МЫСЛИ

Под общей редакцией М. А. Колерова

ТОМ ДВАДЦАТЬ ПЕРВЫЙ
КНИГА ВТОРАЯ

ВЗЫСКУЮЩИЕ ГРАДА

Хроника русских литературных, религиозно-
философских и общественно-политических
движений в частных письмах и дневниках
их участников, 1829–1923 гг.

АНТОЛОГИЯ

Составитель В. И. Кейдан

КНИГА II
1901–1904

Издание второе,
исправленное и дополненное

Модест Колеров
Москва 2019

УДК 1(091)(470)"1829/1900"(093.3) + 821.161.1.09
ББК 87.3(2)ю14 + 83.3(2=411.2)ю14
В 40

Редактор Андрей Мартынов

В 40 **Взыскующие Града. Хроника русских литературных, религиозно-философских и общественно-политических движений в частных письмах и дневниках их участников, 1829–1923 гг. Антология / Составитель В. И. Кейдан. Изд. 2, испр. и доп. Книга вторая: 1901–1904. М. : Модест Колеров, 2019. 608 с.**

УДК 1(091)(470)"1829/1900"(093.3) + 821.161.1.09
ББК 87.3(2)ю14 + 83.3(2=411.2)ю14

ISBN 978-5-905040-39-9

© М. А. Колеров, составление серии, 2019
© В. И. Кейдан, составление тома, 2019
© Т. Г. Щедрина, Философская энциклопедия переживания русской жизни, 2019

Издатель Модест Колеров
Москва, Большой Татарский переулок, 3, кв. 16

Подписано в печать 19.02.2019. Формат 60×90^{1/16}. Бумага офсетная.
Печать офсетная. Тираж 500 экз. Заказ №

arvato
япк

Отпечатано в полном соответствии с качеством предоставленного
электронного оригинал-макета в ОАО «Ярославский полиграфкомбинат»
150049 Ярославль, ул. Свободы, 97

Предисловие составителя

Выражаю благодарность всем коллегам-исследователям, предоставившим мне право включить их ранее опубликованные или специально подготовленные материалы в состав 2-й книги Антологии «Взыскующие града» и поименно перечисляю их: игумен Андроник (Трубачев), Ю. В. Балакшина, Н. Л. Баранова-Шестова, Д. Барас, Н. А. Богомолов, Г. М. Бонгард-Левин, И. В. Воронцова, Е. В. Глухова, Е. И. Гончарова, А. А. Городницкая, А. Н. Демьянова, Е. В. Иванова, М. А. Колеров, Н. В. Котрелев, П. В. Куприяновский, А. В. Лавров, Е. Ляпустина, Анна Лоран, Дж. Малмстад, Л. В. Милосердова, А. Н. Николоюкин, А. И. Олексенко, М. М. Павлова, Н. Н. Павлюченков, К. Плотников, С. М. Половинкин, А. И. Резниченко, М. Л. Спивак, А. Н. Тюрин, В. А. Фатеев, В. П., П. В. и Ю. А. Флоренские, Б. Фондан, М. Цимборска-Лебода, Е. Ц. Чуковская, В. А. Шапошников, Т. А. Шутова.

Хочу особо отметить, что ко времени, когда формирование состава тома подходило к концу, вышла монография С. В. Черткова «Нашедшие град. История Христианского братства борьбы в письмах и документах» (М., 2017), обогатившая архивными источниками и их интерпретацией тему «Христианского братства борьбы» от зарождения до самороспуска, на-

чатую в первом издании антологии. С любезного согласия составителя я перепечатаваю значительную часть материалов со ссылками на эту книгу, как впервые им опубликованных, так и ранее изданных мной и другими исследователями, но заново им сверенных с рукописями, дополненных и откорректированных.

Отдельная благодарность Ирине Дьяковой за помощь в подготовке рукописи к печати.

*В. И. Кейдан.
Москва — Рим, 2018*

Философская энциклопедия переживания русской жизни

Двадцать один год назад в российском философском обществе произошло событие, имеющее важное культурно-историческое значение. В издательстве «Языки русской культуры» вышла книга «Взыскующие града» (публикация и комментарии В. И. Кейдана). Пожалуй, впервые в таком объеме (753 страницы формата 70 на 100) было представлено эпистолярное наследие русских философов начала XX века. Эта книга, конечно, оказала влияние на широкий круг интеллектуалов, но особенно — на историков философии (как русской, так и западноевропейской). Она показала, что у русской философии начала XX века есть особый эпистемологический стиль, проступающий сквозь разговор в письмах, сохранившихся в архивах. Многие исследователи, прочитав эту книгу, открыли для себя русскую философию заново и обратились к архивам, разбросанным по всему миру. А составитель Владимир Кейдан продолжил работу и задумал расширенный многотомный вариант, включающий эго-документы русских философов (XIX–XX веков).

Казалось бы, зачем нам сегодня эпистолярное наследие русской философии? Ведь еще в 2002 году известный философ-архивист Владимир Янцен говорил, что время поспешной публикации архивов русских философов прошло, необходимо

интеллектуальное переосмысление и актуализация их наследия. Действительно, за эти почти двадцать лет XXI века было издано немало архивных документов (в том числе эпистолярных), началось и переосмысление (я имею в виду масштабный проект книжной серии «Философия России первой половины XX века»). Тем не менее новое издание многотомника «Взыскующие града» найдет своего читателя, и не только специалиста-профессионала. Актуальность хронологически выстроенных писем, дневников, воспоминаний философов XIX–XX веков в том, что они дают нам возможность понять самих себя в наше тревожное время и тем самым позволяют вернуться в начало XX века, заговорить с русскими философами о насущных проблемах, понять их переживания, их боль за происходящее и их желания. Словом своим сделать мир лучше.

Вторая книга второго издания антологии «Взыскующие града» открывается новогодним посланием И. М. Гревса Вяч. Иванову. Однако поздравление — на втором плане, на первом — переживание за другого, тревога (за родного человека, за корректуру, за неответ). Экзистенциальное переживание тревожного времени 1901–1904 годов становится лейтмотивом этой книги. Мы улавливаем звучание этой темы в каждом послании, хотя выражается она по-разному, в зависимости от авторского настроения, эмоциональной напряженности, социальной и интеллектуальной атмосферы, религиозно-философского мироощущения. («Академический год начинается при дурных предзнаменованиях», — сообщает Сергей Булгаков Петру Струве в октябре 1901 года. «Все вести газетные имеют-таки тревожный характер!» — пишет Вяч. Иванов И. М. Гревсу в 1902-м. «Тревога Церкви — должна была случиться», — говорит Дмитрий Мережковский Василию Розанову в 1903-м.

Перед нами энциклопедия переживания русской жизни (перефразируя В. Г. Белинского). Только в отличие от «Евгения Онегина», где представлены все аспекты русского общества того времени, здесь — совокупность откликов на происходящее: от эмоционального выражения события, с одной стороны, до его интеллектуальных оценок — с другой. Как Пушкину

было достаточно иногда одного слова, чтобы рассказать о том, что «...принадлежит исключительно к миру русской природы, к миру русского общества», так и философам в экзистенциальных свидетельствах достаточно иногда одной фразы, чтобы сквозь переживание выразить происходящее. И поскольку мыслитель сам формирует свое «происходящее», постольку публикуемые здесь экзистенциальные свидетельства открывают нам богатейший слой русской интеллектуальной культуры того времени. Нам важно, что тревога о здоровье близкого человека может соседствовать в письме с тревогой о завтрашнем дне страны или о недописанной книге. И это правдиво. Они ведь не рассчитывали, что письма попадут к нам, а потому писали друг другу, заключив своего рода «экзистенциальный пакт» честности. Осознание открытости эпистолярного наследия, его непредназначенности для нас не только придает этим свидетельствам особую ценность, но и налагает на современных читателей нравственную ответственность за интеллектуальное высказывание. Мы должны понимать, что «мир», в котором русская философия в начале XX века обретала себя, несмотря на все разрывы и пропасти, был целостным в нравственных и интеллектуальных основаниях. Они хотели видеть его таким. И эта целостность проступает сквозь тематическое многообразие переживаний, выраженных в эпистолярном дружеском общении русских философов. Здесь переплетаются обсуждения семейного вопроса в России и монастырской жизни, аристократизма и студенческих волнений, отлучения Льва Толстого и цензуры его произведений. Спорили о книгах и философских понятиях, не соглашались друг с другом до колких перебранок, а иногда просто признавались друг другу в самом сокровенном, любили и ненавидели.

При этом хронологическое переплетение писем создает особое стереоскопическое видение сферы разговора, в которой мысль понимается. В ней слышны голоса и тех, кто говорит «иносказательно», и тех, кто называет вещи своими именами. Каждое письмо соткано из нюансов, часто непонятных для нас. Но благодаря масштабной работе составителя мы узнаем

русскую философию в ее сфере разговора, в динамике неформальных связей и отношений. Опубликованные произведения русских философов того времени предстают иначе в свете эпистолярного наследия. Мы видим, как меняется философский мир России, как преобразуются от письма к письму понятийные интонации, открываем для себя новые имена, способы обсуждения «несозревших мыслей» и благодаря этому начинаем по-иному понимать самих себя в этом меняющемся «тревожном» мире. Лишь таким образом мы можем погрузиться в мир русской интеллектуальной культуры, чтобы продолжить ее традиции. Только так мы можем понять слова Василия Розанова, обращенные к Петру Перцову: «меня душит моя правда». Ведь для философии важны не столько конструкции сами по себе, сколько «бахрома» смыслов, в которой они возникают. Дело ведь не в яркости метафоры «апофеоз беспочвенности», но в том, почему Лев Шестов это сказал, претендуя на мудрость, что творилось в России в это время. Почему именно это было важно сказать тогда и почему это остается современным уже более века. Значима не только сама по себе «философия хозяйства» Булгакова, но и вопрос о том, что в России заставило его обратиться к этой теме. В эпистолярном наследии мы можем найти ответы на такого рода вопросы.

Взыскующие града — это философы, ищущие Заслуженного собеседника, человека, с которым можно этот град строить. Они создают этот град в письмах, они общаются. Их личные отношения и переживания важны для понимания внутренних мотивов русской интеллектуальной культуры. Как они шли от «Проблем идеализма» через «Вехи» к сборнику «Из глубины» и как страна дошла до социального «вывиха»? В наши дни, когда мы переживаем последствия другого социального «вывиха», эта книга звучит как призыв к осмыслению.

Итак, выйдем к Нему за стан, нося Его поругание;

Ибо не имеем здесь постоянного града, но ищем будущего...

Татьяна Щедрина
Москва, сентябрь 2018

ВЗЫСКУЮЩИЕ ГРАДА 1901 год

И. М. Гревс¹ — Вяч. И. Иванову²

[3/16.01.1901. СПб.]

Каменноостровский, 24.

3 января 1901.

Дорогой Вячеслав Иванович.

Первого письма Вашего я не получал; на второе, простите, не сразу отвечаю, так как приходится переживать очень тяжелое и тревожное время: серьезно больна тяжелым брюшным тифом наша Шура, болезнь длится уже тре-

¹ Иван Михайлович Гревс (1860–1941) — русский и советский историк, медиевист, специалист по истории Римской империи, педагог, краевед и общественный деятель. Теоретик и проводник экскурсионного метода в преподавании истории.

² Печатается с комментариями по: История и поэзия: Переписка И. М. Гревса и Вяч. Иванова. / Изд. текста и коммент. Г. М. Бонгард-Левина, Н. В. Котрелева, Е. В. Ляпустиной. М., 2006. (Далее: Переписка Гревса и Вяч. Иванова). С. 231–232.

Вячеслав Иванович Иванов (1866–1949) — философ, переводчик, поэт-символист, учился в Московском и Берлинском университетах. В 1896 г. познакомился с Владимиром Соловьевым, в 1903–1904 гг. — с В. Я. Брюсовым, К. Д. Бальмонтом, Д. С. Мережковским, А. А. Блоком. С 1905 г. по средам собирал кружок символистов у себя на квартире на углу улиц Таврическая и Тверская в Санкт-Петербурге (т. н. «башня» Иванова). С 1913 г. жил в Москве. В 1921–1924 гг. — профессор университета в Баку; с 1924 г. и до конца жизни жил в Италии, где в 1926 г. принял католичество и преподавал в различных учебных заведениях, в том числе в Папском Восточном институте в Риме.

тью неделю и остается в полном разгаре. Новую корректуру я Вам отправил в Женеву, не прикоснувшись к ней, боялся трогать до Вас. Прежние листы постараюсь прочесть и переслать Вам как можно скорее³. Не сердитесь на меня, действительно, тревожно живется.

Поздравляю Вас и Лидию Дмитриевну⁴ с новым годом и веком, желаю всякого благополучия от всей души. Пожалуйста, присылайте дальнейшие распоряжения и не думайте, что это дело меня затрудняет; я только боюсь, что задержка была для Вас досадна.

Больше писать не могу.

Душевно преданный Вам

Ив. Гревс

А. В. Ельчанинов⁵ — П. А. Флоренскому⁶

[15.02.1901. СПб. — Москва]

Бергмана оба тома я выслал тебе сегодня утром; купил я его у букиниста за 6 руб. в переплете. Как я писал тебе

³ Гревс наблюдал за набором первой книги стихов Иванова «Кормчие звезды», сданной в типографию, когда Иванов был в Петербурге летом 1900 г. («Книга уже с месяц как печатается в типографии Суворина», — писал Иванов А. В. Гольштейн 20 августа 1900 г. из Копорья; см.: Переписка Вяч. Иванова с А. В. Гольштейн / Сост. и коммент. М. Вахтель и О. А. Кузнецовой // *Studia Slavica Hungaricae*. Budapest. 1996. Т. 41. Р. 349).

⁴ Лидия Дмитриевна Зиновьева-Аннибал (1866–1907) — писатель, супруга В. И. Иванова.

⁵ Александр Викторович Ельчанинов (1881–1934) — одноклассник в гимназии и друг П. А. Флоренского и В. Ф. Эрнэ. Учился на историко-филологическом факультете Петербургского университета. Публицист, автор ряда статей на религиозно-философские темы, первый секретарь Московского Религиозно-философского общества памяти Вл. Соловьева (МРФО). В 1921 г. покинул Россию, жил во Франции, был видным деятелем Христианского студенческого движения молодежи. В 1926 г. по благословению о. Сергия Булгакова принял священство. Умер в Париже и похоронен на кладбище Триво в Медоне под Парижем.

⁶ Печатается с комментариями по: Переписка 1900–1902 гг. между А. В. Ельчаниновым и П. А. Флоренским / Публ. и примеч. Н. Н. Павлюченкова // *Вестник ПСТГУ* I. 2010. Вып. 3. (Далее: *Павлюченков*, ВПСТГУ 2010/3.) С. 86–87.

и Эрну⁷, Виндельбанд⁸ еще не вышел, хотя Риккер (книготорговец) уверяет, что ему пора уже выйти; Мальбранш⁹ тоже. Напишите, выслать вам ваши оставшиеся деньги или подождать выхода книг; потом, я забыл, покупать ли Эрну Введенского: «О видах веры», «Об условиях допустимости веры в смысл жизни» и «О пределах и признаках»¹⁰; пусть напишет. Как у вас настроение? У нас что-то готовится, вчера распространился очень сенсационный слух о покушении на Боголепова¹¹.

Твой А. 1901 15/II

⁷ Владимир Францевич Эрн (1882–1917) — студент, затем доцент и профессор философии Московского университета. Друг и соученик П. А. Флоренского и А. В. Ельчанинова по тифлисской гимназии и университету, религиозный мыслитель, историк философии, публицист, один из организаторов «Христианского Братства Борьбы» (ХББ) и МРФО. Преждевременно скончался от нефрита в 1917 г. на квартире своего друга Вяч. Иванова в Москве. В юности был близок Белому и другим московским символистам.

⁸ Скорее всего, имеется в виду перевод «Истории новой философии в ее связи с общей культурой и отдельными науками» (1880) Вильгельма Виндельбанда (Windelband, 1848–1915), знаменитого немецкого историка философии, главы Баденской школы неокантианства, выполненный, под редакцией А. И. Введенского, слушательницами Высших женских курсов. Однако в это же время в Петербурге вышло еще несколько изданий различных работ этого автора, в том числе «Истории древней философии с приложением Истории философии средних веков и эпохи Возрождения» (1898), «История и естествознание» (1894), «Платон» (1900).

⁹ Николая Мальбранш (Malebranche, 1638–1715) — французский философ-окказионалист, стремившийся переработать идеи Декарта в духе религиозной философии в свете идей блж. Августина. Его основной труд «Разыскание истины» вышел в издательстве Риккера в двух томах в 1903 и 1906 г.

¹⁰ Имеются в виду работы А. И. Введенского: «Условие допустимости веры в смысл жизни: Публичная лекция» (1896), «О видах веры в ее отношении к знанию» (1893), «О пределах и признаках одушевления» (1892).

¹¹ Николай Павлович Боголепов (1846–1901) — ученый и государственный деятель, профессор римского права, в 1883–1887 и 1891–1893 гг. ректор Московского университета, в 1900 г. в целях подавления беспорядков в университете отдал свыше 180 студентов в солдаты. С 1898 г. — министр просвещения. Смертельно ранен 14 февраля 1901 г. бывшим студентом Карповичем, членом боевой организации партии социалистов-революционеров.

В. В. Розанов¹² — П. П. Перцову¹³

[19.02.1901]

19/II 1901.

Дорогой Петр Петрович! Очень меня замучило предисловие к книге¹⁴. Очень бы нужно было это время повидать Вас, да Вы не шли, а у меня так смутно было на душе, что просто пера взять не мог, чтоб черкнуть «придите». У Вас же я вечно (без предварительного списания) целую замок.

В конце концов 2 предисловия написал, оба набрали в типографии, и оба изорвал. Туман, путаница и сумбур. В конце концов написал сегодня 3-е, которое есть только перечень журналов, в которых печаталось. Как только выйдет, конечно, повторю и объявление о прежних книгах. Вообще,

¹² Василий Васильевич Розанов (1856–1919) — русский религиозный философ, литературный критик и публицист.

¹³ Мемориальный архив Мемориального Дома-музея Дурылина (Далее: МА МДМД). Фонд П. П. Перцова. КП 270/3. Л. 30–31. Маш. копия. Петр Петрович Перцов (1868–1947) — русский поэт, прозаик, публицист, издатель, искусствовед, литературовед, секретарь журнала «Новый путь» (1903–1904).

¹⁴ Речь идет о предисловии к 1-му изданию сборника статей Розанова «В мире неясного и нерешенного» (1901), которое начинается следующим абзацем: «Собранные здесь статьи были напечатаны в 1898 и 1899 гг. в “Биржевых Ведомостях”, “Гражданине”, “Новом Времени”, “Русском Труде” и “С.-Петербургских Ведомостях”, — и все касаются некоторых темных и неясных областей бытия и знания. Я позволил себе к ряду своих статей присоединить, под рубрикой “Полемиические материалы”, очень ценные мне возражения, или разъяснения, или продолжения моей мысли, сделанные в названных же журналах гг. Н. Аксаковым, Гатчинским Отшельником, И. Колышко, П. Кусковым, Мирянином, В. Петерсенем, Православным, И. Рудневым, А. У-ским и С. Шараповым, — внимание которых к заинтересовавшей меня области пробуждает во мне чувство самой живой признательности». Далее продолжает: «Дать почувствовать семью как ступень поднятия к Богу — вот простая и ясная цель собранных здесь статей. СПб., 1901 г.». *Розанов В. В. Собрание сочинений. В мире неясного и нерешенного / Под общ. ред. А. Н. Николюкина. М., 1995. С. 7.*

башка глупа, и это самое скверное состояние. Что Вы? как Вы? Что пишете? Как с Дмитрием Сергеевичем¹⁵? Об этом черкните. Он все больше мне нравится. Простой и прямой человек, т.е. из прежней истерии стал выходить на пути простые и ясные. Ему бы в Казани пожить или где-нибудь на Руси. А то он слишком петербуржец, и от этого была вся его болезнь и слабость. А Вы напрасно ничего не пишете. Старое слабеет, молодое должно крепнуть. Разве нет тем? — Целое море. Мне немножко больно, что, не соиздаваясь, Вы точно охладели ко мне? Или заняты? Это бы лучше. Впрочем, у Вас по душе проходят временами полосы осени, а затем опять солнце, и я думаю, что всегда сумею выждать солнца.

Я от Вас так много видел положительного, что не отвалюсь при отрицательных «штрихах». — Что Вы мне ничего не написали об «Еврейской песне»? Понравилась? Нет?

Ваш В. Розанов.

Бакст с меня пишет большой портрет¹⁶, и — о, суета сует! — я очень рад. Не видел (он запретил мне смотреть), но говорят все, что чудесно выходит. Особое ощущение.

¹⁵ Дмитрий Сергеевич Мережковский (1865–1941) — писатель, публицист, общественный деятель. Вместе с женой З. Н. Гиппиус, В. В. Розановым, В. А. Тернавцевым и В. С. Миролубовым организовал в 1901–1903 гг. в Петербурге религиозно-философские собрания (РФС), ставшие началом «русского религиозно-философского возрождения». Поддерживал революцию 1905–1907 гг., стремясь заразить революционным пафосом духовенство и верующий народ. После провала революции Мережковские эмигрировали в Париж, где опубликовали по-французски сборник статей «Царь и революция» (1907), а в 1908 г. вернулись в Россию.

¹⁶ Лев Самойлович Бакст (Лейб-Хаим Израилевич Розенберг, 1866–1924) — художник, сценограф, иллюстратор и дизайнер, работавший преимущественно в Санкт-Петербурге и Париже. Мастер станковой живописи и театральной графики, участник объединения «Мир искусства» и театрально-художественных проектов С. П. Дягилева, один из законодателей европейской моды на экзотику и ориентализм в начале XX века. Л. С. Бакст. Портрет В. В. Розанова. 1901. Бумага на кар-

В сущности, это ужасно важно, ибо лица человеческие не повторяются, и как ведь нужно бы каждому оставить с себя вечную маску. —

Напишите мне веселое письмо, а то ночь на душе.

Да неужели же Вы ничего и никуда не пишете? Ведь это значит у Бога даром хлеб есть.

В. В. Розанов — П. П. Перцову¹⁷

[22.02.1901]

22/II 1901.

Дорогой Петр Петрович! Спасибо, что не забываете меня. Посылаю обложку, верните ее. А что бы Вам в «Новом Времени» черкнуть о докладе Мережковского; ведь все равно, если не слушали, понимаете же, в чем дело. Вы замечаете ли, что листы «Нового Времени» стали сокращать: «Новое Время» стало идти несмотря на колоссальные объявления, в убыток по вздорожанию бумаги и по чудовищному количеству бумаги. Гонорары — ничего не стоят, и Суворины на них плюют, но 50.000 квадратного вершка бумаги¹⁸ уже влетает в рубли. Мне еще с осени того года говорил Гей¹⁹, что объявления в «Новом Времени» приносят положим не 70% чистого барыша, как в «России»²⁰, а только 7% в зависимости от колоссальной стоимости бумаги. Не зная сих подробностей, мы судим старика. Ваш преданный В. Розанов.

тоне, пастель, гуашь. 106,5 × 70,9. Государственная Третьяковская галерея.

¹⁷ МА МДМД. КП 270/3. Фонд П. П. Перцова. Маш. копия. Л. 32.

¹⁸ 98,79 м². По-видимому, речь идет о расходе бумаги на печатание объявлений в однодневном тираже газеты.

¹⁹ Богдан Вениаминович Гей (1848–1916) — внешнеполитический обозреватель «Нового времени».

²⁰ «Россия» — ежедневная газета либерального направления (1899–1902), издатель-редактор Г. П. Сазонов.

Сегодня мы в оперу, завтра — тоже, но, кажется, в субботу я дома. Приходите. Ал. Мих. уже давно не служит в «Торгово-промышленной газете»²¹, но, верно, у меня отыщем №.

К. И. Чуковский²². Дневник²³

[24.02.1901. Одесса]

1901. 24 февраля, вечер в Субботу.

Странно! Не первый год пишу я дневник, привык и к его свободной форме, и к его непринужденному содержанию, легкому, пестрому, капризному, — не одна сотня листов уже исписана мною, но теперь, вновь возобновляя это занятие, я чувствую какую-то робость. Прежде, записывая веденье дневника, я условливался с собою: он будет глуп, будет легкомыслен, будет сух, он нисколько не отразит меня — моих настроений и дум — пусть! Ничего! Когда перо мое не умело рельефно и кратко схватить туманную мысль мою, которую я через секунду после возникновения не умел понять сам и отражал на бумаге только какие-то общие места, я не особенно пенял на него, и, кроме легкой досады, не испытывал ничего. Но теперь... теперь я уже заранее стыжусь каждого своего неуклюжего выражения, каждого сантиментального порыва, лишнего восклицательного знака, стыжусь этой неталантливой небрежности, этой неискренности, кото-

²¹ «Торгово-промышленная газета» — ежедневное официальное издание Министерства финансов России (СПб., 1893–1918), редактор М. М. Федоров. По воскресеньям выходило литературное приложение, беллетристического и критического содержания.

²² Корней Иванович Чуковский (Николай Васильевич Корнейчуков, 1882–1969) — русский советский поэт, публицист, литературный критик и литературовед, переводчик, мемуарист, детский писатель.

²³ Печатается с комментариями по: *Чуковский К. И. Дневник*. Т. 1 / Подг. текста и коммент. Е. Ц. Чуковской. Вступ. статья В. А. Каверина. М., 1991. С. 8–11.

рая проявляется в дневнике больше всего, — стыжусь перед нею, перед Машей²⁴. Дневника я этого ей не покажу ни за что.

Боже мой, какая риторика! Ну разве можно кому-нибудь показать это? Подумали бы, что я завидую славе Карамзина. Ведь только я один, припомнив свои теперешние настроения, сумею потом, читая это, влить в эту риторику опять кусок своей души, сделать ее опять для себя понятной и близкой, а для другого — я это отлично понимаю (...)
(Страница оторвана. — *Е. Чуковская*).

[2.03.1901]

2 марта. Странная сегодня со мною случилась штука. Дал урок Вельчеву, пошел к Косенко. Позанялся с ним, наведался к Надежде Кириановне²⁵. Она мне рассказывала про монастыри, про Афон, про чудеса. Благоговейно и подобострастно восхищался, изменялся в лице каждую секунду — это я умею. Ужасался, хватаясь за голову, от одного только известия, что существуют люди, которые в церковь ходят, чтобы пошущукаться, показаться, а не — и т.д. Несколько раз, подавая робкие реплики, назвал атеистов мерзавцами и дураками.

И так дальше. Вдруг на эту фальшивую почву пало известие, что Льва Толстого отлучили от церкви. Я не согласен ни с одной мыслью Толстого (...) и неожиданно для самого себя встаю с кресла, руки мои, к моему удивлению, начинают размахиваться, и я с жаром 19-летнего юноши начинаю цитировать.

40 лет, говорю я, великий и смелый духом человек на наших глазах кувыркается и дергается от каждой своей мысли, 40 лет кричит нам: не глядите на меня, заложив руки

²⁴ Мария Васильевна (Ивановна, Эммануиловна) Корнейчукова (в замужестве Лури) (1879–1934) — сестра К. И. Чуковского. — *В. К.*

²⁵ Надежда Кирияковна Макри — вдова, владелица дома № 6 по Новорыбной улице в Одессе, где прошло раннее детство Чуковского. — *В. К.*

в карманы, как праздные зеваки. Корчитесь, кувырчайтесь тоже, если хотите познать блаженство соответствия слова и дела, мысли и слова... Мы стояли, разинув рот, и говорили, позевывая: «Да, ничего себе. Его от скуки слушать можно»... и руки наши по-прежнему были спрятаны в карманы. И вот... наконец мы соблаговолили вытащить руки, чтобы... схватить его за горло и сказать ему: как ты смеешь, старик, так беспокоить нас? Какое ты имеешь право так долго думать, звать, кричать, будить? Как смеешь ты страдать. В 74 года это не полагается...» И так дальше. Столь же торжественно и столь же глупо...

Т. е. не глупо, говорил я в тысячу раз сильнее и умнее, чем записал сейчас, но зачем? Как хорошо я сделал, что не спросил себя: зачем? Какое это счастье! (...) Говорил я свою речь, говорил, и так мне жаль стало себя, Толстого, всех, — что я расплакался. Что это? Вечное ли присутствие Маши «в моей душе», присутствие, которое делает меня таким глупым, бессонные ли ночи или первая и последняя вспышка молодости, хорошей, горячей, славной молодости, которая... Маша! Как бы нам устроить так, чтобы то, от чего мы так бежим, не споймало нас и там? Я боюсь ничтожных разговоров, боюсь идиллии чайного стола, боюсь подневольной, регламентированной жизни. Я бегу от нее. Но куда? Как повести иную жизнь? Деятельную, беспокойную, свободную. Как? Помогите мне...

Говорю я это и не верю себе ни в грош. Может быть, мне свобода не нужна. Может быть, нужно мне кончать гимназию. (...)

К июню научимся английские книги читать, лодку достанем. Май на лодке, июнь и вообще лето где-нибудь в глущи Кавказа, денег бы насобрать и марш туда! А чтобы денег насобрать — работать нужно. Как, где, что? Не знаю. Но знаю, что не пропадем. Только заранее нужно теоретически поставить вопрос, когда, от каких причин возникает обыденность, скука, сознание взаимной ненужности, как пропадает та таинственность (я готов сказать:

поэтичность) отношений, без которых такие люди, как мы с Машей, не можем ничего создать, не можем ни любить, ни ненавидеть... Мы хотим обмана, незнания, если обман и незнание дают счастье. (...) Как же достичь этого лучшим манером? 1) Не быть вместе. Т. е. занять бо́льшую часть дня отдельной работой. Вместе больше работать, чем беседовать. Жить отдельно (...) Обедов не устраивать. Домашний обед — фи! Совсем как Ключе²⁶ с Геккер²⁷... Молоко, какао, яйца, колбаса — мало ли что? Лишь бы не было кастрюль, салфеток, солонок и др. дряни... Это первый путь к порабощению. Я уверен, что какой-нибудь кофейник — гораздо больше мешает двум людям порвать свою постылую жизнь, чем боязнь сплетен, сознание долга (...) Долой эти кофейники, эти чашки, полочки, карточки, рамочки, амурчики на стенках. Вообще, все лишнее и ненужное! Смешно! (...)

²⁶ Адольф Готлибович Ключе — народоволец, в 1887–1893 гг. находился в ссылке в Якутской области на Колыме и до 1901 г. в Олекминске. Под псевдонимом А. К. писал о жизни якутов и тунгусов: Из жизни угасающего племени (В защиту инородцев). СПб., 1898; Томск, 1899; Александр, возчик прокаженных (Очерк из жизни прокаженных Дальнего Севера) // Дорожник по Сибири и Азиатской России. Томск. 1901. № 1–3; Очерки колымской жизни // Сибирский наблюдатель. Томск. 1902. № 2. С. 55–69; № 3. С. 71–91; № 4. С. 43–64; Первый клиент (Рассказ из быта якутов) // Вестник Европы. 1905. № 7. С. 88–111. Написал также: Повесть о черной лисице (Рассказ из жизни полярных окраин Сибири) // Дорожник по Сибири и Азиатской России. Томск. 1901. № 1. С. 28–46; № 2. С. 55–69; № 3. С. 71–91; № 4. С. 43–64; Сибирский наблюдатель. Томск. 1901. № 5. С. 34–38. Писатели Восточной Сибири. Биобиблиографический указатель. Иркутск, 1973. С. 22–23. Здесь как пример аскетической жизни.

²⁷ Наум Леонтьевич Геккер (1861–1920) — российский журналист, критик (псевдоним Былой), этнограф. Народник. Арестован в 1881 г. по обвинению в революционной деятельности. Отбывал срок в Сибири. В 1889 г. после истязаний тюремным надзирателем предпринял попытку самоубийства. После освобождения жил в Якутской области. Печатался в «Восточном обозрении», «Одесских новостях», «Сибирской жизни», «Русском богатстве», «Современнике», «Северных записках», «Заветах», «Сибири» и других. Здесь как пример аскетической жизни.

[7.03.1901]

1901. Март. 7-го, среда

(...) Красота и больше ничего! Красиво сказать:

Товарищ, верь: взойдет она,
Заря пленительного счастья,
Россия вспрянет ото сна,
И на обломках самовластья
Напишут наши имена!

(Чаадаеву, 1818 г.)

Пушкин говорит. Но с другой стороны, очень красив и такой возглас:

«Зависеть от властей, зависеть от народа — не все ли нам равно?»

(1836 г., Пиндемонте якобы)

Он и возглашает.

И не в возгласе дело. А в настроении. Красиво и упоительно быть пророком отчизны своей — вот вам «Клеветники России», где Наполеон назван наглцом, а вот вам в «Пиндемонте»:

не все ли мне равно, свободно ли печать морочит олухов
иль чуткая цензура в журнальных замыслах стесняет балагура?

Все равно! Ну а в послании к цензору (1824 г.):

Скажи: не стыдно ли, что на святой Руси,

Благодаря тебя, не видим книг доселе?

Стыдно. Человек, которому все равно, пристыживает... Скажут, разница лет. Убеждения переменялись. Под влиянием чего? Ерунда! Для таких людей, как он, — убеждения не нужны. Пишет он Чаадаеву — думаешь, вот строгий ригорист, вот боец. Чуть не в тот же день он посылает Кривцову²⁸ письмецо, о содержании которого отлично дает понятие такой конец: «люби недевственного брата, страдальца

²⁸ Николай Иванович Кривцов (1791–1843) — воронежский и нижегородский губернатор, друг и адресат нескольких стихотворений Пушкина. — В. К.

чувственной любви». Просмотреть письма — прелесть. В письме к каждому лицу он иной: к Вяземскому — пишет один человек, к Чаадаеву другой; и тип этот выдерживается на протяжении 30 писем. Выдерживается совершенно невольно, благодаря внутреннему чутью художественной правды, выдерживается невольно, я готов даже сказать: против воли. Он сам не понимал себя, этот бесконечный человек, он всячески толковал про какую-то особую свободу, про какие-то права, объяснял себе себя: хотел сделать себя типом каким-то, для себя хотел типом быть, в рамки себя заключить. Прочитать его письма к Керн. Это милый шалун, проказник, славный малый, рубаха-парень — и весь тут, кусочка нельзя предположить лишнего, вне этого определения. Вот образчик тона этого письма: «Вы пишете, что я не знаю вашего характера — да что мне за дело до вашего характера? Бог с ним! разве у хороших женщин должен быть характер? Главная вещь — глаза, зубы, руки и ноги!.. Если б вы знали, какое отвращенье, смешанное с почтением, я питаю к вашему супругу. Божество мое! Ради Бога, устройте так, чтоб он страдал подагрой. Подагра! Подагра! Это моя единственная надежда!» Ну и вдруг:

Я помню чудное мгновенье:

Передо мной явилась ты, —

я не знаю лучшего стихотворенья.

Соединить и то и другое — вот он истинный, живой.

В. В. Розанов — П. П. Перцову²⁹

[*Март 1901*]

Дорогой Петр Петрович! Спасибо и за письмо, и за то, что посетили наш дом и аккуратно отписали. Спасибо

²⁹ МА МДМД. Фонд П. П. Перцова. КП 270/3. Л. 35–36. Открытка из Италии. Адрес: Россия, Казань Его Высочайшему Петру Петровичу Перцову (свой дом). Маш. копия.

за все, дружок. Здесь хорошо; только трудно в смысле физического движения и тоже «аккуратности» в дневном поведении. Пансион — отличный, очень дешевый и вкусный. Здесь стояли (сужу по книге фамилий) Нестеров, Васнецов, Вельяминов и Зернов (Киевский попечитель). Монет собрал до 130, и моя коллекция почти удвоится. Есть интересные, отличные есть, но нет вакхов и змеек, какими Вы меня угостили. Но исторически и эстетически они более интересны, чем все прежние. Оказывается, по средам здесь есть толкучка старья, по преимуществу художественного и исторического, и тут можно многое купить. Да и вообще, «в Риме быть бы богачом». Тут ведь и классических бронз еще можно найти. А что «Мир искусства»? Что же Вы не сообщили хоть содержание «интереснейшего номера». Как все в наших рядах смутно и или лениво, или «в душах пребывает», как мой друг из Казани, но я думаю, что если что слагается и сложится, то все-таки в России. Очень уж мы прытки в будущее, так и рвемся [пропуск], и только от «Русской мысли» до «Мира искусства» — спорим. куда? А что [пропуск], об этом никто не спорит. Здесь только стараются «удержаться на ногах». Целую и благодарю. Варвара Дмитриевна³⁰ Вам кланяется.

Ваш любящий В. Розанов

А ведь я тоже «на счет папаши путешествую» (1000 р.), только с прибавкой своих 300.

В. В. Розанов — П. П. Перцову³¹

[Март 1901]

Дорогой Петр Петрович! К Вам сегодня или завтра придет агент Российского общества страхования жизни наве-

³⁰ Варвара Дмитриевна Бутягина (1864–1923) — супруга Розанова.

³¹ Там же. Л. 37. Открытка. Адрес: Здесь. Пушкинская, Пале-Рояль, Его Высочайшему Петру Петровичу Перцову.

сти обо мне всяческие справки о здоровье и прочем. Дайте хороший аттестат о поведении, а о здоровье кроме неврастении ни о чем не упоминайте, а письмо сожгите, чтобы ему на глаза не попало.

Ваш В. Розанов.

В. В. Розанов — П. П. Перцову³²

[13.03.1901]

13/III 1901.

Спасибо, дорогой, за адреса и об детях. Не откажитесь Александре Бутягиной³³ написать адреса: в Рим, Флоренцию и Венецию, начертание.

О детях я много думал. Года 4 назад я с восторгом ухватился бы за «концепцию» развода и узаконения. Кое-что в этом роде и было: сознавая всю правоту, я написал через Рачинского Победоносцеву некое уныло-раздраженное письмо, что собственно до термина «незаконнорожденные» мне дела нет, но имею права требовать и требую, чтобы дети получили мою фамилию и были за мною записаны моими детьми, с какими угодно добавлениями, хоть «вверх ногами рожденные». Рачинский³⁴ — сушь, а Победоносцев³⁵ доб-

³² Там же. Л. 37–40. Открытка. Адрес: Здесь. Пушкинская, Пале-Рояль, Его Высочордию Петру Петровичу Перцову.

³³ Александра Михайловна Бутягина (1883–1920) — дочь В. Д. Бутягиной от первого брака, падчерица В. В. Розанова.

³⁴ Сергей Александрович Рачинский (1833–1902) — российский педагог, просветитель, ботаник и математик, член-корреспондент Императорской академии наук.

³⁵ Константин Петрович Победоносцев (1827–1907) — русский правовед, государственный деятель консервативных взглядов, писатель, переводчик, историк церкви, профессор; действительный тайный советник. Главный идеолог контрреформ Александра III. В 1880–1905 годах занимал пост обер-прокурора Святейшего синода. Член Государственного совета (с 1872 г.).

рый человек и очень любит детей. Но через него ответил, что «даже Государь этого сделать не может». Я задумался: «коли Государь не может, значит препятствует другое», — и до того наивен, — в первый раз догадался, что потому что поперек формального, глупого признания, грошовой записи, но кровно нужной, и которой если нет — дети всю жизнь будут ужасно страдать (девочки — вероятные проститутки, по нищенству, т. е. в те поры, когда я об этом просил), стоит поперек всего этого, и именно точные и определенные его слова, Вами приведенные в «Эквилибристике В. В. Розанова», и которых само собою не может нарушить, да и парализовано ее сердце этими же словами именно детей и женщин.

Словом, после годов, я увидел, в чем дело и полный объем вопроса. Эту зиму добрые люди (Тернавцев³⁶ и Скворцов³⁷ предложили Варе это же все устроить и что будут самые сильные протекции, — но как-то мое сердце не прилегло к этому и не обрадовалось, а заплакало. «Ну, я проскочу, “с протекцией”, а как же остальные?»

Вообще тут ужасная мировая путаница. Суть аристократизма (не худого, а духовного) заключается в неотделении от младших и даже несколько более дурных (другие, менее счастливые, чем у меня, нравственно «незаконные» же «дети»). Вообще, суть аристократизма — в братстве. «Мы — одно, и одна нам судьба». Разбойничий принцип, но хоро-

³⁶ Валентин Александрович Тернавцев (1866–1944) — богослов либерального направления, религиозно-общественный деятель и публицист, чиновник особых поручений при обер-прокуроре Святейшего Синода, вместе с Д. Мережковским и З. Гиппиус был организатором РФС в Петербурге в 1903–1904 гг., участник и организатор ПРФО.

³⁷ Василий Михайлович Скворцов (1859–1932) — русский публицист, участник монархического движения, редактор-издатель журнала «Миссионерское обозрение» (1896–1916) и церковной газеты «Колокол» (1905–1917), чиновник Святейшего Синода. Участвовал в организации РФС по поручению обер-прокурора Синода К. П. Победоносцева и был фактическим цензором выступлений на этих собраниях и в редакции журнала «Новый путь». Стронник имяславия.

ший, и ведь «разбойник со Христом», так что даже и с Вашей «концепции» это не весьма худо. Словом мировая проблема «незаконного ребенка» встанет во всем своем объеме, если «незаконные» упрутся именно перед, на пороге «законности» и скажут: «нет, уж как было, так пусть и останется».

А теперь разберем. «Практический» выход, собственно, есть: я «даю Вам в крещение ребенка, если обратно вы восстановите нашу кровную связь», т. е. при рождении сказать священнику или Синоду: «родился, но я его крестить не буду [без] записи его законным». Но «лукавое семя» или «семя Лукавого» ответит: «не крестите, не настаиваем», — и ведь что же, с крещением связан паспорт и некрещеный есть просто «беспаспортный». Таким образом, отец и ребенок останутся в дураках. Да при столь ясном сопротивлении, пожалуй, и уголовщина грозит. Так что лучше все «по-маленьку да потихоньку».

Едем в среду или в четверг.

Ведь христианство объявляет себя абсолютной правдой и должно «выдержать свою роль». Оно и выдерживало через вид «прощения», — «Ты проскочи в дыру, а я прощу». Так всё и было. Но если сказать обратно: «нет, уж ты проскочи в дыру, а я посмотрю», т. е. ты изловчись и ухитрись в нравственно правом деле взять сторону правых, поправившись в себе и т. д. Ну, поговорим еще, и некогда, и устал. Мне прожить бы 10 лет бодро еще, и тогда я думаю это дело довести до конца. Я вовсе не раздраженно стреляю в «направлении к северу», но иду узкой и определенной тропинкой, и нельзя встать в конец, не пройдя ее всех извилин («колена» спора). Дай мне «Новое Время» право написать на эту тему 12 фельетонов, разные линии спора, и через год я поднял бы вопрос о том, что или церковь или государство:

1) Меня признает <de jure?> нормально и законно, и благословенно, и божественно рождающим или:

2) что церковь неправильно и непоследовательно сложилась исторически, что она неправильно существует и живет; не на Евангелии и не на Библии, а «от себя»;

3) что Библии она всегда не понимала, а в Евангелии слова о скопчестве и прочие — апокрифичны.

Или:

4) История не ошибалась, а блудодел — я, и притом не-прощеный.

И тогда:

5) на основании: «да любите друг друга, по сему узнаю Христовы ли вы»³⁸, мы, родители и дети, ради «любви» выходим из круга истории; и словом, большое «прощай».

Тут «большой шлем», «шах и мат» кому-то; кому? Мне кажется, всеобщее мировое чувство прямо последует простому сердцу Перцовых, Шестаковых³⁹ и прочих и скажет: «Это черт знает что такое!» — «Ну, дурил Толстой, кощунствовал: но ведь это совершенно тихие люди, и ничего особенного не делали, кроме как то, что предпочитали жить семейно, а не пошли ни в монастырь (Лиза Калитина) и не начали соблазнять горничных». Etc.

Я думаю, какая сторона права в этом споре, не может быть вопроса, с первого же воззрения.

Ну, простите. Пишите

А. В. Ельчанинов — П. А. Флоренскому⁴⁰

[18.03.1901. СПб. — Москва]

Почему ты спрашиваешь о том, что со мной было между 13 и 15 февраля? Я совершенно не могу вспомнить, ведь

³⁸ «По тому узнают все, что вы Мои ученики, если будете иметь любовь между собою» (Ин. 13: 35).

³⁹ Вероятно, речь идет о Дмитрие Петровиче Шестакове (1869–1937) — профессоре, историке античности, филологе-классике, византинисте, поэте и переводчике. Последнем ученике Афанасия Фета. Знакомом Владимира Соловьева и корреспонденте Розанова. См. также примеч. к письму Розанова к Перцову от 18.11.1902. в наст. изд.

⁴⁰ Печатается с комментариями по: Павлюченков, ВПСТГУ 2010/3. С. 87.

это было так давно. «Вопросы философии и психологии»⁴¹ попросила меня выписать на мой адрес Маня Худадова⁴², так как она не знает, останется ли здесь; она хотела, чтобы я получал здесь первые книжки (две, кажется), а потом переменял адрес на ее, тифлисский; поэтому, если ты еще не внес подписную плату, то выпиши по моему адресу петербургскому. У нас настроение очень беспокойное; решено очень энергично проводить обструкцию на экзамене, так что я, вероятно, держать не буду. Ходят слухи, что курсы⁴³ закрыты на 3 года; я только удивляюсь, почему их совсем не закрывают, пользы от них правительству никакой, один расход и хлопоты; мне не особенно жаль тех, которые не занимались (их большинство), а путем демонстраций всякого рода делали невозможным дальнейшее существование курсов; жаль тех 10–20 девушек, которые с самыми серьезными намерениями приехали учиться, чтобы потом быть полезными, а теперь принуждены бросать все и опять опуститься в прежнюю скучную, однообразную жизнь. Напиши, кем устроена ваша комиссия и в чем состоят ее работы; как у вас насчет экзаменов? Может быть, тебе интересно знать, за что закрыли «Союз русских писателей»; его члены подали министерству внутренних дел петицию с предложениями реформировать университеты и разрешить большую свободу печати, так как она может успокоить взволнованное общество, текст петиции могу списать и прислать. Напиши, если в настроении, как ты смотришь на все это, на этот поход против Университетов и всяких родов и видов знания, на демонстрации и прочее. На мой взгляд, смысл име-

⁴¹ «Вопросы философии и психологии» (ВФП) — первый систематический русский философский журнал, основан в 1889 г. философами, группировавшимися вокруг В. С. Соловьева и Л. М. Лопатина. Первый редактор — Н. Я. Грот.

⁴² Мария Николаевна Худадова — сестра Владимира Николаевича Худадова, одноклассника П. Флоренского, Эрна и Ельчанинова по 2-й Тифлисской гимназии.

⁴³ Высшие женские курсы в С.-Петербурге.

ют только последние, и то только смысл, то есть они не так дики, как обструкция, изгнание профессоров из аудиторий etc.⁴⁴ Может быть, ты спрашиваешь насчет 13–15 марта, а не февраля, тогда дело другое. Мне интересно, все ли мои письма доходят до тебя. Еще раз прошу, напиши ты или Эрн о ваших делах подробнее, особенно насчет комиссии.

Твой А. Е.
1901 18/III

В. В. Розанов — П. П. Перцову⁴⁵

[29.03.1901]
1901 29/III.

Ну, батенька, с Вами совсем «выдохнешься», переписываясь. А у меня за плечами — обязательная печать. Порадовала Вы меня обоими письмами. В сущности, оба бы нужно в «Мир Искусства». Я уже Философову⁴⁶ предлагал открыть à la XVIII в. рубрику «[пропуск]». Много интереснее ихних хроник будет, и печатали бы Вас и Рцы⁴⁷ (получил тоже 2 интересных письма).

В конце концов, где бы ни быть — быть бы счастливым для себя и хорошим воином для лагеря. «Траур» христиан-

⁴⁴ Из контекста видно, что под «походом против университетов» А. Е. имеет в виду не правительственные репрессии, а студенческие возмущения. Подробнее о политической стороне жизни А. Е. и П. Ф. в это время см.: *Флоренский П. В., Шутова Т. А.* Павел Флоренский: XX век от Р. Х., год первый // Наше наследие. 2005. № 73 (<http://www.nasledie-gus.ru/podshivka/7312.php>); Переписка студента первого курса Московского Императорского университета Павла Флоренского с родными и близкими в 1901 году // Там же.

⁴⁵ МА МДМД. Фонд П. П. Перцова. КП 270/3. Л. 52. Маш. копия.

⁴⁶ Дмитрий Владимирович Философов (1872–1940) — литературный критик, публицист. Один из сооснователей религиозного объединения Мережковских «Третий завет».

⁴⁷ Рцы (Иван Федорович Романов, 1861–1913) — публицист.

ства начинается с мысли: «нет, ты будь несчастлив для себя, пожалуйста, упрашиваем: и тогда будешь отличным для нас воином», Так что люди больше давятся христианством, чем его сдобно кушают. Отсюда много трагедий и комические эпизоды. Но не стану критиковать.

Тернавцеву я сообщил «радостную весть» о вас. Жаль, что письмо уже в коллекцию спрятал. Ну, [пропуск] дружок.

А все-таки Вы мне напишите. Ваш любящий В. Розанов.
Зачем в Рыбинске?

Очень я жаден к Вашим письмам. Черт Вас угораздил писать их интереснее, чем статьи (всегда почти неясные и какие-то золотовесные). А в письмах хорошо: и на важные темы и чертовски выпукло. Целую.

А ведь очень хочется еще написать, но удерживаюсь. Уж конверт написал, чтоб «не распространяться».

В. В. Розанов — П. П. Перцову⁴⁸

[4.04.1901]

4/IV 1901.

✓ [нрзб, пропуск] Здесь очень хорошо. А в Венеции мы дошли до такого отчаяния, что впервые поругались: дождь, холод, тучи, дороговизна (4 р. в сутки, отель) и... смех прислуги при нашем бессилии что-нибудь сказать. В Вене было еще хуже. В Риме первое время извошику приходилось открывать кошелек и «мыкать», какая ему монета нужна. Все было до того глупо. А перед их пасхой я преспокойно без одного слова отыскал куафера⁴⁹, выстригся, даже пух на подбородке велел убрать и, кажется, теперь всего достигну без всяких слов. Даже удобней, чем говорить «по-спартански». Сейчас получил от всех «вас» телеграмму. Спасибо, до-

⁴⁸ Там же. Л. 41. Открытка. Адрес: Здесь. Пушкинская, Пале-Рояль, Его Высокородию Петру Петровичу Перцову.

⁴⁹ Кауфер — парикмахер (*устар.*).

рогие. Пожмите всем руку, и Бакст, и Бенуа⁵⁰ не забыли, даже — даже Гиппиус.

Здесь очень много интересного. Но пока буду молчать, как, что и чем интересно. Мы теперь с Тернавцевым, то есть как в Москве все равно, и нам Рим не Рим — а Москва.

Ваш любящий В. Розанов

Очень, очень благодарим за телеграмму: она очень нас утешила.

В какой церкви и улице Моисей Анджело⁵¹?

Л. И. Шестов⁵² — Б. Фондану⁵³

[*Май 1901. Швейцария*]

(...) Я тогда искал издателя для моей книги «Достоевский и Нитше (философия трагедии)». Как-то я получаю пись-

⁵⁰ Александр Николаевич Бенуа (1870–1960) — русский художник, историк искусства, художественный критик, основатель и главный идеолог объединения «Мир искусства».

⁵¹ Центральная мраморная статуя ветхозаветного пророка Моисея в скульптурном надгробии Папы Юлия II работы Микеланджело 1515 г. находится в римской базилике Сан-Пьетро-ин-винколи (Святого Петра в веригах).

⁵² Лев Исаакович Шестов (Иегуда Лейб Шварцман, 1866–1938) — российский философ и литератор, представитель русского религиозно-философского возрождения начала XX в. Свою философию в разное время определял как религиозную и экзистенциальную.

⁵³ Печатается по: *Баранова-Шестова Н.* Жизнь Льва Шестова по переписке и воспоминаниям современников. Париж, 1983. (Далее: *Баранова-Шестова*, 1983.) С. 48–49.

Бенжамен Фондан (Benjamin Fondane, 1898–1944), псевдоним Беньямина Векслера (Benjamin Wechsler или Wexler) — французского писателя, мыслителя-эссеиста. Был близок ко Льву Шестову (они познакомились в 1924 г., позже Шестов был свидетелем на свадьбе Бенжамена). Фондан записывал беседы с Л. Шестовым и его воспоминания, которые были изданы через много лет после смерти обоих мыслителей. См.: *Фондан Б.* Разговоры с Шестовым // Часть речи: Альманах. Нью-Йорк, 1982. № 2–3. (Далее: *Фондан Б.* Разговоры с Шестовым.) С. 188–253.

мо от Дягилева⁵⁴, который, до своих балетных предприятий, издавал журнал «Мир искусства». Это письмо ходило за мной по Европе и меня застало в Швейцарии. Дягилев, прочитав моего Толстого, предлагал мне сотрудничать в его журнале. В это время в моем портфеле находилась рукопись моей книги «Достоевский и Нитше»⁵⁵, и я ее послал ему. Дягилев пришел в восторг. Я запросил у него 50 руб. аванса, которые он тут же мне выслал. Конечно, в то время я был богаче, чем сейчас, но все же деньги эти мнегодились. Но он меня предупреждал, что, вследствие печатания книги Мережковского, которую он также принял, моя начнет печататься не ранее января [1902], а мы переписывались в мае [1901]. Он, кроме того, просил меня, если возможно, дать отзыв о 1-м томе Мережковского⁵⁶, уже появившемся. Я дал отзыв положительный⁵⁷, без указаний на недостатки. Надо сказать, что Мережковский читал моего «Толстого и Нитше»⁵⁸ как раз в то время, когда он заканчивал свою первую книгу. Он был поражен моим: «Нужно искать Бога» — и, делая сальто-мортале, пытался предоставить место Богу у себя. Это, кажется, Бердяев, которому было тогда лет 27, сказал мне: «Он у тебя заимствовал Бога». Во второй книге Мережковского⁵⁹ эта идея стала уже центральной. Он склонял слово «Бог» во всех падежах и временах. Он гово-

⁵⁴ Сергей Павлович Дягилев (1872–1929) — русский театральный и художественный деятель, один из основоположников группы «Мир искусства».

⁵⁵ См.: Шестов Л. Достоевский и Ницше (Философия трагедии). СПб.: Тип. М. М. Стасюлевича, 1903.

⁵⁶ См.: Мережковский Д. Л. Толстой и Достоевский. Т. 1 : Жизнь и творчество Л. Толстого и Достоевского. СПб. : изд. М. В. Пирожков, 1901.

⁵⁷ Шестов Л. Книга Мережковского: Л. Толстой и Достоевский // Мир искусства. 1901. № 8–9. С. 132–136.

⁵⁸ См.: Шестов Л. Добро в учении гр. Толстого и Ницше (философия и проповедь). СПб. : Издательство «Шиповник», 1900.

⁵⁹ См.: Мережковский Д. Л. Толстой и Достоевский. Т. 2 : Религия Л. Толстого и Достоевского. СПб. : изд. М. В. Пирожков, 1902.

рил о Боге, как Нитше говорил об Антихристе, громким голосом, с криками, гневом и так далее. Нитше был уже полубезумным, когда писал «Антихриста». Но и в безумном Нитше было еще что-то от Нитше. Но Мережковский не был Карузо. Это был маленький тенор. (...)

Он [Дягилев] принял меня весьма любезно⁶⁰ и тут же стал хвалить мне вторую книгу Мережковского, которая печаталась в его журнале. Я откровенно высказываю свое мнение. Он был озадачен, но все же просил дать отзыв. (...)

А. В. Ельчанинов — П. А. Флоренскому⁶¹

[19.06.1901. Манглис — Тифлис]

Дорогой Павлуша!

Твое письмо повергло меня в уныние... Ты пишешь об освежении; да, освежиться перед работой очень хорошо. Когда я ехал на Манглис, я был уверен, что пойду с тобой на Военно-осетинскую дорогу, как ты мне обещал, или куда-нибудь в другое место; Николай Алексеевич⁶² приглашал меня с собой в Сванет; и Кузьмины звали в Чагверы; но я, конечно бы, пошел с тобой, если бы мог. Причина одна — у меня тут очень ответственный урок: надо пройти за 1½ месяца курс двух классов по алгебре и геометрии, поэтому не то что с тобой, а я просто не могу пойти на более или менее крупную прогулку хотя бы на один день. Взял я урок, потому что нужны деньги на зиму; но он меня очень утомляет, так что я его, может быть, брошу к черту! Кро-

⁶⁰ Той же осенью (1901) Шестов нанес визит Дягилеву.

⁶¹ Печатается с комментариями по: *Павлюченков*, ВПСТГУ 2010/3. С. 88–89.

⁶² По-видимому, Николай Алексеевич Худадов — друг семьи Флоренских, врач, общественный деятель радикальных убеждений, основатель в Тифлисе Общества трезвости, воскресных школ грамотности для рабочих; скончался 17 января 1907 г. от полученного при теракте ранения. Отец Марии и Владимира Худадовых.

ме этого, у меня еще два урока бесплатных; по этому все-му ты можешь судить, как мне хотелось бы пойти куда-нибудь, тем более что я всю зиму мечтал о большой прогулке. Очень жалею, что доставил тебе так много хлопот с Тасит'ом; знай я это — я бы прямо попросил Ягулова прислать мне, да не догадался. Работается мне ничего себе; жалею только, что мало взял книг по истории и древней философии. Пока прощай; очень благодарен тебе, что вспомнил меня; поклон Володьке и всем вашим.

Твой А. Ельчанинов
Манглис. 19.06.1901

В. В. Розанов — П. П. Перцову⁶³

[11.07.1901]

11 июля 1901

Здравствуйте, дорогой Петр Петрович! Радуюсь, получив от Вас письмо — и без брани. А ведь письмо-то я за собой считал, оказалось — за вами. Ну и ладно.

Ал<ексей> Ал<лексеевич>⁶⁴ не вовсе удалился из «Нового Времени»; по крайней мере Гей читал мне 2 отрывка из его письма, где он давал ему полу-выговоры, полу-инструкции относительно ведения газеты (что и отец каждую неделю делает). Следовательно, дело не разорвано. Но к Вам ближе всех Алексей Алексеевич, и как к случаю Вам ничего и не пишется, то лучше дождитесь октября, когда вернется Алексей Алексеевич. Гей человек умный, энергичный, грубый, вообще очень умный 60-ник, и людям нашей полосы просто физически больно всякое обращение. У нас нервы

⁶³ МА МДМД. Фонд П. П. Перцова. КП 270/3. Л. 42–45. Маш. копия.

⁶⁴ Алексей Алексеевич Суворин (1862–1937) — сын от первого брака А. С. Суворина журналист (псевдоним Порошин), издатель, привлекался отцом к руководству газеты. Популяризатор лечебного голодания. Покончил жизнь самоубийством.

в миллиметр диаметра, у него — в метр. Вот и все. И мне трудно.

Дягилев хотел издать мои очерки Италии; еще ведь почти ½ осталась: Капри, Везувий, Помпеи, о солдатском учении итальянском, Салерно [нрзб]. Солнце и виноград. Но как мне хотелось написать о св. Марке! Но вот зависимость от хлеба: лишние 3 дня в Венеции — и написал бы, даже — лишний день только. Но надо было садиться в поезд. Золотой Марк понравился мне больше всего. И не написано мною [нрзб] очерков.

Поверьте, без хвастовства: я мог бы заново поставить вопрос об отношении православия к католицизму, ну и потом закончить хорошим анализом чудовищного в сущности эгоизма и католицизма, да и всех «их». Например, об исповеди у меня есть удивительные мысли, да и о папизме, и службе на латинском языке, etc.

Ну, пишем, что можем.

Я рад, что Вы ничего не пишете. Вы из не торопящихся людей, и Вы успеете. Но нужно, чтобы написанное было хорошо. Вообще, Вы развиваетесь совершенно не по-нашему, ([как] Мережковский и я) закону.

Мережковский, конечно, горячо Вас помнит, и оба мы стыдились, что Вам не пишем в Казань. Но, батенька: ведь отвращение питаешь к письму после передовиц, да и вообще усталости на плечах — бедна.

Теперь, кажется, и Виленкин⁶⁵ и Дягилев уехали из Петербурга. Дмитрий Сергеевич живет, где жил и Майков, все забываю это место. Кажется, по Варшавской ж. д.; кажется

⁶⁵ Николай Максимович Минский (Виленкин, 1855–1937) — по образованию юрист. В 1887 г. выступил в качестве поэта и философа-публициста. Наряду с супругами Мережковскими, Розановым и др. организатор и участник РФС в СПб. 1901–1903 гг. В своем учении о «меонизме» видел религию будущего, которая возникнет на месте существующих религий, исчерпавших себя в духовных кризисах. Взгляды Минского отвергались как В. Соловьевым, так и Г. Плехановым. Чтобы основать газету «Новая жизнь», Минский в 1905 г. на недолгое время сблизился

там водопад или озеро Ильмень. Майков удил рыбу. Сознаюсь, что адрес довольно неопределенный.

Книга Мережковского «Толстой и Достоевский» вся разошлась в месяц. Вот это успех. Печатается 2-ое издание. Из нашего лагеря это первый успех, я так люблю Мережковского, что чистосердечно за него доволен и без всякой боли за себя. Ведь и соорудил он правильно написанную книгу, которая ясно стоит 2 р., а нам серьезный недостаток, что мы все больше в «очерках» пребываем. Но я, право, уже неспособен теперь на книгу. Стар стал.

Ну, вот и все, дорогой. А как я о Вас думал последние дни и все мучился, что не пишу. Но, дорогой, и впредь не будем сердиться за отсутствие писем. Ей-Богу, чертовская усталость головы и рук. А, кажется, сомневаться нам в сердце друг друга — нет причин. Равно и все Вас в Москве искренне очень любят, и, кажется, это для Вас крепкая якорная стоянка.

В Нью-Йорке я застраховался еще перед отъездом в Италию на 20 лет (взяли!) в 15 тыс. (но не сразу, «смешанный способ», и 15 тыс. через 5 лет, а теперь 9, 10, 12, 12–15 тыс.), взнос в год 900 р., без уменьшения. Так что с этой стороны беднейшая возможность существования, все же детишкам останется. В наши жестокие времена это чудесная вещь.

С Толстым — кутерьма⁶⁶. Большое это событие и для церкви, и для литературы. Большое — как зерно. Это прямо

с социал-демократами. С 27 октября по 3 декабря 1905 г. был официальным редактором-издателем газеты.

⁶⁶ 24 февраля 1901 г. в официальном органе синода «Церковные ведомости, издаваемые при святейшем правительствующем синоде» было опубликовано «Определение святейшего синода от 20–22 февраля 1901 г. № 557, с посланием верным чадам православныя греко-российския Церкви о графе Льве Толстом».

(...) «Известный миру писатель, русский по рождению, православный по крещению и воспитанию своему, граф Толстой, в прельщении гордого ума своего, дерзко восстал на Господа и на Христа Его и на святое Его достояние, явно пред всеми отрекся от вскормившей и воспитавшей его Матери, Церкви православной, и посвятил свою литературную

расхождение церкви и интеллигенции, огромный крах чаяний славянофильства. Что бы сказал Страхов! Как бы он испугался этого шага. Да и никто его не предвидел. А Толстой, очевидно, к нему вел дело, уже за много лет назад решенное. Вообще в старичке много стратегий⁶⁷. В частности — это он мстит за духовоборов, это несомненно.

деятельность и данный ему от Бога талант на распространение в народе учений, противных Христу и Церкви, и на истребление в умах и сердцах людей веры отеческой, веры православной, которая утвердила вселенную, которую жили и спасались наши предки и которую доселе держалась и крепка была Русь святая.

В своих сочинениях и письмах, в множестве рассеиваемых им и его учениками по всему свету, в особенности же в пределах дорогого Отечества нашего, он проповедует, с ревностью фанатика, ниспровержение всех догматов православной Церкви и самой сущности веры христианской; отвергает личного живаго Бога, во Святой Троице славимого, Создателя и Промыслителя вселенной, отрицает Господа Иисуса Христа — Богочеловека, Искупителя и Спасителя мира, пострадавшего нас ради человеков и нашего ради спасения и воскресшего из мёртвых, отрицает бессеменное зачатие по человечеству Христа Господа и девство до рождения и по рождении Пречистой Богородицы Приснодевы Марии, не признаёт загробной жизни и мздовоздаяния, отвергает все таинства Церкви и благодатное в них действие Святого Духа и, ругаясь над самыми священными предметами веры православного народа, не содрогнулся подвергнуть глумлению величайшее из таинств, святую Евхаристию. Всё сие проповедует граф Толстой непрерывно, словом и писанием, к соблазну и ужасу всего православного мира, и тем не прикровенно, но явно пред всеми, сознательно и намеренно отторг себя сам от всякого общения с Церковью православною.

Бывшие же к его вразумлению попытки не увенчались успехом. Посему Церковь не считает его своим членом и не может считать, доколе он не раскается и не восстановит своего общения с нею. (...) Посему, свидетельствуя об отпадении его от Церкви, вместе и молимся, да подаст ему Господь покаяние в разум истины (2 Тим. 2:25). Молимся, милосердный Господи, не хотяя смерти грешных, услыши и помилуй и обрати его ко святой Твоей Церкви. Аминь».

⁶⁷ В «Ответе синоду» Лев Толстой подтвердил свой разрыв с церковью: «То, что я отрекся от церкви, называющей себя православной, это совершенно справедливо. Но отрекся я от нее не потому, что я восстал на Господа, а напротив, только потому, что всеми силами души желал служить ему». Толстой возражал против предъявленных ему в определении синода обвинений: «Постановление Синода вообще имеет много

Познакомился я с хлыстом «знаменитым» Шетинниковым. Мужик мужиком. И вообще интерес нашего сектантства очень преувеличен, я думаю. Все они ужасные театралы, все заняты тем, что «нами интересуются». В большой церкви больше солидности, а больше всего (ей! ей! ей! не хвастаю) солидности все-таки в нас: тут — и метод, и сообразительность, и кой-какие знания. Мне этот хлыст просто показался ничтожеством, и все его аллегии, и вся, словом, мужицкая мазня богословием. Хорошая трехклассная школа с «интеллигентной барышней» все у него рассеет и победит; ну, а у Мережковского ничего не отымет. Посему «нас» пока я считаю самыми сильными в России и в качестве таковых «самыми интересными в России особами».

А что Вы думаете, ведь Левушка своими боками нам прокладывает лесную тропу.

Скворцов и Тернавцев — юлят. На две руки действуют молодцы. И сюда и туда. Я их наблюдаю. «И плохо-то у нас, и неверно, и помогли бы вы нам, и талант у вас есть — а вот гибнете». И все-то у «них» эгоизм — просят рубль, а предлагают грош.

Ну, простите, дорогой. Крепко Вас обнимаю и целую. Спасибо за письмецо.

Ваш любящий В. Розанов

Д. В. Философов — В. В. Розанову⁶⁸

[13.07.1901. С. Богдановское (станция Бежаницы, Псковской губернии) — СПб.]

Дорогой Василий Васильевич.

недостатков. Оно незаконно или умышленно двусмысленно; оно произвольно, неосновательно, неправдиво и, кроме того, содержит в себе клевету и подстрекательство к дурным чувствам и поступкам». В тексте «Ответа синоду» Толстой подробно раскрывает эти тезисы, признавая ряд существенных расхождений между догматами Православной Церкви и его собственным пониманием учения Христа.

⁶⁸ Текст подготовлен к изданию и прокомментирован Е. В. Глуховой по архивному оригиналу: НИОР РГБ Ф. 249. К. М3871. Ед. хр. 4–6.

Сейчас прочел Ваш фельетон об эллинизме⁶⁹ и не могу воздержаться от того, чтобы не поделиться с вами некоторыми мыслями, навеянными чтением этой статьи.

Но сначала позвольте мне выразить свое удивление перед той неисчерпаемой свежестью и оригинальностью, которыми переполнена вся статья. Какое замечательное умение быть глубоким и крайне опасным — при столь скромной и истинно художественной внешности.

Давно ничего не читал Вашего — и опять поразился. Точно в жаркий день выкупался в прозрачной речке.

Главное и коренное недоразумение статьи Вашей в том, что Вы ничего не говорите о христианских «Кюнерах»⁷⁰. Знаю,

⁶⁹ Розанов В. В. Эллинизм // Новое время. 11 (24) июля 1901. № 9105. С. 2–3. В статье философ возвращается к постановке классического образования в России, критика которого в более резкой форме была ранее выражена в работах «Сумерки просвещения» (1893) и «Афоризмы и наблюдения» (1894). Многолетний опыт преподавания в классической гимназии приводит Розанова к выводу, что изучение древнегреческого и латинского языков и античной культуры по учебникам немецкого филолога Р. Кюнера входит во взаимное противоречие с изучением православной христианской догматики по катехизису митр. Филарета (Дроздова). Первая по мнению философа основана на культе телесного, тогда как христианство — культ духовный. «Так как классицизм основан на своего рода нигилизме учителя, то он порождает нигилистов в учениках. Я говорю не о политическом нигилизме, а о культурном. От этого из гимназии выходили и вечно (при классицизме) будут выходить неверы, культурные циники: ведьм для них не существует и Бога тоже не существует, да и вообще ничего не существует святого, достойного, достопоклоняемого, а есть одно жалованье. Дивились десятилетия у нас, откуда такое явление. Да откуда же в мальчишке взялась вера, когда единственная достоверность для него была — балл учителя, а то, за что ставился балл, было сказкою для учителя и для него: сказкою и неправдоподобием, фантомом». *Розанов В. В. Собрание сочинений. Во дворе язычников / Под общ. ред. А. Н. Николюкина. М., 1999. С. 263.* Помимо онтологического противостояния дух культуры изучение грамматики древних мертвых языков и схоластических определений катехизиса требовало постоянной зубрежки, что вызывало отторжение этих предметов в сознании учащихся. — В. К.

⁷⁰ Рафаэль Кюнер (1802–1878) — немецкий филолог и педагог. Автор многочисленных работ по грамматике древних языков. Главные

что об этом и говорить нельзя, но тем не менее право Кюнера ничуть не хуже катехизиса Филарета⁷¹. Понять филаретовское объяснение ада труднее, чем правильно применять супины и аористы. Как враг христианства — Вы не можете сказать новой школе: будь чисто христианской, но как человек христианской культуры, Вы с особенной настойчивостью указываете на опасность гетевского эллинизма, на его недоступность среднему человеку, а следовательно и средней школе. Но что же ввести тогда в школу? Понятие отечества говорите Вы, как необходимую предпосылку дальнейшего построения культуры. Но неужели Вы не боитесь, что и Ваше «отечество» попав в руки учителей «словесности» живо превратится во что-то донельзя жидко-либеральное, в Бокля⁷², приправленного Щаповым⁷³? Ведь не идиоты же в самом деле Толстой⁷⁴

из них — «Ausführliche Grammatik der griechischen Sprache» и «Ausführliche Grammatik der lat. Sprache». Элементарные грамматики Кюнера, как греческая, так и латинская, были переведены на русский язык и выдержали большое количество изданий; их особенность — соединение всего элементарного курса со статьями для перевода, хрестоматией и словарем. Здесь, очевидно, подразумевается митр. Филарет Московский (Дроздов, 1782–1867).

⁷¹ Катехизис (от греч. *κατήχησις* — поучение, наставление), руководство, содержащее основные положения христианского вероучения; в данном случае речь идет об одном из основополагающих трудов православного вероисповедания, составленном Святителем Филаретом (Дроздовым), митрополитом Московским «Пространный христианский катехизис православной кафолической восточной церкви».

⁷² Генри Томас Бокль (Buckle, 1821–1862) — английский историк и социолог-позитивист, автор труда «История цивилизации Англии», основная мысль этого труда заключается в том, что цивилизация является необходимым результатом закономерной цепи причин.

⁷³ Афанасий Прокофьевич Щапов (1831–1876) — сибирский историк, публицист, писатель, философ; свою диссертацию написал на основании собрания рукописей Соловецкого монастыря, куда и был сослан по приговору Синода (приговор был отменен).

⁷⁴ Дмитрий Андреевич Толстой (1823–1889) — граф, российский государственный деятель, историк: обер-прокурор Святейшего Правительствующего Синода (1865–1880), министр народного просвещения

и Катков⁷⁵. Они ясно чувствовали «нигилизм», хотели бороться с ним и для того ввели в якобы русскую и якобы христианскую школу — якобы классическую закуску. Идеи и цели — борьбе с нигилизмом — были прекрасны, но средства — никуда не годны. По иронии судьбы — такие всемирно-исторические факторы нашей школы, как эллинизм и христианство, выродились в Кюнера и катехизис Филарета. Но причем тут Катков с Толстым? По-видимому современной истории, нашей европейской цивилизации (а нельзя же ее отрицать! Через факт не перепрыгнешь!), совершенно нечего делать ни с христианством, ни с язычеством, и что Вы ей в пасть не кидайте, она все переварит и преподнесет Вам в виде экскрементов. Да, как это ни грустно, но европейская история идет к «муравейнику» Достоевского⁷⁶. Бороться с этим не приходится. Мож-

(1866–1880), министр внутренних дел и шеф жандармов (1882–1889), член Государственного совета (с 1866), сенатор. При Александре II был известен как энергичный реформатор, а при Александре III — как проводник политики контрреформ.

⁷⁵ Михаил Никифорович Катков (1818–1887) — публицист, издатель, литературный критик. В статье о Каткове Розанов писал: «В судьбах русской журналистики XIX века сыграли исключительную роль Катков и Суворин. Они не имели между собой ничего общего. И так, через контраст друг другу, они отсвечивают особенно ярко во взаимном сопоставлении» (*Ветлугин В. [Розанов В. В.]. Суворин и Катков // Колокол. 11 (24) марта 1916. № 2947. С. 2).*

⁷⁶ Позднее Розанов обращал особенное внимание на эту формулу Достоевского — см. его большой фельетон «О происхождении некоторых типов Достоевского (литература в переплетениях с жизнью)»: «“Муравейник”, “Хрустальный дворец” и “Курятник” — это три образных выражения идеи всемирного соединения людей и их успокоения, которые впервые обсуждаются у Достоевского в “Записках из подполья”. В “Записках из подполья” отвергается вторая формула и оставляется первая, за отсутствием для человека третьей — “Муравейника”: под этим названием разумеется всеобщее и согласное соединение живых существ какого-либо вида, основанное на присутствии в них одного общего и безошибочного инстинкта построения общего жилища. Таким инстинктом наделены все живущие общества животных (муравьи), но его лишен человек; поэтому, в то время как они строят всегда

но только спасаться или просто на Соловках, или где-нибудь в других местах — в мистицизме пола, в двуединстве христианства и язычества и т. п. Но это все спасение индивидуальное — социальный же идеал — муравейник, и всякая школа, как Вы ее не устраивайте, как Вы ее не обставляйте «отечествоведением» — неминуемо преобразуется в преподавание муравьинологии, в муравьиную педагогику. Признавать же, что Европа от дьявола, а Россия пойдет «самобытно» как-то немножко уж и наивным кажется, особенно после Розанова и Мережковского, этих писателей «всемирной» культуры.

Надо же наконец признаться откровенно, что нам, людям, прошедшим через Достоевского и Нитше — нечему учить детей, Михайловские⁷⁷ же и Стасюлевичи⁷⁸ жаждают учить и знают чему. У них уже и журналы с отметками заведены, и Бокли в сокращенном виде изданы, Бокли, кото-

одинаково, повсюду одно и постоянно мирно, человек строит повсюду различное, вечно трансформируется в своих желаниях и понятиях; и едва приступит к построению всеобщего, разойдется в представителях своих, единичных личностях, и притом со смертельной враждою и ненавистью. Эти три формулы необходимо постоянно помнить при чтении сочинений Достоевского» (*Варварин В. [Розанов В. В.]*. Русское слово. 28 октября (11 ноября) 1911. № 248. С. 2; 4 (17) ноября. № 254. С. 2; 15 (28) ноября. № 263. С. 2).

⁷⁷ Николай Константинович Михайловский (1842–1904) — русский публицист, социолог, литературный критик; теоретик народничества. Розанов написал рецензию на кн. Михайловского «Литературные воспоминания и современная смута: В 2 т.» (1900): Писатель семидесятых годов. Н. К. Михайловский // Новое время. 16 (29) июня 1900. № 8728. С. 2. В 1892 г. Розанов писал к нему письмо с просьбой о протекции в публикациях в «Русском богатстве» (См.: Письма В. В. Розанова к Н. К. Михайловскому и П. Б. Струве / Предисл., коммент. М. А. Колерова // Вопросы философии. 1992. № 9); см. также отклики Михайловского: Литература и жизнь // Русское богатство. 1895. № 8. С. 76–99.

⁷⁸ Михаил Матвеевич Стасюлевич (1826–1911) — российский историк, журналист и общественный деятель; редактор-издатель журнала «Вестник Европы» (1866–1908). См. о нем заметку Розанова: Лучшая книга по средневековой истории (К воспоминаниям о М. М. Стасюлевиче) // Новое время. 30 января (12 февраля) 1906. № 12 531. С. 3.

рыми сами дети действительно увлекаются, и будут долго увлекаться. Эти, пока скрытые, но завтра гласные преподаватели — смиренно ждут своей очереди с полным сознанием своей силы и с полной уверенностью, что благодаря таким «историческим» факторам, как назначение генерал-либерала Ванновского⁷⁹ — им удастся спихнуть Грингмуда⁸⁰ с его Кюнерами и Филаретами.

А Вы — мечтатель без почвы и без истории. Душевно Ваш Д. Философов.

В. В. Розанов — П. П. Перцову⁸¹

[22.07.1901]

1901. 22 июля.

Дорогой мой Петр Петрович.

В Вашем письме нахожу 2 части:

1) объективная — о старости человечества. Как против этого спорить? Конечно — она верна, и с этой точки зрения мы все балуемся. Это — безнадежность. Безнадежности этой в высокой степени отвечает и «религия конца». Там будет лучше — здесь ничего не ждите. Это проповедал и Константин Леонтьев, и Ефрем Сирийский. Да может это и абсолютно верно. Только грустно очень.

2) Ваша ортодоксальность. Ну, тут соловушка пропел песню, которая ему нравится. Тут критика невозможна по индивидуализму критикуемого. Разве вкусы критику-

⁷⁹ Петр Семенович Ванновский (1822–1904) — русский военный и политический деятель, министр народного просвещения (1901–1902).

⁸⁰ Владимир Андреевич Грингмут (1851–1907) — русский политический деятель, историк и публицист консервативного толка, ближайший идейный действительный статский советник (с 1890 года). Монархист, член Русского собрания, основатель Русской монархической партии, один из главных идеологов черносотенного движения в царской России, главный редактор газеты «Московские ведомости».

⁸¹ МА МДМД. Фонд П. П. Перцова. КП 270/3. Л. 46–47. Маш. копия.

ют? Но ведь невозможно и Вам оспорить, что религия Сына не есть в то же время и именно в сыновних своих частях и религия Отца и Святого Духа? Тут Вы хоть лоб разбейте, а останетесь не правы. И никак все-таки брак-лес-ботаника-зоология-звезды в религию безусловного девства («Эквивалибристика В. В. Розанова») не войдет. А не войдет — тогда:

3) семейные люди вправе подумать хоть о курятнике молитвенном для себя.

Ну, батюшка, жарко, издыхаю.

Целую, обнимаю.

В. Розанов.

✓ Лев Толстой в религии — просто сапожник. Не могу представить, что я Вам мог о нем сочувственное написать. Да и вообще старческая его болтовня до крайности надоела. К тому же ведь он и не искренен.

Иисус — совершенство. Солнце — без пятна. Все попытки укусить Его — ничтожны, как и оптическая критика солнечного света. Но: «Солнце без пятна» все же не есть, например, луна, тоже имеющая свои качества, и свою нужность, и свою поэзию. Нимало не отрицая солнца, просто я пользуюсь и луной. Мое раздражение начинается только с того времени, как мне предлагают мориться на солнце 24 часа.

И еще недостаток: а все же «апологетисты», и да и все ортодоксы, с чувством ужасной слабости волочатся за публикой. Что за явление? Подумать стоит.

Но — жарко, жарко!

А зачем Вы в Рыбинске? И, счастливцев, чай, каждый день стерляжью уху [едите]! Это с ума сойдешь от зависти. Я же ровно 30 лет не ел. А в Нижнем едал-таки.

Издаю 2-м изданием «Легенду об инквизиторе». Ничего бестолкового я не нашел в «Толстом и Достоевском» Межковского. Что Вы?!

А ведь наших вопросов для мусульманина, язычника и астронома — просто не существует. И, может быть, они-то и правы, а у нас — субъективное ковырянье над 0.

И еще: ну, а как Вы с фактом детоубийства⁸², принципиально принятого и принципиально допущенного (в 1902 г. будет ровно столько же убитых детей, как в 1901 г.) примирились, войдя в круг «единоспасительной и окончательной истины»? Да разве Вы не чувствуете, что ни одна такая мать права не имеет принять Вашей формулы. А если хоть 1 человек вправе нравственно от нее отказаться, то уже значит, что она и не истина⁸³.

⁸² Серией статей в «Новом времени» Розанов возбудил дискуссию по вопросам отношения церкви к проблематике семьи, сексуальным отношениям, внебрачным детям и детоубийству посвящена книга «Семейный вопрос в России» (1903):

«Моисей, совершенно устранивший понятие “незаконнорожденности” и предупредивший, мудрую разработкою брака, самую возможность прелюбодеяния, по чувству связанности этих двух фактов и написал около заповеди: “не прелюбодействуй” другую, выше: “Не убий”. Мы же, составившие и введшие в кругооборот быта понятие “прелюбодействуй”, в глубочайшей с этим связи не пугаемся более и “убий”. Ни литераторов, ни чиновников детоубийство не тревожит. (...)»

С Валентином Александровичем Тернавцевым, с которым мы много и с великим жаром спорили в Риме, раз за чаем произошла у нас краткая и горячая сшибка. Упомянув о так называемых незаконнорожденных детях, я сказал ему, что достаточно было бы церкви официально и громко отречься от этого учения, чтобы дети эти, в большинстве убиваемые, перестали убиваться. Нужно сказать, Валентин Александрович Тернавцев несколько не интересуется вопросом о браке, все это учение для него есть побочное, не горячее. “Так чего же вы хотите, Василий Васильевич, — сказал он мне со страданием в голосе, чтобы жили люди как хотят? когда хотят — разводились, когда хотят — сходились?” — “А, однако, детоубийство?” — возразил я. Лицо его вдруг сделалось немного хитрым, и, как бы заглядывая в мою душу, будя в ней внутреннее согласие, маня это согласие, он сказал: “А вам-то разве жалко детей?” Я был поражен и, кажется, замолчал. Для меня было ясно, что человек столь великой до известной степени души, нежный ко всем людям, ласковый к миру... просто ничего не чувствовал к детоубийству, ни отвращения, ни страха» (http://dugward.ru/library/rozanov/rozanov_sem_vop2.html#matvtor).

⁸³ В дореволюционном законодательстве России четко различались разрешенный законодательством искусственный аборт, производимый

В. В. Розанов — П. П. Перцову⁸⁴

[27.07.1901]

1901 27/VII.

✓ Ну, «расписался»... Точно около Вас «старец» какой сидит и подпекает против нас. Да напрасно. У нас крепко. Очень мне надо, как «спасается» сей старец. Мне до него надобность, потому что он меня держит. Ихние средневековые благоглупости везде выброшены, но сам Император не смеет пальцем пошевелить в браке. Тут «мы»... черные аггелы. При Николае I случилась чрезвычайная любовь двоюродных брата и сестры. Много лет просидели — конечно, без надежды. Николай I приказал их повенчать и им выехать из России и никогда не возвращаться. Так Филарет написал начерняк прошение об увольнении, и Барсуков⁸⁵ его извлек и напечатал. Это есть единственная область, где черные «аггелы» держат мир в руках. Любви для них не существует, уважения — не нужно; но «поцелуйте у нас руки, мы благословим — и после сего благословения вы как скованные колодники будете». Недаром в целях погубления семьи и сказаны были мимоходом и будто бы из милосердия к женщинам роковые слова о разводе. Так, «вставка маленькая», «попутно брошенное слово». Оно стоило жизни сотням (тысячам?) зарезанных жен, избитых до смертной скорби, как и бросило в беспутство и предрасположенных к нахальству мужей и жен. Вся гибель семьи просто от постановки развода, посему-то именно сюда и пал аггелов совет. У евреев: «муж вправе дать развод жене,

врачом с целью спасения жизни женщины, и аборт, производимый самой женщиной или каким-либо посторонним лицом с преступной целью прекращения беременности. Принадлежность лица, производящего криминальный аборт, к медицинской профессии (сюда относились и повивальные бабки) считалось отягчающим обстоятельством.

⁸⁴ МДМД. КП 270/3. Л. 48–51. Маш. копия.

⁸⁵ Николай Платонович Барсуков (1838–1906) — русский археограф, историк и библиограф.

даже если она испортила ему суп или у нее ото рта дурно пахнет» (и [нрзб] и Гиллел⁸⁶). Кажется — нахально. Кажется — безжалостно. Но ни одной: побитой в Израиле жены и ни одной беспутной.

Но Вы ничего не видите. Вы защипаете «акриды». Да ешьте сколько угодно, хоть целыми сковородами. Не в этом дело. Но власть свою над нами уберите. Да и вообще уберите фальшивый союз с семьей, просто убирайтесь вон с вашими акридами и благословениями и, главное, все погубившей властью. Неужели же теперь, при гражданском браке в Италии и Австрии и даже, вероятно, во Франции не лучше семья, чем в России. Читали: «Слово Даниила заточника» (о злых женах)?⁸⁷ А раньше, до несчастного тасканья Владимира в Корсунь был «Плач Ярославны»⁸⁸. Да, бабушка, напрасно мы похоронили «каменных баб» (славянская Астарта)⁸⁹. После «Слова о полку Игореве» до Ломоносова пустыня «слова», одне безграмотные проповеди, да и вообще, где монахи — там и идиотство, какое-то бестолко-

⁸⁶ Гиллель (Хиллел Вавилонянин, или Хиллел ха-Закен, 75 г. до н. э. — около 5–10 гг.) — наиболее значительный из законоучителей эпохи Второго Храма; основатель фарисейской школы, называвшейся по его имени «Бет-Гиллель» (дом Гиллеля).

⁸⁷ «Кто злее льва среди четвероногих и что лютее змеи среди ползающих по земле? Всех тех злее злая жена. Нет на земле ничего лютее женской злобы. Из-за жены прадед наш Адам из рая был изгнан; из-за жены Иосиф Прекрасный в темницу был заключен, из-за жены пророка Даниила в ров ввергли, где львы ему ноги лизали. О, злое, острое оружие дьявола и стрела, летящая с ядом!»

⁸⁸ «Плач Ярославны» в составе «Слова о полку Игореве» написан в конце XII века, и никак не мог быть создан до похода князя Владимира на Корсунь и последующего крещения Руси в 988–989 гг.

⁸⁹ Каменные бабы — антропоморфные менгиры, каменные изваяния высотой от 1 до 4 м, изображающие древнетюркских воинов-кочевников, иногда (до 70% среди половецких изваяний) женщин, установленные в обширных степных зонах, начиная с украинских степей, а также родственные им каменные изображения в степях Казахстана, Алтая, Монголии и Тувы. Эти памятники не имеют отношения к славянской культуре.

вое и мелочное. «Сирое» в низах, гордое и высокомерное в верхах (Никон). Сии «воздыханцы» мигом «перевертываются», как только почувствуют под собою почву. А стукнешь их по голове — ползут ужом у ног. Истинно «будешь ползать на чреве своем»: без власти — нет униженнейших хамов. «Это католики гордецы, а мы — смиренны», «у нас единство государства и церкви». Хорошо «единство», когда «един» стоит у двери и ожидает Станислава в петличку.

Дело Ваше — проиграно. Тут логика. Побивать гневом — можете. Рассуждением — никогда. Для чего с семьей союз, для чего у 2-го Лица слова «мужа и жену сотворил их Бог»⁹⁰, когда сейчас за тем слова о скопчестве?! Какой «муж и жена» при скопчестве⁹¹. Что они поясами что ли соединены. О скопчестве — слова новые, новый завет, неслышанный, противу-Отчий, противу-обрезанный.

Заметьте, уж Вы начинаете клеветать, и именно лично, не идейно: «Вам втайне в Париж хочется». Так они «тайну» подсматривали и всех вокруг обвиняли. «Клеветники рода человеческого», так и определены. Но первая клевета — на план творения, на Адама и Еву. «Умерли во Христе Иисусе мужской и женский пол» — и осталась одна политика. Первые политики — папы. У нас 2 Филарета, Никон. На Западе — «сонм», Ришелье, Мазарини. Вот куда сводится «царство»-то «небесное».

Нет у арийцев трансцендентности пола. Однако были каменные бабы и плач Ярославны. Не думайте, у нас была бы

⁹⁰ «И сотворил Бог человека по образу Своему, по образу Божию сотворил его; мужчину и женщину сотворил их. И благословил их Бог, и сказал им Бог: плодитесь и размножайтесь, и наполняйте землю, и обладайте ею, и владычествуйте над рыбами морскими и над зверями, и над птицами небесными, и над всяким скотом, и над всею землею, и над всяким животным, пресмыкающимся по земле» (Быт. 1:27–28). Синодальный перевод.

⁹¹ «Есть скопцы, которые из чрева матерного родились так; и есть скопцы, которые оскоплены от людей; и есть скопцы, которые сделали сами себя скопцами для Царства Небесного. Кто может вместить, да вместит (Мф. 19:12).

своя Греция или ½ Египта. Да вообще было бы свое, оригинальное. А теперь — погашено. От Пушкина до Льва Толстого — воскресающие «каменные бабы», и недаром Никанор⁹² ругал и Пушкина и Толстого.

Да и потом, раз снят крест с пола (обрезание) — явилось его безбожие. Что за «семиты» татары, но при обрезании у них нет ни кафе-шантанов, ни Парижа. И кто сказал: «во Христе Иисусе несть обрезание ни необрезание» — и учредил кафе-шантаны. «Он не понимал!» А мне что за дело, что не понимал. Только если «не понимал», то зачем же становится «учителем церковным».

* * *

На предыдущее письмо:

Аллах — Елоах, единственное число Аллаха, и Мусульманство есть дифференциал Юдаизма⁹³. Выкиньте у них

⁹² Архиепископ Никанор (в миру Александр Иванович Бровкович, 1826—1890) — епископ Православной Российской Церкви, архиепископ Херсонский и Одесский, духовный писатель, философ, доктор богословия. Розанов имеет в виду его обличительные проповеди: Беседа о том, что ересеучение графа Л. Толстого разрушает самые основы не только православно-христианской веры, но и всякой религии. Одесса, 1889; Беседа о том, что не следует христианским проповедникам опровергать все лжеучения. Одесса, 1889; Беседа о христианском супружестве: Против графа Льва Толстого. Одесса, 1894; Церковь и государство: Против графа Толстого. Одесса, 1890.

⁹³ В арабистике считается, что слово «Аллах» расшифровывается как «аль-илах» и является результатом слияния определенного артикля ед. числа аль (al) и илах (ilah) — слова, означающего «бог», однокоренного с еврейским Элох'им в Библии, арамейским Элах, сирийским Алах и аккадским Эль. В то же время, по мнению некоторых мусульманских богословов, Аллах — имя собственное, не образованное от каких-либо семантических корней (*гайр муштакк*).

Слово «Аллах» всегда употребляется в единственном числе во всех Писаниях ислама, указывая на *Единство и Единственность Бога* как подтверждение отвержения. Арабы и арабоязычные, исповедующие другие авраамические религии (иудаизм и христианство), используют это слово в молитвах и богослужениях для обращения к Богу. Обычно,

ревность и затворничество жен, и получится роскошная и крепкая цивилизация. Я думаю, что вообще разговоры следовало бы бросить и начать обрезываться. Но это 2-ое поколение сделает. Но развязываться со скопцами надо скорее.

С Меньшиковым⁹⁴ — ну, что ж, может, он что напишет. Я кроме заглавного листа у него ничего не читал, да и, кажется, там «музыка без слов».

Нет, батенька, гения мы не имеем, но дело наше крепко. Так крепко, что если б я хотел (иногда хочется), то не могу развязаться. Тут что в шестерню палец попал.

Вы думаете, в Библии нет порнографии? У Иезекииля: «Говорит Господь: ты блудила с сыновьями Египта, потому что у них семя жеребцов» (синодальный перевод). Читаю вчера книгу доктора Погорельского⁹⁵: и он поправляет: «потому что у них х...и длинные, как у жеребцов». Это не хуже «Гавриилады»⁹⁶ будет.

когда речь идет об исламе, для обозначения Бога всё равно применяется слово «Аллах», даже не в арабоязычной среде. В арабском переводе Библии слово «Бог» также переведено как «Аллах».

⁹⁴ Михаил Осипович Меньшиков (1859–1918) — консервативный публицист, сотрудник «Нового времени».

⁹⁵ Мессель Викентьевич Погорельский (1852–?) — врач и раввин г. Херсона. Речь идет о его книге: О сифилисе по Библии: *Zara ath*, или Что такое библейская «проказа»? С прил. ст.: Об обрезании: Историко-мед. исследование в связи с вопросом о санитарии и гигиене личности и половой профилактики по Моисееву законодательству / [Соч.] Д-ра Мес. В. Погорельского; Dr. Messala Pogorelsky. СПб.: тип. Э. Арнгольда, 1900.

⁹⁶ Точное название: «Гавриилада» — поэма Пушкина, пародийно-романтически обыгрывающая сюжет Евангелия о Благовещении Деве Марии. Была запрещена цензурой. Первая публикация поэмы (на основе не вполне исправного списка) была в Лондоне (См.: *Огарёв Н. П.* Русская потаенная литература XIX столетия. Лондон, 1861). За ним последовали анонимное заграничное издание 1898 г. и берлинское издание Гуго Штейница 1904 г. В России до 1917 г. печатались лишь отрывки из «Гавриилады», не связанные с евангельским сюжетом и под из-

Тот же Погорельский (врач и раввин) говорит: «священная проституция, кажется, была и у евреев, потому что в Библии есть два подозрительных места, где говорится о женщинах, состоявших при храме, и потому что блядун был «кадеш» и блядунья — «каду», что значит «святая». Вот бы это монахи объяснили. Будем мирны и не станем заподозрять друг друга.

В. В. Розанов — П. П. Перцову⁹⁷

[Август 1901]

Что, рассердились, что ли? А я вот соскучился без Ваших ругательских писем, значит, я добрее, хоть и «антихрист», как Вы меня ругаете. Никогда я антихристом не был, а так, запутался, просто не понимаю. Ничей я не враг.

И Никодиму было сказано: «еще не родишься вновь — не внидешь в царство небесное»⁹⁸. Значит, так трудно. А Вы меня насмешливо спрашиваете: «чем болтать, ответьте на 1 вопрос, как восстановить еврейское чувство пола». А я почему знаю как. Но ведь Вы же не можете отрицать, что я подвел к вопросу: как восстановить трансцендентное чувство пола или еврейское чувство пола: а Вы пишете: «никакого Вы исторического значения не имеете». Почему же нет, когда темы вопросов, центральнойших, до меня не было. «Но вы подводите к воротам, а не отворяете их». Один подводит, другой отворит.

менными названиями. Полный текст поэмы впервые опубликован в Советской России в 1918 г.

⁹⁷ МА МДМД. Фонд П. П. Перцова. КП 270/3. Л. 52–54. Маш. копия.

⁹⁸ «Иисус сказал ему в ответ: истинно, истинно говорю тебе, если кто не родится свыше, не может увидеть Царствия Божия. Никодим говорит Ему: как может человек родиться, будучи стар? неужели может он в другой раз войти в утробу матери своей и родиться? Иисус отвечал: истинно, истинно говорю тебе, если кто не родится от воды и Духа, не может войти в Царствие Божие. Рожденное от плоти есть плоть, а рожденное от Духа есть дух» (Ин. 3:3–6).

Эх, батенька: будем скромны, Не будем хвастать, что знаем то, чего не знаем; но если кой-что подумали, зачем отказываться. О разводе. Не знаю, зачем его Стиве, если он и без развода лучше чем при разводе кутит. Развод нужен чистым и ради очищения семьи: вот новая на него точка зрения, которой опять не было. Развод нужен для вторичного брака с любимым существом, а для разврата не нужен развода. Но Вы пренебрегаете практическими, (мельчайшими) ступенями для поднятия семьи, Вам подавай «Эврику», Вам давай прямо Палладу из головы Юпитера. Этого я не умею. Тут я пас. Я — маленький, а не большой!

Но вот на что обратите внимание: Спенсер⁹⁹ и Бокль, т. е. чистейшие из нутра безбожники, кажется, никогда не держали fallos. Я не шучу. Обратите внимание, что fallos таинственно связан с атеизмом. Почему, я не знаю, но я наблюдал. Афаллисты суть самые непоборимые безбожники: их хоть зарежьте, они не могут ощутить «вещей невидимых упования» (= веры)¹⁰⁰. Кто, напротив, начал погружаться в сии глубины, становится задумчив, нежен, проникновенен, меланхоличен и радостен вместе, и трансцендентен духом. Просто я наблюдал это, и чем глубже туда, выше — туда. Вот связь вещей. Тут в смысле ритуала, подступов, средств — поверьте, много можно найти. Ведь мы — при начале всего. Поверьте, не поставлено точки, и Ваша критическая точка — не осторожна, молода. «Эй, Петя, не хвастай: ничего еще “в волнах не видно”¹⁰¹, а ты уж подсчитываешь итоги».

«Высот Милитты¹⁰² вы не восстановите». Будто в них дело. Дело в сути, а не во временах, именах и формах. Вся

⁹⁹ Герберт Спенсер (Spencer, 1820–1903) — английский философ и социолог, один из родоначальников эволюционизма.

¹⁰⁰ «Вера же есть осуществление ожидаемого и уверенность в невидимом» (Евр. 11 : 1).

¹⁰¹ Цитата из народной песни «Вниз по матушке, по Волге», неоднократно употребленная Розановым в письмах.

¹⁰² Мíлитта, — семитическая богиня, культ которой особенно процветал в Вавилоне и оттуда перешел к ассириянам и персам. Она была ото-

Европа вступила в фазис атеизма. Подыщут им 1—1 ½ века: но если теизм будет восстанавливаться (а конечно, будет!), он будет восстанавливаться именно fallos'ным путем, fallos'ными средствами, как и вечно: больше чувства fallos'a — больше чувства бога, хотя субъективно и не заметно. Так что и «высоты Милитты», поверьте, восстановятся даже вокруг маленькой Лютеции (Paris). Да и восстановится fallos, древо жизни, верю, верю, да и написано в Апокалипсисе.

Вы меня сбили. Вы меня заставили самоуверенным тоном поколебаться. Я подумал: «Боже, как я бессилён, если Перцов так ругается: значит, я ни в чём никого не убедил».

Но, друг мой, пока есть одна пара множащихся, пусть даже только собак — Озирис и Изида живы, не опровергнуты, суть факт. Вот факта-то Озириса и Изиды, и невозможно из земли вырвать иначе как fallos скопца.....¹⁰³

А вот что: не хотите ли Вы к «Сумеркам просвещения»¹⁰⁴ прибавить несколько по образованию передовиц из «Нового Времени»? Тогда черкните, я Вам отберу.

А с Иисусом я не хочу ссориться. Да и ни с кем не хочу ссориться. Мое дело чистое: религиозный брак:

- 1) чистый
- 2) верный
- 3) плодovitый
- 4) воспитательный.

А поэзия, а музыка, а ритуал? Да ведь ещё ничего не началось, и в посланиях апостольских разве есть такая дивная красота, как византийское пред-причастное: «Верую,

жествляема с греческой Афродитой Уранией и почиталась праматерью мира, женским производительным началом, рядом с которым Бел или Ваал представлял мужское производительное начало (Hdt. 1, 131. 199).

¹⁰³ Так в машинописной копии письма. Строки, состоящие из одних точек, не раз встречаются в рукописях Розанова.

¹⁰⁴ Сборник статей впервые опубликован: *Розанов В. В. Сумерки просвещения: Сборник статей по вопросам образования*. СПб.: Издание П. Перцова. 1899.

Господи, и исповедуя, яко Ты еси Сын Божий, пришедый в мир грешные спасти, от них же первый есть аз»¹⁰⁵. Ни — «Херувимской». Ничего. Поверьте, для семьи и брака найдутся не худшие гимны, не худшие храмы. Но только торопиться не надо. И не надо лгать: «о, уже знаю, о, уже можем»!

Будем скромны, но не будем прерывать шагов.

Ну — besé¹⁰⁶. В. Розанов

В. В. Розанов — П. П. Перцову¹⁰⁷

[10.08.1901]

1901 10/VIII

А ведь и в самом деле, дорогой, мы не понимаем друг друга. Перечел раза 3 Ваше письмо и итог: «Как я прав, как он не прав». Но ведь не дурак же и вы. Следовательно — не понимаем. Меня душит моя правда (клянусь!), от сего раздражение при самом виде возражающего. Клянусь, я не лгу.

Вчера читал на ночь «3 разговора» Соловьева, весь 1-й разговор одолел. Как интересно. Вообще мы (и Вы тоже) маловато читаем, больше заглядываем в книги, да «слыхал, что-то говорили». Но у меня ужасная лень читать, позорная. И она уже лет 8–10 образовалась.

Когда Вы вернетесь? Да отчего на 3 вопроса не ответили, что делали в Рыбинске? Ну, принесли почту.

Смотрите же, любите меня, а то будет скучно.

Ваш В. Розанов.

¹⁰⁵ Точная цитата: «Верую, Господи, и исповедую, яко Ты еси воистину Христос, Сын Бога живаго, пришедый в мир грешныя спасти, от них же первый (или первая) есмь аз» (Молитва перед причащением на литургии).

¹⁰⁶ Целую (*фр.*).

¹⁰⁷ МА МДМД. Фонд П. П. Перцова. КП 270/3. Л. 55. Маш. копия.

Д. В. Философов — В. В. Розанову¹⁰⁸

[Б. д. 1901]

Пятница

Дорогой Василий Васильевич.

Посылаю Вам первую главу Вашей статьи, на тот случай если бы Вы желали ее просмотреть. Вторую пришлю вечером. Если Вам лень, то, пожалуйста, не корректируйте! Ее будет исправлять корректорша, а затем и я. Повторяю, что посылаю лишь с целью оказать Вам любезность.

При сем письма Устьинского. Для Меньшикова¹⁰⁹ они губительны. Но доводы за полигамию и за признание антич-ного> мира Христом неотразимы. Но в общем, спор он ведет несколько наивно. Всей широкой массе людей атеистической культуры одинаково чужды и «язычествующие христиане» и «христианствующие язычники».

Вместе с тем, их-то и надо пробудить для религиозного сознания. Что протоиерей Устьинский мне разрешает полигамию — спасибо. Но для меня это не по карману. За-

¹⁰⁸ Текст подготовлен к изданию и прокомментирован Е. В. Глухой по архивному оригиналу: НИОР РГБ. Ф. 249. К. М3871. Ед. хр. 4–6. Л. 7–8. Розанов нумеровал письма своего корреспондента. Настоящее письмо (№ 41) включено здесь в принятую хронологическую последовательность.

¹⁰⁹ С М. О. Меньшиковым Розанова связывали неприязненные отношения: он был замешан в скандале с протоиереем Устьинским, раскрыв его псевдоним как корреспондента Розанова по проблемам семьи, брака и развода (его письма Розанов печатал за подписью: «прот. А. У-ский» — см. *Розанов В. В. Брак и христианство // Русский труд*. 1898. № 47–52), — событие это вызвало тяжелые последствия для священника: А. П. Устьинскому запрещено было печататься, вести переписку с Розановым (чего он не исполнил), и он был заключен на три месяца в монастырь для покаяния (см.: *Меньшиков М. О. Тоже стиль модерн // Новое время*. 23 марта (5 апреля) 1903. № 9716. С. 2–3. Ответ Розанова: Ответ г. Меньшикову // *Новое время*. 28 марта (10 апреля) 1903. № 9721. С. 3; а также: *Меньшиков М. О. Титан и пигмеи // Новое время*. 23 марта 1903. С. 3). З. Н. Гиппиус, а также и П. П. Перцов считали (и это отражено в его воспоминаниях о Розанове), что Меньшиков сыграл свою зловещую и решающую роль в закрытии религиозно-философских собраний.

метьте, к моногамии пришли вовсе не христиане и не язычники, а люди современной атеистической культуры.

Добрые современные турки предпочитают иметь одну жену! Вообще «историческая» почва для оных споров очень опасна.

В воскресенье думаю быть у Вас. А пока до свидания.

Душевно преданный Вам

Д. Философов.

Р. S. Когда же можно получить из «Нового Времени» возражение Мережковскому?

Л. Д. Зиновьева-Аннибал — И. М. Гревсу¹¹⁰

[23.08 / 5.09.1901. Афины]

25, Rue Sina.

Athènes.

23 ст. ст. августа 1901.

Дорогой Иван Михайлович,

Приходится писать Вам при странных и тяжелых обстоятельствах, в которых мы всего менее ожидали оказаться здесь в вожделенном крае старинной [верной?] мечты нашей. Вячеслав лежит в страшном южном тифе уже 45 дней и еще не вне опасности далеко и не вне лихорадки; прошел же и меня провел через столь многие ужасы этой неведомой мне доселе по силе и злобности болезни... что лучше не стану вновь перечислять их, вновь будить в своей душе пережитой муки, пережитой и еще переживаемой, и кто знает будущее... не смею пытаться...¹¹¹

¹¹⁰ Печатается с комментариями по: Переписка Гревса и Вяч. Иванова. С. 232–234.

¹¹¹ В архиве Иванова сохранился огромный температурный лист этой болезни, составленный Зиновьевой-Аннибал на немецком языке (по всей вероятности, лечащий врач был немец); в листе нет чисел, обозначены только дни недели и порядковая нумерация дней болезни, так что установить крайние даты невозможно, общая продолжительность наблю-

Что Вы, где Вы? Мы ничего не знаем и как горячо желали бы услышать о Вас. Ведь Вы, конечно, знаете, что молчание не есть забвение и что мы, как и Вы, кажется, питаем большую нелюбовь к письмам, этим мертвенным и неполным мгновениям общения, и потому часто вспоминаем и говорим о Вас, но за перо не решаемся взяться. Теперь же уж через меру стосковались, ничего о Вас не зная, и о себе захотелось хоть в общих чертах сообщить, чтобы оживить обстановку, в которой приходится жить и Вам и нам. Что Вы теперь работаете, где провели лето, каковы планы на зиму, как здоровье детей и Марии Сергеевны¹¹²? Словом, все, Вас близко касающееся, близко и нам. О нас целая эпопея. Сообщу ее в главных чертах. *Өеенью* Зимойю прошлого года основали очаг и утвердили семейных пенатов на неопределенные года в Женеве возле моего старика¹¹³. Наняли там за городом старый дом со старым садом, где есть и вишни, и сливы, и даже несколько кустов винограда. Там поселили младших 3-х и с ними на время нашего отсутствия осталась Мария Михайловна Замятнина¹¹⁴, наш добрый гений хранитель-

дений — почти три месяца, с многократными в продолжение суток замерами температуры; с 9 по 24 день температура держалась выше 39°; последние записи все еще фиксируют субфебрильный температурный «хвост». См.: РГБ. Ф. 109. К. 8. Ед. хр. 32.

¹¹² Мария Сергеевна Гревс (урожденная Зарудная, 1860–1942) — жена историка И. М. Гревса. — В. К.

¹¹³ Отец Лидии Дмитриевны — Дмитрий Васильевич Зиновьев (1822–1904) — постоянно жил за границей. Забота об отце в течение нескольких лет удерживала Зиновьеву-Аннибал и всю ее семью в Женеве. 28 сентября 1904 г. Иванов писал В. Я. Брюсову: «Конечно, смерть Дмитрия Васильевича существенно изменяет наши планы: теперь переселение в Россию — вопрос решенный» (подробнее см.: *Брюсов В. Я.* Переписка с Вячеславом Ивановым // Литературное наследство. Т. 85. М., 1976. С. 461–462; см. также: *Иванова Л. В.* Воспоминания. М., 1992. С. 19).

¹¹⁴ Мария Михайловна Замятнина (1865–1919) — подруга Л. Д. Зиновьевой-Аннибал, взявшая на себя попечение о доме Ивановых, ставшая в нем полноправным членом семьи. В. К. и К. К. Шварсалоны и Л. В. Иванова жили, в основном под присмотром М. М. Замятниной, в Женеве до весны 1907 г., а Иванов и Зиновьева-Аннибал поселились с осени 1905 г. в Петербурге. Гревс, по всей вероятности, был знаком

ный. Кстати здесь скажу, что она решила всецело отказаться от своего библиотекарства и прирасти к нашей семье любимым ее членом¹¹⁵. Сережа не захотел расстаться со своей школой и приезжает домой только на вакации¹¹⁶. (Вакации Пасхи и Рождества длятся также по 4 недели). Он так преуспевает там, что грешно было бы тревожить его; нынче еще раз взял приз и 1^й приз на конкурсном экзамене всех желающих ниже 14 лет, т. е. получит в течение 3^х лет сумму в 720 рублей в виде платы за учение и почетный титул scholar'a. Из-за страшной болезни Вячеслава мы задержались в Греции, куда приехали

с Замятниной по петербургским Высшим женским курсам, где он преподавал, а Замятнина, выпускница девятого (1893 г.) выпуска до 1902 г., т. е. до того момента, когда она окончательно решила соединить свою судьбу с домом Иванова и Зиновьевой, была помощницей библиотекаря (см.: Памятная книжка окончивших курс на С.-Петербургских Высших Женских Курсах 1882–1889 гг. 1893–1903 гг. СПб., 1903. С. 91). Ср. в письме к Замятниной от С. И. Алымовой, бестужевки, приятельницы также Л. Д. Зиновьевой-Аннибал, от 1 апреля 1893 г.: «Поздравляю Вас, милая Мария Михайловна, и от души желаю, чтобы слова Гревса осуществились в Вашей жизни» (НИОР РГБ. Ф. 109. К. 11. Ед. хр. 24. Л. 1); к сожалению, за неразысканностью писем Замятниной к Алымовой невозможно выяснить, о чем именно идет речь). В общем фонде РГБ нам попался экземпляр литографированного издания лекций Гревса (История средних веков. Ч. II), принадлежавший Замятниной, судя по владельческой помете «М. З.» и имени автора книги «И. М. Гревс» на титульном листе, написанным ее характерным почерком. Это — случайная находка, которой мы обязаны естественному при подготовке нашей публикации обращению к печатным работам Гревса. Поскольку и прежде в общем фонде РГБ нам встречались книги, явно входившие некогда в состав личной библиотеки Иванова (книги Замятниной должны были разделить судьбу библиотеки, оставшейся в Москве), нам кажется необходимым поставить вопрос о попытке целенаправленного выявления в общем фонде РГБ ивановского книжного собрания.

¹¹⁵ Ср. воспоминания Л. В. Ивановой: «Наша маленькая вилла в Женеве, villa Java (Жава), была милая, в 2 этажа, а сверху еще третий, где были чердак и мансарды. Вокруг — очень большой сад. Я представляла себе рай по образу нашего сада весной, когда цвели все фруктовые деревья: яблони, черешни и многие другие. Красота этого сада захватывала дыхание» и т. д. (С. 14–15).

¹¹⁶ Сергей Константинович Шварсалон (1887–1941) — сын Л. Д. Зиновьевой-Аннибал от первого брака, учился в Англии.

в марте, и нам не довелось попасть домой на Сережины летние вакации! Но Мария Михайловна устраивает им уютный радостный дом, и Сережа полон счастья и жизнерадости.

Здесь все у нас пошло не так, как мы предполагали. С начала нашего пребывания мы все ходили на Акрополь и изучали его часами, не пропуская притом почти ни одного заката солнечного за далекий Парнас. Бродили по музеям и по Афинам. Вячеслав посещает библиотеку по утрам, но больше всего лишь в поисках за разъяснениями для того, что мы имели перед глазами. На *giri Dörffeld*¹¹⁷ мы не попали, потому что они были уже давно заняты! Зато прямую линию нашей жизни в Греции внезапно сломило и потрясло нас до основания нежданное событие. К Пасхе устроилась организованная поездка для греческих паломников в Иерусалим, и мы примкнули к ней¹¹⁸. И так мы оказались в Палестине. Не стану говорить Вам, что дали великого и до какой достигли глубины впечатления 2^x недель, проведенных в Иерусалиме (страстная и пасхальная недели)¹¹⁹, и пути в Назарет вер-

¹¹⁷ На экскурсии (*um.*) Дерпфельда. Вильгельм Дерпфельд (Dörffeld; 1853–1940) — архитектор и археолог, в 1887–1912 г. первый секретарь Германского археологического института в Афинах. О проводимых им экскурсиях, посвященных архитектуре и топографии древних Афин, см.: *Wickert L. Beitrage zur Geschichte des Deutschen Archaeologischen Instituts von 1879 bis 1929. Mainz, 1979. S. 86.* Иванов хорошо знал печатные работы этого ученого (в том числе и о театре), но нельзя исключить и того, что он все же принимал какое-то участие в упомянутых экскурсиях, в этом или следующем цикле.

¹¹⁸ По всей вероятности, Ивановы, находясь в Афинах, достаточно целенаправленно искали возможности поездки на Восток: в бумагах Иванова сохранилась справка афинского бюро известной фирмы Кука с различными вариантами пароходных рейсов в Египет и Святую Землю (НИОР РГБ Ф. 109. К, 50. Ед. хр. 4. Л. 8). Как пункты назначения рассматриваются Александрия, Каир, Порт Саид, но один из вариантов предполагает заход в Яффу; документ не датирован, и нельзя исключить, что он относится к другим лицам и времени, однако это представляется маловероятным.

¹¹⁹ Пасха в 1901 г. приходилась на 1 апреля, следовательно, Иванов и Зиновьева-Аннибал провели в Иерусалиме последнюю неделю марта и первую неделю апреля.

✓ хом до 9 часов в сутки (4 сутки), и самый Назарет светлый и радостный после пустынного мрака Иерусалима, и на горе Кармиле, где отдыхали слишком потрясенные души наши. Здесь были и страшные приключения по дикой горной дороге между Иерусалимом и Назаретом по стране ненавидящих фанатиков в сопровождении всего одного араба, не говорящего ни на одном европейском языке: лошадь Вячеслава оказалась без ног и дважды падала под ним, однажды ушибла калено, второй же раз бросила его головой о камень так, что кровь ручьями текла из висков, люди жали в поле (в апреле), но никто не шелохнулся, и еще хорошо, что не напали. Мы были в пустыне в 6 часах езды от ночевки в мусульманском местечке в Эдрелонской прекрасной долине и в 2^x сутках от Назарета и доктора. К счастью, были повязки и вода, и я забинтовала голову, и поехали дальше по палящей дороге. Но все забывалось в красоте и святости места по одичалой, некогда цветущей стране. Вячеслав переменял лошадь с проводником, который тоже упал. Дикие, почти нечеловеческие, злые лица, ущелия и перевалы без тропы часто, и долины, внезапно плодородные, покрытые злаками такой тучности и цветами такой силы и яркости, осененные небом такой синевы и солнцем такой огненности, что описать и вообразить того нельзя. В тихом, мирном, [полусонном?] Назарете провели 2 дня, съездили в Тивериаду, проехали по голубому озеру в Капернаум и даже бурю испытали и затем проехали в Кайфу, чтобы сесть на корабль и плыть через Александрию домой в Афины. Но карантин задержал корабль, и мы оказались помимо воли, но, к счастью нашему, на прекрасной неопишимо и великой горе Кармиле, горе великого пророка Илии. Она высится над «неизречно» синим морем и над неизречно зеленой прекрасной долиной Эдрелонской. Там после многих ночевок на невообразимо грязных и жестких постелях греческих монастырей и даже арабской локанды¹²⁰ — мы оказались в немецкой тихой гостинице и отдох-

¹²⁰ Гостиница (от ит. locanda — гостиница, как правило, бедная).

нули телом и душой... Ох, как я расписалась. Ну, наконец дождалась корабля, и еще дальше путь не без приключений, потому что пришлось высаживаться в Яффе, где нет пристани, при такой буре, что две других лодки с арабами опрокинулись над грядой подводных скал и арабы доплыли до далекого берега Мы же с долгими заклинаниями Магомету и другим пророкам в ритм с ударами весел перелетели благополучно через зиявшие камни...¹²¹ Заехали из Порт-Саида в Каир¹²², где провели, к сожалению, 3 дня только, и не могли больше, оттого что есть мера, когда переполняется душа и дальнейшее восприятие слишком мучительно. Влезали на Хеопсову пирамиду, по разваленным ступеням, некоторые в 1½ метра высоты! и внутрь лазали ползком, без воздуха и по скользкому [проходу?] и с высоты глядели на две пустыни странные и прекрасные с розово-фиолетовыми песками, и на узкую полосу зелено-синего Египта и желтую ленту Нила между ними¹²³.

¹²¹ Это происшествие легло в основу стихотворения Иванова «Яффа», датируемого 9 марта 1915 г. и вошедшего в последнюю книгу поэта «Свет вечерний»:

Распрыгались у пироскафа
 Ладьи арабские. Бедой
 Ревнивая грозила Яффа
 За обуруненной грядой.
 Но не вотще именовала
 Гортань гребцов весь райский лик:
 За челюсть скал мы с гребнем вала
 Перемахнули, выбрав миг.
 А ближний челн (пророков души
 Не все, знать, кормщик помянул),
 Отдав пловцов живыми суше,
 С почтовым грузом утонул.

(Иванов В. И. Собрание сочинений в 4 т. Т. 3. Брюссель, 1979. С. 506.)

¹²² Поразительный по красоте и оригинальности, открывающий душе Восток; Восток же вскрыл нам новый мир — *Примеч. Зиновьевой-Аннибал.*

¹²³ Воспоминание о пребывании в Египте отложилось в лирике Иванова поздно; см. стихотворение «Фламинго», помеченное 24 января 1915 г.,

Вернувшись в Афины, мы уже сиднем сидели дома, и Вячеслав в библиотеке, где он горячо принялся за матерьялы для своих новых, определившихся научных замыслов. Кроме того он с огромной продуктивностью работал над сборником, доканчивал замышленное, [перебирал старое, дополнял] и написал много нового и перебрал весь порядок сборника, выпустив много старого, так что книга стала новою. Она теперь совсем закончена и лежит у нас вся в корректурах¹²⁴. Вот вопрос его к Вам: разрешаете ли Вы ему посвятить Вам Парижские эпиграммы, когда-то нравившиеся Вам, — под формулой:

Ивану Михайловичу Гревсу

decimi abhinc anni mnemosynum¹²⁵.

Вячеслав Вас нежно обнимает. Если выздоровление пойдет правильно, то месяца через 1½, даст Бог, удастся выбраться отсюда. А ведь до болезни было решено мне одной возвращаться в Женеву, а он хотел остаться, весь горя своей новой научной работой! Пишите сюда: 25, Rue Sina. Наш сердечный привет Марии Сергеевне и деткам.

Ваша Лидия Иванова.

т.е. практически одновременное «Яффе» и также включенное в посмертную книгу «Свет вечерний» (*Иванов В. И.* Собрание сочинений. Т. 3. С. 507).

¹²⁴ Речь идет о работе над книгой «Кормчие звезды», набиравшейся в Петербурге, в типографии А. С. Суворина.

¹²⁵ Ивану Михайловичу Гревсу / подарок в память десятого уже года (*лат.*) — Свое согласие на посвящение (по старинному благородному обычаю, на публичную дедикацию следовало испрашивать разрешение адресата) Гревс высказал Иванову (см. письмо от 1(14).02.1902), заметив при этом, что предпочел бы увидеть свое имя перед чьем-либо «итальянским». Тем не менее цикл «Парижские эпиграммы» в книге «Кормчие звезды» действительно был посвящен Гревсу, однако без латинской части посвячительной надписи, предлагаемой в комментарии письме. Кроме того, посвящение Гревсу стоит и при одном из «Итальянских сонетов» — «Speculum Dianae» (Вот зеркало Дианы. Тесно круг...).

Вячеслав не знает, как благодарить Вас за огромную услугу чтения корректур.

А. В. Ельчанинов — П. А. Флоренскому¹²⁶

[4.09.1901. СПб. — Москва]

Дорогой Павлуша!

Особенно много сейчас написать не могу, так как у меня завтра и 7-го экзамен; 7-го же я отправлюсь по всем петербургским букинистам и поищу, что ты просишь; денег, конечно, присылать не надо, так как я и так твой должник; насчет твоего предложения (я сначала отвечаю по пунктам) могу сказать, что покамест нахожусь в очень хорошем положении: обедаю «на общественный счет» в студенческой столовой и жду стипендию; мой перевод в Москву задал мне неразрешимую дилемму: экзамены у нас вообще кончаются в половине сентября, тогда же разбирается вопрос о стипендиях: пока я переведусь в Москву, пока мои документы будут получены там, вопрос о стипендии будет уже решен во всех университетах, тем более что прошение надо подавать не позже мая (по уставу), и не могу же я, состоя пока студентом Петербургского университета, подавать прошение в Московский университет. Если бы я к Рождеству получил частную стипендию, я бы постарался перевестись к вам; может быть, можно было устроить перевод и теперь, но мешает моя инертность, при всем моем сильном желании быть с вами. Мне кажется, что для меня и желать большего нельзя, как быть с тобой, я часто думаю, как много бы я тогда узнал, сделал бы сам, как работал бы (ты знаешь, что ты действуешь вдохновляющим образом), но я все таки сижу на месте и вряд ли сдвинусь: на всякий случай попроси Эрна от меня, чтобы он или сам, или через тебя сообщил, что они прошли в прошлом году и что будут прохо-

¹²⁶ Печатается с комментариями по: Павлюченков, ВПСТГУ 2010/3. С. 89.

дить в этом (вкратце, конечно), ведь у нас программы совсем разные. Теперь у нас экзамены, но я делаю очень мало, больше хожу из угла в угол или по Малому проспекту; скажи, что делать против лени, принимать ли электрические души или молиться Богу? В себе я почти не нахожу сил, впрочем, с твоей точки зрения души, конечно, дело дьявола, что-то вроде мошенничества. Недавно я перечитывал твои письма, они мне стали значительно понятнее после наших летних разговоров. Володя¹²⁷ уже в Париже, скучает; Маня держит экзамены хорошо; сюда приехал Вахтанг — спит. Прости, что ничего интересного написать не могу — экзамены взяли последние остатки; кстати, что интересно, они у меня идут хорошо. Кланяйся Эрну и Коле.

Твой А. Ельчанинов. С.-Петербург. 4.09.1901

С. Н. Булгаков¹²⁸ — П. Б. Струве¹²⁹

[5.09.1901. Киев — СПб.]

Киев. Б. Житомирская, д. 26, кв. 1
(во дворе) или же Политехникум.

¹²⁷ Вероятно, В. Эрн.

¹²⁸ Сергей Николаевич Булгаков (1871–1944) — русский религиозный философ, экономист, в юности увлекался марксизмом. В 1903 г. опубликовал сборник статей «От марксизма к идеализму», принял участие в коллективном сборнике «Проблемы идеализма». В 1904 г. он вместе с Н. А. Бердяевым начинает редактировать журналы «Новый путь» и «Вопросы жизни». В 1903 г. С. Н. Булгаков принял участие в нелегальном съезде «Союза освобождения», положившего начало будущей партии кадетов. В 1907 г. избран депутатом во 2-ю Государственную думу. Один из авторов сборника «Вехи» (1909). В 1918 г. принял священство. В 1922 г. был выслан советскими властями в Турцию. Умер в Париже.

¹²⁹ Печатается с комментариями по: С. Н. Булгаков. Письма к П. Б. Струве (1901–1903) / Публ. и коммент. М. Колерова // Исследования по истории русской мысли. Ежегодник за 2003 год. М., 2004. (Далее: Колеров, 2004). С. 515–516.

Петр Бернгардович Струве (1870–1944) — русский философ, историк, экономист, общественный деятель, публицист. В 1890-х гг. теоретик

5.IX.01

Дорогой Петр Бернгардович! Простите, что так поздно отвечаю Вам на Ваше письмо, главным образом благодаря переездам, в которых прошел у меня конец лета. Благодарю Вас за поздравление с кафедрой¹³⁰ — с золотником соли, прибавленным русской жизнью. Как бы ни было тяжело и даже «опасно» положение преподавателя, раз я имею возможность занимать, считаю это своей естественной обязанностью, конечно, до момента серьезной коллизии.

Я начинаю любить кафедру, то есть чтение лекций, и при других условиях с кафедрой был бы неразлучен. В России, конечно, нельзя ручаться. Я только недавно прибыл в Киев и еще не ознакомился с здешней жизнью. Атмосфера в Политехникуме по меньшей мере сносна. Прошлый год прошел здесь без всяких жертв со стороны политехнического начальства. Удержатся ли они, сказать трудно, многое зависит и от личного состава. Теперь и я познакомился с трудами ортодоксов. Относительно статьи Вашего критика¹³¹, то — не говоря об ее отталкивающей внешности и вну-

«легального марксизма», автор Манифеста РСДРП (1898). С начала 1900-х гг. лидер российского либерализма, редактор журнала «Освобождение», один из руководителей «Союза освобождения». С 1905 г. член партии кадетов и ее ЦК. Депутат 2-й Государственной думы. С 1907 г. фактический руководитель журнала «Русская мысль» (РМ), участник сборника «Вехи» (1909). С 1920 г. в эмиграции.

¹³⁰ В сентябре 1901 г. Булгаков занял кафедру экономики Киевского политехнического института. Первоначально он намеревался получить место приват-доцента в Московском университете, куда весной 1901 г. подал прошение. Однако разрешение на это управляющего Московским учебным округом вышло лишь 3 августа 1901 г. (См.: РГИА СПб. Ф. 733. Оп. 151. Ед. хр. 206. Л. 99) и было сообщено на юридический факультет только 17 августа (См.: ГИАМ. Ф. 48. Оп. 70. Д. 411. Л. 8); не дождавшись его, Булгаков уехал в Киев, где сразу был избран ординарным профессором политехникума, а позже и приват-доцентом Университета св. Владимира по той же кафедре (*примеч. О. К. Локтевой*).

¹³¹ Плеханов Г. В. Критика наших критиков. Ч. I: Г-н П. Струве в роли критика марксовской теории социального развития // Заря. Штутгарт, 1901. № 1–2/3. С. 17–32; 1902. № 4. С. 11–20.

тренности — она принадлежит к «самому худшему роду литературы, именно скучному». Она скучна до невероятия, я, по крайней мере, не имел ни терпения, ни интереса вникать во все извивы N-ской — с позволения сказать — мысли. Статья Старовера¹³² подкупает своим энтузиазмом и литературным блеском, в ней крайне симпатично неортодоксальное уважение к прошлому, но в общем она отличается большими недостатками со стороны содержания. Все-таки это — оазис в книге и идет во многом вразрез. Тем не менее я начинаю надеяться, что жизнь перевоспитает наших доктринеров и из их энергии что-нибудь вый-
дет, конечно, не для теории. Я думаю, что теоретический марксизм скоро перестанет играть роль печки, от которой танцуют наши писатели по экономическим и социологическим вопросам, и займет бесспорное и почетное место лишь на божнице политической экономии. Не то, конечно, практика его. Полемика — дело вкуса, и *de gustibus non disputandum*¹³³, но я счел бы для себя полемику (*an sich*)¹³⁴ со статьей, как та, которая теперь направляется против Вас, вполне излишней. Вероятно, Вы и не задаетесь целями прямой полемики. У меня нет адреса для заказных писем, и я не знаю, застанет ли Вас это письмо, — известите о получении.

Где Вы проводите зиму? Разрешили ли Вам Выборг¹³⁵? Последнее время ничего Вашего не появляется, и потому я не читаю о Вас даже литературных известий. Делаете ли

¹³² Старовер — Александр Николаевич Потресов (1869–1934). Имеется в виду его статья: Что случилось? // Заря. Штутгарт, 1901. № 1. С. 45–57.

¹³³ О вкусах не спорят (*лат.*).

¹³⁴ В себе, (само) по себе (*нем.*)

¹³⁵ Решив выехать за границу для редактирования нелегального органа русских конституционалистов, Струве, видимо, намеревался переселиться в Великое княжество Финляндское, условия самоуправления которого в составе Российской империи и собственные, более либеральные, полицейские правила позволяли различного рода оппозиционерам ускользать от ответственности или эмигрировать. Тем не менее,

Вы сейчас какую-нибудь большую работу? Пожалуйста, дайте знать о себе, чем скорее, тем лучше. Я буду аккуратнее в ответе. От Алексея Михайловича¹³⁶ я не имел писем и не знаю, где он и что он. Крепко жму Вам руку. Поклон Вам обоим [передает] Елена Ивановна. Передайте мой привет Нине Александровне¹³⁷.

Ваш С. Булгаков

А. В. Ельчанинов — П. А. Флоренскому¹³⁸

[9.09.1901. СПб. — Москва]

Дорогой Павлуша!

7-го я был у 12-ти букинистов, но ни одной не нашел из нужных тебе книг; я-то уверен, что они есть и у ваших, и у наших букинистов, да только они сами не знают своих книг. Я поищу, может быть, найду еще букинистов. Экзамены я кончил; в три вечера я прочел материалы для биографии Достоевского, его письма, записную книжку и так далее и Мережковского «О причинах упадка etc.»¹³⁹, кни-

в середине декабря 1901 г. Струве смог-таки получить заграничный паспорт «для лечения» у тверского губернатора.

¹³⁶ Вероятно, Алексей Михайлович Воден (1870 — после 1932) — русский философ, литератор, переводчик.

¹³⁷ Жена П. Б. Струве.

¹³⁸ Печатается с комментариями по: *Павлюченков*, ВПСТГУ 2010/3. С. 90.

¹³⁹ Имеется в виду брошюра Д. С. Мережковского «О причинах упадка и новых течениях современной русской литературы» (1893), которую многие исследователи рассматривают как точку отсчета русского символизма и модернизма. Вскоре происходит сближение А. Е. (а через него и П. Ф.) с Мережковскими. Именно к этому времени относится и знакомство П. Ф. с А. Белым, а через него — и с поэтами-символистами. О сложных отношениях, сложившихся в этом кругу, см.: *Переписка Д. С. Мережковского, З. Н. Гиппиус, Д. В. Филоосова и О. А. Флоренской. (1906–1909) // Наше наследие. 2006. № 79–80; Павел Флоренский и символисты: Опыт литературные. Статьи. Переписка / Сост., подг. текстов и коммент. Е. В. Ивановой. М.: Языки славянской культуры, 2004 (Далее: *Иванова*, 2004).*

ги эти меня очень увлекли, тем более что последняя составила как бы экстракт первой, экстракт всего Достоевского (не совсем только). Если хочешь, напишу свое впечатление.

Прощай, твой А. Е.

С.-Петербург. 9.09.1901

А. В. Ельчанинов — П. А. Флоренскому¹⁴⁰

[19.09.1901. СПб — Москва]

Дорогой Павлуша!

✓ (...) Только что я перечел книгу Иова, которую не раскрывал с прошлой зимы. Что за чудная вещь, какая сила и т. д. Я никак не могу понять ее иначе как протест против всего Ветхого Завета, какого-то гения, далеко опередившего современников, иначе я не могу понять многочисленные места вроде следующих: «Если я невинен, то Он признает меня виновным» (9, 20); «нет между нами посредника» (9, 33); «Если я виновен — горе мне! Если и прав, то не осмелюсь поднять главы моей». Насчет мщения «до седьмого колена» — «пусть воздаст он ему самому, чтобы он знал»... «ибо какая ему забота до дома своего после него?» и много др.

Вместе с тем, какое неподходящее заключение, полное примирение, полная уступка. Прометей превращается в покорного раба; ей-богу, если бы я был вполне филологом, я бы всю фабулу отнес бы к «позднейшим наслоениям» и «добавлениям благочестивых писателей» и т. д.

Мережковского я перечел три раза¹⁴¹: по-моему, его аргументация, если она есть, сильно хромает: почему он принимает, что именно России выпадет надолго синтезировать «плоть и дух»? У Достоевского доказательством этому служит общая психология русского человека: его всечеловечность, широта,

¹⁴⁰ Печатается с комментариями по: Нашедшие град / Сост. и коммент. С. Черткова. М., 2017. (Далее: *Чертков*, 2017). С. 52–53.

¹⁴¹ Имеется в виду: *Мережковский Д. Л.* Толстой и Достоевский.

способность примирять даже противоречивые идеи; но у Мережковского об этом нет упоминания совсем. Можно подумывать, что он подразумевает, что раз, мол, в России были наиболее сильно выражены эти две стороны человека, то на долю России же и выпадет примирить их; но, во-первых, этого совершенно логически нельзя вывести, а, во-вторых, по словам самого Мережковского, на западе еще раньше, в XVI столетии, было не менее сильное выражение того же в произведениях Леонардо и Микель-Анджело. Потом у него неясно, признает ли он то, что на Западе только — «плоть», и ее крайний выразитель Ницше с его человекобогом-сверхчеловеком (это утверждается на 4-й стр.) или же верным считает то, что и Западная Европа имеет богочеловеческое начало — как его выразил Леонардо. Тогда существенного различия между нами и Европой нет, а следовательно, и толковать об особой роли России нечего. Я не говорю, чтобы его общие выводы были ложны — они только сбивчивы и логически неубедительны — в них только хочется верить. (...)

Если ты слушал речь Мережковского у вас в Москве, то, пожалуйста, напиши, о чем он читал и как, а главное, что наша публика — неужели «тупа и равнодушна»¹⁴²?

А. Ельчанинов.

Н. А. Бердяев¹⁴³ — П. Б. Струве¹⁴⁴

[29.09.1901. Вологда]

Вологда. 29 сентября 1901 г.

¹⁴² Цитата из стихотворения Т. Донде (псевд. Филоте О'Недди) «Сплин».

¹⁴³ Николай Александрович Бердяев (1874—1948) — философ, литератор, публицист, религиозно-общественный деятель. В 1904—1905 гг. редактор журналов «Новый путь» и «Вопросы жизни», сотрудничал также в журналах «Полярная звезда», ВФП, «Образование», «Голос Юга», «Московский еженедельник» (МЕ). До 1907 г. был идейно близок к кружку Мережковского — Гиппиус, затем разошелся с ними и примкнул в 1908 г. к движению «православного возрождения». Вместе с С. Булга-

Дорогой Петр Бернгардович!

На днях вернулся в Вологду и пишу Вам через редакцию «Мира Божьего», так как не знаю, где Вы теперь находитесь. Прежде всего, относительно «Präludien» Виндельбанда¹⁴⁵. Я начинаю их переводить и хотел бы знать, сообщили ли Вы издателю, что буду переводить я; затем я хотел бы знать точно, каких статей не надо переводить. Но еще больше меня интересует, в какой стадии находится проект нашего сборника. Если уже что-нибудь определяется, то напишите мне об этом. Теперь я работаю над статьей по этике, которую предполагаю именно для сборника¹⁴⁶. Вообще, я очень

ковым, В. Эрном, Е. Трубецким, П. Флоренским, Г. Рачинским участвовал в организации МРФО и Петербургского Религиозно-философского общества (ПРФО), сотрудничал в издательстве «Путь», где был издан ряд его работ; общался с кружком православных традиционалистов во главе с М. А. Новоселовым, посещал Зосимову пустынь (беседы со старцами этой пустыни шокировали его отсутствием духовной свободы и резкими нападками на Льва Толстого). Один из авторов сборника «Вехи» (1909). Пафос реформаторства, ранее направлявшийся на «общественность», постепенно оформился в экстатическую утопию творчества. В 1912 г. вышел из МРФО и «Пути». Резко отрицательно отнесся к Октябрьской революции, вел открытую полемику с идеологией большевизма. В 1922 г. был выслан из Советской России. См.: *Гальцева Р.* Бердяев Николай Александрович // Русские писатели. Т. 1. М., 1989. С. 246–249.

¹⁴⁴ Печатается с комментариями по: Н. А. Бердяев в начале пути (Письма к П. Б. и Н. А. Струве) / Предисл., публ. и коммент. М. А. Колерова // Лица: Биографический альманах. Вып. 3 / Ред.-сост. А. В. Лавров. М.: «Феникс»; СПб.: «Atheneum», 1993. С. 143–144.

¹⁴⁵ Книга вышла в переводе С. Франка: *Виндельбанд В.* Прелюдии: Философские статьи и речи. М.: изд. Д. Е. Жуковский, 1904. См. рец.: *Бердяев Н.* Кризис рационализма в современной философии (*Виндельбанд. Прелюдии*) // Вопросы жизни. 1904. Июнь. С. 290–304.

¹⁴⁶ В сентябре 1901 г. Струве задумал коллективный сборник «в защиту идеализма», позже получивший название «Проблемы идеализма» (1902), к участию в котором пригласил и Бердяева. П. И. Новгородцев, ввиду политической эмиграции Струве взявший на себя редактирование сборника, сообщал ему 14 ноября 1901 г.: «Я имею обещания статей: от Булгакова, Бердяева, Аскольдова, кн. С. Н. Трубецкого (...)» (РЦХИДНИ. Ф. 279. Оп. 1. Д. 67. Л. 49 об.). В итоге в сборнике была

дорожу идеей этих сборников и думаю, что нам необходимо каким-нибудь способом разъяснить и развивать свое направление, у нас слишком много противников, и [они] оказывают влияние разными путями. В Киеве я видел Сергея Николаевича Булгакова, и у нас оказалось гораздо больше точек соприкосновения, чем я предполагал, в общем, у него те же идейные тенденции¹⁴⁷. ✓

Свидание с Вами останется для меня очень радостным воспоминанием, но мне так много хотелось сказать Вам и так много услышать от Вас, что слишком чувствуется кратковременность нашего свидания¹⁴⁸. Мне бы страшно хотелось, чтобы мы могли жить в одном городе и чтобы между нами возникло более близкое общение, это уменьшило бы то чувство идейного и личного одиночества, которое меня всегда гложет.

Не забудьте сообщить мне свой адрес. Как Вы устроились и как себя чувствуете? Я теперь живу уже не в «Золотом якоре», мой новый адрес: Калашная ул., д. Гусева.

Василий Васильевич Водовозов¹⁴⁹ думает, что за книги я ему должен около 10 руб., а Вам ничего не должен, но по вашему расчету я Вам остался должен что-то. Сколько именно? Получили ли 10 руб., высланные для меня? Я получил при-

опубликована статья: *Бердяев Н.* Этическая проблема в свете философии идеализма // Проблемы идеализма: Сб. статей. М., 1902. С. 91–136. Переиздано в: *Бердяев Н.* *Sub speciae aeternitatis*: Сб. СПб., 1907.

¹⁴⁷ С. Н. Булгаков был одним из лидеров «критического направления» в марксизме (именно с его полемики со Струве о «законе причинности и свободе воли» начинается история направления). Тем не менее он дольше своих соратников придерживался марксистской ортодоксии в политэкономии. Только в 1900 г., с завершением фундаментального труда «Капитализм и земледелие», опрокинувшего в глазах Булгакова основные положения марксистской доктрины экономического развития, создаются условия для сближения его с Бердяевым. В октябре 1901 г. он пишет Струве: «Бердяев произвел на меня отрадное впечатление» (РЦХИДНИ. Ф. 279. Оп. 1. Д. 75. Л. 101).

¹⁴⁸ В сентябре 1901 г. Бердяев выезжал в Киев. Встреча со Струве, вероятно, состоялась при проезде через Тверь.

глашение написать статью на литературную тему для какого-то сборника, характер которого мне не ясен, но по списку участников можно думать, что он стоит в связи с покойной редакцией «Жизни»¹⁴⁹. Будете ли Вы в нем участвовать? Если успею, то я напишу литературную статейку.

Передайте от меня поклон Нине Александровне. Искренне любящий Вас

Никол. Бердяев

С. Н. Булгаков — П. Б. Струве¹⁵⁰

[11.10.1901. Киев]

Киев. Б. Житомирская, 26.

11.

Дорогой Петр Бернгардович!

Письмо Ваше, помеченное б.Х, я получил. В нем не содержится Вашего адреса, потому отвечаю Вам на имя Федора Федоровича Ольденбурга¹⁵¹. Предложение Ваше и Павла Ивановича [Новгородцева]¹⁵² принимаю, конечно, с полным сочувствием и появление сборника считаю и желательным и своевременным во всех смыслах¹⁵³. Но Павел

¹⁴⁹ Журнал «Жизнь» был фактически закрыт в апреле 1901 г.: его издатель и ведущие сотрудники оказались под арестом либо в ссылке. В 1902 г. редактор «Жизни» В. А. Поссе предпринял попытки продолжить ее издание в Лондоне и Женеве.

¹⁵⁰ Печатается с комментариями по: Колеров, 2004. С. 517–519.

¹⁵¹ Федор Федорович Ольденбург (1861–1914) — тверской земский деятель, педагог, брат С. Ф. Ольденбурга, член «Приютинского братства».

¹⁵² Павел Иванович Новгородцев (1866–1924) — философ, юрист и политический деятель, один из представителей либерализма. Окончил юридический факультет Московского университета, изучал право в Берлине и Париже. Профессор Московского университета (1902), с 1904 г. член Совета «Союза освобождения», с 1905 г. член кадетской партии. В 1906–1918 гг. — ректор Московского коммерческого института. В эмиграции в 1921–1922 гг. читал лекции в Ахенской технической школе.

¹⁵³ Речь идет о проекте сборника «Проблемы идеализма».

Иванович ничего не написал мне о практической стороне дела, главное, о сроке. Между тем я до такой степени занят текущей работой, что раньше, чем на Рождество, не смогу написать чего-либо для сборника. Не думаю, чтобы сборник мог появиться раньше, но напишу в этом смысле Павлу Ивановичу. Адреса Кистяковского в данный момент не знаю; если удастся узнать, то сообщу.

Крайне нас огорчило, что Нина Александровна чувствует себя очень нехорошо. Известите хоть кратко, как складываются Ваши обстоятельства, то есть удалось ли Вам уехать за границу. Академический год начинается при дурных предзнаменованиях. В Киевском Университете была сходка в 800 человек, вотировавшая «недоверие» министерству. Кажется, эта резолюция будет предложена на рассмотрение другим высшим учебным заведениям. Киевское начальство из этой сходки пока бунта не сочинило. Наш Совет (политехникума), в числе других желательных мер, высказался за полное уничтожение различия прав вероисповеданий, кажется, это единственное постановление в своем роде. Из сенсационных новостей укажу Вам на диспут Тарле¹⁵⁴, отчет о котором (в общем верный, по моему мнению) Вам посылаю (№ «Киевлянина» под бандеролью)¹⁵⁵.

¹⁵⁴ Евгений Викторович Тарле (1875–1955) — историк, близкий к марксистам. Состоял в переписке со Струве. Речь идет о диспуте по его магистерской диссертации «Общественные воззрения Т. Мора в связи с экономическим состоянием Англии его времени» (1901). Работа Е. В. Тарле «История Италии в новое время» (1901) в части описания деятельности Дж. Мадзини оказала очевидное нарративное влияние на эволюцию Булгакова в сторону «христианского социализма». См.: Колеров М. А. Сборник «Проблемы идеализма» [1902]: история и контекст. М., 2002. С. 80–84.

¹⁵⁵ В архивном фонде Струве имеется вырезка из газеты «Киевлянин» с отчетом о диспуте. В сентябре 1901 г. профессор В. Бубнов писал Струве: «Мне не совсем легко исполнить Вашу просьбу, Петр Бернгардович, ибо боюсь, что мой рассказ может показаться пристрастным, ибо 1) я не уважаю Тарле как человека и обеими руками подписываюсь под отзывом о нем Бердяева (в письме к Елене Гр. Б-ой, находящемся теперь в моих руках): “Я всегда считал Тарле человеком с мелкой душонкой и шарла-

Пока прощайте. Крепко жму Вам руку и кланяюсь Нине Александровне. Елена Ивановна шлет вам обоим привет.

Весь Ваш С. Булгаков.

Р. С. Бердяев произвел на меня самое отрадное впечатление¹⁵⁶. От души желаю здоровья Нине Александровне и благополучия вам обоим.

Может быть, в случае неудачи с заграницей Вам понадобится Крым и могу Вам оказаться чем-нибудь полезен?

Д. В. Философов — В. В. Розанову¹⁵⁷

[31.10.1901]

31 октября.

Императорская Публичная Библиотека¹⁵⁸.

Многоуважаемый Василий Васильевич.

Посылаю Вам при сем билет на завтрашний день (1-е ноября, среда) при сем и афиша, на сегодняшний день, но программа спектакля остается та же. Мы не сговорились о цене

танскими замашками”, 2) я возражал ему на диспуте, 3) по-моему, книга так невероятно, неприлично плоха и поведение его на диспуте позорно в такой крайней степени, что рассказ мой об этом может быть сочтен за преувеличение. Булгаков Вам послал “Киевлянина” и писал, что отчет этот правилен. По-моему, он тоже правилен, только несколько смягчен; многие возражения (в особенности мои) скрадены (...) Все серьезные люди, даже не читавшие книги и не знавшие Тарле (например, Булгаков), вынесли о нем впечатление как человеке, ведущем себя прохвостнически на диспуте (выражение Булгакова) и совершенно невежественно» (РГАСПИ. Ф. 279. Оп. 1. Ф. 279. Оп. 1. Д. 75. Л. 83, 84 об.).

¹⁵⁶ В сентябре Н. А. Бердяев по личным обстоятельствам на короткое время приезжал в Киев из Вологды, где отбывал ссылку. 29 сентября 1901 г. он писал Струве: «В Киеве я видел С. Н. Булгакова».

¹⁵⁷ Текст подготовлен к изданию и прокомментирован Е. В. Глуховой по архивному оригиналу: РГБ Ф. 249. К. М3871. Ед. хр. 4. Л. 5–6. Письмо имеет розановскую нумерацию красными чернилами 60, не датировано.

¹⁵⁸ Письмо не на бланке Императорской Публичной библиотеки, а помечено таковым образом: Д. В. Философов длительное время состоял на службе в библиотеке.

билета, и я взял довольно дорогой, в 3 р. 50 к. Сделал я это потому, что по опыту знаю, что сиамцев¹⁵⁹ надо смотреть ближе, чтоб следить за их жестами.

Ваш Д. Философов. 31 окт.

П. А. Флоренский — О. П. Флоренской¹⁶⁰

[11.11.1901. Москва — Тифлис]

(...) Прошлогодняя комиссия у нас действовала и в этом году, причем назначила ряд совещаний по курсам относительно статьи Мещерского. Председательствовал в ней наш известный историк Павел Гаврилович Виноградов¹⁶¹.

¹⁵⁹ Вероятно, речь идет о билетах на выступление сиамского королевского балета — по следам посещения концерта Розанов написал в «Мире искусства» заметку «Занимательный вечер (Еще о сиамских танцовщицах)» (1901. Т. 5. Хроника. № 1. С. 43–48) (Другая статья Розанова о сиамском балете: «Балет рук (сиамцы в Петербурге)» (1900).

На этом основании письмо с достаточной долей уверенности можно относить к 1900 г. Выступление сиамских танцовщиц произвело на Розанова особенное впечатление: «Теперь во мне несколько ослабело то чрезвычайное чувство, которое вызвал вечер представления придворной труппы танцовщиц сиамского короля» (Розанов В. В. Собрание сочинений. Итальянские впечатления; Среди художников / Под общ. ред. А. Н. Николюкина. М., 1994. С. 187). Другая статья Розанова о сиамском балете: «Балет рук (сиамцы в Петербурге)» (1900).

¹⁶⁰ Печатается с комментариями по: *Чертков*, 2017. С. 53–54.

¹⁶¹ В ноябре 1901 г. возглавляемая профессором Московского университета Павлом Гавриловичем Виноградовым (1854–1925) комиссия «собралась для суждения об оскорблении, нанесенном русской учащейся женщине кн. Мещерским в “Гражданине”... Когда, в связи с тем же делом... курсистка стала взволнованно объясняться с директором Высших женских курсов, престарелый проф. Герье не то взял ее за подбородок, не то не взял, а только сказал: “Цыпочка, сядь в клеточку!” С женских курсов волнение перекинулось в университет» (*Вишняк М.* Дань прошлому. Н.-Й., 1954. С. 57–58). Ср.: «Один профессор обратился к курсистке с такими словами: “Да что вы волнуетесь, цыпочка?” Это вызвало протест почти всех учебных заведений России. Князь Мещерский написал в “Гражданине” отвратительную статью о молодежи, в которой уверял, что курсистки только и делают, что развратничают со студента-

На днях сюда приезжал Ванновский¹⁶², между прочим сидел почти рядом со мной на лекции по физике, так что я мог вполне видеть, что он слушал, не очень-то понимая, хотя профессор Соколов читал прямо иронически-популярно, о чем и заявил после ухода Ванновского; затем он обедал с нами в общежитии. На почве этого приезда и разыгралась история с Виноградовым. Не знаю дело в точности, но, кажется, дело было так, что ректор наговорил попечителю Некрасову¹⁶³, что «в университете теперь двоевластие; с одной стороны, он, мол, ректор, а с другой — распоряжается комиссия», хотя эта комиссия действовала с его ведома. Некрасов передал это Ванновскому, а тот сделал Виноградову выговор как представителю комиссии.

Виноградов ранее обещал студентам дать возможность опубликовать решение совещаний, так что теперь, считая себя не сдержавшим слово перед студентами и видя в себе оскорбленными профессоров, решил подать в отставку, хотя Ванновский, узнав, как было дело, просил у него извинения и т. д., но заметил, что Некрасова удалить не может, так как за ним стоят выше Ванновского.

Виноградова просили остаться и профессора, даже чуть не требовали этого. Когда же он отказался, сказав только, что около месяца просто не будет ходить на лекции, а потом незаметно уйдет в отставку, чтобы не возбуждать беспорядков, 19 или даже более лучших профессоров объявили, что они выйдут из университета вместе с Виноградовым. Среди них могу указать, например, на Цераского, Тимирязева,

ми. Беспорядки» (*Свенцицкий В., прот.* Собрание сочинений. Т. 1. М., 2008. С. 136). Подр.: *Антощенко А.* История одной профессорской отставки // *Казус.* Вып. 4. М., 2002. С. 234–272.

¹⁶² Петр Семенович Ванновский (1822–1904) — генерал от инфантерии, военный министр (1882–1897), член Государственного совета с 1899 г. Руководил расследованием студенческих волнений, в апреле 1902 г. ушел в отставку.

¹⁶³ Павел Алексеевич Некрасов (1853–1924) — математик; попечитель Московского учебного округа в 1897–1905 гг.

Умова, Мензбира, Новгородцева, Герье¹⁶⁴, Ключевского¹⁶⁵, Трубецкого¹⁶⁶ и т. д. Тогда за дело принялись студенты. Виноградову на дом (он уже с неделю не является на лекции) принесли благодарственный адрес, с более чем 1000 подписями, в котором высказывали свое понимание, что внешние, не зависящие от Виноградова обстоятельства помешали ему исполнить обещанное и т. д.

Виноградов объявил депутатам (в числе них был и Эрн), что одна причина его ухода уничтожена и если он сможет остаться с честью и уладить дело с начальством, то останется.

Не так давно была история с Герье по поводу той же статьи Мещерского. Именно некоторым не понравилось, что Герье не ответил на нее так, как им бы хотелось, и решили устроить ему большую демонстрацию. Едва-едва профессора, наиболее уважаемые, убедили большинство отказаться от этой безобразной затеи, указывая на громадные заслуги Герье перед обществом и университетом и его 30-летнюю безупречную деятельность¹⁶⁷.

¹⁶⁴ Владимир Иванович Герье (1837–1919) — профессор всеобщей истории Московского университета (1868–1904), основатель Исторического общества при Московском университете (1893). Ученик историка С. М. Соловьева, автор оригинальных курсов по развитию исторической науки, истории Реформации, истории Французской революции и др.

¹⁶⁵ Василий Осипович Ключевский (1841–1911) — историк, профессор Московского университета. В 1905 г. участвовал в работе комиссии по пересмотру законов о печати и в совещаниях по проекту учреждения Государственной думы.

¹⁶⁶ Имеется в виду князь Сергей Николаевич Трубецкой (1862–1905) — религиозный философ, общественный деятель, публицист, профессор Московского университета (1900–1905); в его семинарах по античной философии активное участие принимали В. Эрн, П. Флоренский, В. Свенцицкий. Перед самой смертью был избран ректором, один из редакторов ВФП, близкий друг В. С. Соловьева, старший брат Е. Н. Трубецкого. В своем учении, которое он называл «конкретным идеализмом», развивал соловьевские идеи «философии всеединства».

¹⁶⁷ «Курсистки потребовали от Герье, чтобы он вступил в полемику с кн. Мещерским. Герье выразился в том смысле, что “на всякое чихание не наздравствуешься”. Об этом узнала “организация” [Исполнитель-

Вот тебе, моя дорогая, и новости вместо газеты. Меня-то они мало интересуют, равно как и газеты, но едва ли ты о них сможешь узнать из официальных источников, и поэтому пишу тебе, если только интересно. (...)

Вяч. И. Иванов — И. М. Гревсу¹⁶⁸

[19.11.1901 / 2.12.1901. Афины]

Афины, 2 декабря / 19 ноября 1901.

Дорогой Иван Михайлович,

Благодарим за дружеские строки! Разумею открытое письмо (от 7 октября): увы, единственное полученное¹⁶⁹! Простите медленность ответа: сознаю, что она не извинительна, — и еще благодарю за участие и заботу. Я едва начинал поправляться после тяжелого и необычно долгого тифа, грозившего (как узнаю) действительной опасностью, — когда дошел до нас Ваш привет. Выздоровление было тяжело и медленно. К слабости и невралгиям присоединялись неприятности из-за хищных инстинктов наших немецких квартирных хозяев, требовавших от нас судебным порядком за будто бы причиненные им моей болезнью убытки 1400 драхм, но — после разных перипетий — прекративших иск по получении 200 драхм. Главную же нотой душевного настроения была горечь сознания, что все мои начинания опять смяты и скошены, что я должен покинуть Грецию, увидев только Афины и едва начав ориентироваться в предмете своих но-

ный комитет] в университете и постановила потребовать от Герье объяснений и освистать его. Весь филологический факультет восстал очень дружно против этого и с большим негодованием, издав прекрасное обращение к товарищам других факультетов. В общем, это обращение имело большой успех» (*Трубецкая О. Князь С. Н. Трубецкой. Воспоминания сестры. Н.-Й., 1953. С. 208.*)

¹⁶⁸ Печатается с комментариями по: Переписка Гревса и Вяч. Иванова. С. 235–236.

¹⁶⁹ Упомянутое письмо неизвестно.

вых изучений. Упадок сил физических и нравственных, как следствие тяжелой болезни, и невозможность работать не позволяли думать о решенной ранее зимовке в Афинах, — да и столько времени было потеряно! Мало-помалу, однако, оказалось возможным опять попробовать свои силы в работе, поднялась и бодрость, — «Vernunft fing wieder an zu sprechen, und Hoffnung wieder an zu blühen»¹⁷⁰, — и мы снова вернулись к прежнему плану. Кстати и научная жизнь Афин пробудилась; начались лекции Dörpfeld'a об архитектурных памятниках и топографии Афин, Пирея и Элевсина (после Рождества начинается еще его курс о театре)¹⁷¹; я примкнул и к участникам эпиграфических упражнений (в Музее); буду слушать (после Рождества) и объяснения скульптур; записался на весенние поездки Института в Пелопоннес, Дельфы и на острова (между прочим, Крит)¹⁷²... Лидия Дмитриевна еще здесь, еще блюдет за выздоравливающим, — да и в самом деле сил для интенсивных занятий все еще недовольно.

¹⁷⁰ Строки из первой части «Фауста» Гете: «Я слышу разума внушенья. / Я возрождаюсь и хочу» (пер. Б. Пастернака).

¹⁷¹ Ср. восхищение как бы очевидца, отчетливо звучащее в ивановском описании афинского театра Диониса: «Дальше — остатки последовательно строивших и надстраивавших эпох, хаос фундаментов, по которым Дерпфельд читает всю историю архитектурных форм древней сцены. Между этих камней удалось прозорливому археологу разыскать едва намечающиеся в двух местах следы полигонной кладки, две незначительных дуги, определяющие линии первоначальной совершенно круглой орхестры. Исследования Дерпфельда коренным образом изменили представление об античном театре; историк религии обязан им не менее чем историк литературы» (*Иванов Вяч.* Эллинская религия страдающего бога // *Новый путь.* СПб., 1904. № 1. С. 130). Для Иванова особенно важны были те изыскания Дёрпфельда, которые позволили реконструировать устройство греческого театра в его самых ранних, первоначальных формах, поскольку к ним апеллировала ивановская теория сакрального действия.

¹⁷² Имеются в виду занятия в Германском археологическом институте в Афинах (Ср.: *Wickert L.* Beiträge zur Geschichte des Deutschen Archäologischen Instituts von 1879 bis 1929. S. 89–90; об экскурсиях Дерпфельда в Пелопоннес и на острова: S. 141). Такие же занятия и экскурсии Иванова посещал в 1892–1893 г. в римском отделении Института.

Через две недели ровно она выезжает¹⁷³. Она также как будто тяжкую болезнь перенесла: до такой степени она истошила из-за меня свои физические и душевные силы... Мы переселились на южный склон Ликабета; улицы уже нет, и выше нас нет домов, а только пинии да скалы, на которых белеется монастырь св. Георгия. Мы озираем долину Илисса и Гимет, город с Акрополем, Фалерон, Эгину и берег Пелопоннеса¹⁷⁴. Couleur locale¹⁷⁵ жизни — в полной мере; дешевизна; чистый воздух, расстояние от Германского Института¹⁷⁶ и центра Афин — минут 20 ходьбы. Но у нас, на горе, нет ни фонарей, ни регулярных почтальонов; письма лучше адресовать в κουρεῖον¹⁷⁷ домохозяина [(по-гречески)] на его имя: Angelo Gonimos, 30, rue du Stade¹⁷⁸... О внутреннем содержании жизни скажу только, что мое неофитство (разумею обращение к эллинской древности и, в частности, к истории религии) дается мне трудно, что передо мной, грозя, открываются дали за далями, что покамест «ничего в волнах не видно», как любит говорить наша милая, — верная и самоотверженная — Мария Михайловна¹⁷⁹; — но на своем утлом челне я на-

¹⁷³ Напомню кстати женевский адрес: villa Java, Châtelaine. — *Примеч.* Вяч. Иванова.

¹⁷⁴ Значительная часть намеченных Ивановым планов осталась нереализованной. В маршруте весенней поездки Иванов особо выделяет Крит, что объясняется острым интересом в ученом мире к первым открытиям в области крито-микенской культуры. Зафиксированный в этом письме аттический пейзаж послужил в стихотворении Иванова «Аттика и Галилея» контрапунктом пейзажу галилейскому, описанному Зиновьевой-Аннибал в письме от 25.08.1901. Подробнее см. в статье Н. В. Котрелева, указанной в примеч. к тому же письму.

¹⁷⁵ Местный колорит (*фр.*).

¹⁷⁶ Германский археологический институт в Афинах находился у подножья Ликабета (ул. Фидия, 1).

¹⁷⁷ Цирюльня (*греч.*). В древних Афинах цирюльни служили местами сбора праздных горожан.

¹⁷⁸ Предпочтительнее, впрочем, по-гречески: Ἀξιωματικὸν Κύριον Ἀγγέλων Γόνιμων, ὁδὸς Σταδίου ὁρ 30. Αθήναι. — *Примеч.* Вяч. Иванова.

¹⁷⁹ М. М. Замятнина.

писал: φιλολογεῖν à outrance...¹⁸⁰ И невольно вспоминается мне наша — ἡ ἐν Ῥώμῃ συμφιλολογία¹⁸¹, и как бы хотелось пережить здесь ее παλιγγενεσία¹⁸²! Как хорошо было бы, если бы Вы собрались сюда при мне! — Буду теперь ждать вести от Вас. Последние строки Вашего письма очень грустны. Хотелось бы знать больше и яснее. Обнимаю Вас дружески. Прошу приветствовать Марию Сергеевну. Лидия Дмитриевна шлет сердечный привет и извиняется, что была удержана от своевременного ответа Вам моими сборами писать, которые, прибавлю от себя, оказались столь долгими в силу выше рассказанных неблагоприятных условий моего состояния в первое время после болезни и неизвестности относительно ближайшего будущего.

Ваш сердечно Вяч. Иванов.

В. В. Розанов — П. П. Перцова¹⁸³

[20.11.1901]

1901 20/XI

Ну, наконец-то. Умерли совсем. Не слышно. — Дома в среду. На всякий случай: по вторникам и пятницам — никогда дома (занятия в редакции).

А у нас тут — хорошие дела; да кажется, только мы сами-то говню. Не знаю. Болтать очень любим, и славы больно хочется. А ведь кто начинает с жадности славы — ноуменально себя ее лишает. Страхов был таков: «как я жаден к похвале» (писал мне), а его только ругали.

¹⁸⁰ Заниматься наукой (*греч.*) до крайнего предела (*фр.*). Иванов явно употребляет древнегреческий глагол φιλολογεῖν — «любить, или вести ученые беседы» — в значении «заниматься филологией», которая, с его точки зрения, «есть именно “наука о классической древности” в ее полном объеме».

¹⁸¹ Совместные ученые беседы в Риме (*греч.*).

¹⁸² Возрождение (*греч.*).

¹⁸³ МА МДМД. КП 270/3. Фонд П. П. Перцова. Л. 56. Маш. копия.

Старую — а потому кончаю, поцеловав моего белокурого друга. Вырезки Вашей в «Новое Время» не взяли (о Казани). В. Розанов.

С. Н. Булгаков — П. Б. Струве¹⁸⁴

[27.11.1901. Киев]

27. XI.01

Дорогой Петр Бернгардович! Сейчас получил письмо от Филиппова¹⁸⁵, из которого явствует, что компания Пятницкого¹⁸⁶ распалась, и журнал остается купить мне; был ли это

¹⁸⁴ Печатается с комментариями по: Колеров, 2004. С. 519–520.

¹⁸⁵ Михаил Михайлович Филиппов (1858–1903) — редактор марксистского журнала «Научное обозрение». Булгаков и Струве нередко печатались в нем в конце 1890-х. По признанию Булгакова, М. М. Филиппов еще в 1897 г. приглашал его и Струве к более тесному сотрудничеству: «Тогда это было невозможно, но по закрытии “Нового слова” [1897] мы оба обещали свое сотрудничество, рассчитывая иметь в “Научном обозрении” хоть до известной степени свой угол» (Булгаков С. Н. Письмо Г. В. Плеханову от 29 апреля 1898 // Первая марксистская организация в России. М., 1984. С. 241).

¹⁸⁶ В письме к Струве от 12 ноября 1901 г. Филиппов сообщал о своих переговорах с директором и основателем книгоиздательского товарищества «Знание» Константином Петровичем Пятницким (1864–1939) по поводу продажи «Научного обозрения» и заключал: «Я весьма охотно привлек бы С. Н. Булгакова. Не напишете ли Вы ему?» (РГАСПИ. Ф. 279. Оп. 1. Д. 92. Л. 32). В другом письме предлагал вступить Струве и Булгакову в совместное с ним редактирование журнала (Л. 42–43) и в новом просил Струве устроить покупку журнала издательницей О. Н. Поповой у П. П. Сойкина: «Теперь дело можно было бы поставить на совсем новых основаниях, и я на Вас сильно рассчитываю, в смысле всяческого содействия: желательнее было бы привлечь Вас в состав редакционного комитета» (Л. 34). Согласно пометам, Струве ответил на все письма. 18 ноября 1901 г. сестра жены Булгакова М. И. Водозова подробно описывала ситуацию вокруг журнала: Булгаков просил ее разузнать о деле; о П. П. Сойкине она сообщила Струве, что «слышала, что он хочет просто-напросто разделиться с Филипповым и придирается к тому, что он выслан». Она считала невозможным участие Булгакова в журнале в силу ряда причин и, в частности,

первоначальный затаенный короткий смысл длинной речи или выяснилось только теперь, все равно инцидент не производит на меня выгодного впечатления. Вы, вероятно, знаете, что купить журнал за 12 тысяч да потом его вести я не имею никакой возможности и не предвижу ее иметь в обозримом будущем. Когда-нибудь я раскрою Вам, при случае, картину действительного финансового положения вещей. Кроме того, купить журнал, издаваемый в Петербурге, значит надеть на себя хомут издательства, купить далее Филиппова и весь естественнонаучный балласт. Я думаю, что, имея я полную возможность, при данных условиях и в данный момент я отказался бы от этого. Не знаю, может быть, я спешу с заключением, но мне кажется, что дело это уже погибло, и я с особенным интересом ворочаюсь опять к первоначальной мысли о сборнике или сборниках «в защиту идеализма». Как стоит теперь это дело и заглохли ли эти мысли или нет? Напишите также, что Вы знаете и думаете об истории с «Научным обозрением». Я, во всяком случае, мог бы взять только интеллектуальное редакторство журнала, не более.

Ваш, С. Б.

Очевидно, моя поездка в Питер не состоится.

А. В. Ельчанинов — П. А. Флоренскому¹⁸⁷

[27.11.1901. СПб. — Москва]

Дорогой Павлуша!

Ты, вероятно, по уши ушел в математику, что о тебе ничего не слышно; не писал тебе приблизительно по той же причине: было масса дела самого разнообразного сорта; во-первых, много интересной научной работы, во-вторых, организация кружков с научными целями, в-третьих, по-

писала: «Возможно ли двоевластие с Филипповым, который еще к тому же относится “критически” к Булгакову!» (Там же. Д. 76. Л. 132).

¹⁸⁷ Печатается с комментариями по: *Чертков*, 2017. С. 55–56.

литика, которой теперь не оберешься и от которой при всем желании и отсутствии гражданских чувств невозможно освободиться. Только что я вернулся от Лапшина¹⁸⁸, очень милого доцента (он читает у нас новую философию). Собственно я просил у него: 1) устроить практические занятия по философии в университете и 2) дать программу и темы для нашего «гносеологического» кружка (Маня [Худачова], Адриянович, Кузьмина, Пашенко, Калюжный, Филиппова и я). Оказалось, что практические занятия — его мечта, и дело скоро наладится; относительно кружка он был очень доволен, дал много дельных советов и обещал самое энергичное содействие нашему процветанию. Но больше всего берет времени и сил вводимая у нас организация, выборы старост, предвыборная агитация и т.д. Слава Богу, все это приходит к концу. (...) Наш кружок снова возбудил мое рвение к гносеологическим вопросам, а то я думал было бросить их к дьяволу, признав свою полную неспособность к отвлеченному мышлению; но и теперь иногда появляются смущающие вопросы, вроде: «Метафизика, ядро философии, собственно от теории познания мало получает; больше того, она прямо теряет от прикосновения гносеологии; сравнить только Платона без гносеологии, Плотина, Каббалу, христианскую метафизику и гносеологию Канта, лишенную метафизики; такие сопоставления мало утешительны», или: «Если для этики как нормы поведения нужна метафизика, то для логики как нормы мышления нужна также метафизика; а ее-то откуда взять: значит, не логическим путем, а сверхлогическим; но тогда где гарантии истинности такой метафизики? Уж конечно, логика, гносео-

¹⁸⁸ Иван Иванович Лапшин (1870–1952) — русский философ-неокантианец, ученик А. И. Введенского. Учился на историко-филологическом факультете Петербургского университета, после защиты докторской диссертации «Законы мышления и формы познания» (СПб., 1906) становится в 1913 г. экстраординарным профессором, а позднее заведующим кафедрой философии Петербургского университета. В 1922 г. вместе с группой ученых выслан из Советской России; жил в Чехии.

логические исследования тут ничего не сделают; гарантия в согласии с моим внутренним чувством? Но чем это лучше?» Но я стараюсь пока не задавать себе таких вопросов и благонамеренно стараюсь поумнеть, авось тогда все разъяснится. Писать лень, прости, пожалуйста.

Нижайший поклон Эрну и Коле. Твой А. Ельчанинов.

С. Н. Булгаков — П. Б. Струве¹⁸⁹

[28.11.1901. Киев — СПб.]

Киев.

28.XI.01

Дорогой Петр Бернгардович!

Не могу успокоиться об утрате счастья, которое «было так близко, так возможно». Делаю следующую фантастическую попытку. Исходя из предположения, что Сойкин¹⁹⁰ недоволен Филипповым как редактором и что «Научное обозрение» дает убыток, я предлагаю Сойкину свои услуги в качестве второго, но бесплатного редактора на 1902 год, с выражением надежды, что мне, привлекиши новых сотрудников, удастся поднять подписку и в течение года-де мы успеем урегулировать свои отношения и подыскать покупателя или составить компанию на паях или же, наконец, буде можно, останемся при Сойкине. Я не имею понятия о том, можно ли иметь дело с Сойкиным, хотя не сомневаюсь, что это грязная личность и кулак.

¹⁸⁹ Печатается с комментариями по: Колеров, 2004. С. 521–522. Пометка Струве: «Дан ответ. Сохранить».

¹⁹⁰ Петр Петрович Сойкин (1862–1938) — издатель. Филиппов, вступивший в конфликт с издателем журнала Сойкиным, но желавший сохранить над ним идейный контроль, предложил Д. Е. Жуковскому и Н. О. Лосскому выкупить издание у Сойкина. В декабре 1901 г. Жуковский и Лосский (по словам Филиппова, «из компании Акермана») такие переговоры вели (См.: Филиппов М. М. Письмо В. Я. Богучарскому от 20 декабря 1901 // ГЛМ. Ф. 2. Оп. 1. Ед. хр. 417), но без видимого результата.

Ввиду этого это письмо Сойкину я посылаю на усмотрение Филиппову, предоставляя ему послать или не послать письмо Сойкину (в том случае, конечно, если не найдется покупатель со стороны, что маловероятно). Конечно, для Филиппова в этом предложении ни приятного, ни лестного ничего нет, но он, кажется, временно спрятал свое самолюбие в карман, а так как он, очевидно, очертел Сойкину, то, быть может, и он в этом усмотрит выход. Но, ввиду крайности, мне приходится, в случае принятия Сойкиным предложения, идти на большой риск, потому что, быть может, Сойкин и впрямь такой негодяй, что не даст шевельнуться, и, таким образом, обязательства, принимаемые мною перед публикой, останутся не выполнены. Вы, как человек петербургский, должны лучше меня взвесить шансы «за» и «против». И если Ваше решение — безусловно против, то напишите в этом смысле Филиппову немедленно (иначе будет поздно), упомянувши, что я просил Вас об этом; было бы хорошо, если бы Вы написали ему и в том случае, если Вы «за», и тем оказали бы давление на этого субъекта, который вполне оправдывает пока свою репутацию. Одновременно напишите и мне. Только, пожалуйста, не медлите — время не терпит.

Ваш С. Булгаков.

P. S. Весьма возможно, что в половине декабря буду в Москве и тогда буду у Вас.

С. Н. Булгаков — П. Б. Струве¹⁹¹

[20.12.1901. Киев — Тверь]

Киев.

20.XII.01

Дорогой Петр Бернгардович!

Вы, конечно, горите нетерпением узнать о судьбах «Научного обозрения». Но, к сожалению, я до сих пор не могу Вам

¹⁹¹ Печатается с комментариями по: Колеров, 1904. С. 522–524.

сообщить ничего определенного. На прошлой неделе я ездил из-за него в Петербург (заезжал к Вам в Тверь, но уже поздно), однако делу это не помогло, долго и трудно рассказывать все подробности, в которых, как и всегда в подобных случаях бывает, проявляется много неказистых человеческих свойств.

Коротко говоря, дело обстоит так. Оставить у себя Сойкин журнал не хочет, да при нем и нельзя его оставить и вести благодаря издательским приемам этого кулака. Но он хочет продать журнал не меньше как за 15 тысяч, и 9 немедленно наличностью. Как видите, при теперешнем цензурном положении условия очень тяжелые, тем более что первый год придется, может быть, столько же ухлопать на постановку и ведение журнала. Филиппов нашел покупателя, некоего Фальковского¹⁹², который, однако, никак не может решиться купить журнал. Если Фальковский купит журнал, то он предоставляет редакцию мне или нам.

Но параллельно журнал торгует какая-то нелитературная компания, которая хочет совсем удалить Филиппова и водвориться самой. Что это за люди, сказать трудно, но, во всяком случае, народ неизвестный и темный. Кажется, они и купят журнал, который, таким образом, уходит из наших рук. Следовательно, все дело за невозможностью найти покупную сумму и лицо, которое было бы свободно, жило бы в Петербурге, могло бы рассчитывать на утверждение в издатели и могло бы объясняться с цензурой. Всеми этими свойствами обладает Фальковский. О разрешении нового журнала, как говорят в Петербурге, не может быть и речи. К Новому году все-таки должен вырешиться вопрос с «Научным обзорением», тогда сообщу Вам. Если это дело не удастся, не пожелаете ли Вы сделать опыт с брошюрами. Один начинающий издатель, желая издать серию

¹⁹² Филиппов писал Струве о том, что Булгаков нашел покупателя в лице некоего еврея — киевского присяжного поверенного 6 (19) декабря 1901 (См.: РГАСПИ. Ф. 279. Оп. 1. Д. 92. Л. 35).

оригинальных и переводных книг и брошюр, предложил мне общую редакцию. Если не состоится «Научное обозрение», я ее приму и тогда хотел бы возможно систематизировать подбор и расширить количество оригинальных вещей. Я думаю, что статьи философского и социологического и подобного характера могли бы проходить под предварительной цензурой. Напишите мне, можете ли Вы дать мне что-нибудь для этой серии. Гонорар не менее журнального, и я приму все меры, чтобы его для Вас повысить.

Интересующая Вас лекция моя озаглавлена: Иван Карамазов как философский тип¹⁹³. Я повторю ее в Москве в январе, а когда напечатаю, пришлю Вам.

Вы, по-видимому, находитесь в заблуждении, рекомендуя мне влиять на Марию Ивановну [Водовозову]¹⁹⁴, в интересах будущего считаю нужным Вас из этого заблуждения вывести: весь ее издательский капитал в настоящее время заключен в книгах, а каковая наличность равна нулю. Поэтому влиять на нее бесполезно. Иначе могла бы быть полезна для журнала лишь в том случае, если бы постоянно жила в Петербурге.

Филиппов произвел на меня впечатление очень пришибленного судьбой человека, мне кажется, что в литературном смысле с ним можно справиться.

Поклон Вам от Нины Александровны и от Елены Ивановны.

Крепко жму Вам руку.

Преданный Вам Булгаков

¹⁹³ Публичная лекция Булгакова «Иван Карамазов как философский тип» была прочитана им в Киеве 21 ноября 1901 г., а в 1902-м напечатана в ВФП.

¹⁹⁴ Мария Ивановна Водовозова (урожд. Токмакова, 1869–1954) — владелица марксистского издательства.

ВЗЫСКУЮЩИЕ ГРАДА 1902 год

З. Н. Гиппиус. Дневник¹

[01.01.1902]

Первого января 1902 днем пришел Философов, и сидел в комнате Дмитрия Сергеевича, и списывал в свою книжку поправки Дмитрия Сергеевича и разные изменения.

Потом мы пошли в другую комнату, пили чай и говорили. Философов был немного молчалив, но он был болен.

И Философов спросил, готовы ли одежды, и просил меня их показать. Я встала, но в эту минуту позвонили.

И пришел Скворцов, во фраке, и стали говорить о реферате Дмитрия Сергеевича² на Собрании 3-го января. Он должен был читать о «Святой Плоти», но я не советовала, ему тоже не хотелось.

¹ Печатается с комментариями по: *Гиппиус З. Н.* Собрание сочинений. Т. 8. М., 2003. С. 90–96.

Зинаида Николаевна Гиппиус (1869–1945) — русский поэт, прозаик, критик и публицист, жена и единомышленник Д. С. Мережковского, соавтор идеи «нового религиозного сознания» и один из инициаторов Петербургских РФС.

² 6 февраля 1902 г. на 3-м заседании РФС Мережковский прочитал реферат «Л. Толстой и русская церковь», первоначально называвшийся «Русская церковь и общество. По поводу определения Синода о Л. Толстом». Реферат был опубликован в: *Новый путь.* 1903. № 2. С. 3–18 и вызвал полемику.

Об этом рано было говорить.

И Скворцов предложил читать другую часть, а именно «Об отлучении Толстого», на что мы все сейчас же согласились.

Потом Скворцов ушел, и Философов опять сказал: «Покажите одежды».

Я вынула его эпитрахиль³. Через голову нельзя было надевать, если шить — отверстие слишком широко, а потому там была белая петля и красная, горящая пуговица.

Эти горящие пуговицы очень нравились Дмитрию Сергеевичу, и он сказал, что хорошо их надеть на голову, на узкой красной ленте, и накануне примерял и радовался.

Философов встал и надел на себя свою эпитрахиль, стоял прямо, а я стала на колени, на ковер, чтобы видеть, до полу ли одежда.

Она ему была длинна, но он сказал: «Ничего, это лучше, будешь помнить, чтобы не запнуться».

Дмитрий Сергеевич сказал ему о пуговице, и я взяла ленту с нею, и повязала ему на лоб.

Так мы на этом решили, и должен он был прийти завтра в половине одиннадцатого, на том ушел.

Я купила большой плоский бокал, стеклянную чашу для вина, а вино у нас было приготовлено, белое, и еще другое, игристое, — шампанское.

[02.01.1902]

2 января 1902 г.

Дмитрий Сергеевич второго числа целый день ходил, купил цветов, и масла душистого, и кисточку с крестом, и пять хлебов.

Ритуал был у нас с Дмитрием Сергеевичем переписан у каждого в одинаковую красную тетрадку.

³ Эпитрахиль (епитрахиль) — важная часть богослужебного облачения православного и католического священника: широкая лента с двумя длинными концами, надеваемая на шею. В эпитрахили заключена символика благодати, исходящей от Святого Духа.

Сначала Дмитрий Сергеевич купил хлебы слишком маленькие, потом пошел опять и купил пять больших, круглых.

В десять часов я сказала, что так как, «может быть, придет Дмитрий Владимирович, то чай надо подать ко мне».

Мы хотели чай и самовар прикрыть, и тогда к нам бы не вошли. А что Философов у нас будет — лучше было сказать.

И когда все было принесено и ушли, Дмитрий Сергеевич вынул и развязал наши трехсвешники, они были мутные, потускневшие и чем-то закапанные, я стала чистить, и что-то отлетело и попало в глаз.

Свечи вынули и вставили, потом вынули свечи поменьше, три, с цветами и лентами.

Цветы с весны засохли, и я стала развязывать ленты, сидя у огня, и к каждой свече привязала по три свежих цветка, два красных и один белый.

Дмитрий Сергеевич ходил и все прибирал и устраивал, вынул ту скатерть, весеннюю, ни разу не употребленную с тех пор, положил ее вдвое на круглый стол, а на стол поставил свечи.

Когда я уже последний цветок привязывала, Дмитрий Сергеевич сказал:

«Вот он пришел».

Звонка я не слыхала.

И Дмитрий Сергеевич быстро пошел в переднюю, а я осталась.

Он тотчас же воротился и сказал: «Возьми, возьми, вот письмо от него. Не придет».

Надорвал конверт — и отдал мне. «Читай, я не могу».

Я прочитала письмо вслух.

Письмо было такое: «Благодарю вас, друзья мои, что вы мне указали пути. К вам сегодня не приду. Не кляните меня и верьте, что я все-таки вас душевно люблю».

Мы молчали, а потом я сказала: «Пойди к нему».

Дмитрий Сергеевич сказал: «Постой... постой. Надо понять. Надо подумать. Что-нибудь случилось».

Я встала и стала переносить чайный прибор в столовую, одну вещь за другою.

Дмитрий Сергеевич ходил за мной, взад и вперед. Потом сказал: «Я пойду».

Оделся и пошел, а я все переносила чашки и самовар, а когда все перенесла, вынула свечи и связала, спрятала скатерть, но подсвечников не могла одна увязать.

Дмитрий Сергеевич тотчас же воротился и сказал: «Меня не приняли. Он спит. Это неправда. Он сам принес письмо. Что нам делать?»

Я сказала: «Вот, давай увяжем подсвечники». И мы их с трудом увязали и спрятали.

Потом я отвязала цветы от свечей и бросила в огонь. Они тотчас же почернели и сгорели.

Дмитрий Сергеевич сказал: «А хлебы? Их надо тоже сжечь. Будут ли гореть?»

Он принес хлебы, и я, сидя у камина, ломала их на куски и бросала в огонь.

Хлеб был мягкий, свежий. Но не чернел, горя, а весь кусок занимался тихим, синим пламенем и распадался в пепел.

Но горел долго, и когда все пять сгорели, было уже поздно.

Дмитрий Сергеевич говорил: «Это я виноват, не бойся. Я мало сил тратил на это дело, не все сделал, что мог. Мы мало дали — и вот все у нас отнялось. Не бойся».

Мы тихо, шепотом, говорили с ним, а потом он ушел к себе.

Я долго была одна, а потом опять он пришел, уже раздетый, и принес Новый Завет и сказал:

«Вот, я открыл, посмотри, какие слова».

Было это из посланий Павла: «Мы сильные, должны сносить немощи бессильных и не себе угождать...»⁴

Потом опять говорили мы тихо, и он ушел.

⁴ Рим. 15:1. — В. К.

Утром третьего января Дмитрий Сергеевич пошел к Философову в библиотеку. И вернувшись, сказал мне:

«Он обещал прийти сегодня днем и поговорить с нами. Я сказал, что почему он сразу не скажет, что же случилось, и что об этом нельзя писем писать, и что не уверен, точно ли он придет, лучше подожду его, но он ответил, что ждать нельзя, что он придет наверно, а сказать, говорит, он должен перед нами двумя».

В пять часов от него пришла записка, из редакции Дягилева:

«Дмитрий Сергеевич, я все еще нахожусь в состоянии колебания, и пока я в этом состоянии — прошу вас оставить меня в полном покое».

Мы помолчали, а потом Дмитрий Сергеевич сказал: «Я пойду к дверям редакции и буду его там сторожить. Я не понимаю. Я не верю».

И пошел. Перед обедом вернулся, ничего не сказал, лег.

У него очень голова болела, а вечером надо было читать.

Если бы не его реферат был — мы б в Собрание не поехали. Нельзя было [не?] ехать.

Он вперед ехал, а я после поехала.

Расписываясь в книге — я вдруг увидела, рядом с Дягилевской, подпись: Д. Философов.

Мы никак не могли думать, что он поедет в Собрание. Все было непонятно, темно до корня.

Войдя, я села у дверей и не двигалась. Дмитрий Сергеевич читал вяло, насилуя голос. Было много народу.

В перерыве кто-то мне сказал: «Какое лицо у Философова! Краше в гроб кладут».

Соловьева прибавила: «Точно из “Песни торжествующей любви” — Тургенева».

В перерыве же я столкнулась с ним во второй комнате. Мы молча подали друг другу руки, и я отошла.

С ним был Дягилев и другие из «Мира искусства».

Я, отойдя, сказала Дмитрию Сергеевичу: «Он здесь, ты можешь поговорить с ним, если захочешь».

Дмитрий Сергеевич ответил: «Я не сказал тебе, я видел его в редакции, и он сказал, что дня через три—четыре сам придет, непременно, и тогда поговорим».

Я ответила: «Ну, этого не будет. Он не придет. И уедет за границу».

А были раньше слухи, что он поедет за границу лечиться, но он отрицал.

Дмитрий Сергеевич на слова мои возразил: «Я спрашивал его, и он сказал: “Я не уезжаю”».

В этот вечер в Собрании я потеряла из кольца большой бриллиант.

Пятница прошла, и ничего — в ожидании нам (известного заранее) приговора.

Дмитрий Сергеевич писал письмо за письмом и рвал. Я ничего не писала.

В субботу утром привезли из корпуса к нам племянника Дмитрия Сергеевича, маленького кадетика (отец Дмитрия Сергеевича⁵ просил взять на 1 день).

Он был хороший мальчик и все бегал да играл в солдатик. И мы с ним должны были играть в солдатик.

Вечером у нас был народ, молодые профессора Академии, Розанов, Минский.

Розанов сказал: «Бедный Философов! Сегодня узнал, что он сильно болен и его увозят за границу».

Потом вечер прошел, и все ушли.

Дмитрий Сергеевич сказал: «Я не пошлю ему этого письма. Он, действительно, болен. И это у него тоже от болезни, иначе нельзя объяснить. Он не сознает, что он делает».

Я взяла письмо и спрятала. И сказала: «А завтра еще надо будет последнее от него перенести. Какое унижение — не нас, а...»

⁵ Сергей Иванович Мережковский (1821—1908) — действительный тайный советник, столоначальник Дворцового ведомства Александра II.

Дмитрий Сергеевич сказал: «Молчи, не надо. Тут была кровь — и будет кровь. Ведь ему от этого можно уйти — только в смерть».

Я ответила: «Свое можно простить, а не наше — не нам прощать».

На другой день, в воскресенье, я опять играла с Борей целый день в солдатiki. А к обеду должны были прийти отец и брат.

Мы играли с Борей в столовой. Ему было ужасно весело. Когда позвонили, я прошла к себе.

Это был Дмитрий Сергеевич. Он протянул мне распечатанное письмо: «Посмотри. Это невероятно. Ты была права».

В письме стояло: «По зрелым рассуждениям я должен написать следующее. Я выхожу из нашего союза не потому, что не верю в дело, а потому, что я лично не могу в этом союзе участвовать».

Далее еще несколько таких слов с повторением и подчеркиванием, что он верит в общее.

Потом, после обеда (это было шестого, в Крещение), Борю увезли в корпус. И я не очень хорошо помню, что было потом.

Только вечером поздно Дмитрий Сергеевич сказал мне: «Знаешь, это что-то столь невероятное, что мне кажется, будто я сошел с ума. Я пойду к Дягилеву».

Я удивилась: «К Дягилеву?»

Дмитрий Сергеевич сказал: «Ну да, я, по крайней мере, буду знать, Дягилев ли тут причиной или нет. Что бы он мне ни говорил — по тому, как он будет говорить, — я это узнаю».

И утром он пошел и вернулся, когда я еще лежала в постели.

Дягилев, по словам Дмитрия Сергеевича, — очень удивился и как будто ничего не знал и даже обиделся, что не знал. Конечно, Дмитрий Сергеевич ничего ему не объяснил, а только сказал, что Философов без причины с нами

поссорился, не на личной почве, и уклоняется даже от разговора.

Дягилев будто бы сказал, что, по его мнению, это все от болезни. «Он безумно испугался своей болезнью».

Я вспомнила, что Философов несколько дней тому назад — ну, может быть, недели полторы — писал: «Я не боюсь болезни, я тут не мнителен...»

Испугался болезни? Как? Богооскорбление, Богоубийство — как лекарство от болезни? Мы не очень поняли.

Затем Дягилев сказал, что он в ужасном «настроении» и что лучше его теперь не тревожить, что через три дня он уезжает, а что он, Дягилев, ему ничего не скажет даже об этом разговоре.

На том и разошлись они.

Дмитрий Сергеевич сказал: «Я уже столько унижений вытерпел, что могу терпеть и дальше. Я виноват, виновата и ты. Я до такой степени ничего не понимаю, что готов предположить и то, что виновата тетрадь, которую ты дала читать ему вслух. Не понимаю, как виновата, — но все возможно в этой слепоте».

Может быть, и тетрадь. Может быть, и болезнь. Может быть, и он. Может быть, мы. Как мы не знали, так и до сих пор не знаем. Глухая петля.

Личное оскорбление — лучше; там можно простить. А здесь нет права простить. И жалость — человеческая — к оскорбляющему Того, Кого нельзя оскорблять.

Может быть, первые, те, оставшиеся ученики Его, — сквозь боль, ужас и негодование — жалели Иуду.

Дмитрий Сергеевич сказал: «В первый раз в жизни я так ясно и близко увидел — Зло. И такое именно, какого боялся: тупое, слепое, грубое и грузное. Страшное не ужасом, а отвратительностью и глухим бессмыслием».

И прибавил: «Я неверно сказал о личном унижении. Какие тут нам могут быть унижения! И пускай будут».

Я согласилась с ним, так думала и раньше. Унижений и для меня нет.

Но пока он болен — оставим его. Подождем. А потом... Простить ведь нет права.

Дмитрий Сергеевич все-таки решил еще написать ему, и было написано два письма, одно Дмитрием Сергеевичем (переписано мною), другое нами обоими.

Первое, в понедельник, — довольно сдержанно говорило о том, что мы не верим ничему личному, способному разрушить общее, и был вопрос: «Неужели уедете, не простившись с нами?»

Во вторник на это письмо была строчка ответа: «Не зайдете ли ко мне днем в пятницу?»

Мы знали, что он выходит, Дмитрий Сергеевич видел его на извозчике, знали, что в пятницу вечером он уезжает. Днем в пятницу он звал нас, чтобы избежать свидания — по крайней мере, наедине.

Так мы ему и написали, опять сдержанно и сердечно.

Ответ через два дня: «В пятницу я уезжаю. Еду лечиться и ни на какие разговоры не способен. Шлю вам мой привет, надеюсь встретиться с вами окрепшим. Преданный вам...»

Ему отмщение — и Он воздаст. И если Он захочет, и укажет, — мы будем орудием.

К. И. Чуковский. Дневник⁶

[8.01.1902]

1902. 8-го января

...Умираю от лени. Ни за что взяться не могу. Обычно распространено мнение, что 60-е годы были что ни на есть народнические по направлению своему. Теперь это мнение особенно часто повторялось всуе, по причине 40 годовщины со дня смерти (старшего шестидесятника) Добролюбова. Мне кажется, именно такими чертами, как

⁶ Печатается с комментариями по: *Чуковский К. И. Дневник*. Т. 1. С. 54–59.

у меня, и характеризуются 60-е годы. Тогда вообще не было какой-нибудь отдельной частной идеи, подчинившей себе все остальные, — тогда была одна общая — свобода личности. Человека не нужно наказывать, не нужно звать еврея жидом, не нужно смотреть на мужика, как на «быдло» — все это были вещи одного порядка, — и до «системы» народничества тут было далеко. И наконец, у тогдашних учителей — у Добролюбова и Чернышевского вовсе не было таких уж особенных исключительных симпатий к народу, они, что довольно ярко подчеркивает г. Подарский в 12 книге «Русского Богатства», — не боялись называть иногда народ «тупоумным», «невежественным», «косным», даже — *horribile dictu*⁷ — парламент они признавали вредным и т.д. Их рационализм — как верно замечает г. Подарский, не позволил им выдвинуть на передний план устройства истории народные инстинкты.

[14.01.1902]

14 января.

(...) Книга Шестова «Добро в учении графа Толстого и Ницше» — плоха. Видно, что автор очень умный и чуткий человек, а написал такую глупую книгу. Мне кажется, это обстоятельство положительно фатально, если за писание публицистических статей возьмется человек, склонный к художественному восприятию. Он сам для себя схватил истину интуитивным путем, а нам должен внушать ее логическим.

Эти линии и сочетания умственного процесса для таких людей — сущая невозможность. Им красок, пятен подавай, а все эти «потому что», — которыми они должны оправдываться перед публикой, для них совершенно излишние, они им только мешают.

Вот и получается такая штука: Граф Толстой понимает про себя одно, а говорит публике другое. Есть у него такие

⁷ Страшно сказать (*лат.*).

в душе вещи, которых он публике не покажет. Это видно из того, что, из того что — и вот здесь г. Шестов, что называется: стоп машина и ни с места... Для Ницше — добро — есть Бог и для Толстого то же самое, а доказательства — какие-то рискованные. (...)

Шестов ясно чувствует, что Лев Толстой делает все для своего я, что ему в сущности наплевать на публику. Он всегда искал путей для себя. Но это вытекает из таких мелочей, что почти невозможно оправдать это. И получаются категорические заявления, вроде: у Толстого живет уверенность: «я — очень великий человек; остальные — пешки. Быть великим — самое главное, самое лучшее, что бывает в жизни. И это лучшее у меня есть, а у других нет. Главное — у других нет». Из-за этого сознания, по мнению Шестова, Достоевский душил своего Раскольникова, а гр. Толстой был так беспощаден ко всей интеллигенции.

Мне кажется, мысль его такова. Тому и другому нужна была точка опоры в их деятельности. Нужно было во что бы там ни стало оправдать нравственно деяния, будь они даже бесцельны. Поставить «правило» выше жизни. Пусть Раскольников убил ничтожную, ненужную старуху. Пусть он даже принес всем пользу своим убийством, — это все ерунда. Нравственность такая штука, что ее утилитарными соображениями не пригвоздишь. Самое важное — это для него, для его души — там что делаться будет. Толстой, благодаря ляпинской нишете — закричал, что так нельзя. Но для него ляпинцы были спасение. При ляпинцах ему стало весело и спокойно, и он, восхвалявший до тех пор левинское, мещанское настроение среднего человека, идущего в ногу с толпой, он, так уничтожающий всех других персонажей Анны Карениной, только потому, что они говорят: добро — это Бог, добро для добра, а не для жизни — теперь обрушивается на противоположное мнение, потому, что он решил это для себя... Себе. Он единственный интересующий его человек. Вот что хотел сказать Шестов.

И мнения и страдания этого человека — принимаются им ближе всего к сердцу. У Толстого проповедь довлеет себе. Его завлекает поэзия проповеди.

З. Н. Гиппиус. Дневник⁸

[28.01.1902. СПб.]

28 января 1902

Мне отмщение, и Аз воздам⁹

Пишу двадцать восьмого января тысяча девятьсот второго года о том, что было с нами после этой записи.

Осенью (1901) Философов, все больной, написал, что хочет видеть нас еженедельно без посторонних, и таким днем была назначена среда, и в среду вечером он к нам приходил.

Говорили мы о внутреннем деле, о его необходимости, и во всем были согласны. Я стала работать над молитвами, беря их из церковного чина и вводя наше.

И потом все вместе читали и обсуждали, и остановились на службе вечерней, которую составили и обсудили.

Каждый раз многое изменяли и дополняли, и не нравилось мне, что я делаю больше них, а они лишь принимают и вставляют.

Но многое и сообща было найдено и создано.

На первом Собрании Религиозно-Философского Общества Философов был, но очень удивил меня. Собрание было таково, как и могло, и следовало ему быть, а он точно остался недоволен.

Я написала письмо, анонимное, Скворцову, о котором знал Философов, и даже сам приписал *post-scriptum*, и письмо это было нужно, и Скворцов его на заседании

⁸ Печатается с комментариями по: *Гиппиус З. Н.* Собрание сочинений. Т. 8. С. 88–90.

⁹ Рим. 12: 19.

прочел, что тоже было и нужно, и хорошо, а Философов сказал мне: «Никогда не испытывал такой муки». Смешно?

Потом мы долго не видались, а я написала ему: «Вы должны прочитать на следующем заседании реферат, который мы вместе напишем».

Он ответил: «Я, безусловно, против чтения рефератов, не буду писать. Приду тогда-то».

Пришел он днем, а вечером мы уезжали в Москву. И был между нами разговор.

То есть Философов стал вдруг говорить, что у него свои дела и огорчения, что в «Мире искусства» все против него, а что он считает себя с ними больше связанным, а нам он не равен, а только игрушка в наших руках, и все такое.

Я молчала, потому что слов не находила. А Дмитрий Сергеевич говорил с ним, напомнил ему бывшее и то, как мы в нем нуждаемся теперь, и что можем все трое от него погибнуть.

Где кровь замешалась, то куда ни двинься прочь, кто ни двинься — через кровь переступишь.

И так мы говорили, пока Философов вдруг не встал и, со словами: «Кончим, пожалуйста, этот тяжелый разговор», — не подошел к Дмитрию Сергеевичу и не поцеловал его, прибавив: «Простите меня».

Потом подошел ко мне с тем же словом, я молча наклонила голову.

Но он взял за руку и сказал: «Нет, встаньте, посмотрите на меня, поцелуйте меня и в самом деле простите».

Всем нам сразу после того стало легче, а была раньше мука до слез.

Дмитрий Сергеевич ушел гулять, а мы с Философовым сидели еще до обеда и говорили обо всем.

Было это пятого декабря 1901, накануне Николина дня¹⁰, соборный колокол гудел, и Даша зажгла мою лампадку.

¹⁰ Николин день — день памяти святителя Николая, архиепископа Мир Ликийских, чудотворца, отмечаемый церковью дважды в год — 9 (22) мая («Никола весенний») и 6 (19) декабря («Никола зимний»). — В. К.

А вечером мы уехали в Москву.

На прощанье я опять говорила Философону о реферате.

Из Москвы мы писали ему письмо — о том месте Евангелия: «Кто любит отца, или мать, или жену более Меня — недостойн Меня»¹¹. И еще: «Если рука твоя соблазняет тебя...»¹²

Великие эти слова — о ненависти. И страшные.

Когда мы приехали из Москвы — в тот же день я получила от Философова написанный реферат и записку, где он писал, что опять болен и рад, что мы вернулись.

Через несколько дней мы были у него, и я читала ему его переписанный мною реферат.

Он сказал: «А у меня к вам просьба; вот корректура статьи Бенуа, ответ мне. Я хотел бы возразить, один я не сумею, помогите мне».

Дмитрий Сергеевич сказал: «Конечно, мы все вместе это сделаем».

На вопрос о моем московском письме Философов сказал, без всякого раздражения: «Бог с ним... я его боюсь».

С рефератом были у нас кое-какие письменные недоразумения, он изменял, чуть-чуть, переписанное мною, я восставляла, но это пустяки.

Реферат прочел Тернавцев на заседании, потому что Философов совсем опять разболелся, жил у Дягилева и не выходил.

И. М. Гревс — Вяч. И. Иванову¹³

[1/14.02.1902. СПб.]

Санкт-Петербург, Каменноостровский. 24

¹¹ Мф, 10: 37.

¹² Из Нагорной проповеди: Мф. 5: 30; Мк. 9: 43: «И если соблазняет тебя рука твоя, отсеки ее: лучше тебе увечному войти в жизнь, нежели с двумя руками идти в геенну, в огонь неугасимый».

¹³ Печатается с комментариями по: Переписка Гревса и Вяч. Иванова. С. 238–242.

1/14 февраля 1902.

Дорогой друг Вячеслав Иванович.

В нашей нестройной и прерывчатой переписке всегда, уже много лет, основная вина ее нескладности и непостоянства ложится на меня: я это исповедую открыто и с глубокою скорбью. Вот почему, когда я узнаю ваш почерк на получаемом конверте, вместе с радостью и интересом меня охватывает чувство стыда, и я не без опасения раскрываю письмо, ожидая справедливого гнева или ядовитых упреков. Не могу, впрочем, тут же не признать, что в большинстве случаев неприятные ожидания не сбываются: письма ваши бывают обыкновенно проникнуты мягкостью и добрым отношением. Так и последняя ваша весть из Эллады искренно тронула меня своею теплотою: спасибо вам большое за ваше истинно дружеское письмо¹⁴. Я постыдно плохо поддерживаю общение с вами; но верьте, что происходит это не от охлаждения к давней духовной связи, всякое воспоминание о которой очень тесно и близко сплелось с многими (вероятно, лучшими) сторонами моей души, а от того состояния усталости, в котором я постоянно нахожусь и которое почти всегда лишает меня сил делать что бы то ни было кроме исполнения текущих часто угнетающих своим количеством обязанностей.

С глубоким интересом читал я и письма Лидии Дмитриевны, и ваши; с настоящим сочувствием следил за ходом событий вашей жизни, о которых вы рассказывали и которые полны столькими новыми великолепными впечатлениями, но и столькими тревогами. Читая эти письма, я пережил — положительно много не только радости и горя за вас (попеременно), но много и идейного воодушевления. Я счастлив за вас, что вам удалось так надолго утвердиться в стране и городе, куда так давно влекла вас душа. Не сомневаюсь,

¹⁴ Скорее всего, речь идет не о новогоднем поздравлении, слишком кратком и ритуальном, чтобы отвечать определениям Гревса, а о более раннем письме от 19.11/2.12.1902 или о еще одном, нам неизвестном.

что вынесете оттуда богатые научные плоды и поэтические вдохновения. Сожалею только, что ни вы, ни Лидия Дмитриевна, сообщая о каких-то новых научных замыслах, ни слова не упомянули о их сюжете и содержании. Вы знаете, как я по-настоящему интересуюсь всеми вашими работами...

Не буду распространяться о себе, так как тогда придется бросить письмо, не окончив его за недостатком времени. Скажу в двух словах, что внешнее положение пока не изменилось сравнительно с тем моментом, когда мы виделись; но надежды некоторые раскрываются¹⁵. Я получил от фа-

¹⁵ Следует предположить, что в неизвестных нам письмах 1899–1901 гг. неизбежно затрагивалось важнейшее событие в жизни Гревса за это время: отстранение его от преподавания в высшей школе из-за политической неблагонадежности. (Отметим, что вопрос о политической неблагонадежности Гревса, кажется, неплохо документированный архивными источниками, заслуживает внимательного исследования.) В феврале 1899 г. в ответ на запрет празднования 8 февраля — годовщины открытия Петербургского университета — и опубликование «Временных правил» внутреннего распорядка начались массовые волнения: студенческая забастовка, начавшись в Петербурге, постепенно охватила все высшие учебные заведения России. Выдвигавшиеся студентами требования академических свобод и университетской автономии встретили сочувствие у значительной части профессуры, и с первых же дней забастовки многие профессора под различными предлогами не являлись на лекции. И. М. Гревс, как и М. И. Ростовцев и Н. И. Кареев, отказались читать лекции, изложив причины своих действий в особых письмах. Строгое разбирательство в отношении студентов и курсисток не заставило себя долго ждать. А в отношении профессоров, отказавшихся читать лекции по принципиальным соображениям, — Гревса и Кареева — меры были приняты значительно позже, когда волнения были ликвидированы и студенты разъехались на каникулы: предложение министра народного просвещения Боголепова об увольнении Гревса из университета и с Высших женских курсов было направлено для исполнения 24 июля 1899 г. (см.: Санкт-Петербургские Высшие женские (Бестужевские) курсы: 1878–1918: Сборник статей. Изд. 2-е, испр. и доп. / Под общ. редакцией Валка и др. Л., 1973. С. 32–35; *Вахромеева О. Б.* Человек с открытым сердцем: автобиографическое и эпистолярное наследие Ивана Михайловича Гревса (1860–1941). СПб., 2004.

культета (филологического) Петербургского университета конфиденциальное предложение занять кафедру средней истории в качестве исправляющего должность профессора¹⁶, и дело об этом рассматривается в Министерстве. Как

С. 266). Эти драматические события происходили вскоре после смерти В. Г. Васильевского, видевшего в Гревсе своего преемника по университетской кафедре, хотя тот не защитил еще и магистерской диссертации. В переписке С. Ф. Платонова с киевским профессором-медиевистом Николаем Михайловичем Бубновым (1853–1943), которого он считал достойным кандидатом на петербургскую кафедру, встречаются сообщения, проливающие свет на положение Гревса во всей его сложности, не исчерпывавшейся увольнением по политическим мотивам. 31 августа 1899 г. Платонов писал: «В нашем факультете много пустоты и ординатур, которые неизбежно заполнить поскорее. Выбыли и выбывают Васильевский, Кареев, И. Е. Троицкий, Ламанский (...) (Причина удаления Кареева не объяснена. Без объяснения причины удалены Гревс, Венгеров, Исаев (...)).» Днем позже, 1 сентября, он продолжал: «У нас свободны две кафедры истории — Васильевского и Кареева. На одной сядет Форстен, а на второй, может быть, Вы? (...) Преподавание в высших заведениях запрещено и Гревсу. Пропасть свободных лекций (...)» И наконец, 9 сентября, видимо, в ответ на сомнения Н. М. Бубнова в этичности его возможного перехода, Платонов разъяснял: «Дело в том, что министр еще весной высказал официально к сведению нашего декана свое намерение не назначать на столичные кафедры магистров, Гревс уже тогда потерял возможность попасть в *“исправляющие должность”* по защите диссертации. Теперь же очевидно, его назначение немыслимо вообще и кафедры Васильевского ему не видать, как прошлогоднего снега. Самое большое — что он будет возвращен в звание приват-доцента, и то нескорю. Таким образом, в моих глазах Вам путь на кафедру не был загорожен *“свежим трупом”* и Вы бы искали место не Гревса, а Васильевского» (цит. по: Академик С. Ф. Платонов. Переписка с историками. Т. 1. Письма С. Ф. Платонова. 1883–1930. М., 2003. С. 61, 62).

¹⁶ С другой стороны, в дневнике одной из бестужевки в связи с отстранением Гревса и Кареева от преподавания в высшей школе были сделаны чрезвычайно интересные записи, рисующие отношение слушательниц к этим профессорам:

«Сегодня же узнала ошеломляющее известие: Кареев и Гревс ушли с курсов и из университета. Они в числе тех профессоров и приват-доцентов, которые *“уволены”* заодно, так сказать, со студентами после

будто идет оно благоприятно, но, должно быть, до весны задержится¹⁷ ввиду, кажется, опять начинающихся беспоряд-

второй забастовки. В Карееве мы теряем “имя”, в Гревсе — человека. Как человек, и как профессор даже, Кареев для нас был малозначителен; за все четыре года я не припомню ни одного случая, чтобы у нас с ним были оживленные отношения, чтобы ему аплодировали, как Гревсу. (...) Гревс — наоборот: большая потеря для курсов, как незаменимо-умелый, одушевленный преподаватель, учитель науки и руководитель семинария. Магистрант, еще без всякого “имени” (да вряд ли он и составит его: он не отличается талантливостью), у нас он был уже значительным лицом: к своим лекциям и занятиям он относился всегда с большою энергиею и любовью; он стремился сблизиться с нами, сплотить нас в кружок, читая ежегодно вступительные речи о значении науки, которые жадно слушали не одни его слушательницы второго курса, — все это придавало ему большое значение среди наших профессоров» (*Дьяконова Е. Л. Дневник Елизаветы Дьяконовой: 1886–1902. Литературные этюды. Стихотворения. Письма. М., 1912. С. 468–469; ср.: Там же. С. 477, 485.*)

Сам Гревс называл это увольнение «университетским крахом» (*Гревс И. М. К истории моих научных работ // ПФА РАН. Ф. 726. Оп. 1. Ед. хр. 1. Л. 34 и 34 об.*): подорвана оказалась главным образом его научная работа, тогда как средства к существованию семьи найти удалось с помощью преподавания в средней школе и особенно «отличных» частных уроков, так что «доход стал получать больше, чем прежде» (*Вархромеева О. Б. Человек с открытым сердцем. С. 254*). В 1900 и 1901 гг. Гревсы всей семьей на лето ездили за границу: соответственно, в Италию и Саконию (См.: Там же. С. 272–273).

¹⁷ Ср. изложение позиции факультета в письме ректора Петербургского университета А. Х. Гольмстена (1848–1920) к С. Ф. Платонову, еще от сентября 1900 г.:

«В собрании историко-филологического факультета 18 сентября, в коем присутствовали все штатные профессора факультета и сверхштатный Ф. Ф. Соколов, происходило частным образом обсуждение вопроса о наиболее желательном и наилучшем замещении кафедр классической филологии и всеобщей истории. (...) Собрание высказалось против конкурсного порядка замещения должностей, так как предыдущие конкурсы не выдвинули наиболее достойных и так как лица, способные и достойные занятия этих кафедр, находятся в университете. В самом С.-Петербургском университете в среде его приват-доцентов давно известны факультету и признаны хорошими преподавателями (...)

И. М. Гревс и Э. Д. Grimm — по кафедре всеобщей истории (...) По кафедре всеобщей истории из двух названных лиц старшинство принадлежит И. М. Гревсу. Окончив курс нашего факультета в 1883 г., он был оставлен при университете покойным В. Г. Васильевским, который неизменно высказывал самое высокое мнение об эрудиции, таланте и нравственных свойствах И. М. Гревса. Он не скрывал, что видит в И. М. Гревсе своего преемника по университетской кафедре, и, уступая своей болезни, передал именно Гревсу ведение общего курса средней истории и практических занятий со студентами. (...) Факультет соглашался с отзывами Васильевского о Гревсе, так как видел отличные качества его преподавания. Когда в 1899 г. Гревс был удален из состава приват-доцентов по причинам неизвестным факультету и, очевидно, находившимся вне области доступной наблюдению факультета, то это вызвало со стороны членов факультета серьезное сожаление и несколько попыток ходатайствовать о его возвращении в факультет, как полезного преподавателя. Когда наконец такие попытки увенчались успехом и Гревс в настоящее время снова вошел в состав приват-доцентов, хотя и без жалования и без обязательных курсов занятий, члены факультета по-прежнему смотрят на него как на заместителя покойного Васильевского, как бы завещанного им факультету в качестве преподавателя именно средней истории. Именно для ведения преподавания средней истории члены факультета и желали бы иметь Гревса в своей среде, считая его большой педагогической силой и широко образованным человеком. Очевидно, утверждение Гревса на кафедре, если оно совершится, может последовать лишь в виде назначения его исполняющим должность экстраординарного профессора, ибо Гревс еще не имеет степени доктора. Именно о таком назначении и ходатайствуют члены факультета. (...) Принимая во внимание заслуги Гревса перед факультетом в 1899 г. и следующих годах, памятуя о его способностях и знаниях, члены факультета находят справедливым ходатайствовать о его назначении на кафедру всеобщей истории» (Цит. по: *Вахромеева О. Б.* Человек с открытым сердцем... С. 276). Дело, однако, шло медленно. Годом позже Платонов писал Бубнову: «Из новостей могу сообщить Вам, что идет дело о возвращении Гревса в Университет и что Grimm и Васильев печатают докторские работы» (28 октября 1901 г.); «Grimm же представил докторскую, Тураев и Васильев печатают таковые; хлопочем об амнистии Гревса. Итого четыре лица на одну кафедру! Вот богатство, а кафедра все не занята» (30 ноября 1901 г.; цит. по: Академик С. Ф. Платонов. Переписка с историками. Т. 1. Письма С. Ф. Платонова. 1883–1930. С. 76, 78). Как знать, не был ли Гревс, защитивший в мае 1900 г. свою многострадальную магистерскую диссертацию, обязан своим все-таки

ков (студенческих). Конечно, меня сильно влечет в Университет: и преподавательская жилка не унимается; да и вижу, что наукою в моем положении иначе заниматься нельзя, как находясь в связи с университетом (и в нравственном, и в материальном отношении). Наука же по-прежнему захватывает всю душу, и это страшно мучительно, так как приходится только жадать, но не удовлетворяться, т. е. биться в стеснительных рамках средней школы. Скажу даже, что меня больше влекло бы к чистому занятию наукою, чем к преподаванию (наука ведь мало-помалу изгоняется из университета и не только сверху, но и снизу: студенты очень мало ее любят и ценят). Такая жизнь, как ваша, рисовалась бы мне и для себя верхом блаженства — освободиться от бремени срочного хлебного труда и жить для науки там, где сильнее всего бьется от нее сердце — т. е. в Италии, какое бы это было для меня великое [блаженство] счастье! Но, очевидно, я его буду всегда лишен. — Наружно, я сильно, говорят, постарел — голова поседела; но в душе, когда ежедневная рабочая страда немного отпустит цепи, — я ощущаю в себе то же одушевление и ту же энергию, какие в эпоху нашего первого знакомства наполняли меня почти как юношу, когда им удавалось победить неприятную и вредную неуверенность в себе. В голове много планов, есть сознание, что мог бы сделать кое-что, не совсем бесполезное, — и все это остается в проектах, неосуществленное, все это волнует, но не приводит к желанному результату...

Хотелось бы сильно и с вами поговорить об этих планах; но писать — трудно, сил нет и времени. Вы зовете меня в Афины. Как дорого было бы встретиться с вами там! Ведь я не могу же забыть, что беседы с вами доставляли мне одни из самых глубоких умственных наслаждений, какие я испытал в жизни; не могу забыть и того, что вы первый вдохнули в меня некоторую веру в мою научную силу... И знаете что,

состоявшимся назначением на кафедру в какой-то степени и предшествующему увольнению?

Вячеслав Иванович? Встреча наша в Афинах не невозможна, если вы захотите мне сделать еще одну дружескую услугу — подождать меня там до июня месяца. Дело в том, что я организую экскурсию в Грецию учеников Тенишевского училища, где я преподаю и где экскурсионный вопрос ставится серьезно. Конечно, самому руководить экскурсией мне будет трудно, так как я в Греции не был и могу только теоретически подготовиться к ней, так что на местах мне придется учиться самому вместе с учениками. Если ж будете в Афинах вы, то помимо большой радости вас увидеть там, я надеюсь воспользоваться для учеников своих вашею руководящею помощью. Ответьте мне немедленно, могу ли я надеяться заставить вас в Афинах в начале лета (мы выедем в конце здешнего мая, около 20-го)¹⁸. Буду ждать «трепетно» вашего ответа. Как [бы я был] я буду счастлив, если он окажется утвердительным! — Получив ответ, я напишу вам об экскурсии подробно. Теперь же очень прошу вас сообщить мне список книг, которые вы считаете особенно важными для подготовки к путешествию в Грецию с целью научно-образовательною. Если я буду знать некоторые из них, не беда, но я уверен, что вы мне назовете ряд новых (по истории, археологии, топографии, истории искусства). Мне интересны также «promenades archéologiques» вроде Diehl¹⁹. Может быть, вы-

¹⁸ В конце 1901 г. правительство стало вводить в высшей школе «Временные правила» внутреннего распорядка, что вызвало новые студенческие волнения. В феврале 1902 г. началась забастовка студентов Петербургского университета. 9 февраля собравшиеся в Народном доме учащиеся высшей школы пытались устроить митинг и массовую демонстрацию. Огромная демонстрация, собравшая около 30 тыс. студентов и рабочих под лозунгами требований политических свобод, состоялась 3 марта 1902 г. на Невском проспекте и на площади у Казанского собора. Протесты против введения «Временных правил» продолжались и в следующем, 1902/1903 учебном году (С.-Петербургские Высшие женские (Бестужевские) курсы. С. 42–43).

¹⁹ «Археологические прогулки» (*фр.*); в качестве образца этого любимого Гревсом, как поклонником Буассье, жанра названа вышедшая в 1890 г. и многократно переиздававшаяся в последующие годы книга фран-

шло новое переработанное издание его книги (Его сочинение «En Méditerranée»²⁰ я знаю), каталоги музеев, хорошие новые гиды. — Если у вас есть теперь лишние деньги, и вы можете купить мне несколько подобных книг (по топографии и вроде археологических прогулок) и прислать, я буду страшно благодарен и немедленно вышлю стоимость: здесь ужасно долго выписывают.

Напишите, пожалуйста, когда выйдет сборник ваших стихов. Что это он застрял? Я очень сильно увлекся им в прошлом году, хотя и не написал вам об этом. Это — замечательная книга, хотя и не знаю, много ли найдется у нее читателей в нашем обществе, полном рутины и предрассудков²¹.

Вы спрашивали, хотел ли бы я, чтобы вы посвятили мне свои парижские эпиграммы²²? Конечно, я буду очень рад, если вы вспомните мое имя в своей книге. Это для меня будет дорого во многих (во всех) отношениях. Но если сказать по правде, я хотел бы, чтобы вы подарили мне что-нибудь «итальянское»²³. Те вещи — очень талантливые и яркие, но я в них со многим не соглашался (помните?), [мне бы

цузского историка-византиниста Шарля Диля (1859–1944) «Excursions archéologiques en Grèce» (в 1897 г. появилось четвертое издание). Намечавшаяся экскурсия не состоялась.

²⁰ «В Средиземноморье» (*фр.*). Имеется в виду книга: *Diehl Ch. En Méditerranée. Promenades d'Histoire et d'Art.* Paris, 1901.

²¹ Речь идет о первой книге стихотворений Вячеслава Иванова «Кормчие звезды». Она была начата набором в Петербурге в 1900 г., но настойчивая работа поэта над текстом в корректурах привела к тому, что сборник увидел свет только в начале 1903 г. Гревс был причастен к ведению корректур сборника; говоря «в прошлом году», Гревс, по всей вероятности, имеет в виду не реальный прошлый 1901 г., а конец предшествовавшего ему 1900 г.

²² См. письмо от 23.08 / 5.09.1901.

²³ Сохранив и первое посвящение (в книге Гревсу надписан цикл «Парижские эпиграммы», составляющий самостоятельный раздел сборника), Иванов исполнил просьбу друга: посвятил ему «древнеримское», что важно при его ассоциации с именем Гревса, стихотворение в цикле «Итальянские сонеты». Приводим его здесь полностью.

даже очень было приятно (как человеку, сочувствующему сборнику], если бы вы не печатали ту пьесу, где попадают слова: «и фразы, фразы, фразы...»²⁴ — это была сла-

Speculum Dianae

Ивану Михайловичу Гревсу

Вот зеркало Дианы. Тесно круг
 Магический дубрав и пастбищ горных
 Сомкнул свой плен над чашей вод озерных.
 Богиня здесь, в нагой толпе подруг,
 Купается, иль бегом ног проворных,
 Играючи, днесветный топчет луг,
 Иль лань спугнув, меж кипарисов черных,
 Лук емлет свой и напрягает туг;
 Иль, загрустив над серебром пучины
 Глухих морей, придет сюда, клоня
 Над влагой лик божественной кручины.
 И рано здесь жар остывает дня;
 И Рима дочь смолистые лучины
 Сюда несет обетного огня.

(*Иванов В. И.* Собрание сочинений в 4 т. Т. 1. Брюссель, 1971. С. 619)

В авторском примечании к стихотворению указывается, что *Speculum Dianae* (Зеркало Дианы) — «древнее название озера Неми близ Рима (*Serv. Aen.* VII, 515). Там сосредоточивался культ Дианы Арицинской (*Nemorensis*) и в Августовские Иды совершался обряд, о котором упоминают последние стихи» (Там же. С. 860).

²⁴ «Парижские эпиграммы» написаны в 1891 г. и, вероятно, были первыми поэтическими произведениями Иванова, с которыми познакомился Гревс. Русский либерал-западник не готов был разделить ивановскую насмешку над ценностями европейской демократии. Например:

Iura vivorum

«Братство, Равенство, Свобода» —
 Гордо блещут с арки входа.
 «Что за мрачные дома?»
 «Наша, сударь, здесь тюрьма».

(Там же. С. 628).

Iura vivorum — права живых (*лат.*).

«и фразы, фразы, фразы...» — стихотворение, которое можно было бы опознать по приводимым Гревсом словам, в сборнике, увидевшем свет, нет.

бая и шаблонная вещь, и она портит всю блестящую группу товарищей; кроме того, хоть мы познакомились в Париже, но Италия главным образом сблизила нас. Впрочем, стеснять ваших предначертаний я не хочу — скажу в общем выводе, что просто дорожу тем, чтобы мое имя было в вашем сборнике.

Обнимаю вас, добрый (могу уже сказать и «старый» — не по вашим летам, но по летам нашего знакомства) друг! Как теперь ваше здоровье? Как течет ваша жизнь? Пишите обо всем. Буду ждать быстрого ответа, хоть и не имею «формального» права на него. Лидии Дмитриевне пошлите мой самый душевный привет. Сомневаюсь, чтобы собрался с духом написать ей.

Искренно любящий вас друг

Ив. Гревс.

Жена шлет вам искренний поклон и добрые пожелания. Удалось написать вам, воспользовавшись нездоровьем — которое задержало дома в будничные день.

С. Л. Франк²⁵ — П. Б. Струве²⁶

[7.02.1902. Ялта]

Ялта. 7/20 II. 1902.

(...) Приглашение дать статью в философский сборник я получил недавно. Я пишу для сборника статью об этике Ницше, которым я очень увлекаюсь, статья должна носить

²⁵ Семён Людвигович Франк (1877–1950) — русский религиозный философ и психолог. В юности был марксистом. В 1905–1906 гг. совместно с П. Б. Струве редактировал журнал «Полярная звезда». Является одним из создателей сборников статей: «Проблемы идеализма» (1902), «Вехи» (1909), «Из глубины» (1918). В 1922 г. выслан из Советской России, жил и преподавал в Германии (до 1937), во Франции и Англии (1945–1950).

²⁶ Печатается с комментариями по: Колеров М. А. Сборник «Проблемы идеализма» [1902]. История и контекст. М., 2002. С. 138.

заглавие: «Ницше и этика любви к дальнему». Эпиграфом, выражающим направление статьи, служит изречение: «Höher als die Liebe zum Fernsten und Zukünftigen. Höher als die Liebe zu Menschen schätze ich die Liebe zu Sachen und Gespenstern»²⁷. Я стараюсь, по Вашему примеру, «связать известную общественную программу с началами идеалистической морали», которые, как мне кажется, ясно выражены у Ницше. Мировоззрение Ницше я характеризую как идеалистический радикализм, т. е. радикализм во имя моральных правличности. Вы видите, таким образом, что в области общественно-моральных взглядов Вы имеете во мне верного последователя и единомышленника. (...)

Вяч. И. Иванов — И. М. Гревсу²⁸

[13/26.02. 1902 г. Афины]

26/13. II.1902

Дорогой друг Иван Михайлович, — два слова в ресторане! Испытал только что огромную радость, получив ваше письмо, дышащее старой дружбой и принесшее мне добрые вести, радостные надежды! Будущее θεῶν ἐν ὑοῦνασι κεῖται²⁹ — но планы наши таковы: к половине мая (нового стиля), когда окончатся археологические gipi, приедет ко мне Лидия Дмитриевна, проведя Пасху с семьей, и мы останемся в Греции, где вместе сделаем и экскурсии, приблизительно до половины [или конца] июня. Как видите, эти замыслы превосходно гармонируют с вашими, для меня было бы

²⁷ «Выше любви к ближнему стоит любовь к дальнему и будущему; выше еще, чем любовь к человеку, ставлю я любовь к вещам и призракам» (*неп. с нем.*) (*Friedrich Wilhelm Nietzsche*. Also sprach Zarathustra. Ein Buch für Alle und Keinen. Kapitel 27 // *Nietzsches's Werke*. Erste Abtheilung, Band VI: Druck und Verlag. Leipzig, 1901).

²⁸ Печатается с комментариями по: Переписка Гревса и Вяч. Иванова. С. 243.

²⁹ Покоится в воле богов (*греч.*).

величайшею радостью увидеться здесь с вами, но так как вы хотите видеть во мне и периегета³⁰, то, пожалуйста, скорее сообщите подробности предполагаемой экскурсии, ее программу, приблизительную продолжительность и объем.

Скоро напишу много.

Ваш Вяч. Иванов.

С. Н. Булгаков — П. Б. Струве³¹

[13.02.1902. Киев]

Киев.

13.II.02

Дорогой Петр Бернгардович!

Спасибо Вам за письмо и, в особенности, за портрет, присылкой которого Вы меня сердечно обрадовали. Поздравляю Вас с благополучным рождением Льва³² и желаю Вам всем доброго здоровья. Мы тоже находимся в ожидании ребенка³³.

³⁰ От древнегреч. περριγητής — проводник, гид. *Примеч. Иванова*: Вы знаете, что я мало способен к этому!

³¹ Печатается с комментариями по: *Колеров*, 2004. С. 524–528.

Пометка Струве: «Студенческая история». Н. А. Струве писала мужу: «Посылаю тебе давно пришедшие письма (...) Сергея Николаевича» (25 февраля / 12 марта 1902 г: РГАСПИ. Ф. 279. Оп. 1. Д. 63. Л. 104 об.). Струве свидетельствовал в письме к Д. Е. Жуковскому от 9/22 марта 1902 г.: «Я получил интересное письмо из Киева от профессора со сведениями о беспорядках и ходе дел в высших учебных заведениях» (Там же. Д. 66. Л. 210). Оппозиционная деятельность Булгакова нашла отражение и в документах киевского губернского жандармского управления, канцелярии губернатора, а также в переписке охранного отделения с департаментом полиции и киевским губернатором (см.: ЦГИА Украины. Ф. 274. Оп. 1. Т. 1. Ед. хр. 861; Ф. 442. Оп. 855. Ед. хр. 74; Ф. 275. Оп. 1. Т. 1. Ед. хр. 356 и др.) (*примеч. О. К. Локтевой*).

³² Лев Петрович Струве (1902–1926).

³³ В семье Булгакова 12 марта 1902 (по старому стилю) родился сын Федор (1902–1991).

Постараюсь Вас в основных чертах ознакомить с положением дел в Киеве. Я думаю, что, в общем, другого такого города, как Киев, нет в России, и если бы так же, как Киев, были настроены Москва и Петербург, то, может быть, мы не имели бы теперь существующего режима. И студенты, и рабочие, и даже общество здесь очень легко приходят в брожение, так что не случайность, что беспорядки и в прошлом, и в нынешнем году начинаются с Киева. Начал наш политехникум, который первый объявил забастовку. Витте³⁴ сначала пытался действовать строгостью, но его намерения были успешно парализованы Советом, состав которого, как я Вам уже писал, в общем, очень приличный. Занятий у нас нет все это время, но студенты не подвергаются и — хочется думать — не подвергнутся никакому взысканию со стороны институтского начальства. В университете забастовка, вследствие попыток читать лекции, началась с бурной обструкции, венец которой состоял в освистании и обругании товарища министра Зенгера³⁵; последний в сопровождении попечителя, инспекции и т.д. явился на лекцию, где присутствовал один студент в качестве слушателя; ворвавшаяся толпа устроила скандал. Университет был закрыт и исключено 80 студентов. Теперь получилось распоряжение, чтобы открыть его (через несколько дней), с намерением ловить и исключать забастовщиков. Эту методику Ванновский³⁶ хочет применять до трех раз. Можете себе представить, до чего должны пасть университетские профессора, чтобы

³⁴ Сергей Юльевич Витте (1849–1915) — русский государственный деятель, министр путей сообщения (1892), министр финансов (1892–1903) (к этому ведомству принадлежал Киевский политехнический институт), председатель Комитета министров (1903–1906), председатель Совета министров (1905–1906).

³⁵ Григорий Эдуардович Зенгер (1853–1919) — филолог-классик, в 1901–1902 — попечитель Варшавского учебного округа, товарищ министра народного просвещения с апреля 1902 г. (по 1904 г.).

³⁶ П. С. Ванновский с марта 1901 г. по апрель 1902 г. был министром народного просвещения.

читать лекции при таких условиях. Как прошел этот эксперимент, я еще не знаю. От попечителя был донос на наш институт, что, вследствие бездействия власти у нас, не могут подавить беспорядков в Университете³⁷. Теперь закрыт и Петербургский университет. 2-го и 3-го февраля произошли уличные демонстрации, несмотря на всевозможные угрозы. Демонстрация 2-го февраля привлекла много тысяч публики (число демонстрантов определить трудно) и продолжалась часов 6; были рабочие и студенты. Действовали нагайки и шашки в ножнах; много рабочих было с палками. Избитых было порядочно, один студент был довольно сильно ранен, но теперь он поправился. Арестовано всего 135 человек, студентов около 40, остальные большей частью рабочие и интеллигенты. Появилось угрожающее объявление Драгомирова³⁸, которое Вы прочтете в газетах. Были знамена, и раздавались политические возгласы (говорят про демонстрацию 8-го февраля в Петербурге, но точных сведений еще нет). В данный момент предположений о демонстрации в ближайшее время нет, хотя предсказывать ничего нельзя. На прошлой неделе, в качестве меры пресечения, были произведены массовые обыски и аресты среди студентов и интеллигенции (кажется, мало рабочих). Арестовано около 60 человек. В данный момент настроение Киева, мне кажется, зависит от других городов. Но мне не пришлось улавливать никаких признаков упадка настроения, несмотря на удачные (с полицейской точки зрения) аресты. Временные правила создали министерству конфликт

³⁷ Это место отчеркнуто на полях рукой Струве: «Теперь получилось распоряжение (...) не могут подавить беспорядков в Университете».

³⁸ Михаил Иванович Драгомиров (1830–1905) — крупнейший военный теоретик Российской империи 2-й половины XIX в., генерал-адъютант, генерал от инфантерии, киевский, подольский и волынский генерал-губернатор. Один из ведущих военных педагогов своего времени, Драгомиров возглавил в 1878 г. Академию Генштаба. Его «Учебник тактики» (1879) служил настольной книгой для нескольких поколений военачальников России.

с Советами. Здешний Совет (университетский) пошел путем компромисса и избрал комиссию для выбора старост, обещая хлопотать об изменении правил. Но студенты оказались стойче профессоров и предали эти правила торжественному сожжению, а избрать старост отказались. Теперь Зенгер проводит ту точку зрения, что применение или неприменение правил есть дело доброй воли, а вовсе не обязательно. Наш Совет в согласии с студентами отверг правила и послал в министерство финансов мотивированное заявление с просьбой предоставить Совету выработать правила организации³⁹. Правила отвергнуты *a limine*⁴⁰, как я слышал, Советом и московского и юрьевского университета. Вот Вам все основные факты, касающиеся истории Киева, насколько их можно изложить в письме.

Книжка с критикой на меня и всех прочих у меня есть, но, поверите ли, я до сих пор не могу себя заставить прочесть даже то, что лично меня касается, — такой безнадежностью веет от их теоретических упражнений⁴¹. Мой издатель, на котором я основывал свои надежды, по-видимому, не оправдал доверия. А Филиппов в заключение прислал мне такое нелепое письмо (*profession de foi*⁴²), что я только порадовался неудаче с ним. Судя по объявлениям, он остался при Сойкине, а Сойкин при нем. По поводу моей

³⁹ В 1902 г. Министерство народного просвещения приняло новые «Временные правила» для высших учебных заведений, заметно ограничивавшие их традиционные права. 29 января 1902 г. Булгаков писал к М. О. Гершензону: «Все мои усилия клонятся к тому, чтобы Совет их не принял так же, как и студенты, и отослал обратно без попытки даже применения (...) У нас Совет благожелательный и даже либеральный, но студентов и студенческое движение большинство мало понимают, и приходится все время быть настороже» (В ожидании Палестины. 17 писем С. Н. Булгакова к М. О. Гершензону и его жене, 1897–1925 // Неизвестная Россия. XX век. Вып. 2. М., 1992. С. 125).

⁴⁰ Сразу же (*нем.*).

⁴¹ См.: Ленин Н. Г. «критики» в аграрном вопросе. Очерк первый // Заря. 1901. № 2/3. С. 259–302.

⁴² Исповедание (*фр.*) — В. К.

публичной лекции возникло, как мне передавали, «дело» у прокурора (!), но пока без последствий, если не считать то, что мне не разрешено ее повторение в Москве. Через неделю я предполагаю приехать в Москву — повидаться с публикой и прочесть в Психологическом обществе доклад (о теории прогресса)⁴³. В каком же положении находится защита идеализма в сборнике?

Пишите. Долго ли Вы пробудете в Монтрё? Желаю Вам всего лучшего. Viele Grüsse vom Haus zu Haus⁴⁴. Жму Вам руку.

Ваш С. Булгаков.

Р. S. Какое Ваше мнение об Озеровской кассе взаимопомощи в Москве⁴⁵? Я еще надеюсь собрать сведения на месте. Где печатаются статьи Жореса?

⁴³ О своем намерении прочитать доклад в Московском психологическом обществе Булгаков сообщал в письме к М. О. Гершензону от 29 января 1902 г. Ему также удалось прочесть его перед студентами Киевского политехнического института. Присутствовавший на нем И. С. Книжник-Ветров записал: «Тогда он читал в виде реферата корректурный оттиск своей статьи “Основные проблемы теории прогресса” перед аудиторией, возражавшей ему цитатами из Маркса, но и тогда, как и впоследствии, во время публичных лекций, за которыми возражений не следовало, неизменная искренность автора, вызываемый его идеями интерес, даже при несогласии с ним, делали их для чуткой молодежи злобой дня, заставляли задуматься и учиться» (РНБ. АДП. Ф. 352. Оп. 1. № 1305. Л. 5–5 об.). Эта статья вошла в сборник «Проблемы идеализма» (примеч. О. К. Локтевой).

⁴⁴ Многие приветствия от дома к дому (нем.). — В. К.

⁴⁵ Иван Христофорович Озеров (1869–1942) — профессор финансового права Московского университета, профессор-экономист, член Государственного Совета; впоследствии член Межпарламентского союза (1910-е). В начале XX века И. Х. Озеров стал известен многочисленными работами, посвященными вопросам модернизации социально-экономического и государственного строя России. О. оставил после себя более 50 книг, десятки статей, был автором первого и единственного до революции учебника «Основы финансовой науки», выдержавшего пять переизданий. Его перу принадлежат книги «На новый путь. К экономическому освобождению России», «Чему учит нас Америка?»,

В. Я. Брюсов⁴⁶ — Л. Н. Вилькиной⁴⁷

[1902]

Мне так хотелось бы Вас увидеть, дорогая мне Людмила Николаевна, но есть сегодня в моей душе что-то нежеланное, хмурое, Бог весть откуда в нее заброшенное, и я думаю, что лучше спрятать себя в Публичной библиотеке, среди публичных книг и публичных людей. А Вас, с опасностью быть надоедливым, прошу читать Фета. Я так люблю его стихи,...

Вяч. И. Иванов — И. М. Гревсу⁴⁸

[15/28.02.1902. Афины]

28/15.П.

Дорогой друг Иван Михайлович!

Библиографию указать затрудняюсь. Да и нет, насколько мне известно, ничего сводного и «Darstellendes»⁴⁹ за

«Общества потребителей. Исторический очерк их развития в Западной Европе, Америке и России», «Финансовая реформа в России. Откуда у нас берет государство деньги и на что их расходует?», «Борьба общества и государства с дурными условиями труда», «Развитие общечеловеческой солидарности», «На борьбу с народной тьмой!» и др. Главными в работах И. Х. Озерова являлись вопросы развития отечественной экономики и оздоровления финансовой системы страны. О. был организатором страхования рабочих.

⁴⁶ Валерий Яковлевич Брюсов (1848–1924) — поэт, переводчик, один из ведущих теоретиков символизма.

⁴⁷ Печатается с комментариями по: Валерий Брюсов и Людмила Вилькина. Переписка / Предисл. А. В. Лаврова. Подготовка текста А. Н. Демьяновой, Н. В. Котрелева и А. В. Лаврова. Публ. и коммент. Н. В. Котрелева и А. В. Лаврова // Лица. Биографический альманах Т. 10. М., 2004. (Далее: *Котрелев, Лавров*, 2004). С. 302. Недописанное и, видимо, неотправленное письмо.

⁴⁸ Печатается с комментариями по: Переписка Гревса и Вяч. Иванова. С. 243–245.

⁴⁹ «Дающее представление» (нем.).

последнее десятилетие. Характеристично, что статья «Athen» у Pauly-Wissowa (посмотрите Attika, Delphi...) отложена на неопределенное время (в 1896 г., когда еще не был раскопан западный склон Акрополя)⁵⁰. Все здесь еще im Werden⁵¹! Для Афин нерв топографии работы Дерпфельда (преимущественно в Mittheilungen⁵², книгу о теа-

⁵⁰ Раздел, посвященный топографии Афин в фундаментальной энциклопедии классических древностей Паули-Виссова (RE. Bd. II V. Stuttgart, 1896. Sp. 2021), носил предварительный характер. Развернутые статьи на эту тему были опубликованы в последующие годы в дополнительных томах: *Wachsmuth C. Athenai* // RE. Supplbd. I. Stuttgart, 1903. Sp. 159–219; *Papastawou J. Athenai: A. Geschichte* // RE. Supplbd. X. Stuttgart, 1965. Sp. 48–89; *Zschietzchmann W. Athenai: B. Topographie* // RE. Supplbd. XIII. München, 1973. Sp. 56–140. Похожей была и ситуация с топографией Дельф: первоначальная статья (*Hitler von Gaertringen F. Delphoi* // RE. Bd. IV. Stuttgart, 1901. Sp. 2700 ff.) и позднейшие дополнения к ней (*Pomtow H. Delphoi: Die Topographie (erste Hälfte)* // RE. Supplbd. IV Stuttgart, 1924. Sp. 1189–1432; *Schober F. Delphoi: Die Topographie 2. Hälfte*) // RE. Supplbd. V. Stuttgart, 1931. Sp. 61–152).

⁵¹ В становлении (нем.).

⁵² Речь идет о следующих статьях и заметках В. Дерпфельда, опубликованных в «Сообщениях» афинского отделения Германского археологического института: *Dörpfeld W. Die Propyläen der Akropolis von Athen. I–II* // Mittheilungen des Deutschen Archäologischen Instituts (Athenische Abteilung; далее — MDAI (A). Bd. X. 1885. S. 38–56; 131–144; *Idem. Das choragische Monument des Nikias* // Ibid. S. 219–230; *Idem. Der alte Athena-Tempel auf der Akropolis zu Athen* // Ibid. S. 275–277; *Idem. Der alte Athenatempel auf der Akropolis* // MDAI (A). Bd. XL 1886. S. 337–351; *Idem. Ueber die Ausgrabungen auf der Akropolis* // Ibid. S. 162–169; *Idem. Der alte Athenatempel auf der Akropolis. II, III* // MDAI (A). Bd. XII. 1887. S. 25–61; 190–211, 276; *Idem. Die Stoa des Eumenes in Athen* // MDAI (A). Bd. XIII. 1888. S. 100–102; *Idem. Der Eridanos* // Ibid. S. 211–220; *Idem. Zum choregischen Monumente des Nikias* // MDAI (A). Bd. XIV. 1889. S. 63–66; *Idem. Chalkothek und Ergane-Tempel* // Ibid. S. 305–313; *Idem. Der alte Athena-Tempel auf der Akropolis. IV* // MDAI (A). Bd. XV. 1890. S. 420–439; *Idem. Der ältere Parthenon* // MDAI (A). Bd. XVII. 1892. S. 158–189; *Idem. Die verschiedenen Odeien in Athen* // Ibid. S. 252–260; *Idem. Die Ausgrabungen an der Enneakrunos* // Ibid. S. 439–445; *Idem. Die Ausgrabungen an der Enneakrunos. II* // MDAI (A). Bd. XIX. 1894. S. 143–151; *Idem. Die Ausgrabungen am Westabhange der Akropolis. I* // Ibid. S. 496–509; *Idem. Die*

тре его и Reisch'a⁵³ вы знаете) — и полемика с ним в разных журналах⁵⁴. Зато в 1901 г. вышло переработанное издание «Arx Athenarum a Pausania descripta edidemnt O. Jahn et Michaelis», с планами и рисунками: но это только свод текстов и материалов, в освещении новейших археологических открытий⁵⁵. Удобной «Stadtgeschichte» Курциуса пользуйтесь осторожно, особенно относительно древнейшей поры и исходных данных топографии⁵⁶. Рекомендую, если не побоитесь с непривычки английского чтения, «J. Harrison. Mythology and Monuments of ancient Athens, London, 1890» (отчасти,

Ausgrabungen am Westabhang der Akropolis. II. Das Lenaion oder Dionysion in den Limnai // MDAI (A). Bd. XX. 1895. S. 161–206; *Idem*. Lenaiou // Ibid. S. 368–370; *Idem*. Der Athena-Tempel auf der Akropolis. V // MDAI (A). Bd. XXII. 1897. S. 159–178.

Кроме того, в этом же издании печатались и многочисленные хроникальные заметки с отчетами о находках, сделанных в ходе раскопок, проводившихся Германским археологическим институтом как в Афинах, так и в других греческих центрах.

⁵³ *Dörpfeld W., Reisch E.* Das griechische Theater. Beiträge zur Geschichte des Dionysos-Theaters in Athen und anderer Theater / Mit XII Tafeln und 99 Abbildungen im Text. Athen, 1896.

⁵⁴ Например, см.: *Petersen E.* Der alte Athenatempel auf der Akropolis // MDAI (A). Bd. XII. 1887. S. 62–72; *Frazer J. G.* The Pre-Persian Temple on the Acropolis // Journal of Hellenic Studies; далее — JHS. Vol. XIII. 1892/93. P. 153–187; *Fowler H. N.* The temple on the Acropolis burnt by the Persians // American Journal of Archaeology; далее — AJA. Vol. VIII. 1893. Fase. 1. P. 1–17; *Miller W.* A History of the Akropolis of Athens // AJA. Vol. VIII. 1893. Fase. 4. P. 473–556; *Penrose F. C.* On the Ancient Hecatompedon which occupied the site of the Parthenon // JHS. Vol. XII. 1891. P. 275–297; Vol. XIII. 1892/93. P. 32–47; *White J. W.* The Opisthodomus on the Acropolis at Athens // Harvard Studies in Classical Philology. Vol. VI. 1895. P. 1–53; *Koepf F.* Die Herstellung der Tempel nach den Perserkriegen // Jahrbuch des (Kaiserlich) Deutschen Archäologischen Instituts. Bd. V. 1890. S. 268–278; *Milchhöfer A.* Ὀπισθοδόμος // Philologus. 1894. S. 352–361; *Dümmler F.* Athena // RE. Bd. II. Stuttgart, 1896. Sp. 1952; *Furtwängler A.* Meisterwerke der griechischen Plastik. Leipzig, 1893. S. 155 f., 743; *Idem*. Masterpieces of Greek Sculpture / Ed. by Eugénie Seilers. London, 1895.

⁵⁵ [*Jahn O., Michaelis A.*] Arx Athenarum a Pausania descripta / In usum scholamm ediderunt Otto Jahn et Adolfus Michaelis. Editio tertia actis arcis et fasciculo tabularum aucta. Bonnae, 1901.

⁵⁶ Речь идет о книге: *Curtius E.* Stadtgeschichte von Athen. Berlin, 1891.

конечно, и эта книжка устарела). Она компилятивна, немного односторонняя, но научна; страдает длиннотами. Прочтите, если не читали, v. Wilamovitz-Möllendorf Aus Kydathen (Philologische Untersuchungen I Heft) — работа 80^x годов⁵⁷

Ваш Вяч. Ив.

Надеюсь, что первая картолина⁵⁸ получена. — Передайте мое почтение и привет уважаемой Марии Сергеевне.

К. Д. Бальмонт — Л. Н. Вилькиной⁵⁹

[20.02.1902. Сабынино]

20 февраля 1902

Сабынино

«Почему Вы мне не пишете...» «Нужно мне много дать...»
«Пишите же...»

О, женщина! Зачем все вы такие скупые и не можете тратить свою душу на размышления, не спрашивая, не дожи-

⁵⁷ Имеется в виду сборник очерков, посвященных истории Афин: *Wilamowitz-Moellendorf U., von. Aus Kydaten. Berlin, 1880 (Philologische Untersuchungen / Hrsg. von A. Kiessling und U. v. Wilamowitz-Moellendorf. Bd. I).*

⁵⁸ От *um. cartolina* — [почтовая] карточка. Речь идет о письме от 13 (26).02.1902.

⁵⁹ Печатается с комментариями по: «Мы не чужие друг другу...». Письма К. Д. Бальмонта к Л. Н. Вилькиной / Публикация и комментарии П. В. Куприяновского и М. М. Павловой // *Лица. Биографический альманах Т. 10. М., 2004. С. 274–275.* Людмила Николаевна Вилькина (1873–1920) — поэтесса, писательница, переводчица, публицистка и литературный критик. До перехода в 1891 из иудейского в православное вероисповедание — Изабелла; Бэла (Бела, Бэлла), как ее называли близкие. Родилась в Петербурге в семье коллежского assessора Николая Львовича Вилькина. Мать ее, Елизавета Афанасьевна, урожденная Венгерова, была дочерью общественного деятеля и директора банка в Минске Афанасия Леонтьевича Венгерова; в числе ее семи братьев и сестер — историк русской литературы и библиограф Семен Афанасьевич Венгеров, пианистка и преподавательница музыки Изабелла Афанасьевна Венгерова, историк западноевропейских литератур, критик и переводчица Зинаида Афанасьевна Венгерова. — В. К.

даясь и скорее давая, чем беря? Неужели же это не счастье — быть расточительным? Я не знаю высшего блаженства. Я отдаю себя так часто — не видя того, кто берет меня, а чувствуя лишь, что вот в это самое мгновение дрожит луч солнца на окне и чьи-то зрачки расширяются, и душа моя расширяется и дрожит. О, счастье — быть весенним сном, быть вольным и не связанным ничем! О, счастье любить не спрашивая!

Я знаю, что тысячи людей — нищие передо мной.

Писал бы Вам и много, и часто, и открыто. Но я в цепях работы. Не упрекайте же, в чем упрекать нельзя.

Вы говорите о грехе. И я еще почти вчера говорил о нем. Но я уже более не знаю, что это. Я долго думал и нашел, что есть лишь три греха: ложь (наистрашнейший), насилие над слабейшим и чрезмерное подчинение телесности. Но я больше не могу лгать, я никогда не делал насилий, а телесность не только грех, — когда она чрезмерна, — а и великий праздник мироздания. Я хочу этого праздника, я еще не знал элевзинских таинств плоти⁶⁰. Больше нет греха. Его больше не может быть. А если я в пути устану или упаду на мгновенье, я не оскверню своей молодости размышленьем и раскаянием. Я весна. Я хочу лучшей. В то время, когда старые с проклятием, или с ужасом, или с насмешкой (насмешка — оплот бессильных) говорят обо мне, помавая своими разумными головами, я пишу звучные стихи, или уношусь мечтою в бесконечность, или вижу, как в глазах у той, которую я целую, дрожит сиянье Божьего Солнца.

⁶⁰ Элевзинские таинства (*греч. миф.*; от священного места Элевсин в Аттике) — мистерии, воспринимающиеся как «страсти» богини плодородия Деметры. Возможно, к этому письму Бальмонта относится недатированное ответное письмо Вилькиной из ее тетради с копиями писем к Брюсову, Бальмонту, Случевскому и др., ср.: «Ваши письма зажигают меня. И вы во многом не правы (...)» (см. полный текст во вступительной статье).

«Готовить белые одежды...»⁶¹ Это гораздо лучше, чем говорить о Боге. О Боге можно только петь — или молчать. Но можно готовить и багряные одежды — этим самым быть среди белых цветов, озаренных светом Вечности.

Я камень, брошенный могучею рукой; нужно, чтобы он описал кривую дугу в воздухе, прежде чем он упадет и около него будет основана обитель. Нужно, чтобы эта дуга была описана сполна. То, что во мне всегда живет, не обманет меня и скажет мне, когда будет час.

Простите: Вы за тысячи верст от понимания «Стансов близ Неаполя». Эти строки нужно именно так перевести. У Шелли нет никакой «гордой озлобленности», нигде, тем менее здесь. Все стихотворение полно величайшего примирения, и жалобы его кротки, как упреки ребенка. «The City's voice itself is soft like Solitude's». — «Yet now despair itself is mild»⁶².

Знаете ли Вы Раутенделейн⁶³? Я знаю Раутенделейн. Это моя сестра. Как только я стал цельным, и окружающие люди стали другими. Не сомневайтесь в моей свободе. Я хотел бы с усмешкой напомнить слова Гамлета: «But never doubt...»⁶⁴.

Я никому никогда более не скажу, что я с ним навсегда. Я навсегда лишь с тем незримым, что меня не покидает, что во мне, что обмануть не может. Я хочу Бесконечности и чувствую ее.

К. Бальмонт⁶⁵

⁶¹ «Готовить белые одежды...» — то есть готовиться к Страшному Суду; в текстах Ветхого и Нового заветов белые одежды символизируют праведность, святость.

⁶² Строки из стихотворения П. Б. Шелли «Стансы, написанные близ Неаполя, в часы уныния»: «Здесь нежен гул смятенья городского», «Здесь скорбь нежна, как грусть во взоре» (*Шелли Б.* Полное собрание сочинений в переводе К. Д. Бальмонта. Т. 1. СПб., 1903. С. 60, 61); в раннем переводе: «И даже сладостны здесь звуки городские» (Сочинения Шелли / Пер. с англ. К. Д. Бальмонта. Вып. 1. СПб., 1894. С. 57).

⁶³ Героиня стихотворной драмы Г. Гауптмана «Потонувший колокол» (1886).

⁶⁴ «Никаких сомнений» (*англ.*).

⁶⁵ К письму приложен машинописный текст стихотворения Шелли «Стансы, написанные близ Неаполя, в часы уныния» («Сияет небо солнцем ясным...») в переводе Бальмонта.

С. Н. Булгаков — П. Б. Струве⁶⁶

[27.02.1902. Киев]

Киев.

27.II.02.

Дорогой Петр Бернгардович!

Ваше письмо меня уже здесь не застало, чем и объясняется запоздалый ответ на соображения, изложенные Вами в последнем письме. Прежде всего, должен заметить, что Ваша мысль мне осталась неясна и противоречива, ибо, с одной стороны, Вы не одобряете студентов за их теперешний протест, с другой стороны, желаете провала Ванновскому, чему этот протест без сомнения поспособствует. Я смотрю на дело так. Оставить без протеста, который в Киеве, благодаря температуре этого города, составляющей вообще ценное и в России редкое свойство, «временные правила» студенты не могли и не должны были, тем более что в данном случае в конфликт впали и профессора, и это для студентов, во всяком случае, выгодно. Не забудьте, что практика осеннего полугодия этого года допустила почти полную свободу собраний и свободу речи на них для студентов; потому сокращение оставить без ответа они не могли. Эта практика между прочим показала неверность положения: чем хуже, тем лучше — для данного случая, ибо это послабление, несомненно, выгодно отразилось на политическом самосознании студенчества. Более чем вероятно, что Ванновский слетит и восторжествует сипягинская⁶⁷ реакция, т. е. будет по-Вашему. Но беспорядки нынешнего года именно при Ванновском имели, по-моему, большое значение, потому что они заставили его применить меры относительно

⁶⁶ Печатается с комментариями по: *Колеров*, 2004. С. 528–531.

⁶⁷ Дмитрий Сергеевич Сипягин (1853–1902) — с 1900 г. министр внутренних дел, известен своими карательными мерами против оппозиционных движений, в частности студенческого, смертельно ранен террористом в апреле 1902 г.

Москвы ничем не лучше боголеповских⁶⁸; следовательно, наглядно показали, что сердечное попечение при существующем режиме неизбежно превращается в бессердечное и что дело не в личностях и их настроении, а общем режиме. С другой стороны, общее значение беспорядков, переходящее предел нынешнего года, состоит, я думаю в том, что именно их ежегодность и непрерывность лучше всего показывает несовместимость европейского высшего образования с нашим режимом. В этом смысле — в роли капли, долбящей камень *saepe cadendo* — беспорядки нынешнего года настолько же рациональны, насколько может быть вообще рационально [иррациональность]⁶⁹ такое средство. Наконец, горячее начало дела в Киеве, которому, по-видимому, некий бог судил играть роль бродила, основывалось на чрезмерно сангвинических надеждах на столицы, которые этих надежд не оправдали. Ошибка, неизбежная при общем положении вещей. Сейчас в Киеве критический момент и в Политехникуме и в Университете, именно через неделю должны начаться занятия или же Политехникум будет закрыт до лета, Университет подвергнется обструкции и связанными с ней последствиями. Я от души желал бы, чтобы занятия мирно возобновились, ибо для общих соображений побастовали достаточно, а непосредственных результатов в этом году быть не может, ввиду бездействия столиц, так что продолжение забастовки для Университета значило бы новое кровопускание, а для Политехникума, на который все более и более косятся в высших сферах за его вольности, возможность сдачи в министерство народного просвещения при перемене режима. А относительно Политехникума я никак не могу признать положения «чем хуже, тем лучше».

В Москве ужасное уныние, вполне понятное ввиду двух дат: 9 и 19 февраля. Последняя дата, конечно, не должна быть переоцениваема в своем общем значении, но для данного мо-

⁶⁸ См. примеч. к письму Ельчанинова Флоренскому от 15.02.1901. — В. К.

⁶⁹ Это слово было вписано, но затем вычеркнуто Булгаковым.

мента деморализация рабочих все-таки велика. Студентам сулят ссылку в Восточную Сибирь. Относительно Озерова, на основании всего, что я слышал в разных местах, несмотря на сильнейшее желание как-нибудь пред собой его оправдать, я вынес убеждение, что «виновен и не заслуживает снисхождения». В иные его мотивы входить считаю излишним. Озлобление против него в Москве всеобщее и страшное — говорят о скандале на его публичной лекции в марте. Конечно, виделся со своими московскими приятелями. Доклад мой пришелся не ко времени, но отменять было поздно. Вы, конечно, сами увидите неудовлетворительность изложения его в «Русских ведомостях»⁷⁰.

Жму Вам руку. Ваш С. Б.

Д. В. Философов. — В. В. Розанову⁷¹

[1.03.1902—1903?]

1 марта

Дорогой Василий Васильевич.

Я забыл попросить Вас вчера не полениться прийти на мой доклад⁷² 2 марта.

Заглавие реферата искусственно-банальное, неточно. Я касаюсь в нем главным образом народной психологии, и отношения народа к самодержавию, как началу религиозной общественности. Доказываю, что интеллигенция тут ни черта не понимает.

⁷⁰ Русские ведомости. 21 февраля (4 марта) 1902. № 52. С. 2.

⁷¹ Текст подготовлен к изданию и прокомментирован Е. В. Глухой по архивному оригиналу: НИОР РГБ. Ф. 249. К. М 3871. Ед. хр. 7. Л. 15–16. Розановская нумерация красными чернилами — № 55. Возможно, письмо относится к 1904 г.

⁷² Возможно, речь идет о выступлении Д. В. Философова на 2-м заседании РФС — он отсутствовал на заседании, и записка была прочитана В. А. Тернавцевым (доклад не озаглавлен). Записки петербургских религиозно-философских собраний (1901–1903 гг). М., 2005. С. 32–39.

Выражаясь Вашими словами, могу сказать: «Пусть я бездарен, но тема моя гениальна»⁷³.

Я послал повестки в «Колокол», «Земщину» и 4 повестки в редакцию «Нового времени» (генералу Е. А. Егорову)⁷⁴.
Д. Философов.

З. Н. Гиппиус. Дневник⁷⁵

[04.03.1902. СПб.]

Пишу вечером четвертого марта того же года, продолжение предыдущего.

После второго заседания Философов был у нас однажды днем, и на среду, второго января, назначена была у нас общая молитва, вечерняя служба, которую Философов с нашей переписал в свою тетрадь.

Мы решили шить одежды не белые, а красные, потому что белых еще не были достойны (сказано: «Побеждающему дам белые одежды»⁷⁶), форма их — эпитрахиль до полу.

Философов настаивал на белом бархатном кресте спереди, что и было принято.

Числа двадцать третьего я начала шить эти одежды, из красного шелка, все, как было условлено.

⁷³ Неточная цитата. Сравн.: «Я — бездарен, да тема-то моя талантливая» (Розанов В. В. Заметки на полях непрочитанной книги // Розанов В. В. Религия и культура СПб. 1899).

⁷⁴ Ефим Александрович Егоров (1861–1935) — сотрудник «Нового времени» (по рекомендации Розанова), секретарь редакции «Нового пути» и секретарь РФС в Петербурге (1901–1903). — В. К.

⁷⁵ Печатается с комментариями по: Гиппиус З. Н. Собрание сочинений. Т. 8. С. 90–91.

⁷⁶ Откр. 3:5: «Побеждающий облечется в белые одежды». Речь идет о не осквернивших себя грехами и преступлениями, которых Иисус за этот подвиг жизни облечет в белые одежды и поставит рядом с собою. Белые одежды — символ чистоты и безгрешности.

К первому января они были готовы. За день не хватило белого шнура для обшивки третьей одежды, и я ездила за шнуром.

З. Н. Гиппиус — В. В. Розанову⁷⁷

[18.03.1902. СПб. — СПб.]

18.3.02

СПб

Дорогой Василий Васильевич

Простите, что еще не посылаю вам перевода⁷⁸, пришлю завтра или послезавтра, я и сама училась когда-то по-гречески, но теперь ничего решительно не помню. Ежели Дмитрий Сергеевич не вполне точно сумеет перевести, я сделаю это с Минским. А пока очень прошу прислать мне доклад Философова, горничная моя подождет, пока вы его отыщете.

Ужасно это неприятно, что Василий Михайлович⁷⁹ так обижен. Мы теперь прямо от него зависим, даже в принципиальных вопросах. И приходится ему из практических соображений уступать. Посмотрите, вот в маленьком виде картина «христианского, миссионерского гонения»: это недопущение на собрание⁸⁰ Стаховича⁸¹ и Плевако⁸².

⁷⁷ НИОР РГБ Ф. 249. Розанов В. В. М3872. 2. Л. 5–7.

⁷⁸ Неясно, о каком переводе идет речь.

⁷⁹ В. М. Скворцов.

⁸⁰ Согласно Уставу собраний в них могли участвовать только действительные члены, избранные по определенной процедуре.

⁸¹ Михаил Александрович Стахович (1861–1923) — русский общественный деятель, либеральный славянофил, поэт, камергер императорского двора. В 1901 г. произнес речь на миссионерском съезде в защиту свободы совести, которая сделала его имя известным всей России и вызвала против него резкие нападки в консервативной прессе в том числе протодияка Иоанна Сергиева (св., прав. Иоанна Кронштадтского).

⁸² Федор Никифорович Плевако (1842–1909) — известный русский адвокат.

Православные гонители забоялись: «куда нам, мы с ними не справимся, вернее будет просто двери прикрыть». Не пущай — и кончено. Не понимают и тут, как в сектантских делах, до чего такое громогласное признание внутренней несостоятельности вредит им же самим и во всех отношениях. Сила не боится открытого сражения; насилие же всегда результат слабости, источник его — слабость. В каждом данном случае ясно видно, сила ли действует или насилие. — Жаль, что Скворцов за мелкими практическими соображениями (и личными обидами) не видит более глубоких и столь же практических расчетов. Мы тоже слабы: страх за собрания связывает наши мысли, и мы тотчас же соглашаемся: да, да, запрем двери, приставим к ним городового, а не то Стахович придет, увидит и победит нас. Довольно позорно, хотя естественно. Верно вы сказали вчера, что в руки России валится громадное яблоко, а она в тупости допустит его упасть на землю и сгнуть — если другие не подберут и не воспользуются.

Был у нас какой-то Милютин, просил не посылать приглашение гр. Шувалову⁸³, ибо он уехал. Меньшикову я написала без адреса, в Царское. Дойдет ли? Итак — жду доклада Философова.

Ваша душевно

З. Гиппиус-Мережковская

[на отдельном листе:]

18.III.902

Дионис, желая спуститься в ад, не знал пути. Прозимн⁸⁴ обещал ему сказать имя дороги, но не без награды. Награ-

⁸³ Павел Павлович Шувалов (граф, 1859–1905) — русский военный и государственный деятель. С 1898 — генерал для Особых поручений при МВД, обер-гофмаршал, в канцелярии которого служил отец Д. Мережковского — Сергей Иванович Мережковский (1823–1908). 18 апреля 1905 г. назначен Московским градоначальником.

⁸⁴ Просимн (у Павсания и Гигина Полимн, др.-греч. Πρόσσιμνος, Πόλυμνος) из Аргоса — персонаж древнегреческой мифологии. Когда юный Дио-

да же была не прекрасна. (??)⁸⁵ Согласие на любовь была та награда. И требование это было по сердцу богу, и он обещал его исполнить, и клятвой подтвердил обещание. Узнав же путь — отошел и вернулся, но не застал Прозимна, ибо тот умер. Принося очистительную жертву любовнику, Дионис возгорелся похотью. Отрезав ветвь смоковницы, которая тут случилась, он сделал подобие мужского члена, и сел на смоковницу, исполняя обещание мертвому. Таинственное напоминание этой страсти суть фаллосы.

Вяч. И. Иванов — И. М. Гревсу⁸⁶

[24.03 / 6.04.1902. Афины]

6 апреля / 24 марта 02.

Дорогой друг Иван Михайлович,

Прошу вас убедительно: немедленно сообщить мне, придете ли вы или нет, когда, на сколько времени, — по адресу Γερμανική Αρχαιολογική Σχολή, 1, ὁδὸς Φειδίου⁸⁷. Боюсь, что обстоятельства могут так сложиться, что мне трудно будет остаться так долго в Греции. Ваше извещение мне необходимо теперь же для соображений.

Ваш В. И.

нис хотел вывести из Аида свою мать Семелу, Просимн указал Дионису вход в царство мертвых, потребовав за это плату: насладиться телом Диониса. Этот вход находился у болота Алкиония. Дионис согласился, но, когда вернулся, Просимн уже умер. Тогда Дионис срезал ветвь смоковницы, придал ей форму мужского члена и сел на нее. По словам Климента Александрийского, как воспоминание об этом воздвигались фаллосы Диониса, ежегодно ночью на берегах болота Алкиония совершались празднества Диониса.

⁸⁵ Так в оригинале.

⁸⁶ Печатается с комментариями по: Переписка Гревса и Вяч. Иванова. С. 245.

⁸⁷ Для телеграмм адрес: Ivanov Institut Allemand Athènes — *Примеч. Вяч. Иванова.*

А. Н. Бенуа — П. П. Перцову⁸⁸

[25.03.1902]

25. III — 1902 г.

Дорогой Петр Петрович [нрзб]

...Ждем Вас сюда. Религиозно-философские⁸⁹ продолжаются. Толпа и духота возрастающие, Суесловие тоже. Соллертинские⁹⁰ и прочие рясы наводняют [нрзб] риторики. Вопросы запутываются, а впрочем, с известной стороны, и выясняются. Яснее становится свое внутреннее, душевное отношение к некоторым вещам⁹¹. Вообще же, несмотря на зывания Дмитрия Сергеевича, совсем нет мистицизма [нрзб], религиозность, религиозная полемика, схоластика, так называемая христианская мораль, на пять копеек Канта, на грош Нитше, немного либерализма, отрывка Дневника Писателя — вот и все. При этом масса курьезного, почти занятого, и наши эстетические души радуются. Жалко, что

⁸⁸ МА МДМД. Фонд П. П. Перцова. КП-323/2. Л. 1. Маш. копия.

⁸⁹ РФС в СПб. — цикл из 22 встреч, прошедших в ноябре 1901 — апреле 1903 гг. в зале Русского географического общества. Собрания были созданы по инициативе Д. С. Мережковского, З. Н. Гиппиус, Д. В. Философова, В. В. Розанова, В. С. Миролубова, А. Н. Бенуа, В. А. Тернавцева с согласия обер-прокурора Синода К. П. Победоносцева и митрополита Антония (Вадковского). Как замечала З. Гиппиус, со стороны последнего замечалось не столько одобрение, сколько «попустительство»: молчаливое обещание терпеть Собрания «пока что».

На собраниях председательствовал ректор С.-Петербургской духовной академии епископ Сергей (Страгородский). Секретарем собраний был Е. А. Егоров. При участии представителей духовенства и общественности на собраниях обсуждались проблемы взаимоотношения церкви, интеллигенции и государства, свободы совести, церкви и брака, христианской догматики. Отчеты о Собраниях публиковались в журнале «Новый путь». В 1903 г. Собрания были закрыты по распоряжению К. Победоносцева и возродились в 1907 г. в новой форме как Религиозно-философское общество.

⁹⁰ Сергей Александрович Соллертинский (1846–1920) — протоиерей, ординарный профессор С.-Петербургской духовной академии, доктор богословия.

⁹¹ Перечитывая, усумнился и в этом. — *Примеч. А. Бенуа.*

не романист, материала гибель [?]. Если Зинаида Николаевна⁹² не сумеет этим воспользоваться, то она просто бездарна.

Разумеется, есть кое-что и хорошего, но это хорошее никогда не выражается цельно, вылазки. Нет гения и слишком много ума. Немало также русского разгильдяйства мысли.

Крепко жму вашу руку и остаюсь искренно преданным вам
Александр Бенуа.

З. Н. Гиппиус. Дневник⁹³

[29.03.1902. СПб.]

29 марта 1902

Пишу двадцать девятого марта, в годовщину Бывшего.

Тьма внешняя с нами. На небе сегодня встанет заря ясная, ибо небо чисто, но на земле, где мы, темно.

Его воля во всем.

В. А. Кожевников⁹⁴ — Н. Ф. Федорову⁹⁵

[10.04.1902. Москва]

Москва. 10 апреля 1902.

⁹² З. Н. Гиппиус.

⁹³ Печатается по: *Гиппиус З. Н.* Собрание сочинений. Т. 8. С. 97–101.

⁹⁴ Владимир Александрович Кожевников (1852–1917) — философ, историк культуры, член-учредитель «Кружка ищущих христианского просвещения», друг Новоселова и Флоренского, участник МРФО, публикатор сочинений Н. Ф. Федорова. См.: *Арсеньев Н. С.* О московских религиозно-философских и литературных кружках и собраниях начала XX века // Воспоминания о Серебряном веке. М., 1993; *Сетницкий Н. А.* В. А. Кожевников. 1852–1917 // Высшая школа в Харбине. Известия юридического факультета. Т. 4. Харбин, 1927; *Шургаия А. В.* Предисловие к публикации переписки П. А. Флоренского и В. А. Кожевникова // Вопросы философии. 1991. № 6; *Никитина И. В.* Кожевников Владимир Александрович // Русские писатели. Т. 2. М., 1992.

⁹⁵ Печатается с комментариями по: *Федоров Н. Ф.* Собрание сочинений в 4 томах. Т. 4. М., 2005. С. 598–599.

7½ часов утра.

Дорогой и глубокоуважаемый
Николай Федорович!

Очень утешен Вашим письмом. Хотя в нем Вы сопричисляете меня к неверующим⁹⁶ и отрицающим, но я, повторяя слова скептика евангельского: «верую, помоги моему неверию», надеюсь, что и во мне умножится вера во все хорошее⁹⁷ милостию Божией, подающей веру, и в Вас умножится доверие к человеку, который Вас много лет нелицемерно любит и уважает. — Письмо к Петерсону было отправлено уже вчера заказным, но это ничего не значит! Желая Вам оправиться от недомогания, которое Вы чувствовали, и непременно ждем Вас на 1-й день⁹⁸ обедать.

Сердечно Ваш
В. Кожевников.

Вяч. И. Иванов — И. М. Гревсу⁹⁹

[16 / 29.04.1902. Шатлен]

Villa Java, Châtelaine, près Genève.

29 / 16 апреля 1902.

Дорогой друг Иван Михайлович,

Иначе распорядилась судьба, чем мы предполагали, и нашему свиданию в Афинах не дано осуществиться. Поедете ли вы в Грецию? Ответа от вас на свои запросы (два откры-

⁹⁶ Слово «неверующим» подчеркнуто Н. Ф. Федоровым.

⁹⁷ Выражения «помоги моему неверию» и «во все хорошее» подчеркнуты Федоровым. Часть фразы со слов «повторяя слова скептика евангельского» до слов «и в Вас умножится доверие» отчеркнута им по левому полю. Все подчеркивания и отчеркивание в тексте письма сделаны синим карандашом.

⁹⁸ На первый день Пасхи (Пасха в 1902 г. пришлось на 14 апреля).

⁹⁹ Печатается с комментариями по: Переписка Гревса и Вяч. Иванова. С. 245–247.

тых письма) из Афин не имею¹⁰⁰. Если да, боюсь, что огорчил вас своим непредвиденным возвращением в Женеву. Уверен, конечно, что моя помощь была бы вам вовсе несущественной и сводилась бы главным образом на облегчение чисто внешней ориентировки на новых местах; тем не менее мне грустно — не только, что не увижу вас, но и что не смогу, как мечталось было, служить вам по мере сил в таком дорогом и милом мне деле. Что делать? Так сложились внешние обстоятельства и, в особенности, мое внутреннее настроение. Ведь — посудите сами — я отказался от археологических *giri*, в последнюю минуту!! Заболел одиночеством, не смог дольше ломать себя — отложил объезд милой страны на неопределенное будущее, довольствуясь скромными результатами сделанного и радуясь, что Греция стала мне отныне доступнее, благодаря ознакомлению с жизнью, людьми и языком (я занимался новогреческим и с учителем). Проект же приезда Лидии Дмитриевны в Грецию оказался неудобным для исполнения по разным соображениям. Так, дорогой друг, не удалось мне дожждаться вас. Если будете в Афинах, можете обратиться к Р. Х. Леперу¹⁰¹ (ὄδος Σκουφῆ. 34 или 38? — адрес

¹⁰⁰ Речь идет, по-видимому, не о двух, а о трех письмах.

¹⁰¹ Роберт Христофорович Лепер (1865–1918) — ученый секретарь Русского Археологического института в Константинополе в 1901–1908 гг. С 1890 г. около четырех лет Лепер находился в заграничной командировке, прежде всего в Греции, где занимался эпиграфикой, топографией и историей Афин (см.: *Басаргина Е. Ю.* Русский археологический институт в Константинополе: Очерки истории. СПб., 1999. С. 97–101). В 1893 г. он изучал топографию Италии, стремясь по архаическим планам Лациума и Рима выявить аналоги к древнейшим греческим поселениям (*Куклина И. В.* В. К. Ернштедт. Обзор переписки с учеными и современниками // Мир русской византистики: Материалы архивов Санкт-Петербурга / Под ред. И. П. Медведева. СПб., 2004. С. 397). Тогда он и познакомился с Ивановым; ср. в письме последнего к Сперанскому от 13/25 апреля 1893 г.: «Вчера были у нас в первый раз Леперы — муж, жена и сын — заезжие из Греции. Лепер — университетский товарищ Крашенинникова, который процветает и Вам кланяется» (НИОР РГБ. Ф. 601. К. I. Ед. хр. 30. Л. 15 об.). 15/27 марта 1895 г. Крашенинников писал Иванову из Петербурга: «Не помню, писал ли я Вам

в Институте). Я знаком через участие в практических занятиях по эпиграфике с секретарем австрийского Института Dr. Wilhelm¹⁰², а Лепер и близко с ним знаком — молодой

в предыдущем письме, что побывал у Леперов; они Вам кланяются и с удовольствием вспоминают римские вечера, которые проводили у Вас» (НИОР РГБ. Ф. 109. К 27. Ед. хр. 103. Л. 12; см. также Л. 35 об.). Для реконструкции атмосферы, в которой оказался Иванов в Афинах, интересно письмо Лепера к В. К. Ернштедту, написанное 3 апреля 1901 г.: «Радостно было побывать опять в Афинах. Как мало за 9 лет изменились люди: Дерпфельд, Дефнер, Каввадия, другие эфоры несколько не постарели, Мме Дерпфельд даже помолодела; Дефнер очень о вас осведомлялся. Город сильно украшается и прогрессирует больше нашего Петербурга, разводят сады и бульвары, выпрямляют настойчиво улицы в окраинных частях, провели новые линии конок. Пальмы в садах значительно выросли, так что теперь много видно больших прекрасных пальм. Никакой ни бедности, ни упадка или застоя вследствие войны не заметно. — Музеи у них чудно устраиваются; подправляют и древние здания: Парфенон, стены акрополя, перибол Олимпийского Зевса. (...) Освежает окунуться в волны деятельной научной работы и интереса, которые здесь в Афинах сразу захватывают. Тут я живо понял и почувствовал, как может быть полезна археологическая школа здесь особенно для молодых людей. Это живое общение с людьми науки, деятельное соревнование нескольких школ, единственное, я думаю, в мире место, где и постоянно бывает, и наезжает столько ученых нашей специальности, не теряясь среди публики разнохарактерной, а, напротив, стоя на виду, на первом плане. Кроме немцев, теперь и австрийцы посылают своих *Gymnasiallehrer* на I семестр в Италию и Грецию и для них специально существует отделение австрийского Института с библиотекой, секретарем (...) В поездках Дерпфельда принимает участие много ученых».

В архиве Ернштедта хранится рукопись рецензии Дефнера на первый выпуск подготовленного им издания — *Archiv für mittel- und neugriechische Philologie*, herausgegeben von Dr. Michael Deffner, Bibliothekar und Dozenten der Linguistik. Band I. Heft 1–2. Athens, 1880 (см.: *Куклина И. В. В. К. Ернштедт: обзор научного рукописного наследия // Рукописное наследие русских византинистов в архивах Санкт-Петербурга*. СПб., 1999. С. 104).

Эфоры — в древней Спарте коллегия из пяти должностных лиц, наделенных судебными и постепенно расширявшимися контрольными полномочиями; в Афинах такая должность была введена после 405 г. до н. э.

Gymnasiallehrer— гимназические учителя (*нем.*).

¹⁰² Адольф Вильгельм (Wilhelm, 1864–1950) — эпиграфист, с 1898 г. секретарь Австрийского археологического института в Афинах, в 1905–

и любезный человек (говорит и по-французски); но невозможно просить его показать Афины! Если хотите, познакомлю вас с Dr. Kolbe¹⁰³ — молодой стипендиат Германского Института, историк-эпиграфист; по-французски, думаю, не говорит. До свидания пока, дорогой друг. Напишите, прошу вас, сразу. Приветствую и поздравляю с праздником вас, вашу супругу и семью. Лидия Дмитриевна присоединяется ко мне в горячем привете. Все вести газетные имеют-таки тревожный характер! Как идут ваши дела. Боюсь, что новые перемены для вас неблагоприятны¹⁰⁴.

Обнимаю.

Вяч. Иванов

В. В. Розанов — П. П. Перцову¹⁰⁵

[10.05.1902]

1902, 10 мая.

Дорогой и милый Петр Петрович! Что между нами за дипломатия: буркнул у Тернавцева я Вам потому, что очень был расстроен тем, что невольно обидел Минского в отчете о Религиозно-философских собраниях. Он хороший очень человек, и я не думал ему когда-либо сделать неприятность. Вчера я Вас ждал в чайной до 12 часов. Мы хоть с Вами и мало при свиданиях говорим, а ведь в сущности надо видаться, ведь мы близкие люди. А безречен — я вообще безречен. Жаль, что не было

1933 г. профессор классической филологии в университете Вены. — Ср. в автобиографической справке Иванова: «С весны 1902 до весны 1903 г. я жил в Афинах, изучал топографию, музеи, надписи по камням (под руководством Дерпфельда и Вильгельма)» (*Иванов Вяч. Circulum vitae*. С. 190; в датировке ошибка памяти).

¹⁰³ Скорее всего, имеется в виду эпиграфист, в будущем издатель одного из выпусков свода греческих надписей; ср.: *Inscriptiones Laconiae et Messeniae* / Ed. W. Kolbe. Berlin, 1913.

¹⁰⁴ Ср. примеч. к письму от 1 (14).02.1902.

¹⁰⁵ МА МДМД. Фонд П. П. Перцова. КП-270/3. Л. 57. Маш. копия.

Вас у митрополита¹⁰⁶, много было чего видеть; религии у них ½ или ¼, чем как у нас. Про викария я подумал: «ну, что это за мясник», идем, а Философов мне: «этот викарий настоящий целовальник у стойки». Невыразимая грубость и жесткость лиц. Никакой «духовности». Конечно, они без жен, но это — служба, а не призвание. Говорить об этих помещиках, вдовых «Петр Петрович Петух»'ах — просто умора. Мережковский худо сделал, что не пошел к Митрополиту на чтение Минского; если это несимпатия к Минскому — то вдвойне худо. Мы только дружелюбием еще и красимся. Ну, целую и обнимаю.

Ваш В. Розанов.

А вот что: сообщите-ка мне поаккуратнее: будете ли хлопотать о «Новом Пути»? когда? и есть ли шансы на утверждение?

Как адрес, имя и отчество Колпинского¹⁰⁷? и могу ли я его к себе для переговоров об издании пригласить? Ведь уж время издавать «Итальянские впечатления». «Мир искусства» едва ли будет.

Пожалуйста, об этих 2-х пунктах черкните мне поаккуратнее.

А. В. Ельчанинов — П. А. Флоренскому и В. Ф. Эрну¹⁰⁸

[10.05.1902. СПб. — Москва]

Милые друзья, очутившись волею судеб снова в Питере, где я отсутствовал около 2-х месяцев, я снова начинаю помышлять о возвращении. К несчастью это может осуществиться не раньше 14 июня, так как именно в этот день у меня экзамен, но если вы тоже едете домой около этого времени, то при-

¹⁰⁶ На встрече с митрополитом Петербургским Антонием (Вадковским) члены Религиозно-философских собраний прослушали реферат Н. Минского, позже опубликованный: *Минский Н.* О свободе религиозной совести // Новый путь. 1903. № 1. С. 27–30.

¹⁰⁷ Александр Егорович Колпинский — издатель. Типография А. Е. Колпинского, угол Конной и Тележного пер., № 3–5.

¹⁰⁸ Печатается с комментариями по: *Павлюченков*, ВПСТГУ 2010/3. С. 91–93.

ятно было бы вместе. Но только через Баладжары я, наверное, не еду, так как и в апреле там была такая жара, что помирать прямо, а что же будет в июне? Я еду или морем, через Новороссийск, или по Военно-грузинской дороге, причем это последнее менее привлекательно по причине летней жары, пыли и т. д. Мои экзамены идут прекрасно, хотя и приходится кричать душой и проходить целые совсем незнакомые курсы в 5–8 дней. Остаюсь преданным и почтительнейшим другом.

А. Е. С.-Петербург. 10.05.1902.

А. В. Ельчанинов — П. А. Флоренскому¹⁰⁹

[16.05.1902. СПб. — Москва]

Радуюсь от всей души, дорогой Павлуша, твоим добродетелям, но, во-первых, я ни за что не воспользовался бы твоей жертвой в два дня (ведь и мы не без добродетелей), а во-вторых, я раньше 15-го не могу выехать... 18-го у меня логика, и у меня в голове хаос от всяких опосредствованных категорических проектов и сложных суждений, *ponendo tollens*’ов, *tollendo ponens*’ов, *Felapton*’ов, *Vramalip*’ов и т. д. Ты знаком, вероятно, с этими милыми гекзаметрами: «*Barbara, cebarent etc.*»¹¹⁰ Я не унываю и не трушу, так как отставил честолубие в сторону и решил успокоиться на самых умеренных притязаниях, может быть, ты для освежения ума и сердца проездишься после экзаменов в Питер? Я один в большой комнате, так что мог бы тебе дать пристанище с условием

¹⁰⁹ Там же. С. 92.

¹¹⁰ Речь идет об изучении силлогизмов Аристотеля. Для запоминания правительных силлогизмов средневековыми схоластами было придумано следующее мнемотехническое латинское стихотворение:

BARBARA, CELARENT, DARI, FERIO que prioris;
 CESARE, CAMESTRES, FESTINO, BAROCO secundae;
 Tertia DARAPTI, DISAMIS, DATISI, FELAPTON,
 BOCARDO, FERISON habet; quarta insuper addit
 BAMALIP, CAMENES, DIMATIS, FESAPO, FRESISON.

только не мешать мне зубрить. А у нас теперь хорошо: весна, Нева, острова и пр. Мой адрес: Васильевский Остров 9 линия, д. 66, кв. 28. Прощай. Твой А. Е.

С. Н. Булгаков — П. Б. Струве¹¹¹

[? 06.1902]

Петр Бернгардович!

Перечитывая письма из России (введение)¹¹², автор нашел, что по контексту «дьявол» может получить более чем аллегорическое, а так сказать, метафизическое значение, чего автор в виду не имел. Потому он просит Вас, если статья будет печататься, оное слово полностью или частично устранить. Автор также согласен на устранение *religiose Redewendungen*¹¹³, которые, быть может, способны на первое время повредить делу, особенно ввиду невозможности подписью взять это под индивидуальную ответственность.

S. V.

Н. М. Минский — П. П. Перцову¹¹⁴

[26.06.1902. СПб.]

26 июня 1902 г.

¹¹¹ Печатается с комментариями по: Колеров, 2004. С. 531. На обороте листа рукой Булгакова: «П. Б. С.» и приписка: «Дорогой Петр Бернгардович, С. Н. Булгаков просил меня переслать эту записку Вам “по точному адресу, или в Монтре”. Ваш А.». Впоследствии тот же А. М. Воден писал Струве 21 мая 1904: «С. Н. Булгаков прислал для передачи Вам оттиски своей статьи о Соловьеве в “Вопросах философии и психологии” и реферат о себе в “Новом пути”. (...) Кроме того, он будет здесь скоро» (РГАСПИ. Ф. 279. Оп. 1. Д. 76. Л. 105).

¹¹² Ак. [Булгаков С. Н.] Письма из России. I. Высшее образование // Освобождение. 1902. № 3. 19 июля. С. 43. Слова «дьявол» в опубликованном тексте нет, но есть «злой дух-искуситель».

¹¹³ Религиозные обороты речи (нем.).

¹¹⁴ МА МДМД. КП-323/11. Л. 4. Маш. копия.

Многоуважаемый Петр Петрович.

Очень жалею, что не застал вас вчера дома, ваша рукопись поразила меня и общей идеей и еще более частностями, ваша мысль о воде как глубине материала, о дугах жизни и прочем поистине замечательны¹¹⁵. Основную Вашу идею о трех мирах, о соединении начала с концом вполне принимаю, но зачем вы строите ее на фальшивом фундаменте — на триаде Гегеля? Вот о фальшивости последней я и хотел с вами поговорить. Когда-нибудь в другой раз. Остаюсь еще несколько дней в Петербурге и буду рад вас видеть.

Искренно преданный вам Н. Виленкин.

В. В. Розанов — П. П. Перцову¹¹⁶

[28.06.1902. СПб.]

1902 28 июня

Что это Вы, мой дорогой! Живете в Петербурге, а к верному Ричарде ни ногой?! Да прежде всего Вам в Шмец-

¹¹⁵ Речь идет о рукописи П. Перцова «Основания Диалогии», теологически-ориентированной философской системы, имеющей в основе своей тринитарную онтологическую модель. Сам автор так оценивает значение своего труда: «...с 1897 года по настоящее время работаю над обширным философским трудом “Основания диалогии”, представляющим попытку установления точных законов мировой морфологии (аналогия, хотя и не очень близкая, с построениями Вико, Гегеля, Канта, [Маркса], Шпенглера и русских мыслителей, как Хомяков, Данилевский, Константин Леонтьев и Владимир Соловьев). Отсутствие возможности сколько-нибудь сосредоточенной работы над этим трудом замедляет ее полное осуществление, хотя все главные основания и важнейшие приложения уже выработаны. 1925 24/ХІ П. Перцов». (Цит. по: Лавров А. В. Литератор Перцов // Лавров А. В. Русские символисты: этюды и разыскания. М., 2007. С. 521). Подробнее см.: Резниченко А. И. О смыслах имен. Булгаков, Лосев, Флоренский, Франк et dii minores. М., 2012.

¹¹⁶ МА МДМД. Фонд П. П. Перцова. КП 270/3. Л. 62–63. Маш. копия.

ке¹¹⁷ комната готова, даром, со столом, лесом, морем: лучше Венеции. Ах, Вы мое сокровище (да ведь и подлинное): приезжайте-ка не медля, пока я там (сегодня еду с поездом в 4 часа 15 минут: если со мной, то и лошадь даром!!), по Балтийской дороге, до Нарвы, от Нарвы до Гунгербурга на пароходе (Швейцария!!), от Гунгербурга до Шмецка на извозике. Разнообразие, великолепиие! Жду с нетерпением. Ваш В. Розанов.

дача Борман, № 2.

Как встанете, приезжайте сейчас на вокзал Балтийский.

В. Ф. Эрн — П. А. Флоренскому¹¹⁸

[07.07.1902. Царские колодцы — Тифлис]

Милый Павлуша!

Вот вам и документ в руки. Хочется написать вам, и вот пишу. Я страшно рад, что приехал на Царские. Тут я почти отдохнул от того нервного напряжения, которое в последние дни в Тифлисе мне было почти невмозготу. Тут поразительные окрестности, имеющие свой особый характер, какого я до сих пор никогда не видел. Для описания не хватит слов, скажу только о впечатлении. Когда я забрался в чащу леса, в такую глушь, где из-под ног выбегали шакалы, или взлезал с опасностью жизни на замок «Тамару» — развалины крепости на громадной скале, равной которой по величине и мрачности я еще никогда не видел, — и оттуда созерцал лежавшее подо мной — во мне поднималось новое чувство, которого я раньше почти не испытывал. Как будто бы грудь природы раскрывалась для меня, и я вполне сливал-

¹¹⁷ Шмецк — деревня в Эстляндской губернии, в 2-х верстах от Гунгербурга и в 3-х от Меррекуля, пляж для морских купаний и летняя станция на берегу Балтийского моря.

¹¹⁸ Печатается с комментариями по: *Чертков*, 2017. С. 56–57.

ся с нею. Тогда меня охватывал неудержимый восторг, я ощущал невыразимую полноту жизни. И мне казалось, что я чувствую краешек великой тайны мира. Одним словом, я первый раз испытывал теперь сильное религиозное чувство по отношению к природе. Жизнь моя пополнилась, и в душе моей как будто бы открылся новый источник сознания, пробив мою косность. Я поглощен этими новыми неизведанными чувствами — они показали мне мир с новой стороны. Но это не все. Не меньше чувств пробудила во мне игра «*belle-soeur*»¹¹⁹. Она играет удивительно. Я ничего подобного никогда не слышал. Носится передо мной как в тумане игра Рауля Кочальского¹²⁰, но и с ней не могу сравнить, потому что слышал Кочальского слишком давно. У ней игра с очень ясно обрисованною индивидуальностью. Ни одного звука она не берет машинально. В каждый она вкладывает душу. И это буквально, потому что она истощается при игре, и после получаса игры она встает настолько утомленною, насколько утомляются после 5–6-часового серьезного умственного труда. При ее игре у меня каждый звук получает свою окраску и с поразительной легкостью сочетается с представлениями. Получаются картины и образы, иногда удивляющие меня своею цельностью. Так что

¹¹⁹ Свояченица (*фр.*) — Евгения Давыдовна Векилова (1886–1972), пианистка, выпускница Екатерининского института; с 1907 г. замужем за В. Ф. Эрном. Со своей будущей женой, дочерью подполковника в отставке, В. Эрн познакомился в 1902 г. в Царских колодцах (Тифлисская губ.) на свадьбе своего брата, Николая Францевича, и сестры Е. Д. Векиловой, Марии Давыдовны. Когда В. Эрн и Е. Векилова решили обвенчаться, это обстоятельство вызвало определенные сложности, так как, согласно канонам Православной Церкви, брак со свояченицей не дозволяется. В конце концов они все-таки были обвенчаны 28 января 1907 г. в церкви при Академии Генерального штаба. Совершил венчание о. Георгий Шавельский, будущий протопресвитер армии и флота, глава всего военного православного духовенства.

¹²⁰ Рауль Кочальский (1884–1948) — польский пианист и композитор.

слушание ее музыки походит на какое-то полусознательное творчество.

Милый Павлуша! У меня сейчас такое созерцательное настроение, что я не скучаю по Вам. И знаете почему? Вы для меня слишком близки. Ваш образ постоянно витает перед моим сознанием. Я закрываю глаза — и вы как живой стоите передо мной. Иногда я как-то полусознательно спрашиваю у вас совета, вашего одобрения или вижу ваше осуждение. Право, вы, как Ангел Хранитель, витаете надо мной. Вы составляете действующую часть моего сознания — поэтому я и не скучаю.

Я ничем не занимаюсь — только рисую. Наши соберутся в Тифлисе к 15-му. Тогда и я поеду.

Милый Павлуша, да хранит Вас Господь!

Ваш Володя.

Искренний и сердечный привет всем Вашим.

А. В. Ельчанинов — П. А. Флоренскому¹²¹

[26.07.1902. Манглис — Тифлис]

Передай своим и узнай сам, что я прибыл благополучно на место в 11 часов ночи, ни разу не садился на что-нибудь вроде экипажа. Получил уроки. Очень благодарен твоей маме за провизию: я нашел двух попутчиков, и нам троим хватило еды до самого Манглиса. Мама и я были бы очень рады, если бы ты как-нибудь доставилась к нам сюда, хотя бы с Володей Х¹²². То, что я хотел спросить у тебя, неловко писать в открытке, хотя это не секрет. Пока прощай. Твой А. Ельчанинов.

Манглис 26/VII 1902.

¹²¹ Печатается с комментариями по: Обретая Путь. Павел Флоренский в университетские годы. Т. 1. М., 2011. С. 557–558.

¹²² Владимир Худадов.

Протоиерей А. П. Устьинский¹²³. «Мои тезисы»¹²⁴

[12.08.1902]

Я признаю и исповедую: Триединое христианство как свободный, по требованию совести, синтез католичества, православия и протестантства — как трех совершенно равных и равночестных между собою трех Лиц Пресвятой Троицы¹²⁵.

Я признаю и исповедую, что Триединое христианство должно быть сословием священников по отношению ко всем нехристианским народам и, следовательно, церковная христианская молитва должна обнимать собою не в идее только, а фактически и практически весь мир, все нехристианские народы¹²⁶.

Я признаю и исповедую равенство и равночестность семьи и девственности, по образу Отца Небесного и Сына Его¹²⁷, и это утвердительно и решительно, а вместе с сим, но только предположительно и гипотетически, я признаю равенство третьего члена во образ Духа Святого, именно: состояние

¹²³ Александр Петрович Устьинский (1854–1922) — протоиерей, кандидат богословия, религиозный мыслитель и публицист. — В. К.

¹²⁴ Печатается с комментариями по: *Воронцова И. В.* Разработка тезисов «неохристианской» доктрины в переписке В. В. Розанова и протоиерея А. П. Устьинского (1898–1901 гг.) // Вступ. ст. и коммент. И. В. Воронцовой // Вестник ПСТГУ: Сер. II. 2010. Вып. 2 (35). С. 15–17.

¹²⁵ Доктрина «Нового религиозного сознания» предполагала объединение всех христианских конфессий в единую «Церковь Третьего Завета». В представлении А. Устьинского Трем Ипостасям в христианстве соответствовали три христианские конфессии.

¹²⁶ Вселенская «Церковь Третьего Завета» предполагала внесение в будущую религию языческих элементов и должна была строиться на принципах любви и социального единства.

¹²⁷ Согласно А. Устьинскому, «Отчая Ипостась» (рождающая) — образ «родительства» в мире. Ипостась Сына — образ девственности и монашеского статуса. Провозглашение их «равночестности» для протоиерея А. Устьинского и Розанова являлось провозглашением для женатых людей и монашества равного пути спасения.

свободных половых отношений, образом которых может служить век Перикла с его Аспазиями¹²⁸ и Фринами¹²⁹.

Я признаю и исповедую, что новозаветная христианская семья должна быть основана не на фундаменте древней языческой римской семьи, как это практикуется у нас доселе, а на фундаменте древней библейской священной семьи, что, следовательно, в христианстве должны быть удержаны все типы и формы ветхозаветной семьи, нигде и нимало не осужденные Христом Спасителем, начиная от семьи патриарха Исаака и священника Захарии, продолжая семьей Патриарха Иакова и кончая семьей царя Давида¹³⁰.

Признаю, исповедую, что епископский сан, согласно примеру святых апостолов и практике первых семи веков христианства должен быть предоставляем совершенно наравне как монахам, так и женатым священникам.

Я признаю и исповедую, что развод между супругами, применительно к жестокосердию нынешних нравов, должен быть даваем без всякой затруднительности и притом с неперемным и неоспоримым правом для той и другой разводящейся стороны вступать в новые законные браки¹³¹.

Я высказываю пламенное желание и предъявляю настойчивое требование, чтобы было дозволено общение трех христианских исповеданий в Таинстве Евхаристии, т.е. чтобы священники всех трех исповеданий могли совершать Божественную Литургию совместно и приобщаться Святой Евха-

¹²⁸ Аспазия (Аспазия; ок. 470–400 до н. э.) — возлюбленная Перикла (490–429), политического деятеля древних Афин. Происходила из образованной милетской семьи. Отличалась умом, образованностью и красотой, в ее доме собирались художники, поэты, философы. — *В. К.*

¹²⁹ Фрина (ок. 390 до н. э. — ок. 330 до н.э.) — знаменитая афинская гетера, натурщица Праксителя и Апеллеса. — *В. К.*

¹³⁰ То есть допустимость неоднократных браков, разводов, многоженства (см. об этом: НИОР РГБ. Ф. 249. М. 4209. Ед. хр. 7. Л. 12–13).

¹³¹ Прот. А. Устынский настаивал на максимальном сокращении сроков между браками, считая трехлетний испытательный срок поводом для появления внебрачных детей.

ристии совместно, по любому чинопоследованию, будет ли то по православному, католическому, или лютеранскому.

Я признаю и исповедую, что при неизменности основного строя православной Церкви в его общем — в частности, в особенности в отношении постов и подробностей церковного богослужения, должна быть даваема верующим, применительно к их желаниям, всяческая льгота, до уподобления в этом отношении нашей церковной практике первых трех веков христианства.

Я признаю настоятельную необходимость пересмотра Требника и Канонника в целях исправления закравшихся туда манихейских понятий¹³².

Я признаю настоятельно необходимым христианскую семью трактовать с точки зрения спасения и в этих целях признаю крайне желательным иметь печатное руководство ко спасению в христианской семье.

Я признаю, что монахи, по выражению Василия Васильевича Розанова, оскопили Библию, т.е. выставили из нее для народного сознания лишь те черты и пункты, которые говорят в пользу монашества, и совершенно затушевали и оставили в тени те черты и пункты, которые говорят в пользу семьи.

Я признаю и исповедую, что правила нашего «Номоканона» должны быть разделены на три разряда. К первому разряду следует отнести такие правила, которые должны остаться общеобязательными, сохранив и впредь свою силу и действие. Ко второму разряду правила не обязательные, которые бы предоставлялись доброй воле каждого: кто хочет, исполняй их; кто не хочет, может быть совершенно свободен от них. В третий разряд входят правила, которые совершенно должны быть вычеркнуты из употребления,

¹³² Прот. А. Устынский считал, что в этих богослужебных книгах не отразились главные положения «неохристианской» доктрины: «святая плоть», «святой пол» и брак, которыми доктрина подчеркивала умаление историческим христианством человеческой природы во Христе.

ибо странно было бы при постоянной текучести и изменчивости времени и обстоятельств руководствоваться в житейском быту правилами, создававшимися полторы тысячи лет назад. Ведь тогда пришлось бы христианству превратиться в допотопную окаменелость.

В таких размерах, в таких рамках, по такой программе должно быть проведено обновление и возочищение православия, если только оно не хочет попасть в фазу «саморазложения христианства» (термин Гарнака).

Протоиерей Александр Устьинский
12 августа 1902.

Л. Н. Вилькина — В. Я. Брюсову¹³³

[7.09.1902. СПб. — Москва]

Английская наб., д. 62

Валерий Яковлевич,

Я получила ваши переводы и от всей души пожелала, чтобы и остальные авторы прислали вовремя и такие же удачные переводы. Но и первое, и второе удастся не вполне. Вы, кажется, правы, говоря, что переводить Метерлинка¹³⁴ разным лицам нелепо. У меня от всех переводов такое впечатление, как будто я вижу Метерлинка то в пурпуре, то в рубище. И это и не хорошо, и хорошо. Читатель пусть узнает в лицо, выбирает, что от Метерлинка самого. Да и что было делать! Не могла я в три месяца приготовить все драмы, две книги¹³⁵ и еще том стихов. Относительно порядка стихотворений скажу Колпинскому, но настаивать не могу. Выйдет,

¹³³ Печатается с комментариями по: *Котрелев, Лавров*, 2004. С. 297–298.

Датируется по почтовому штемпелю: «Петербург. 7 сент<ября> 1902»; «Москва. 8 сентября 1902».

¹³⁴ Морис Метерлинк (Maeterlinck, 1862–1949) — бельгийский франкоязычный драматург и поэт. — *В. К.*

¹³⁵ В подготовленное Вилькиной в 1902 издание сочинений Метерлинка вошла одна его эссеистическая книга — «Сокровище смиренных».

должно быть, не раньше октября. Задержка за вводными статьями — авторы разбрелись: Венгерова в Киеве, Бердяев там же, Минский в Брюсселе. А вы, я слышала, переселяетесь сюда? «Прежде» меня бы это обрадовало, но ведь теперь вы, говорят, из мне недружеского лагеря¹³⁶. И кажется в «сурьез». Еще одна жертва... Бедный!

Жму вашу руку.

Людмила В.

Вы «Новое Время» не читаете? Моих стихов и сенок не видали там¹³⁷? Где Бальмонт — не знаете? Все так же побеждает всех и любит всех? Почему ваш почерк похож на его? Почему вы сами так не похожи на него. И не последнее время (!), а всегда. Брюсов, я хочу, чтобы было так, как будто вы меня никогда не видали. И это правда.

Не ждите, что вы меня знаете, я совсем, совсем не та. Что вы пишете? Очень бы была рада, если бы вы что-нибудь прислали. Сделайте это, пришлите стихи. В сборнике мне понравилась проза¹³⁸. Пришлите и прозу. Если скажете, я не потеряю и перешлю обратно. На это письмо я получу ответ. Да? Я так хочу¹³⁹.

¹³⁶ Планы переезда в Петербург возникли в связи с приглашением Брюсова на должность секретаря петербургского журнала «Новый путь», начатого изданием с января 1903 (см.: Максимов Д. «Новый путь» // *Евгеньев-Максимов В., Максимов Д.* Из прошлого русской журналистики: Статьи и материалы. Л., 1930. С. 156—159; Валерий Брюсов и «Новый путь» / Публ. Д. Максимова // *Литературное наследство.* Т. 27—28. М., 1937. С. 276—298). Под «недружеским лагерем» Вилькина подразумевает Д. С. Мережковского и З. Н. Гиппиус, фактических руководителей и инициаторов «Нового Пути».

¹³⁷ В иллюстрированном приложении к «Новому времени» (1902. № 9368, С. 5) были опубликованы стихотворения Вилькиной «Монахиня» («Иду вперед с закрытыми глазами...»), «Слова» («Безмолвное отраднo мне признание...») (Там же. № 9449, С. 9).

¹³⁸ Подразумевается рассказ Брюсова «Теперь, когда я проснулся...», опубликованный в альманахе «Северные Цветы на 1902 год».

¹³⁹ Этот завершающий абзац письма — на последней странице двойного листа почтовой бумаги, с заполнением листа наискось.

В. Я. Брюсов — Л. Н. Вилькиной¹⁴⁰

[Середина сентября 1902. Москва]
1902

Ведь и Вы тоже меня не знаете, Людмила Николаевна. Да и откуда нам знать друг друга? Трудно узнать кого по стихам. Поэзия — это вечное усилие одолеть в себе ложь и лицемерие, которое никогда не кончается успехом. Узнаешь другого, лишь когда душа посмотрит ему в душу (как о том хорошо рассказывает Метерлинк)¹⁴¹ — в любви, в минуту великой опасности, в миг одного общего порыва. Я не «жертва», и не могу ею быть, и никогда не бывал «жертвой» в этом смысле. Это не похвальба и не особое мое достоинство, а просто верное определение моего характера. Вернее даже, это — недостаток моей души, что она стать жертвой не способна. Я никогда не чувствовал достаточно сильно, «в сурьез» — не любил, не ненавидел, не страдал. Я вне этого, всегда как зритель, даже когда другим кажусь актером. Я знаю все ухватки людей влюбленных, обижающихся, ненавидящих и подражаю им, ибо иначе мне не дали бы жить на свете (я уже пробовал), но в сущности, в глубине души никого я не люблю, никого мне не было бы жалко, и ни на кого я не сержусь в мире. Это самое искреннее признание делал я уже несколько раз и только в этом, кажется, и бываю я вполне откровенным, — и никто до сих пор не поверил мне, как, вероятно, не поверите и Вы.

Но будет обо мне. Я хочу посоветовать Вам не откладывать печатания Метерлинка¹⁴². Очень уж многие замышля-

¹⁴⁰ Печатается с комментариями по: *Котрелев, Лавров*, 2004. С. 298–299. Ответ на письмо Вилькиной от 7.09.1902. Датируется по содержанию.

¹⁴¹ Эту мысль Метерлинк развивает в целом ряде положений своего трактата «Сокровище смиренных» (1896).

¹⁴² Имеется в виду издание сочинений Мориса Метерлинка в шести выпусках в качестве бесплатного приложения к литературному, общественному и политическому журналу «Звезда» (СПб., 1903) в переводе Л. Вилькиной.

ют начать то же. Некто Саблин, издавший Красного Петуха и еще несколько переводных книжек, уже собрал даже довольно значительный материал тоже для полного собрания сочинений Метерлинка¹⁴³. Да это и понятно. После Льва Толстого и Ибсена (о Горьком не хочется упоминать)¹⁴⁴ — Метерлинк теперь наиболее читаемый писатель в Европе. Если немного умело повести дело, его сочинения должны дать издателю верный доход. Только печатайте прилично, чтобы книжки не расплзались, чтобы поля страницы не обращались в узенькую рамку. Именно покупатели Метерлинка таковы, что потребуют этого. Будет ли приложен к собранию портрет Метерлинка и очерк жизни? Ах, это не дорого стоило бы, а было бы очень приятно. Хлопочите, добрая Людмила Николаевна, старайтесь.

Метерлинк — это тот мост, который будет перекинут от новой поэзии к среднему читателю. Метерлинк могут читать все, и он научит всех, как читать и Вас, и меня, и Николая Максимовича и тех, кто близко в Вашем лагере, и кто в лагере «Ваших недругов». Кстати. В этом

Статья о Метерлинке Н. М. Минского («Мориц Метерлинк») была помещена в первом выпуске издания (С. 3–18), включавшем эссеистическую книгу «Сокровище смиренных»; предисловие З. А. Венгеровой к «Теплице» — в шестом выпуске (С. 127–129).

¹⁴³ Владимир Михайлович Саблин (1872–1916) — переводчик, издатель. В издательстве В. М. Саблина (Москва) Полное собрание сочинений М. Метерлинка в 6 томах было осуществлено в 1903–1909 (1-й том, включавший драмы, вышел в свет в 1903; Брюсов опубликовал рецензию на него: Вesy. 1904. № 1. С. 66–67; подпись: «Аврелий»).

¹⁴⁴ О взаимоотношениях Брюсова и М. Горького см.: *Ильинский А.* Горький и Брюсов: Из истории личных отношений // Литературное наследство. Т. 27–28. С. 639–660; *Литвин Э. С.* Горький и Брюсов: К истории личных и литературных отношений // Труды Ленинградского библиотечного института. 1957. Т. 2. С. 79–100; *Ахумян Т. С. М.* Горький и Брюсов // Брюсовские чтения 1962 года. Ереван, 1963. С. 127–137; *Муратова К. Д.* Возникновение социалистического реализма в русской литературе. М.; Л., 1966. С. 164–200; см. также во вступительной статье Н. В. Котрелева к публикации переписки Брюсова с С. А. Поляковым (Литературное наследство. Т. 98, кн. 2. М., 1994. С. 14–17).

последнем лагере, кажется, придется снять все палатки и разойтись, не начиная военных действий, по зимним квартирам¹⁴⁵.

Ваш Валерий Брюсов

А. В. Ельчанинов — П. А. Флоренскому¹⁴⁶

[15.09.1902. СПб. — Москва]

Сегодня я видел у одного нашего букиниста Яркового «Всемирное тяготение и его значение для образования весомой материи внутри небесных тел», цена 2 руб. — за 1 руб. 25 коп. экземпляр не разрезан, но без обложки. То же — Kant's Werke в 12-ти больших томах за 5 руб. Сегодня я приехал в Питер. Я все собираюсь попросить тебя разрешить мне один очень для меня важный вопрос, но все не решался — мне, право, всегда очень совестно брать у тебя готовые решения. На днях все же напишу. Поклон Эрну. А. Е.

А. В. Ельчанинов — П. А. Флоренскому¹⁴⁷

[17.09.1902. СПб. — Москва]

То, о чем я хотел тебе писать, ты, может быть, слышал от меня раньше. Это все тот же вопрос о положении, о целях, силах и обязанностях средних слабых душ, не обла-

¹⁴⁵ Сомнения относительно планов, связанных с предполагавшимся изданием «Нового Пути», Брюсов выражал, по всей вероятности, и в неизвестном нам письме к З. Н. Гиппиус, «задавательском» — как его аттестовала Гиппиус в своем ответе от 8 сентября 1902 г. (см.: Переписка З. Н. Гиппиус, Д. С. Мережковского, Д. В. Filosofova с В. Я. Брюсовым (1901–1903 гг.) / Публ. и подгот. текста М. В. Толмачева; вступит. заметка и коммент. Т. В. Воронцовой // Российский литературоведческий журнал. 1994. № 5–6. С. 296).

¹⁴⁶ Печатается по: Павлюченков, ВПСТГУ 2010/3. С. 94.

¹⁴⁷ Там же. С. 95.

дающих ни способностями развиваться, совершенствоваться, ни даже наличностью воли делать это, если бы развитие было и возможно для них. Я знаю только три класса людей — 1) не знающие и не желающие; 2) знающие, что надо делать, но не находящие в себе сил даже сильно пожелать того, что они знают и 3) ясно видящие и имеющие силу осуществить в себе то, что они видят. О первых я сейчас говорить не буду, хотя так и напрашивается вопрос: «Чем они виноваты?» Неужели «если» есть что-нибудь за гробом, то уж конечно не для них? Мне интереснее всего вторая группа, положение которой самое трагическое. Вопрос ясен — или они погибнут «без вины виноватые», или же у них есть возможность совершенствоваться; но как, на что опереться им, негениям? У меня на днях мелькнула на этот счет очень утешительная мысль, но очень смутно — для выяснения ее мне нужны факты и факты. Не есть ли в каждом человеке скрытая способность стать гением? Некоторые факты прямо указывают на это. Первый раз меня поразила факт безграничности человеческой памяти по объему и времени сохранения представлений (служанка, говорящая по-еврейски, и т. д.).

Если положить отличительную черту гения в способности к творчеству, то, открывши эту способность у каждого человека (конечно, не в буквальном смысле), мы получаем оправдание вышеизложенного предположения. Ты помнишь, вероятно, место в «Братьях Карамазовых» на стр. 757 последнего издания, где черт говорит о творческой деятельности во сне самых заурядных людей, фельетонистов, попов, [3 слова нрзб] творческой деятельности, продукты которой могут сравняться с произведениями Льва Толстого. Конечно, тебе известна масса фактов подобного рода; мне ужасно хочется шепнуть и сделать вывод: «каждого человека делает гениальным погружение в его трансцендентальное “я”». Тут он сможет найти силы и материал для своего совершенствования. Скажи, пожалуйста, что ты обо всем этом думаешь, а также укажи книги, где я могу най-

ти материал; напиши, как зовут этого господина, у которого книга «La conscience subliminale»¹⁴⁸. Только имей в виду, что для меня этот вопрос ужасно важен, я очень мучусь своим бессилием, а если есть хоть луч надежды, то не торопись его тушить своей критикой, а впрочем, будь построже. Пока прощай. Твой Ельчанинов.

С.-Петербург. 17.09.1902.

Видишь ли, это очень важно для меня и для Мани; она в ужасном состоянии последнее время, на нее прямо страшно смотреть, видно часто, что она ужасно устала, взгляд остановившийся, полное безразличие на лице, неуверенная расслабленная походка. Но только это — между нами. Ее ничто как будто не может увлечь, ни музыка, ни занятия, ни, уж конечно, жизнь в обыденном смысле; единственная привлекательная для нее мысль — это мысль о петле.

А. В. Ельчанинов — П. А. Флоренскому¹⁴⁹

[25.09.1902. СПб. — Москва]

Прости, пожалуйста, дорогой Павлуша, что я не ответил сейчас же на твое любезное и обстоятельное послание (просто письмом я его назвать не могу). Я был так занят все это время, впрочем, и теперь, что решительно приходится раздваиваться и расстраиваться в обоих смыслах; впрочем,

¹⁴⁸ Весьма популярный в это время термин «подсознательное» восходит, по-видимому, к американскому психологу, философу и мистiku Фредерику Майерсу, у которого его позаимствовали У. Джеймс и Т. Флурнуа. Одновременно концепцию «подсознательного», альтернативную психоанализу Фрейда, развивал французский психолог П. Жане. С большой вероятностью здесь могут иметься в виду «Толкование сновидений» Фрейда (1900) или работа Флурнуа «От Индии до планеты Марс» (1900). В последней эта концепция используется для психологического объяснения медиумизма. «Многообразие религиозного опыта» Джеймса вышло только в 1902 г.

¹⁴⁹ Там же. С. 94.

то же самое и у вас вероятно. Спешу сообщить, что у нас можно приобрести «Историю новой философии» Виндельбанда I-й том и билет на второй за 3 руб., т. е. за половинную цену; второй том по уверениям Введенского выйдет в январе и ни в каком случае не позже июня. Если вы с Эрном хотите, то могу служить. У нас много интересных курсов, хотя и ни одного, который бы соответствовал тем темам, на которых я собирался заниматься. Некий Мелиоранский, впрочем, весьма солидный ученый, читает пока историю и критику Четвероевангелия с практически занятиями на эту же тему (это часть его истории древней Церкви)¹⁵⁰. Он собирается дальше подробнее остановиться на ересиархах первых веков христианства. Я пишу для кружка Платонова¹⁵¹ на тему из истории царствования Алексея Михайловича; мне, собственно, любопытно выяснить на нем одну черту русского характера — способность совмещать как будто совсем несовместимое — древнеаскетический идеал (6-часовое стояние на молитве, 1 500 поклонов в день и т. д.) и немецкие новшества вроде «комедийного действия», немецких костюмов, польских книг и т. д. Для этого, конечно, прежде всего, надо прочесть огромную переписку царя и т. д. Теперь — главная тема. Твое письмо я перечел несколько раз и почти ничего не имею сказать против твоих положений. Что знание самого себя не дается, что нужна активность, в это лишь хочется верить, хотя есть масса фактов против: известно, например, что Сведенборг получил свое знание помимо своей воли, что он не занимался специально до 1745 года

¹⁵⁰ Борис Михайлович Мелиоранский (1870–1906) — с 1902 г. профессор церковной истории С.-Петербургского университета. Разносторонние интересы ученого включали, наряду с историей древней Церкви, также библеистику, философию, литературу. Лекции Мелиоранского были изданы посмертно: *Мелиоранский Б. М.* Из лекций по истории древней христианской Церкви. СПб., 1910–1913. Вып. 1–3.

¹⁵¹ Вероятно, речь идет об историке Сергее Федоровиче Платонове (1860–1933).

ни мистикой, ни богословием, а потом старался даже не писать ничего такого, чего не показывал ему бог; его способности духовидения явились к нему сразу, откуда-то извне. Можно возразить, что усилие воли его было сделано где-нибудь в сфере бессознательной, «это выражение удобно, так как апеллирует к неизвестной инстанции», но именно поэтому оно и не имеет значения. Другой разительный (по крайней мере, для меня) пример — это апостолы. Я часто думал, как удивительно малогодились для своей роли ученики Христа, как до последней минуты они упорно не понимали познания Христа и своей роли ([см.:] Лк. 9, 45, 54–55; 17, 5; 18, 15, 34; 22, 24, 57; 24, 21 и т.д. и т.д.), и вместе с тем они были выбраны для того, чтобы сделаться вместилищами [вместилищами] знания, истины, которая пассивно вкладывалась им и Христом, и после Духом Святым. Неужели были тут усилия, активность в самом, может быть, важном случае приобретения знания истины? Ты кончил на утверждении [, что] целью каждого человека [нрзб] оформления хаоса, творческой работы, обещая дальше развить и показать необходимость этого, а также сообщить библиографию о «Conscience subliminale», и того и другого я буду ждать с большим нетерпением.

Кланяйся Эрну. Твой А. Ельчанинов.

Л. Н. Вилькина — В. Я. Брюсову¹⁵²

[26.09.1902. СПб. — Москва]
Английская наб. 62

¹⁵² Печатается с комментариями по: *Котрелев, Лавров*, 2004. С. 300–301. Датируется по почтовому штемпелю на приложенном конверте: «Петербург. 26 сентября 1902»; «Москва. 27 сентября 1902». Контрольная надпись по линии заклейки (для предупреждения несанкционированного вскрытия): «Людмила». Дамская почтовая бумага. Переписано Вилькиной в тетрадь. См: Письма Л. Вилькиной. — ИРЛИ. Ф. 39. Ед. хр. 791. Л. 1–3 (помета: «Брюсову»).

Есть такие психологические минуты в человеческой жизни, когда хочешь остановить на мгновение незнакомого, именно незнакомого, человека и глубоко, глубоко заглянуть ему через глаза, в душу. И вот, кажется, тогда я, наверное, узнала бы что-то новое, настоящее, превечное, близкое и недостижимое. — Но мы никогда не останавливаемся на улицах, ни в общественных собраниях незнакомых людей, никогда, тем более, не устанавливаемся на них <Sic!> Это было бы *ridicule*¹⁵³. — Но мне в ту минуту так стихийно захотелось подчиниться этому невинному (а в мире все невинно) желанию, что я остановила этого незнакомого человека...

Вы понимаете теперь мои «добавочные» слова, вызвавшие ответное ваше письмо¹⁵⁴. Вы меня смутили. Смутили не искренностью ответа, а той легкостью, с какой вы мне эту искренность преподнесли, оградив свое «достоинство» — простите за слово — несколькими фразами, вроде: «это самое искреннее признание делал я уже несколько раз и т. д.» или: «как не поверите и вы» и др. Кроме того, в этих фразах я нашла какую-то смущенность духа, и меня это умилило. Что будет? Сблизят ли нас эти письма? Или не надо? Мы пройдем дальше не останавливаясь. Вы много сказали о себе, но помните, как верно Метерлинк говорит о человеке, о котором он много знал, много слышал, видел его фотографии, но, проведя в первое свидание с ним только десять минут, понял, что он об этом человеке ничего не знал, ничего не слышал, имел совершенно превратное представление¹⁵⁵.

¹⁵³ Смешно (*фр.*).

¹⁵⁴ Речь идет о заключительном абзаце в письме от 7.09.1902; Вилькина подчеркивает спонтанность этого эмоционального и словесного жеста.

¹⁵⁵ Подразумевается фрагмент из эссеистического трактата Метерлинка «Сокровище смиренных» (раздел «Эмерсон»): «Я отправляюсь сегодня на свидание с другом, которого никогда не видел, но мне известны его произведения, и я знаю, что душа его необыкновенна (...). Он входит; и все объяснения, которые он нам давал в продолжение

О себе даже не хочу говорить — нахожу невозможным. Если вы не читали моих стихов, то и «попытки мои говорить о себе правду» вам неизвестны. Мне жаль. И не жаль. Жизнь так глупо безнадежна, что надо бежать новых привычек и привязанностей. На этот раз не «приказываю» вам отвечать на мое письмо. Как захотите.

Людмила Вилькина

А Метерлинк выйдет непременно и по возможности прилично. Минский приедет к 10 октября. Нужна его статья.

Д. В. Философов — В. В. Розанову¹⁵⁶

[27.09.1902]

Дорогой Василий Васильевич.

Вы в Вашей статье¹⁵⁷ неверно цитируете Пушкина «Что в имени тебе моем?» Если вы справитесь с оригиналом (стихотворение «В Альбом») Вы увидите, что в сущности делаемая вами цитата, даже если бы она была и правильна, к вашей цели мало подходит. Я предлагаю вам заменить ее цитатой из Фауста. Знаменитая сцена «В саду Марта» (I-я часть),

«Gefühl ist alles;
Name ist Schall und Rouch,
Umnebelnd himmelsglut».

многих лет, рассыпаются во прах от движения двери, открывающейся при его появлении. Он не тот, каким думает быть. Он иной, чем его мысли». (*Метерлинк М. Блаженство души [Сокровище смиренных]* / Пер. Л. Вилькиной; Под ред. и с предисл. Н. Минского. СПб., 1901. С. 120–121.)

¹⁵⁶ Текст подготовлен к изданию и прокомментирован Е. В. Глухой по архивному оригиналу: НИОР РГБ. Ф. 249. К. М3871. Ед. хр. 4–6. Л. 9–10.

¹⁵⁷ Имеется в виду статья Розанова: Вл. Соловьев и Достоевский // Новое время. 20 сентября (3 октября) 1902. № 9535. С. 2.

Вот это можно в переводе Фета¹⁵⁸ (стр. 235):

Маргарита

Итак, не веришь ты?

Фауст

Как объяснить тебе, мой ангел чистоты!

Кто назовет его? Укажет

И скажет:

В него я верю!

Кто ощущает

И сам дерзает

Сказать: не верю я?

И Вседержитель

Всеохранитель

Не охраняет ли тебя

Меня и самого себя?

Не свод ли неба там над нами?

И не крепка ль земля под нашими ногами?

Не вечная ли звезда восходит

Все выше, весело блестя?

Глаза в глаза тебе я не гляжу ль?

И не стремится ль все

К тебе и в голову и в сердце,

И веет тайной безответной

Незримо, зримо вокруг тебя?

Наполни этим грудь со всем участием,

И если сердце вдруг замлеет счастьем¹⁵⁹,

Как хочешь это чувство назови,

Любовью, счастьем, сердцем, Богом,

Я имени не знаю

На это! — Чувство все:

А имя — звук и дым, вокруг

¹⁵⁸ Философов цитирует по изданию: *Гете И.-В. Фауст: Трагедия в 2-х частях* / Пер. А. А. Фета. СПб., 1899.

¹⁵⁹ С этой строки и до последней — подчеркнуто синим карандашом с пометой слева от текста NB — вероятно, рукой Розанова.

Небесного огня.

Вообще возобновите в памяти всю эту сцену. В ней Гете чрезвычайно современен.

Душевно Ваш,
Д. Философов.
27 сентября 902

Вяч. И. Иванов — И. М. Гревсу¹⁶⁰

[14 / 27.10.1902. Шатлен]

Villa Java, Châtelaine, près Genève. 14/27 окт. 1902.

Дорогой друг Иван Михайлович!

Вести о Вас доносятся до меня, обходом, — хорошие и радостные. Итак, Вы получили профессию в Политехникуме и опять читаете на Курсах и в Университете¹⁶¹? Положение Ваше консолидировалось, и силы Ваши снова нашли нормальный простор для плодотворной деятельности? Поздравляю, дорогой друг, и радуюсь всем личным пристрастием дружбы и всею приверженностью интересам общего дела.

¹⁶⁰ Печатается с комментариями по: Переписка Гревса и Вяч. Иванова. С. 247–248.

¹⁶¹ 6 июля 1902 г. Гревс был назначен экстраординарным профессором С.-Петербургского Политехнического института по кафедре истории. 8 июля того же года — вновь зачислен с осени приват-доцентом университета (соответствующие документы см.: *Вахрамеева О. Б.* Человек с открытым сердцем. С. 270, 277). Источник сведений Иванова нам неизвестен. Еще 16 сентября 1901 г. Гревс, остро переживавший изгнание из университета, писал своему доброму знакомому, историку М. Л. Дьяконову: «Университетского своего вопроса как-то не хочется поднимать, когда все так неопределенно. Есть слух, что меня пригласят в Политехникум, читать историю на экономическом факультете, но еще не знаю, обратятся ли они в факт. Теперь же опять втянулся в преподавание, нахожу в нем известное удовлетворение, но постоянно сердце болит по науке» (Архив РАН. Ф. 639. Оп. 1. Ед. хр. 278–283. Л. 7 об.).

Сердитесь ли Вы на меня или мне упрекать Вас за то, что Вы ко мне — «*kühl bis ans Herz hinan!*»¹⁶²? На мои извещения о невозможности дожидаться Вас в Греции — Вы не отвечали. Невозможность же эта была действительно *une force majeure*¹⁶³: недаром же я отступил от *gigo*¹⁶⁴! Нигде за границей не напомнили Вам обо мне Ваши вожатые Музы, были ли Вы в Греции¹⁶⁵? И проезжали ли через классический Мачон¹⁶⁶? И тогда.....

С нетерпением жду близкого дня, когда пошлю Вам
— *lepidum novum libellum,*
*arido modo pumice expolitum*¹⁶⁷ —

свою, ныне уже отпечатанную, книжку, которая с Вами, кажется, заговорила...¹⁶⁸ Покровительство, которое Вы ей оказывали и еще, во имя дружбы и общих Муз, окажете, да выразится в настоящий момент исполнением следующей моей просьбы.

Владимир Сергеевич Соловьев убеждал меня представить сборник в Академию на соискание Пушкинской премии. Я бы решился на это, если бы присуждение премии предстояло этой зимой и если бы знал срок и формальности представления книги, как и общие условия соискания. Вы бы очень одолжили меня, осведомив

¹⁶² «До глубины души холодны» (*нем.*). Строка из баллады Гете «Рыбак» (1779): «...душа полна / Прохладной тишиной» (пер. В. А. Жуковского).

¹⁶³ Непреодолимая сила (*фр.*).

¹⁶⁴ Поездка, экскурсия (*ит.*).

¹⁶⁵ Экскурсия в Грецию под руководством Гревса не состоялась.

¹⁶⁶ Мачон — город во Франции на юге Бургундии, на берегу Соны, расположенный на пути в Швейцарию и Италию — примерно на широте Женеви.

¹⁶⁷ Начальные строки посвяtitельного стихотворения Гая Валерия Катутла к прижизненному сборнику его стихов, с опущением двух первых слов (*Cui dono...*): «<Для кого> мой нарядный новый сборник, / Пемзой жесткою только что оттертый?» (Пер. С. В. Шервинского.)

¹⁶⁸ Речь идет о книге Иванова «Кормчие звезды».

об этом теперь же¹⁶⁹. Разумеется — *une certaine discrétion est indiquée...*¹⁷⁰

Обнимаю Вас, дорогой Иван Михайлович! Очень хочу иметь Ваши строчки. Быть может, еще буду — *ὄπ' ἀνάγκης*¹⁷¹ — беспокоить Вас какими-нибудь просьбами, касающимися

¹⁶⁹ Здесь мы должны коснуться неизвестного факта из литературной биографии Иванова. Долгое затворничество в Европе, изоляция от русской культурной жизни привели к тому, что Иванов оказался не вполне осведомленным в групповых размежеваниях русских литераторов и нечувствительным к вкусовым и поведенческим последствиям этих размежеваний. Академическая Пушкинская премия для модернистов представлялась атрибутом рутинной культуры именно в силу глубокого раскола литературно-художественного мира. Еще в 1890-е гг. это был общепризнанный институт, отсюда сотрудничество в конкурсных жюри Вл. Соловьева и его советы Иванову при первом знакомстве. Ср. в письме Иванова к Зиновьевой-Аннибал от 9 октября 1895 г. из Петербурга: «Сегодня жена представила меня Вл. Соловьеву. (...) Расспрашивал о моих карьерных делах. Надежду на академическую премию (выдают целую — в 1000 р. — и, чаще, половинную — в 500 р.) можно иметь потому, что, “помимо поэтического таланта”, при рассмотрении моего сборника оценят то, что я человек “очень образованный”; за почетный отзыв он во всяком случае ручается, а если бы “per impossible”, остался и без отзыва — то все равно ничего бы не потерял, так как не удостоенные отзывы книги остаются неназванными публично» (РГБ. Ф. 109. К. 9. Ед. хр. 39. Л. 9 об. — 10).

Иванов в январе 1904 г. подал «Кормчие звезды» на Пушкинскую премию 1905 г. и оказался соперником Вл. Гиляровского (Забывтая тетрадь. М., 1901), И. Гриневской (Стихотворения. СПб., 1904; Баб. СПб., 1903), В. В. Уманова-Каплуновского (Славянская муза. СПб., 1904), О. Н. Чюминой (перевод «Божественной комедии» Данте) и других писателей, бесконечно чуждых пафосу модернизма и несопоставимых с Ивановым по глубине и силе дарования. Лауреатами конкурса в 1905 г. стали М. А. Лохвицкая (рецензентом ее сочинений был К. Р.), О. Н. Чюмина (рец. Д. К. Петров); В. С. Лихачев (перевод шекспировского «Эдуарда III», рец. А. Н. Гиляров) и Е. Милицына (рец. Н. П. Кондаков). Ивановская книга получила уничижительный отзыв П. И. Вейнберга. См. дело Отделения русского языка и словесности ИАН «О шестнадцатом присуждении премии имени А. С. Пушкина в 1905 году» (ПФА РАН. Ф. 9. Оп. 3. Ед. хр. 17).

¹⁷⁰ Рекомендуются известная скрытность (*φρ.*).

¹⁷¹ По необходимости (греч.).

издания. Лидия Дмитриевна горячо приветствует Вас, и мы оба — Вашу супругу. Оба мы — полны планов и оба захвачены делом. Сидим смиренно дома все лето, но недавно сделали поездку в бернский оберланд¹⁷² с Верой¹⁷³ на 10 дней. Будьте здоровы с семьей.

Ваш Вяч. Иванов.

Н. М. Минский — П. П. Перцову¹⁷⁴

[25.10.1902. СПб.]

25 октября 1902 г. Английская наб. № 32.

Многоуважаемый Петр Петрович

Спасибо за присылку Вашей книги. Я прочел ее всю и недоумеваю, почему вы, обладая таким крупным талантом, так мало пишете. Статья Ваша о Соловьеве кажется мне образцовой. Почему вы не поместили «церкви св. Софии»? Или Вы оставили ее для «второго Сборника»¹⁷⁵?

Желаю вашей книге заслуженного успеха.

Ваш Н. Виленкин.

¹⁷² Бернские Альпы, горная часть кантона Берн.

¹⁷³ Вера Константиновна Шварсалон, дочь Л. Д. Зиновьевой-Аннибал от первого брака.

¹⁷⁴ МА МДМД, Фонд П. П. Перцова. КП-323/11. Л. 4. Маш. копия.

¹⁷⁵ Речь идет о книге: *Перцов П.* Первый сборник: Славянофильство. — Литература и театр. — Путевые очерки. СПб., 1902. В сборник вошли статьи 1898–1901 гг. о Герцене, Вл. Соловьеве, русском марксизме, Чехове и Художественном театре и пр. О своих впечатлениях о книге Брюсов писал Перцову: «Лучшая, на мой взгляд, критика нашего ex-либерализма. Конечно, он мертв, он труп, но толпящиеся кругом этого не видят» (Валерий Брюсов и «Новый путь» // Литературное наследство. Т. 27–28. С. 288). Консервативная пресса сочувственно отзывалась о неославянофильско-националистических тенденциях книги и о критике марксизма — «болезни роста русской мысли» (К. С-г [Конст. Эрберг (К. А. Суннерберг)], Новое время. 5 (18) февраля 1903; Русский вестник. 1903. № 1. Библиографический отдел. Цит. по: Летопись литературных событий в России конца XIX–XX вв. (1891 — октябрь 1917). М., 2017. С. 208.

И. М. Гревс — Вяч. И. Иванову¹⁷⁶

[21–27.10 / 3–9.11.1902. СПб.]

СПБ. 21 октября 1902. Каменноостровский пр. 24.

Дорогой друг мой Вячеслав Иванович,

Припишите долгое молчание мое не каким-нибудь худым чувствам, а худым свойствам характера, которые вместе с хлопотливою жизнью и некоторою теперь уже хроническою нервною утомленностью, которые все вместе часто мешают мне делать то, что нужно и что хочется сделать, но на выполнение чего не давит строгое требование настоящего дня. Не писал я Вам и поступал, разумеется, нехорошо; но дружба моя к Вам и сознание многих духовных нитей, которые нас связывают, несмотря на различие многих основ мировоззрения и душевного склада, — живут во мне с неослабевающею силою. Посылаю же Вам одушевленный привет старой симпатии, скрепленной столькими и радостными, и тяжелыми жизненными встречами, столькими вместе пережитыми важными впечатлениями. Я не поэт, но любовь к поэзии живет в моем сердце, и эта-то любовь, признающая в вас поэта, направляет к Вам горячее поздравление и пожелание доброго пути первой вестнице вашего таланта — вашей родившейся книжке. Я с радостью выполняю все касающиеся ее Ваши поручения. Об условиях и сроках конкурса на пушкинскую премию спрошу сегодня же у Лаппо-Данилевского¹⁷⁷, сохраняя требуемую Вами *discretion*¹⁷⁸, и немедленно сообщу вам результаты.

¹⁷⁶ Печатается с комментариями по: Переписка Гревса и Вяч. Иванова. С. 248–250.

¹⁷⁷ Александр Сергеевич Лаппо-Данилевский (1863–1919) — историк, автор трудов по социально-экономической, политической и культурной истории России XV–XVIII веков, методологии истории, источниковедению, истории науки. Председатель секции русской истории Исторического общества С.-Петербургского университета.

¹⁷⁸ Скрытность.

В Греции я не был (экскурсия расстроилась), но какое же я имел бы право и основание на Вас сердиться? Я только жалею за Вас, что Вы сами отказались от такого интересно-го giro¹⁷⁹. — Летом за границу никуда не попал: должен был остаться здесь и следить за довершением своего «благополучия», т.е. за последними (не беспрепятственными) перипетиями своего возвращения в высшие учебные заведения. Чувствую подъем духа, который, однако, задерживается созерцанием не особенно светлых горизонтов университетской жизни¹⁸⁰. В Политехникуме (вы сами поймете) чувствую себя не особенно хорошо: ведь студенты нашего экономического отделения там не будут выходить историками, а работа с «учениками» — самая ценная сторона профессорской деятельности. С радостью заменил бы этот технический университет университетом научным¹⁸¹. Надежды на это есть: факультет (историко-филологический Санкт-Петербургского университета) выбрал меня в профессора средней истории — дело за утверждением Министра¹⁸². — Надеюсь теперь возвратиться к своим трудам по землевладению. Думаю теперь организовать свой следующий труд как аграрную историю Италии во время империи. Что вы на это скажете? Это «сосредото-

¹⁷⁹ Экскурсии (*ит.*).

¹⁸⁰ Ср. сообщение в письме Зиновьевой-Аннибал к А. В. Гольштейн от 28 ноября (н. ст.) 1902 г.: «От Гревса имеем хорошие известия. Он читает в университете, на курсах и в политехникуме, и факультет требует у министра утверждения его профессором университета. Только ноет по привычке и говорит, что оттого, что вокруг худо. Но лучше не буду писать о нем: не люблю его» («Обнимаю вас и матерински благословляю...»: Переписка В. Иванова и Л. Зиновьевой-Аннибал с А. В. Гольштейн / Публ., подгот. текста, предисловие и примеч. А. Н. Тюрина и А. А. Городницкой // Новый мир. 1997. № 6. С. 172–173).

¹⁸¹ Из Политехнического университета Гревс был «уволен по случаю его назначения профессором С.-Петербургского университета» в 1903 г. (См.: *Вахромеева О. Б.* Человек с открытым сердцем. С. 270).

¹⁸² Гревс был «назначен исполняющим должность экстраординарного профессора по кафедре всеобщей истории в С.-Петербургский университет» 18 января 1903 г. (Там же).

ченнее», чем обозрение всего римского мира, достижимее, и все же можно сказать немало интересного, а для последнего периода, думаю, и нового¹⁸³. — Злокозненный Гиршфельд подсек целую массу моего труда, напечатав (в «*Beiträge zur alten Geschichte*») обзор императорского землевладения в Италии и провинциях¹⁸⁴. Многое, тогда мною впервые собранное, перешло теперь в его собственность (*ius primi publicantis*¹⁸⁵! — не уверен, впрочем, что так можно сказать на хорошей латыни. Говорю конфиденциально по пришедшей фантазии вам, знающему о том, какой я плохой филолог).

27 октября

Письмо не окончил в тот день, когда присел за него. Теперь могу сказать, что сроки конкурса на Пушкинскую премию для Вас неблагоприятны. Первый срок для подачи сочинений наступит лишь в январе 1904 года, как мне сообщили.

До свидания, Вячеслав Иванович! Какие Ваши дальнейшие планы передвижений? Или Вы намерены и в наступающую зиму остаться около Женева? — Что нового в Вашей работе — научной и поэтической? Все это мне чрезвычайно интересно знать. Будете ли вы в России? Сам я твердо наде-

¹⁸³ Историей римского землевладения Гревс занимался до последних дней жизни, однако сколько-нибудь заметных публикаций по этой теме не делал, итоговый двухтомный труд, заверченный в 1930-е гг., остался неопубликованным. Подробнее см.: Каганович Б. С. Вокруг «Очерков из истории римского землевладения» И. М. Гревса // Политические структуры эпохи феодализма в Западной Европе (VI–XVII вв.) / Под ред. В. И. Рутенбурга и И. П. Медведева. Л., 1990. С. 205–206, 211–212; *Скржинская Е. Ч.* Иван Михайлович Гревс: биографический очерк // *Гревс И. М.* Тацит. М.; Л., 1946. С. 248; *Вахромеева О. Б.* Человек с открытым сердцем. С. 344–346.

¹⁸⁴ *Hirschfeld O.* Der Grundbesitz der römischen Kaiser in den ersten Jahrhunderten // *Klio: Beiträge zur alten Geschichte*. Bd. II. Leipzig, 1902. S. 45–72; 284–315.

¹⁸⁵ Право первого публикатора (*лат.*); обыгрывается формула средневекового «права первой ночи».

уюсь попасть на Запад летом; не знаю еще только, куда. Хорошо бы повидаться. Обнимаю Вас и посылаю Лидии Дмитриевне и всей семье Вашей привет от всех нас. Поживаем мы в общем благополучно: дети растут, мы стареемся, хотя, признаться, чувствую я себя, по-прежнему, молодым и, если бы попал на год в Рим или во Флоренцию, которую теперь особенно полюбил и узнал¹⁸⁶, то ощущал бы себя совершенно как 11 лет тому назад с добавлением в свою пользу, что понимал бы многое лучше и чувствовал бы глубже.

Напишите побольше о себе.

Ваш друг Ив. Гревс

А. В. Ельчанинов — П. А. Флоренскому¹⁸⁷

[28.10.1902. СПб. — Москва]

Знаешь ли ты книгу Мори «Сон и сновидения»? Физиологические, да и теоретические части совсем устарели,

¹⁸⁶ Ср. в воспоминаниях Гревса: «Флоренция была первым итальянским городом, с которым мне удалось сродниться: она именно научила любить Италию, она подготовила к изучению и пониманию Рима. К ней до конца дней моих будет нестись благодарное чувство. (...) Думаю, всякий ум, жаждущий правды, всякая душа, восприимчивая к человечности, получит от Флоренции нечто единственное и незаменимое, без чего личность останется в некоторых отношениях недоконченной. Это я почувствовал в самый первый приезд. (...) Потом я много раз бывал во Флоренции [Кроме этого первого пребывания, посещал ее десять раз, иногда мимолетно, но в другие разы очень углубленно и хорошо — один, с своею семьею (летом 1900 г.), с отдельными учениками и с двумя экскурсиями (1907, 1912). В общей сложности я прожил там около полугода. — *Примеч. Гревса.*] и сроднился с ней, как с отчим местом» (*Гревс И. М. Моя первая встреча с Италией (осень — зима 1890—1891 года) / Публ. и вступит. слово В. И. Ругенбурга // Россия и Италия. М., 1993. С. 283, 284, 293; в книге, составленной О. Б. Вахромеевой, этот текст воспроизводится с некоторыми разночтениями; ср.: Вахромеева О. Б. Человек с открытым сердцем. С. 233, 236).*

¹⁸⁷ Печатается с комментариями по: Павлюченков, ВПСТГУ 2010/3. С. 94—95.

но очень много интересных фактов насчет припоминания во сне давно забытого, творческой деятельности во время сна etc. Сам Мори — господин, подверженный галлюцинациям, нервный и т. д., что не мешает ему стараться быть вполне научным. Между прочим, любопытные факты — «либералы», очевидно, обеспокоены: в последней книге (9) «Русского богатства» поносят отчаянно Соловьева («совершенно произвольный метафизик и комично серьезный теолог из светских», «аляповатые абсолюты», «хихиканье над научной мыслью» и т. д.) и разделяют на 30 страницах Мережковского (Михайловский)¹⁸⁸. Впрочем, в статье Михайловского заметны двойственность, сомнения и неуверенность в себе и своем.

С.-Петербург. 28 октября 1902.

Посылаю тебе Сони́на (1 руб. 50 коп.) и Виндельбанда (3 руб.), билет на II-й том я оставил у себя; я не мог прислать тебе всего этого, так как долго искал Сони́на — он теперь не читает уже давно, и лекции его редки. На днях выходит Мальбранш. Присылать ли? Вышел перевод Юма «An Enquiry concerning human Understanding»¹⁸⁹, перевел Церетели, цена 1 руб., скоро выйдет Лапшин «Законы мышления и формы познания»¹⁹⁰.

28.X.1902.

Д. В. Философов — В. В. Розанову¹⁹¹

[29.10.1902]

Дорогой Василий Васильевич.

¹⁸⁸ Там же. С. 96.

¹⁸⁹ Имеется в виду: Юм Д. Исследования человеческого разумения. СПб., 1902.

¹⁹⁰ См.: Лапшин И. И. Законы мышления и формы познания. СПб., 1906.

¹⁹¹ Текст подготовлен к изданию и прокомментирован Е. В. Глухой по архивному оригиналу: НИОР РГБ. Ф. 249. К. М3871. Ед. хр. 4—6. Л. 11.

Во-первых, не отложите сообщить подателю сего как здорьеве Варвары Дмитриевны. Я надеюсь, что она хорошо перенесла операцию. Душевно вам сочувствую и шлю Вам с ней привет всего «Мира искусств», который вчера, на своем понедельнике, in corpore вспоминал вас.

Затем посылаю Вам корректуру, Вашу статью об Ипполите¹⁹². Первую корректуру держал я, так что вряд ли где осталось искажающее смысл. Рукопись у корректорши, но думаю, что она Вам не понадобится. Главку о кровосмешении я вынужден был выкинуть.

Надеюсь, что вы найдете возможным не задержать корректуру этой [карательной?] статьи.

Душевно Ваш,
Д. Философов.

Вяч. И. Иванов — И. М. Гревсу¹⁹³

[31.10 / 13.11.1902. Шатлен]

Villa Java, Châtelaine – Genève. — 13 ноября / 31 октября 1902.

Дорогой друг, Иван Михайлович!

Сегодня я имел радость вашего письма — и сердечно благодарю за него и за справку. Письмо ваше еще увеличивает отрадное чувство облегчения и удовлетворения, испытанное мною при вести о благоприятной перемене в вашей жизни и делах, — увеличивает надеждой на упрочение и улучшение вашего положения в университете: вы знаете, как я желаю скорейшего осуществления этой надежды. Ведь с ним, конечно, тесно связан и дорогой для меня вопрос о продолжении ваших исследований, давно прерван-

¹⁹² Розанов В. В. «Ипполит» Эврипида на Александрийской сцене // Мир искусства. 1902. Т. 9–10. С. 340–348.

¹⁹³ Печатается с комментариями по: Переписка Гревса и Вяч. Иванова. С. 250–254.

ных благодаря неблагоприятным условиям, стеснившим вашу деятельность. Меня радует снова слышать о ваших ученых замыслах в родной нам обоим области, — и то, что вы пишете об организации ближайшего труда, мне совершенно нравится — законченностью и потому красотой очертаний. Итак, вы собираетесь писать «оправдание» Плиниева «*latifundia perdidere Italiam...*»¹⁹⁴, оставляя пока «*provincias*»¹⁹⁵ в стороне? — обширный *plaidoyer*¹⁹⁶ по пунктам и по тому на каждый пункт? — Простите мою шутовскую, я знаю, что такая формулировка вовсе не адекватна содержанию предположенного, и только улыбаюсь воспоминаниям о наших старинных беседах по поводу знаменитого изречения, вам когда-то столь дорогого... Итак, Италия (и Сицилия?) — от помещика-Горация до папы Григория Великого? — и с Гракхами и проч. во введении?.. Дорогой друг, известие о «злокозненности» Гиршфельда очень меня кручинит. Не говорил ли я вам не раз, что ваши прекрасные собрания об императорском землевладении должны быть скорее сообщены публике, будучи ценными уже как таковые? Ах, если бы мы могли каждый поправить кое-что в нраве и особенностях другого!.. Против вашего плана сказал бы я разве только, что его рамки исключают Африку, а без Африки, в особенности, — общающему исследователю будет тесно... Теперь все это так далеко от меня! Божества и культы и мифы составляют предмет моих научных *préoccupations*¹⁹⁷. Знаете ли, что привычка учиться сделалась моей второй природой, — и даже «экзамен» свой — *horribile dictu!*¹⁹⁸ — я бы мог сдать теперь без значительного труда (до такой степени живуче во мне

¹⁹⁴ «Латифундии погубили Италию» (*лат.*).

¹⁹⁵ «Провинции» (*лат.*).

¹⁹⁶ Защитительная речь (*фр.*) — имеется в виду «оправдание» тезиса Плиния.

¹⁹⁷ Заботы (*фр.*).

¹⁹⁸ Страшно сказать (*лат.*).

все давно заброшенное и старинное), если бы не жаль было времени и внимания, отвлекаемых от того, что может иметь будущее, тем, что принадлежит прошедшему; но диссертации своей мне все же жаль... Я занимаюсь санскритом у проф. F. de Saussure¹⁹⁹, который ведет нас — своих двух слушателей — со школьной взыскательностью. Пожалуйста, не обвиняйте меня в дилетантизме! Хотя интерес к санскриту и Индии принадлежит к моим старинным²⁰⁰

¹⁹⁹ Фердинанд де Соссюр (de Saussure, 1857–1913) — швейцарский лингвист. О занятиях у него Иванова см.: Ziffer G. Il poeta e il grammatico: Un biglietto inedito di Ferdinand de Saussure fra le carte di Vjaceslav Ivanov // *Russica romana*. Vol. I. Roma, 1994. P. 189–191; кроме того: Переписка Вяч. Иванова с А. В. Гольштейн. С. 340.

28 ноября 1902 г. Зиновьева-Аннибал писала В. А. Гольштейну: «В университете здесь знаменитый санскритолог, и Вячеслав исполнил то, к чему давно его нудило: изучает санскрит. Ему это необходимо почти, если не совсем даже как для научных изучений в области истории религий, так и даже для поэтического творчества, которое близко соприкасается с ученым» («Обнимаю вас и матерински благословляю...» С. 172).

В архиве Иванова сохранилось удостоверение слушателя Женевского университета на зимний семестр 1902–1903 учебного года, а также книжка слушателя филологического факультета, с датой записи — 20 ноября 1902 г.: единственный курс (за который Иванов внес 10 франков) — курс санскрита у профессора Ф. де Соссюра на тот же зимний семестр 1902–1903 г. (НИОР РГБ. Ф. 109. К. 8. Ед. хр. 12; в книжке слушателя — роспись Соссюра).

²⁰⁰ Сохранились две тетради с записями Иванова по санскритской грамматике и переводами из «Наля и Дамаянти» (одна — в фонде поэта в РГБ, другая — в его римском архиве). К какому времени относятся эти материалы, с определенностью сказать трудно. Стоит отметить, что Иванов дает перевод санскритских шлок не только на русский, но и на латынь.

Ср. в воспоминаниях старшего современника Иванова об учебе в Московском университете: «Нас вводил в тайны примитивного человечества молодой и живой преподаватель Всеволод Миллер. Мы слушали у него санскритский язык, переводили “Наля и Дамаянти” и дошли даже до гимнов Ригvedы» (*Миллюков П. Н.* Воспоминания. М., 2001. С. 82; речь идет о 1877–1878 гг.). Всеволод Федорович Миллер (1848–1913) — известный иранист, автор «Руководства по изучению санскрита» (СПб., 1891).

умственным вожделениям, все же я бы не обратился к этим новым занятиям, если бы они не имели тесной связи с занимающими меня вопросами религиозно-исторического характера. Общий, великий и многоликий, феномен дионисической религии — в центре моих научных интересов и представляется мне в ряде отдельных феноменов, из которых два—три, ближайшим образом, я исследую систематически, — но не спеша и по возможности широко собирая материал²⁰¹. В Женеве можно будет, конечно, только наметить очертания, — но и до этого еще работы много. Последнее время этим заниматься приходилось, впрочем, относительно мало: так требовательны, с своей стороны, другие предметы моего умственного попечения. Скажу вам, что — в поэзии — у меня на очереди, с одной стороны, — мистерия (в смысле средневековых)²⁰², с другой — целая трагическая трилогия (на основе греческого мифа)...²⁰³ Мы вообще о передвижениях не думаем на ближайшее время, сидим прочно и деловито²⁰⁴. Лидия Дмитриевна готовится к печати первую книгу своего романа-«поэмы»: «Пламенники».

²⁰¹ Первое изложение результаты историко-религиозных разысканий получили в работе: *Иванов Вяч.* Эллинская религия страдающего бога // Новый путь. 1904. № 1. С. 110–134; № 2. С. 48–78; № 3. С. 38–61; № 4. С. 28–40; № 8. С. 17–26; № 9. С. 47–70; окончание появилось в 1905 г. в журнале «Вопросы жизни» под самостоятельными заглавиями: «Религия Диониса: Ее происхождение и влияния» (№ 6. С. 185–220) и «Религия Диониса» (№ 7. С. 122–147). В 1923 г. в Баку была издана монография Иванова «Дионис и прадионисийство», защищенная им в качестве докторской диссертации. Большое количество подготовительных материалов по этой теме сохранилось в архиве автора.

²⁰² Замысел остался неосуществленным.

²⁰³ Две трагедии были завершены и опубликованы (*Иванов Вяч.* Тантал: Трагедия // Северные цветы Ассирийские: Альманах IV книгоиздательства «Скорпион». М., 1905. С. 197–245; *Иванов Вяч.* Прометей: Трагедия. Пб., 1919). Третья трагедия — «Ниобея» — не была окончена.

²⁰⁴ Ради пластичности в изображении своей жизни прибавлю внешнюю характеристическую черту: что теперь я курю (начал в Греции: доказательство, что достаточно проникся жизнью Востока). — *Примеч. Вяч. Иванова.*

Мечтаем о выходе ее в свет к весне²⁰⁵. Дети учатся в школе и дома. Мы в расстоянии четверти часа трама²⁰⁶ от центра города и, вместе, в очаровательной, обильной большими деревьями и живописно ограниченной по краям долины горами [сапрагне²⁰⁷] сельской местности. Сад, в котором стоит наш домик, уютно изолирует нас от внешнего мира. Воздух и природа хороши. Вершина Монблана в ясные дни виднеется из наших окон, как далекий маяк идеала²⁰⁸. Мы слышим часто хорошую музыку. Умственные и научные ресурсы есть в достаточной мере. Мария Михайловна Замятнина сделалась верным нашим спутником. Она шлет вам поклон! Смысл же, *raison d' être*²⁰⁹ нашей оседлости здесь — как я уже писал вам — нравственная потребность Лидии Дмитриевны осветить последние годы ее отца близостью родной семьи. Эта потребность гармонирует как с нашими (нас обоих) притязаниями на право уединенного и свободного умственного труда, так и с воспитательными удобствами. Говорю все это потому, что вы, как мне показалось, представляете себе наше пребывание в Женеве более временным и случайным, чем оно есть в действительности. — Вот вам, дорогой друг, много о себе, как вы желали.

Еще раз благодарю за готовность помочь мне в деле с книжкой — и тотчас опять просьба: спросите, пожалуйста, хоть по телефону, в типографии Нового Времени (Эртелев, 13) — что делается с моей книгой: в цензуре ли она, и потребуйте ускорить дело с расплатой и доставкой изда-

²⁰⁵ Работа над «поэмой» (или «романом») не была завершена, в печати это произведение не появилось.

²⁰⁶ Т. е. трамвая (от фр. *tram*). Иванов, живущий вне сферы развития бытовой лексики, употребляет французский разговорный вариант, засвидетельствованный и в русском языке того времени, но позже утраченный.

²⁰⁷ Сельская местность (*фр.*).

²⁰⁸ К видению этой вершины Иванов часто возвращается в своих письмах из Женевы (см., например, письмо к В. Я. Брюсову от 4/17 июля 1904 г.: *Брюсов В. Я. Переписка с Вячеславом Ивановым*. С. 450).

²⁰⁹ Смысл существования (*фр.*). — В. К.

ния в склад Суворина. Я давно без известий от них и очень не хотел бы, чтобы выход сборника задерживался. Личное же участие всегда действует; почему попрошу вас, вероятно, потом съездить и в магазин Нового Времени, чтобы установить и разъяснить условия склада и пр.

Будьте здоровы, бодры и благополучны! И пишите почаще, хотя коротко и открытым письмом.

Ваш Вяч. Иванов.

Р. С. Отчего вы не довольны тем, что «технический университет» — не «научный»? Ведь для вас, экономического историка — и притом в наше время [исторического] материализма в истории и исторической школы в политической экономии — особенную прелесть должна иметь задача преподавания истории именно с точки зрения обязательно экономической и даже задача специального освещения экономической жизни с ее технической стороны (например, в *Agrargeschichte*)? Впрочем, без возможности ведения «практических занятий», конечно, преподавать скучно.

Не знаете ли вы лондонский адрес Виноградова? Его выселение характерично²¹⁰!

²¹⁰ Мы не знаем, какими сведениями о причине и обстоятельствах ухода из Московского университета и отъезда из России П. Г. Виноградова располагал Иванов и что именно подразумевал под «выселением». Решению Виноградова покинуть Россию предшествовали события, связанные со студенческими волнениями в Московском университете.

Виноградов возглавил комиссию по руководству курсовыми совещаниями студентов, деятельность которой «по сути была направлена, с одной стороны, на обуздание, сдерживание студенческих волнений, а с другой стороны, на уговоры властей не применять репрессивных мер по отношению к студенчеству. Однако власти рассматривали комиссию лишь только как орудие давления на студентов. Иные стороны деятельности вполне благонамеренной комиссии профессоров вызвали резкое недовольство учебной администрации, о чем довольно в оскорбительной форме было сообщено главе комиссии Виноградову» (*Моисеев Л. С. Павел Гаврилович Виноградов (1854–1925) // Портреты историков: Время и судьбы. Т. 2. Всеобщая история / Отв. ред. Г. Н. Севостьянов, Л. П. Маринович, Л. Т. Мильская. Москва; Иерусалим, 2000. С. 121*).

При посещении заседания комиссии новым министром народного просвещения П. С. Ванновским произошло следующее: «Как расска-

— Жаль мне Ернштедта²¹¹!

звали, министр остался недоволен тем, что председателем комиссии не был ректор, бывший, правда, членом комиссии, но игравший в ней не первую роль, которую исполнял Павел Гаврилович. Министр, привыкший к военной субординации, нашел такой порядок неправильным, что и высказал тут же в заседании. Павел Гаврилович счел это заявление для себя крайне обидным и решил выйти из университета в отставку. Тщетно Ванновский, когда ему это решение сделалось известным, писал к Павлу Гавриловичу с уверениями в своем полном уважении и в том, что ничего не имел против Павла Гавриловича лично, Павел Гаврилович остался непреклонным при своем решении. Вслед за тем было принято и другое — уехать за границу, кажется, не без влияния жены, не могшей привыкнуть к русским нравам и обычаям» (*Богословский М. М.* Историография, мемуаристика, эпистолярная (Научное наследие) / Отв. ред. А. И. Клибанов. М., 1987. С. 92).

Л. С. Моисеенкова цитирует письмо Виноградова к историку А. Н. Савину от 12 декабря 1901 г., написанное по горячим следам происшедшего: «Ввиду этого готовящиеся после нового года беспорядки приведут к полному банкротству профессуры и разгрому университетов. Доживать до этого в роли профессора я не намерен и выхожу в отставку. Конечно, за всем этим открывается политическая проблема, которая должна же когда-нибудь разрешиться, а до ее разрешения мы будем вертеться в заколдованном кругу беспорядков и репрессивных мер» (*Моисеенкова Л. С.* Павел Гаврилович Виноградов... С. 121–122). Виноградов подал в отставку 19 декабря 1901 г. Отставка эта вызвала широкий общественный резонанс: «Власти не без оснований опасались дальнейшего роста студенческих волнений. Не случайно обер-полицейстер Москвы Трепов предложил Виноградову уехать из города тайно, дачным поездом. Решительно отказавшись от этой комедии, П. Г. Виноградов уезжал в Англию, провожаемый множеством студентов и преподавателями университета. Ему были преподнесены адреса, которые подписало более полутора тысяч студентов и преподавателей университета. (...) После года вынужденного пребывания не у дел в 1903 г. ученый был избран главой кафедры сравнительного правоведения Оксфордского университета» (Там же. С. 122).

²¹¹ В. К. Ернштедт безвременно скончался от болезни печени 21 августа (ст. ст.) 1902 г. (См.: *Куклина И. В.* В. К. Ернштедт: обзор научного рукописного наследия. С. 68, 70). С 1891 г. и до конца жизни он заведовал Отделом классической филологии «Журнала Министерства народного просвещения», где был напечатан, в частности, выполненный Ивановым поэтический перевод I Пифийской оды Пиндара (ЖМНП. 1899. Август. С. 48–56). В фонде Ернштедта сохранились два письма от поэта, связанные с этой работой, — от 20 июня и 24 июля 1899 г. (См.: *Куклина И. В.* В. К. Ернштедт: обзор переписки с учеными и современниками // Мир

А. В. Ельчанинов — П. А. Флоренскому²¹²

[31.10.1902. СПб. — Москва]

СПб. 31.X.1902

Обращаюсь к тебе, Павлуша, с неким предложением. В первых числах декабря выйдет первая книжка нового журнала, редакция Мережковского, «Новый путь»²¹³. Чтобы ты имел представление о духе журнала, скажу о содер-

русской византистики: Материалы архивов Санкт-Петербурга / Под ред. И. П. Медведева. СПб., 2004. С. 421). Эти письма подготовлены к печати Н. В. Котрелевым. С предложением опубликовать перевод из Пиндара в ЖМНП Иванов, лично не знакомый с Ернштедтом, обратился к последнему через Гревса; см. письмо Иванова к Зиновьевой-Аннибал от 10 июня 1899 г. (НИОР РГБ. Ф. 109. К. 9. Ед. хр. 42. Л. 13 об.).

²¹² Печатается с комментариями по: Переписка 1902–1903 гг. между А. В. Ельчаниновым и П. А. Флоренским (Письма. Продолжение) / Публ. и примеч. Н. Н. Павлюченкова // Вестник ПСТГУ Сер. I. 2010. Вып. 4 (32). (Далее: *Павлюченков*, ВПСТГУ 2010/4.) С. 91–92.

²¹³ «Новый путь» (1903–1904) — один из наиболее характерных органов русского религиозного возрождения начала XX в., на протяжении большей части своего существования представлявший позицию «нового религиозного сознания», прежде всего Д. С. Мережковского и З. Н. Гиппиус. Формально обязанности главного редактора исполнял вначале П. П. Перцов, позже — Д. В. Философов. Вокруг журнала объединились многие литераторы, поэты, мыслители, некоторые из них были тесно связаны с символизмом: В. Розанов, К. Бальмонт, Ф. Сологуб, Ю. Балтрушайтис, А. Ремизов, Вяч. Иванов, Н. Минский, В. Брюсов, А. Блок, М. Волошин и др. Одним из важных разделов журнала были «Записки Религиозно-философских собраний» — протоколы проходивших в это время встреч представителей Церкви и религиозно заинтересованной интеллигенции (см.: Записки петербургских Религиозно-философских собраний (1901–1903) / Общ. ред., послесл., краткие сведения об участниках С. М. Половинкина. М., 2005 (Далее: *Записки ПРФС*)). В конце 1904 г. в составе редколлегии журнала и в его направлении произошли перемены: к работе в издании были привлечены представители философского идеализма, прежде всего Н. А. Бердяев и С. Н. Булгаков, в значительной мере оттеснившие Мережковских от управления журналом. В течение 1905 г. вместо «Нового пути» выходил журнал «Вопросы жизни» приблизительно с тем же составом редакции и основных сотрудников (см.: Журналы «Новый путь» и «Вопросы жизни»: указатель содержания / Сост. Е. Б. Летенкова. СПб., 1996).

жании его. Статья Розанова «Около религиозных тем», где под невинным заглавием читается целая филиппика против современной Церкви (пока еще вопрос, пропустит ли эту статью цензура); затем Минского «О свободе совести», которая, к общему удивлению, пропущена духовной цензурой, хотя, по словам М-ме Гиппиус, ее трудно было бы и за границей напечатать; Мережковского «Гоголь и черт», с приложением рисунка Репина «Гоголь и отец Матфей», некоторые мысли его об искусстве; перевод одного произведения Ницше, оно не появлялось на русском языке; стихотворения Гиппиус, Бальмонта, Сологуба, Минского, Случевского и др. Пишу я все это ввиду того, что сам Мережковский очень просил меня (не помню, писал ли я тебе о моем знакомстве с ним, о его мнениях насчет Церкви и др.) помогать ему в журнале, чем могу, и, зная, что я работаю по русским мистикам, чуть ли не потребовал от меня статьи в этом роде; он очень просил разыскивать «потребных людей», говоря, что нужны работники, но пока бесплатные; при первом же намеке на прибыль от журнала будет введен гонорар. У тебя, кажется, есть кое-что готовое и масса интересных тем; если есть желание, то предоставляется возможность напечатать в этом журнале; принимается все, начиная с библиографической заметки и кончая ученым трактатом по вампирологии. Можешь посылать или мне, или Дмитрию Сергеевичу Мережковскому: С.-Петербург, Литейный пр., д. 26, кв. 33.

Г-н Мережковский удивительно милый господин, с ним разговариваешь, как с товарищем. У него масса экспансивности, жара, энергии. Я ему сегодня сообщил о том, как Сперанский²¹⁴ подражал исихастам и смотрел себе в извне,

²¹⁴ Михаил Михайлович Сперанский (1772–1839), граф (1839) — общественный и государственный деятель, реформатор, законодворец. «Сперанский во многих местах с особенной настоятельностью рекомендует средство афонских монахов — непрерывное произношение про себя молитвы “Господи, помилуй”, которую называют молитвою духа, молитвою без образов, молитвою мистической и т.д.» (*Ельчанинов А. Мистицизм М. М. Сперан-*

сидя в кабинете; сообщил о его другом рецепте «соединения с Богом»; он пришел в экстаз, вскочил со стула и стал убеждать непременно написать об этом, так как, мол, у нас совсем не знают этой стороны многих государственных деятелей александровского времени и т. д.

Соколовский²¹⁵ шлет вам обоим свои поклоны. Недавно, не знаю, по какому поводу, он в течение ½ часа уверял меня, что ты его очень любишь, хотя я и не думал спорить об этом, да и вопроса этого не поднимал. Получил ли ты Сонины и Виндельбанда? Поедешь ли домой и когда? Почему и ты и Эрн боитесь вкладывать в письмо больше листа: можно 2½ листа почтовой бумаги.

Очень благодарен тебе за твои письма; ты говорил мне, что пробовал часто писать мне, но не присылал; пошли все это теперь; я читаю с большим интересом, но кое-что для меня остается неясным. Неясна мне, прежде всего, твоя гносеология. Если ты, как Соловьев или Гегель и др., дедуцируешь из понятия сущего логические предикаты, то эти предикаты так и останутся понятиями, и откуда ты черпаешь знания о реальных отношениях и сущности трансцендентных предметов, *intellektualische Anschauung*²¹⁶ — пишу это, как у Шеллинга²¹⁷, или вооб-

ского // Новый путь. 1903. №2. С. 118–119). На использование Сперанским слов «молитва умная» Ельчанинов дает следующее пояснение: «Сперанский везде ошибочно употребляет этот термин вместо “размышление о божественных предметах”, между тем как у мистиков он обозначает созерцание» (Там же. С. 112–113). Интересную оценку учения Сперанского о духовной жизни с точки зрения православной аскетики см.: *Феофан Затворник, свт. Письма о духовной жизни*. М., 2008.

²¹⁵ Николай Иванович Соколовский (1883–1926) — придерживался социалистических взглядов, с 1904 г. состоял под надзором полиции, после окончания С.-Петербургского университета преподавал в Царском-сельском реальном училище, с 1919 г. в эмиграции.

²¹⁶ Интеллектуальное созерцание (*нем.*).

²¹⁷ Фридрих Вильгельм Йозеф фон Шеллинг (von Schelling, 1775–1854) — немецкий философ, оказавший большое влияние на многих русских мыслителей, в том числе на славянофилов и Владимира Соловьева.

ще *contemplatio*²¹⁸, *visione sine comprehensione*²¹⁹ и т. д.? Но где оправдание пользования такими средствами²²⁰? Затем, насчет «конкретизирования данных математики», почему и как возможно это. Если кое-что из реальных отношений выражено математическим языком, то почему все содержание математики можно конкретизировать?

Твой А. Е.

П. А. Флоренский — Ю. А. Флоренской²²¹

[2.11.1902. Москва]

(...) У нас все по-старому, т. е. хожу каждый день на лекции, занимаюсь, не успеваю сделать нужного и т. д. Не могу сказать, впрочем, чтобы я был чем-нибудь, кроме себя, недоволен. На мой взгляд, профессора у нас недурные, предметы интересные, свободы много. А все как-то не то, что нужно. Думаю, что это «не то» заключается в самой жизни, как она складывается теперь. Мы все не живем, а как будто пересаживаемся с поезда на поезд второпях. Все делаем лихорадочно, все наскоро, кое-как, поверхностно; мы

²¹⁸ Созерцание (*лат.*).

²¹⁹ Видение без осознания (*лат.*).

²²⁰ «Гносеологические» сомнения А. Е. явно были учтены П. Ф.: см. это место с обсуждением «интуиции» и «дискурсии» с точки зрения их роли в решении проблемы предельного обоснования в: *Флоренский П. А. Сочинения*. Т. 1 (1): Столп и утверждение истины. М., 1990. С. 24–42.

²²¹ Печатается с комментариями по: *Чертков*, 2017. С. 61.

Юлия Александровна Флоренская (1883–1947) — врач-психиатр, сестра П. А. Флоренского, в письмах — Люся. Из всех родных братьев и сестер с детства была особенно близка к Павлу. После ареста Флоренского в 1933 г. принимала особое участие в жизни его семьи. См., в частности, ее письмо о. Павлу в ноябре 1933 г., содержащее в числе прочего тонкие психологические наблюдения за развитием его детей (см.: *Флоренский П., свящ.* Все думы — о вас. Письма семье из лагерей и тюрем. 1933–1937 гг. СПб., 2004. С. 34–35).

не вглядываемся вглубь поступка и вещи. Вот это отсутствие созерцательности, умения смотреть *sub specie aeternitatis*²²² мистицизма, благоговения к жизни и составляет «не то» всей современной культуры. Мы живем, не священнодействуя, а как бы наскоро обедая. И этого теперь почти или даже совсем избежать невозможно: вся жизнь идет таким лихорадочно-ускоренным темпом, и не подчиняться ему невозможно: поток стремительно уносит с собою всех. (...)

В. В. Розанов — П. П. Перцову²²³

[5.11.1902. СПб.]

Дорогой Петр Петрович. Посылаю Вам предисловие мое к еврею²²⁴: я и редактировал уже страниц 30, но для избежания посылки переплетенной рукописи, и еще чужой, туда и сюда, я хочу обработать до конца и завтра Вам пришлю всю тетрадищу. «В своем углу»²²⁵ — не хорошо. Нельзя ли «Арабески» или «Между верой и сомнением», «Из мира идей и фактов»; ничего и «Религия и жизнь». Да статью «Около религиозных тем» нужно перезаглавить: «На распутьях»²²⁶ и взять эпиграфом слова

²²² С точки зрения вечности (*лат.*).

²²³ Печатается с комментариями по: Розанов и «Новый путь» (Письма к П. П. Перцову) / Вступ. статья, подг. текста и коммент. Е. И. Гончаровой // Русская литература. 2015. № 3. (Далее: *Гончарова*, 2015.) С. 137.

²²⁴ Речь идет о предисловии Розанова к «Запискам еврея» А. Г. Ковнера, опубликованном в итоге как самостоятельный очерк: Мимоходом (Из случайных впечатлений) // Новый путь. 1903. № 1. С. 133–137).

²²⁵ Речь идет о собственном отделе Розанова в журнале «Новый путь». Начиная с февральского номера, статьи Розанова и письма его корреспондентов печатались преимущественно в разделе «В своем углу».

²²⁶ Вместо статьи «На распутьях», ранее названной «Около религиозных тем», в первый номер «Нового пути» была включена «Записка В. В. Розанова», изрядно подправленная духовным цензором журнала архимандритом Антонином (№ 1. С. 50–56). 3 декабря 1902 г. Перцов писал

Спасителя: «Аще не умреш — не оживеши»²²⁷. Прощайте. Ваш В. Розанов.

Л. Н. Вилькина — В. Я. Брюсову²²⁸

[*Не ранее 11.11.1902. СПб.*]

Валерий Яковлевич,

Меня осаждают просьбами. Вот опять два «сочинения» для передачи вам. Хотят или в «Новый Путь» или в «Северные Цветы»²²⁹. С одним автором, который мне кажется талантливым, познакомлю вас на Религиозно-Философском Со-

Розанову: «...идет в 1 № вовсе не та статья, которую предположили Вы по заглавию. Кроме того, в том же №, в приложении к отчетам — Ваша “записка” (бывшее “На распутьях”») (РГАЛИ. Ф. 1796. Оп. 1. № 83. Л. 23). В ином варианте «Записка В. В. Розанова» под названием «Духовенство, храм, миряне» как статья была напечатана в книге «Около церковных стен» (1906; см.: *Розанов В. В. Собрание сочинений. Около церковных стен / Под общ. ред. А. Н. Николюкина. М., 1995. С. 180–190*).

²²⁷ Контaminaция нескольких речений Иисуса Христа «Истинно, истинно говорю вам: если пшеничное зерно, пав в землю, не умрет, то останется одно; а если умрет, то принесет много плода» (Ин. 12:24) и ап. Павла: «Но скажет кто-нибудь: как воскреснут мертвые? и в каком теле придут? Безрассудный! то, что ты сеешь, не оживет, если не умрет» (1 Кор. 15: 35–36).

²²⁸ Печатается с комментариями по: *Котрелев, Лавров, 2004. С. 301–302*. Написано между 11 и 29 ноября 1902 г. во время пребывания Брюсова в Петербурге. Брюсов приехал вместе с переводчиком и издателем М. Н. Семеновым 11 ноября, остановился в гостинице «Северная», выехал из Петербурга в Москву 30 ноября (см.: *Брюсов В. Переписка с С. А. Поляковым (1899–1921) / Вступит. ст. и коммент. Н. В. Котрелева // Литературное наследство. Т. 98, кн. 2. С. 65–67*). Эту поездку в Петербург Брюсов подробно осветил в «Дневниках» (<М.>, 1927. С. 123–128).

²²⁹ В конце 1902 г. комплектовался 3-й альманах издательства «Скорпион» «Северные Цветы» (М., 1903).

брании²³⁰, Бобринский²³¹. Ну, а другой друг Мити Фридберга, по-моему, бред²³². Прочтите, если возможно, до четверга²³³.

Людмила

А. В. Ельчанинов — П. А. Флоренскому²³⁴

[11.11.1902. СПб. — Москва]

11 ноября 1902.

Только что получил твое письмо. Никогда мне так сильно не хотелось быть с тобой, дорогой Павлуша, как сейчас. Может быть, Гофман и По, которых я перечитываю, нагнали на меня такое настроение, но, ей Богу, если бы была воз-

²³⁰ 16 ноября 1902 Брюсов сообщал жене: «На религиозно-философских собраниях встретился с Людмилой Вилькиной и... не узнал ее! Вышло довольно глупо. Сегодня буду у них» (РГБ. Ф. 386. Карт. 69. Ед. хр. 2). В воспоминаниях Л. И. Веселитской-Микулич сохранилась беглая зарисовка Вилькиной на первом заседании Религиозно-философских собраний: «Литераторы наши подходили к Церкви, как бы призывая ее к ответу. Дам было много. Простого народа почти не было. — Молодая еврейка Белочка, жена Минского и племянница Венгерова, сидела зади меня и говорила, что эти собрания необходимы; если не будет собраний, то не будет и Собора, а созыв Собора необходим» (РГАЛИ. Ф. 101. Оп. 1. Ед. хр. 15. Л. 241–241 об.).

²³¹ Вилькина разыгрывает Брюсова: Никита Бобринский — псевдоним, которым она подписывала некоторые свои прозаические опыты. В частности, им подписаны рассказы Вилькиной в «Новом Пути» — «Боря умер» (1903. № 5) и «Пафос жизни» (1904. № 3). Среди рукописей Вилькиной сохранились цикл драматических сценок «Литературные пластинки» (ИРЛИ. Ф. 39. Ед. хр. 734) и рассказ «О любовных преступлениях» (ИРЛИ. Ф. 39. Ед. хр. 736), подписанные этим псевдонимом. Обещание «познакомить» Брюсова с автором означает, видимо, намерение раскрыть свою игру. Впрочем, нельзя исключить и того, что Вилькина продолжает игру, несмотря на то что знакомство Никиты Бобринского с Брюсовым давно состоялось.

²³² О ком именно идет речь, неясно. Дмитрий Наумович Фридберг (1883–1961) — поэт, в то время студент историко-филологического факультета Петербургского университета.

²³³ Во время пребывания Брюсова в Петербурге четверги пришлись на 14, 21 и 28 ноября.

²³⁴ Печатается с комментариями по: *Павлюченков*, ВПСТГУ 2010/4. С. 91.

возможность устроиться в Москве, я бросил бы Мережковско-го, свои знакомства с профессорами, налаженную работу и товарищей и приехал бы к вам. Может быть, сделать это? Но ведь я помру с голоду у вас²³⁵? — Если я не писал тебе о своем знакомстве с Мережковским, то кое-что скажу сейчас. Кстати, ты спрашиваешь, как бы тебе познакомиться с ним; приезжай на Рождество, и пойдем вместе — меня он принимает всегда с большим удовольствием, а то можно задать ему письменно несколько вопросов по поводу его II тома²³⁶; кстати, там на каждой странице по вопро-сительному знаку, так как, очевидно, многое не было ясно ему самому, когда он писал, например его пары противо-положностей — плоть — дух, Христос — Антихрист, Хри-стос — Ницше могут совсем запутать; оказывается, как он мне комментировал, соответствий между парами совсем нет, Антихрист совсем не равен Ницше, человекобогу, он просто начало хаоса, смешения, сплетения, мешающего слиянию обоих небес, двух бездн в один свет, который за-сыяет во втором пришествии.

Тоже вопрос о роли церквей и нашей церкви во втором пришествии. Мережковский невысокого роста, доволь-но сильно обросший темной бородой, с быстрыми движе-ниями и беспокойными, как будто немного испуганными глазами. М-ме Гиппиус, его супруга... но, ей-Богу, я о ней столько писал уже домой, что повторяться прямо не в си-лах. Я с нетерпением жду твоей статьи о чудесах и пр.; она именно то, что надо, и, наверное, пойдет; у Мережковского недостаток в статьях научного содержания главным обра-

²³⁵ Учась в С.-Петербургском университете, Ельчанинов получал целевую стипендию, выплачиваемую из Тифлиса.

²³⁶ Поскольку упоминается противопоставление «Христос — Ницше», то, видимо, речь идет о втором томе работы «Толстой и Достоевский». В том же 1902 г. Мережковский выпустил второй том художественной трилогии «Христос и антихрист» («Воскресшие боги. Леонардо да Винчи»).

зом, но, конечно, я твой рассказ²³⁷ ему покажу, хотя беллетристов, поэтов и пр. у него хоть отбавляй, как всегда. Когда я писал тебе, я по странному совпадению думал именно об этом вопросе; кроме него, у тебя еще масса интересных тем, например о прерывности в естественной истории²³⁸. У Мережковского после твоего письма я еще не был: мне немного неловко — он так убедительно просил написать ему что-нибудь из моей работы, а я вряд ли это сделаю скоро. Теперь я перешел к французским мистикам, читаю Сен-Мартена, дю-Туа, М-ме Гион²³⁹ и др., потом перейду

²³⁷ Возможно, неопубликованный рассказ «Дачные впечатления», датированный 6 февраля 1902 г.

²³⁸ Этому вопросу посвящена статья П. Ф. «Об одной предпосылке мировоззрения», опубликованная, однако, в «Весах». Из философско-математических опытов П. Ф. в «Новом пути» была впоследствии опубликована статья «О символах бесконечности».

²³⁹ Луи Клод Сен-Мартен (de Saint-Martin, 1743–1803) — французский мистический писатель, последователь португальского мистика Мартинеса Паскуалиса. Труды С.-М., испытавшего также влияние каббалы, Я. Беме, Э. Сведенборга были весьма популярны в России в конце XVIII — нач. XIX в. Однако название «мартинисты», употребляющееся и до сих пор для обозначения русских мистиков-масонов времен Екатерины Великой, происходит не от имени С.-М., а от имени его учителя. Его идеи оказали влияние на становление немецкого романтизма. См. о нем: *Пыпин А. Н.* Религиозные движения при Александре I. Петроград. 1916; *Леман Б.* Сен-Мартен, неизвестный философ. М., 1917.

Дю-Туа (Дютуа-Мамбрини, Dutoit-Membrini, 1721–1793) — швейцарский пастор, квиетист, последователь Фенелона и м-м Гюйон, популярный среди русских мартинистов и мистиков. На русском языке выходили его: «Присутствие Божие» (1798), «Три первоначальных человеческих свойства» (1800). Его книга «Божественная философия в отношении к непреложным истинам, открытым в тройственном зеркале: вселенной, человека и Священного Писания» была переведена на русский язык в 1818 г. по личному указанию императора Александра I Е. В. Корневым, известным переводчиком и консервативным писателем того времени, близким к кругам мистического масонства. Впоследствии, однако, книга была запрещена под влиянием архимандрита Фотия и А. С. Шишкова (См.: *Пустарников В. Ф.* Университетская философия в России: идеи, персоналии, основные центры. СПб., 2003. С. 109–110).

Жанна Мария Гюйон (Guyon, 1648–1717) — крупнейший, наряду с Фенелоном и Боссюэ, представитель французского квиетизма. Ее учение

к немцам — Эккартсгаузену, Юнгу, Гаманну²⁴⁰ и др. Потом

в конце XVII в. пользовалась авторитетом и поддержкой при французском дворе, однако в 1694 г., после полемики между Фенелоном и Боссюэ было осуждено. Сама м-м Гюйон была заключена в Венсенн, а затем в Бастилию вплоть до 1703 г. Последние годы жизни свободно проповедовала свои идеи в частной переписке. В 1713–1722 гг. было издано полное собрание ее сочинений. В России квиетизм становится популярным уже в XVIII в., благодаря Фенелону. Сочинения Гюйон переводятся на русский язык и рассылаются по монастырям для обязательной покупки в обер-прокурорство А. Н. Голицына (1801–1827), однако в 40-е гг., в обер-прокурорство Протасова, столь же систематически изымаются из употребления. Однако в 50-е гг. И. В. Киреевский, например, рассматривал идеи Гюйон и Фенелона, наряду с янсенизмом Пор-Рояля и идеями Паскаля как позитивную альтернативу официальному католицизму Боссюэ и рационализму Декарта, возможную основу «самобытной философии», «которая, быть может, могла бы спасти Францию от безверия и его последствий» (*Киреевский И. В. О возможности и необходимости новых начал для философии // Он же. Критика и эстетика. М., 1979. С. 300–301*).

²⁴⁰ Карл фон Эккартсгаузен (von Eckartshausen, 1752–1802) — баварский мистический писатель, стремившийся к соединению современной и традиционной науки (например, химии и алхимии) и примирению их с христианской верой. Его построения зачастую принимают фантастическую форму. Состоял в личной переписке с одним из лидеров русского мистицизма сенатором И. В. Лопухиным. Многочисленные сочинения Э. в конце XVIII — начале XIX в. переводились на русский язык и активно издавались (См.: *Булич Н. Н. Очерки по истории русской литературы и просвещения с начала XIX века. Т. 1. СПб., 1902*). Иоганн Генрих Юнг-Штилинг (Jung-Stilling, 1740–1817) — немецкий протестантский мистический писатель, популярный в России в эпоху Александра I. Родившийся в семье безграмотного портного, он путем самообразования достиг известности как ученый (преподавал медицину в Марбурге, правоведение в Гейдельберге). Общался с Гете и Гердером. Александр I встречался с ним во время своих зарубежных поездок. Сочинения его обильно переводились на русский язык (Приключения по смерти. СПб., 1805; Угроз Световостоков. СПб., 1806–1815; Тоска по отчизне. СПб., 1806; Жизнь Генриха Штилинга. СПб., 1816, 1818) и послужили одним из поводов к борьбе «мистиков» и «консерваторов» (См.: Там же).

Иоганн Георг Гаманн (Hamann, 1730–1788) — немецкий религиозный философ, идеолог движения «Буря и натиск», один из основоположников иррационализма, выступал с критикой эпохи Просвещения, рационализму и догматизму противопоставлял веру и религиозное

к русско-византийской по «Добротолюбию»²⁴¹ и другим источникам, затем к мистике эллинистической и, таким образом, никогда не кончу, а пока не кончу, ничего писать не буду; разве попадется какой-нибудь ненапечатанный документ или что-нибудь в этом роде. Тетрадь моя с работой толстеет не по дням, а по часам, но к обработке материала я приступлю не раньше лета. Благодарю тебя за твое предложение о Румянцевской библиотеке; если у тебя будет под руками каталог библиотеки, то справься, есть ли там бумаги Лабзина²⁴², которые достались его другу, московскому доктору Мудрову, а потом не знаю, куда делись.

чувство, не нуждающиеся в доказательствах. См.: Гегель Г. В. Ф. О сочинениях Гаманна // Он же. Работы разных лет. М., Т. 1. 1970. С. 575–642; Гаманн И. Г., Якоби Ф. Г. Философия чувства и веры / Сост. С. В. Волжин. СПб., 2006.

²⁴¹ «Добротолюбие» — сборник духовных поучений православных аскетических и мистических писателей. Составлен прп. Никодимом Святогорцем и Макарием Коринфским, издан на греч. языке в 1782 г. На славянский язык переведен прп. Паисием Величковским (издание 1793 г., многократно переиздавалось). В конце XIX в. переведено на русский язык свт. Феофаном Затворником (издано в 1877 г., многократно переиздавалось).

²⁴² Александр Федорович Лабзин (1766–1825) — русский мистик, религиозный писатель, журналист, переводчик эпохи Александра I, продолжатель традиций екатерининского масонства, издатель журнала «Сионский вестник». «Другой факт, с которым надо считаться для понимания духовного развития Сперанского, это его систематическое богословское образование, полученное им в семинарии, а потом в Академии, в Петербурге. Стоит сравнить его хотя бы с Лабзиным, “пророком и апостолом тогдашнего мистицизма” (выражение Фотия), чтобы увидеть, что, в то время как Сперанский, опираясь на свое богословское образование, мог критически относиться к современным ему формам мистики, Лабзин подчинялся всякому факту в этой области, оставаясь все время весьма поверхностным эклектиком» (Ельчанинов А. Мистицизм М. М. Сперанского... С. 112); Сперанский все время держался в стороне от лабзинского мистицизма, а его критические замечания на деятельность Лабзина являются едва ли не самыми ценными из всего хора брани и похвал, которыми осыпали Лабзина современники. Сперанский был подписчиком на «Сионский Вестник», «имел даже письменные сношения с Лабзиным

Можешь поздравить меня с еще одним интересным знакомством. Недавно я пошел по объявлению покупать старые книги. Обладателем оказался хозяин кофейного магазина. Большинство книг были по философии, спиритизму и богословию. Такой подбор меня заинтересовал, и я познакомился с ним поближе. Он оказался большим знатоком Библии, знакомым с еврейским языком (я от него выслушал любопытнейшие комментарии на книгу Бытия). В результате я попал на спиритический сеанс. У него дочка — по наружности настоящий медиум. У меня оказался свой дух — Зоя, который дал мне несколько советов о моей работе. Обмана быть не может, потому что он занимается спиритизмом только для себя вдвоем с дочерью. Подробности потом, если тебе интересно²⁴³.

Поклон В. Эрну.

Твой А. Ельчанинов. 1902. XI.10.

У нас по городу ходит дикая легенда, которая меня совсем расстроила, — легенда о воплощении Бога в одном мальчи-

по поводу перевода Фомы Кемпийского, но не был знаком с ним лично и вообще, благодаря своему умственному превосходству, не мог испытывать положительного влияния с этой стороны» (Там же. С. 114).

²⁴³ Спиритизм, или «спиритуализм» (который не следует смешивать со спиритуализмом как философским направлением), был весьма популярен в русском обществе того времени, причем зачастую он рассматривался как противоядие против материализма и атеизма, способ защиты религиозного мировоззрения. В конце XIX в. с его пропагандой выступили видные общественные деятели и ученые: А. Н. Аксаков, А. М. Бутлеров, Н. П. Вагнер. Определенный интерес к спиритическим явлениям проявлял в молодости Вл. Соловьев. С целью его разоблачения была создана специальная комиссия, в которой видную роль играл Д. И. Менделеев. На рубеже веков, однако, постоянно возникали «спиритуалистические» кружки и общества, издавался журнал «Спиритуалист». Интерес А. Е. к спиритическим явлениям несомненно связан с его интересом к истории мистицизма. Не случайно также, что среди первых публикаций П. Ф. — помещенные именно в «Новом пути» статьи «О суеверии и чуде» и «Спиритизм как антихристианство».

ке чудной красоты (ему теперь 14 лет) и что скоро воспоследует объявление его всенародное. А. Е.

В. Ф. Эрн — А. В. Ельчанинову²⁴⁴

[16.11.1902. Москва — СПб.]

Дорогой Саша! По некоторым причинам, разъяснению которых тут не место, я решил остаться по болезни на второй год; если мне удастся устроить это с формальной стороны удовлетворительно — то я выеду в Тифлис в конце недели.

В. Ф. Эрн — А. В. Ельчанинову²⁴⁵

[17.11.1902. Москва — СПб.]

Дорогой Саша! Извини, что даром взбудоражил тебя. Оказывается, выехать не могу, потому что заведующий общежитием²⁴⁶ требует внесения всех 90 руб., следуемых за по-

²⁴⁴ Архив В. Ф. Эрн (Далее: АЭ). Листы не нумерованы. Все письма А. Ельчанинова В. Эрну находились в частном собрании наследников Эрн. Впоследствии автографы писем В. Эрн к друзьям и коллегам, по свидетельству наследника, были утрачены. Эти письма воспроизводятся по 1-му изданию, сделанному по доступным в то время автографам: Взыскующие града: Хроника частной жизни русских религиозных философов в письмах и дневниках / Сост., вступ. ст. и коммент. В. И. Кейдана. М.: Языки русской культуры, 1997. В настоящее время доступен только фонд семейной переписки. Поскольку этот фонд не систематизирован и листы не нумерованы, в дальнейшем ссылка дается сокращенно — АЭ. Добавлены примечания С. Черткова. Адрес на конверте: гор. Петербург, Его Высокоблагородию Александру Викторовичу Ельчанинову. Васильевский о-в, 9 л., д. 64, кв. 26.

²⁴⁵ АЭ. Адрес на конверте: В Петербург, Его Высокоблагородию Александру Викторовичу Ельчанинову. Вас. о-в, 9 л. д. 64, кв. 26. Почт. шт.: получ. Петербург, 17. 11.1902.

²⁴⁶ Получив Кавказскую стипендию, В. Ф. Эрн в 1900 г. поступил в Московский университет на историко-филологический факультет. Здесь заня-

тия его распределились поровну между историей и философией. В 1903 г. на заседании философской секции Историко-филологического студенческого общества под председательством проф. Челпанова Эрн прочел выдающийся реферат о Беркли. В 1904 г. был удостоен премии за философско-историческую работу об Иустине Философе. В 1904 г. В. Ф. Эрн сдал государственный экзамен и был оставлен при университете заслуженным профессором В. И. Герье по кафедре всеобщей истории.

Е. Архиппов в некрологе из неизданного сборника «Памяти Эрна» (АЭ) так вспоминает о быте студенческого общежития в Миусах, где поселились В. Эрн и П. Флоренский [фрагменты машинописи]: «Ученая обстановка смягчала обычную неприютность студенческой “кельи”, где не только столы и подоконники, но и кровати были завалены книгами. Владимир заведовал историко-философским отделом студенческой библиотеки и регулярно после обеда выдавал книги. Однако читателей становилось все меньше, и постепенно библиотекарь стал появляться раз в неделю. Он поддерживал дружбу с земляками-тифлисцами: Семенниковым и мною, а из прочих — с Михаилом Квасниковым и князем Андреем Владимировичем Звенигородским. Беседы с друзьями происходили обычно после вечернего чая или поздно ночью, когда Владимир спускался вниз, чтобы взять черного хлеба и кипяченой воды для себя и Павла. Пока собеседники не спеша шли до отдаленного номера на четвертом этаже, они успевали поделиться мыслями о Владимире Соловьеве, о курсе философии князя Сергея Николаевича Трубецкого, о Дмитрие Мережковском и журнале “Весы”, останавливаясь в дверях “кельи”, чтобы дослушать суждение Владимира о блаженном Августине, об Оригене или “Трех разговорах” Владимира Соловьева. Заходя иногда в номер, соседи, стараясь не мешать математическим занятиям Павла и, прочтя на стене письменное обращение с просьбой не отнимать время у обитателей “кельи”, торопились уйти. Многие за глаза потешались над этим обращением, вышучивая “затворническую” жизнь друзей. Поговаривали даже, что они спят на досках, убирая на ночь матрацы. По-видимому, так оно и было: в процессе самовоспитания были необходимы некоторые начальные аскетические упражнения тем, кто стал на путь духовного возрастания, ревностно-строгого постижения знаний. Это не мешало Павлу Флоренскому поздним вечером в опустевшей столовой играть на рояле музыку Моцарта, Бетховена, Шуберта и собственные импровизации (...)» Далее Е. Архиппов вспоминает май 1903 г., проведенный в тесном единении с В. Эрном во время подготовки к экзаменам по истории древней философии у кн. С. Н. Трубецкого и по психологии у Л. М. Лопатина: «Конец мая. Пруд в соседнем с общежитием владении (...) Тихая немосковская обстановка, не слышно уличного шума (...) Заросшие тропинки, на от-

лугодие, чего я при всем желании сделать не могу. Извини за беспокойство.

Твой В. Эрн

логом берегу полусгнившие скамейки. В уме — системы Пифагора, Гераклита, Ксенофонта, а в руках — литографированный курс с греческими фрагментами. Перечитывая страницы курса, мы вновь представляли себе жесты, интонации и мимику дорогого лица. Удаляясь от текста, мы предлагали друг другу собственные построения, прося угадать в них элементы изученных нами систем. От Сократа и Платона мысль невольно обращалась к христианству, и завязывался долгий разговор об историческом христианстве и истинном. Среди разговора Владимир спросил, бываю ли я в церкви. Я ответил, что бываю в кремлевских соборах, где меня очень интересуют стенные росписи. О себе он сказал, что бывает в ближайших приходских храмах: у Покрова в Кудрине или у Святого Георгия на Малой Никитской (...) Вглядевшись в его глаза, светлые, строго-серьезные с кристально-чистым выражением, смотревшие несколько выше меня и вдруг улыбнувшиеся мне, — я понял, что христианская молитва в простом храме и возвышенном сердце есть недоступная мне и присутствующая Владимиру потребность (...)» В университете В. Эрн еще раз пережил увлечение историей Греции. «Из предложенных Павлом Гавриловичем Виноградовым тем он выбрал “Быт греков по Гомеру”. В реферате с особой тщательностью написаны страницы, посвященные религиозному быту. В православии Эрна не было ничего от мрачного византизма, — он просто верил, что на русской земле, преображенной Христовым светом, расцветет солнечная религиозная стихия Эллады». В 1904 г. в Московском университете возник кружок, объединивший студентов, желавших углубленно изучать историю религии. Формально он считался секцией, примыкавшей к философскому семинару проф. С. Н. Трубецкого. Председательствовал на заседаниях известный историк и общественный деятель С. А. Котляревский. Ядро кружка составляли студенты-филологи В. Эрн и В. Свенцицкий, математики П. Флоренский и Б. Бугаев (Андрей Белый), химик А. Петровский. Когда в 1905 г. из-за революционных волнений среди студентов университетские аудитории часто занимала полиция, заседания происходили на квартире Эрна и Свенцицкого в Обыденском переулке, возле храма Христа Спасителя. В конце 1904 г. Эрн заканчивает Московский университет и выезжает в Швейцарию. Там он встречается и сближается с Вяч. Ив. Ивановым. Позже А. Белый со свойственной ему пристрастностью так охарактеризует их отношения: «скрепилась парадоксальная и бестолковая дружба фанатика от православия с этим Протеєм» (*Белый А.* Начало века. М.; Л., 1933. С. 313, 452).

В. В. Розанов — П. П. Перцову²⁴⁷

[18.11.1902. СПб.]

По особым обстоятельствам текущего дня — решительно не в силах отыскивать ни эмбрионов²⁴⁸, ни писем²⁴⁹. Да эмбрионы и не вызывали в критике ничего, кроме издевательств²⁵⁰, и они могут повториться о журнале «по поводу» эмбрионов.

А письма частные — жаль, что и об офицерских браках²⁵¹ в 1-ой книжке пойдет: по самому смыслу этой рубрики очевидно, что она может возникнуть не с первой книжки, а хоть со второй и потом всё разрастаться. Кто же будет писать в редакцию, не знакомый с нею иначе, как через объ-

²⁴⁷ Печатается с комментариями по: *Гончарова*, 2015. С. 137–138.

²⁴⁸ Эмбрионы — название жанра в творчестве Розанова, предшествовавшего жанру «листы». «Эмбрионы» были напечатаны впервые в сборнике «Религия и культура» (СПб., 1899. С. 239–246), изданном Перцовым. Во второе дополненное издание вошел раздел «Новые эмбрионы» (1901).

²⁴⁹ Речь идет о письмах К. Н. Леонтьева, Н. Н. Страхова, Рцы, Перцова к Розанову для публикации в «Новом пути». Письма К. Н. Леонтьева к Розанову были вскоре напечатаны в «Русском вестнике» (1902. № 10–11; 1903. № 1, 4–6 (См.: *Розанов В. В.* Собрание сочинений. Литературные изгнанники. Н. Н. Страхов. К. Н. Леонтьев / Под общ. ред. А. Н. Николюкина. М., 2001. С. 329–394). Письма Н. Н. Страхова к Розанову опубликованы значительно позже в книге «Литературные изгнанники» (1913) (См.: Там же. С. 7–143); ранние письма Рцы к Розанову впервые опубликованы: *Федякин С. Р.* Вокруг Розанова: Рцы // Литературная учеба. 2000. № 4. С. 106–179.

²⁵⁰ Вероятно, имеется в виду, прежде всего, статья М. А. Протопопова «Писатель — головоотяп», в которой о подборке «Эмбрионов» в сборнике «Религия и культура» сказано следующее: « (...) г. Розанов дорожит не только своими мыслями, мыслишками и мысленками, он хочет сохранить от забвения даже зародыши своих мыслей, которые он тщателью собрал в особый отдел под общим заглавием “Эмбрионы”» (Русская мысль. 1899. № 8. С. 161).

²⁵¹ Речь идет о разделе «Из частной переписки», где было помещено письмо об офицерских браках, полученное Розановым от читателя (См.: Новый путь. 1903. № 1. С. 160–162).

явления. И о 1-м письме догадаются, что это из старых залежавшихся писем кого-нибудь из сотрудников, т.е. что рубрика «на фу-фу».

И Вы будете получать кучи писем, по самой программе журнала, из которых только выбирайте лучшее. Но нечего с этим торопиться, да и вообще торопиться не надо. Торопливый журнал и торопливая редакция сей час чуются, и это отбивает охоту знакомства с ним. Журнал должен быть с гордостью и достоинством. Мы им даем, а не они нам свои жалкие 7 рублей. Но давать уже мы должны доблестное.

Отчего Вы не поместили список всех сотрудников, например Андреевского, Шестова, Шестакова²⁵², а то выходит «мурье» декадентов: «Allegro²⁵³ — Розанов». Нужно бы очень хотя [бы] прения об «Ипполите» Вейнберга²⁵⁴. Ну, Вы умны и без советов. Да и я устал и стар. В. Р.

²⁵² Дмитрий Петрович Шестаков (1869–1937) — филолог-классик, поэт, переводчик, казанский друг Перцова, жил в Казани по адресу Первая гора, д. 22. Автор рецензий на сборники Розанова «Сумерки просвещения» и «Религия и культура» (Торгово-промышленная газета. Литературное приложение). 16 (28) мая 1899. № 8. С. 4; 6 (18) июня. № 12. С. 4). В «Новом пути» был напечатан перевод Шестакова с французского стихотворений Леконта де Лиля (1903. № 12. С. 61–63). Розанов с симпатией относился к Шестакову и дал ему следующую характеристику: «Странно, что я Шестакова люблю, почти как Варю. Удивительно не грязная душа. Как проницательна его рецензия на Соловьева (Торгово-Промышленная): ведь он очень и очень способен не к общим путям и не общим мыслям: но поражен [нрзб] его лица не общим выраженьем» (НИОР РГБ. Ф. 249. М. 4211. № 1. Л. 15 об.).

²⁵³ Allegro (Поликсена Сергеевна Соловьева, 1867–1924) — поэтесса, прозаик, принимала участие в издании «Нового пути». В первый номер журнала вошел рассказ Allegro «Племянница» (Новый путь. 1903. № 1. С. 82–108). Кандидатура Allegro обсуждалась на пост редактора журнала после ухода Перцова (РГАЛИ. Ф. 1796. Оп. 1. № 83. Л. 36 об.).

²⁵⁴ Речь идет об обсуждении постановки трагедии Еврипида «Ипполит» на сцене Александрийского театра в переводе Д. С. Мережковского (впервые: Вестник Европы. 1893. № 1; СПб., 1902). Премьера пьесы состоялась 14 октября 1902 г. и вызвала много споров. Вероятно, Розанов имеет в виду выступление переводчика, литератора П. И. Вейнберга, чле-

Книгу написал²⁵⁵.

Отчего же мне корректуры не дано? Я, батюшка, ставлю условием, чтобы «Записки еврея»²⁵⁶ были «В своем углу». Пусть по форме и смыслу это будет повторение «Дневника писателя»²⁵⁷, но с большою дозою чужих статей, мною отредактированных, писем, вопросов и прочего. Вот почему 1-й № «В своем углу» даже для рассмотрения типографского распорядка мне необходимо видеть²⁵⁸.

½ подписчиков будут попы. Всей России духовенство, хоть что-нибудь читающее, будет читать «Новый путь». И эта ½ уже одна создаст совершенно достаточный фонд для существования журнала. Но главное: не торопитесь и не рисуйтесь перед подписчиком. Не вывертывайте все карманы, и оставьте интересного для 2-й и 3-й книжки.

на Театрального комитета, в Русском литературном обществе. Директор Императорских театров В. А. Теляковский отметил в дневнике 18 ноября 1902 г.: «На днях в Обществе литераторов Вейнберг прочел об “Ипполите”, высказав мнение, что “Ипполит” не имел внешнего успеха на сцене Александрийского театра благодаря невежеству наших рецензентов. Бывшие на этом сообщении говорили, что речью Вейнберг резко отделал всю печать и писавших рецензии» (*Теляковский В. А. Дневники Директора Императорских театров 1901–1903. М., 2002. С. 354*). Розанов побывал на премьере и откликнулся на постановку статьей «“Ипполит” Еврипида на Александрийской сцене» (*Розанов В. В. Собрание сочинений. Итальянские впечатления; Среди художников. С. 202–211*).

²⁵⁵ Речь идет о книге «Семейный вопрос в России» (СПб., 1903), куда вошли статьи по вопросам брака.

²⁵⁶ Перцов отказался помещать «Записки еврея» А. Г. Ковнера в первом номере «Нового пути». В письме к Розанову от 18 ноября 1902 г. он писал: «“Записки еврея” я прочел в корректуре — и пришел в ужас!!! Это — предел нелитературности, и напечатать это, да еще в первом №, значит бросить весь журнал на осмеяние всей литературы» (РГАЛИ. Ф. 1796. Оп. 1. № 83. Л. 18 об.). «Записки еврея» не были опубликованы и в дальнейшем в журнале. (Впервые: А. Г. [Ковнер А. Г.] Из записок еврея // Исторический вестник. 1903. № 3. С. 977–1009; № 4. С. 126–154).

²⁵⁷ Речь идет об отделе «Дневник писателя» Ф. М. Достоевского в журнале «Гражданин».

²⁵⁸ Имеется в виду корректура.

В своем углу жирный ½ вершковый шрифт,
скелетный I Около религиозных тем. Подпись В. Р.
или ничего
шрифт

П. Рассказы о себе еврея-христианина²⁵⁹. С введением и примечаниями.

Подпись всего отдела В. Розанов
его перевернуть к концу. —

Дайте мне адрес Шестакова (у него переменялся), надо нечто важное для него ему написать.

В. В. Розанов — П. П. Перцову²⁶⁰

[20.11.1902. СПб.]

Ну, за 2 последние письма спасибо. Могу ли я работать, как Егоров, теперь? «Не торопитесь» — не значило «мешкайте», а значило: «не суйте всего в 1-ую книгу». Вообще эти слова не значили: «не будьте не энергичны», а будьте расчетливы. Помните, как в «Споре» Лермонтова пехота идет²⁶¹.

Теперь эмбрионы Вам послал. Я и раньше смотрел, не думайте: но попались кипы напечатанного²⁶² (зачем Вы мне возвращаете оригиналы рукописей моих, без изменений, пошедших в печать?).

Раз «В своем углу» — моя рубрика, то ведь уже читатель поймет, что и ответственность редакторская на мне: от сего я и просил — надо поместить записки еврея²⁶³, обнародование которых с моими замечаниями даст новый факт семитизма и анти-семитизма. А что они «простоваты

²⁵⁹ Вероятно, «Записки еврея» А. Г. Ковнера.

²⁶⁰ Там же. С. 139–140.

²⁶¹ Неточность Розанова. У М. Ю. Лермонтова в стихотворении «Спор» (1841): «Батареи медным строем / Скачут и гремят».

²⁶² «Эмбрионы» не были напечатаны в «Новом пути».

²⁶³ «Записки еврея» А. Г. Ковнера.

по тону» и на Лассалья²⁶⁴ не похожи, то ведь это этнографический факт, «человеческий документ», — да и дальше будет весь внутренний быт еврейского дома, праздники их, их национальные народные школы, цадики и прочее. — Ну, устал. Простите. Нужно ли объяснять, что Вы мне интимнее всех других, но нужно ли прибавлять корректуру знаменитых слов: «не о духе едином жив будет человек, но и о хлебе насущном»²⁶⁵. Это — в линии моих отношений к «Новому времени». А Леонтьев Величке еще с августа дан²⁶⁶, и он у меня читал и книгу с рецензиями о Леонтьеве и его пометками²⁶⁷, он вообще *amougeux*²⁶⁸ в Леонтьева: как же можно его огорчать, да и вообще этого не надо делать с человеком, мне благожелательным. Ваш преданный В. Розанов

²⁶⁴ Имеется в виду книга немецкого социалиста, публициста, философа Ф. Лассалья «Дневник» (СПб., 1901).

²⁶⁵ Перефразировка, придающая обратный смысл словам Моисея из Ветхого Завета: «не одним хлебом живет человек, но всяким словом, исходящим из уст Господа, живет человек» (Втор. 8:3). В Новом Завете также встречается выражение: «не хлебом одним будет жить человек, но всяким словом, исходящим из уст Божиих» (Мф. 4:3–4).

²⁶⁶ Василий Львович Величко (1860–1904) — русский поэт, публицист, друг и биограф В. С. Соловьева, общественный деятель консервативно-монархического толка, один из ранних представителей черносотенства, идейный вдохновитель учреждения «Союза русских людей». Величко был редактором журнала «Русский вестник».

²⁶⁷ Речь идет не о книге, а о двух толстых тетрадах с наклейками отзывов о трудах К. Н. Леонтьева, снабженных его примечаниями. Эти тетради Розанов получил в 1891 г. от самого Леонтьева. Розанов писал: «Леонтьев переслал мне, и я сохраняю этот любопытнейший сборник. (...) Получилась любопытнейшая книга, где мы как бы присутствуем в комнате самого Леонтьева...» (цит. по: *Розанов В. В. Собрание сочинений. Литературные изгнанники. Н. Н. Страхов. К. Н. Леонтьев. С. 369*). Эти тетради ныне опубликованы: В. В. Розанов и К. Н. Леонтьев / Сост. Е. В. Ивановой; комм. Е. В. Ивановой и др. СПб., 2014. С. 307–825.

²⁶⁸ Влюбленный (*фр.*).

А. В. Ельчанинов — П. А. Флоренскому²⁶⁹

Signum tuum care intellegere non potui, puto tamen de Cozebouo dicis. Eum in eius studiis adjurare nunc non possum, quia petitiones mei in alteram partem directae sunt. De Asatiano cur breviter scribis? In quantum cursum, quid facit etc? Legenda mea brevis est. In nostra urbe hipnotisator unus est Filippus Lugdunensis incola, qui in nostrum regem magnum infl uxum habere. In suo Lugduno puerum divina pulchritudine educat, quem cito deum proclamare vult. Filippus ille ad sectam martinistorum adjunctus est, in qua matrona quaedam fuit, quae, postquam D. S. M. opera de Antichristo legit, martinistos reliquit et ad eum D. S. M. quasi ad magistrum venit putans et metuens, ne martinistos antichristum in Lugduno pararent. Ille et narravit mihi de legenda ea, et de matrona ista, quae, ut puto, celebri Chochlacovae similes est.

Si conscientia tua tibi non prohibet, reclama novum jurnalum (vita nova) inter studiosos et plebem — ad hoc tempum 300 solum subscriptos habent. In dies visitavi eum et diu de anima, de Trinitate dei et de alia materia colloquebamur. Animam putat modificatam materiam esse, sed materiam non ut alii concipit; affirmat, dissimilitas inter animam et materiam non substantialis sed fenomenalis; sperat et expectat exactam scientiam hoc mox demonstraturam. Mulier ejus, praeclara H. (de verbo ἴπλος?) vix mortua est de disputationibus nostris, cum madonna ista est papilioni levi similis (miser D. S.!). Trade salutationem meam meo amico Vladimiro, idem Asatiano. Vale, amice care; ubiprimum tempus sinet, epistulam magnum tibi mittam.

Tuus Alexander Petersburgiensis.
20.11.1902.

[с лат.: Твой знак, дорогой, я понять не смог, но думаю, что ты имеешь в виду Коцебу²⁷⁰. Я не могу сейчас помочь ему

²⁶⁹ Печатается с комментариями по: Павлюченков, ВПСТГУ 2010/4. С. 96–97.

²⁷⁰ Август Фридрих Фердинанд фон Коцебу (von Kotzebue, 1761–1819) — немецкий писатель, с 1781 г. на русской службе, исполнял различные

в учебе, поскольку мои стремления направлены в другую сторону. Почему ты столь кратко пишешь об Асатиани²⁷¹? На каком курсе, что делает и т.д.? Моя история коротка. У нас в городе находится один гипнотизер, Филипп из Лиона²⁷², оказавший большое влияние на нашего царя. В своем Лионе он воспитывает мальчика божественной красоты, желая его вскорости провозгласить богом. Этот Филипп числится в секте мартинистов, в которой была одна дама, оставившая секту, после того как прочла произведения об Антихристе Дмитрия Сергеевича Мережковского, и пришедшая к этому Дмитрию Сергеевичу Мережковскому как к магистру, думая и опасаясь, не готовят ли мартинисты приход антихриста в Лионе. Он мне и рассказал об этой истории и об этой даме, которая, кажется, похожа на знаменитую Хохлакову²⁷³. Если тебе не препятствует совесть, рекламируй новый журнал («Новая жизнь»²⁷⁴) среди студентов и народа — на настоящий момент есть только 300 подписчиков. На днях я посетил его, и мы долго беседовали о душе, о троичности Бога и о других материях. Душу

поручения русского правительства, в своей публицистике отстаивал интересы России и выступал против либерализма и революционных идей. В конце XVIII — начале XIX в. прославился как драматург, автор комедий, популярных в буржуазной среде. Убит студентом Зандом, закованным Коцебу как врага свободы.

²⁷¹ Михаил Михайлович Асатиани (1881–1938) — одноклассник П. А. Флоренского по 2-й Тифлисской гимназии, муж Ю. А. Флоренской, с которой разошелся в 1911 г. Окончил медицинский факультет Московского университета, врач-психиатр, учился у швейцарского психиатра Карла Густава Юнга, занимался проблемами психоанализа. С 1921 г. заведовал кафедрой психиатрии Тбилисского университета. В 1925 г. организовал НИИ психиатрии Грузии, носящий его имя.

²⁷² Филипп из Лиона (Филипп Ансельм Ницье, 1849–1905) — целитель и оккультист, пользовавшийся большой популярностью в рассматриваемую эпоху, друг Папуся. В начале XX в. действительно пользовался успехом при русском дворе.

²⁷³ Имеется в виду Лиза Хохлакова, героиня романа Ф. М. Достоевского «Братья Карамазовы».

²⁷⁴ Видимо, имеется в виду «Новый путь».

он считает модифицированной материей, но материю он понимает не так, как другие; он утверждает, что различие между душой и материей не субстанциально, а феноменально; он надеется и ожидает, что точная наука чуть ли не докажет это. Жена его, знаменитая Гиппиус (не от слова ли ἵπλος?²⁷⁵), едва не умерла от наших споров, поскольку эта дама подобна легкой бабочке (бедный Дмитрий Сергеевич!). Передай привет моему другу Владимиру²⁷⁶, также — Асатиани. Будь здоров, дорогой друг; как только позволит время, пошлю тебе большое письмо.

Твой Александр Петербургский.

Л. Н. Вилькина — В. Я. Брюсову²⁷⁷

[Б. д. не позже 26.11.1902. СПб.]

Непреренно перед отъездом загляните. Должна вас видеть, хотя не могла бы сказать достоверно, зачем. Приблизительно только. Вы ушли сегодня, как будто бы слегка освобожденный. Так вот, хочу, чтобы вы почувствовали, что это не так. «Не верен путь ко мне в мой сад манящий, но от меня дороги нет назад»²⁷⁸. Покоритесь своевольно. И не старайтесь разминаться. Ведь это было решено еще тогда, когда я приписала к обыкновенному письму и несколько своих слов.

В среду я у Чюминой²⁷⁹. А все другие дни я всегда дома — до 4 часов одна, после — с другими. Жду.

Людмила

²⁷⁵ Лошадь (греч.).

²⁷⁶ Вероятно, В. Ф. Эрну.

²⁷⁷ Печатается с комментариями по: *Котрелев, Лавров*, 2004. С. 304.

²⁷⁸ Автоцитата — заключительные строки сонета «Мой сад» («Не выйдет тот, кто раз попал в мой сад...»). См.: *Вилькина (Минская) Л.* Мой сад: Сонеты и рассказы. М., 1906. С. 9.

²⁷⁹ Среда — 27 ноября. Ольга Николаевна Чюмина (1864/65–1909) — поэтесса, прозаик, переводчица.

Л. Н. Вилькина — В. Я. Брюсову²⁸⁰

[26.11.1902]

26 ноября 1902

Вторник

Сегодня я недовольна. Было много, что не должно было быть. И именно для вас — не должно быть. Какое детское утешение говорить, что не любите. Но я знаю, что любите, потому что хочу, чтобы любили. И именно «изменно» любите. Подтвердите, я хочу. Вот теперь: вы видите мои глаза, мои недобрые губы.

Завтра я вас не увижу, но хочу и завтра слышать вас. Пришлите мне стихи²⁸¹. Я хочу твою душу, невольник.

Elle²⁸²

Л. Н. Вилькина — В. Я. Брюсову²⁸³

[1.12.1902. СПб.]

Серебряное портмонэ с 2 рублями денег осталось у вас. Перешлите — это память. Я, конечно, рассказала Николаю Максимовичу²⁸⁴ что мы не были у Д.²⁸⁵, а поехали в Финляндию. Очень уж глупо мелко лгать. А вот вам я «нарочно» много лгала. Предоставляю вам самому угадать, что было правдой, что ложью.

²⁸⁰ Там же. С. 304.

²⁸¹ Возможно, подразумевается стихотворение «Лесная дева».

²⁸² В качестве имени в интеллектуально-эротической игре выбрано французское личное местоимение третьего лица женского рода elle (во французском языке употребляющееся только при глаголе) — «она», что соотносится с взаимоотношениям безлично-родовую видимость.

²⁸³ Там же. С. 304–306. Датировано по почт. шт.

²⁸⁴ Н. Д. Минский, муж Л. Н. Вилькиной.

²⁸⁵ Вероятно, Александр Михайлович Добролюбов (1876–1945?) — поэт и религиозный проповедник-сектант. Осенью 1902 был помещен в психиатрическую клинику (см. записи Брюсова о посещении там Добролюбова: *Брюсов В.* Дневники. С. 126).

Письма ко мне вообще не читаются, но если «попадутся», то я не прячусь.

Пишите.

Людмила

В. Я. Брюсов — Л. Н. Вилькиной²⁸⁶

[1.12.1902 Москва — СПб.]

1902 декабрь

Именно так, как я говорил Вам, Людмила Николаевна. Всегда можно предвидеть, знать наизусть заранее, что будет во всю жизнь до дня смерти, тем более что будет с миром лет через тысячу, но никогда не угадаешь, как сложится завтрашний день. Я мечтал, что буду возвращаться один, буду властен думать о чем хочу, вспоминать что люблю, но в том же вагоне (безо всякого уговора: мы даже попрощались) оказался тот Семенов, о котором немало приходилось мне поминать Вам²⁸⁷. Никакой охоты разговаривать с ним у меня не было;

²⁸⁶ Печатается по: *Котрелев, Лавров*, 2004. С. 306. Сохранился черновик письма, весьма близкий к окончательному тексту (РГБ. Ф. 386. Карт. 70. Ед. хр. 21. Л. 3–4).

²⁸⁷ Михаил Николаевич Семенов (1873–1952) — переводчик, писатель-мемуарист, издатель, книготорговец. С 1902 г. принимал ближайшее участие в делах издательства «Скорпион», а с 1906 г. и журнала «Весы». Подробнее о нем см.: *Семенов М. Н.* Вах и сирены / Сост., подгот. текста и перевод с ит., комментарии В. И. Кейдана; вступ. статьи В. И. Кейдана и Н. А. Богомолова. М., 2008). Приехал в Петербург 11 ноября 1902 г. вместе с Брюсовым. Целью его поездки были цензурные хлопоты по делу о выпуске в издательстве «Скорпион» им же переведенного романа С. Пшибышевского «Номо Sapiens». Подробнее см.: *Котрелев Н. В.* Переводная литература в деятельности издательства «Скорпион» // Социально-культурные функции книгоиздательской деятельности: Сб. научных трудов. М., 1985. С. 112–117. О предприимчивости Семенова, к тому же обладавшего известными связями (он был племянником двух сенаторов), можно судить по письму Брюсова к Полякову: «Ах, что это за неоцененный человек, т.е. для “деловых дел”. Куда мы с Вами. Смо-

чтобы для нас стало возможным пребывание вдвоем, добывали мы на каждой станции бутылку вина и успевали молча выпить ее до следующей. Так и миновала ночь к великому соблазну наших соседей по купэ²⁸⁸. Благодаря этому вся моя жизнь в Петербурге представляется мне каким-то горным ручьем, который сначала покорно шумел по острым камням, но потом, долетев до обрыва, краткий миг просверкал на солнце, между сосен и елей, и упал в мутную бездну. А начинающуюся московскую жизнь придется тогда сравнить с тем же ручьем, когда в низине он превращается в речку и течет мерно и лениво, отражая небо, деревья, дома и стада на берегах.

Есть поразительная власть в вещах, с которыми мы сжились годами. Когда вновь возвращаешься к ним, они входят в душу по каким-то проторенным колеям, они влагают в нее прежние настроения, как браслеты и медальоны в хорошо приспособленные футляры. Я вижу кругом все, что мне так томительно знакомо: эти мои книги, эти начатые рукописи, мои картины на стенах и белый лик какой-то монны Мино да Фьезоле²⁸⁹, — и я чувствую, что предметы, как враги,

трю на него и завидую. Если б распорядился “Скорпионом” он, издательство приносило бы тысячи в год доходу» (Там же. С. 115).

²⁸⁸ Эта ночь в купе описана и в автобиографическом романе Семенова: «Берем чемоданы и идем на вокзал. Здесь он покупает бутылку шампанского, и мы садимся в вагон. После первого бокала, вся обида, всё унижение и ревность поднимаются на поверхность, в виде длинной филиппики против мерзости и бесстыдства женской половины человеческого рода. Бутылка опустела. Поезд подъезжает к большой станции. Брюсов сходит и возвращается с новой бутылкой. И так повторяется на каждой из шести больших станций до Москвы. Последнюю бутылку он купил в Твери, уже на рассвете. Это была кошмарная ночь. Мы не сомкнули глаз. Он мне рассказал всю свою жизнь. Говорил о своей неотразимости, о своих успехах у женщин, об обманутых им мужьях, о погибших женщинах, и всё это вперемежку со своими и чужими стихами». (Семенов М. Н. Вакх и сирены. С. 220.)

²⁸⁹ Мино да Фьезоле (ок. 1430–1484) — флорентийский скульптор, известный по преимуществу портретными бюстами. Очевидно, в кабинете

овладевают моей душой. Они заставляют ее принять то же положение, в каком она стояла три недели назад, так же сложить руки, смотреть так же и так же дышать. Я сопротивляюсь, напрягая все усилия, но чувствую, что соперники сильнее. Бедная душа, которая не может победить книг, узора обоев и вида в окно на серебряные деревья!

Ваша комната, которую я считал беззаконной, подземной, наши разговоры, и всё, и всё — начинает в воспоминаниях принимать явные очертания сновидения — их бескрайность, беззвучность, зыбкость. И я думаю уже с ужасом о том дне или часе, когда и подлинно моя память не сумеет отличить всего бывшего от сна.

Ваш Валерий Брюсов

Я случайно увез Ваше портмоне, которое Вы дали мне сохранить на час; пришлю тотчас.

Л. И. Шестов — родным²⁹⁰

[2.12.1902. Москва]

В Петербурге все на меня нападали²⁹¹, так что невольно начинаешь думать о том, чтобы вернуться «к себе»... Так что я немного пал духом. Но здесь, в Москве, за два дня я уже воспрянул духом, и все питерские дела из головы вышли. А как ко мне приставали!.. И не только Минский, Мережковский, Венгеро²⁹² нападали, а все, т.е. либера-

Брюсова имелся слепок или висела фотография с одного из этих бюстов.

²⁹⁰ Печатается по: *Баранова-Шестова*, 1983. С. 54–56.

²⁹¹ Где именно выступал Шестов, определить не удалось.

²⁹² Семен Афанасьевич Венгеро (1855–1920) — историк русской литературы, библиограф. Наиболее популярными были его книги «Героический характер русской литературы» (СПб., 1911) и неоконченные «Критико-биографический словарь русских писателей и ученых (От начала русской образованности до наших дней)» (Т. 1–6. СПб., 1886–1904); «Источники словаря русских писателей» (Т. 1–4. СПб.—Пг., 1900–1917). Тем не менее О. Мандельштам писал о нем: «Семен Афанасьевич Венгеро, род-

лы, тоже вместе с ними. Я отчасти поэтому и взялся писать о 2-м томе Мережковского, чтобы... выяснить, насколько наши взгляды расходятся. Я еще в прошлом году говорил об этом с редактором [Дягилевым], но тогда он, по-видимому, колебался. А теперь решился и дает мне *carte blanche*. Так что я могу писать все, что хочу. И я рад этому случаю. Сверх того, мне хочется хоть что-нибудь написать: я уж год ничего не писал, если не считать... заметок, вносимых для памяти в тетрадь (...).

Л. Н. Вилькина — В. Я. Брюсову²⁹³

[5.12.1902. СПб. — Москва]

5 декабря. Английская наб. 62

Странное впечатление произвели на меня ваши два письма. Начну с первого — не именинного. Друг мой, вы ошибаетесь, действительность не может стать сном. Мы, надеюсь, для вас, слишком «своевольно», сами создаем эту действительность, для того, чтобы потом поверить, что ее не было. Это все равно, что вас самих не было, что вы собственная мечта. Ну а еще я глубоко уверена в том, что может человек пройти, меня не заметив, — как проходят мимо лучших картин, — не замечая их, но если уж кто-нибудь остановил свой взор и почувствовал мою душу, тот «уйти» не уйдет, тот не изменит: — «от меня дороги нет на-

ственник мой по матери (...), ничего не понимал в русской литературе и по службе занимался Пушкиным, но “это” он понимал. У него “это” называлось: о героическом характере русской литературы. Хорош он был с этим своим героическим характером, когда плелся по Загородному из квартиры в картотеку, повиснув на локте стареющей жены, ухмыляясь в дремучую муравьиную бороду!» (*Мандельштам О. Шум времени // Мандельштам О. Сочинения в 2 томах. Т. 2. М., 1990. С. 17*).

²⁹³ Печатается с комментариями по: *Котрелев, Лавров*, 2004. С. 308. Датировано по почт. шт.

зад»²⁹⁴. А я ведь не борюсь. Вам легче думать, что вы отходите от меня? Пусть так.

Вот вы в сегодняшнем письме пишете о посылаемых мне конфетах. О да, я жду их с болезненным нетерпением — вы знаете — я найду в коробке не только конфеты, а символ вашего мне «принадлежания». Духовного, прекрасного, «экстазного». Покуда еще оба ваши письма очень мне мало напоминали вас, и только подпись второго немного понравилась.

Пишите, Валерий.

Elle

А. В. Ельчанинов — П. А. Флоренскому²⁹⁵

[8.12.1902. СПб — Москва]

Не прошу прощения за долгое молчание, так как, по твоему давнишнему правилу, пишу, когда есть желание. Собственно, желание было все время, но постоянно рассеивалось разными обстоятельствами; они же и отнимали потребное время. Вожусь я теперь над общей историей мистики, конечно, пока в деталях мне приходится изучать лишь некоторые области, а остальное в общих чертах по Heinroth'у²⁹⁶ и другим, многочисленным, но, увы, часто слишком бестолковым сочинениям; Göres²⁹⁷ — стар и к тому же тенден-

²⁹⁴ Автоцитата — заключительные строки сонета «Мой сад» («Не выйдет тот, кто раз попал в мой сад...»). См.: Вилькина (Минская) Л. Мой сад: Сонеты и рассказы. С. 9.

²⁹⁵ Печатается с комментариями по: Павлюченков, ВПСТГУ 2010/4. С. 98–102.

²⁹⁶ Имеется в виду Иоганн Кристиан Август Гейнрот (Heinroth, 1773–1843) — немецкий психиатр и психолог, автор работ по истории мистицизма. А. Е. пользовался его работой: *Heinroth J. Geschichte und Kritik des Mysticismus*. Leipzig, 1830.

²⁹⁷ По-видимому, имеется в виду Йозеф фон Гёррес (von Görres, 1776–1848) — немецкий публицист и мыслитель, в конце XVIII в. выступавший в духе идей Французской революции, но в 1806 г. примкнувший к Гейдельберг-

циозен (известный ренегат и иезуит, по выражению Терри), Kieseewetter²⁹⁸ проходит молчанием многие области, да и тема его — *Geschichte der Occultismus*²⁹⁹ только отчасти совпадает с моей; Heinroth стар (1830 г.), но часто очень остроумен в построениях, хотя факты его довольно известны. Есть очень хорошее издание (это все пишу, так как, может, тебе интересно) *Real-Encyclopedie für protestantische Theologie und Kirche*, где масса содержательных и интересных статей, например *Theologie*, *Mystische*, и огромная библиография³⁰⁰. Все это мне надо для моей кандидатской работы, а главное, для реферата, которым откроется у нас после Рождества легальный, при Университете, «кружок для изучения этики в ее истории и современном состоянии» (вторая половина, хотя и скромна по названию, но очень ядовита по смыслу). Реферат мой коснется вопроса, на который я наталкивался постоянно, когда читал нужных мне мистиков — Фому Кемпис'а³⁰¹,

скому романтическому кружку, а в 1824 — окончательно примирившийся с Католической церковью, ставший одним из основателей консервативного политического движения немецких католиков. Автор работ о Франциске Ассизском и Сведенборге, а также четырехтомной «*Die christliche Mystik*» (1836–1842), на которую и ссылается в данном случае А. Е.

²⁹⁸ Kieseewetter С. *Geschichte des neueren Occultismus*. Leipzig, 1891. Важное для своего времени исследование, содержащее информацию о большинстве указываемых в переписке персонажей из истории европейского мистицизма Нового времени. На него, как и на Герреса, постоянно ссылаются, в частности, авторы соответствующих статей в Энциклопедии Брокгауза, прежде всего Вл. Соловьев.

²⁹⁹ История оккультизма (нем.). — В. К.

³⁰⁰ Обзор литературы, которой пользовался А. Е. в своей работе см.: *Ельчанинов А.* Мистицизм М. М. Сперанского // *Богословский вестник*. 1906. № 1. С. 93–95, в примечании.

³⁰¹ Имеется в виду «Подражание Христу» Фомы Кемпийского — одно из наиболее авторитетных на Западе руководств по духовной жизни, хорошо известное в русской культуре XIX в. по неоднократным переводам и переизданиям. Один из переводов принадлежал К. П. Победоносцеву. С жесткой критикой «Подражания» выступил в середине XIX в. свт. Игнатий Брянчанинов (См.: *Свт. Игнатий (Брянчанинов)*. Аскетические опыты. Т. 1. М., 1993. С. 251–255).

Бёме³⁰², Сперанского, Guion и других, вопроса о влиянии мистического настроения на этику носителя этого настроения, на его, в частности, отношения к людям и обществу. Очень характерно в этом смысле «Подражание Христу», которое, впрочем, повторяет советы всех мистиков, принадлежащих к *gemüthliche Mystik*³⁰³, советы отвлекать свое сердце от тварей (*Kreaturen* у Böhme), убегать всякого волнения и беспокойства, «должно любить всех, но неудобно близко знакомиться» (I, 8, 2), следует «по примеру Иисуса уклоняться от толпы» (I, 20, 2), и множество других мест. Конечно, на всех мистиков мне не удастся распространить утверждение, что мистика и индифферентность в отношении к людям неразрывны, не удастся показать исторически, но логически это, безусловно, так. Исторически сюда подойдут целиком последователи Молиноса³⁰⁴, от него до *m-me* Guion и наших хлыстов; но кроме них остаются маги, духовидцы, теософы, к которым это может не всегда применяться. Прости, что я занимаю тебя всем этим, но, ей-Богу, ни о чем другом не могу ни думать, ни писать. Много я возился с клас-

³⁰² Якоб Бёме (Böhme, 1575–1624) — выдающийся немецкий теософ, визионер, мистик, прозвище — *Philosophus Teutonicus*. Самоучкой приобрел большой объем религиозно-мистических и натурфилософских знаний. Является одним из наиболее влиятельных представителей европейской мистической традиции. В конце XVIII — начале XIX в. оказал большое влияние на немецкий романтизм и немецкую классическую философию. В России известен с конца XVII в., в том числе в народной среде. Неоднократно переводился и переиздавался (первый переводчик и издатель — С. И. Гамалея, друг Н. И. Новикова). В начале XX в. — один из наиболее популярных мистических писателей, очень важен для понимания творчества Н. А. Бердяева и других мыслителей того времени. О нем см., например: *Бердяев Н. А.* Из этюдов о Якове Бёме // Путь. 1930. № 20–21. С. 46–79; *Фокин И. Л.* *Philosophus teutonicus* Якоб Бёме. СПб., 2007.

³⁰³ Уютная мистика (*нем.*).

³⁰⁴ Мигель де Молинос (*de Molinos*, 1628–1696) — испанский богослов, мистик, основатель квиетизма. Подвергался преследованиям со стороны иезуитов. Основное сочинение «Духовный путеводитель» в России переведено и издано в 1784 г. Лопухиным под названием «Духовный путеводитель».

сификацией мистиков; наконец некоторая система у меня получилась самостоятельно, но ее дополнили соображения Heingoth и еще одного немца, забыл фамилию. Это все получается в таком виде: мистика³⁰⁵ как явление психическое определяется как жизнь в Боге и Бога в нас³⁰⁶. Органом, базисом этой жизни служит наш дух с его четырьмя главными способностями: а) способность ощущать, в) воля, с) воображение, d) разум. Через эти четыре пути Бог открывается человеку, как а) благо или, проще, удовольствие (недаром какой-то автор назвал злоупотребление этим чувством *Vuhlerei*³⁰⁷ с)³⁰⁸ как образ; б) как сила; d) как идея. От развития одного из этих моментов получают четыре вида мистики — а) Квиетизм³⁰⁹, не вполне удачное название, но оно прочно установилось для обозначения мистиков, всецело захваченных тем блаженством, которое дает соединение

³⁰⁵ Я не придерживаюсь терминологии Владимира Соловьева, которая вполне произвольна. — *Примеч. А. Ельчанинова.*

Имеется в виду, по-видимому, понятие о мистике как «творческом отношении человеческого чувства к трансцендентному миру», намеченное Соловьевым в «Философских началах цельного знания» (см.: *Соловьев В. С. Сочинения в 2 томах. Т. 2. М., 1988. С. 152–153*), или его же статья «Мистика, мистицизм» в Словаре Брокгауза и Ефрона.

³⁰⁶ Во вступительном слове перед защитой «Столпа» это определение будет повторено П. Ф. как определение религии вообще (См.: *Флоренский П., свящ. Разум и диалектика [Вступительное слово перед защитой на степень магистра книги «О Духовной Истине». Москва, 1912 г.] // Богословский вестник. 1914. Т. 3. С. 86–98*).

³⁰⁷ Распутство (*нем.*).

³⁰⁸ Порядок такой.

³⁰⁹ А. Е. очень точно определяет квиетизм: созерцательное направление в католицизме, доводящее до логического предела идею подчинения человека воле Божией. Основными представителями его обычно считаются упоминавшиеся в тексте Молинос, м-м Гюйон, Фенелон. В литературе идеи квиетизма часто противопоставляются официальной доктрине католицизма и сопоставляются с исихазмом в православии и пиетизмом в протестантизме. Однако, несмотря на наличие в книге Фенелона «Суждения святых» ссылок на восточных отцов, между ними существуют значительные различия.

с Богом и которое делает безразличным все на свете: добро и зло (как, например, у m-me Guion), теоретические построения (наши петербургские хлысты) и т. д. Элемент наслаждения физического даже ясно виден у Bonaventur'ы³¹⁰, может быть, у св. Терезии³¹¹, которая ведь считается психиатрами психопаткой на половой почве; в) Теургия³¹², ма-

³¹⁰ Бонавентура (Иоанн Фиданца, Bonaventura, 1221–1274) — средневековый философ и богослов францисканской школы, генерал францисканского ордена. Его идеи восходят, главным образом, к блж. Августину, Ансельму Кентерберийскому, Гуго Сен-Викторскому. К идее обоснования христианского богословия с помощью философии Аристотеля, характерной для Фомы Аквината, относился критически, однако не отрицал значения научного и философского знания, стремясь к соединению его с богословием и высокой духовной жизнью. Основные произведения: «О возведении наук к богословию», «Путеводитель души к Богу» (См.: *Бонавентура*. Путеводитель души к Богу. М., 1993).

³¹¹ Тереза Авилацкая (Teresa de Ávila, 1515–1582) — наиболее известная в России представительница испанской кармелитской мистики. Канонизирована Католической церковью в 1622 г. Причислена к «учителям церкви» в 1970 г. Наряду с Хуаном де ла Крус стоит у истоков ортодоксальной католической мистики Нового времени. Среди значительных авторов Серебряного века к их творчеству обращались Д. С. Мережковский, Вяч. Иванов, Н. С. Арсеньев (см.: *Мережковский Д. С.* Испанские мистики. Брюссель, 1988. Об этом влиянии см.: *Багно В.* Кармелитская мистика (св. Тереза и Сан Хуан де ла Крус) в восприятии русского религиозного ренессанса // *Монастырская культура. Восток и Запад.* СПб., 2003. С. 250–254; *Сьерра М. Х.* Вяч. Иванов и святой Хуан де ла Крус // *Символ.* 2008. № 53–54. С. 750–780).

³¹² Теургия (греч. богоделание) — понятие, используемое в позднем неоплатонизме для обозначения мистических и ритуальных практик. Использовалось также в европейской мистической традиции и каббале. В ортодоксальной христианской мысли использовалось активно в Corpus Aegoragiticum для обозначения таинственной стороны жизни церкви. В русскую философию введено Вл. Соловьевым для обозначения сферы творчества как единства технического искусства, изящного искусства и мистики («Философские начала цельного знания»), свободного искусства, «осуществления человеком божественных сил в реальном бытии природы» («Критика отвлеченных начал»). Понятие теургии имело большое значение для эстетики русского символизма, по-разному интерпретировалось в философии Н. А. Бердяева,

гия³¹³ — сюда относятся Ямвлих³¹⁴, маги средних веков, ро-

С. Н. Булгакова, А. Ф. Лосева, Н. О. Лосского. У П. Ф. имеет большое значение в «Лекциях по философии культа» (См.: *Бычков В. В.* Русская теургическая эстетика. М., 2007).

³¹³ Магия — в широком смысле любая практика осуществления символических действий, направленных на осуществление изменений в реальном мире. В более узком — архаическая, хотя и сохраняющая свое значение до настоящего времени, система представлений о специфической связи между явлениями, участие в которой делает возможным целенаправленное воздействие человека на ход событий в окружающем мире. В конце XIX — начале XX в. возрос интерес к магии, с одной стороны, в оккультных кругах, пытавшихся создать своего рода «практическую философию» магии (Папюс), с другой — в формирующейся в это время культурной антропологии и науке о религии (Дж. Дж. Фрезер, Б. Малиновский, А. П. Веселовский), пытавшихся уяснить смысл и основополагающие структуры религиозности и культуры архаических обществ. В этом контексте лежит и интерес к магии как первоисточку поэзии, присущий русскому символизму и русской философии того же времени. У П. Ф. тема магии и сочувственный интерес к архаической религиозности в соединении с симпатиями к имяславию прослеживаются с первых творческих опытов («О суеверии и чуде», «Священное переименование», «Общечеловеческие корни идеализма») вплоть до зрелых работ циклов «Философии культа» и «У водоразделов мысли». Зачастую понимание этих тем у Флоренского получает чересчур примитивную и прямолинейную трактовку, игнорирующую сложность и методологическую изощренность подхода философа. Достаточно взвешенную трактовку см.: *Василенко Л. И.* О магии и оккультизме в наследии отца Павла Флоренского // Вестник ПСТГУ. I. 2004. Вып. 3. С. 81–99.

³¹⁴ Ямвлих (245–325) — философ-неоплатоник сирийской школы, с именем которого связывают «окончательное оформление школьной организации позднего платонизма», введение в ее состав элементов пифагореизма и аристотелизма, введение в неоплатоническую школу в качестве ее обязательного элемента языческой религии и языческих культов (См.: *Шичалин Ю. А.* История античного платонизма. М., 2000. С. 284, 286). Интерес к его творчеству, как и к неоплатонизму в целом, в кругу православных мыслителей начала XX в. был высок в связи с идеями «теургии» и «философии культа», актуальными и для Вл. Соловьева, и для П. Ф., и для С. Н. Булгакова, и для Вяч. Иванова. Известно, что П. Ф. первоначально избрал перевод и комментарий трактата

зенкройцеры³¹⁵ и наши масоны екатерининского времени³¹⁶; с) Духовидение³¹⁷; d) Теософия³¹⁸. С огромным удовольствием я занимался последний месяц мистицизмом Сперанского; это удивительно крупная и непонятная фигура; теперь, когда я прочел все, что писано его рукой и издано печатным путем, мне немного ясна связь между его огромной государственной деятельностью и отвращением от всякой деятельности практической. Впрочем, и теоретическую деятельность, поскольку она сосредотачивается в разуме, он ставил себе в грех и называл своим единственным пристрастием, от которого давно пора избавиться. — Я, кажется, говорил

Ямвлиха «О египетских мистериях» в качестве темы магистерской диссертации.

³¹⁵ Розенкройцеры (розенкрейцеры) — члены тайного общества, возникшего, предположительно, в начале XVII в. Розенкрейцеры ставили своей целью преобразование человечества на основе доктрин, почерпнутых из европейской мистической традиции. История розенкрейцеров преисполнена сознательных и бессознательных мистификаций и с трудом поддается восстановлению. Она тесно переплетена с историей масонства. В частности, в России влияние розенкрейцеров начинается с эпохи «екатерининского масонства» (См.: *Йейтс Фр.* Розенкрейцерское просвещение. М., 1999; *Андрез В.* Химическая свадьба Христиана Розенкрейца в 1459 г. М., 2006).

³¹⁶ Масоны екатерининского времени — Н. И. Новиков, И. В. Лопухин, С. А. Гамалея и др. — кружок светских религиозных мыслителей конца XVIII в., группировавшихся вокруг типографии Московского университета. Оставаясь православными христианами по своему самосознанию, они тем не менее активно воспринимали и распространяли в России идеи, восходящие к европейской мистической традиции. Оказали значительное влияние на становление русской религиозной мысли XIX–XX вв. См.: *Вернадский Г. В.* Русское масонство в царствование Екатерины II. СПб., 1992; *Пытин А. Н.* Масонство в России. М., 1997; *Burmistrov K., Endel M.* Kabbalah in Russian Masonry Some Preliminary Observations // *Kabbalah: Journal for the Study of Jewish Mystical Texts.* Los Angeles, 1999. Vol.4. P. 9–59.

³¹⁷ То же, что спиритизм.

³¹⁸ По контексту — скорее доктрина Вл. Соловьева, чем произвольные построения Е. П. Блаватской; ср., однако, разъяснение в письме от 21 февраля 1903 г.

тебе, Павлуша, что, с одной стороны, считаю себя неспособным к отвлеченному мышлению, а с другой — не могу оставить вопросов этических и религиозных; я примиряю это историческим, следовательно, конкретным изучением вопроса, а потом думаю перейти к психологическому, и только третья ступень будет изучение чисто абстрактное; ты, конечно, сейчас прикинешься, что не понимаешь моего деления, и станешь уверять, что чисто абстрактное мышление вздор — я прекрасно знаю, но все же уверен, что ты понимаешь, что я хочу сказать. Поедешь ли ты домой? — Я сижу здесь, и сижу с удовольствием.

Поклон Эрну.

Твой А. Е. СПб 1902. XII/7. 12 часов 15 минут ночи.

Когда ты и Эрн думаете быть здесь? Я жду с огромным нетерпением. Только предупреждаю, если ты будешь искать меня на углу Малого проулка и Никольской, то не найдешь, так как такого проулка нет — я живу на проспекте. Ты сможешь остановиться у меня, так как у моих хозяев много места по съезде одного квартиранта.

В. Я. Брюсов — Л. Н. Вилькиной³¹⁹

[10.12.1902. Москва — СПб.]

1902, декабрь

Нет, Вы неправы, Людмила. Все-таки я не отдал себя всего. Вот я уже пишу к Вам с некоторым усилием, уже не нахожу верной интонации, уже не знаю, слышите ли Вы мой голос. В своих стихах я часто говорю от лица раба, от лица того невольника, о котором Вы помянули в одном письме. Но сам я этой сладости — быть рабом — так и не испытал

³¹⁹ Печатается с комментариями по: *Котрелев, Лавров*, 2004. С. 309–310.

В архиве Брюсова сохранился неотправленный вариант этого письма (РГБ. Ф. 386. Карт. 70. Ед. хр. 21. Л. 5–6); далее мы приводим наиболее существенные разночтения.

до сегодня. Упрямо, пошло, грубо я всегда оставался свободным, — даже когда сам покорно подставлял шею под ярмо.

И не думайте, что это «самооправдание» — однажды Вы меня попрекнули так (о! как это было давно!). Все сказанные мною слова — я помню их наизусть — были сказаны как верная правда³²⁰. И я повторю всё вновь и вновь, если вновь увижу Вас, Ваши глаза, Ваши губы. Повторю и отрекусь от этого моего сегодняшнего письма. И мне не будет «стыдно» ни прежних слов, ни сказанного сегодня, ни отречения от сказанного сегодня. Но разве я отрекусь не во имя свободы, во имя той высшей свободы, последнего освобождения, которое запрещает делать кумир даже из самого себя? Разве сделаюсь я менее свободным, отрекаясь³²¹?

Ах, все это уже потому не «оправдание», что я ничего не желаю так, как чтобы Ваше письмо стало истиной, действительностью.

Быть безвольным, быть покорным, быть рабом, отдать свою душу до конца — это сожгло бы меня безмерным счастьем, крайним, предельным.

Целовать следы на песке («не ноги, следы твоих ног», как говорит Ваш Рафалович)³²² — значило бы для меня изведать сладострастие несказанное, о котором я только мечтаю, безнадежно. Я не целовал следов ничьей ноги никогда, ни даже в дни «первой» любви. Принадлежать кому-либо

³²⁰ В неотправленном варианте: «Я помню, наизусть помню, все мною сказанные слова. И все это было правдой — в тот миг».

³²¹ В неотправленном варианте: «Но не это ли и есть мучительно непобедимая свобода, ибо не в этом ли состоит последнее освобождение, чтобы не делать кумира даже из самого себя!»

³²² «Не ноги, — следы твоих ног!» — строка из стихотворения Сергея Львовича Рафаловича (1875–1944) «Рабыня» («Ты просишь свободы, рабыня?...»). Впервые опубликовано: Северные Цветы Ассирийские: Альманах IV книгоиздательства «Скорпион». М., 1905. С. 67. См. также: Рафалович С. Светлые песни. СПб., 1905. С. 52.

другому — вот завет, которого я не умел исполнить, тайна, которой я не мог достичь³²³.

Да, в этом моя слабость, худшее во мне; это все то — что Вы назвали (и метко) моей математичностью. Да, я все же не знаю страсти, т. е. слепящей, безумной; я не могу вступить в ее область. Я только стою у ее тяжелых ворот, только слышу за стенами крики пытаемых, свист бичей, скрип страшных колес. Закрыв глаза, я, в опьянении, вижу кровь и искривленные мукой губы. Но самому мне не быть среди тех никогда! Я не буду распят никогда! Я буду только томиться соблазном о распятии. Судьба мне отказала в лучшем из даров — в блаженстве страдания³²⁴!

О, если б Вы могли исполнить то, что помечталось мне на краткий миг, если бы Вы могли зачем-нибудь взять мою душу — совсем, совсем, совсем, так именно, как Вы о том говорите. Какая сладость подписывать с полным сознанием

Ваш или Твой
Валерий

В. Я. Брюсов — Л. Н. Вилькиной³²⁵

[*Не ранее 14.12.1902. Москва — СПб.*]
1902, декабрь

Решено окончательно, Людмила Николаевна, что Северные Цветы будут изданы опять к Пасхе³²⁶. Итак очень прошу Вас, если хотите что-либо нам дать — присылайте ско-

³²³ В неотправленном варианте (вместо двух последних фраз абзаца): «Отдать свою душу до конца» — вот недостижимая мною тайна».

³²⁴ Далее в неотправленном варианте — заключительная фраза письма: «Сделайте так, чтобы я мог подписать и Ваш и Твой. Валерий».

³²⁵ Там же. С. 311–312.

³²⁶ Речь идет о книге: Северные Цветы: Третий альманах книгоиздательства «Скорпион». М.: «Скорпион», 1903. 23 ноября 1902 Брюсов писал из Петербурга владельцу издательства «Скорпион» С. А. Полякову о своих пе-

ро: уже печатаем³²⁷. С такой же просьбой обращаюсь завтра или послезавтра к Николаю Максимовичу: за ним обещание стихов и статьи-чтения о браке³²⁸. Если можно Вас просить, то вот просьба: если встретите где Бакста, замолвите словечко за нашу просьбу: мы просим его сделать обложку для Северных Цветов — и притом (в том и трудность) скоро. Я пишу ему вместе с этим³²⁹. Из С. Л. Рафаловича взял три (или два, смотря по матерьялу) стихотворения, а рассказ посылаю ему обратно: нет, он не рассказчик, а Собака и кот мне нравятся по-настоящему. Пишу и ему³³⁰.

реговорах с петербургскими литераторами относительно участия в альманахе (см.: *Брюсов В.* Переписка с С. А. Поляковым (1899–1921). С. 65).

³²⁷ В альманахе напечатано стихотворение Вилькиной «Освобождение (Из женских сонетов)» («Я не любви ишу, но легкой тайны...») (С. 155).

³²⁸ Стихи Н. Минского в третьих «Северных Цветах» не появились; там была помещена его статья «О двух путях добра (Два доклада, прочитанных в Петербургских религиозно-философских собраниях)» (С. 131–142).

³²⁹ В упомянутом выше письме от 23 ноября 1902 из Петербурга Брюсов сообщал С. А. Полякову о заказе обложки для очередного выпуска альманаха «Северные Цветы»: «Художника будем искать. А не поручить ли Баксту? он стал рисовать прекрасно» (*Брюсов В.* Переписка с С. А. Поляковым (1899–1921). С. 65. Упомянутое письмо Брюсова к Л. С. Баксту нам неизвестно. 16 декабря Бакст в ответном письме выразил свое согласие сделать обложку; о дальнейших переговорах и цензурной судьбе заказа см.: Там же. С. 67–68.

³³⁰ 7 декабря 1902 С. Л. Рафалович писал Брюсову: «Многоуважаемый Валерий Яковлевич! Посылаю Вам обещанные стихотворения и кроме них еще два: подойдут Вам, берите, не подойдут — не напечатаете. Я вспомнил, что в Северных Цветах не гнушаются и прозой, и предлагаю Вам несколько строк своей с большой просьбой вернуть мне рукопись, если Вы ею не воспользуетесь» (РГБ. Ф. 386. Карт. 100. Ед. хр. 8. Л. 3). В третьих «Северных Цветах» были помещены два стихотворения Рафаловича — «Первое желание» и «Два друга» (второе Брюсов называет здесь «Собака и кот»; см.: *Рафалович С.* Светлые песни. С. 59–60). Письма Брюсова к Рафаловичу нам не известны (по устным сведениям, которыми мы обязаны профессору Д. Рицци, обширный архив Рафаловича, сохранявшийся до 1990-х во Франции, погиб; впрочем, о его составе сведений не имелось).

Читал Ваш Женский сонет. Все осталось без поправок, а надо бы! Еще: «правдивей» — «стыдливый», по моему слуху, не рифмуются³³¹.

Посылаю Вам новое издание Скорпиона — «Драму жизни»³³² и «Симфонию»³³³, которую Вы хотели иметь.

Ваш Валерий Брюсов

А. В. Ельчанинов — П. А. Флоренскому³³⁴

[14.12.1902. СПб. — Москва]

«Я получил ваше письмо, высокоученейший муж, и не мог не удивляться ясности и глубине вашего мышления. Однако все же у меня остались небольшие сомнения, которыми и решаюсь докучать вам» (обычное начало писем Ольденбурга к Спинозе³³⁵). Если определять мистику немного шире, чем обыкновенно ее определяют, если под это понятие подвести не только факты (или убеждения в наличии фактов) взаимодействия и непосредствен-

³³¹ «Женский сонет» («Люблю я правду, как полдневный свет...») Вилькиной был опубликован в иллюстрированном приложении к «Новому времени» (11 (24) декабря 1902. № 9617. С. 9). 2, 3 и 4 строки в нем: «Тот всех смелей, кто духом всех правдивей. / Кто смел, мне дорог. На вопрос стыдливый / Он страстное услышит «да» в ответ».

³³² Речь идет о книге: *Гамсун К.* Драма жизни / Пер. с норвежского С. А. Полякова. М.: «Скорпион», 1902. — Цензурное разрешение: Москва, 20 ноября 1902; регистрация обязательного экземпляра: 24–30 ноября 1902.

³³³ Речь идет о книге, вышедшей в свет весной: *Андрей Белый.* Симфония (2-я, драматическая). [М.]: «Скорпион», 1902.

³³⁴ Печатается с комментариями по: *Павлюченков,* ВПСТГУ 2010/4. С. 102–104.

³³⁵ Генрих Ольденбург, (Oldenburg, 1618–1677) — английский теолог и дипломат немецкого происхождения, секретарь Королевского общества (английской Академии наук). В течение ряда лет вел со Спинозой переписку (сохранилось 28 писем, из них 11 написаны Спинозой), посетил философа в Рийнсбурге в 1661 г. — *В. К.*

ной³³⁶ связи конечного духа с абсолютом, трансцендентным миру, но и факты таковой связи между конечными духами, понимая мир пантеистически, тогда ты, может быть, прав, тогда мистику незачем игнорировать мир, через который он может прийти к Богу, так же как и через себя. Я сам склонен понимать мистику именно так, в широком смысле. Но вопрос усложняется тем, что 1) при всей склонности мистиков к пантеизму, доходящему до обожения человека *μικρόθεος*³³⁷ у Экхардта³³⁸, Халладжи³³⁹ в суфизме и др.), несмотря на это, у огромного большинства мистиков (особенно немецких в противоположность итальянской мистике) смотрит на мир на *Kreaturen*³⁴⁰ как на греховное только — вся византийская (собственно Афонская) мистика³⁴¹ с проповедью возвращения, Бёме, квиетизм с XVI века. Все эти факты показывают на известную теорию, лежащую в основе их, теорию, что мир во зле лежит, а царство Божие — внутри вас. Следовательно, они сделают логический вывод, если закроют все свои чувства для внешнего мира по совету Бёме и прочих. 2) Что же до осталь-

³³⁶ Помимо условий пространства и времени (Владимир Соловьев). — *Примеч. А. Ельчанинова* (отсылка к статье «Мистика, мистицизм» в Энциклопедии Брокгауза и Ефрона).

³³⁷ Малый бог (*греч.*).

³³⁸ Экхардт (Мейстер Экхарт, Eckhart, 1260–1338) — немецкий мистик и философ, основоположник и ведущий теоретик так называемой рейнской мистики. Его идеи часто сопоставляются с идеями св. Григория Паламы. Подборка его проповедей была опубликована в русском переводе в 1912 г.

³³⁹ Халладжи (Мансур аль-Халладж, 858–922) — один из основоположников суфизма, мистического направления в исламе. Прославился фразой «Я есмь истина», за которую был казнен.

³⁴⁰ Твари (*нем.*).

³⁴¹ Это упоминание показывает, что исихастская традиция уже в это время попала в поле зрения А. Е., П. Ф. и круга их знакомых и единомышленников, хотя в данном контексте А. Е. рассматривает ее лишь как одну из многих вариаций мистического сознания наряду с другими. См.: Павлюченков, ВПСТГУ 2010/4.

ных, для которых мир — добро и эманация Бога, то если идея мистики (соединения с Богом) есть и последняя цель ее, то и эти правы, не сносясь с внешним миром, так как нет таких резонов идти к Богу окольной дорогой — через мир, — если бог у меня тут, «за пазухой», по выражению Лескова («На краю света»). Что же до «моей» классификации, то я далеко не склонен окончательно успокоиться на ней. Я ею доволен, так как она хороша для моей цели — разобраться в фактах мистики, минуя их психологическое, логическое и другие исследование (я тебе писал о порядке моего изучения — сначала наличность фактов, затем исследование психологическое их субъективного бытия и уже третье — исследование мистики, как объективно реального факта). Что же касается до неразделимости теургии от теософии, магии от духовидения (последнее не верно — ведь занимался же Клод Фроло в «Соборе Парижской Богоматери» магией, вбивая гвоздь в стол, однако он не видел духов; прокалывание глаз на карточках), то я тут не разделяю, а только различаю, как это всегда делается при психологическом анализе. Даже в новых психологических течениях, когда преобладает склонность рассматривать поток сознания как целое, все же не обходится без анализа, и тот же Джеймс³⁴² прекрасно толкует

³⁴² Уильям Джеймс (Джемс, James, 1842–1910) — американский философ и психолог, представитель прагматизма. Его сочинения активно переводились на русский язык начиная с конца XIX в. «Психология» была впервые переведена в 1896 г. И. И. Лапшиным, и после этого неоднократно переиздавалась. В 1902 г. были переведены «Беседы с учителями о психологии» и «Научные основы психологии». Данный текст раскрывает методологические основы исследования мистицизма у А. Е. Интересно, что, как видно из нижеследующего, его попытка применить психологию Джеймса в исследовании религиозного сознания предшествует его знакомству с основной работой самого Джеймса по данной теме «Многообразие религиозного опыта». Несколько позже методологию Джеймса использовал в своей, посвященной русскому сектантству, диссертации, подготовленной к защите в МДА, Д. Коновалов (См.: *Коновалов Д.* Религиозный экстаз в русском мистическом сектантстве. Сергиев Посад, 1908).

об устойчивых элементах потока сознания, о внимании, памяти и т. д. Понятно, я предполагал, что как разум неотделим от воли, так и теософия неотделима от теургии и магии и т. д. Кстати, не попадалось ли тебе чего-либо по психологии мистики, помимо исторического обзора, если знаешь что-нибудь, укажи, пожалуйста. Я знаю только главу из «Psychologie des Sentiments» Ribot³⁴³ и статью Соколова в «Вопросах философии и психологии»³⁴⁴. Есть еще, говорят, очень хорошая книга Джеймса, что-то вроде «о способах религиозного понимания»³⁴⁵, но мне недоступна, так как еще не переведена. Недавно у вас в Москве проездом была Маня Х³⁴⁶. Последнее время она была особенно оживлена и своей живостью зажигала и поддерживала настроение наших гносеологических сборищ³⁴⁷, которых пока было два — мы читаем «Трансцендентальную эстетику»³⁴⁸. Очень жаль, что ты не можешь быть в Питере. Может быть, обстоятельства еще переменятся?

Прощай пока, твой А. Е. СПб 1902 XII/13.

³⁴³ Теодюль Рибо (Ribot, 1839–1916) — один из основателей французской школы экспериментальной психологии. Многие его работы переводились на русский язык в конце XIX в. В частности, «Психология чувств» вышла в русском переводе в 1898 г. Еще одна методологическая опора А. Е.

³⁴⁴ Имеется в виду: Соколов П. П. Вера. Психологический этюд // Вопросы философии и психологии. 1902. Кн. 62. С. 909–933; Кн. 63. С. 1158–1194; Кн. 64. С. 1305–1362. Павел Петрович Соколов (1863–1923) — профессор МДА по кафедре психологии. В своем анализе феномена веры опирался, подобно А. Е., на идеи Рибо и Джеймса.

³⁴⁵ Имеется в виду «Многообразие религиозного опыта», которое было впервые опубликовано на русском языке в 1910 г. Одновременно была издана брошюра: Страхов П. С. Прагматизм в науке и религии (По поводу книги Джеймса «Многообразие религиозного опыта»). Сергиев Посад, 1910. Этому предшествовало издание перевода работы Э. Бутру «Вильям Джемс и религиозный опыт». (1908).

³⁴⁶ Не удалось выяснить это лицо.

³⁴⁷ Возможно, речь идет о семинарах профессора Петербургского университета и Высших женских курсов гносеолога А. И. Введенского.

³⁴⁸ Название первой части «Критики чистого разума» Канта. Работа посвящена не анализу прекрасного, изложенному в «Критике способности

П. А. Флоренский — В. Ф. Эрну³⁴⁹

[17.12.1902. Сергиевский Посад]

Дорогой Володя! После вашего отъезда Герье устроил штуку: он разослал повестки, в которых приглашает 3-й курс явиться 16 декабря на собрание, при этом прибавлено — неявившимся будет поставлен «незачет». Я лично видел такую повестку у Квасникова³⁵⁰. — Как нашли Георгия Николаевича³⁵¹? Надо написать ему, да все не соберусь. Мне стало очень скучно без вас, так что я стараюсь целый день почти пропадать из дому. Как идет ваша работа? Тут спокойно, ничего не слышно и не видно, и я даже начинаю терять представление *de liberalibus*³⁵². Был недавно у Асатиани. Хотя он собирается сдать экзамен³⁵³, но все-таки — просидел у него целый вечер. Мы говорили о разных разностях, и не без живости, так что к концу разговора оказалось 12 часов 20 минут. Желаю удачно провести время. Прошение я ваше подал, но, пожалуй, и вам придется прислать.

Ваш П.

суждения», а ощущению (*aisthesis*), или чувственности. По Канту, эстетика трансцендентальна постольку, поскольку она выводит возможные условия опыта за рамки любого опыта (пространство и время выступают в качестве априорных форм чувственности). Отличается от трансцендентальной логики так же, как формы чувственности отличаются от форм мысли (категорий и принципов рассудка).

³⁴⁹ Печатается с комментариями по: Переписка П. А. Флоренского и В. Ф. Эрна / Публ. и коммент. Н. Н. Павлюченкова // Русское богословие: исследования, материалы. М.: ПСТГУ, 2014. (Далее: *Павлюченков*, 2014). С. 211.

³⁵⁰ М. Квасников — сокурсник П. А. Флоренского по Московскому университету и земляк его по Тифлису.

³⁵¹ Георгий Николаевич Гехтман.

³⁵² О свободных (*лат.*).

³⁵³ М. М. Асатиани в 1902 г. сдавал вступительные экзамены в Московский университет. Экзамены были сданы успешно, но в 1903 г. Асатиани был исключен из университета и выслан из Москвы за участие в революционном движении. Был восстановлен в университете в 1904 г.

П. А. Флоренский — О. П. Флоренской³⁵⁴

[25.12.1902. Москва — Тифлис]

Дорогая мамочка! (...)

Ты пишешь, что елка напоминает тебе дикарские обычаи. Конечно, это так, но ведь вся наша жизнь и деятельность насквозь пронизаны нашим прошлым, всевозможными переживаниями. Вся культура складывается из переживаний, только одни переживания более заметны, задают тон, другие звучат чуть слышно. Отказаться от прошлого так же невозможно, как отказаться от самого себя, потому что все содержание личности дано прошлым. Нам бы, в погоне «за веком», пришлось отказаться от языка, от всех эмоций, от всякого внешнего проявления духа, пришлось бы отказаться от искусства, от науки и т. д. Я не знаю, почему и для чего это нужно. Оставаясь тем, что мы сейчас, мы не можем перестать быть тем, чем были дикари, и, чтобы не иметь «диких» обычаев, нам пришлось бы отказаться от всякой психической жизни вообще: нет и не может быть у нас никакой науки, иначе как символической, и все наши научные представления в физике через 500–600 лет будут казаться, вероятно, весьма мало разнящимися от представлений теперешних первобытных народов. Вы хотите на наше прошлое, которое должно быть дорого нам, смотреть высокомерно: вот отсюда высокомерное отношение к религии, к обычаям, к известному укладу жизни, и в этом отношении наше воспитание является величайшим злом: вместо людей вы хотите воспитать абстракции, каких-то «чистых духов», и в результате этого выходит то, что никто не может быть чистым духом, а понимания уклада жизни тем более нет. Сейчас, например, я считаю себя православным, а между тем, вполне признавая теоретически истинность воззрения Церкви, не могу исполнять и проводить их на практике. Символы должны быть привычными с дет-

³⁵⁴ Печатается по: *Чертков*, 2017. С. 63–64.

ства, они должны срастись со своими идеями, а у меня, конечно, этого пока еще нет.

Последнее время почти целый день меня не бывает дома, и главное, даже сам не можешь решить, на что, собственно, пошло время. Я расхаживаю по гостям и т. д., заглядываю в витрины магазинов и фланирую по улицам без конца. (...)

П. А. Флоренский — В. Ф. Эрну³⁵⁵

[25.12.1902. Москва]

Дорогой Володя! Присылаю вам письмо так поздно, так как я потерял его и не мог долго найти. Тут совсем опустело, и в нашем коридоре кроме меня только 1 человек, но никакие упыри не являются. Ельчанинов вам кланяется. Время пролетает ужасно быстро, а я еще и не принимался заниматься, так как целыми днями пропадаю из дому, например уйду сейчас, утром, сегодня, а вернусь вечером. Недавно пришлось любезничать с экономкой, и она усиленно звала меня к себе на чай, причем я дал неременное обещание. Нужно будет попробовать свои силы в любезничании, хотя она уж слишком «кокетирует», как говорит мой родственник-немец. Желаю вам всего хорошего. Если будет время, собираюсь писать сказку, хотя пока еще не знаю сам, о чем и о ком.

Ваш П.

Передайте мои поздравления с Новым годом вашим родителям и сестре.

В. Я. Брюсов — Л. Н. Вилькиной³⁵⁶

[25.12.1902. Москва — СПб.]

³⁵⁵ Печатается по: Павлюченков, 2014. С. 201–202.

³⁵⁶ Печатается с комментариями по: Котрелев, Лавров, 2004. С. 313–319.

I.

1902. Рождество

Теперь, когда мы, Людмила Николаевна, перестали быть необходимы друг для друга, позвольте мне просто болтать с Вами. Да и что лучшее можно делать на расстоянии 600 верст в пространстве и трех недель во времени. Я Вам расскажу предпраздничные московские новости. И прежде всего, конечно, о «На дне»³⁵⁷. До сегодняшнего дня театр при Горьком полон, переполнен, затоплен. Нет билетов и на 5 января. В первое представление зрители карабкались на сцену, раздвигали занавес руками и венчали Максима 1-го. Но и на втором представлении Горький стал выходить на зовы с первого акта. Занавес закроют, а он все стоит, не уходит со сцены, ждет, пока его еще раз вызовут. Дамы перевешивались через барьер, как куклы в петрушке, крича «Горький!», и, увидя его, откидывались назад в изнеможении от счастья. Почтенный П. Д. Боборыкин до того был уязвлен этим королевским успехом, что на другой день целый час (я встретился с ним за завтраком, в ресторане) бранил мне Горького, то умно, то неумно, то по-новому, то по трафарету. А в конце выдал себя³⁵⁸: «Я, говорит, сорок

³⁵⁷ В архиве Брюсова сохранился первоначальный вариант этого двухчастного письма, составлявший как единое целое (РГБ. Ф. 386. Карт. 70. Ед. хр. 21. Л. 7 об. — 10). В приложении к письму приводятся выдержки из него, дающие дополнительные сведения и смысловые нюансы к окончательному тексту.

³⁵⁸ Премьера пьесы М. Горького «На дне» прошла в Московском Художественном театре (18 декабря 1902) с огромным успехом. Вот один из отзывов: «По окончании пьесы овация приняла прямо небывалые размеры. Горький был вызван всем театром более 15 раз (...) Нечто не поддающееся описанию произошло, когда Горький наконец вышел на вызовы один. Такого успеха драматурга мы не запомним» (Русское слово. 19 декабря 1902 (2 января 1903). № 349). С. Рафалович, находившийся в те дни в Москве, в свою очередь сообщал Вилькиной: «Успех пьесы Горького — нечто небывалое и невиданное» (письмо от 26 декабря 1902). Анализ «тактики» Брюсова в связи с успехом пьесы Горького, литературного «противника» символистов, см.: *Муратова К. Д.* Воз-

лет работаю, написал 80 томов, а мне таких оваций не было!». Впрочем, Боборыкина все у нас уязвляют. Третьего дня читал он в Литературном кружке³⁵⁹ о рецензентах и со старческим брюзжанием их побранивал. На беду ползалы состояло именно из рецензентов. Уж они его не пощадили. Припомнили, как он сам писал плохие драмы и как, будучи рецензентом, напал на Ермолову.

Старик до того рассердился, что утратил дар членораздельной речи, стал что-то выкрикивать путаясь и сбиваясь. И я в тот вечер говорил к публике. Было такое настроение, что хотелось кого-нибудь обидеть. А так как «публика» состояла вся из либералов, то я — нарочно отчетливо и медленно — стал бранить Белинского, Добролюбова, Михайловского, Чехова, Горького (очень бранить) и славить Метерлинка, Аннунцио³⁶⁰, Гамсуна. Я думал и надеялся даже, что меня освищут (есть в этом своя сладость). Но нет, пошло поаплодировали. «Они» все снесут и стерпят³⁶¹. Между прочим, на этом вечере был Рафалович (все же «Ваш», ибо я встречал его все-

никновение социалистического реализма в русской литературе. М. ; Л., 1966. С. 170—171. Там же, в частности, цитируется публикуемое письмо.

³⁵⁹ Лекция прозаика Петра Дмитриевича Боборыкина (1836—1921) о драматургах и рецензентах состоялась 23 декабря 1902 в Московском Литературно-художественном кружке. Сведения, содержащиеся в письме, нашли параллельное отражение в дневниковых записях (см.: *Брюсов В.* Дневники. С. 128—129), здесь же в примечаниях Н. С. Ашукина (с. 182) содержатся выдержки из газетного отчета о лекции (Новости дня. 24 декабря 1902 (5 января 1903)).

³⁶⁰ Габриэле Д'Аннунцио (1863—1938) — итальянский писатель-модернист.

³⁶¹ 26 декабря 1902 С. Рафалович писал Брюсову: «Простите, дорогой Валерий Яковлевич, что я пропал после доклада. Я встретил в клубе старую знакомую, певицу Терьян-Корганову, и, занятый ею, не мог тотчас же искать Вас, а потом не нашел. Благодарю Вас и жену за интересный вечер и надеюсь вскоре лично передать свою благодарность» (РГБ. Ф. 386. Карт. 100. Ед. хр. 8. Л. 5). Упомянута известная оперная певица и педагог Елена Иосифовна Терьян-Корганова (1864—1937).

го чаще у Вас)³⁶². Расспросите его, если упомните: стоит, это — все московское общество, «цвет» его³⁶³. Девять десятых его — либералы, а одна десятая — нет, не консерваторы и не марксисты, а декаденты. Да, Москва город очень декадентский, более Петербурга (есть целые улицы из декадентских домов). На «Монну Ванну», которая пойдет трижды (с Коммиссаржевской), 2, 3 и 4-го, уже нет билетов³⁶⁴. Когда исполнится, опишу Вам. Теперь же надо ехать к разным почтенным людям, так как в Москве «делают визиты» не на Новый год, а на Рождество. Благо тема для разговора есть — это «Новый Путь»! Новый Путь! Новый Путь³⁶⁵!

Ваш Валерий Брюсов

³⁶² Свои впечатления Рафалович передал Вилькиной в письме от 26 декабря 1902 г.: «Видел Брюсова, передал ему Ваше поручение, познакомился с его женой. Они меня увлекли в художественный клуб, где Боборыкин делал доклад о драматургах и рецензентах, вызвавший бурные прения. (...) В клубе было очень многолюдно; публика — московская, серая, странная, чужая и шумная. Знаменитости все — какие-то местные, низкопробные. Я нарочно, чтобы не дать воли своему тщеславию и подавить свое самолюбие, не возражал, хотя тема была мне достаточно известна: драматические рецензенты и рецензии, главным образом, в Париже. (...) Брюсов просил говорить; он там в комитете и восседал на эстраде» (ИРЛИ. Ф. 39. Ед. хр. 907).

³⁶³ Премьера пьесы Метерлинка «Монна Ванна» с В. Ф. Коммиссаржевской (1864–1910) в главной роли состоялась 6 января 1903 в московском театре «Аквариум». Брюсов написал о спектакле в заметке «Монна Ванна и г. Дорошевич» (см.: Новый путь. 1903. № 2. С. 191–192. Подпись: «Москвитянин»).

³⁶⁴ Скульптурное изображение Владимира Соловьева, о котором упоминает Брюсов, могло быть бюстом работы И. Я. Гинцбурга или горельефом работы Н. А. Шаховской (см. иллюстрации к публ.: «Благонамеренность не спасает от заблуждений...»: Неизданные автографы Владимира Соловьева / Статья и публ. Н. В. Котрелева // Наше наследие. 2000. № 55. С. 64, 72); почему изображение названо «симфоническим», неясно.

³⁶⁵ Первый номер религиозно-философского и литературного журнала «Новый путь» (январь 1903) вышел в свет в Петербурге в конце декабря 1902.

II.

1902. Рождество

Стараюсь представить себе, как проводите Вы сегодняшний день.

Закрываю глаза и вижу Вашу комнату с четырьмя ступенями вниз, этот камин, маленькую кушетку, «на которой нельзя прилечь», и стол, в ящик которого до времени будет брошено это письмо. С камина глядит симфонический Вл. Соловьев, со стен — полуопустив ресницы — женщины Росетти³⁶⁶. Вы — в белом. Да, вот Ваши глаза, Ваши злые губы, вот так Вы складываете руки. Я Вас очень узнаю, я Вас очень помню. Все черты и каждое движение. Но кто еще с Вами и что Вы говорите, в это самое мгновение, когда я о Вас думаю, когда я пишу свои слова. Я насилую свое воображение, вглядываюсь, вслушиваюсь. Говорите ли Вы красивые речи о стихах, или чуть-чуть бесстыдные о любви, или с Вами тот, о котором Вы мне лгали — тогда, давно, в бесконечно прошедшем? Или, может быть, Вам скучно, Вы слушаете? или пишете письмо, колющее, как маленький кинжал, отравленный змеиным ядом? А! никогда я не желал так, как сейчас, обладать даром двойного зрения, сомнамбулизма, видеть Вас воочию, войти к Вам. Я испугал бы Вас, поколебав занавеску у того ненужного окна или зашелестев бумагой на столе. Или я и не показал бы, что здесь, а стал бы у камина и смотрел бы, как Вы целуете кого-либо, и чувствовал бы, что Ваш поцелуй тоже как кинжал, и слушал бы Ваши речи и его, бессвязные, которые для меня имели бы весь бесконечный смысл мгновения. Ах, зачем все, что я говорю, будет для Вас только письмом, только неразборчивыми словами, только грудой черных кривляющихся букв! Как я умел бы все это сказать Вам, как мне нужен мой голос, мой звук слов! Можно лишь говорить или писать стихи! Проза бессильна, мерт-

³⁶⁶ Данте Габриэль Росетти (Rosetti, 1828–1882) — английский живописец и поэт, основатель «Братства прерафаэлитов».

ва, ее нет... А в Вашем камине, сжегшем мои белые ландыши, перебегают огонь.

Тускнеют угли. В полумраке
Прозрачный вьется огонек.
Так блещет на пурпурном маке
Крылом лазурным мотылек.
И лжет душа, что ей не нужно
Всего, чего безумно жаль³⁶⁷!
Ваш, все же и конечно,
Валерий

Приложение

Все затемнено успехом «На Дне». (...) И я был на дне, и все там будем. (...) Максим начал выходить на хлопанье после первого акта. Выйдет и ухмыляется. Занавес закроют, а он продолжает стоять, ждет, когда опять похлопают и его опять покажут. Я, стоя спиной к сцене, смотрел на зрительный зал. Дамы перегибались через барьеры, вытягивались, крича: Горький! — И когда раскрывшийся занавес показывал его все еще стоящим посередине сцены, они откидывались в кресло и изнемогали от наслаждения.

[Показалось мне, что] изо всех людей в России всех более обижен этим успехом П. Д. Боборыкин. Случилось мне с ним говорить на другой день после премьеры, утром, за завтраком. Он целый час бранил Горького, то умно, то неумно, то по-новому, то по трафарету; рассказывал, что это его голос был решающим при избрании Горького в Академию³⁶⁸; на мои слова, что Горький — современный

³⁶⁷ Неточная цитата (начальные и заключительные строки) из стихотворения А. А. Фета «У камина» (1856).

³⁶⁸ 25 февраля 1902 М. Горький был избран почетным академиком по разряду изящной словесности. 5 марта Николай II распорядился аннулировать избрание, и Академия наук вынуждена была признать выборы Горького недействительными. В знак протеста от звания почетных академиков отказались Короленко и Чехов.

Марлинский³⁶⁹, возразил «нет-с, милостивый государь, Марлинский был человек умный, образованный и талантливый»; — а под конец выдал себя: стал сравнивать себя и Горького — «я сорок лет работаю и написал 6080 томов, а Горький пишет всего десять лет и вдруг такие овации...»

Обидели почтенного Петра Дмитриевича и вчера, в собрании нашего Литературного клуба. Вздумалось ему читать «о вредном влиянии на развитие драмы — рецензентов»! Плохо, когда кто-нибудь ставит себя самого судьей в собственном деле, да на беду еще половина залы состояла именно из разных рецензентов. И не пощадили они «маститого». Припомнили ему его юношеские грехи, как он, рецензуя, бранил Ермолову, и то, как сам писал плохие пьесы, по справедливости осмеянные, и многое иное. Старик до того рассердился, что утратил врожденный ему дар говорить речи, стал что-то выкрикивать путаясь и сбиваясь. А добрый старик, право, хотя и написал «Накипь»³⁷⁰.

Мне на этом собрании хотелось говорить бранные слова. Я желание это испытываю всегда, когда передо мной довольная и давно обо всем согласившаяся толпа, что добро, что

³⁶⁹ Александр Марлинский (Александр Александрович Бестужев, 1797–1837) — поэт-декабрист и прозаик, пользовавшийся в 1830–1840-е исключительной популярностью. В другом сообщении об этом эпизоде Брюсов приписывает приведенную реплику М. Н. Семенову: «Семенов сказал, что Горький — современный Марлинский» (*Брюсов В.* Дневники. С. 128). Почти одновременно Горького с Марлинским сопоставляла З. Н. Гиппиус: «Нет, нет, Горький скоро поникнет; увидите. Прочитала недавно об успехе Марлинского, соответственно сопоставила (исторически) подробности — и многое поняла» (письмо к П. П. Перцову от 15 июля 1902, см.: Письма З. Н. Гиппиус к П. П. Перцову / Публ. М. М. Павловой // Русская литература. 1991. № 4. С. 145. Исправлено по автографу).

³⁷⁰ «Накипь» — комедия Боборыкина в четырех актах, изображающая декадентов и нищезанцев. Поставлена в московском Малом театре 9 октября 1902, возбудила толки в обществе. 12 октября в газете «Русский листок» появилось интервью Брюсова по поводу постановки «Накипи» (см.: *Брюсов В.* Среди стихов. 1894–1894: Манифесты. Статьи. Рецензии. С. 58–59).

зло, где правая, где левая сторона. Я встал и начал говорить, словно возражая, что вот Белинский не понимал Пушкина, Добролюбов Достоевского (верно ли это, я точно не помнил, но мне даже приятно было сказать нелепость), что Некрасов, как поэт, ничтожество (я этого вовсе не думаю), что Мережковский — великий писатель, а Михайловский, ничего не поняв в его книге, только глупо острил, что пьесы Чехова и Горького — совершенная дрянь и что вообще после Гоголя никто не писал настоящих драм, тогда как на Западе есть великие драматурги: Метерлинк, Аннунцио, Кнут Гамсун... а потом прибавил, что ни один порядочный человек в газетах писать не станет (заметьте: сам пишу). Я думал, что, по крайней мере, меня после такой речи освищут: ведь вся зала состояла из мелких либералов и газетчиков! Нет, представьте себе! Двое—трое решились произнести «ш-ш», а потом кончилось все самыми банальными аплодисментами³⁷¹.

Нет, с каждым годом все более и более приучаюсь презирать людей вообще и отдельных людей в частности.

Если встретитесь скоро с Рафаловичем (я назвал его «Вашим» только в том смысле, что он часто у Вас бывает), спросите его об этом вечере, стоит, это — вся московская жизнь. Рафаловича увлек туда, конечно, я. А где он сейчас, уехал ли, не знаю. Я после вечера как-то увлекся беседой с одной дамой, потом искал его и уж не нашел.

(...) Но кто еще с Вами, в этой комнате, и что Вы говорите. Я как-то насилую свое воображение, вглядываюсь, вслушиваюсь — и не могу видеть, не могу слышать. Да, между нами шестьсот верст, и все это письмо, которое я так сумел бы сказать Вам, для Вас будет только рядом написанных слов, черными буквами, двумя листками бумаги³⁷²!

³⁷¹ Напротив последних слов на полях запись Брюсова: «всё стерпят», развита в окончательной версии текста.

³⁷² Не исключено, что в момент написания этой фразы Брюсов принял решение о разделении письма на две части, — первоначальный текст записан на четырех листах.

В Вашем камине перебегает огонь
Тускнеют угли, в полумраке
Прозрачный вьется огонек...

....

И лжет душа, что ей не нужно
Всего, чего безумно жаль.
Но, конечно, — Ваш
Валерий Брюсов

Л. Н. Вилькина — В. Я. Брюсову³⁷³

[21.12.1902. Петербург — Москва]

Я ужасно слабая и безвольная. Я еще могу глядеть на человека, видеть его и даже дорожить им, если знаю и слышу, что ему это смертельно необходимо. Но если нет настоящей, неумолимой необходимости, то я — в своей слабости — отхожу. Не обессудьте.

Л. Вилькина

Стихи Николая Максимовича и мои в скором времени пришло. Баксту сказала — да он и вашим письмом зажегся. Вы назвали «моим» Рафаловича. Он менее, чем другие. Уж больше С. Маковский, Колышко, Арабажин, Гайдебуров, Случевский и т. д.³⁷⁴ До сегодняшнего дня в моей хрустальной вазе жили ваши ландыши — странно долго. Но сегодня я бросила их в камин и видела, как они сгорели.

³⁷³ Там же. С. 309–310. В архиве Брюсова сохранился неотправленный вариант этого письма (РГБ. Ф. 386. Карт. 70. Ед. хр. 21. Л. 5–6); далее мы приводим наиболее существенные разночтения.

³⁷⁴ В этом перечне «поклонников» Сергей Константинович Маковский (1877–1962) — поэт и художественный критик, Иосиф Иосифович Колышко (1862–1938) — публицист и драматург критик, Константин Иванович Арабажин (1866–1929) — журналист и историк литературы, Василий Павлович Гайдебуров (1866 — после 1940) — издатель и поэт Константин Константинович Случевский (1837–1904) — поэт и прозаик.

А. П. Чехов — С. П. Дягилеву³⁷⁵

[30.12.1902. Ялта]

30 декабря 1902.

Многоуважаемый Сергей Павлович.

«Мир искусства» со статьей о «Чайке»³⁷⁶ я получил, статью прочел — большое Вам спасибо. Когда я кончил эту статью, то мне опять захотелось написать пьесу, что, вероятно, я и сделаю после января³⁷⁷.

Вы пишете³⁷⁸, что мы говорили о серьезном религиозном движении в России. Мы говорили про движение не в России, а в интеллигенции. Про Россию я ничего не скажу, интеллигенция же пока только играет в религию и главным

³⁷⁵ Печатается по: Вesy. 1905. № 11. С. 4–5, где опубликовано впервые. Местонахождение автографа неизвестно. Год устанавливается по письму С. П. Дягилева от 23 декабря 1902 г. (Из архива А. П. Чехова. Публикации. Гос. библиотека СССР имени В. И. Ленина. Отдел рукописей. М., 1960. С. 211), на которое Чехов отвечает, и по упоминанию статьи Д. В. Filosofova в журнале «Мир искусства» (1902, № 11).

³⁷⁶ Статья Д. В. Filosofova была вызвана новой постановкой «Чайки» в Александринском театре. Filosofov, в частности, писал: «Успех “Чайки” на казенной сцене является очень знаменательным. Он свидетельствует о том, что период борьбы для Чехова прошел. Чехов стал драматургом-классиком, и правительственная, традиционная сцена официально признала его таковым (...) Для широкой публики значение Чехова как драматурга выявилось лишь благодаря Художественно-Общедоступному театру. Руководители последнего поняли ту связь, которая существует между пресловутым “настроением” чеховских пьес и “настроением” русской жизни. Они пригнали литературное произведение к общественному явлению, благодаря чему сила и значительность Чехова стала вдруг всем очевидной» (*Философов Д.* Театральные заметки. — 2. Чайка // Мир искусства. 1902. № 11. С. 47, 49).

³⁷⁷ Чехов имеет в виду свою работу над пьесой «Вишневы сад».

³⁷⁸ В письме от 23 декабря Дягилев сетовал: «Очень жалко, что не пришлось вновь повидаться с Вами в Москве. Нас прервали на выставке как раз в самый интересный момент: “возможно ли теперь в России серьезное религиозное движение?” Ведь это другими словами вопрос — быть или не быть всей современной культуре?»

образом от нечего делать. Про образованную часть нашего общества можно сказать, что она ушла от религии и уходит от нее все дальше и дальше, что бы там ни говорили и какие бы философско-религиозные общества ни собирались. Хорошо это или дурно, решить не берусь, скажу только, что религиозное движение, о котором Вы пишете, — само по себе, а вся современная культура — сама по себе, и ставить вторую в причинную зависимость от первой нельзя. Теперешняя культура — это начало работы во имя великого будущего, работы, которая будет продолжаться, быть может, еще десятки тысяч лет для того, чтобы хотя в далеком будущем человечество познало истину настоящего бога — т. е. не угадывало бы, не искало бы в Достоевском, а познало ясно, как познало, что дважды два есть четыре. Теперешняя культура — это начало работы, а религиозное движение, о котором мы говорили, есть пережиток, уже почти конец того, что отжило или отживает. Впрочем, история длинная, всего не напишешь в письме.

Когда увидите г. Философова, то, пожалуйста, передайте ему мою глубокую благодарность. Поздравляю Вас с новым годом, желаю всего хорошего.

Преданный А. Чехов.

В. В. Розанов — П. П. Перцову³⁷⁹

[31.12.1902. СПб.]

Дорогой Петр Петрович. В понедельник (т. е. вчера) появился очень сочувствующий фельетон о №1 «Нового Пути» Григория Спиридоновича Петрова³⁸⁰, — в «Русском

³⁷⁹ Печатается с комментариями по: *Гончарова*, 2015. С. 140–141.

³⁸⁰ Либеральный священник Григорий Спиридонович Петров (1868–1925) был широко известен своими публичными выступлениями и книгами духовно-нравственного содержания. Извлекая из евангельского учения идеалы праведной жизни, критиковал многие стороны современности.

Слове»³⁸¹ в Москве (изд. Сытина), и нужно там немедленно сделать объявление (31.000 подписчиков).

Ваш В. Розанов.

Сигма, к сожалению, собирается ругать: нелепые, мальчишеские придирки: разве «русский», да еще «член Русского собрания»³⁸², может не ругать чего-нибудь, что без него началось, хамы. Ваш В. Розанов.

С Новым годом и с новым счастьем!

Напрасно Вы на Петрова сердились: он, во всяком случае, порядочный, а ведь Русь полна невешаными собаками. Хамская страна.

Получена ли Вами большая рукопись Енишерлова³⁸³? Какова? Завтра заберите

На второе издание популярной книги свящ. Петрова «Евангелие как основа жизни» (СПб., 1898) Розанов откликнулся статьей «Религия как свет и радость» (Новое время. 14 (27) апреля 1899. № 8301. С. 2–3; *Розанов В. В.* Собрание сочинений. Около церковных стен. С. 21). В 1906 г. свящ. Григорий Петров был сослан в Черемнецкий Иоанно-Богословский монастырь около Луги, а в 1908 г. лишен сана.

³⁸¹ Хвалебный фельетон «Новый путь» о первом номере журнала был опубликован в газете «Русское слово» и подписан псевдонимом «Незнамов», принадлежавшем свящ. Гр. Петрову (Незнамов (Русский) «Новый путь» // Русское слово. 30 декабря 1902 (12 января 1903). № 359. С. 2). Главный интерес, по мнению автора статьи, представляют «Записки религиозно-философских собраний». А самой сильной статьей журнала названа «Записка В. В. Розанова», помещенная в этом разделе.

³⁸² Статья Сигмы «Дома» о появлении нового журнала в целом была положительная. По мнению Сигмы, вопрос об общественной роли церкви, поставленный журналом, являлся хорошим делом (См.: Новое время. 5 (18) января 1903. № 9640. С. 2.) Сигма — псевдоним одного из ведущих журналистов «Нового времени» С. Н. Сыромятникова (1864–1933), который в 1900–1901 г. был одним из активных организаторов «Русского собрания». Источник: *Масанов И. Ф.* Словарь псевдонимов русских писателей, ученых и общественных деятелей в 4 томах. Т. 3. М., 1958. С. 112.

³⁸³ Георгий Петрович Енишерлов (1851? — 1913) — участник заговора С. Г. Нечаева в составе «Общества народной расправы», был арестован в марте 1869 г. Отбывал одиночное заключение в Петропавловской крепости до конца 1871 г. Находился под надзором полиции до 1887 г.

М. Горький о Л. Н. Толстом и книге Л. Шестова³⁸⁴

[А. М. Горький передает свои беседы с Толстым об этой книге в своих воспоминаниях]

Помню — в Гаспре³⁸⁵, после выздоровления, прочитав книжку Льва Шестова «Добро и зло в учении Нитше и графа Толстого», Толстой сказал, в ответ на замечание Антона Павловича Чехова, что «книга эта не нравится ему»:

— А мне показалась забавной. Форсисто написано, а ничего, интересно. Я ведь люблю циников, если они искренние. Вот он говорит: «Истина — не нужна», и — верно: на что ему истина? Все равно — умрет.

И, видимо, заметив, что слова его не поняты, добавил, остро усмехаясь:

— Если человек научился думать, — про что бы то ни думал, — он всегда думает о своей смерти. Так все философы. А — какие же истины, если будет смерть?

Далее он начал говорить, что истина едина для всех — любовь к Богу, но на эту тему говорил холодно и устало. А после завтрака, на террасе, снова взял книгу и, найдя место, где автор пишет: «Толстой, Достоевский, Нитше не могли жить без ответа на свои вопросы, и для них всякий ответ был лучше, чем ничего»³⁸⁶, — засмеялся и сказал:

Вероятно, речь идет о статье Г. П. Енишерлова для «Нового пути». 26 декабря 1902 г. Енишерлов писал Розанову: «Кто такой Перцов и каков Ваш журнал — я определенного понятия не имею» (РГАЛИ. Ф. 419. Оп. 1. № 451. Л. 49). Статья не была напечатана в журнале, и Енишерлов писал Розанову: «Я рад, что г. Перцов ее забраковал (...) ознакомившись в настоящее время с журналом г. Перцова, я благодарю создателя, не сподобившего меня стать сотрудником такого (...) органа» (Там же. Л. 56).

³⁸⁴ Печатается по: Баранова-Шестова, 1983. С. 106–107.

³⁸⁵ Толстой жил в Крыму, в Гаспре, с сентября 1901 г. до июня 1902 г. Описанные беседы, вероятно, относятся к апрелю 1902 г. Горький тогда жил в Олеше и часто виделся с Толстым. В своих дневниках Толстой об этих беседах не упоминает.

³⁸⁶ См.: Шестов Л. И. Добро в учении гр. Толстого и Ницше. СПб., 1900. С. 204.

— Вот какой смелый парикмахер, так прямо и пишет, что я обманул себя, значит, — и других обманул. Ведь это ясно выходит...

Сулер³⁸⁷ спросил:

— А почему — парикмахер?

— Так, — задумчиво ответил он, — пришло в голову, модный он, шикарный — и вспомнился парикмахер из Москвы на свадьбе у дяди-мужика в деревне. Самые лучшие манеры и лянсье пляшет, отчего и презирает всех.

Этот разговор я воспроизвожу почти дословно, он очень памятен мне и даже был записан мною, как многое другое, поражавшее меня...

Но — далее, по поводу Шестова:

Нельзя, говорит, жить, глядя на страшные призраки³⁸⁸, — он-то откуда знает, лзя или нельзя? Ведь если бы он знал, видел бы призраки, — пустяков не писал бы, а занялся бы серьезным, чем всю жизнь занимался Будда.

Заметили, что Шестов — еврей. Ну, едва ли, — недоверчиво сказал Лев Николаевич. — Нет, он не похож на еврея; неверующих евреев — не бывает, назовите хоть одного... нет³⁸⁹!

³⁸⁷ Леопольд Антонович Сулержицкий (1872–1916) — режиссер Московского Художественного театра, близкий знакомый и последователь учения Л. Толстого.

³⁸⁸ См.: *Шестов Л.* Добро в учении гр. Толстого и Ницше. С. 205.

³⁸⁹ Беседа с Фонданом об этих воспоминаниях Горького, Шестов заметил: «По-моему, Толстой прочел только первые главы, относящиеся к нему. Ницше его не интересовал. Иначе он бы не сказал: Шестов еврей, как же еврей может обойтись без Бога? — Ведь в заключении книги я же пишу: Нужно искать Бога!» (*Фондан Б.* Разговоры с Шестовым. С. 97). Беседа относится к 1935 г.; по-видимому, Шестов не помнил, что мысли, на которые обратил внимание Толстой, взяты не из первых глав книги, а из последней.

ВЗЫСКУЮЩИЕ ГРАДА 1903 год

Л. И. Шестов — родным¹

[Б. д. Декабрь 1902 — январь 1903. Киев]

[В Петербурге на меня нападали]² за «Юлия Цезаря»³. И вообще, нападали и в Петербурге, и здесь, в Киеве. Это, представь себе, под конец утомляет и раздражает, так что начинаешь избегать литературных знакомств. Здесь в Киеве даже неловко вышло. В литературном артистическом обществе был доклад о З⁴. Собралась вся литература киевская: профессор Булгаков, Бердяев, Водовозов, Ратнер⁵ и др. Меня очень просили остаться ужинать, но я отказался — не хоте-

¹ Печатается по: *Баранова-Шестова*, 1983. С. 56–57.

² Начало письма не сохранилось. Восстановлено составителем 1-го издания.

³ Впервые опубликовано в виде приложений к «Апофеозу беспочвенности» СПб.: Общественная польза, 1905. Позже статья будет опубликована: *Юлий Цезарь* / Пер. П. Козлова. С предисл. Л. Шестова // *Шекспир В.* Полное собрание сочинений. Т. 3. СПб., 1903. С. 146–210. (Библиотека великих писателей под ред. С. А. Венгерова.)

⁴ Вероятнее всего, темой доклада был труд профессора Киевской духовной академии В. Завитневича «Алексей Степанович Хомяков» (Т. I. Киев, 1902, докторская диссертация). Владимир Зенонович Завитневич (1853–1927) — археолог, историк, писатель, профессор Киевской духовной академии по кафедре русской гражданской истории. По своим политическим взглядам принадлежал к «левому крылу», чем вызывал недовольство официальной церковной верхушки, в 1910 г. был вынужден уйти в отставку, однако продолжал бесплатно читать лекции.

⁵ Марк Борисович Ратнер (1871–1917 — писатель, публицист, общественный деятель, сотрудник «Русского богатства». Опубликовал книгу «Аграрный вопрос и социал-демократия» (М., 1908).

лось. Только потом сообразил, что, может быть, сочтут мой отказ за гордость. Когда меня не было [нрзб] если бы я был, верно, взялись бы за меня. А я теперь уже почти не выношу споров, особенно литературных. Сколько меня подбивали принять участие в прениях по поводу разного рода докладов — я тверд как скала, все отказывался. Сейчас приготавливаю статью о книге Мережковского. Если бы хорошо написать ее — то может выйти очень и очень интересно, так как Мережковский касается всевозможных, большей частью очень важных, вопросов и трактует их с точки зрения, по моему взгляду, неправильной. Вот бы [нрзб] его как следует. Но это очень трудно, и я боюсь, что статья не выйдет. Жаль будет, [нрзб].

Когда я не вижу людей, когда я читаю книги знаменитых писателей, мне начинает представляться вся моя деятельность ничтожной, ненужной, плоской, пустой. Но вот съездил в Петербург, увидел там писателей, потом в Киеве познакомился, как я тебе писал, кой с кем и убедился, что все люди, все слабы, а стало быть, я не вправе мечтать о всезнании и всемогуществе. Всезнающ и всемогущ один Бог, а некоторые считают, что и Бог не всемогущ, а только всезнающ. Нельзя себя измерять меридианами, нужно брать обыкновенный аршин...

У меня теперь масса всяческих литературных затей: примиряю киевскую литературу с петербургской. Ты знаешь, что с нового года выйдет журнал под названием «Новый путь» (сколько нового!). Устроитель Мережковский. Меня тоже туда очень зовут, но с меня достаточно «Мира искусства», и я только так, чтобы не обидеть отказом, обещал от времени до времени писать кое-что [нрзб] Но теперь пытаюсь привести туда киевскую литературу — и я хлопочу. Пристроил в «Мир искусства» Варвару Григорьевну⁶, а теперь ее же хочу и в «Новый путь».

⁶ Варвара Григорьевна Малахиева-Мирович (1869–1954) — поэтесса, переводчица, мемуаристка.

Из «Вестника Европы»⁷ получил за продажу книги 170 руб., но «Мир искусства» еще не заплатил мне... Обещает не позже первого января прислать все. (Мне следует ровно 500 руб.) Первые 500 руб. мне были высланы аккуратно и к сроку. Из Киева я тебе вышлю 300 руб. (150 за декабрь и январь и 150 из «Вестника Европы»).

В. В. Розанов — П. П. Перцову⁸

[11.01.1903. СПб.]

Дорогой Петр Петрович! Интересное о «Новом пути» — письмо. Есть жесткие 2–3 строки о Вас, но уж редактор «назвался груздем — полезай в кузов». Надо ему ходить в носороговой шкуре. Но остальное и особенно рассуждение — интересно.

Ваш

В. Розанов

Посылаю Вам весь материал «Угла». Дурак Величко не принял статью о похоронах Гурчина «Церковь “прежде почивших” и церковь живых» — где я говорю, что и живые имеют право голоса и их нельзя связывать решением Лаодикийского собора в желании помолиться⁹. Он написал мне, что «не политично тревожить покой Вильны и со-

⁷ Издательство Стасюлевича.

⁸ Печатается с комментариями по: *Гончарова*, 2015. С. 141.

⁹ Поводом для статьи «Церковь “прежде почивших” и церковь живых» послужили события, связанные с похоронами командующего Виленским округом генерала А. В. Гурчина (1833–1902), героя русско-турецкой войны (1877–1878). Генерал был католиком по вероисповеданию. Этот факт и послужил поводом к запрету православной панихиды по генералу. Инцидент произвел тягостное впечатление на русских военных. Розанов писал, что правило Лаодикийского собора неправильно применили, поскольку генерал был инославным, а не иноверцем для православных (Новый путь. 1903. № 2. С. 230; *Розанов В. В.* Собрание сочинений. Около церковных стен. С. 357–365).

блазнительно роптать хотя бы на секретаря Виленского пастуха»¹⁰. Эти атеисты бывают «политики ради» хуже Аскоченского¹¹. Я думаю, о Гурчине у Вас пройдет для марта: осторожно и многоталантливо написана.

А. В. Ельчанинов — П. А. Флоренскому¹²

[14.01.1903. СПб. — Москва]

Я вчера получил твою статью¹³, дорогой Павлуша, и сейчас же проглотил ее с большим удовольствием. Конечно, я отнесу ее к Мережковскому, и очень скоро, так как буду у него на днях. Я, признаться, пожалел его немного: ведь почерк у тебя убийственный, а тут ты писал даже неразборчивее, чем в своих письмах (местами, правда), но если он разберет твои иероглифы, то, конечно, будет вполне вознагражден за труд. Ты просил сообщить тебе мое мнение об этой статье (кстати, я, конечно, не позволил себе что-нибудь вычеркивать, исправлять у тебя и прочее, кроме описок, вроде пропущенных запятых, частиц и так далее). Я, мне кажется, вполне принимаю то, что написано у тебя. Но только у меня всплыли некоторые сомнения, которые я здесь изложу, хотя, быть может, они уже разрешатся в кон-

¹⁰ В. Л. Величко, редактор журнала «Русский вестник», отказался печатать статью «Церковь “прежде почивших” и церковь живых» из политических соображений. В письме к Розанову от 8 января 1903 г. он предложил направить статью, в которой критиковался М. И. Врублевский, секретарь виленского и литовского архиепископа Ювеналия, в Синод, «или всем епископам России, на правах рукописи; в журнале же она менее полезна, чем вредна» (цит. по: Розановская энциклопедия. М., 2008. С. 188).

¹¹ Виктор Ипатьевич Аскоченский (Оскошный? 1820–1879) — редактор-издатель православного журнала «Домашняя беседа» (1858–1877), воплощавший собой для Розанова тип религиозного ханжества.

¹² Печатается с комментариями по: Павлюченков, ВПСТГУ 2010/4. С. 105.

¹³ Речь идет о статье «О суеверии и чуде». Под названием «О суеверии» опубликована в: Новый путь. 1903. № 8. С. 91–121.

це моего письма. Что в каждом восприятии даны три момента — я вполне согласен, но можно ли утверждать, что два из этих моментов каждым субъектом приурочиваются к дьявольской и Божественной силам? Я могу представить лицо, которое оценивает предметы, но совершенно не имеет в ощущениях этих категорий; таковы — большинство наших так называемых интеллигентных людей. Они смело говорят — «это хорошо», «это плохо», они говорят, например, что события нашего времени насквозь «недолжны», но ведь у них и следа нет суеверного чувства, то же самое и обратно. Следовательно, в восприятии может утверждаться, что-нибудь должно или нет, но все же оно не будет ни суеверным, ни религиозным и чудесным. Может быть, ты подразумеваешь, что это будет в том случае, когда оценка будет вполне отчетливой и осознанной до конца? Не думаю. Если это так, если восприятие может быть а) научным, в) религиозным, с) суеверным, но также и другим (вероятно, тогда, когда силы, производящие должное или не должное, не ипостазированы, что бывает очень часто), тогда твои три рода мировоззрения теряют свою всеобщность и необходимость для всякого сознания. Впрочем, может быть, я не понял чего-нибудь, ты только не раздражайся и не пиши мне злых писем, а то опять отобьешь у меня охоту писать на месяц. Ты представить не можешь, как меня поразило твое письмо, когда ты вздумал обвинять меня в разных грехах, которые и во сне мне не снились. Ты, я думаю, согласишься, если я скажу, что вздумал сравнить нашу переписку с перепиской Ольденбурга и Спинозы, совсем не имея в виду твоего письма, я даже забыл тогда о твоем делении умов на аналитиков и синтетиков, причем ты себя относил к Спинозскому типу мышления. Тем печальнее твой злостный тон и мое глубокое удивление, а потом прямо-таки негодование на твою подозрительность и приемы судебного следователя по отношению к друзьям. Я не писал, потому что боялся, что не выдержу и разругаюсь. Но все это давно прошедшее: из него — мне урок, писать так, чтобы тебе

не к чему было придрататься, а тебе — быть попроще в иных случаях и меньше фантазировать.

О сыне Бугаева¹⁴ я слышал здесь как об очень интересном господине, занимающемся чуть ли не практической магией. Если ты напишешь о нем, я буду очень благодарен. Пока прощай.

Твой А. Е. СПб. 1903. I/14.

Л. И. Шестов — Б. Фондану¹⁵

(...) Мы вместе в Киеве праздновали новый год в 1900¹⁶. В эти годы, выпивши немного, я становился задирой. Мои друзья знали эту слабость и всегда находили способ меня подпоить. В этот вечер Бердяев сидел рядом со мной. Я дразнил его невероятно, вызывая взрывы общего хохота. Но когда мой хмель прошел, я сообразил, что Бердяев, вероятно, обижен. Я извинился перед ним и предложил выпить на брудершафт. Кроме того, я просил его, для доказательства, что он простил, зайти ко мне на следующий день. Он пришел. Так началась наша дружба. Никогда мы не были согласны. Мы всегда сражались, кричали, он всегда упре-

¹⁴ Борис Николаевич Бугаев (1880–1934) — сын профессора математики Московского университета Н. В. Бугаева (1837–1903), известный под литературным псевдонимом как Андрей Белый. Один из самых близких друзей Флоренского в юности, вместе с ним посещал еп. Антония (Флоренсова) и первоначально искал монашества. В 1903 г. окончил физико-математический факультет Московского университета и организовал литературный кружок («Аргонавты»), В 1912 г. в Берлине познакомился с Р. Штайнером и с 1914 г. в швейцарском городке Дорнах участвовал в строительстве антропософского «храма» — «Гётеанума». В 1916 г. в связи с призывом на военную службу вернулся в Россию. Вновь посетил Швейцарию в 1921–1923 гг., скончался в Москве 8 января 1934 г.

¹⁵ Печатается с комментариями по: *Баранова-Шестова*, 1983. С. 58.

¹⁶ Дата, указанная Фонданом, по-видимому, ошибочна: Шестов и Бердяев встречали вместе в Киеве 1903 год (см. письмо к жене, январь 1903).

кал меня в шестовизации авторов, о которых я говорю. Он утверждал, что ни Достоевский, ни Толстой, ни Киркегард никогда не говорили того, что я заставляю их говорить. И каждый раз я ему отвечал, что он оказывает мне слишком большую честь и если это действительно я изобрел то, что утверждаю, то я должен был бы раздуться от тщеславия. (...)

Жаль, что он так сдавлен немецкой философией. Только потому, что я не изучал философии в Университете, я сохранил свободу духа. Мне всегда ставят в упрек, что я цитирую тексты, которые никто не цитирует, и нахожу заброшенные тексты. Возможно, если бы я проходил курс философии, я цитировал бы только разрешенные тексты. Вот почему все цитаты я привожу в оригинале — латинском или греческом. Чтобы не сказали, что я их «шестовизирую».

А. В. Ельчанинов — П. А. Флоренскому¹⁷

[16.01.1903. СПб. — Москва]

Дорогой Павлуша! Перечел я еще раз твою статью, и мне показалось, что в конце концов ты покидаешь свою точку зрения, чисто критическую, и делаешь некоторые догматические утверждения. Ты пишешь, что опасность оккультизма в том, что он живет, пока недолжное воспринимается как таковое; но как скоро «он начинает относиться к злему, как к должному, то самое занятие становится делом Нечистого», но ведь в этом, последнем случае восприятие перестает быть суеверным (так как суеверно восприятие чего-нибудь как недолжного) и становится религиозным, так как воспринимает предмет как должное, следовательно, относит его к Божественной силе. Ведь объективно злого и объективно доброго ты еще не имеешь права утверждать, пока стоишь в области только восприятия. Следовательно, нельзя также говорить и о личине доброго, которую принимает на себя злое —

¹⁷ Печатается по: Павлюченков, ВПСТГУ 2010/4. С. 105.

[насчет которого] опять-таки можно говорить только о том, как воспринимается что-либо, а не о том, что есть сила сама по себе и какую личину она принимает.

А. Е.

Л. И. Шестов — жене¹⁸

[*Январь 1903. Киев*]

(...) Я этот месяц занимался. Написал довольно большую статью о Мережковском. Я не жалею, что потратил месяц: мне было полезно выяснить себе самому кой-что, очень меня беспокоившее. Теперь как будто разобрался. Боюсь одного: может быть, статья покажется слишком резкой редакции — не поссориться бы из-за этого. Хотя я в Петербурге и предупреждал, что 2-й том Мережковского мне не нравится и даже вперед почти все рассказал, что напишу. На днях имел письмо от Дягилева: настойчиво просит поторопиться с присылкой статьи. Но все-таки я не уверен, что решится напечатать. А если откажется, пропала работа и 125 руб. денег. Досадно будет. Познакомился с киевской литературой — Булгаковым, Бердяевым, Ратнером и так далее. Даже вместе Новый год встречали. Если бы ты меня видела! Я здорово выпил и потешал все общество. Со мной это бывает редко, но бывает, особенно в тех случаях, когда есть шампанское. С Бердяевым и Водовозовым «на ты» выпили. И чего только я им не говорил! Но ничего — не сердились. Бердяев даже на другой день пришел ко мне, и мы с ним часов 5 профилософствовали. Он хороший, симпатичный малый. Может быть, мы с ним в Швейцарии встретимся — я познакомлю тебя с ним. Он тебе, наверное, понравится.

¹⁸ Печатается по: *Баранова-Шестова*, 1983. С. 56–57. Б. д. Письмо было, вероятно, написано в Киеве, в январе 1903 г., так как статья о Мережковском, о которой упоминает Шестов, была опубликована в: *Мир искусства*. 1903. № 1–2.

В. В. Розанов — П. П. Перцову¹⁹

[19.01.1903. СПб.]

Дорогой Петр Петрович! От Ковнера²⁰ пришло согласие на печатание выдержек из его письма, только просит подписать инициалами, а не полной фамилией: А. К. или А. Г. К.²¹, Филевскому²² на всякий случай сегодня посылаю оттиск корректуры его письма, с просьбой вернуть сей-

¹⁹ Печатается с комментариями по: *Гончарова*, 2015. С. 141–143.

²⁰ См. примеч. к письму Философова Розанову от 18.11.1903. — *В. К.*

²¹ Отношения между Розановым и А. Г. Ковнером начались в феврале 1901 г., когда Ковнер написал письмо, в котором обсуждалась статья Розанова «Замечательная еврейская песнь» (Исторический вестник. 1901. № 2). Вероятно, в письме имеются в виду выдержки из писем Ковнера к Розанову. Попытка Розанова опубликовать в «Новом пути» письма и рассказы Ковнера не увенчалась успехом. В июле 1903 г. Д. В. Философов вернул письма Ковнера Розанову, сопроводив негативной оценкой: «Вам он может быть полезен как гебраист, имеющий сведения. (...) Он Вас абсолютно не понимает. Ваша связь чисто внешняя» (НИОР РГБ. Ф. 249. М. 3871. № 7).

²² В февральском номере «Нового пути» в разделе «В своем углу» было опубликовано одно письмо священника Иоанна Филевского (1865–1925), профессора Харьковского университета, участника Религиозно-философских собраний (Новый путь. 1903. № 2. С. 150–152). Свящ. Филевский был приверженцем ортодоксального православия, оппонентом Розанова по вопросам брака. К письму священника Розанов сделал примечание, содержащее характеристику Филевского: «Ум пламенный, сообразительный (...), вместе робкий и несколько уклончивый. (...) Отец И. Филевский пуглив и вместе как-то уклончив ласкающим своим языком, каждый куплет которого кончается присказкою: “посиди на месте”. Певчий талант Филевского ведет к застою» (Там же. С. 150). Переписка Розанова со свящ. Филевским началась в 1901 г. после публикации в «Новом времени» статей об итальянском путешествии писателя. В письме в редакцию «Нового времени» Филевский критиковал отношение Розанова к католицизму и не соглашался с укорами православию в аскетизме, монашестве. Филевский писал о «страшных заблуждениях Розанова по религиозным и, в частности, церковным вопросам» (Из переписки свящ. И. Филевского // Новый путь. 1903. № 4. С. 119).

час. В свое время сей осторожный попик просил давать ему предварительно на просмотр; так что, если можно, подождите пускать к отпечатанию «2.400»²³. Вот что не забудьте: перед библиографией или, еще лучше, после нее сейчас (см. «Вестник Европы») поместите «Список книг, присланных в редакцию для отзыва». — Бедные авторы и этим довольствуются (ведь никто их не читает, не разбирает!), — а для журнала это имеет вид оживления, да и вообще «вид». А это — паспорт к карману. — Да вот еще что: где Вы думаете поместить о похоронах Гурчина? Хорошо бы «в своем углу», а то — жидко. Мне думается, порядок бы такой:

- 1) предисловие (не петитом ли?)
- 2) LX годы
- 3) О Гурчине
- 4) Накануне религиозно-философских собраний
- 5) Письма Устьянского, Филевского, Бухаревой²⁴.

Ведь это все не больше 2½ листов. — Тогда «угол» будет великолепный, большой, сочный, разнообразный. — Перевалило ли подписчиков за 1 000? —

У меня чувство: «на всех парах». Петров 2-ую беседу вел в четверг о «Новом пути»²⁵. Видно, лисичку занимает виноград. —

²³ Тираж «Нового пути».

²⁴ Не все из перечисленного в письме было напечатано в разделе «В своем углу» февральского номера «Нового пути». В этот раздел вошли: предисловие «От автора», статья «Шестидесятые годы и “утилитарная критика”», а также пять писем протоиерея А. Устьянского и одно письмо священника И. Филевского (Новый путь. 1903. № 2. С. 142–152). Статья о похоронах генерала Гурчина «Церковь “прежде почивших” и церковь живых» была напечатана в разделе «Религиозно-философская хроника». В журнал не были включены заметка Розанова «Накануне Религиозно-философских собраний» и письма А. С. Бухаревой к Розанову.

²⁵ Речь идет об одной из бесед священника Гр. Петрова, проводившихся по четвергам в церкви Великого князя Александра Невского при Михайловском артиллерийском училище в Петербурге. Судя по письму Розанова, эта беседа состоялась 15 января 1903 г. Гр. Петров служил в училище законоучителем, а также был настоятелем церкви при учи-

А вот на всякий случай: подпишите письмо Филевского: священник И. Ф. Тут и протестовать не стоит, или — слегка.
Ваш любящий В. Розанов

А. В. Ельчанинов — П. А. Флоренскому²⁶

[22.01.1903. СПб. — Москва]

Может быть, напишешь мне, если уж не очень будет тяжело тебе, о том, как прошел у вас акт и вообще Татьянин день. Свою статью о Сперанском²⁷ я кончил, и когда перепису, отнесу Мережковскому вместе с твоей. Пока я писал о нем, я прямо влюбился в него. Теперь я ищу по городу его портрета христианства.

А. Е.

[На обороте конверта:]

Ты ничего не писал мне о вашем чайно-фантастическом вечере (синтез того, что не мог соединить сам Гофман). Если ты напишешь мне о планах и занятиях, то мне будет интересно. На твои оба письма отвечу немного после — сейчас занят.

А. Е.

лище (1893—1903). Розанов неоднократно бывал на выступлениях священника. Так, весной 1902 г. он присутствовал на одной из таких встреч священника Гр. Петрова: «Можно без преувеличения сказать, что вовсе не Толстой и Максим Горький одни царят на книжном рынке, но и священник Петров — любимейший в Петербурге проповедник, любимый и черным народом, и собирающий огромную образованную, даже часто ученую и литературную толпу на свои четверговые собеседования при церкви Артиллерийского училища» (Новое время. 27 марта (8 апреля) 1902. № 9361. С. 3; *Розанов В. В.* Собрание сочинений. Около церковных стен. С. 304).

²⁶ Печатается с комментариями по: *Павлюченков*, ВПСТГУ 2010/4. С. 106.

²⁷ См.: *Ельчанинов А. В.* Мистицизм М. М. Сперанского (Историко-психологический очерк) // *Новый путь*. 1903. № 2. С. 106—127. С предисловием П. Ф. переиздано в: *Богословский вестник*. 1906. № 1. С. 90—123; № 2. С. 207—245.

Ты не пишешь, как тебе понравился 1-й № «Нового пути». Я в восторге от статьи Мережковского. У него удивительно широкое поле зрения, что дает ему возможность сразу видеть очень много и находить в этом многом общее. Был я на днях у него и дал твою статью. Когда он прочтет, сообщу последствия.

В. В. Розанов — П. П. Перцову²⁸

[23.01.1903. СПб.]

Дорогой Петр Петрович!

Анна Сергеевна Бухарева²⁹ прислала письмо с просьбою: исключить имя Лаврского, госпожи Лебедевой, Потаниной³⁰, вообще чужие собственные имена, опубликование каковых может ее привести к ссоре с ними; и затем оба письма отнести к одному 1-му моему фельетону о ее муже³¹; оказывается, рассуждение о Троице и Боге Отце выявило ее недовольствие³² и недовольствие почитателей ее мужа, которые мне хотят возражать. Вероятно, они думают, что «учение о Троице известно было и Бухареву»: конечно — известно,

²⁸ Перепечатано с коммент. из: *Гончарова*, 2015. С.143.

²⁹ Анна Сергеевна Бухарева (урожд. Родышевская, 1839 — после 1914) — вдова архимандрита Феодора (А. М. Бухарева). — *В. К.*

³⁰ В письме к Розанову от 20.01.1903 А. С. Бухарева просила Розанова исключить слова, которые могут задеть г-жу Е. А. Лебедеву, оставившую воспоминания о А. М. Бухареве: «Это могло бы обидеть ее и вконец испортить наши отношения. Прошу еще не называть полной фамилией протоиерея Лаврского» (НИОР РГБ. Ф. 249. М. 4195. № 1. Л. 8). Речь в письме идет о священнике Валериане Викторовиче Лаврском (1835–1918), любимом ученике А. М. Бухарева, старшем брате Александры Викторовны Потаниной (1843–1893), путешественницы, исследователя малоизвестных районов Центральной Азии.

³¹ Имеется в виду первая часть статьи Розанова «Интересный эпизод нашей умственной жизни» (Новое время. 12 (25) декабря 1902. № 9618. С. 2).

³² Речь идет о размышлениях Розанова о Троице во второй части статьи «Интересный эпизод нашей умственной жизни» (Новое время. 17 (30) декабря 1902. № 9623. С. 2).

да не так. Во всяком случае, ее мне печатные благодарности за 2-ой фельетон были бы в противоречии с устным частичным неудовольствием, и вот оттого она просила писать только о 1-ой; а между тем письмо-то ее, по воспоминаниям о муже, и интересно 2-ое. Прошу очень, мой дорогой, дать мне корректуру ее писем: я их редактирую и соединю в одно. Филевский просил подписать его письмо: священник Иоанн Филевский. Пожалуйста — и это исполните. А то вообще эти духовные ужасно обидчивы: «камилавкой обидели»³³. Это для них важнее царства небесного. Они «терновые венцы» лютуют только на других. Ну, Ваш В. Р. —

Посылаю письмо Бухаревой.

И. И. Щукин — Вяч. И. Иванову³⁴

[26.01 / 8.02.1903. Париж — Женева]

8 февраля 1903

Многоуважаемый

Вячеслав Иванович,

Очень приятным для меня сюрпризом была упавшая ко мне кормчая звезда³⁵, указавшая наконец, где искать Вас. Серьезно, Ваша любезная присылка доставила мне большое

³³ Камилавка — головной убор в православной церкви фиолетового или черного цвета в виде расширяющегося кверху цилиндра, является также наградой для священников.

³⁴ Иван Иванович Щукин (1869–1908) — профессор филологии, искусствовед, коллекционер. Печатается с комментариями по: *Богомолов Н. А.* Вячеслав Иванов в 1903–1907 годах. Документальные хроники. М., 2009. (Далее: *Богомолов*, 2009). С. 60. Написано на бумаге с адресом Щукина: 91, avenue de Wagram.

³⁵ Судя по этому письму, поводом для него послужило получение первой книги стихов Иванова «Кормчие звезды», вышедшей на границе 1902 и 1903 гг. Характерно, что Щукин предлагает Иванову прочитать лекции по тому предмету, который был в центре его внимания в годы учения в Берлинском университете и последующей подготовки диссертации, посвященной экономической истории Древнего Рима. Очевидно, он еще не знал о том, что интересы Иванова претерпели серьезные из-

удовольствие, и от всей души шлю Вам самое теплое спасибо. Очень было приятно мне узнать также, что мы теперь почти соседи, и эта близость дает мне смелость обратиться к Вам с нижеследующим предложением: не согласитесь ли Вы приехать в Париж, чтобы прочесть в нашей Русской школе³⁶ какой-либо цельный курс (не менее 10 лекций) по истории античного мира? В нашей программе на первом плане стоит экономика — затем государственные науки и юриспруденция. Так вот, если бы Вы приняли на себя труд прочесть что-либо из экономической, государственной или правовой истории классической древности, а? Но если сие Вам не улыбается, то по философии, культурной истории Эллады или Рима, вообще, что Вам ближе и симпатичнее. Большинство (80% — 90%) слушателей древних языков не знают.

И еще: в случае Вашего согласия на сие, Школа согласилась бы, вероятно, взять на себя издержки по Вашему проезду сюда. Если бы Вы мне разрешили, я вошел бы с представлением об этом в наше Правление. И наконец, последний пункт: чем скорее Вы соберетесь, тем лучше.

В ожидании Вашего ответа, — говорю еще раз Вам спасибо — и надеюсь, — до скорого свидания здесь в Париже.

Преданный Вам

Ив. Щукин

И. М. Гревс — Л. Д. Зиновьевой-Аннибал³⁷

[28.01 / 10.02.1903. СПб.]

Каменноостровский проспект 24.

28 января 1903.

менения и, по крайней мере с 1901 г., он серьезно занимается проблемами греческой религии.

³⁶ См. новейшую работу с подробной библиографией: Гутнов Д. Русская высшая школа общественных наук в Париже (1901–1906). М., 2004.

³⁷ Печатается с комментариями по: Переписка Гревса и Вяч. Иванова. С. 254.

Дорогая Лидия Дмитриевна

Все дни стремлюсь к Вам, но опять хвораю — еле сил хватает ходить по обязанностям. Очень хочу повидать Вас. Да не знаю положительно, как время найти. Напишите, пожалуйста, как Ваше здоровье, выходите ли Вы и, если да, когда можно застать Вас. А, может быть, если Вы поправились, то сами приедете к нам. Черкните обо всем этом два слова. Сейчас едва пишу, вернувшись с целого дня трудных занятий.

Душевно преданный Вам

Ив. Гревс.

А. В. Ельчанинов — П. А. Флоренскому³⁸

[29.01.1903. СПб. — Москва]

Я имею очень многое написать тебе, дорогой Павлуша, не знаю только, хватит ли охоты. Но прежде всего — дела: 1) твое письмо Мережковскому я отправил (он не Давид, а Дмитрий), его адрес Литейный переулок, д. 24, кв. 33. 2) Твою статью я давно уже дал ему; ее теперь читает Перцов, а Дмитрий Сергеевич сказал мне вчера, что она, кажется, подходит. Я познакомился со многими лицами, близкими редакции, и с их делами, и у меня одно доминирующее впечатление — «жидко»; это очень тяжело, но это так — Дми-

Ответ Зиновьевой-Аннибал неизвестен.

Письмо написано во время краткосрочного приезда Зиновьевой-Аннибал в Петербург; увидаться с ней Гревсу не удалось. В архиве к этому письму отнесен конверт, адресованный в Женеву на имя Иванова, со шт. гашения в Петербурге 31 января 1903 г.; адрес написан неизвестной нам рукой — если соотнесение письма и конверта верно отражает их первоначальную связь, следует прийти к заключению, что письмо (возможно, вместе с еще одним, несохранившимся) было переслано в Женеву после отъезда Зиновьевой-Аннибал из Петербурга.

³⁸ Печатается с комментариями по: *Павлюченков*, ВПСТГУ 2010/4. С. 106–108.

трий Сергеевич один, или почти один, и не вынесет на своих плечах всего дела. Вчера у них было маленькое собрание, в котором я говорил в таком духе; со мной согласились, что если они объявляют своими предками Соловьева, Достоевского, то им надо солидную обработку вопросов, поднятых этими писателями, им надо поднять и возбудить интерес к таким кардинальным вопросам, как вопрос о Троице и ее выражении у Плотина, Филона, немецких идеалистов и так далее. Представь себе, ни Дмитрий Сергеевич, ни даже двое профессоров духовной академии, которые были при этом, не слышали имени Баадера³⁹! Не знали, что Соловьев признавал себя его учеником! Общее признание было того, что «нет людей», а что это действительно так, можешь судить по тому, что тему об эволюции понятия о Троице, которую я поднял, усердно стали навязывать мне!!! Я, конечно, был бы величайшим из прохвостов, если бы взял ее, но все же Мережковский слышать не хочет об отказе⁴⁰. Если твоя первая работа пойдет, если окажется, что Перцов не против того, чтобы сотрудничали только его знакомые, то я надеюсь на тебя. Я все время об этом думал. Вот если бы ты тут жил, если бы был лично знаком с Дмитрием Сергеевичем и Перцовым, тогда бы, я уверен, процветанию журнала была бы дана сильная поддержка. Познакомился со знаменитым Валерием Брюсовым. Он мне крайне не понравился. Самое противное у него — это его неврастеническая наружность, вечное мнительное беспокойство и, главное, глаза, глаза виноватые, как у побитой собаки,

³⁹ Франц Ксавер фон Баадер (von Baader, 1765–1841) — немецкий религиозный мыслитель, стремился к преодолению рационализма Нового времени, разделения христианских конфессий на основе понимания христианства, восходящего к немецкой мистике Экхарта, Бёме и др. Проявлял интерес к России и православию. Оказал определенное влияние на позднюю философию Шеллинга и Фр. Шлегеля, славянофилов, Вл. Соловьева.

⁴⁰ «Маленькое собрание», о котором говорит А. Е., по-видимому, намечало дальнейшую программу РФС.

но без раскаяния; представляешь? Так смотрят люди, сказавшие неожиданно крупную глупость и увидевшие, что другие понимают, в чем дело. Как раз его я просил сделать мне (он — что-то по хозяйственной части) 10 оттисков, так что ты получишь мою статью, которая имеет только интерес первой попытки, но по содержанию крайне ничтожна, хотя Мережковский мне ее и расхваливал и Перцов тоже. Узнал я крайне любопытные вещи о Достоевском. Дело в том, что Розанов пришел недавно к Гиппиус и стал ей исповедоваться (он удивительно простосердечный, искренний и трогательный даже; Дмитрий Сергеевич его называет голубем). Он рассказал ей следующее: (я слышал это от самой Зинаиды Николаевны) У Достоевского была *une amante*⁴¹ <Sic!> после смерти его первой жены, особа демонического характера — «голое зло»⁴²; она мучила его очень долго, так что он бежал от нее за границу и там уже женился на Анне Григорьевне. Розанов встретился с ней в Нижнем Новгороде гимназистом 19 лет, ей было 36. Розанов сильно увлекся ею и даже женился через год, кажется, но она его измучила совершенно, так что он тоже сбежал от нее, хотя очень любил ее. (Она его поносила самыми скверными словами, чуть не била.) Затем он женился на теперешней своей жене, но развода от прежней не получил до сих пор. Она жива и цветет и процветает в Крыму. Не помню, писал ли я тебе о моем впечатлении от того заседания «религиозно-философского собрания»⁴³, на котором я был;

⁴¹ Любовница (*фр.*).

⁴² Речь идет об Аполлинии Прокофьевне Сусловой (1839–1918). А. Е. в целом верно излагает динамику ее отношений к Ф. М. Достоевскому и В. В. Розанову (См.: *Суслова А. П.* Годы близости с Достоевским: Воспоминания и письма. М., 1928; *Сараскина Л. И.* Возлюбленная Достоевского. Аполлиния Сулова: биография в документах, письмах, материалах. М., 1994).

⁴³ Речь, видимо, идет о XVIII заседании, на котором продолжалось обсуждение вопроса о догматическом развитии. Впечатления А. Е. как посетителя и стороннего зрителя представляют безусловный интерес для

во всяком случае, я очень хотел написать тебе об этом. Меня поразила пассивность, слабость, неподготовленность попов и иже с ними. Антонин, духовный цензор⁴⁴, оказывается, побежал сейчас же к Антонию⁴⁵ с жалобой на попов, за их тупоумие, а Антоний теперь будет их собирать у себя перед каждым заседанием и учить, что надо говорить в том или ином случае; вроде репетиции. Тут я наглядно убедился, что церковь православная — телец, как говорит Мережковский, и возрождения от нее нельзя и не надо ждать. Вот три церкви, по мнению Мережковского, церкви человека, льва и тельца, должны пробыть до конца, до объединения их церковью Иоанновой, церковью орла. Среди профессоров духовных академий также застой и инертность. Я спрашивал недавно одного из них, Успенского⁴⁶, почему у них не разрабатываются такие темы, как, например, нужная нам теперь тема о раскрытии христианской догматики в трудах светских философов; он ответил, что существуют темы «удобные» и «неудобные». Моя тема принадлежит

исследователей (См.: Записки ПРФС. С. 376–397. О собраниях в целом см.: *Половинкин С. М.* На изломе веков. О религиозно-философских собраниях 1901–1903 годов // Записки ПРФС. С. 490–510. Анализ обсуждения см.: *Антонов К. М.* Религиозный опыт, творчество и догмат в русской мысли начала XX века // Он же. Философия религии в русской метафизике XIX — начала XX века. М., 2008. С. 267–288; здесь: С. 270–273).

⁴⁴ Антонин (Александр Андреевич Грановский; 1865–1927) — архимандрит, старший цензор С.-Петербургской духовной академии в 1899–1903 гг. и духовный цензор журнала «Новый путь». (1899–1903), участник Религиозно-философских собраний, с марта 1902 г. епископ Нарвский. В 1920-е гг. примкнул к обновленческой («Живой») церкви, вызвавшей временный раскол в русском православии.

⁴⁵ Антоний (Вадковский; 1846–1912) — с 1898 г. митрополит С.-Петербургский и Ладожский, с 1900 г. — первенствующий член Святейшего Синода.

⁴⁶ Речь идет, видимо, о Василии Васильевиче Успенском (1876–1930) — историке педагогики, профессоре СПбДА, печатавшемся также в «Новом пути» и посещавшем Мережковских вместе с А. В. Карташевым.

к последнему разряду, и потому всякий порядочный профессор, желающий удержать за собой кафедру и получить доктора, должен обходить эти темы. Это очень искренний господин, глубоко тяготящийся той атмосферой, которой проникнута вся жизнь академий. А если бы ты послушал их ораторов, например Лепорского⁴⁷, Бриллиантова⁴⁸, это что-то убийственное; таким голосом могут говорить только покойники. Мережковский сказал как-то им: вы, профессора, стоите совсем в особом отношении ко всему содержанию Христианства. Все догматы, Евангелие для нас, как для посетителей музеев, дороги и внушают благоговение, а вы обращаетесь с ними, как сторожа музеев, которые давно привыкли к священным реликвиям и третируют их как самые обыденные предметы⁴⁹. Представь себе, на реферат Розанова, который, собственно, в корне старался подорвать христианство и произвел огромное впечатление своей силой и красноречием, — на него из духовенства возразил всего один откормленный попик, да и то полушутя, в нескольких словах⁵⁰. Я прилагаю при сем реферат Розанова, как я его запомнил, но ты его сохрани, так как у меня другого списка нет.

Твой А. Е. СПб. 1903. 1. 30.

⁴⁷ Петр Иванович Лепорский (1871–1923) — протоиерей, с 1901 г. — доцент кафедры догматического богословия СПбДА. С его доклада началась серия заседаний, посвященных вопросу о догматическом развитии (См.: Записки ПРФС. С. 354–357, 361, 369, 392).

⁴⁸ Александр Иванович Бриллиантов (1867–1933) — доцент, позже профессор кафедры истории древней Церкви СПбДА, ученик В. В. Болотова. Автор книги «Влияние восточного богословия на западное в произведениях Иоанна Скота Эригены» (1898, 1998). Его речь см.: Записки ПРФС. С. 377–378.

⁴⁹ Из речи Мережковского на XVIII заседании (См.: Записки ПРФС. С. 394–395).

⁵⁰ На реферат Розанова отвечали неизвестный (Голос, как обозначено в протоколе), С. Г. Рункевич и прот. П. И. Лепорский (См.: Записки ПРФС. С. 389–392).

В. Я. Брюсов — Л. Н. Вилькиной⁵¹

[31.01.1903. СПб.]

31 января 1903

Я Вам пишу, Людмила, как далекой, как женщине, быть может, иных столетий, быть может, вымыслу художника. Я не очень убежден, что Вы существуете. Вот видите. Для каждого человека, и для каждой вещи, и для всего, что совершается, — наступает их прекраснейшее мгновение. Для иных событий оно бесконечно высоко, и надо иметь волю не остановиться на полдороге. Наполеон был бы не прав, если б удовольствовался званием первого консула, тем более генерала республики. Но для других событий это мгновение на первых ступенях и дальше уже падение. Верлен лучше бы сделал, если б не писал ничего после *Sagesse* или хотя после *Parallèlement*⁵². Для нас с Вами это прекраснейшее (немногое, о да! очень немногое) было в прошлом. Наш разговор теперь представляется мне чем-то склеенным. Да, на той вазе, которую мы начали расписывать, были проведены только первые штрихи. Но она разбилась. Стоит ли ее склеивать, чтобы дорисовать намеченные рисунки? Оставим труд подбирать осколки — другим. И для Вас, и для меня еще слишком много в мире фарфоровой глины, слишком много мрамора и красок. Слишком еще много неосуществленных форм и невоплощенных тайн. Если б каждая моя мечта тотчас обращалась в статую, я до дня смерти не успел бы истощить своих замыслов. Дальше! Дальше! Никто не виноват в том, что прошлое становится прошлым. Ваш (да, я был Ваш вполне и, значит, навсегда сохранил право на это слово)

Валерий Брюсов

⁵¹ Печатается с комментариями по: *Котрелев, Лавров*, 2004. С. 323–324.

⁵² Книги стихов французского поэта Поля Верлена (1844–1896) «Мудрость» (1881) и «Параллельно» (1889).

В. В. Розанов. Об адогматическом христианстве⁵³

Христос нарисовал идеал своего последователя в словах о лилиях полевых, не заботящихся об одеждах, наивно смотрящих на Божий мир, с радостью внимающих слову Божию. Но прошло несколько веков, и обстоятельства изменились; вместо простых рыбаков появились учителя церкви; им непременно захотелось одежд, и вот они начали шить их из полотнищ догматов. Лилии оказались непригодными: их размочалили — свили из них нитку, на которой только и можно что удавиться. Прежнее Евангелие — умиления сердечного и слез, дававшее так много верующему сердцу, заменили деревянным катехизисом. Вместо Пушкина дали Скабичевского. Если бы надо было реформу — то прежде всего я упразднил бы кафедры догматического богословия и канонического права, а книги об этих предметах объявил бы запрещенными для чтения. Неужели можно представить себе Христа, говорящего: «Идите за мной, люди, я научу вас догматическому богословию... Поэтому вся догматическая работа отцов представляется какой-то напрасностью: Кирилл Александрийский, например, написал куда больше самого Бога. Еретики, собственно, те же отцы, только попавшие в еретики по своей яркости; если осветить сзади любого из отцов, то и у него, как на транспаранте, выступают еретические положения. Церковь не нуждается в защите догматами — ее сила в ее беспомощности. Последующие христиане не поняли этого, и Христос отошел от них. Церковь пуста. Эта крепость из камня, которая казалась такой неприступной, теперь штурмуется со всех сторон. И что же? Разве пойдет кто-нибудь на мучение, чтобы отстоять ее? Нет. Прохожие идут мимо, одни равнодушно, другие со злорадством. Вся религиозная мысль прошла мимо христианства, она забрела в какой-то тупик, минуя ярко освещенную, веселую пло-

⁵³ Полностью реферат В. В. Розанова см.: Записки ПРФС. С. 382–389.

щадь, или, может, и площади-то никакой нет? Может быть, только и есть, что эти грязные, темные закоулки?..

П. А. Флоренский — Ю. А. Флоренской⁵⁴

[02.02.1903. Москва — Тифлис]

Дорогая Люся! (...)

Совершенно напрасно ты пишешь уже об оттиске моей статьи: я послал ее Ельчанинову и вовсе не думаю, чтобы ее стали печатать, так что ты на этот счет можешь успокоиться. Журнал «Новый путь», о котором ты спрашиваешь, имеет целью дать высказаться вновь зарождающимся течениям мысли, преимущественно религиозной и касающейся общих вопросов мировоззрения. Пишут там все сравнительно молодые писатели, есть в № 1 статьи интересные, но не думаю, чтобы дело этого журнала пошло успешно; мне кажется, он, так сказать, слишком искренен и слишком доверчиво раскрывает свои воззрения перед публикой: такой тон пригоден для дружеской беседы, а не для журнала. Кроме того, он, вероятно, слишком серьезен для большой публики, и нужно думать, что едва ли на него найдется много читателей. Я-то, во всяком случае, желаю ему успеха, хотя не могу не сознаться, что в нем допущены значительные промахи.

(...) Недавно был я с Эрном на органном концерте. Тут в консерватории исполинский орган (...) Мне бы больше всего хотелось услышать ораторию Гайдна, но пока это никогда еще не удавалось. Не знаю, хорошие ли вещи играют в протестантских церквях, но то, что играет в католических, просто прелесть, и мне очень жаль, что того же нельзя завести и в православных, тем более что допустили туда даже электрическое освещение.

⁵⁴ Печатается по: *Чертков*, 2017. С. 69.

(...) Человеку вообще, а женщине в особенности, не должно быть односторонним и, в частности, не должно страдать худшей из односторонностей — отсутствием внутренней активности, жизненности и стремлением заменить ее книжностью. Тут не место писать, но скажу только, что это (в упрощенной форме) основной пункт моего мировоззрения; берегись, как бы не перестать воспринимать книгу (жизненно, т. е. всеми сторонами духа, для чего необходимо активное проявление этих сторон в реальной действительности) и начать только понимать ее. Большинство тех, кого я знаю, только понимают и запоминают — и в результате кроме самодовольного ношения за собою бессмысленного багажа, неразгаданных символов, книжных трупов ничего не получается. Жизненность, хотя бы и не знающая символизации, есть нечто, сила, но символы без содержания, без жизненности, без того, на посторонний взгляд почти незаметного, что делает их продуктом духа, а не духовного механизма, есть полное ничто: это труп, который внушает отвращение.

И. И. Щукин — Вяч. И. Иванову⁵⁵

[5.02 / 18.02.1903. Париж — Женева]

18.2.903

Многоуважаемый

Вячеслав Иванович,

Ваше письмо очень меня обрадовало, — а насколько содержание его заинтересовало меня, — этому служит доказательством настоящий ответ avec le retour du courier⁵⁶. Предлагаемый Вами курс очень интересен и очень подходит к нашим курсам нынешнего года. Говорю «нашим» — быть может, точнее моим, ибо в нынешнем году я остаюсь

⁵⁵ Печатается с комментариями по: *Богомолов*, 2009. С. 60.

⁵⁶ [Посылаемый] с тем же курьером (*фр.*).

единственным представителем кафедры истории религий. Читаю я «историю христианства в первые 3 века»; основной идеей курса является постепенное проникновение греческих элементов в иудейские верования, другими словами — процесс эллинизации восточных доктрин (в идеях Harnack'a, Hatch'a и др.⁵⁷). Читаю я в настоящую минуту «иудаизм», не дошел еще даже до Христа и, конечно, в этом году курса закончить не успею. Приват-Доцент Московского Университета Сергей Андреевич Котляревский⁵⁸ хотел было прочесть у нас вслед за мною курс по романизации христианства (понятие о Церкви, иерархи⁵⁹ и пр.), — но состоится ли его курс — бог весть. Ваш же курс был бы для наших слушателей настоящей находкой, как раз заполнившим досадный пробел между «иудаизмом» и «романизмом». Читать его я и не предполагал, ибо знаю этот вопрос лишь в самых общих чертах.

Теперь о времени Вашего приезда. Занятия непрерывно идут у нас до половины июня, почти до конца даже июня. Но, конечно, лучше приехать пораньше, буде возможно — в Марте или, самое позднее, в Апреле. Можем предоставить Вам 2 часа в неделю, — для всего курса понадобится Вам, таким образом, 6 недель. Желательно, чтобы курс этот был прочитан именно в нынешнем году, — для будущего года

⁵⁷ Адольф фон Гарнак (von Harnack, 1851–1930) — знаменитый немецкий теолог и историк церкви (родился в Дерпте и учился в Дерптском университете). Эдвин Хэтч (Hatch, 1835–1889) — английский историк церкви.

⁵⁸ Сергей Андреевич Котляревский (1873–1939) — историк, земский деятель, приват-доцент кафедры всеобщей истории Московского университета, член ЦК конституционно-демократической партии, один из руководителей Историко-филологического общества Московского университета, один из членов-основателей МРФО, член Совета «Союза освобождения». Курс С. А. Котляревского под таким названием, сколько мы знаем, не состоялся. Он прочитал по две лекции на темы: «Идея отечества и патриотизм» и «Отделение церкви от государства».

⁵⁹ Возможно, следует читать: иерархия или иерархии.

Вы тогда бы выбрали себе что-либо иное, стоящее в соответствии с программой. Впрочем, в случае Вашего приезда теперь сюда, в выработку этой программы Вы могли бы принять и непосредственное участие. В данную минуту (и в Марте) у нас читают Гамбаров⁶⁰, Исаев⁶¹, Ильин⁶², Тара⁶³ и пр., в марте еще Лучицкий⁶⁴, в апреле Ковалевский⁶⁵, Чупров, Венгеров, Вейнберг⁶⁶, Карышев⁶⁷ и пр. и пр.

Определение размера гонорара будет зависеть до известной степени от Вас самих, — за расходы по проезду — в размере 300 франков — могу ручаться, но если бы пожелали, то Правление, вероятно, не откажется и увеличить эту сумму.

⁶⁰ Юрий Степанович Гамбаров (1850–1926) читал курсы «Энциклопедия права» (20 лекций) и «Основные учения гражданского права» (15 лекций).

⁶¹ Андрей Алексеевич Исаев (1851–1924) читал курс «Мировое хозяйство» (18 лекций).

⁶² Под псевдонимом В. И. Ильин (который прочитал курс из пяти лекций «Марксистские воззрения на аграрный вопрос в Западной Европе и в России») скрывался В. И. Ульянов (Ленин).

⁶³ 6 лекций историка К. М. Тара (Константина Михайловича Тахтарева, 1871–1925) назывались «Наиболее ранняя ступень развития общест-венности».

⁶⁴ Иван Васильевич Лучицкий (1845–1918) читал курс «Экономический строй Франции в XVIII в.» (10 лекций); один из основателей и наиболее активных деятелей Школы.

⁶⁵ Максим Максимович Ковалевский (1851–1916) за год успел прочитать курсы: «Современные социологи» (6 лекций); «Генезис политической экономии» (24 лекции), «Очерк истории всемирной торговли в Средние века» (10 лекций), «Очерк истории социальных систем в древности и в эпоху Возрождения» (10 лекций), «История политических учений в древности и эпоху Возрождения в связи с историей учреждений» (38 лекций).

⁶⁶ Как следует из «Перечня курсов...», статистик Александр Иванович Чупров (1842–1908), литературовед Семен Афанасьевич Венгеров (1855–1920), поэт и переводчик Петр Исаевич Вейнберг (1831–1908) ни в 1901–1902, ни в 1902–1903 учебных годах в Школе не читали.

⁶⁷ Николай Александрович Карышев (1855–1905) читал курс «Теория политической экономии» (12 лекций).

Итак, Ваш курс очень желателен, — притом в нынешнем году и в возможно скорейшем времени. Посему убедительно прошу Вас не замедлить Вашим ответом и, надеюсь, до скорого свидания.

Крепко жму Вашу руку, и большое Вам спасибо за Вашу любезную готовность.

Ваш

Ив. Щукин

М. М. Замятнина — Л. Д. Зиновьевой-Аннибал⁶⁸

[5.02.1903. СПб. — Женева]

Среда 18/5 Февраля.

(..) [Из типографии «Нового времени»] поехала, после немалых колебаний, к Розанову, с целью раздобыть разрешение на присутствие в заседании общества философско-религиозных бесед⁶⁹. Долго не решалась позвонить, наконец нажала особенно как-то выдающуюся пуговку звонка, да еще с надписью «нажать». Горничная открывает и говорит: «Спит, мол, нельзя видеть». Я спрашиваю, когда же можно видеть, и пока рассуждаю с горничной в передней, выходит жена⁷⁰, очень симпатичная, мягкая и тихая, и гово-

⁶⁸ Печатается с комментариями по: *Богомоллов*, 2009. С. 23–25. Замятнина была послана Ивановыми из Женевы в Петербург для переговоров о совместной публикации в «Новом пути» романа Зиновьевой-Аннибал «Пламенники» и труда Вяч. Иванова «Греческая религия страдающего бога».

⁶⁹ Речь идет о Религиозно-философских собраниях, существовавших с 1901 по 1903 гг. Подробнее см.: Записки ПРФС. В. В. Розанов, как и упоминаемые далее Д. С. Мережковский и В. А. Тернавцев, были членами-учредителями Собраний, а Розанов и Мережковский входили в Совет. Формально заседания были закрытыми (почему Замятнина и пришла к Розанову), но разрешение на посещение можно было получить сравнительно легко.

⁷⁰ Варвара Дмитриевна Бутягина (урожд. Руднева).

рит, что если я извиню ее мужа за то, что он в халате меня примет, так как он в это время всегда занимается, то можно, и затем, обращаясь в сторону кабинета Розанова, говорит: «Вася, тебя видеть хотят и извинят, что ты в халате», и просит войти тотчас же. Меня, извиняясь, встречает худенький, скорее небольшого роста человечек в халате, нервный и тоже тихий. Я, конечно, тоже извиняюсь усиленно и говорю о цели моего прихода; сначала заявляет, что это совершенно невозможно, но затем, после нескольких вопросов, выясняющих, что ли, что я такое, делается доброжелательным и говорит, что для того чтобы попасть (заседание завтра, оказывается⁷¹), надо, чтобы я съездила за согласием к Мережковскому и Тернавцеву, и затем пишет мне следующую карточку: «Экстренно и на две недели только г-жа Замятнина в Петербурге, и очень хочется ей быть на религиозно-философском собрании. Я ей рекомендовал объехать всех членов: тогда пусть они напишут разрешение. Я — согласен и советую другим согласиться: дело исключительное». Не знаю уж толком, что я ему говорила, но, очевидно, до некоторой степени расположила его, он приветно и очень сердечно пожелал мне успеха и дружески простился.

Еду к Мережковскому уже более храбрая, опять горничная говорит: «Спит» — но я посылаю карточку свою и прошу сказать, что я от г. Розанова, через минуту просит пройти в кабинет, опять худенький человек, но, конечно, не в халате и более от мира сего. Встречает — несколько сдержанно; я даю карточку Розанова и несколько выясняю причину своего желания. Когда он узнает, что я из Жены, то спрашивает, не знакома ли я с Прозором — его переводчиком⁷², ему хотелось бы ему привет послать. Затем

⁷¹ Речь идет о XIX заседании Собраний (см.: Записки ПРФС С. 397–423), где центральным был доклад В. А. Тернавцева «О догмате и откровении».

⁷² Граф Маврикий Эдуардович Прозор (1849–1928), переведивший сочинения Мережковского на французский язык, был генеральным консу-

я говорю о Вас⁷³. Он тотчас же говорит, что Вы талант, просит передать свой искреннейший привет (он, оказывается, утверждает, что лично книги не получил, а лишь в редакции она есть), сообщает, что вчера, оказывается, был разбор Вашего сборника (он сказал — в «Новом Времени», но я не нашла там⁷⁴), конечно порицательный, с приведением какого-то, он не сказал какого, стихотворения, которое высмеивалось⁷⁵; но он говорит, что ему именно это-то стихотворение, наоборот, очень нравится. Даже очень преклоняется перед Вашей образованностью и затем просит официально через меня Вашего сотрудничества в их журнале «Новый Путь», но просит прозы, так как говорит, что еще для понимания стихов время не наступило, надо через прозу приготовить читателя, ну, очевидно, что я ему тотчас и заявляю, что могу его удовлетворить, и говорю о «Пламенниках», само собой сказав, что это, мол, не его, а его жены и что это большая все-таки вещь, не для одного номера.

Здесь то, что ты, Лидия, жена Вячеслава, производит как раз обратное действие по сравнению с «Миром Божиим» и его представителями. Мережковский говорит, что, очевидно, и жена так же образованна, затем выспрашивает о романе и просит непременно принести поскорее, если подойдет, то в мартовской же книжке можно будет начать

лом в Веве и Женеве, с декабря 1904 — посланником в Бразилии и Аргентине.

⁷³ Оторван уголок листа.

⁷⁴ Имеется в виду статья А. А. Измайлова «Непомерные претензии» (Новая иллюстрация: Художественно-литературный журнал, издаваемый при «Биржевых ведомостях». 1903. № 6).

⁷⁵ В статье Измайлова цитировались стихотворения «Тишина», «Имени Твоему», «Милость мира», «Песнь потомков Каиновых», «Missa solennis Бетховена». Кажется, ни одно из них специально не «высмеивалось», хотя по поводу двух последних автор писал: «Иногда от стихов г. Иванова так и повеет еще более давнопрошедшими именами — Триакиевским, Ломоносовым или Елисаветой Кульман».

печатать, но окончательного ответа, он говорит, нельзя будет дать, не имея всего романа. Он говорит, что по тому, что я ему принесу, т. е. по этим двум главам, он мне скажет, может ли это подойти, и тогда попросит прислать все остальное. Обещал и за себя, и за Перцова, что просмотрят скоро то, что принесу, так как это и для них важно. Затем, узнав, что Вячеслав занимается историей религии, очень просил, чтобы Вячеслав написал бы статью для их журнала. Сказал, и очень искренне, что страшно рад вступить в сношение с вами.

Мне сказал, что мне непременно надо пойти на заседание и что если бы я не поймала еще Тернавцева, то, во всяком случае, он меня завтра введет, чтобы я его вызвала. Прощаясь (через порог тоже не прощается), сказал, что надеется, что еще повидаемся.

Ну вот, как видите, уж худо ли, хорошо, а связь с «Новым Путем» завязана.

М. М. Замятина — Л. Д. Зиновьевой-Аннибал⁷⁶

[7.02.1903. СПб. — Женева]

Пятница. 7/20 февраля 1903. 12½ ч. ночи.

(...) Так, относительно общения с Розановым и компанией уже сделано, как уже знаете. Но ты пишешь, что по-другому думаете о желательности помещения «Пламенников» в «Новом Пути», а между тем я уже не могу отступить, как вы уже знаете из предыдущего письма, от отдачи их на просмотр Мережковскому. Он вчера на Собрании религиозно-философском опять спросил меня о том, принесу ли я; я обещала, что принесу на днях, т. е. сегодня или завтра. (...)

Да, я еще ничего не написала о вчерашнем собрании. Интересно было; но скажу, что все они на том же пути, что

⁷⁶ Там же. С. 25–26.

и вы, но вы дальше, мне кажется, гораздо дальше их ушли и многому могли бы поучить их, и многое дать им, ищущим, мне кажется искренне ищущим. Искренними и обнаруживающими себя и Розанов, и Мережковский, и Тернавцев. Они горят и ждут, как сами и говорили, откровения, требуют преображения и возмущаются, когда видят, что «церковь сияет благополучием».

Эти трое обнаружили себя искренними.

Но Гиппиус — нет, ее я еще переварить не могу — не может же быть, чтобы она только казалась такой кривлякой. Она ничего не говорила, но кривлялась весь вечер несказанно и держала себя некультурно. Она красива и, верно, умна, но что за душа у нее? Это вопрос. Я все это говорю, судя по ее внешнему виду и пантомимному сидению за столом заседания.

Если не опишу, то расскажу все подробно.

В. Я. Брюсов — Л. Н. Вилькиной⁷⁷

[10.02.1903. Москва]

1903

И в конце концов я уехал в Москву теперь же. Вам останется презрительно сжать губы, даже не махнуть рукой, и уж конечно, не отвечать мне. А мое желание — уехать и не в Москву, а куда-то совсем прочь, быть вне всех людей. Да, мне наскучило жить, и это то, что я разумел, говоря Вам, что стал вновь «литератором». Я буду призывать к жизни, не живя, и писать стихи о блаженстве безумия, оставаясь благоразумным до конца. Я не верю (Вы не любите этого слова), что встретил бы в жизни иное, кроме знакомого. Да и никогда не встречал ничего иного, потому что все и всегда оказывалось уже знакомым и более прекрасным —

⁷⁷ Печатается с комментариями по: *Котрелев, Лавров*, 2004. С. 325–326.

в прошлом, в помысле, в мечте, в стихах. Прощайте. Я прощаюсь с Вами, как с жизнью.

Я скоро вернусь в Петербург⁷⁸, но лишь затем, чтобы быть одиноким еще более. №№ «Нового Дела» посылаю Вам за-казной бандеролью⁷⁹. О рукописях напишу.

«Ваш» Валерий Брюсов

В. В. Розанов — П. П. Перцову⁸⁰

[12.02.1903. СПб.]

Дорогой Петр Петрович! Был сегодня у Антонина⁸¹ и по-казал ему сей набор с приноровительными поправками. Он сказал, что «о всем имею привычку советоваться с ми-

⁷⁸ Этот план не осуществился.

⁷⁹ «Новое дело» — петербургский ежемесячный литературный журнал (вы-ходил только в 1902; редактор-издатель А. Н. Пешкова-Толиверова); в нем Вилькина опубликовала «Мещанский сонет» («Большая комната. Я в ней одна...») Вилькиной (Новое дело, 1902. № 8. С. 155). При жур-нале в 1901–1903 издавалась еженедельная газета под тем же названием. В данном случае речь идет, по всей вероятности, о номерах газеты, в ко-торых публиковались статьи Вилькиной под рубрикой «Из театральных впечатлений»: «Многосложная драма» (Новое дело. 16 (29) декабря 1901. № 1 (31). Стлб. 27–29), «Морализирующие пьесы» (20 января (3 февраля) 1902. № 3. Стлб. 91–94), «Английские пьесы» (10 (23) февраля. № 6. Стлб. 185–188), «В борьбе с чувством любви» (10 (23) марта. № 10. Стлб. 316–319), «Трагедия или сатира?» (31 марта (12 апреля). № 13. Стлб. 411–414), о «Михазле Крамере» Г. Гауптмана, «Символическая драма» (27 октября (10 ноября). № 43. Стлб. 1372–1375), о «Сне жизни» Ф. Н. Фальковского, «Драма внутренней и внешней правды» (10 (23) ноября. № 45. Стлб. 1433–1435). Первые три из перечисленных статей подписаны криптони-мом «Л. В.», остальные — за подписью «Л. Вилькина».

⁸⁰ Печатается с комментариями по: *Гончарова*, 2015. С. 143–144.

⁸¹ Между Антонином и Розановым сложились весьма дружественные от-ношения. Свидетельством является письмо епископа Антонина Роза-нову от 24 июня 1902 г.: «Многолюбезнейшему Василию Васильевичу архимандрит Антонин, проездом по Шпалерной, свидетельствует по-чтение и напоминает глагол о Варухе, реченный недавно в приложе-ниях к “Новому времени”. Если бы адрес Василия Васильевича знать, то можно бы и гостинца за [нрзб] прислать» (НИОР РГБ. Ф. 249. М.

трополитом⁸²; а ему читать Вашу руку будет трудно. Поэтому попросите Петра Петровича велеть набрать вновь и свежую чистую корректуру пусть он пришлет мне». Так и делаю.

Вас любящий В. Розанов.

Поспешите же

М. М. Замятина — Л. Д. Зиновьевой-Аннибал⁸³

[13.02.1903]

Четверг 13/26 февраля 1903. 12 ч. дня.

В воскресенье прошлое я отвезла Мережковскому «Пламенники», предварительно переписав всю II-ую главу, отпечатать успели лишь 11 страниц, которые я и вколола. Конец I главы переписать не успела, и Мережковский его не взял, теперь я его отдала в типографию, должны прислать гранки сегодня мне. Я очень настаивала, чтобы Мережковский прочел II главу, сказала, что отсутствие конца 1-ой не мешает, что во II главе многое и главное относительно романа выясняется. Он обещал прочесть к следующему воскресенью, когда и просил меня непременно прийти за ответом. Если они найдут подходящим, просил, чтобы тотчас же непременно выслать все остальное, но при этом опять просит, чтобы в гранках дать ему, и даже просил, чтобы телеграфили тогда, чтобы выслали, т. е. после воскресенья, когда скажет мне свое мнение, около 5 часов дня. (...)

Он-то все говорит, что окончательного ответа не сможет дать, не имея всего произведения, но обещал сказать предположение на основании того, что имеется. (...)

4214. № 2. Л. 2). Антонин бывал на «воскресеньях» дома у Розанова на Шпалерной улице.

⁸² Речь идет о митрополите Петербургском и Ладожском Антонии.

⁸³ Печатается с комментариями по: *Богомолов*, 2009. С. 28.

Относительно рецензии «Сборника» Мережковский сказал, что в «Новом Пути» ее напишет Брюсов⁸⁴. Что касается «Мира Искусства», то если он только выберет время, что он теперь очень занят своим «Петром Великим»⁸⁵, то он, может быть, постарается написать, но не знает еще, удастся ли ему урвать время.

Когда я уходила, то в следующей комнате через открытую дверь увидела лежащую в белом на chaise longue Гиппиус-Мережковскую — очевидно, она слушала нас, и очевидно она ей сейчас, по моему уходу, понесет гранки «Пламенников».

М. М. Замятина — Л. Д. Зиновьевой-Аннибал⁸⁶

[16.02.1903. СПб. — Женева]

Воскресенье 16 февраля/1 марта 1903. Вечер.

Лидия, да что же это? Отчего и Мережковский не может перешагнуть через форму? Теперь вы уже получили посланную мной телеграмму. Не знаю только, что вы из нее поняли. Я была так расстроена, что никак не могла сообщить, что надо телеграфировать. И теперь не могу справиться с сердцем, совсем с ума сошла. И теперь не знаю, сумею ли объяснить толком, отчего Мережковский сказал, что не могут поместить «Пламенников» в «Новый Путь». (...) Мережковский сказал, как я пришла сегодня, тоном сожаления, что по тому, что он прочел (а прочел он лишь то, что было в гранках, т. е. половину 1-й — вторую так и не прочел), он, к сожалению, видит, что в журнале эта вещь принята быть не может из-за своей формы, это, говорит, декадентская форма, что называется; не просто на-

⁸⁴ Речь идет об известной рецензии В. Я. Брюсова (Новый путь. 1903. № 3. С. 212–214).

⁸⁵ Имеется в виду роман «Петр и Алексей» (впервые — Новый путь. 1904. № 1–5, 9–12).

⁸⁶ Там же: *Богомолов*, 2009. С. 28–29.

писано, слишком повышено по форме. Отдельной книжкой такая вещь, говорит, может печататься, а в журнале нет. Очень может быть, что по содержанию вещь нам и очень подошла бы, но по форме не годится, из-за формы очень трудно и до содержания добраться. Видно, что автор замечательно образован и много имеет сказать, но по форме еще неопытен, и форма искусственна; слишком большое количество эпизодов, которые не разъясняют, скорее, а загромождают определения. Романтизму много. Недостает математики — геометрии в музыке произведения. Надо писать так ясно такие вещи, как пишет Эдгар По, вот образец. Насколько могу дать себе отчет, это вот все, что Мережковский сказал.

Затем Мережковский выражал все большое опасение, как бы из-за того, что «Пламенники» не подходят, Вячеслав бы из-за этого не отказал в своем сотрудничестве, и очень просил, чтобы он-то присылал свои вещи, статьи и стихи тоже, также если бы у тебя была бы вещь небольшая и других формах — надо думать, главное, что величина вещи твоей их останавливает, хотя об этом он ничего не сказал⁸⁷.

Я спросила его, давал ли он Перцову, он говорит — нет, и на мое предположение, не показать ли лучше еще Пер-

⁸⁷ Мережковский оказался в трудном положении. Как ни нуждался «Новый путь» в беллетристике, особенно в беллетристике «новых» писателей, роман Зиновьевой-Аннибал ему явно не подходил. Вообще судьба «Пламенников» наглядно демонстрирует, что прав был М. Кузмин, вспоминая: «У Брюсова волосы подымались дыбом всякий раз, как в редакцию вносили объемистую рукопись Зиновьевского романа». Видимо, Мережковский испытал те же чувства, впервые столкнувшись с рукописью. Характерно, что в переписке Мережковских того времени по делам журнала фамилия Зиновьевой-Аннибал и название ее романа ни разу не упоминаются: совершенно очевидно, что никаких сомнений в необходимости отвергнуть предлагаемое у них не было. Но, с другой стороны, сотрудничество Иванова было для них весьма заманчивым, и отказать в одном, сохранив другое, было задачей непростой, но в конце концов удавшейся.

цову, конечно, сказал, что не надо, что он категорично может сказать, что не подходит, все равно Перцов на просмотр именно ему дал бы.

В. В. Розанов — П. П. Перцову⁸⁸

[17.02.1903. СПб.]

Дорогой Петр Петрович! Я прочитал «Родительство и церковь», и мне самому не понравилась статья. Очень уж об этом много говорено. Посылаю Вам «Чувство солнца и растений у древних евреев»⁸⁹. Это — статья культурно-историческая. Пусть она одна идет в угол. А я кроме Филевского пришлю Вам еще кое-что из писем, между прочим 1 и порицательное, за Андреева⁹⁰. Право, мне непременно надо поместить хоть одно порицательное. «Черт любит порицанья, а от похвалы морщится». Вы знаете, что значит прослыть хвастуном и тщеславным в литературе: значит — умереть. И если Вы меня любите, то не откажете и в помещении порицательного. —

А со следующей книжки начнем «Юдаизм»⁹¹. Вообще с моею темой мне надо расширяться исторически: телесно и лично она достаточно вдолблена и известна, остаются только требования практических мер, на чем будем упорно и смело настаивать.

Ваш В. Розанов.

⁸⁸ Печатается с комментариями по: *Гончарова*, 2015. С. 144.

⁸⁹ См.: *Розанов В. В.* Чувство солнца и растений у древних евреев // *Новый путь*. 1903. № 3. С. 162–171; *Розанов В. В.* Собрание сочинений. Религия и культура : статьи и очерки 1902–1903 / Под общ. ред. А. Н. Николюкина. М., 2002. С. 538–543.

⁹⁰ Речь идет о письме читателя, полученном Розановым в связи с творчеством Л. Н. Андреева.

⁹¹ «Юдаизм» был опубликован в рубрике «В своем углу»: *Новый путь*. 1903. № 7. С. 145–161; № 8. С. 127–146; № 9. С. 160–187; № 10. С. 96–131; № 11. С. 155–184; № 12. С. 101–122.

Итак: «Родительство и церковь» не идет, равно «Возрождение»⁹². — За объемом «Угла» Вы не гонитесь: ведь в сущности — всё творчество, никаких перепевов.

Д. В. Философов — В. В. Розанову⁹³

[17.02.1903]

Дорогой Василий Васильевич!

Обращаюсь к Вам с просьбой оказать Ваше посильное содействие в помещении прилагаемой заметки в «Новом Времени», в форме «Письма в редакцию».

Я знаю, что мало надежды на то, чтобы письмо это было помещено, но тем не менее делаю к тому попытку, чтобы хотя несколько смягчить те совершенно несправедливые нападки, которым за последнее время подвергается новое искусство. Пять лет, на Ваших глазах, с большими усилиями, мы боремся за возможность художественного творчества. Много мы сделали промахов, много было увлечений, ошибок... Но право же, за все наши промахи мы получаем всегда со стороны просто невероятно строгие выговоры, а сколько мы вытерпели за это время совершенно незаслуженных нареканий и инсинуаций.

И вот история с провалом нового Балета — снятого с репертуара по личному желанию Государя — заставляет меня сделать попытку прибегнуть к самозащите при посредстве ежедневной газеты.

Отвечать за себя я понимаю. Но когда на вас взваливают ответственность за чужую вину, и тем делают Вам большие препятствия в Вашей общественной деятельности —

⁹² Статья «Возрождение» не была опубликована в «Новом пути» (впервые: Звонарь. 1907. № 2. С. 34–39; см.: *Розанов В. В.* Собрание сочинений. Юдаизм / Под общ. ред. А. Н. Николюкина. М.; СПб., 2009. С. 5–106).

⁹³ Текст подготовлен к изданию Е. В. Глухой по архивному оригиналу: НИОР РГБ. Ф. 249. К. М3871. Ед. хр. 4–6. Л. 14.

согласитесь, это уже превосходит все пределы справедливости.

Если мое письмо не будет напечатано, не откажите, дорогой, меня уведомить. Я буду толкаться в другие редакции. Я не люблю «Нового времени», но все-таки считаю, что это самая приличная и серьезная газета, а потому прежде всего обращаюсь туда.

Душевно Вас уважающий и любящий,
Д. Философов.

И. М. Гревс — Вяч. И. Иванову⁹⁴

[17.02 / 2.03.1903 г. СПб.]

СПб. Каменноостровский пр. 24.

17 февраля / 2 марта 1903.

Дорогой друг Вячеслав Иванович.

Получение от Вас экземпляра «Кормчих звезд» с такою хорошею, глубоко меня тронувшею посвятителною надписью⁹⁵ вызвало во мне неудержимое желание отозваться на Ваш привет «ритмически». Посылаю вам — «поэту» свой «стихотворный каприз» прозаика не для литературной критики, конечно: я не считаю, разумеется, этих введенных в размер строк поэтическим произведением даже в ничтожной степени, примите послание как выражение особого

⁹⁴ Печатается с комментариями по: Переписка Гревса и Вяч. Иванова. С. 254–256.

Ответ Иванова не обнаружен, однако можно достаточно уверенно говорить о том, что он существовал; позже Гревс писал Иванову: «Помните, я к Вам именно обратился с первым своим стихотворением по поводу присылки мне “Кормчих Звезд”. Вы тогда его одобрили». Одобрение «тогда» могло быть высказано, скорее всего, только письменно, т. к. встретиться корреспонденты могли не ранее чем через год после написания комментируемого письма.

⁹⁵ Экземпляр «Кормчих звезд» с дарственной надписью Гревсу разыскать не удалось.

подъема симпатии и радости по поводу выхода давно ожидавшейся мною книги: если хотите, посмейтесь над формой моих первых (хотя не юношеских) «стихов» (до настоящего дня я составлял в стихах только добродушные пасквили на друзей; теперь же впервые «создал» торжественную эпистолу в стиле оды); если предпочитаете, проникнитесь искренностью их содержания (этим порадуете и меня); если режет «произведение» ваше тонкое ухо виртуоза слова, разорвите листок и предайте его забвению; только не браните за то, что профан ворвался непрошенный на Парнас.

Сегодня ничего больше не напишу: страшно некогда, истомлен совершенно непосильною работою; она именно заставила меня опоздать повидаться с Лидией Дмитриевной, которой не могу не выразить огорчения за то, что не нашла она времени известить меня, когда уезжает.

Сообщу вам только, что еду в командировку на первый международный исторический конгресс в Рим (1 апреля по новому стилю), куда и Вас приглашаю: ужасно был бы рад свидеться именно в Риме⁹⁶.

⁹⁶ В апреле 1903 г. в Риме состоялся I международный конгресс исторических наук. В архиве Гревса имеются разнообразные материалы, связанные с его участием в этом конгрессе (доклад, списки, программы, членский билет участника — ПФА РАН. Ф. 726. Оп. 1. Ед. хр. 71). В итоговом обзоре Гревс писал:

«Международный съезд историков проходил с 1 по 14 апреля 1903 г. в Риме. Тон Римскому конгрессу задал своей речью знаменитый маститый итальянский историк Паскуале Виллари, он был председателем организационного комитета, а также избран председателем конгресса. Оратор напомнил, что XIX в. был эпохой окончательного сложения больших национальностей в Европе — так появились национальные школы. Следуя за политической эволюцией области выборных форм — родилась мысль о международном съезде историков. (...) Прошло то время, когда для увлечения наукой необходимо было удаляться от мира. Как ни дорог ученому нашего времени изолированный кабинет, где сосредотачивается его мысль, но его часто инстинктивно тянет к общению — в библиотеку, музей, в заседания, где он встречает товарищей. Такое общение ему нужно и для проверки своей собственной работы, и для отыскания спорных пятен в поставленной цели. Мы, русские ученые, необычно чувствуем

Обнимаю Вас крепко и посылаю от нас всех искренний привет всей Вашей семье.

Ваш Ив. Гревс.

Рецензии на Вашу книгу заставляют себя ждать; но это естественно (надо, чтобы вчитались). Не печальтесь. Имейте терпение! Я читал лишь одну газетную (в «Биржевых Ведомостях»)⁹⁷. Она — такая, как можно было ожидать в малой прессе: нападают за вычурность, за претензии все вместить в свою поэзию, не опасаясь сделать ее непонятною и искусственною; но признают большой талант и безусловно хороший стих (хвалят больше всего классические вещи и, между прочим, мои любимые «Laeta»).

В. И. Иванову после получения «Кормчих Звезд».

Друг, дерзновенье прости: твое милое слово привета,

Душу высоко подняв радости светлой волной,

Скромную музу мою побуждает ответить стихами.

Мало поэзии в них, знаю, но много любви!

Юности нашей пора золотая, когда мы, глубоко

Рима величьем пленясь, мыслью сошлись и мечтой,

Канула в море времен; но не забуду вовек я,

такое значение общения, так как мы его лишены. От России на конгрессе присутствовало больше десятка человек. Из Петербурга были: Г. Форстен, М. Ростовцев, И. Гревс и В. Модестов».

Римский международный конгресс исторической науки 1903 г. заложил традицию широкого обширного общения между историками различных цивилизованных стран на почве разработки великого отдела знания. Он по праву может называться первым. Место его проведения было избрано не случайно и весьма удачно: Рим — самый исторический город (вековая пыль; в нем существует множество итальянских и иностранных учреждений; значение окружающих памятников).

Программа Римского конгресса была широкой. Заранее было установлено 8 секций. Секция средник веков и новой истории оказалась по числу заявленных лиц самой богатой. (...) Конгресс завершился кратким общим собранием всех секций. (Черновик. Цит. по: *Вахромеева О. Б. Человек с открытым сердцем. С. 277–278.*)

⁹⁷ См.: *Измайлов А.* Непомерные претензии // Новая иллюстрация: Художественно-литературный журнал. Приложение к газете «Биржевые ведомости». СПб., 1903. № 6. С. 47–48.

Жив пока в сердце моем дар драгоценный небес,
То, что с тобой пережил, когда зрел союз наш духовный.
Книгу песен твоих благословляю как брат.
Рок им счастливый сулит творца их талант и стремление.
Свет да лиют среди нас, славят пусть красоту!
Верю, способны помочь эти звуки возвышенной лиры
Мира великого смысл алчущим правды понять.
Шествуй вперед, добрый путь, познавай, твори и вещай
нам
Все, что божественный дух ведать поэту дает,
Тем, в ком не гаснет, горит идеала зиждательный пла-
мень!
Друг, вдохновленный тобой, шлю я тебе свой восторг!..
9 февраля, 1903.

Вяч. И. Иванов — М. М. Замятниной⁹⁸

[20.02.1903. Женева — СПб.]

Дорогой, милый, несравненный друг! «предтеча резвая при-
лива!»⁹⁹ — помедлите, помедлите еще несколько дней:
пишу подробно, теперь же нет и минуточки, — только что кон-
чил письмо Мережковскому. Вы к нему зайдите pour prendre
songe¹⁰⁰ — и услышать ответ через два — лучше три дня. адре-
сую в редакцию — адреса нет под рукой. Обнимаем. Вяч.

А. В. Ельчанинов — П. А. Флоренскому¹⁰¹

[20.02.1903. СПб. — Москва]

⁹⁸ Печатается с комментариями по: *Богомолов*, 2009. С. 30. Открытка.

⁹⁹ Первая строка стихотворения Вяч. Иванова «Прилив», посвященного М. Замятниной. (*Иванов В. И.* Собрание сочинений. Т. 1. С. 595.)

¹⁰⁰ Проститься (*фр.*).

¹⁰¹ Печатается с комментариями по: *Павлюченков*, ВПСТГУ 2010/4. С. 109–110.

Прости, дорогой Павлуша, что я долго не писал: что не писалось, да и к тому я ждал решения участи твоей статьи. Сегодня Дмитрий Сергеевич сказал мне, что она пойдет в мартовскую книжку. Если я успею, я просмотрю корректуру, а может быть, я буду уже в Тифлисе. Очень благодарен тебе за письмо Лабзина; особенно ценно твое внимание, потому что знаю, как ты занят. Мне очень интересно продолжение, и если пришлешь, буду очень тронут. В «Новый путь» я его пока не помешу, а воспользуюсь им для моей статьи в апрельской книжке. Во всяком случае, так или иначе я им воспользуюсь. Занимаюсь я теперь в Публичной Библиотеке, в отделе рукописей, и стараюсь конструировать теософическую систему Сперанского по бездне отрывков, заметок и трактатов, ничем не связанных, часто противоречивых писаний за промежуток в 20–30 лет. Это составит мою кандидатскую работу. Читаю св. Терезу, Таулера¹⁰², Фенелона¹⁰³ и прочих. Сообщи мне, пожалуйста, или узнай у Трубецкого несколько работ, имеющих содержанием историю теософических систем (под теософией я разумею систему знаний о Боге, мире и человеке, построенную при помощи мистической интуиции и разума, помимо откровения или независимо от него). Это мне крайне нужно, чтобы повезти с собой в Тифлис, поэтому, ради Бога, узнай, а я для тебя сделаю, что хочешь, за это.

Твой А. Е. СПб. 1903. II/20

¹⁰² Иоганн Таулер (Tauler, 1300–1361) — ученик Мейстера Экхарта, яркий представитель немецкой рейнской мистики, старавшийся преодолеть характерный для Экхарта налет пантеизма в теории и делавший основной упор не на мистической спекуляции, а на реализации христианства в практической жизни (См.: Царство Божие внутри нас: Проповеди Иоханна Таулера. СПб., 2000).

¹⁰³ Франсуа Фенелон (de La Mothe-Fénelon, 1651–1715) — знаменитый французский духовный и политический писатель, педагог, моралист, теоретик квиетизма, сподвижник м-м Пюйон.

В. Я. Брюсов — Л. Н. Вилькиной¹⁰⁴

[20–23.02.1903. Москва]

1903

Вы бесконечно неверно обо мне думаете, Людмила. Для меня, конечно, нет и не будет — грешного, есть лишь не-желанное, есть лишь то и иное мгновение. Я сейчас просто счастлив своей внежизненностью, настолько, что мне даже не стыдно произносить это позорное слово — счастье. Как мог я забывать месяцами, что есть рифмы, что есть многогранные слова, которые так особенно блестят, если коснуться их алмазной пылью, что есть откровения в стихе, міры в мечте, опьянение, пьяность в работе, в одиночестве, в келье! Как мог я быть или бывать не художником и не только художником!

Искусство жаждет самовластья

И души черпает до дна.

Едва душа вздохнет о счастье,

Она уже отрешена¹⁰⁵.

Вы мне скажете, что я прошел мимо ступеней, уже навсегда мне недоступных и которых я еще не целовал никогда. Быть может, быть может. Но прежде чем коснуться до них губами, я должен был бродить по истоптанному песку, по знакомым аллеям — пусть весенним и огненным, — но тем же! тем же! Я не хочу. Да, быть может, тот миг был как единственный дар. Но разве все дары принимаются?

Нищий стоял на солнце. Когда он закрывал глаза, красное солнце проходило сквозь веки. Царевна подала ему золотое вино в золотом сосуде. Ему было надо лишь протянуть руку. Но он засмеялся и сказал: протяни эти золотые края к самым моим устам, и я буду пить. В гневце царевна

¹⁰⁴ Печатается с комментариями по: *Котрелев, Лавров*, 2004. С. 328–329.

¹⁰⁵ Автоцитата из поэмы «Замкнутые» (1901). См.: *Брюсов В.* Собрание сочинений в 7 т. Т. 1. М., 1973. С. 262.

выплеснула драгоценное вино наземь. Но юноша смеялся, и, когда он закрывал глаза, красное солнце проходило сквозь его веки.

Ах, с меня довольно меня одного. Я отдаю себя самого — себе. Я не хочу принадлежать никому, и спокойно могу не владеть никем. Пусть шумят камни на взморьях.

Я Вам целую руку лишь в знак прощания —

Валерий Брюсов

Л. Н. Вилькина — В. Я. Брюсову¹⁰⁶

[24.02.1903. Москва]

24 Февраль 903 г.

Валерий, друг мой, наконец вот и ваши стихи. Мне их так надо было. А прощания не боюсь — ведь не в силах вы уйти без моего согласия. Но принимаю прощание как переход к радостному приветствию. Ваше отклонение к работе меня не пугает. Я «тоже» отрекаюсь от людей: никого, кроме книг и тетрадей, и стен и свода своей комнаты не вижу. Но вы часто бываете у меня, я говорю с вами — не о том, о чем мы с вами говорили уже, но о новом, еще более «настоящем» и обоюдно-близком. Я написала вам несколько сонетов, но по «робости писательской» не посылаю. Взятые они в «Новое Время». Через неделю, две, может быть, напечатает¹⁰⁷.

Elle

Я думаю о вас, нежном и ласковом. Я вижу, что ваши цветы наполняют мою комнату. Ваши и только ваши. Что если бы?!

¹⁰⁶ Печатается с комментариями по: *Котрелев, Лавров*, 2004. С. 329.

¹⁰⁷ Сонет Вилькиной «Здесь на земле мой дух отяжелел...» был опубликован в иллюстрированном приложении к «Новому Времени» (12 (25) февраля 1903. № 9678, С. 6–7). В последующих выпусках газеты ее стихотворения не печатались.

С. Н. Булгаков — П. Б. Струве¹⁰⁸

[1903. Мюнхен]

Дорогой Петр Бернгардович!

В начале этой недели буду у Вас в Штуттгарте. Если что-нибудь выяснится, то напишите мне или Водену по его адресу.

Не слишком ли Вы заняты в середине этой недели? И не удобно ли мне заехать несколькими днями позже? В Мюнхене я думаю остаться не более трех дней. Жму Вашу руку.

Ваш С. Б.

Поклон Нине Александровне. Ответьте.

В. В. Розанов — П. П. Перцову¹⁰⁹

[3.03.1903. СПб.]

Дорогой Петр Петрович! Разрешение на печатание писем Филевского сделано им на корректуре, Вам посланной.

1) Посылаю Вам «Новая обетованная земля» (о сионизме) Ковнера. Маленькая, хорошо написанная и не сионистическая статья. — Его же рассказ: «Торжествующая добродетель»¹¹⁰. Его рассказы между прочим печатались и в «Вестнике Европы».

2) Посылаю Вам недурной рассказ господина Строганова (бывший сотрудник еще «Отечественных записок» вре-

¹⁰⁸ Печатается с комментариями по: Колеров, 2004. С. 532. Пометка Струве: «Дан ответ».

¹⁰⁹ Печатается с комментариями по: Гончарова, 2015. С. 145–146.

¹¹⁰ Ни одна из упоминаемых в письмах работ А. Г. Ковнера не была опубликована в «Новом пути». Еще летом 1902 г. Розанов пытался опубликовать в журнале рассказ Ковнера «Единственная», но редакция отвергла рассказ. Так, 15 июля 1902 г. Гиппиус писала Перцову: «Никакие соображения и силы не заставят нас его поместить, ибо это что-то совершенно невероятное, полуграмотное» (Письма 3. Н. Гиппиус к П. П. Перцову // Русская литература. 1991. № 4. С. 144).

мен Глеба Успенского и Щедрина): «Из Шипкинской драмы»¹¹¹.

3) Письмо госпожи Писаревой¹¹². Это та умная, не молодая дама, которая несколько побивала Петрова у меня перед открытием религиозно-философских собраний. — С большим примечанием «от редакции» о полной внешности для нее движения Блаватской¹¹³ — жидо-теософского, я думаю, ее работы могут быть помещены. Она, без сомнения, будет умна и интересна. Даже и попам небезынтересно будет прочесть. Дело в том, что в большом биографическом словаре Венгерова Владимир Соловьев написал большую статью «Блаватская» (стр. 16–20)¹¹⁴, где говорит, что «кое-что» там есть и что Блаватская была полугениальная женщина «с чепухой», без чего у русских ведь редко обходится. Со своей

¹¹¹ Стр-в Н. (Строганов Н.) Из шипкинской драмы. Воспоминания (Новый путь. 1903. № 6. С. 1–21).

¹¹² Елена Федоровна Писарева (урожд. Рагозина; 1853 — после 1944) — философ, переводчик, председатель Калужского теософского общества, вице-президент Теософского общества России. В письме от 26 февраля 1903 г. она обратилась к Розанову с просьбой о публикации очерка «Блаватская, в отзывах ее учеников» в «Новом пути»: «Судя по направлению журнала, этот очерк может быть интересным для него; к тому же давно пора снять с имени, так высоко чтимого среди (...) запада, несправедливое предубеждение, до источника которого я не хочу касаться. Если Вас заинтересует прочесть этот очерк, Вы можете его достать, когда захотите, так как он в Петербурге у моей знакомой» (НИОР РГБ. Ф. 249. М. 3876. № 37. Л. 3 об.). Розанов неоднократно встречался с Писаревой в Петербурге в начале 1900-х гг.

¹¹³ Елена Петровна Блаватская (урожд. Ган; 1831–1891) — теософ, философ, оккультист, одна из основателей Теософского общества в Нью-Йорке в 1875 г. Автор книг «Голос безмолвия» (1889), «Тайная доктрина» (1888), «Ключ к теософии» (1889).

¹¹⁴ Словарная статья «Блаватская» состояла из двух частей. Первую часть написала З. А. Венгерова, а Вл. Соловьев — вторую часть, в которой оценил деятельность Блаватской как шарлатанскую. См.: Венгерова З. А. Критико-биографический словарь русских писателей и ученых (от начала русской образованности до наших дней). Т. 3. СПб., 1892. С. 301–319.

стороны, Писаревой я написал, что «Новый путь» ничего родного не имеет с теософией и может взять ее матерьял лишь в качестве постороннего, интересного матерьяла.

В. В. Розанов — П. П. Перцову¹¹⁵

[3.03.1903. СПб.]

Дорогой Петр Петрович! Будьте добры, сделайте мне сердечную, глубокую и непременную услугу. В мартовском отделе «Писем Филевского», в тексте ответных его мне писем (т. е. крупный шрифт) 2 раза сказано: «Я радуюсь, что вы презираете толстовство и толстовцев» и еще: «что вы презираете религиозное учение и религиозные сочинения Толстого»¹¹⁶. Поставьте в первом случае, т. е. о людях: «не уважаете», а во втором (о сочинениях и идеях): «не придаете значения». Без этих перемен прямо запрещаю печатать статью. После расскажу — почему, сами согласитесь с мотивами.

Ваш В. Розанов.

Если абсолютно Вам некогда читать, то попросите от моего имени усердно сделать это Егорова. Я для Вас стараюсь, и Вы для меня постарайтесь.

Д. В. Философов — В. В. Розанову¹¹⁷

[3.03.1903?]

Дорогой Василий Васильевич.

¹¹⁵ Печатается с комментариями по: *Гончарова*, 2015. С. 146.

¹¹⁶ Фразы из письма священника Филевского Розанову не были изменены при публикации. См.: Из переписки с N. N. // *Новый путь*. 1903. № 6. С. 180; Из переписки свящ. И. Филевского // Там же. 1903. № 4. С. 121.

¹¹⁷ Текст подготовлен к изданию и прокомментирован Е. В. Глухой по архивному оригиналу: НИОР РГБ. Ф. 249. К. М 3871. Ед. хр. 7. Л. 12. Розановская нумерация красными чернилами — 58.

При сем бланки, которые я не успел Вам передать вчера.

А я вчера чуть не поссорился с Каблуковым¹¹⁸! Представьте себе, он не дал слова Столпнеру¹¹⁹, и убил прения, дав слово Протейкинскому¹²⁰.

До чего это не умно!

Ваш Д. Философов.

3 марта

Д. В. Философов — В. В. Розанову¹²¹

[04. 03.1903]

Многоуважаемый Василий Васильевич.

Не только по содержанию ваши интереснейшие «Вопросы» не подходят, но главное, они совершенно не цензурны. За последнее время и нас стали гнать. Наш цензор получил выговор, что он «распустил» «Мир Искусства». В последнем номере хроники перекалечили «письма в редакцию». Странно сказать, но «Новый Путь» сделал ничего в нас не понимавшую цензуру — недреманным оком. Теперь она

¹¹⁸ Сергей Платонович Каблуков (1881–1919) — секретарь Петербургского РФО (1907–1917) — корреспондент Розанова, их взаимоотношения складывались непросто. При содействии Каблукова были изданы следующие книги Розанова: «Итальянские впечатления» (СПб., 1909); «Когда начальство ушло» (СПб., 1910); «Русская церковь» (СПб., 1912). Розанов писал о нем: «презренный и странный господин» (*Ломоносов А. В.* Корреспонденты В. В. Розанова: (Биобиблиографические комментарии к записям В. В. Розанова на письмах, хранящихся в НИОР РГБ) // Записки отдела рукописей. М. 2004. Вып. 52. С. 484).

¹¹⁹ Борис Григорьевич Столпнер (1871–1937) — философ, социолог, переводчик, сотрудничал в «Еврейской энциклопедии», бывал на «воскресеньях» Розанова, но впоследствии с ним рассорился.

¹²⁰ Виктор Петрович Протейкинский (?–1914), родственник Д. В. Философова, учитель математики, участник РФС и РФО, частый посетитель редакционных заседаний «Мира искусства».

¹²¹ Текст подготовлен к изданию и прокомментирован Е. В. Глухой по архивному оригиналу: НИОР РГБ. Ф. 249. К. М3871. Ед. хр. 4–6. Л. 15–16.

поняла, что это не «игрушки», и начала сильно теснить. Письма Толстого нам запрещены совсем.

Жду с нетерпением выхода вашего сборника¹²². Странное я заметил на себе явление. Когда я читаю Минского — я читаю его мысли, слежу за силлогизмами, решаю задачу, очень интересную, но после решения которой, во мне ничего не прибавилось и от меня ничего не убавилось. Когда я читаю Мережковского, я с первой строки вижу что он хочет сказать, задачки нет, нет постройке силлогизмов, но есть бесконечные вариации на одну и ту же тему. Вариации по музыкальности своей достигают иногда гениальности. Но можно некоторые вариации вычеркнуть, другие просто пересказать.

Когда я читаю вас, то при первом прочтении мне все равно что Вы пишете. Я ем вкусное фрикасе, наслаждаюсь его вкусом и затем уже только начинаю соображать из чего оно сделано. Я думаю на этом основано то, что у Вас мало читателей, любящих вас, но чуждых Вам. Вы так художественны, что к Вам можно подойти и с чисто художественной точки зрения, даже будучи не согласен с Вами. С Мережковским этого не проделаешь. Кому его идеи претят, тот ни за что его не одолеет, как Вы не доказывайте, и не распинайтесь за него. Про Минского я уже не говорю. Да, велика непосредственная сила искусства! Оно влечет. Это все не комплименты я Вам говорю, может быть даже напротив. Просто беспритязательное впечатление.

Душевно Ваш

Д. Философов.

P. S. Статью Иванова прочту. Не дадите ли чего о Врубеле и его Демонах¹²³. Не дадите ли чего в ответ на письмо «Н. В.», помещенное в № 4 Хроники?

¹²² Вероятно, ожидаемый сборник — книга Розанова «Семейный вопрос в России» (1903).

¹²³ На предложение Философова написать о Врубеле Розанов откликнулся в статье после посещения выставки «Мира искусства», которая прохо-

А. В. Ельчанинов — П. А. Флоренскому¹²⁴

[7.03.1903. СПб. — Москва]

Дорогой Павлуша! Тот лист, который ты хотел внести в свою статью, пришел слишком поздно. Насчет оттисков я попросил уже в типографии и, если и когда сделают, пришлю тебе. Благодарю тебя за благоприятный отзыв о моей статье, но я его принять не могу — это просто малоталантливая компиляция; я очень жалею, что поторопился с ней (виноват Дмитрий Сергеевич) и напечатал прежде, чем познакомился с интересными материалами в Публичной Библиотеке. Кстати, сообщи мне уж зараз, доверши свою доброту, что еще есть Лабзиновского в Румянцевском Музее, в рукописях. Я еду домой дня через два—три. Это немного рано, но мама очень просит, да и брат советует ехать и утешить ее. Если будешь писать, то пиши уже по следующему адресу: Тифлис, Николаевская, 105. Прости, пожалуйста, если ты найдешь неделикатным, что я в письме сегодня сообщил Мережковскому о планах твоих будущих работ, может быть, он захочет их видеть у себя в журнале.

А. Е.

В. В. Розанов — П. П. Перцову¹²⁵

[10.03.1903. СПб.]

Дорогой мой Петр Петрович!

дила в Петербурге в 1903 г.: *Розанов В.* На выставке «Мира искусства» // Мир искусства. 1903. Т. 9. С. 53–55. Выполняя просьбу Философова, Розанов писал: «Г. Врубель дает “демона” и “демоническое” как проступающую в природе человечность, человекообразность. “Демон” у него не “пролетает над миром”, а “выходит из мира”. Невозможно отрицать, что в этом усилии есть смысл. “Демоническое”, в противоположность “ангельскому”, против человека, ниже человека» (*Розанов В. В.* Собрание сочинений. Итальянские впечатления; Среди художников. С. 217).

¹²⁴ Печатается по: *Павлюченков*, ВПСТГУ 2010/4. С. 110.

¹²⁵ Печатается с комментариями по: *Гончарова*, 2015. С. 147.

Печатайте-ка Вы поспешнее заметку о Шарапове: дело в том, что мне грозит получение писем Енишерлова и заметка потеряет *raison d'être*. А она имеет свой смысл. Посему, если смею, умоляю ее — в этот номер; ну, что — если конец и скучноват. И у Истукана Вавилонского ноги были глиняные¹²⁶, так уж мне куда хотеть всё из одного металла.

Ваш любящий В. Розанов.

Разнообразьте книжки; давайте новые имена и новые темы; с этой целью я пустил бы о сионизме Ковнера¹²⁷ сейчас: ведь всего 5 страниц. Писаревой — напишу. Оригинал письма Шарапова верните мне.

[На обороте:]

Всё перерыл и не нашел письма Писаревой¹²⁸, — которая обещала статьи о Блаватской и индусах¹²⁹. Следовательно — и адреса ее не знаю. А я написал ей так условно, что не знаю, придет ли она? Посему, дорогой — не послал ли я Вам ее письма? Если да, то по адресу, там имеющемуся (кажется: Тула¹³⁰, Дворянский банк, можно — просто «госпоже Писаревой»), напишите слова два приглашения. Она, очевидно, очень образованная и крепкого, ясного ума.

В. В. Розанов — П. П. Перцову¹³¹

[11.03.1903. СПб.]

¹²⁶ Намек на вавилонского царя Навуходоносора, увидевшего во сне огромного металлического истукана на глиняных ногах. Оторвавшийся от горы камень ударил в глиняные ноги, и истукан был повержен (См.: Дан. 2: 31–35).

¹²⁷ Имеется в виду «Новая обетованная земля» А. Г. Ковнера.

¹²⁸ Розанов переслал письмо Е. Ф. Писаревой от 26 февраля 1903 г. Перцову. На письме сохранилась помета Перцова о получении «3 III 1903 г.» (НИОР РГБ. Ф. 249. М. 3876. № 37. Л. 3 об.).

¹²⁹ Имеется в виду очерк Е. Ф. Писаревой «Блаватская, в отзывах ее учеников» и перевод книги «Эзотерическая философия Индии».

¹³⁰ Поместье Е. Ф. Писаревой Подборки находилось в Калужской губернии, неподалеку от Оптиной Пустыни.

¹³¹ Там же. С. 147–149.

Дорогой Петр Петрович! Печатайте 1.200 (а не 600) экземпляров 2-го издания «Нового пути»:¹³² очевидно, будут купаться целые за 1903 год и в 904 и в 905 году. Корректуру «Солнце у евреев»¹³³, раз она почеркана, верните мне в оригинале. Это — для издания в «Сочинениях» моих. Я Вам верну вырезки из газет о «Новом пути»; а Вы мне не поскучайте прислать другие, какие появились. Ведь я ничего не видел, между прочим и стихи Чуминой¹³⁴. Вот дура! — Из вырезок — интересна только в «Московских ведомостях»¹³⁵ «Чуют бурю» («Жизнь за царя»)¹³⁶. Подлец цензор¹³⁷. Да — борьба и пот. Очень травят, и подлейшим тоном, Петрова,

¹³² Речь идет о допечатке тиража «Нового пути» за январь и февраль.

¹³³ 10 марта 1903 г. Перцов писал Розанову: «Очень почеркали “Чувство солнца”. Просто не знаем, что делать? От этого мерзавца Савенкова жить нельзя. Он всего боится и знай себе режет» (РГАЛИ. Ф. 1796. Оп. 1. № 83. Л. 28). Речь о светской цензуре статьи «Чувство солнца и растений у древних евреев». См. примечание к письму Розанова Перцову от 17.02.1903.

¹³⁴ Стихотворная пародия «Угли и дома» на Розанова и журнал «Новый путь» появилась в газете «Новости» (2 (15) марта 1903. № 60. С. 2; подпись: Оптимист). Под псевдонимом Оптимист в газете печаталась поэтесса Ольга Николаевна Чюмина (1858–1909), автор около сорока поэм и пьес.

¹³⁵ Речь идет о статье А. Басаргина «“Религиозное обновление” наших дней», печатавшейся в нескольких номерах «Московских ведомостей» (22 февраля (7 марта) 1903. № 52. С. 3; 1 (14) марта. № 59. С. 3–4; 8 (21) марта. № 66. С. 3–4). Под псевдонимом А. Басаргин выступил известный богослов Алексей Иванович Введенский (1861–1913). Он разбирал идеи, высказанные в «Новом пути». В апрельском номере «Нового пути» за 1903 г. Розанов поместил статью «Серьезный критик», посвященную фельетонам А. Басаргина, отметив их как единственные «серьезные» и «думающие» «из бездны шумных отзывов», какими был встречен «Новый путь» (Новый путь. 1903. № 4. С. 109–116; *Розанов В. В.* Собрание сочинений. Религия и культура. С. 572–576).

¹³⁶ Намек на слова «Чуют правду» из арии Ивана Сусанина в опере М. И. Глинки «Жизнь за царя» (либретто бар. Е. Ф. Розена).

¹³⁷ Светский цензор «Нового пути» выпускник Александровского лицея Евгений Семенович Савенков (1846 — не ранее 1906.). По словам Перцова, «старомодный и угрюмо-подозрительный “черносотенец”» (*Перцов П. П.* Литературные воспоминания 1890–1902 гг. М., 2002. С. 280). — В. К.

и я пришлю Вам, должно быть, заметку о нем, даже — для марта (чтобы не запоздать)¹³⁸. Ведь он валит (и мощно) ту же схоластику, которая давит и нас, давит — всё.

Спасибо за «Блаватскую» и Писареву¹³⁹; Писарева — умнейшая баба и, кажется, «себе на уме» в религии. Потеха. Пусть даст отведать попам — подписчикам индуcского лингама¹⁴⁰; нам что: только бы завертелось, закрутилось: а уж мы свое выудим. Мне думается: не прислать ли Вам для набора всю пачку писем Филевского, прочитав их предварительно: будет удобнее писать примечания к печатному тексту, да и его «позволяю печатать» уже будет вготове. Так — удобнее. Его переписки хватит на весь этот год, а в следующем — Устьинский¹⁴¹ и затем Рцы. От кого-то я слышал: «Как интересны письма обоих священников».

¹³⁸ Речь идет о статье «Прекрасный Иосиф и его братья» (1903), которая не была напечатана в журнале. Розанов писал: «И с восхищением, и с негодованием я слежу за полемикой против священника о. Григория Петрова, вокруг священника Григория Петрова, ведущую всю эту зиму и в петербургских, и в московских журналах и газетах, отчасти в светских, но главным образом в духовных. Змеиным кольцом сомкнулись его недруги. Речи их тихи, но в тишине этой — буря ненависти» (*Розанов В. В. Собрание сочинений. Около церковных стен. С. 442*).

¹³⁹ Перцов в письме к Розанову от 10 марта 1903 г. просил, чтобы Е. Ф. Писарева прислала свои статьи для журнала (РГАЛИ. Ф. 1796. Оп. 1. № 83. Л. 28).

¹⁴⁰ Лингам (*санскр.* знак, метка, признак) — в древнеиндийской мифологии и некоторых течениях индуизма символ божественной производящей силы. Наибольшее распространение получил в шиваизме, как поклонение лингаму (символу Шивы) и женскому символу «йони» (символу «шакти» (женской стороны) Шивы в различных ее проявлениях). В качестве ритуальной скульптуры представляет собою вертикально поставленный цилиндр с закругленной или полусферической вершиной, обычно поднимающийся из *йони* — основания в виде круга, реже в виде квадрата. По сторонам цилиндра могут быть изображены скульптурные образы богов. Считается, что образ «линга-йони-мурти» символизирует собою неделимое единство мужского и женского начал, от соединения которых исходит жизнь.

¹⁴¹ Письма священника Устьинского были напечатаны только в февральской книжке «Нового пути».

Ковнер все плачется о заде Иеговы. Хоть бы Вы это поместили.

И за «Шипку» спасибо. Он — прелестный беллетрист «из неудачников в службе». Главное: берегите и с расчетом помещайте отчеты о собраниях. Ведь это — самый ценный материал, а Вы с ним роскошествуете. Начиная с апреля — пускайте по 1 заседанию¹⁴². Ведь что же еще осталось? Только — о священстве да о браке¹⁴³? о догматизме и а-догматизме¹⁴⁴? Но ведь этого едва на 8 книжек хватит: а нынешний год не будет более 3-х заседаний, а в будущем по нашей лени соберемся в ноябре или декабре¹⁴⁵. Мережковские вальжничают на даче чуть ли не всю зиму. —

Vale¹⁴⁶ В. Розанов

В. В. Розанов — Л. Н. Толстому¹⁴⁷

[11.03.1903]

¹⁴² В январском и февральском номерах «Нового пути» в последнем разделе журнала «Записки Религиозно-философских собраний в С.-Петербурге» помещались материалы четырех заседаний собраний.

¹⁴³ Речь идет о XII–XVI заседаниях Религиозно-философских собраний, посвященных теме брака. Доклад «О браке» иеромонаха Михаила (Семенова) задал тон дальнейшей дискуссии на следующих заседаниях (Новый путь. 1903. № 9. С. 309–362).

¹⁴⁴ Имеются в виду XVII–XXI заседания РФС, посвященные теме «О догматическом развитии». На XVIII заседании читался доклад Розанова «Об адогматизме христианства».

¹⁴⁵ 5 апреля 1903 г. вышел указ Синода о запрещении Петербургских Религиозно-философских собраний. Последнее заседание состоялось 13 марта 1903 г.

¹⁴⁶ Прощайте (*лат.*).

¹⁴⁷ Печатается с комментариями по: http://az.lib.ru/r/rozanow_w_w/text_1310.shtml с предисловием А. Н. Николюкина — со ссылкой на: Гос. литературный музей. Летопись. М., 1938. Кн. 2. С. 225. Автограф письма хранится в Государственном музее Л. Н. Толстого, 182/14, с пометой: «Без ответа». Почт. шт.: 11 марта 1903 г.

Дорогой (Не сочтите за фамильярность. Конечно — и «уважаемый» и «глубокоуважаемый», но в основе всего и лучше всего просто «дорогой») Лев Николаевич! Кратко и горячо поблагодарив Вас за ласку и привет во время нашего у Вас пребывания¹⁴⁸, перехожу спешно к двум статьям, Вами мне даденных: «Восстановление упраздненного было Ада» и «Обращение к духовенству»¹⁴⁹. Вторая говорит о воспитании как гипнозе на детей и на невежд той суммы всяческих «истин», которые разоблачаются или, вернее, уличаются в первой статье. Итак — она основная.

Вы картинно, в диалоге, в драме, наподобие средневековых мистерий, выразили ту истину, которую я кратко формулирую иначе: наша эпоха (= христианская) вовсе не мессианская. Тут проходит какая-то внешняя слепота. Все (богословы, да и обыкновенные люди) верят, что «пророчества исполнились», «Мессия явился» и «мечи перековывались на орала, а лев лег возле овцы, не съедая ее». И ему ВЕРЯТ! Это-то и поразительно, что все веруют, что обетования исполнились и «Примиритель» пришел и уже основал свое «царство». Между тем до последней степени очевидно, что наша цивилизация есть просто Содомская, бесстыдная и нахальная, порочная и зараженная, как ни одна еще до нее; и не имеющая никаких надежд исправиться оттого, что она самоуверенна, счастлива добродетелью, в общем итоге отто-

¹⁴⁸ Утром 6 марта 1903 г. В. В. Розанов с женой приехал в Ясную Поляну. Этот день запомнился ему на всю жизнь, и он не раз возвращался к нему в своих статьях и книгах. Проговорили весь день, но не поняли друг друга. Однако то было «полезное непонимание», во всяком случае для Василия Васильевича, который создал «своего Толстого»: написал свыше 40 статей в газетах, журналах и сборниках о Толстом.

¹⁴⁹ При встрече 6 марта Толстой дал Розанову для прочтения две свои статьи, только что напечатанные в издании В. Г. Черткова в Англии «Свободное слово». То были обращение «К духовенству», законченное Толстым в октябре 1902 г., и продолжение той же темы в статье «Разрушение ада и восстановление его (Легенда)», написанной в конце 1902 или начале 1903 г. (Розанов называет ее не совсем точно).

го, что она считает себя мессианскою («Обетованный пришел», «Обещанный пророками сошел на землю — умер за грех»). Но, возлюбленный Лев Николаевич, у меня тут начинаются очень далекие и очень горькие мне самому сомнения, но я не умел от них уйти. Ведь и я, как иногда [хозяин] на своем работнике (или наоборот, имен не помню), лежу на ближнем и согреваю его¹⁵⁰ и больше ничего не умею. Живу день за днем, стараюсь, чтобы тепло было около меня, ибо алтарь сионской веры в душе разрушен.

Какая странная концепция христианства: в «дому» человечества — убитый («распятый»), не человек, но Бог: и тем, что они, хозяева дома, хозяева земли, человечества, убили Бога — искуплена земля от «греха, проклятья и смерти».

Возьмем аналогию. Живете Вы с Софьей Андреевной, никого не судите, никем не судимые, живете и грешите и делаете неправду. Прошло много лет. Вдруг в одно прекрасное утро находят Софью Андреевну повешенною у Вас в кабинете или у себя в спальне: неужели это есть оправдание для Льва Николаевича?

Еще аналогия. Живет деревня, не худая и не хорошая, так себе. Вдруг на задворках одного из домов находят зарезанного человека: неужели это «оправдание» для деревни?!!

Таким образом, чудовищна сама концепция: оправдание через новое чудовищное преступление. Христианство есть вовсе не искупление от греха, а новое и тягчайшее грехопадение. Что значит «ослушаться Бога», «вкусить яблока» — пусть и волшебного (Ваши слова) — сравнительно с распятием и опозорением Сына Божия?!

Да это так и есть: несмотря на общую веру, что «мы искуплены», сами искупленные чувствуют себя удвоено, утроено грешными сравнительно с людьми до Христа, с иудеями, с греками. Читайте жития «пустынников»: страх гибели души своей, отчаяние от «греховности» — поразительны в этих, индивидуально очень неподвижных, уединенных,

¹⁵⁰ Аллюзия на рассказ Л. Толстого «Хозяин и работник».

изможденных постом и молитвою людях. Этого невозможно не заметить и этим нельзя не поразиться. И я думаю — в основе этого лежит и истина. Говоря образом, климат планеты нашей еще испортился после Христа. Не настало никакого «лета благоприятного», а скверно, как петербургская осень, для всей планеты и целого человечества, в его поверивших «искуплению» частях.

Об этом пишете и Вы, другими словами, другими образами. Мы стоим над одним фактом, по-Вашему — «восстановление Ада», по-моему — «усиления Ада». Выше его пламя; вонючее его смрад.

Но затем мы расходимся. Вы все вините церковь; вините символ, поскольку открываете важнейший источник всего в «непогрешимости», «непоправимости» церкви и проч. Но, Лев Николаевич: откуда церковь?

Ведь в той самой книге, где Вы читаете: «поступай с ближним, как хочешь, чтобы поступали с тобою», «отдай одежду ближнему» и проч., написаны и слова: «если кого свяжете на земле — будете связаны и на небе, а кого разрешите на земле — будете разрешены на небе», и еще: «Петр — паси овец моих» и, наконец, третье: «Ты еси Петр (= камень, твердыня веры в Иисуса как Бога) и на сем камне созижду церковь мою». Если одни слова Вы принимаете за Христовы, примите и все Его слова, всю тайну Его, все. Чаю сказать ему третий секрет Евангелия. Слова о церкви, о связанности на небе связанных на земле, до того страшны, до того необычайны, так не рациональны и новы [*по сравнению*] со всем, что раньше слушало человечество от пророков, от Моисея, от Будды и проч., что очевидно — они не вставлены в Евангелие фокусником-поддельвателем текста, а суть часть текста, его особенная и таинственная часть.

От Лютера, от «еретиков» начиная, все задумывались: откуда ад — в христианстве? Все искали «плевел». И Вы — в числе ищущих и вырывающих плевелы и за это «к еретикам причтены». Но, Боже, что за почва, столь утучненная

для плевел. Ведь где еще пот и злоба растут так легко, обильно, повсюду. Откройте духовную журналистику: в душе автора обычно (всегда!) пылает злоба, а слова он плетет елейные, «пригожие», «любовные». Да что за чудо слова и души? Отчего «безбожник» Тургенев — благостен, благодушен, смехотвор и блудник, а деревню разделил между мужиками и Виардо? Вообще поразительную особенность истории составляет факт, что так называемые «блудники», которые, по апостолу Павлу, «царства небесного не наследуют», — суть хохотуны, весельчаки, имение свое расточают не только с «блудницами», но и положительно на добрые дела. Вот кто часто скидает рубашку и отдает ее озябшему. Я видал в этом роде поразительные примеры. Воспитывает гимназиста, воспитывает сирот, делится столом с нуждающимся товарищем — человек, который и думать забыл, что такое «целомудрие». Напротив, аскеты, скопцы бывают чрезвычайно жестоки, скаредны. Аскетический Рачинский был удивительно сух и страшно — горд. Но оставляю его и перехожу к «плевелам».

Жгли еретиков (Вы пишете) и воздвигли гордое здание церкви «непогрешимые», именно «праведники нового спасения», постники, аскеты; «мы достигли святости, мы — непогрешимы». Вспомните Анджело у Пушкина. Из таковых состояли инквизиторы: и ведь Анджело, действительно, пал только один раз, как падали «по разику» решительно и все святые церкви. — Они жгли «блудников мысли», «блудников жизни», славных, добрых, простых. Они жгли, с спокойствием указывая, что Учитель их «отделял солому от зерна — и ввергал солому в Огонь вечный, Огонь адский, уготованный диаволу и аггелам его». Все это они читали в Евангелии столь же непререкаемо, как Вы в нем читаете: «не противься злomu». Вы выбрали себе милое; они выбрали им милое. Грозы, угрозы, огня палящего в Евангелии не менее, чем росы, падающей на раны.

Нагорная проповедь... да почему же она не осуществилась?! Я перехожу прямо к Вас замучившей мысли, которую

Вы вращаете в уме своем, как отравленный отраву в висках: «то-то и то-то сказано, а люди — не исполняют!» Да отчето же они не исполняют? Вы не обратили внимания на момент или на сторону реализма в Евангелии. Не исполняют всего того, что и дано было не для исполнения, а для привлечения; что составляет былой флаг корабля, флаг явный, для чтения, для пропуска в страну: но исполнилось, и с страшную, неодолимою силою исполнилось все то, что лежит сзади флага, грузом, и что и было уже дано для исполнения: «кого свяжете — тот будет связан»¹⁵¹, «пасите овец моих», «врата Адовы не одолеют церковь Мою».

Христианство, Церковь суть именно церковь Христова, исполнение Его. Заметили ли Вы странный, как бы осторожный вопрос: «а вы за кого меня принимаете?» Возможно ли, чтобы Иову проговорил голос из бури: «за чей голос ты меня принимаешь», чтобы Моисей услышал из купины горящей: «за кого ты принимаешь Меня». Таким образом, церковь новозаветная есть именно исповедание Лица Иисуса Христа, и положение в Нем всего упования, всей надежды, всего «спасения». Без этого — нет христианства; а как это есть — есть христианство, есть церковь.

Вы — и в церкви, и в христианстве. Вы только кричите: «братья, вы не то читали, не те слова». Но «братья» сухо Вам могут ответить: «нет, мы читаем не свои, а Его слова, столь же бесспорно сказанные», как и слова о любви. Словом, на «речениях» Спасителя Вы никак не победите церковь, не победите даже инквизиции. Нет, пора признать, что церковь держится на точных словах Спасителя, как и Вы, пытающийся победить ее. И притом ее слова, ею принятые во внимание, суть в точности новые слова, «новое вино»; а о любви слова — стары как мир. Ведь есть же «новый завет»; ведь и Вы Христа комментируете иначе, [чем] читая Сократа или Сенеку; а и Вы, значит, видите, что Христос

¹⁵¹ «Истинно говорю вам: что вы свяжете на земле, то будет связано на небе; и что разрешите на земле, то будет разрешено на небе» (Мф. 8: 8).

не просто моральный учитель, что в Нем — тайна, неисповедимое, особенное, что он принес «новый завет», «новое вино», — «никто, возлагающий руку свою на плуг и оглядывающийся назад, не благонадежен для царства небесного»¹⁵². Христос не хочет оглядки. Он увлекал человечество — это явно. «За кого вы «принимаете?» — «Я верю, что Ты — Сын Бога живого». — «Блажен ты, Петр: на сем камне (= на этом новом исповедании) созижду церковь Мою и врата ада не одолеют ее». Вот этих слов никак не мог сказать летописец; подобного не говорил ни Магомет, ни Будда, ни Конфуций, ни Соломон, ни Давид, ни Шопенгауэр. Церковь основал только Христос, именно как преемство исповедания, как непогрешимость и САМОУВЕРЕННОСТЬ исповедания (торопливость Петра в признании, отсутствие в нем колебаний, восторг в нем «безогаден»).

Христианство, «Церковь Христа» вся основана на «безогаден». Кто оглянулся — уже вне церкви.

Я — «оглянулся» — и несчастен. Грущу и грущу. Радость моя редка, [нрзб]; а грусть — постоянна.

Сердце мое возмутилось. Не Христос ли сказал: «кто не оставляет отца и мать и жену и детей ради Меня — несть Меня достоин». Грешный, я люблю детей — и очутился «вне достоинства» Христова.

Так и остался «вне».

Вот мое положение, которое пробудило мысли, вопросы, дальше, больше: пока я не стал различать в самом Евангелии «флаг для пропуска» и излишний груз на дне трюма, которым будет торговать корабль, пропущенный в страну. Вы все принимаете этот товар за инородные «плевели», но я думаю — дело сокровенное и просто заключается во взятии чужого флага, давно бывшего у человечества в употреблении, для провоза товара, так смутившего Ваше сердце.

¹⁵² Ср.: Лк. 9:62.

Софье Андреевне и Александре Львовне и Эразму Леопольдовичу¹⁵³ передайте мой сердечный привет, а равно и жены моей.

Ваш искренно любящий В. Розанов.

Д. В. Философов — В. В. Розанову¹⁵⁴

[14.03.1903]

Дорогой Василий Васильевич.

Душевное Вам спасибо за ваши два тома¹⁵⁵. Я через дней 10 думаю уехать из Петербурга и возьму эти книги с собой, тогда и проштудирую, а пока благодарю и с почтительным удивлением взираю на Вашу неумоимость.

Душевно ваш,

Д. Философов.

До отъезда с вами и Варварой Дмитриевной непременно повидаюсь.

Л. И. Шестов — жене¹⁵⁶

[Март 1903? Киев]

(...) Что до Бердяева и Булгакова — я бы их перед тобой защищать не стал. Я уверен, что если бы ты их увидела и узнала — то восторгалась бы ими без конца. Они совсем в твоём вкусе, а что «Мир Божий» цитирует клочки — то по клочкам нельзя судить. Правда, Бердяев пишет немного слишком возвышенно и с большим количеством иностранных

¹⁵³ Эразм Леопольдович Гедговд (Гедгофд) (1869–?) — врач, жил несколько месяцев в Ясной Поляне.

¹⁵⁴ Текст подготовлен к изданию и прокомментирован Е. В. Глухой по архивному оригиналу: НИОР РГБ. Ф. 249. К. М3871. Ед. хр. 4–6. Л. 17.

¹⁵⁵ «Семейный вопрос в России».

¹⁵⁶ Печатается по: *Баранова-Шестова*, 1983. С. 57. Б. д.

слов. Но это пройдет у него. Он еще молод: ему 27/28 лет. Но если бы ты была в Киеве, то себя в обществе здешних литераторов и их жен чувствовала превосходно. Они очень милые люди, и с ними вообще гораздо лучше жить, чем с петербургскими писателями. (...)

В. В. Розанов — П. П. Перцову¹⁵⁷

[16.03.1903. СПб.]

Дорогой Петр Петрович. И Антонин¹⁵⁸ мне в четверг¹⁵⁹ сказал, да и я сам вижу, что «Христос как судия мира»¹⁶⁰, безусловно, надо отложить до апреля: ведь это — безобразие помещать доклад как добавление к прениям о докладе Волконского¹⁶¹; Антонин сказал: «Его можно вполне пропустить, без всяких поправок, с теми на него возражениями, какие сегодня (в четверг) сказаны». Конечно — так и надо поступить. Да и читатель подавится от такого множества включенных в март «прений» (еще — о Соловьеве)¹⁶².

¹⁵⁷ Печатается с комментариями по: *Гончарова*, 2015. С. 149.

¹⁵⁸ Речь идет о беседе с духовным цензором «Нового пути» епископом Антонином.

¹⁵⁹ 13 марта 1903 г., в четверг, состоялось XXI заседание Религиозно-философских собраний.

¹⁶⁰ Статья «Об основаниях церковной юрисдикции, или о Христе — Судии мира» была опубликована в апрельском номере «Нового пути» (1903. № 4. С. 134–150). В основе статьи Розанова — доклад, прочитанный им на последнем, XXI заседании Религиозно-философских собраний.

¹⁶¹ Имеется в виду «Доклад кн. С. М. Волконского» на VII заседании Религиозно-философских собраний (Новый путь. 1903. № 3. С. 9–133).

¹⁶² Не ясно упоминание Вл. Соловьева. В прениях по докладу С. М. Волконского имя Вл. Соловьева упоминалось неоднократно. Так, Д. С. Меержковский обратился к архимандриту Антонину с вопросом: «Вы не сомневаетесь в православии Вл. Соловьева? Я просил бы отвечать прямо» (Там же. С. 152). Но, возможно, Розанов имел в виду обширную статью «Философские воззрения Владимира Соловьева», помещенную в тот же номер журнала (Там же. С. 71–106; подпись: С. 3).

2) Не откажитесь прислать слугу на извозчике взять 2-ое издание «Природы и истории» и номера «Литературных очерков»¹⁶³. Мне привезли вчера от Меркушева¹⁶⁴ 700 экземпляров 2-х томного (и толстые томы) «Семейного вопроса в России»¹⁶⁵ — и разгромили квартиру. Задыхаюсь. У Вас же есть и перевозочные и посылательные средства, конечно — больше, чем у меня.

3) Пошлю я Вам хоть 10 экземпляров книги «О понимании»¹⁶⁶. Дмитрий Сергеевич¹⁶⁷ говорил, что у Вас — спрашивали, а Вы — не высылали. Хоть бы мне переслали требования.

Ваш В. Роз. —

Заходите завтра.

Д. С. Мережковский — Вяч. И. Иванову¹⁶⁸

[20.03.1903. СПб.]

20 Марта 1903. СПб. Литейная 24, кв. 33.

Глубокоуважаемый Вячеслав Иванович, простите, ради Бога, что так долго не отвечал. Я все время был болен и очень расстроен цензурными гонениями на

¹⁶³ Обе книги впервые были изданы Перцовым: *Розанов В. В.* Природа и история: Сб. статей. СПб., 1900; 2-е изд. СПб., 1903; *Розанов В. В.* Литературные очерки: Сб. статей. СПб., 1899; 2-е изд. СПб., 1902.

¹⁶⁴ В типографии М. Л. Меркушева печатались названные выше книги Розанова.

¹⁶⁵ Книга Розанова «Семейный вопрос в России» вышла в свет в марте 1903 г. (СПб., 1903. Т. 1–2).

¹⁶⁶ Перцов просил Розанова прислать его первую книгу «О понимании. Опыт исследования природы, границ и внутреннего строения науки как цельного знания» (М., 1886).

¹⁶⁷ Д. С. Мережковский.

¹⁶⁸ Печатается по: К проблеме «Мережковский и Вячеслав Иванов». Переписка Д. С. Мережковского с В. И. Ивановым / Публ. и коммент. М. Цимборской-Лебода и Н. А. Богомоллова // *Studia Rossica VII. W kraju i na obczyznie. Literatura rosyjska XX w. Warszawa, 1999. С. 81–82.*

III книгу «Нового пути». Сегодня она должна выйти (изре-
занная — в особенности мой «Гоголь»¹⁶⁹), и Вы, вероятно,
получите ее вместе с этим письмом.

Валерий Брюсов написал рецензию о «Кормчих звездах»,
которую Вы и найдете в этой книжке¹⁷⁰. Мне Ваши сти-
хи очень многим нравятся и кажутся родными так же, как
и вся Ваша личность. Но есть кое-что в стихах, чего я не по-
нимаю, не знаю, по своей или по Вашей воле. Вообще чув-
ствуется, что Вы слишком долго живете в уединении¹⁷¹. Оно
укрепляет, углубляет, но суживает. Вам бы надо сюда, в Пе-
тербург, к нам всем. Не только Вы нам нужны, но и мы, ка-
жется, были бы для Вас небесполезны. Тут столько жатвы
и так мало делателей. Ну да я надеюсь, что это еще будет,
что Вы окажетесь нашим самым деятельным сотрудником.

А пока «Афоризмы», разумеется, присылайте, а так-
же «Религию страдающего бога»¹⁷². Последнее по теме нам

¹⁶⁹ Речь идет о работе Мережковского «Судьба Гоголя», печатавшей-
ся в первых трех номерах «Нового пути». О цензурных преследова-
ниях «Нового пути» см.: *Цехновицер О.* Символизм и царская цензу-
ра // Ученые записки Ленинградского гос. университета. 1941. № 76.
Вып. 11. Серия филологических наук. Об отношении цензуры к жур-
налу вспоминала З. Н. Гиппиус: «Положение журнала было исключи-
тельно трудное: каждая книга подлежала двойной цензурной трепке;
сначала шла к обыкновенному цензору, а потом в Лавру, к духовному.
Была у нас и третья цензура, неофициальная, интеллигентская; по тем
временам если эстетика и начинала кое-как завоевывать право на су-
ществование, то религия без разбирательства была осуждена; и нас за-
писали в реакционеры» (*Гиппиус З. Н.* Стихотворения. Живые лица.
М., 1991. С. 336).

¹⁷⁰ Рецензия В. Я. Брюсова на книгу стихов Иванова «Кормчие звезды»
(СПб., 1903) была опубликована в: Новый путь. 1903. № 3. С. 212–214.
Перепечатана в: *Брюсов В.* Среди стихов: Манифесты, статьи, рецен-
зии. М., 1990. С. 74–75.

¹⁷¹ С 1896 г. Вяч. Иванов жил за границей (Германия, Франция, Италия,
Греция и др.), бывая в России лишь изредка. Вернулся на родину только
в 1905 г.

¹⁷² Большая работа Иванова «Эллинская религия страдающего бога» печаталась в: Новый путь. 1904. № 1, 2, 3, 5, 8, 9. Ее окончание под заглави-

чрезвычайно подходит. Об одном только очень просим; как можно понятнее, проще, наивнее! Наша главная задача — чтобы нас нельзя было не понять, так как наше главное препятствие — то, что нас всеми силами стараются не понимать. Ну, словом, мы не уходим от людей, а идем к людям, тут у нас глубочайший инстинкт, противоположный нашему же собственному недавнему индивидуализму и «уединению»¹⁷³. Прочтите-ка Бальмонта о Некрасове¹⁷⁴ (в III книге «Нового пути»). Это не очень сильно, слабее многих его

ем «Религия Диониса. Ее происхождение и влияния» было напечатано в: Вопросы жизни. 1905. № 6–7. Об истории ивановского исследования см.: *Котрелев Н. В.* Вячеслав Иванов. «Эллинская религия страдающего бога» // Эсхил. Трагедии. М., 1989. С. 556–557 (там же в дополнениях напечатаны фрагменты верстки книги Иванова 1917 г., публ. Н. В. Котрелева). «Афоризмы» в журнале не появлялись. Вероятно, Иванов предлагал Мережковскому осуществить в «Новом пути» нечто вроде того плана, о котором 5 февраля 1903 г. он писал А. В. Гольштейн: «Вот мы [Иванов и Зиновьева-Аннибал] напали на мысль издавать последовательные выпуски наших сочинений под общим заглавием. Содержание первого выпуска составили бы первые главы “Пламенников”, моя трагедия (первая в трилогии) “Тантал”, моя статья о лирической поэзии и афоризмы. Со второго выпуска, посвященного, прежде всего, продолжению “Пламенников”, я бы начал со статьи о религии страдающего Бога у греков» («Обнимаю Вас и матерински благословляю...»: Переписка Вячеслава Иванова и Лидии Зиновьевой-Аннибал с Александрой Васильевной Гольштейн / Публ., подг. текста, предисл. и примеч. А. Н. Тюрина и А. А. Городницкой // Новый мир. 1997. № 6. С. 181).

¹⁷³ Видимо, отсылка к стихотворению Гиппиус «Соблазн» («Но есть соблазн... соблазн уединенья... Его донныне я не победил») (впервые в: Мир искусства. 1901. № 5).

¹⁷⁴ Имеется в виду статья К. Д. Бальмонта «Некрасов» (Новый путь. 1903. № 3. С. 41–47). В заметке 1924 г. М. А. Волошин вспоминал: «Статье Бальмонта о Некрасове, написанной им года 2 спустя, предшествовали несколько наших бесед о Некрасове, во время которых мы с восторгом цитировали друг другу любимые стихи Некрасова, и помнится, что он впервые от меня узнал стихотворение “Вчерашний день, часу в шестом”, в те годы еще не входившее в собрание стихотворений» (Чукоккала: Рукописный альманах Корнея Чуковского. М., 1979. С. 316).

стихов, но все-таки подлинно. А между тем — можно ли поверить, что это Бальмонт! И уж, конечно, эта метаморфоза происходит в нем произвольно, безыскусственно, так же, как во всех нас. Говоря грубо и банально — мы опять «идем в народ», но, разумеется, не с тем, с чем шли наши предки.

«Пламенники» очень любопытны, но слишком непонятны для читателей, чтобы помещать их в журнале¹⁷⁵. Мария Михайловна Замятина обещала мне прислать дальнейшие корректуры «Пламенников». Я буду читать внимательно.

Итак, ждем от Вас известий и сотрудничества в «Новом пути». От всей души благодарим за Ваше участие.

Искренне преданный Вам Д. Мережковский.

P. S. Если увидите графа Прозора, передайте ему мой сердечный привет.

Л. Н. Вилькина — В. Я. Брюсову¹⁷⁶

[24.08.1903. СПб.]

24 августа 903 г.

Английская наб. 62.

Милый Валерий, не пишите «Ваш» в кавычках. Не пишите — ваш — если нельзя или трудно без кавычек.

Об отношении к Некрасову Иванова см. его ответы на анкеты Чуковского 1919 г. в: Там же. С. 251–252.

¹⁷⁵ Роман жены Иванова, Л. Д. Зиновьевой-Аннибал, оставшийся неопубликованным. См. запись в неизданном фрагменте дневника В. Я. Брюсова, относящемся к марту—апрелю 1903: «Являлась г-жа Замятина от Вяч. Иванова пристроить роман его жены, “Пламенники”» (РГБ. Ф. 386. К. 1. Ед. хр. 16. Л. 31 об). Однако, как и Мережковский, Брюсов отнесся и к роману, и к самой Зиновьевой-Аннибал скептически: «Жена его [Вяч. Иванова], автор “Пламенников”, пуста, нахваталась декадентских фраз, которые сует кстати и некстати» (Там же. Л. 32 об.). Ср. также: Литературное наследство. Т. 85. С. 435–436.

¹⁷⁶ Печатается с комментариями по: *Котрелев, Лавров*, 2004. С. 339–340.

Знаете, Валерий, мне кажется, что как есть или возможен демонизм, так же возможен и существует и столько же он злой — «ангелизм». Это забавно звучит, но этому предстоит большое будущее. — Я в себе нахожу ангелизм и не хочу с ним бороться и коварно дорожу им. А вот вы еще не такой. Вы как-то сердито относитесь к какому-то прошлому, говорите о каком-то будущем, в котором еще нет вас, и все время так мало, так мало любите себя, так собою недовольны.

А почему в письме звучит боязнь в самом деле не уметь со мной говорить. Почему я вам так далека, когда я вам так близка. — И хотите, я освобожу от свидания со мной, ибо и 16 сентября (а не октября) ничего не будет. Буду только я, будете вы. Если придете в 4 — будут, может быть, и чужие — хоть я не зову, — если в 8 — я одна. Мне всегда (из ангелизма) кажется, что когда я, это очень много. Ну а если вам страшно и ненужно меня — тогда, как хотите.

Легко освобождать, а я жажду легкого. Что ж, не придете?

Хотела бы, чтобы приехали так, ни для чего.

Я третий день из заграницы. Прямо убежала от Сони¹⁷⁷. Как ужасны люди жизни, живучие, как гады. — У нее на втором слове Бальмонт и как она его мучила и соблазняла. Ужасно вульгарная особа. С вами она жаждет познакомиться с тех пор, как узнала, что я «дружна» с вами. Хочет отбить, как «отбила» Бальмонта. Непременно зимой познакомлю — авось соблазнитесь. Все-таки она лучше Образцовой¹⁷⁸.

¹⁷⁷ Софья Григорьевна Балаховская-Пети (1870–1966) — юрист, литератор, меценат. С конца XIX века жила в Париже. 1892 г. — окончила юридический факультет Сорбонны. Доктор прав. Первая женщина, записанная в сословие французских адвокатов. Способствовала культурному сближению России и Франции. Была замужем за Эженом Пети (Petit, 1871–1938), ближайшим сотрудником президента А. Мильерана. После революции вместе с мужем помогала деятелям русской культуры эмигрировать во Францию. Автор нескольких романов и драм, которые шли на русской сцене. См.: Письма Д. С. Мережковского к супругам Пети / Публ. Р. Нержинской // Новое литературное обозрение. 1995. № 12. С. 109–110.

¹⁷⁸ Евгения Ивановна Образцова. Ср. записи Брюсова: «Евгения П (Образцова)» (в перечне «Случайные “связи”, приближения etc.»); «1904–5. Ев-

Я теперь физически больна. Случевский прислал мне стихи, где пишет, что я: «дымок, струйка иль аромат полночных лилий, а их объять нельзя»¹⁷⁹. — И попал не в бровь, а прямо в глаз, ибо я страшно похудела. Вы хотели бы, чтобы я умерла. О, не говорите, что вам все равно, скажите, что страстно ждете моей смерти. Жду вас в день святой Людмилы, ибо люди мне надоели, а вы с вашей мыслью, «о чем говорить», мне милы.

Подарок привезете?

Людмила

А «Грифы» так и не получила. Николай Максимович задержал у себя за границей. Будьте милым и, как вы всегда, щедрым, пришлите мне сюда, теперь же, еще экземпляр. И если можно, и даже если невозможно, то и «Будем, как солнце».

В. В. Розанов — П. П. Перцову¹⁸⁰

[24.03.1903. СПб.]

Дорогой Петр Петрович! С Меньшиковым — сделаю¹⁸¹; меня очень просил доставить ему 1 экземпляр корректуры:

гения (Евгения Ивановна Образцова)» (в перечне «Mes amantes») (*Брюсов В.* Из моей жизни: Автобиографическая и мемуарная проза. С. 223).

¹⁷⁹ Приводим это стихотворение К. К. Случевского по автографу, сохранившемуся в подборке его писем к Вилькиной: «Она тебя пышней, красивей, / И как Венера сложена, / Но неподвижней и сонливей, / И далеко не так умна! / Да! в ней отсутствует игривость, / И острой шутки быстрота, / Порой убийственна сонливость, / Но вечна, вечна красота! / И с ней не надобно усилий! / Она не струйка, не дымок, / Не аромат полночных лилий... / Ведь их никто объять не мог! / Своей свободой могуча / И ощущаема не в снах... / Она обещана, как туча / Для молний, в вихрях и громах!» (ИРЛИ. Ф. 39. Ед. хр. 924. Л. 2).

¹⁸⁰ Печатается с комментариями по: *Гончарова*, 2015. С. 149–150.

¹⁸¹ Речь идет об ответе Розанова на резкий фельетон известного нововременского журналиста М. О. Меньшикова «Титан и пигмеи», направленный против священника Устьинского (См.: Новое время. 23 марта

«Прекрасный Иосиф и его братья» Григорий Спиридонович Петров; очень нужно и очень Вас прошу дать мне отти-ска 3. — Ваш В. Розанов.

Да, сукин сын Меньшиков: до чего хитрая статья, до чего опасная. Эти «христиане — неумолимы», можно сказать. Но серьезно, батенька: откуда же этот сорт душевный из христиан вечно лезет? Философия — огромная. Ведь как «гуляка праздный» à la Моцарт — добродушие, как «иже еси на небесех» — не жди добра.

Д. В. Философов — В. В. Розанову¹⁸²

[26.03.1903]

Дорогой Василий Васильевич.

Только что получил ваши добрые строки. Они вышли по-здравительными, так как сегодня день моего рождения: вступаю в «гражданский возраст», или лучше сказать [нрзб] уже.

Устьинский и Р-цы получают непрерывно «Мир искусства», а Филевскому будем высылать.

(4 апреля) 1903. № 9716. С. 2–3). Чувствуя вину перед священником Устьинским, Розанов писал ему 26 марта 1903 г., что его письма, задевающие Меньшикова, он показывал последнему: «Я ему дал в рукописи Ваши письма с вопросом: “не находит ли он их обидными для себя, и тогда я их не напечатаю вовсе или выпущу о нем места”, но он ответил, что ничего обидного для себя не находит» (РГАЛИ. Ф. 419. № 315. Л. 111). Поместить ответ Меньшикову, пользовавшемуся в «Новом времени» особенным положением, оказалось делом не простым. 28 марта 1903 г. Розанов сообщал священнику Устьинскому: «Удалось убедить Суворина (Меньшиков, как необходимый газете человек, совсем сел на него) поместить ответ Меньшикову. Он должен ослабить злобу против Вас» (РГАЛИ. Ф. 419. № 315. Л. 113). Фельетон Розанова «Ответ г. Меньшикову» был в этот же день напечатан в газете (Новое время. 28 марта (9 апреля) 1903. С. 2; *Розанов В. В.* Собрание сочинений. Религия и культура. С. 566–571).

¹⁸² Текст подготовлен к изданию Е. В. Глухой по архивному оригиналу: НИОР РГБ. Ф. 249. К. М3871. Ед. хр. 4–6. Л. 19.

Душевный привет Варваре Дмитриевне и всем всем Вашим. Оттого ли, что я сам как-то переутомился и выдохся, или по другим причинам, но везде я вижу переутомление и предел напряженности. Все струны подтянуты и притом у всех. Боюсь, страшно боюсь разрыва их. У Мережковских и Ко замечается как раз обратное. Это раз навсегда настроенная балалайка кустарного изделия. О! Эти чугунные струны не лопнут никогда, а только будут наводить вокруг себя все новые и новые консонансы.

Сердечно Вас любящий и глубоко Вас ценящий и уважающий

Д. Философов.

Д. В. Философов — В. В. Розанову¹⁸³

[28.03.1903]

Дорогой Василий Васильевич.

Посылаю Вам:

- 1) Каменная баба¹⁸⁴.
- 2) Из-за чего сыр-бор разгорелся...¹⁸⁵
- 3) Солнце и виноград¹⁸⁶
- 4) Таблица вопросов¹⁸⁷

¹⁸³ Текст подготовлен к изданию и прокомментирован Е. В. Глухой по архивному оригиналу: НИОР РГБ. Ф. 249. К. М3871. Ед. хр. 4–6. Л. 21.

¹⁸⁴ Статья Розанова «Каменная баба» предназначалась для публикации в журнале «Новый путь», но, однако, так и не вышла. Опубл.: *Розанов В. В.* Полное собрание сочинений / Под общ. ред. А. Н. Николюкина. Т. 3. СПб, 2016. С. 72–73.

¹⁸⁵ Фельетон Розанова «Из-за чего сыр-бор загорелся» вошел в книгу «Около церковных стен».

¹⁸⁶ Статья Розанова «Солнце и виноград» — опубл. в литературном приложении к «Новому времени» 28 мая 1903 (вошла в кн.: *Итальянские впечатления. Неаполитанский залив.* 1909).

¹⁸⁷ Статья Розанова «Таблица вопросов религиозно-философских» вошла в кн. «Около церковных стен».

Остальное позвольте еще поддержать, так как может быть можно будет им воспользоваться.

Душевно Ваш,
Д. Философов.

З. Н. Гиппиус. Дневник¹⁸⁸

[29.03.1903]

Пишу двадцать девятого марта тысячу девятьсот третьего года, во вторую годовщину Бывшего.

С тех пор случилось вот что.

Философов приехал из-за границы прошлой (02) весной на шестой или пятой неделе поста.

За время его отсутствия мы часто бывали у его матери¹⁸⁹, которая сама все время нас приглашала, и писала письма, и была в Собраниях.

Философову это не нравилось. Но это неважно.

Дмитрий Сергеевич по приезде пошел к нему в библиотеку. Он сказал: «Теперь я здоров. Теперь я могу говорить». И пришел днем.

Пополневший, тщательно одетый, в ярком свете весеннего дня, и очень холодный и грубый.

Повторял все то же, с прибавлением: «Мне скучно. Это неинтересно».

Позвонили. Случайно приехала его мать. Она — добрая, экспансивная, немножко глупая, либерально-суетливая

¹⁸⁸ Печатается с комментариями по: *Гиппиус З. Н.* Собрание сочинений. Т. 8. С. 97–101.

¹⁸⁹ Мать Д. В. Философова Анна Павловна Философова (урожд. Дягилева, 1837–1912) — деятельница женского движения в России, одна из учредительниц первых женских трудовых артелей, в том числе артели переводчиц, а также петербургских Высших женских (Бестужевских) курсов (1878), инициатор создания Русского взаимно-благотворительного общества (1899). Посещала РФС.

старая женщина, слезливая. Мне ее всегда нежно-жалко. А Философов с ней неуловимо нехорош.

Так это вышло. Она посидела и уехала. А он остался и опять говорил мертвенно и безнадежно страшно.

Так и расстались. «Знакомство» как будто сохранилось.

В четверг на Страстной, было это тринадцатого апреля, я написала с вечера Дмитрию Сергеевичу письмо (со среды), что надо нам двоим молиться, как будто еще нас трое, а так этого дня пропустить нельзя.

Он понял. Было тепло и ясно. Я приготовила немного цветов, просвиру и белого шипучего вина. Мы хотели только молиться вместе и читать Евангелие.

Вечером нас неожиданно позвала мать Философова. Он и не знал.

Пошли. Я отнесла одну из трех приготовленных красных лилий — ей, в его, третьего, дом.

У Философова было темное, злое лицо. А Дягилев был грубоват. Около часу мы ушли.

А в два часа мы приготовились, как могли, я оделась, мы постлали скатерть (ту) в средней комнате, поставили чашу (ту) пустую, прикрытую.

Вино же пилось из стеклянной чаши, простой, ели хлеб, и вино было не красное.

Стул Философова был оставлен, пустой.

Мы молились по вечерне и читали, и были минуты незабываемой радости, чистой, как светлое вино.

Радости — и надежды.

Мы молились, как умели, и о нашем третьем, который ушел.

Заутреню мы были в Академической церкви, на хорах.

И не хватало света и радости даже в это радостное богослужение, в светлый праздник.

Но страшна и прекрасна была церковь потом, опустевшая, запертая, — из верхних окон.

Клубы неподвижного сизого дыма, красный отсвет косяков, бледные очи весенней зари.

Так это кончилось. А Философов совсем не пошел к заутрене. Оделся — и вдруг остался дома, один. Мать его говорила потом.

Мы виделись изредка. Собrania наши шли живо, интересно, и уже из них стала возникать новая идея — идея журнала.

Но мне было ясно, что Собrania — внутренне кончены, потому что нет внутреннего круга.

Мы узнали много новых людей, узнавали все больше, из кого состоит Церковь Православная, которая, как тогда еще казалось нам, нуждается в движении, в приятии нового, в изменениях, ибо в ней не отвечающая нашей душе косность.

Постом Дмитрий Сергеевич читал у митрополита Антония последнюю часть Гоголя, где это говорится. Читал против моего совета, ибо уже ясно было, что учащая Церковь не поймет нас, только обидим ее.

Так и случилось. Я тоже была на чтении у Антония.

Священник Альбов¹⁹⁰ представил свой реферат о преобразовании Церкви (очень скромный и наивный). Антоний запретил его даже и читать в Собрании.

Вот из кого состоит ныне православная учащая Церковь: из верующих слепо, по-древнему, по-детски, с детской, подлинной святостью: отец Иоанн Кронштадтский. Ему мы, наши запросы, наша жизнь, наша вера — непонятны, не нужны и кажутся проклятыми. Из равнодушных и тупых иерархов-чиновников. Из полулиберальных индифферентистов, милых: Антоний. Из добрых и тихих полубуддистов: отец Сергей. Из диких и злых аскетов мысли. Из форменных позитивистов, мелочных, самолюбивых и грубых: отец Соллертинский. Из позитивистов-нравственников с честолюбием жестких: отец Григорий Петров. Попадают такие блестящие, интересные схоластики умом и нутром, как архиерей Антонин, притом, конечно,

¹⁹⁰ Иоанн Федорович Альбов — участник РФС.

совершенные еретики, не верующие в подлинность исторического бытия Христа.

Этот архиерей Антонин, ныне епископ Нарвский (недавно), летом даже сходил с ума. Теперь поправился.

Профессора Духовной Академии — почти сплошь позитивисты, иногда карьеристы, а есть и с молодыми, студенческими душами; но и они мало понимают, ибо глубоко, по воспитанию, некультурны.

Так вот из кого состоит в данный момент истории Православная Церковь.

Говорю: теперь, зная, имея опыт. И веруя в ее подлинность, истинность невидимой Церкви.

Но не веруя, что она есть последняя, окончательная, все уже в себя включившая Церковь.

Ибо ведь недаром она, видимая, из людей состоящая, такова. Отстранив всех, лишь по внешности в ней находящихся, получила одного отца Иоанна и к нему приближающихся.

Все ли человеческое разумение, все ли ответы на нашу боль и муки, всего ли Христа уже включает в себя святость отца Иоанна?

Увы, увы! Как отсечь нам наше разумение любви, нашу жажду святости разумной молитвы — о жизни, о мысли, о всем человеке, во всем его теперешнем существе.

«Буду молиться сердцем — буду молиться и умом...»¹⁹¹, — сказал апостол. А отец Иоанн, вся Церковь — не учат нас молиться и умом.

Но возвращаюсь. Мы видались изредка с Философовым. Когда мы уезжали — за Волгу — он даже провожал нас¹⁹². Когда вернулись (в июле), он пришел первый.

¹⁹¹ Неточная цитата из Первого послания к Коринфянам апостола Павла. Ср.: «Стану молиться духом, стану молиться и умом» (Кор. 14:15).

¹⁹² См. мемуарный очерк Гиппиус «Светлое озеро. Дневник» (*Гиппиус З. Н. Собрание сочинений в 15 томах. Т. 3. М., 2001. С. 312–358.*) о путешествии к озеру Светлояр (Нижегородская губерния, Семеновский уезд), которое Мережковские совершили с 15 июня по 8 июля 1903 г.

Мы говорили о внешнем. В последний день я неожиданно встретила его с Дмитрием Сергеевичем на Караванной. Мы проводили его до библиотеки. И тогда вдруг заговорили и рассказали ему о нашей молитве вдвоем, в четверг. Он молчал. Потом сказал: «Вы все-таки не покидайте меня».

Летом стал осуществляться журнал¹⁹³. Странно, какое безумие! Точно не мы сами делали. Без денег, безо всего...

Осенью опять мы иногда видались с Философовым. Он бывал у нас, говорили о журнале, внешнем, — а когда о внутреннем, он молчал.

Какое у него страшное, мертвенное, покойницкое, молчание.

Осенью, в одну тяжелую минуту, я написала ему: «Вернитесь к нам!»

Какие сухие слова в ответ! Потом пришел. Я была одна. Мы кое-как говорили. Уходя, сказал: «...но если бы я вернулся — то уже навсегда».

Еще был разговор с Юрьевским священником, Егоровым¹⁹⁴. Этот священник сам предлагал новую Церковь, Иоанновскую.

Но Дмитрий Сергеевич и не верил ему, и Карташев¹⁹⁵ (профессор Духовной Академии, странный, юный куль-

¹⁹³ Первый (январский) номер «Нового пути» вышел в декабре 1902 г. Подготовка издания велась более года (см. в кн.: *Евгеньев-Максимов В., Максимов Д.* Из прошлого русской журналистики. С. 129–254).

¹⁹⁴ Иоанн Федорович Егоров (1872–1920) — православный священник, член «Братства ревнителей церковного обновления»; публиковался в «Веке», участвовал во 2-м сборнике «Вопросы религии».

¹⁹⁵ Антон Владимирович Карташев (1875–1960) — видный церковно-общественный деятель. Родился в семье уральского рудокопа. Окончил Пермскую духовную семинарию, Петербургскую духовную академию, преподавал в той же Академии церковную историю (1900–1905). Ушел из Академии, преподавал на Высших женских курсах (1906–1918). участник РФС (1901–1903), председатель ПРФО с 1912 г., обер-прокурор Синода в 1917 г. и первый министр вероисповеданий во Временном правительстве (1917). Выехал из России в 1919 г., профессор Богословского института св. Сергия в Париже.

турностью, полуживой человек, полупонимающий, задержанный воспитанием, тянущийся к культуре, ее не постигающий и — до конца не верующий) был против него.

Говорили мы пятеро. Философову тоже не понравился священник.

Уходя, Философов сказал мне в дверях: «А вы верите в Карташева?» Я сказала: «Не знаю; ведь он...» Философов сказал: «Да, может быть, он все это принимает только из полубессознательного желания быть во всем с вами. Ведь он влюблен». Я: «Он очень чистый человек». Философов: «Да, знаю. Но тут все смешано в сознании. Вот и я многое... потому что дорожу дружбой вас обоих. А насколько у него сильнее, если он влюблен. Я — и то все боюсь, что вы меня бросите...»

Я сказала, что это надо выяснить.

Пошли журнальные дела. Собрания очень выродились, да ведь для нас они больше не нужны. И журнал — последний толчок, по инерции, все от того же Бывшего.

Со всеми друзьями Философова, благодаря журналу и их отношению к нему (не хотели соединиться, обиделись), — мы разошлись. Они отошли. И там пошли нелады. С Дягилевым многие поссорились. Философов приник к Дягилеву. И был с нами все мертвее. Все страшнее. В молчании.

Последний раз я видела его в самом начале марта, на большом вечере «Нового пути». Он сидел в другой комнате. Дмитрий Сергеевич был болен. И ни разу с тех пор не зашел к нам, и не написал, и не приходил туда, где мы. И все это глухо, страшно.

Двадцать шестого марта Дмитрий Сергеевич был в редакции «Мира искусства». Говорил с Дягилевым, а Философов почти не говорил с ним.

А сегодня вечером, 29 марта, он уехал с Дягилевым на два месяца в Италию. Видел его еще Минский, и с ним, когда он говорил о нас, о Собрании, Философов был груб.

Двадцать шестого я получила письмо от Карташева, где он говорит, что не может более причащаться в Церкви, и умоляет меня и Дмитрия Сергеевича совершить с ним в Великий Чет-

верг вечерю любви, не Евхаристию, а лишь помолиться вместе, то есть то, что мы делали вдвоем прошлый год.

Карташев ни о чем Бывшем не знает.

Мы послали это письмо Философому с приписками, что он убил нашего действительного Бога, сделал нас слабыми и жалкими. Что он в последнее время преступил даже человеческие пределы с нами, но связь не порвана, тщетно. Просила письмо вернуть.

Сегодня получила его назад.

Некоторые слова моей приписки подчеркнуты синим, и вся моя [приписка] отчеркнута с замечанием: «Декадентство!» Приписка Дмитрия Сергеевича оставлена без внимания.

До этого, до такой грубой ненависти у него еще не доходило. В отношениях последнего времени — мы еще никогда не были.

Вот что осталось от Бывшего. Вот куда привело. Боже мой, дай нам сознание греха!

Неужели так и останемся мы во тьме? О, я виновата! Философов слаб, а когда Дмитрий Сергеевич сказал: «Я буду с вами, как со слабым, буду вам приказывать, это мой крест...», я воспротивилась... Я хотела опять равного... Вижу, виновата... Господи, прости меня! Дай мне опять света... Так тяжело.

Пишу в Великий Четверг того же года, третьего апреля.

Я что-то глубокое поняла. Поняла правду и милость Божью. И почему Философов должен был уйти. Так — хорошо.

Господи, призри на любовь мою! Дай света, чтобы видеть волю Твою! Склоняю голову. Отдаюсь Твоей любви. Аминь.

А. П. Устьянский — В. В. Розанову¹⁹⁶

[29.03.1903]

29 марта 1903 г.

¹⁹⁶ Печатается с комментариями по: *Воронцова И. В.* Протоиерей Александр Устьянский и «реформатор» Василий Розанов: История духовно-

Дорогой Василий Васильевич!

И второе письмо Ваше я получил. Вы уж очень беспокоитесь из-за меня. Но дальше, по-моему, беспокоиться уже нечего, ибо Вы своим фельетоном совершенно оправдали меня, и я почти уже вошел в свою нормальную колею. Много и глубоко Вас благодарю. Важно и то, что Вы привели в своей статье мнение иеромонаха Михаила¹⁹⁷. Раз такое мнение было

го суда над протоиереем Александром Устынским, изложенная в переписке 1903 года / Вступ. ст. и коммент И. В. Воронцовой // Вестник ПСТГУ. Сер. II. 2010. Вып. 3 (36). (Далее: *Воронцова*, ВПСТГУ 2010/3). С. 88. Автограф: НИОР РГБ. Ф. 249. М. 4209. Ед. хр. 6. Л. 11–12 об. Подлинник, рукопись.

¹⁹⁷ Имеется в виду Михаил (Семенов Павел Васильевич, 1874–1916) — архимандрит (с 1905), впоследствии (с 1909) старообрядческий епископ Канадский, родом из семьи кантониста; в 1903 г. по окончании СПбДА и защиты диссертации был рукоположен в сан архимандрита и получил звание профессора канонического права В 1901–1903 гг. участник РФС, где выступал с традиционно церковных, консервативных позиций. После революции 1905 г. переходил на позиции церковного обновления и «социального христианства», член «Группы 32-х», один из основателей «Союза церковного обновления», близкого к идеям ХББ, член Московского и Петербургского РФО, религиозно-общественный деятель, публицист, издатель и активный сотрудник журнала «Век». После его закрытия издавал журнал «Товарищ», где изложил собственную концепцию «мировой религии свободного духа», в которой христианство сочеталось с идеями утопического коммунизма. После вступления в 1906 г. в партию народных социалистов был сослан в Задонский монастырь и отстранен от преподавательской деятельности. Присоединился в 1907 г. в сущем сане к старообрядческой церкви Белокриницкого согласия, а в 1908 г. хиротонисан во епископа на Канадскую кафедру, однако, не сумев вовремя прибыть в свою епархию, постановлением Освященного собора от 31.08.1910 был запрещен в священнослужении (незадолго до его кончины это запрещение было снято). В 1909 г. обр-азовал реформистское движение «Свободных христиан». Сотрудничал в старообрядческих изданиях: еженедельнике «Церковь», журналах «Старообрядческая мысль», «Старая Русь», издал множество брошюр и книг. Единомышленники называли его «апостолом XX века», противники угрожали расправой. Зарабатывал на жизнь физическим трудом. В октябре 1916 г. был найден на улице зверски избитым, скончался от ран в богадельне Рогожского кладбища, где и был похоронен.

напечатано в ученой статье, в духовном журнале, мы со своим взглядом обеспечены и гарантированы. Я свое очень небольшое объяснение послал Преосвященному Гурию 28 марта. Он меня торопил, а мне после 28 марта уж совсем некогда было бы писать, и потому я в буквальном смысле подал ему лишь кое-что. Он сказал, что если он не удовольствуется поданным, то предложит мне или добавить, или исправить. Но Ваш фельетон послужил для него прекрасным восполнением моей скудости и наглядным доказательством, что не все же так странно толкуют мои мысли, как Меньшиков. «Новое время» он получает и Ваши статьи читает. Он более тревожился относительно мысли об оправдании язычников и о Духе Святом. А у Вас как раз эти пункты прекрасно разобраны. Я пришлю Вам копию со своего объяснения. Не подивитесь, что оно ничтожно. Я располагал лишь несколькими часами времени, в течение которых мне нужно было хоть и краткое, но целостное дать объяснение.

Гурий¹⁹⁸ у нас человек очень добрый, хотя и со старыми взглядами. Писать ли Вам к нему? Право, уж не знаю, что и сказать. Делайте, как Вам вздумается.

Но о моем настроении успокойтесь. После Вашего фельетона, повторю, я совершенно спокоен. «Господь мне помощник, и не убоюсь, что сотворит мне человек» (Пс. 117:6). А что в газетах будут промывать бока, так ведь без этого уже не обойтись. Вон в новой газете «Заря» от 27 марта отец Аквилонов¹⁹⁹ как меня отделал. Если не читали, прочитайте. Но такими речами не стоит возмущаться. Для меня гораздо удивительнее, что в религиозно-философском собрании так глубоко сочувственно отнеслись ко мне. Значит, не все ругают. Этого и довольно.

¹⁹⁸ Гурий (Николай Васильевич Охотин, 1828–1912) — архиепископ Новгородский и Старорусский. — *В. К.*

¹⁹⁹ Евгений Петрович Аквилонов (1861–1911) — протопресвитер, профессор богословия Императорского Санкт-Петербургского историко-филологического института. — *В. К.*

Целую Вас крепко-крепко, благодарю.
Ваш протоиерей А. (Подпись)

В. В. Розанов — протоиерею А. П. Устьянскому²⁰⁰

[*Не позднее 1.04.1903*]²⁰¹

Дорогой Александр Петрович, 4-й час ночи, и пишу Вам спешно: митрополит, оказывается, сам²⁰² принял в Вас участие и сказал Антонину, своему vicарии (свободолюбивый и смелый монах)²⁰³: «Я не нахожу ничего неправильного в мыслях Устьянского. То, что он говорил, и все мы думаем. В нашем народе, его богобоязненных частях, принято всякую крошку хлеба принимать с благоговением, перекрестившись. И он ест хлеб, взяв в горсточку и боясь уронить на пол, что считает грехом. Священник Устьянский этот благочестивый взгляд распространяет и на половой акт, что, без сомнения, есть в хороших частях народа и что совершенно правильно. Напишите Преосвященному Гурию от себя с упоминанием и обо мне, что я также прошу его поберечь и не причинить какого-нибудь вреда Устьянскому».

Так вот как, мой дорогой: значит — слава Богу! Значит — не везде темно. А я до того люблю Ваш слог, что в феврале, должно быть, раза 4–5 перечитал Ваши письма, своего ничего не перечитав. И Мережковский ровно так же ценит Ваши письма, а место «о помиловании» находит (как и я)

²⁰⁰ Там же. С. 92–93. Источник: РГАЛИ. Ф. 419. Оп. 1. Ед. хр. 315. Л. 198–200. Копия. Машинопись.

²⁰¹ Так как В. В. Розанов дат на своих письмах не ставил, протоиерей А. Устьянский надписывал на письме дату получения. Письма датируются по их получению протоиереем А. П. Устьянским.

²⁰² Все подчеркивания в публикуемых документах принадлежат автору письма.

²⁰³ Епископ Антонин (Грановский). Копия, переписанная женой А. Устьянского, была послана В. Розанову, который передал ее членам Совета Общества для прочтения.

прямо удивительным и святым. Мы говорили с ним и о том, что само собою «между мудрыми» разумеется, что Вы вполне «сам» и на своих крыльях летите: хотя, может быть, подобно многим наши духовным, всю жизнь промолчали бы в грусти и недоумении, не возбудись в независимой светской печати параллельного течения.

Историю, оказывается, поднял «невежда в законе»²⁰⁴. К нему стали обращаться разные «госпожи и господа»: «Что это написал Устынский, вот Меньшиков приводит выдержки». Он прочел «и ужаснулся», купил «В мире неясного»²⁰⁵ (ведь он, кроме канцелярского делопроизводства, ни во что не вникал) и написал Гурию. Так мне передавал Антонин. О фельетоне Меньшикова митрополит сказал: «Это злая и хитрая статья». Значит, разумеют, что делом язычник. А если бы Вы, дорогой, знали его жестокость к женщинам²⁰⁶. Но об этом когда-нибудь устно. Мережковский так Вас любит, что сказал сегодня: «Да съездите, Василий Васильевич как-нибудь в Новгород, к отцу Александру». В нем самое лучшее — доброта и простота, до ребячества доходящая. И его обвинили в «сатанизме». Да, (...) ²⁰⁷ наше время. Целую Вас, дорогой, крепко. Я пишу редко: если б Вы знали, как вечно устал. Вашей супруге, пожалуйста, поклонитесь. Я через Вас ее заочно, как лучшую сестру, люблю и почитаю. Господь с нею, Господь с Вами: всех Вас возьми Христос под крылья.

На 5-й неделе говел. И такое чудо: опасался: как долго и сложно говорить на исповеди о том, что иль в чем протестую против Церкви, время ли, досуг ли, место ли. И такое чудо: 1-й раз в жизни поп (простите) сказал строгую рацею (и умную и содержательную), что «не в форме испо-

²⁰⁴ Сложно сказать, о ком речь: о Саблере или Победоносцеве, но о протоиерее Устынском писал преосвященному Гурию Победоносцев.

²⁰⁵ См.: *Розанов В. В.* В мире неясного и нерешенного. СПб., 1901.

²⁰⁶ Имеется в виду М. О. Меньшиков.

²⁰⁷ Автор первой публикации опустил «некорректное» слово.

ведь и не в том, что вот раз в год отговорь, а надо постоянно мысленно говеть и вечером грехи припомнить и о них помолиться»; а затем (ни одного греха не спросив) голову под епитрахиль — и простил. Крепко я у него поцеловал руку. У нас есть — чудные священники; есть и безобразные: тут же у Скорбящей²⁰⁸ богатому откроют стекло — приложиться; а едва идет за богатым бедный, хлопнут крышкой по самому носу — и дадут прикладываться через стекло.

Ну, простите. В. Р.

В. В. Розанов — протоиерею А. П. Устьянскому²⁰⁹

[*Не позднее 4.04.1903*]

Дорогой и милый Александр Петрович!

Стряслась беда. Вчера приезжает жена в редакцию ко мне и говорит, что был у нее Антонин и сказал, что в Москве кто-то (потом узнал — Великий князь Сергей Александрович, а ему, верно, послал свой «Дневник» князь Мещерский) дал Государю прочесть фельетон Меньшикова. Государь, понятно, теперь в особенном настроении, которым и постарались воспользоваться злые люди. Помните, и митрополит Московский, едва ли не соперник Антония, сказал ему при встрече, что «наши дни суть дни лукавые и что находятся люди, которые стараются потрясти алтари в надежде, что этим потрясутся и престолы» («потрясучка» эта взята, кажется, у Шатобриана). В общем, тут сумятица мысли и полный хаос мнений людей без всякой веры, «политиков сегодняшнего дня», обращающих веру

²⁰⁸ Церковь иконы Божией Матери «Всех скорбящих Радость» (Скорбященская церковь) — православная церковь в Санкт-Петербурге на Шпалерной улице, 35а (Проспект Чернышевского, 3). Названа в честь иконы Божией Матери «Всех скорбящих Радость». В современном виде построена архитектором Луиджи Руска в 1817–1818 гг.

²⁰⁹ Там же. С. 95–97. Оригинал: РГАЛИ. Ф. 419. Оп. 1. Ед. хр. 315. Л. 205–208.

в орудие чуть ли не карьерных своих замыслов. Тут еще невинный младенец Иоанн Кронштадтский «каркнул», как ворона на березе с кусом сыра: «новые пути — сатанинские»²¹⁰, или, читай: «кто не во след мне — во след сатане идет». Все так сложилось. А Государь говеет. И вот на его серьезное, благочестивое, задумчивое настрое-ние пала злостная целая картина Меньшикова, которую он прочел как правду. Кому же и знать литераторов, как не такому завзятому литератору; и разве он осудит без причины своих. Нужно Вам сказать, прочитав «Дневник» Мещерского, с жестокими о Вас словами, я был так подавлен, раздавлен, что написал ему умоляющее (буквально) письмо, дав характеристику Вас как священника тихого, скромного, застенчивого, аскетического (это я стороною о Вас слышал), и умолял поправить ошибку, в которую он, очевидно, впал, поверив гнусному фельетону Меньшикова. Но эти люди беспощадны. Да и беспощадное наше время. Поистине, «Бог умер — а грех воскрес». Бог с ними. Государь раздражился и дал в Петербург приказание «наказать этого священника и расправиться (так сказал Антонин) с этим журналом». Таким образом, против доброго о Вас мнения всех пастырей восстала сила, перед которою пастыри трепещут. И все теперь сводится к «страху иудейскому».

Хорошо, если бы Гурий, вернув Вам первое объяснение, дал написать второе, ибо все дело сводится к форме, а не к духу, который высшие лица знают, но надо, чтобы они в самой форме объяснения имели опору защитить Вас: «Пусть о. Устьинский вовсе не упоминает о фельетоне Меньшикова, не опровергает его, не спорит с ним, как бы почти его не знает, и пусть в чем если запрашивающая бумага (или устный запрос) его (то есть Вас) винит, то пусть

²¹⁰ Так отозвался в проповеди о направлении журнала «Новый путь» Иоанн Кронштадтский.

он смиренно раскаивается и просит снисхождения»²¹¹. Может быть, Вам следует сказать, что с Вами еще в бытность в Старой Руссе вступил в переписку литератор Розанов, у которого Вы находили симпатичную черту — стремление в особенности приложить христианский идеал к семейной жизни. Но затем, скажите, Розанов стал поднимать новые вопросы и обращался в письмах ко мне за их одобрением или сочувствием, и я по новизне вопросов и отсутствию их трактования в святоотеческой литературе, не умел в них настоящим образом опознаться, разобраться, установить свою твердую точку зрения; а как он (Розанов) настоятельно требовал ответа, то я по мягкости характера делал вид согласия с ним. Затем он опубликовал мои письма, не спросив меня, и, может быть, даже изменил их местами, или убавив нечто, или прибавив; я мог бы отвечать за свои печатные произведения, а за издания Розанова отвечать не могу, ибо моей подписи и санкции в них нет. Розанов имеет привычку даже частные разговоры предавать печати, и это не подлежит ни контролю, ни ответственности разговаривавших с ним. Во всяком случае, что бы мне не пришлось высказать в этих частных письмах, чего не надлежало говорить как священнику, я смиренно в этом раскаиваюсь и обещаюсь впредь быть бережливее и обдумчивее даже и в частных сношениях. И прошу все это покрыть Вашим святительским милосердием». Жена спросила Антонина: «Что же может воспоследовать священнику Устьинскому?», и он сказал: «Месяца на два могут в монастырь отправить или перевести в село». Тут должно, я думаю, иметь большое значение аттестация Вас Гурием или даже духовными лицами как служилого священника. Ведь это для них главное, а не Ваша философия; ибо разные священники мало ли имеют какую философию. Но затем передайте и народное воззрение на вкушение хлеба, как я Вам писал из речи митрополита Антония со мною, и скажите, что, зная это воззрение,

²¹¹ Очевидно, слова митр. Антония (Вадковского), пересказанные В. Розанову архим. Антонином (Грановским).

Вы подчинились ему, как благостному. И что вообще серьезное отношение человека к своему полу сделало бы невозможным легкие романы, «падения», особенно юношей до брака, обращение к проституции, на что-де на все и Розанов указывал в письмах ко мне, и я-де невольно входил и в эти его мысли. Сошлитесь на желание Порфирия Успенского (путешественника) пролить церковную живопись на семью и быт гражданский, чему Вы также последовали в своих мнениях. И вообще-де в православных своих мыслях Вы нимало не колебались, но, может быть, на новые вопросы Розанова отвечали иногда, недостаточно взвесивши свои слова, по причине болезненности своей и занятости делом, а вместе и неотступных просьб Розанова ответить.

Все это страшно. Должно быть, я напишу Вашему Гурию. Это письмо на всякий случай бросьте в печку.

Ваш любящий В. Розанов. — Знаю, знаю сам, как виноват перед Вами. И Ваш упрек, дорогой мой, к горечи моей мало прибавит. Вчера пришел из редакции и лег в постель и до 11 часов ночи не встал: так бы, казалось, и пролежал до смерти в темном углу — выйти не хочется. Ну, простите меня и с матушкой своей и с детьми.

З. Н. Гиппиус. Дневник²¹²

[05.04.1903]

Страстная Суббота, 5 апреля, того же года.

Сегодня светская (синодальная) власть запретила Религиозно-философские собрания, вопреки доброй воле митрополита Антония. Повод — донос Меньшикова²¹³ и мелкая пресса.

²¹² Печатается с комментариями по: *Гиппиус З. Н.* Собрание сочинений. Т. 8. С. 100.

²¹³ В книге «Дмитрий Мережковский» Гиппиус уточняет: «Говорили, что поводом был донос одного из сотрудников «Нового времени», суворин-

В. В. Розанов — протоиерею А. П. Устьянскому²¹⁴

[*Не позднее 8.04.1903*]

Дорогой мой! Был сегодня у Антонина — и несколько утешился. Он спокоен и говорит, что и митрополит спокоен. Нужно заметить, что все они по религиозно-философским собраниям и «Новому пути» (который, в отчетах о собраниях, цензуровал сам митрополит и, как видите, цензуровал очень свободно) очень вошли в наши интересы и, в частности, судьба Ваша для них есть главная тема обдумыванья и заботы. Митрополит раза по два в день зовет Антонина и, сообщая ему мельчайшее новое известие, советуется с ним. Дело в том, что фельетон Меньшикова послужил возбудителем; митрополита очень расстроила сегодняшняя статья в «Заре» Лухмановой, и он прислал ее Антонину; Антонин ответил в записке (мне показал): «Истерика бабья — и больше ничего». Антонин мне сообщил, что в вечер того дня, когда я утром был у него, он сам написал преосвященному Гурию, где высказался о Вас с самой серьезной и хорошей стороны; со своей стороны и Гурий о Вас дал митрополиту хороший отзыв. По словам Антонина, Государь, прочитав, сказал два слова: «Возмутительно, возмутительно. Как же поступит с этим священником его начальство? И что такое это за новый журнал²¹⁵, кто его выпускает?» Фельетон Меньшикова, конечно, и не мог произвести меньшего впечатления на всякое чистое и доброе сердце, каково государево. Ведь Государь же не знает, что тут в каждой строчке клевета, злоумышление погу-

ской реакционной газеты. Но, думается, просто иссякло терпение Победоносцева, и он сказал: «Довольно» (*Гиппиус З. Н.* Собрание сочинений в 15 томах. Т. 6. М., 2014. С. 281).

²¹⁴ Печатается с комментариями по: *Воронцова*, ВПСТГУ 2010/3. С. 97–99. Оригинал: РГАЛИ. Ф. 419. Оп. 1. Ед. хр. 315. Л. 209–213.

²¹⁵ Журнал Мережковских «Новый путь», где печатались статьи В. Розанова, письма протоиерея А. Устьянского и в приложениях — стенограммы собраний ПРФО.

бить. Антонин мне говорил, что когда по поводу этих слов Государя зашла речь здесь в каком-то важном собрании (не в Синоде, но, очевидно, среди важных духовных лиц, а может быть, духовных и светских), то вслед за вопросом о Вас поставили вопрос о «Новом пути», а затем и о религиозно-философских собраниях, которые суть настоящий очаг всего этого «возбуждения, сумбура и церковной критики»²¹⁶. Мы только и желаем, чтобы гроза, раз уже она есть, перевалилась на наши плечи, и мне, по крайней мере, и «Новый путь» и «религиозно-философские собрания» не так интересны, как что с Вами будет. Мы попали и на шкуре испытываем, что значит «религиозное гонение», о коем раньше читали только в истории. Возбудились чувства, страсти, аргументов не слушают; те, кто нас ясно видит, лицом к лицу, ясно видят, что это, говоря языком Гоголя, «пошла писать губерния», что это «История о капитане Копейкине», столь же чудовищная, нелепая и идиотская. Что в основе дела лежит глухой слух («о сатанизме»), пущенный Меньшиковым и подхваченный Мещерским: кто видит наше лицо, видит смехотворность обвинения. Но кто, но многие ли это лицо видят? Остальные подчиняются слухам. Антонин сказал: «Не думаю, чтобы дело об Устьинском стало обсуждаться в Синоде, Государь сказал о начальстве, как оно поступит с этим священником, а начальство его — Гурий; следовательно, дело может ограничиться запросом от Вас объяснения, выговором Вам, ну — “строжайшим замечанием”, взятием слова не писать и прочим». Если же и в Синоде об этом заговорят — Антоний будет Вашим защитником, но тут выступят множественность голосов решающих. Во всяком случае, есть та надежда, что при безусловной к Вам расположенности и прямо уважении к Вам митрополита, местного преосвященного — не будет остроты гонения и мстительности к Вам; тут дело в том, насколько будут запуганы сам митро-

²¹⁶ Очевидно, слова, произнесенные в «важном собрании».

полит и Гурий, но все говорит, что они люди очень честные и чистые и просто не намерены пугаться, а намерены смотреть честным взглядом на честное дело. Это и есть все, что нужно. Бесчестная точка зрения нас может погубить, а честная точка зрения нас совершенно оправдывает. Антонин сказал мне, что митрополит вчера (в среду) написал и Константину Петровичу²¹⁷ в том смысле, что «Вы разве что погрешили излишеством идеального взгляда на вещь (брак), проистекающим из того, что священники вообще на все, ими благословляемое, смотрят важно, как на важное дело, и что поэтому к вопросу о Вас нужно отнестись спокойнее». Вот все, что я узнал от него.

Мережковский мне говорит: «Вы слишком, Василий Васильевич, смотрите на это все, как на случай; это — фатально; раньше или позже это обвинение против нас, тревога Церкви — должна была случиться; поставлен вопрос о взгляде Церкви на брак, на пол так, что от него невозможно отвертеться, и Церковь должна была высказаться; вот теперь все это вдруг пошло почти на официальную почву, но мы имеем утешение видеть изумительную, в сущности неожиданную для нас, светских людей, вещь: в то время как печать, власти, общество плюются, ругаются, обливают нас помоями, Церковь, которая свята, от Бога, имеет отцами своими великих пустынножителей, при вопросе остается совершенно спокойной и ни малейшего гнушения полом и браком не выказывает. Таким образом, мы ошибались, сосредотачивая свою критику на аскетах, главах Церкви: наш коренной враг — презренное, атеистическое общество, общество загородных садов, кокоток и кафе-шантанов. Это должно нас научить и дать величайший мир сердца в том, что не может быть сомнения об отношении Христа к полу, к браку, к детям, к любви: ближе к нему стоящая, нежели светское общество, Церковь ничего этого не осуждает. А взрыв негодования идет от людей светских.

²¹⁷ К. П. Победоносцеву.

Так что сегодня утром Вам написанное мною в том смысле, что Вы должны писать Владыке объяснение «в покаянном тоне», нужно взять назад (это с перепуга мне жена сказала как впечатление от речи Антонина), а сам Антонин сказал мне, что «пусть Устьянский, если придется еще писать объяснение, пишет только спокойнее и обращает внимание на богословские вопросы Владыки, а не на фельетон Меньшикова, оставляя последний как бы в стороне и не унижаясь до раздражения им и полемики с ним».

Получил Вашу статью о «Новом пути»; но, дорогой, теперь не время печататься. Ваш любящий В. Розанов.

Перечел сейчас Ваше объяснение Гурию: удивительно по сжатости, достоинству и убежденности. Так и пишите. Я с болью в сердце написал Вам, что надо «в покаянном тоне» (я понял как лозунг, через жену от Антонина идущий); думаю, «кому я пишу, такому правдолюбцу». Но написал, ибо горе меня раздавило. Завтра я повезу Антонину Ваше объяснение. Я ему сказал, что Ваша жена переписала и Вы прислали, а он сказал: «Привезите».

Прилагаю Вам письмо Беха, моего друга, честного и скромного чиновника, по прочтении фельетона Меньшикова. Его верните.

А. П. Устьянский — В. В. Розанову²¹⁸

[18.04.1903]

18 апреля 1903

Дорогой мой! Уповаю я, что туча грозовая благополучно пронесется мимо «Нового пути», иначе пришлось бы признать, что в литературе у нас царство кабанов [нрзб] Меньшиков, Грингмут), а в администрации царство башибузуков. Но хочется верить, что мы еще не дожили до таких

²¹⁸ Там же. С. 89. Оригинал: НИОР РГБ. Ф. 249. М. 4209. Ед. хр. 6. Л. 19–20 об. Подлинник. Рукопись.

печальных времен. По минуткам просматриваю Вашу новую книгу «Семейный вопрос». Какое чудное предисловие! Как хороши выдержки из «Графомана»! Вот где истинно религиозное отношение к семье. Вот где религиозная культура семьи. [нрзб]. Статья «об от (...) нных детях» должна послужить превосходным и несокрушимым базисом для дальнейших рассуждений о триедином христианстве. 1 2 3²¹⁹.

Прекрасно Вы, как и ранее в «Религии и культуре», с. 165, упоминаете о необходимости брачной молитвы, подобно молитве Товии и Сарры (т. 2, с. 144, прим.). Таким образом, если я сатана, то должен быть сатана и Товия...

Нашего архиепископа Гурия вызывают на летнюю сессию для присутствия в Синоде. Сегодня он отправляется в Петербург. Четыре раза я предстоял пред ним, и он мне делал внушения и назидания, словно четырнадцатилетнему мальчишке. Так что даже уж надоело и наскучило. Глупое, в самом деле, положение. Сознаешь в душе, что ты далеко его перерос развитием религиозного сознания, а между тем знаешь, что это твой начальник, в руках которого твое священство. Скажет: запрещаю служение, и разговору конец. Впрочем, ничего угрожающего он ни разу не высказал, а относился ко мне, в общем, сочувственно. Да подкрепит Вас Святая Троица в трудах ваших.

Беззаветно преданный Вам, протоиерей А. Устынский

В. Ф. Эрн — П. А. Флоренскому²²⁰

[28.04.1903]

Мне жаль, Павлуша, что я не могу выразить словами всего, что накопилось в моем сердце. Не могу и по своему обычному неумению выражаться, и вследствие усталости,

²¹⁹ Краткая тайная форма исповедания веры «Третьего завета».

²²⁰ Печатается с комментариями по: *Чертков*, 2017. С. 70–74.

разбитости и недомогания. Но мне хочется хоть как-нибудь высказаться, чтобы вы знали и мое отношение к происшедшему.

Когда я вышел от вас, я сначала ничего не чувствовал, но потом все яснее и яснее стал сознавать всю важность происшедшего, и мысль и чувство сильно заработали, пытаясь ответить на вопрос: «Отчего это и зачем?» И думалось мне так: «Это началось уже давно, уже давно зародилось между мной и Павлушей отчуждение, непонимание и оно продолжало все расти и расти, пока не дошло до конца. Тут решительность и искренность Павлуши заставила его прекратить невозможные и тяжелые отношения. (Я ни секунды не смотрел на ваше поведение как на род капризов или проявлений тяжелого характера. Я ясно видел, что это только признаки более глубокого и скрытого явления.) Да, но если понятны последние поступки Павлуши, то совсем непонятно наше отчуждение друг от друга. Откуда оно? Я ли виноват? Или Павлуша? Или мы оба? Или никто? Конечно, не я! Разве я виноват в том, что Павлуша перестал интересоваться моими чувствами, моими мыслями, всем тем, чем я жил?

Задали он мне когда-нибудь вопрос: “О чем вы думаете?” или “Как вы на это смотрите?” Разве он, когда я начинал ему рассказывать, не молчал так, что и мне приходилось замолкать? А когда мне было тяжело или тягостно, когда меня мучила эта жизнь так, что я потихоньку лил слезы, разве он переставал на меня смотреть взором любопытного наблюдателя и бросал на меня хоть один сочувственный взгляд, чтоб я утешился? Я тщательно припоминаю и вижу, что все тяжелые минуты я переживал один. А я? Разве я не старался понять Павлушу, войти в круг его интересов, сделать себе понятными вопросы, его занимавшие? Разве я виноват в том, что, не зная математики, я не мог достигнуть этого, не мог следить за его мыслью? Но разве я не стремился если не умом, то хотя сердцем понять его и жить с ним? Стремился, и очень стремился, но, не встречая с его сторо-

ны ничего подобного и наталкиваясь на его всесторонние насмешки надо мной, — я делал все менее и менее удававшиеся попытки и наконец увидел свое бессилие переделывать уже совершившееся: уничтожить отчуждение между нами. И я не понимаю. Допустим, что принципы Павлуши намного выше моих; его мировоззрение стройнее, глубже и полнее моего, но разве реальное сознание его настолько выше моего, что он иначе как с насмешкой относиться ко мне не может? Разве к искренности можно относиться насмешливо? Разве я погружался в сон и грязь настолько, что меня нужно было будить такими грубыми, неподходящими средствами? И т. д. и т. д...» Одним словом, мои чувства расходились, и я, про себя, сыпал на вас, Павлуша, обвинение за обвинением. Воспроизвести их не могу, потому что они слишком были мгновенны и слишком быстро следовали одно за другим. Но этот порыв скоро прошел, руки опустились, в груди опустело и стало тоскливо-тоскливо. Ясно я представил себя самого, мою чванную, тщеславную, ограниченную фигуру, с подрезанными чувствами, с подрезанными мыслями, с неудачными заоблачными порывами, представил себе и вас таким, каким вы являлись мне в лучшие минуты, поставил вас рядом с собой, и мне стало совершенно ясно, что я виноват. В чем виноват, не знаю, но виноват. Скорее всего, отсутствием той любви, которая могла бы сгладить шероховатости, возникшие между нами, и поднять меня до понимания вас. И тогда я совершенно ясно увидел, что на этом между нами не кончится, что вы мне напишете; и я знал — что; я обрадовался, что смогу вам высказать свои чувства и мысли. Так действительно и случилось. Теперь послушайте и вы меня.

Я ясно вижу теперь одно:

Вы во мне все время ошибались. От этого все и произошло. Вы не захотели узнать меня таким, каким я был на самом деле все время от сближения с вами и до сих пор и, надеюсь, остаться, доколе буду жив и не попаду в лучшие условия. В известный момент вы стали меня идеализиро-

вать, видеть во мне те черты, которые вам были желательны, а у меня на самом деле было только стремление к ним. Вы старались видеть во мне бесконечность, когда я был освещен только стремлением к ней, только предчувствием ее. Вы хотели, чтоб я был бесплотным существом, которое, возвысившись абсолютно над всем земным, созерцало бы одно сверхземное. На самом деле я любил и люблю землю, не ту землю, которая сейчас и от которой я давно освободился, а ту землю, которая будет, когда, проникнутая Высшим Светом, родит Вечную Красоту. По этой земле я страстно тоскую, потому что, предчувствуя ее совершенно ясно, люблю ее всем сердцем. Но земли этой достигнуть можно, не убивши теперешнюю землю, а претворивши ее. Поэтому я всегда буду земным, всегда буду жить на земле, хотя и не по земле.

Я был простым христианином, а вы хотели меня сделать святым. Это и было роковым в наших отношениях. Вы хотели слишком высокого от меня, вы хотели видеть меня на той высоте, которой я был недостойн и которая для меня невозможна вследствие особого склада моего характера.

Ясное дело, что ваше идеализирование меня долго продолжаться не могло. Действительность часто давала о себе знать, и вы стали видеть, что я не то, за что вы принимали меня, что я «упал», что во мне есть что-то особое, самостоятельное, своеобразное, неподдающееся мгновенно вашему пониманию. И вы не захотели узнать меня, вы осудили меня сразу с точки зрения прежнего понимания, не хотели до того, что на все мои попытки отвечали насмешливо и всячески от них закрывались. Но от этого получилась другая крайность. Раньше вы считали меня лучше, чем я был, теперь же считали меня хуже, чем я был, но в обоих случаях не тем, чем я был в действительности. И от этого получилось несколько вопиющих случаев самого обидного непонимания меня вами.

1. Вы часто говорили мне, что я не хочу чем-то «удивить» вас. Говорите это и теперь. Я не понимал всей важности та-

кого обвинения и потому никогда энергично против него не оправдывался. Но теперь говорю совершенно искренно: у меня не было и тени такого желания (Павлуша, не страшно ли вам от этого?). Я молчал большей частью потому, что я молчалив от природы, но когда начались недоразумения, я не знал, что говорить, хотя очень хотел. Мой внутренний мир был вам неинтересен, вы не спрашивали никогда о нем и молчали, когда я начинал говорить о нем. За вами же, хотя я понимал вас инстинктивно и постоянно издали вам тихо сочувствовал, — я поспеть не мог, ясно почему, и меня ставил в безысходный тупик ваш вопрос: «Чем вас занимать?» Мне страстно хотелось разрушить стену, вставшую между нами, но я не умел и не мог, и если я уже в отчаянии говорил: «Павлуша, но ведь я вас люблю», вы с усмешкой говорили: «Ну так что же?», скрывая за этим свое полное недоверие.

2. Вы говорите, что мне хотелось стать выше вас. Я этим изумлен. С самого начала нашего знакомства (еще в гимназии) и до сих пор не было ни минуты, когда бы я себя ставил хоть раз выше вас. Я вас не только любил, но и уважал, считая вас сильнее и больше меня. Понятно, почему так вышло: я не укладывался под тот идеальный тип, которого вы желали; я не хотел терять своей самостоятельности, лишаясь того, что я приобрел долгим упорным трудом и муками; да я ясно сознавал, что и не должен был перед Богом этого делать. Вы не могли подарить мне терпимости, основанной на любви, хотя я просил ее у вас. Вы не могли простить мне моей самостоятельности, у вас не хватило на это любви. Повторяю, Павлуша, я никогда не считал себя выше вас.

3. Вы говорите, что я захотел «поправлять Истину», «выдумать что-то новое». Вы не поверите, Павлуша, как это мне тяжело. Но тут уже Silentium²²¹. Своей святости в людских словах я открывать не могу. Если вы ее не почувствовали, горе мне.

²²¹ Молчание (лат.).

4. Говорить, Павлуша, о том, как вы объяснили мое желание передать вам Гельмгольца, — я прямо не могу. Тут меня охватывает одно удивление, жалость к себе и жалость к вам. Тяжело.

Все эти непонимания вытекли из того, что не хотели узнать меня действительного. А если б вы узнали, быть может, многое из того, что так неприятно, не произошло.

Дорогой мой Павлуша! Я не надеюсь на то, чтоб мы опять стали жить вместе. Я думаю, мы расстанемся, чтоб продолжать дальнейший путь в одиночестве. У меня не хватит силы сдвинуть гору с места, это для меня непосильный подвиг. Я думаю, что и у вас тоже не хватит. Если б я понимал Христа вполне, этого не было бы. Но мое сознание ограничено. Это я смутно сознавал раньше, но теперь узнал ясно. Это послужит мне уроком на всю жизнь. Мне жаль с вами расставаться, с вашей милой семьей, которую я успел крепко полюбить, но я не могу расстаться с вами, Павлуша, не сказавши вам слова любви, которое само просится.

Дорогой Павлуша! Зачем нам расставаться с злыми чувствами? Зачем вы меня называли врагом? Зачем и нам отдавать дань грязи и пошлости? Если мы не могли идти вместе, если вы больше меня, если вы шагаете быстрее к цели и видите ее яснее и если я отстаю, то зачем же нам опускаться до вражды? Вы, одаренный больше Богом, идите себе впереди; отставая от вас все больше и больше, быть может, я тоже не буду сидеть в болоте и тоже буду тихонько плестись соразмерно с своими силами, быть может блуждая вследствие неясности моего зрения. Если у меня не хватит силы и любви, чтобы поспеть самому за вами, то у меня хватит и хватает любви настолько, чтобы сопутствовать вам своим сочувствием и своими молитвами. Я не чувствую горечи нравственной от нашей разлуки.

Мы расстанемся, но и вы и я будем стремиться достигнуть одной и той же цели. Мы расходимся в путях к ней, но цель у нас остается одна, как и прежде. Пусть же эта цель освятит нас Своею Силой и избавит нас от вражды.

По мере того как я писал это, сознание мое прояснилось, и я совершенно ясно сознавал, что пишу. Я писал вполне искренно. Я знаю, вас поразит тут кое-что, но умоляю: бросьте хоть на минуту вашу недоверчивость, поверьте мне и постарайтесь понять меня. Может быть, это изменит ваше отношение ко мне.

Я вас, очевидно, понимал хорошо. Потому что в вашем письме я не встретил для себя ничего неожиданного; я все это знал. Но и зная, я не мог одними своими силами уничтожить между нами стену. В этом мой грех. Христос, которому я молюсь, осуждает меня, и я не знаю, что делать. Простите мне, Павлуша, что можете, а чего не можете, то пусть тяжелым бременем ляжет на меня и сохранит меня на дальнейшем пути хотя от самомнения, самоуверенности.

Прощайте, Павлуша!

Да будет Господь с вами всегда.

Л. Н. Вилькина — В. Я. Брюсову²²²

[8 / 21.06.1903. Монте-Карло]

Monte-Carlo. Poste-restante

M-me L. Wilkine

Где вы, Валерий? Я писала вам в Париж²²³, но не получила ответа, из чего заключаю, что вы уже оттуда уехали. А я вас звала к себе и очень думала, что вы приедете. Я живу здесь, потому что по всей Европе сильные холода, а здесь хоть и не очень, но тепло. Николаю Максимовичу все равно, где ни работать, а на меня Ривьера действует оздоравливающе.

Что делается «в міру»? Зинаида Мережковская рассказывала о каких-то новых ваших изданиях, но вы меня на-

²²² Печатается с комментариями по: *Котрелев, Лавров*, 2004. С. 333–334.

Почтовый штемпель отправления: 23.6.03. Московский почтовый штемпель получения не прочитывается.

²²³ Письмо было переслано по московскому адресу Брюсова.

столько забыли, что даже не присылаете мне их. В последних «Северных Цветах» мне очень понравились ваши стихи, вы делаетесь истинным мастером и «формы»²²⁴.

З. Венгерова писала, что Бальмонт прислал в «Новый Путь» очень хорошие стихи²²⁵. Выйдет скоро его сборник²²⁶? Передайте ему мой привет — когда увидите. Он мне ужасно мил. Я считаю его единственным певцом настоящей, новой, острой и легкой, но глубокой любви. Он знает непродолжительность любви, а ее бездны...

Что вы собираетесь писать? Осенью не приедете в Петербург? Я буду в Петербурге 10 сентября.

Пишите, не распространяюсь больше, ибо не знаю, дойдет ли до вас это письмо.

21 Июнь

Ваша Людмила

А. В. Ельчанинов — П. А. Флоренскому²²⁷

[10.06.1903. СПб. — Москва]

Я не думаю, дорогой Павлуша, чтобы тебе нужен был мой ответ на твое письмо — ты не из тех людей, для которых имеют важное значение чужие мысли и чувства, но этот ответ нужен мне. Ты столько написал мне, что ответить на твое письмо я вряд ли смогу сразу. Попробую

²²⁴ В третьем альманахе «Северные Цветы» (1903 г.) был помещен цикл Брюсова «Мысли» (С. 74–84), состоящий из четырех стихотворений («L'ennui de vivre», «Habet ilia in alvo», «Италия», «In hac lacrimarum valle»).

²²⁵ Это письмо среди писем З. А. Венгеровой к Вилькиной, находящихся в ИРЛИ (Ф. 39. Ед. хр. 837), не сохранилось. Подборки стихотворений Бальмонта были напечатаны в № 6 и № 10 «Нового пути» за 1903.

²²⁶ Видимо, Вилькина еще не знала, что книга Бальмонта «Будем как солнце. Книга символов» (М.: «Скорпион», 1903) вышла в свет в мае 1903. См.: *Куприяновский П. В., Молчанова Н. А.* Поэт Константин Бальмонт: Биография. Творчество. Судьба. Иваново, 2001. С. 133.

²²⁷ Печатается с комментариями по: *Павлюченков*, ВПСТГУ 2010/4. С. 110.

поднять хоть одну из тем, брошенных тобой в таком изобилии в твоём письме. Прежде всего, решительно отвергаю твоё предположение, что я не увижу в твоём письме «ничего, кроме прописных истин и так далее» Это бы уж слишком скверно рекомендовало меня. Обо всем, что ты пишешь, я часто думал. Собственно говоря, не было ни одной темы, на которую ты мне когда-либо говорил, которая не была бы мне глубоко интересна, то есть которая близка моему сознанию, — у меня не хватало только силы и остроты продумать эти темы до конца и дать определенные формы тем неопределенностям, которыми всегда полна голова. Начать хотя бы с первой темы. Ведь недаром же я взялся за русских мистиков и немного изучал их. Правда, привел меня к этому интерес гносеологический; но в писаниях Лопухина²²⁸, Сперанского, а потом и святых отцов я нашел нечто совсем другое. К тому же с этого лета я все дальше отхожу от чисто гносеологических проблем в сторону вопросов воли и «духовной жизни». Какое бы мировоззрение я ни нашел правильным и удовлетворяющим логике и гносеологии, ведь это далеко не все еще, это — почти что ничего; ведь от моей воли будет зависеть, во-первых, склониться принять такое мировоззрение, и, во-вторых, от сил моего духа будет зависеть усвоить и реализовать его, и вопросы об этом и занимают меня теперь и отвлекают от чисто логических исканий. Наряду с этим у меня часто появлялись сомнения, то ли я делаю, что надо, когда читаю газеты, новые книги, даже когда слушаю лекции. Эти сомнения я, впрочем, надеюсь разрешить собственными силами. Наиболее важ-

²²⁸ Иван Владимирович Лопухин (1756–1816) — государственный деятель, мистик, религиозный писатель. Один из видных представителей «екатерининского масонства», участник кружка Н. И. Новикова. Его сочинение «Некоторые черты о внутренней церкви» — одно из первых произведений светской религиозной мысли в России (см.: *Суrowцев А. Г. И. В. Лопухин. Его масонская и государственная деятельность.* СПб., 1901).

ным мне представляется теперь в мыслях и отчасти реализуется в моих занятиях не теория, а практика. Я бываю вполне удовлетворен, я заметил это давно, только тогда, когда делаю что-либо для других, когда чувствую чужой интерес так же ярко, как свой, и когда подлинно свое совсем куда-то исчезает. Это не слова только, Павлуша, а то, что сидит во мне уже года четыре—пять. Я не знаю, как это относится к тому, что ты описываешь. Я читал у многих мистиков описание того состояния, когда в душе царствует Логос-Любовь; это почти всегда чувство радости, блаженства, но совершенно свободное от чувства к людям; даже наоборот, такое чувство не исключает совершенно обратного чувства к людям, даже предполагает его. Один русский мистик удивляется, например, как можно что-нибудь еще любить, если все силы духа устремлены в одно, совершенно противоположное тварям, Kreaturem. Я думаю, что ты говорил не о такой любви. Ты, может быть, имел в виду другую стадию того же состояния, которую так хорошо кто-то описывает в том отрывке, который ты однажды мне прислал и аналогичный которому я нашел недавно в «Анне Карениной» (Т. II, IV, 15): «Что он видел тогда, того он после уже никогда не видел. В особенности дети, шедшие в школу, голуби сизые, слетевшие с крыши на тротуар, и сайки, посыпанные мукой, которые выставила невидимая рука, тронули его. Эти сайки, голуби и два мальчика были неземные существа. Все это случилось в одно время: мальчик подбежал к голубю и, улыбаясь, взглянул на Левина; голубь затрещал крыльями и отпорхнул, блестя на солнце между дрожащими в воздухе пылинками снега, а из окошка пахнуло духом печеного хлеба, и выставились сайки. Все это вместе было так необычайно хорошо, что Левин засмеялся и заплакал от радости». (Дальше идет все то же — «созерцание мира, как добра», там же (Т. II, VII, 31) как будто нарочно для твоей работы описание противоположного состояния, когда все представляется как глупое, недолжное, злое.) Такое чув-

ство я испытывал довольно часто (подобное состояние, только в сильнейшей степени, описано в «Братьях Карамазовых»²²⁹ издание IV, с. 416, или в «Житии Сквороды»²³⁰ в юбилейном издании его сочинений 1894 г.). Но тут нужно очень тонкое чутье, чтобы не принять одного за другое. Часто, например, подобное состояние создается чувством физического благосостояния (например, после обеда) или после нравственного удовлетворения — после победы над врагом, после удачного разрешения мучившего вопроса, наконец, это настроение создают и не эгоистического характера факторы. У меня это бывает иногда без всякой причины, хочется всех обнимать и целовать, становишься неуязвимым ко всяким неприятностям, даже оскорблениям, потому что находишься «вне себя».

Все это я написал около 7–10 дней тому назад, в тот день, как получил твое письмо, но почему-то не послал. Письмо провалялось бы и дольше, но сегодня сестра пишет мне, что ты ждешь моего письма. Посылаю его не перечитывая, так как боюсь, что останусь недоволен им и ты совсем не получишь письма. Мое положение пакостно: получил я от Ягулова и Гехтмана²³¹ настойчивое приглашение явиться к ним в гимназию в качестве преподавателя российской словесности, так как это воля самого Иозипа Федоровича²³². Бла-

²²⁹ [Надпись карандашом:] «Алеша иступленно клялся любить землю». Ср.: описание экстаза Алеши Карамазова в главе «Кана Галилейская» (Братья Карамазовы. Кн. 7. Ч. 3).

²³⁰ См.: *Ковалинский М. И.* Житие Григория Сквороды // Сочинения Григория Саввича Сквороды, собранные и отредактированные проф. Д. И. Багалеем. Юбилейное издание (1794–1894). Харьков, 1894.

²³¹ А. И. Ягулов и Г. Н. Гехтман — преподаватели древних языков и истории А. Е., П. Ф., Вл. Эрн и др. во 2-й Тифлисской гимназии. См.: *Павлюченко*, ВПСТГУ 2010/4. С. 114. Также см.: *Флоренский П. В., Шуртова Т. А.* Павел Флоренский — XX век от Р. Х., год первый // Наше наследие. 2005. № 73 (<http://www.nasledie-rus.ru/podshivka/7312.php>).

²³² Речь идет об Иосифе Федоровиче Дрбоглазе — директоре 2-й Тифлисской гимназии, действительном статском советнике.

годаря этому я нахожусь в смятении. Пока прощай. Прости, что опоздал, но, право, я не думал, что ты ждал моего письма (см. начало).

А. Е. 1903. VI/10.

П. А. Флоренский — В. Ф. Эрну²³³

[19.06.1903. Сурам]

Володя!

Не знаю, такова ли моя особенность личная или это следствие свойственного всем сознания греховности, но я не знаю за собою еще ни одного поступка, за который бы я не чувствовал, через некоторое время после, своей тяжелой ответственности; чувство виновности начинает давить, и даже самое удачное, по первоначальному представлению, с течением мыслей делается горьким и противным, как бы сказал Жан-Поль, наподобие сахара, пролежавшего 30 лет в магазине и приобретшего вкус полыни.

Я хочу этим сказать, что данный случай только послужил подтверждением этого правила, и я не имею вовсе своей целью скрыть от Вас, что я чувствую себя виноватым перед Вами, именно вот в чем: Вашего доверия и Вашей откровенности я не стоил, и даже совершенно безотносительно от Ваших достоинств и недостатков, а не стоил сам, так как не имел никогда (кроме очень коротких мгновений) для того достаточной ценности, тех качеств, которые я бы потребовал от другого, если бы захотел быть с ним вполне откровенным. Это было бы все еще ничего, но виновность моя в том, что я в этом отношении был либералом: вместо того чтобы заслужить доверие, я внутренне требовал его. Если бы я мог получить его, то, во всяком случае, не на основании требования, а из милостыни, чего, впрочем, я не хотел, да и не хочу, вовсе не из гордости только,

²³³ Печатается по: *Чертков*, 2017. С. 74.

а потому что милостыня, выпрашиваемая у другого, лишает его свободы действовать по-своему.

Сознавая свою виновность, сознаю также и то, что едва ли в этом отношении я стану лучше когда-нибудь, потому что слишком глубоко связаны со мною все эти дурные качества и, чтобы изменить их, мне нужно было бы изменить весь мой склад, переродиться.

В. В. Розанов — П. П. Перцову²³⁴

[26.06.1903. СПб.]

Дорогой Петр Петрович! Первого экземпляра «Нового пути» я не получил, а получил сегодня, вместе с Вашим письмом, только 2-ой экземпляр. Спасибо. Будьте так добры, не откажитесь переслать. В город Ставрополь на Кавказе. В книжный магазин П. М. Микеладзе. 1 экземпляр «Семейный вопрос в России», тома 1 и 2-й. 2 экземпляра «Семейный вопрос в России», только том 1-й наложенным платежом за три рубля 20 копеек. Очень большое одолжение сделаете, ибо магазин жалуется, что я по ошибке прислал только вторые тома двух экземпляров, без первого. Нужно оправдать коммерцию.

Хорошо, что у Вас есть запасного «Угла», уже цензурой одобренного. Так и надо, матерьял заранее заготавливать, кроме хроник, — чтобы выпускать вовремя. Книжка, выходящая не в тот месяц, какой значится на обложке, — скандал. Ради Бога, не допускайте до этого. Ведь подписка из-за этого одного упадет. Как-нибудь, но выпускайте в июле, хоть без статей; хоть одну обложку.

Прилагаю: 1) свою статью, 2) стихотворение одного студента. Статью Смирягина о разводе очень советую поместить. Ведь из него была даже большая выдержка в «Новом времени»; он был у Толстого — и напечатал о нем интерес-

²³⁴ Печатается с комментариями по: *Гончарова*, 2015. С. 150–151.

нейшие воспоминания²³⁵. Он смелый, умный и честный человек; нужно «*divide et impera*»²³⁶ духовенства: без этого мы как Валленштейн без армии²³⁷. Да кроме идейной важности, ведь и главный по массе подписчик на «Новый путь» — духовные. Были бы они заинтересованы, а для этого надо, чтобы и они были на страницах журнала — и «Новый путь» не пропадет, не «иссякнет»; а «декадентщины» можно прибавлять как фермента потом, помаленьку. Этого Мережковские никогда не поймут, они «напролом»: но я старье — и слушайте меня, а не их в этом пункте.

Подлецы нововременские меня изводят непечатаньем, — и так я подумываю о гонораре «Нового пути» к заключению года. Очень бы нужно, хотя, конечно, нужно терпеть. Хоть бы с Вольфом²³⁸, что ли, устроиться. Да как подписка? Всегда вместо «*vale*» пишете цифру. Господи, если бы нам без Вольфа устроиться, в свою пользу. Ведь через 2 года (т. е. к началу 4-го), наверное, будет 7.000 подписчиков. Ведь уж старость за плечами, — и хочется «на свои хлеба», а не по квартирам шляться, хотя бы и суворинским. Вообще — старо и горько. ВР.

²³⁵ Смирягин А. П. В Ясной Поляне: (С последних страниц моей пастырской хроники) // Миссионерское обозрение. 1903. № 1. С. 76–94. В воспоминаниях рассказывалось о поездке в Ясную Поляну и беседе с Л. Н. Толстым по поводу его отношения к церкви, исполнению церковных обрядов, о взаимоотношениях писателя с местными крестьянами.

²³⁶ Разделяй и властвуй (*лат.*).

²³⁷ Альбрехт Валленштейн (1583–1634) — полководец, создатель австрийской армии.

²³⁸ Людовик Маврикиевич Вольф (1865 — не ранее 1918) — глава издательства «Товарищество М. О. Вольф». У Вольфа пытались просить денег на дальнейшее издание «Нового пути». 29 июня 1903 г. Перцов писал Розанову: « (...) нет денег. Ведь надо много, очень много. Ведь даже на этот год не хватает 1000 рублей (несмотря на Морозова). А Вы мечтаете о 7000 подписчиков. Ах, батенька, плохо с нами, плохо! Из 1 150 полугодовых пока возобновило с небольшим 150. Всего теперь около 2500. Новых за июнь прибыло человек 25. Вольф молчит» (РГАЛИ. Ф. 1796. Оп. 1. № 83. Л. 36 об.).

Всё мое немедленно сдавайте в цензуру: пусть их заранее одобряют. Просьбу исполните о высылке книги; квитанцию наложенного платежа надо сохранить: без нее никак не получишь денег (я испытал). Не забудьте интересную и красивую картинку «Поклонение Таммузу»²³⁹ (отдано Зинаиде Николаевне Мережковской) ко 2-му письму Филевского. Обогатит книжку, красиво, ново.

Д. В. Философов — В. В. Розанову²⁴⁰

[27.07.1903. Ст. Бежаницы, Псковск. губ. Село Богдановское]
27 июля 1903.

ст. Бежаницы, Псковск. губ. Село Богдановское.

Дорогой Василий Васильевич.

Слышал, что Вы много пишете на острове Эзель²⁴¹, и обращаюсь к вам с просьбой поделиться с «Миром искусства» Вашими писаниями. Давно мы не печатали ничего Вашего и хотелось бы получить от Вас значительную статью, по возможности общего, не специально религиозно-политического, содержания. Пришлите, голубчик, что у Вас накопилось. Ведь не все же идет в «Новый путь» и в «Новое время»? Для избежания путаницы посылайте лучше на петербургский адрес редакции, *теперь же*. Как-то вы провели лето? оправилась ли Варвара Дмитриевна? Я здесь с 20-го, и кроме дождя и гниющей в поле ржи ничего не видал. В Петербург думаю возвратиться во второй половине августа.

²³⁹ В «Новом пути» иллюстрации «Поклонение Таммузу» не обнаружено. Таммуз — в мифологиях ряда народов Передней Азии божество плодородия и растительности.

²⁴⁰ Текст подготовлен к изданию и прокомментирован Е. В. Глухой по архивному оригиналу: НИОР РГБ. Ф. 249. К. М3871. Ед. хр. 4—6. Л. 22.

²⁴¹ Остров Эзель (Сааремаа) — самый крупный остров в Эстонии, отделен от материка проливом. Розанов отдыхал на острове летом 1903 г. (См. об этом: *Розанова Т. В.* «Будьте светлы духом» (Воспоминания о В. В. Розанове). М., 1999.

Наши Вам кланяются.
Душевно ваш,
Д. Философов.

Л. Н. Вилькина — В. Я. Брюсову²⁴²

[30.07 / 12.08.1903. Краттиген]

12 августа

Да, я больше не зову вас, Валерий. Мне нравится звать вас по имени, хоть вы и слишком подчеркиваете мою нежность. Я больше не зову вас сюда — здесь слишком высокие горы, и они душат. Хоть вы теперь и только в числах <Sic!> но и для вас было бы тяжело. А вы надолго для них? Мне это нравится в вас, только слишком уж вы дилетантствуете — сегодня оккультизм, завтра математика. Но вот что: назначаю вам свидание у себя на набережной 16 сентября в 4 часа дня, или в 8 часов вечера. Будьте непременно²⁴³. Я буду одна, но вы придете не математиком, а со стихами. Друг мой, я так хочу, так будет.

Как я вам завидую, что вы в русской деревне, а не в чужеземном отеле, среди жадных швейцарцев. И как хорошо, что вы не чувствуете нравственного долга читать о деяниях конклава, о деле Эмбер²⁴⁴ и т.д. Здесь становишься прямо рабом культуры. С нами в отеле живут Petit

²⁴² Печатается с комментариями по: *Котрелев, Лавров*, 2004. С. 336–339. Почтовый штемпель отправления: 23.6.03. Московский почтовый штемпель получения не прочитывается

²⁴³ 16 сентября — день памяти великомученицы Людмилы: именины Вилькиной.

²⁴⁴ Подразумевается скандальное дело Терезы Эмбер, мошеннически присвоившей крупные денежные суммы (финансовые операции под гарантии мифического наследства несуществующих братьев Крауфорд). О разбирательствах, связанных с этим делом, постоянно сообщалось и в российской печати (см., например: Увертюра дела Эмберов в Париже // *Новое время*. Иллюстрированное приложение. 12 (25) февраля

(возлюбленная Бальмонта с мужем)²⁴⁵, ничто, положительно ничто не может его расшевелить. Но заговорите о конгрегациях, о министерских скандалах, и он становится на часы живым.

А его жена... та самая Соня, которая не может закончить фразы, не упомянув о безумно влюбленном в нее Бальмонте. Она очень миленькая, очень элегантная барынька — род английского пони. Но как мог Бальмонт так ее любить — стараюсь понять и не могу. Зимой покажу ее Вам — она будет в Петербурге. Вы видите, как я стала болтлива. Неудивительно. Живу среди овец и коров в полном смысле слова. Заходит сюда иногда ваш «друг» Шестов. Удивительно — он милый, простой, но «скучный». Быть может, слишком простой — без намека на романтизм. А в жизни простой романтизм так же необходим, как в литературе невозможен. До чего, как раз он <Sic!> не похож на свои писания.

Но я со скуки не брезгую и им. Почему не прислали мне «Грифы» стихи Бальмонта²⁴⁶? А ваши стихи когда выйдут²⁴⁷? Ну, право, бросьте теперь математику — ведь к 16 сентября вам надо иметь много мне неизвестных стихов.

До свидания, Валерий. Пишите сюда сейчас же. Остаюсь тут до конца августа. Пишите мне, я одна, одна. А теперь медленно поцелуйте мою руку. Ухожу.

Ваша Elle

Suisse. Spiez. Krattigen. Hôtel National.

1903. № 9678. С. 9. В этом же номере был помещен сонет Вилькиной «Здесь на земле»).

²⁴⁵ Софья Григорьевна Балаховская-Пети и ее муж Эжен (Евгений Юльевич) Пети.

²⁴⁶ Почему Вилькина надеялась получить книгу стихов Бальмонта из издательства «Гриф», неясно: последняя к тому времени из его поэтических книг — «Будем как солнце» была издана «Скорпионом».

²⁴⁷ Книга Брюсова «Urbi et orbi. Стихи 1900—1903 г.» (М.: «Скорпион», 1903) вышла в свет в октябре 1903.

Д. В. Философов — В. В. Розанову²⁴⁸

[13.08.1903]

Дорогой Василий Васильевич.

Спасибо вам, голубчик, за Вашу интересную статью. Она уже послана в набор. Боюсь, как бы не вышло цензурных затруднений.

Дягилев приезжает в Петербург 16-го, а потому, в случае надобности — обратитесь в редакцию.

Еще раз спасибо.

Душевно Ваш,

Д. Философов.

P. S. Вышла маленькая глупость с Вашей статьей в 5–6 №№ «Мира Искусства»²⁴⁹ она была у нас переписана на *Ремингтоне* и мы ее напечатали, совершенно забыв, что она была уже в «Новом пути». Простите.

Д. В. Философов — В. В. Розанову²⁵⁰

[Б. д. 1903?]

Дорогой Василий Васильевич.

Посылаю Вам две книжки, о которых говорил прошлый раз. Обе относятся к античному миру, а не к эпохе средних веков, как я по недоразумению сказал вам.

²⁴⁸ Текст подготовлен к изданию и прокомментирован Е. В. Глухой по архивному оригиналу: НИОР РГБ. Ф. 249. К. М3871. Ед. хр. 4–6. Л. 24. Закрытое письмо с адресом: Петербург, Эртелев пер. № 6, Его Высочордию Василию Васильевичу Розанову, редакция «Нового времени».

²⁴⁹ Статья Розанова: Среди иноязычных (Д. С. Мережковский) // Мир искусства. 1903. Т. 10. С. 69–86. — Была также издана в «Новом пути»: 1903. № 10. С. 219–245. — Вошла в кн.: «Около церковных стен».

²⁵⁰ Текст подготовлен к изданию и прокомментирован Е. В. Глухой по архивному оригиналу: НИОР РГБ. Ф. 249. К. М3871. Ед. хр. 4–6. Л. 25–26. Письмо пронумеровано Розановым красными чернилами последовательно № 52, на этом основании датируется 1903 г.

Кроме того, беру на себя смелость послать Вам при сем и одну недавно вышедшую книгу Л. Шестова²⁵¹, касающуюся Нитче и Толстого. Я не знаю, кто этот Шестов, но книга его мне очень нравится, нравится не сама по себе, (нового в ней немного), а по отношению к предмету. Я давно не встречал такой скромной и такой вдумчивой критики Нитче. Обыкновенно к нему относятся или свысока, или с каким-то холуйским раболепием. Тут нет ни того ни другого, и может быть, если б Вы, хотя бы только из чувства расположения ко мне, пробежали эту книгу, Нитче заинтересовал бы Вас. Вы правы, Василий Васильевич, когда говорите, что лучше изучить одного писателя досконально, чем нескольких, поверхностно. Но вам, писателю Розанову, необходимо считаться не только с Достоевским, (я говорю о современных писателях), но и с Нитче. Откровенно вам скажу, что Ваше заявление, что Вы начали было читать Нитче, но он Вам показался скучным, меня очень обидело, не за Нитче, конечно, а за Вас. Писатель Розанов не смеет так говорить, не умаляйте себя²⁵²! С Нитче очень трудно познакомиться. На русский язык переведено только «Происхождение Трагедии» (юношеское, но гениальное произведение) и «Так говорил Заратустра» (Москва, 1900. ц. 1 р.). Первый перевод очень недурен, второй — очень плох. Но если Вы владеете французским языком, то на французском языке есть прекрасный перевод «Заратустры» «Aus-

²⁵¹ *Шестов Л.* Добро в учении гр. Толстого и Ницше (Философия и проповедь). СПб. : тип. М. М. Стасюлевича, 1900. — Впервые кн. была опубликована на страницах журнала «Мир искусства». Обида Философова на демонстративное невежество Розанова вполне объяснима: одной из линий нового журнала была пропаганда не только новых направлений в сфере искусства и литературы, но и в западноевропейской философии; немалое место на страницах журнала отводилось философии Ницше.

²⁵² К слову: одного из глубочайших западных писателей Метерлинка Вы в первый раз узнали на днях, и то по отрывку. А с ним ведь тоже необходимо Вам считаться. — *Примеч. Д. Философова.*

si parlait Zarathoustra». Traduit par H. Albert. Paris-Leipzig, 1898. Если Вы возьмете русский перевод (в котором кстати сказать пропущены все наиболее сильные места) и будете читать его параллельно с французским, то Вам удастся хоть немного вникнуть в Нитче. Не удивляйтесь, уважаемый Василий Васильевич, что я пишу Вам такие детали... Мне очень хочется, чтобы вы ознакомились с Нитче. В нем столько гениальных зародышей, столько глубин, часто непонятных и непонятых, что именно такие люди, как Вы, должны его читать! Я убежден, что Вы в этом не раскаетесь! В частности, что касается книги Шестова, то она написана очень талантливо, и мне кажется, она вполне пригодна для того, чтобы освободить Вас от предубеждения против великого писателя, столь конгениального Достоевскому.

Душевно преданный и глубоко уважающий Вас

Д. Философов.

Просьба Ваша, конечно, будет исполнена.

П. А. Флоренский — Ю. А. Флоренской²⁵³

[7.09.1903. Москва]

(...) Часто мы говорим о воспитании и ужасной неряшливости в этом отношении нашего века. Особенно тяготит его полная распущенность всех воспитываемых, которая за последние 2–3 года распустилась не только у нас в Тифлисе, но, кажется, и по всей России, например в Москве, такими пышными цветами, что о всей прелести их нельзя тебе составлять себе представление издалека, так как даже мне, который видел период распущенности достаточной в гимназии, все это представляется странным и кошмарным. Отсутствие вкуса к чему-нибудь идеальному, полная невыдержка, неумение и нежелание работать хотя бы в какой-нибудь области, вульгаризация во всех смыслах — од-

²⁵³ Печатается по: *Чертков*, 2017. С. 75.

ним словом, мерзостная горьковщина, которая под видом «силы» скрывает самую полную несостоятельность, самое полное бессилие, а под видом аморальности (т.е. сознательного отказа от морали, дерзновения преступать законы идеального) содержит в себе самую ультрабуржуазную имморальность (т.е. неимение, лишение каких-либо идеальных импульсов к действию, умственную и волевою слабость), эта горьковщина достаточно распространена среди молодежи нашей, особенно гимназистов и гимназисток. (...)

П. А. Флоренский — В. В. Розанову²⁵⁴

[9.09.1903. Москва — СПб.]

Глубокопочитаемый Василий Васильевич!

Мне хочется написать Вам, чтобы хоть сколько-нибудь обнаружить вовне те чувствования, которые переживаю при чтении Ваших заметок; Вам именно, потому что в этих неуловимых состояниях и сам разобраться не можешь, не то что кто-нибудь другой, кроме Вас.

Мой голос раздается из чуждых для Вас сфер, чуждых по существу, из сфер математики и других областей, в которых приходится иметь дело с организующим и оформляющим, с образом по преимуществу; из тех сфер, где способ мышления — рассмотрение форм, проникающих, упорядочивающих и делающих стройным космос, одним словом, где Логос-устроитель является преимущественным чаянием.

Вот, вероятно, в силу такой противоположности с методами и материалами в ваших работах, я не могу читать

²⁵⁴ Печатается с комментариями по: Письма В. В. Розанова к П. А. Флоренскому за 1903–1917 гг. // Розанов В. В. Собрание сочинений. Литературные изгнанники. П. А. Флоренский. С. А. Рачинский / Под общ. ред. А. Н. Николюкина. М., СПб., 2010. С. 9–11.

их без холода и дрожи нетерпения, когда весь целиком охватываешься желанием узнать всю мысль в ее целостности, охватить разом все произведение.

По некоторым причинам я мог ознакомиться с немногими из Ваших произведений; но достаточно было прочесть хотя бы одну заметку, чтобы, не входя в оценку Ваших дарований, сказать: «Вот человек единственный и, вероятно, непонимаемый; вот настоящий гений, гений от рождения, но совсем неполированный и, по-видимому, над собой не работающий, человек, который творит новое, подготавливает скачок во всем мирозерцании и сам того не подозревает, творит так же стихийно, как течет река».

В самом деле, что представляют Ваши сочинения, если подходить к ним со школьными мерками и требованиями: да обыкновенные заметки на разные темы религиозного характера, довольно бессвязные, часто неуклюжие; логичности в них часто нет.

Но я отдаюсь Вашим методам, стараюсь забыть о всех других. Тут получается нечто неожиданное. Если это обыкновенное газетное писание, то почему зарницами вспыхивают Ваши мысли, почему заинтересовывает, захватывает то, что никогда ранее не интересовало, почему замирает сердце и слабость восторга вместе с неизъяснимой сладостью проникновения в сущность охватывает все существо? Почему все другое кажется после этого пустым, поверхностным, представляется пережевыванием избитого? Потому что Вы, неизъяснимым, вероятно, и для Вас способом, постигаете реальную данность в себе Мощи, Uhrgrund-a (=Ungrund-y) Бёме, Бога-Отца. Вы в этом смысле как бы концентрированный Тютчев,

и бездна Вам обнажена

С своими страхами и мглами,
нет преград меж ней и Вами...²⁵⁵

²⁵⁵ Из стихотворения Ф. И. Тютчева «День и ночь» (1839); «нам» заменено на «Вам».

Я не знаю Вас как личность, не знаю даже имени Вашего, но могу все-таки не колеблясь высказать мысль, что Вы — пророк в существенном смысле, так как Вы постигаете То, что оформляется Логосом, первобытную Мошь.

Есть некий час всемирного молчанья,
И в оный час явлений и чудес
Живая колесница мироздания
Открыто катится в святилище небес.
Тогда густеет ночь, как хаос на водах,
Беспамятство, как Атлас, давит сушу,
Лишь Музы девственную душу
В пророческих тревожат боги снах²⁵⁶.

Вот это Ваше проникновение в «густеющую ночь» [сравните со звуками виолончели, которые тоже хорошо символизируют эту темную первооснову]²⁵⁷ и дает мне основание для удивления перед Вами, хотя я сознаю, что не могу достаточно понимать Ваши произведения.

Мне кажется, что Вы не философ, ибо философия есть система и форма прежде всего. Однако для меня нет сомнений, что новые данные, открытые Вами в тайниках быта и духа, найдет своего формовщика; не знаю через 50, через 100 лет, но это случится рано или поздно, подобно тому, как Бёме истолкован Шеллингом, Баадером и отчасти Гегелем в системе. Пока этого не будет, Вы, в своем существе, не будете вполне понятны почти никому; рассуждать с Вами нельзя, так как Вас можно и должно слушать только; те же, которые рассуждают, ухватывают внешний облик и говорят не о Вашем, как таковом, а о случайной форме писаний; собственного образа у писаний Ваших, нет, они безобразны, как и то, что они выражают. Но под разрозненными заметками скрывается громадный материал, запас новых, непосредственных данных для выработки мировоззрения, данных, имеющих несколько не меньшее значение, чем

²⁵⁶ Из стихотворения Ф. И. Тютчева «Видение» (1829).

²⁵⁷ На полях.

вновь открываемые факты в области естествознания. Простите за бесцеремонность и бессвязное письмо.

Искренно удивляющийся Вам П. Флоренский.
Москва 1903.IX.9.

P. S. Очень хотелось бы иметь от Вас несколько слов, конечно, если это не покажется Вам слишком навязчивым.

А. В. Ельчанинов — П. А. Флоренскому²⁵⁸

[12.09.1903. СПб. — Москва]

Ты, вероятно, знаешь, дорогой Павлуша, что моя сестра в Москве. Благодаря этому я и не был ни у храма Христа Спасителя, ни в Третьяковской галерее — я искал ей квартиру, а после сейчас же уехал в Питер. Я надеюсь, что ты зайдешь как-нибудь к сестре — Б. Козихинский пер., д. 16, кв. 9. № «Нового пути» с твоей статьей я получил накануне моего отъезда и потому мог пробежать его весьма невнимательно и, вероятно, поэтому не нашел в твоей статье особенно крупных искажений²⁵⁹. С места в карьер я принялся за занятия и в день приезда прямо попал на первую лекцию. Но надо признаться — пустота в Университете в смысле отсутствия интересных лекторов полная, и поэтому мое решение остаться на V курсе начинает колебаться. Вчера я получил предложение от одного нашего профессора остаться при Университете, но особой радости не обнаружил, так как это не входит в мои намерения.

1903. IX/12.

А. Е. СПб.

²⁵⁸ Печатается по: *Павлюченков*, ВПСТГУ 2010/4. С. 112. Москва. 13.09.1903. Открытое письмо. Москва. Знаменка, Малый Знаменский пер., д. Фетисова, кв. 4. П. А. Флоренскому.

²⁵⁹ Сам П. Ф. считал, что статья сильно искажена редакцией. — *Примеч. Андроника (Трубачева)* (См.: *Флоренский П., свящ.* Сочинения в 4 т. / Сост. и общ. ред. игумена Андроника (Трубачева), П. В. Флоренского, М. С. Трубачевой. Т. 1. М., 1994. С. 704–705).

В. В. Розанов — П. А. Флоренскому²⁶⁰

[20.09.1903. СПб.]

Очень трудно Вам отвечать, дорогой Павел Александрович! Все так *лично* в Вашем письме; в «утешение» могу сказать только, что получаю и письма, столь резкие и презрительные, как редко «смертному» удается. Теперь серьезно: и я иногда чувствую, что «недаром послал меня Бог». Лет 5 назад стою в часовенке, пустой, вне службы: гулял со своим ребенком и зашел. Он молился или шалил, и мелькнула мне до сих пор запомнившаяся мысль: «Верно, не было никогда еще человека до такой степени чувствующего себя иностранцем везде и со всеми и всегда, где и куда бы он ни попал, как я. Только обрывки звуков кругом слышишь, слов, событий: и с ними сплетаются, занимая поля души, какие-то свои звуки, картины, и прочее». Я тогда же, когда мелькнуло это определение, сравнение, картина, почувствовал: до чего это точно и выражает главное во мне. Ну, вот я и устал: так много печатаю, что давно отказался от частных писем. Но не скрою, что письмо Ваше мне было отраднo получить, и я попросту и без ломаний жму Вашу руку и целую Вас.

В. Розанов.

Удивительны стихи Тютчева, Вами приведенные: да у нас философия была и есть ранее и помимо философов ех са-thedra.

П. А. Флоренский — В. В. Розанову²⁶¹

[26.09.1903. Москва — СПб.]

Присылаю Вам, дорогой и почитаемый Василий Васильевич, несколько выписок из «Путешествия на луну» Сира-

²⁶⁰ Печатается по: *Розанов В. В.* Собрание сочинений. Литературные изгнанники. П. А. Флоренский. С. А. Рачинский. С. 194.

²⁶¹ Там же. С. 11.

но де Бержерака²⁶², жившего, как будто, в XVII веке. Может быть, он пригодится Вам для «своего угла»²⁶³, только очень попрошу обо мне не упоминать.

П. Флоренский.

В. В. Розанов — П. П. Перцову²⁶⁴

[27.09.1903. СПб.]

Петр Петрович! Лучше всего — перепечатайте статью, с подстрочным примечанием, которое смотрите ниже, — в конце «Заседания религиозно-философского общества»: в виде приложения, что ли, или — доклада, или как-нибудь, даже вовсе без заглавия, но пусть место будет на самом конце книжки. А «В своем углу» — ей-же-ей неудобно. Выйдет, что сам себя перепечатываешь. Хвастливо, убийственно.

Ну, vale. Что не зайдете? Да едва ли Вам цензура духовная пропустит даже и перепечатку: ведь там духовным «ой! ой!..» Ну, трудитесь.

Ваш ВР

Д. В. Философов — В. В. Розанову²⁶⁵

[27.09.1903]

Дорогой Василий Васильевич.

Мне оттого хотелось бы посмотреть вашу статью — заметку о праздниках в Хронике, потому что следующая книж-

²⁶² «Путешествия на луну» — философско-утопический роман французского писателя С. Сирано де Бержерака (1619–1655) «Иной свет, или Государства и империи луны» (1650).

²⁶³ В 1903 г. с № 2 по № 12 в журнале «Новый путь» Розанов вел отдел «В своем углу».

²⁶⁴ Печатается по: *Гончарова*, 2015. С. 151.

²⁶⁵ Текст подготовлен к изданию и прокомментирован Е. В. Глуховой по архивному оригиналу: НИОР РГБ. Ф. 249. К. М3871. Ед. хр. 4–6. Л. 27–28.

ка журнала выйдет не скоро, и мы надеемся, что Вы для нее дадите что-нибудь более объемистое, «Хроника» же выйдет между двумя толстыми книгами, и таким образом Вы будете у нас печататься непрерывно.

Если «Хроника» *«теряется»*, то за то она и больше читается. Итак, не посетуйте, если поместим ее в *Хронику*, для самого же журнала *очень* настойчиво прошу Вас поторопиться с большой статьей.

На такую блестящую и глубокую, как статья о Д. С. М²⁶⁶ — претендовать не смеем, но хотелось бы что-нибудь в этом роде. Вы видите, как для нас цензура снисходительна? Привет Варваре Дмитриевне.

Искренно уважающий Вас,
Д. Философов.

С. П. Каблуков — В. В. Розанову²⁶⁷

[29.09.1903. СПб.]

С. Петербург. 29го сентября 1903 г.

Глубокоуважаемый Василий Васильевич!

Одновременно с сентябрьской книжкой «Нового пути», Вы, наверно, получили и оттиски напечатанного в ней с пропусками Вашего доклада. Не знаю, первый ли это Ваш доклад о браке или третий. По некоторым соображениям думается, что первый, предшествовавший тому, который Вы столь милостиво прислали мне для прочтения. Смирно прошу Вас не отказать прислать мне и этот доклад для прочтения в полном виде. Не могу довольствоваться «извлечениями». Ведь для тех, кто серьезно интересуется «Религиозно-философскими собраниями», которые, я надеюсь, откроются и в этом году с благословения нашего

²⁶⁶ Дмитрий Сергеевич Мережковский. О какой из многочисленных статей Розанова о Мережковском идет речь — неясно.

²⁶⁷ РГАЛИ Ф. 419. Оп. 1. Ед. хр. 471. Л. 1–2.

владыки-митрополита²⁶⁸, необходимо знать все, что на них говорилось и читалось. Но оказывается, что при нынешних обстоятельствах это почти невозможно.

Впрочем, я решил не останавливаться перед внешними препятствиями; как видите, дерзаю надоедать своими просьбами даже Вам, хотя и не имею удовольствия быть лично знакомым с Вами. На случай, если найдете возможность исполнить мою всепокорную просьбу, осмеливаюсь напомнить Вам свой адрес: СПб. Эртелев пер. д. № 11, кв. 20. Сергею Платоновичу Каблукову.

Примите уверения в моем совершенном к Вам почтении и преданности

С. Каблуков

Р. S. Мне очень интересно знать, какого Вы мнения о рассказе г-жи Гиппиус «Месса». Наш общий знакомый о. Михаил, часто заявляет о Вашем с ним согласии в некоторых вопросах, касающихся отношений между мужчиной и женщиной. Можете ли Вы принять то, что высказал о. Михаил по поводу «Мессы» в «Миссионерском обозрении» (№ 13 1903)?

Это мой первый вопрос, а вот и второй.

Известно ли Вам имя автора анонимной статьи «О христианском браке», которую Вы разбираете в предисловии к «Семейному вопросу»?

Наконец, третий вопрос. Неужели не обмолвка слова в статье «Святость и смерть», что «Господь в гробу» есть главная мысль христианства?

С. К.

В. В. Розанов — Д. В. Философову²⁶⁹

[8.10.1903]

²⁶⁸ Высокопреосвященный Антоний вернется в Петербург в пятницу 3го октября. — *Примеч. С. Каблукова.*

²⁶⁹ Текст подготовлен к изданию и прокомментирован Е. В. Глухой по архивному оригиналу: РО РНБ. Ф. 814. Ед. хр. 80. Л. 12. Письмо датируется по штампу на конверте. Конверт подписан: «Здесь. Басков перелук, д. 21 Его высокоородию Дмитрию Владимировичу Философову».

Спасибо, дорогой Дмитрий Владимирович, за милый и неожиданный подарок.

Постараюсь и статью, только не о Булгакове: у меня о чем попросят — никогда почти не могу написать. Какое-то мистическое преддверие мысли, которая убивает самую мысль.

Ваш, В. Розанов.

В. Ф. Эрн — А. В. Ельчанинову²⁷⁰

[9.10.1903. Москва — СПб.]

Дорогой Саша! Прости, что я не отвечал тебе до сих пор, но минутки времени не было свободного. Впрочем, я, собственно, и теперь не отвечаю тебе (о чем прошу извинения) — а решаюсь обратиться к тебе с довольно странной просьбой.

Чтобы быть понятным — начну издалека: помнишь ли, я тебе говорил как-то о Свенцицком²⁷¹, гимназисте, по по-

Установление датировок писем Розанова представляется достаточно сложной задачей, поскольку, как правило, письма не датированы. А. Н. Николюкин предлагает установление даты писем Розанова по его месту жительства в Петербурге: как правило, на конвертах указывался адрес. Таким образом, с определенной долей вероятности, с учетом хронологической развилки можно установить следующую датировку: Апрель 1893 — июль 1899 — Петербургская сторона, Павловская, 2, кв. 24; июль 1899—24 декабря 1904 — Шпалерная, 39, кв. 4; январь 1905 — июль 1910 — Б. Казачий пер., 4, кв. 12; 23 июля 1910 — июнь 1912 — Звенигородская, 18, кв. 23; июнь 1912 — август 1916 — Коломенская, 33, кв. 21 (См. *Розанов В. В.* мысли о литературе / Сост., вступит. ст., коммент. указ. имен А. Н. Николюкин. М., 1989. С. 570).

²⁷⁰ АЭ. Фонд А. Ельчанинова. Листы не нумерованы.

²⁷¹ Валентин Павлович Свенцицкий (Свентицкий) (1879—1931) — религиозный публицист, один из основателей ХББ (1905), товарищ председателя МРФО (вышел из состава общества в 1908 г.). Учился на историко-филологическом факультете Московского университета (1903—1907), но был исключен с предпоследнего семестра из-за невнесения платы

воду того, что появился его рассказ в «Русской мысли» за май²⁷²? Он теперь у нас на факультете. Бог послал мне счастье сблизиться с ним. Это человек необыкновенный. В его присутствии чувствуешь свою мелочность, ограниченность и пошлость, так же, как чувствуешь себя в церкви. Возбуждается страстное желание очиститься, подняться — а к нему чувствуешь благоговение, восторг. Это ужасно сильная, богато одаренная личность во всех отношениях: прежде всего, бросается в глаза его громкая умственная сила; в самых трудных и запутанных вопросах общественного характера он разбирается легко и так уверенно, что эта уверенность передается и другим; сложные и самые трудные философские вопросы он уяснил себе до конца, и его мировоззрение поражает своею стройностью и цельностью даже тех, кто с ним

за обучение. Автор идей христианского социализма; в 1909–1913 гг. был вынужден скрываться от уголовных и политических преследований и жил под чужим именем во Франции и на Кавказе. Впоследствии стал духовным сыном старца Анатолия (Потапова). В сентябре 1917 г. принял священный сан, с осени 1920 г. служил и проповедовал в московских храмах, выступая против обновленчества. В начале 1928 г. разорвал общение с митр. Сергием (Страгородским) и в том же году был арестован. Перед смертью написал митр. Сергию покаянное письмо и скончался 7/20 октября 1931 г., получив прощение. Подр. см.: *Чертков С.* Свенцицкий, его последователи и эпигоны (Д. С. Мережковский, И. А. Ильин, Н. А. Бердяев) // *Философия и культура*. 2010. № 5. С. 102–114; *Чертков С.* Меч и крест // *Белая гвардия: Альманах*. 2008. № 10. С. 175–177. См. также о нем: *Полищук Е.* Вдохновенный пастырь // *Московский журнал*. 1992. № 10. С. 22–23; *Свенцицкий А.* «Он обрел покой в Церкви» (Воспоминания о протоиерее Валентине Свенцицком) // *Московский церковный вестник*. 1992. № 7. С. 11; *Алексеев В.* Московские проповедники // *Московский журнал*. 1992. № 6. С. 8–59. См. также: *Чертков С. В.* Писатель-проповедник // *Свенцицкий В., прот.* Собрание сочинений. Т. 1. М., 2008; рец.: *Мраморнов А. И.* Собрание нужных сочинений: к выходу Первого тома Собрания сочинений прот. Валентина Свенцицкого (<http://www.bogoslov.ru/text/318212.html>).

²⁷² *Свенцицкий В.* Назначение // *РМ*. 1903. № 4. С. 147–164. См. также: *Свенцицкий В., прот.* Собр. соч. Т. 1. С. 486–509.

совсем не согласен. Диалектик — сильнейший. Затем поразительна его нравственная сила. На всех окружающих он действует перерождающим образом. От него исходит какая-то сила, и кто попадает в круг ее действия — тот относится к нему с трогательною любовью. Я видел, как оставленный при университете человек свободной науки, еврей, сионист, скорбящий о своем народе²⁷³, и деятельный социал-демократ, и человек, изнывающий от сомнений²⁷⁴, который по своей глубине напоминает Ивана Карамазова, — все эти разнородные люди сходились в благоговейном почитании этого первокурсника. При этом у него удивительно оригинальные формы жизни: много я бы мог тебе рассказать о них, но теперь скажу только: он строгий аскет при удивительно бодром и веселом настроении; любит мир, как любил мир старец Зосима — и сознательно идет в монастырь.

Он обладает громадным даром слова; я не слышал никогда, чтобы говорили так сильно и красиво, и кроме того недюжинным — на мой взгляд — художественным дарованием²⁷⁵. На последнее обрати внимание. Ибо на этом кон-

²⁷³ Марк Вениаминович Вишняк (1883–1976) — юрист, публицист, член партии эсеров; одноклассник Свенцицкого по 1-й Московской гимназии, окончил юридический факультет Московского университета (1908), с 1919 г. в эмиграции. Автор воспоминаний «Дань прошлому» (Н.-Й., 1954).

²⁷⁴ Вероятно, имеется в виду Дмитрий Дмитриевич Галанин, будущий соратник Свенцицкого и Эрнэ по ХББ.

²⁷⁵ В. Свенцицкий так вспоминает о В. Эрне: «Более десяти лет спустя, вспоминая это, я вижу перед собой не “наивного студента”, а самого верующего, самого чистого человека, которого я знал когда-либо. Он верил в чудо, как святой или как ребенок. (...) Я никогда не любил никого другого, как его, никогда не верил никому, как ему... Почему я стал “врагом” — это дело совершенно личное. Скажу только, что вся вина на мне. А для характеристики его прибавлю: Владимир Францевич был, чист, ясен, прозрачен. В этом была и сила его, и слабость. Он не мог “вместить” того внутреннего пути, который выражен в евангельских словах: “если не умрешь, не оживешь”! Он сам не шел путем “смерти”, путем “падений”, путем вполне реальных грехов. И поэтому путь этот,

чается предисловие и начинается моя просьба. Он написал несколько рассказов и напечатал их в различных журналах. Теперь он задумал чрезвычайно глубоко (подробнее пока не считаю возможным объяснить) целую серию рассказов, в которых религиозная психология на первом плане. Один рассказ из этой серии он написал и очень хочет напечатать, но почти уверен, что его в журналах не примут по цензурным соображениям²⁷⁶. Герой рассказа — монах со сложной религиозной психологией — кончает жизнь самоубийством. Больше всего шансов, что примет и пропустит рассказ «Новый путь», как интересующийся религиозной психологией и несколько более других свободный в цензурном отношении. Поэтому Свенцицкий на днях пошлет свой рассказ в «Новый путь». Не можешь ли ты обратить внимание Мережковских на этот рассказ и каким-нибудь образом содействовать тому, чтобы его пропустили? В этом — просьба к тебе. Я уж не буду говорить, как будет благодарен тебе Свенцицкий, — я думаю, само дело говорит за себя.

Прощай! Писать тебе — пока принужден отложить, ибо занят чертовски.

Твой В. Эрн

Протоиерей А. П. Устьянский — архиепископу Гурию (Охотину)

Объяснительная записка, поданная по поводу его публикаций в прессе²⁷⁷

[1903?]

страшный и темный, был для него “враждебен”, и тот, кому выпадал на долю крест идти по нему, неизбежно сделался его врагом...” (Свенцицкий В., *прот.* Собр. соч. Т. 4: Церковь, народ и революция (1910–1917). М., 2016. С. 601, 603).

²⁷⁶ Рассказ не был опубликован.

²⁷⁷ Печатается с комментариями по: *Воронцова*, ВПСТГУ 2010/3. С. 89–92. Источник: РГАЛИ. Ф. 2176. Д. 5. Л. 1–4. Копия 39. Машинопись. Б. д.

Все мои письма, напечатанные Василием Васильевичем Розановым, ничуть не предназначались для печати. Эти письма были самыми обыкновенными, заурядными письмами, какие кто-либо пишет своему знакомому, приятелю или другу. И потому, совершенно естественно, я нимало не стеснялся и не сдерживался в них в своих выражениях. Таким образом, в них вошло немало выражений неосторожных и фраз недостаточно точных и ясных. И только уже по прошествии немалого времени от их написания у Василия Васильевича Розанова явилось желание их напечатать, на что я изъявил согласие.

Главная, основная мысль, какую проводил я во всех своих письмах к Розанову, — это устройство христианской семьи на евангельских началах с единственной и непременною целию спасения души, подобно тому как исключительная цель монашеского подвига поставляется именно в спасении души. Но тут неотразимо является вопрос: что такое мы, женатые христиане, в Церкви Христовой? Кому мы специально стороною своей семейной жизни служим — Богу ли, во имя Которого крестились, или сатане, от которого при крещении отрекались? Для нас, женатых христиан, вопрос этот не праздный, а имеющий подавляющее и решающее значение. Между тем он нигде не только не решен, но и не поставлен. Следовательно, остается место, простор, право для всякого христианина приобретать по данному вопросу такое или иное частное мнение. А что этот вопрос действительно остается открытым, это видно уже из того, что такие глубокие знатоки христианства, как Владимир Соловьев и Николай Николаевич Неплюев²⁷⁸, высказывают по нему два совершенно противоположных взгляда. Я, помня Сказавшего: «раститесь и множитесь и наполните землю» (Быт. 1, 28) и «воистину благослов-

²⁷⁸ Николай Николаевич Неплюев (1851–1908) — религиозный деятель, основатель Крестовоздвиженского православного трудового братства. — В. К.

ляя благословлю тя и умножая умножу семя твое» (Быт. 22, 17) — и получив от Церкви благословение на семейную жизнь в таинстве брака, позволяю себе веровать, что специальной стороною своей семейной жизни я служу Богу. А вот г. Меньшиков своим фельетоном для меня уже в третий раз доказывает свое убеждение, что он специальной стороною своей семейной жизни служит сатане. Кто из нас прав, кто виноват, судите.

Я считал бы излишним и унижительным для себя останавливаться подробно на разборе всех частных выводов, сделанных г. Меньшиковым из моих мыслей. Что г. Меньшиков из моих фраз, вырванных им из строя мысли и поставленных отдельно, понаделал выводов, насколько чудовищных, настолько же и карикатурных, вина в этом должна лежать на нем, а никак не на мне, и чудовищность этих выводов достаточно объясняется тем, что задетый и уязвленный всероссийский писатель со всем усердием постарался излить желчь свою на каком-то не-известном попишке, который дерзнул затронуть его. Без всякого сомнения, сам г. Меньшиков не верит в правоту своих выводов, и ему хотелось только поиграть словами и пощеголять свою диалектикой. Никакой набожный и честный христианин тех выводов, какие сделал из моих мыслей г. Меньшиков, не сделает.

Если верить г. Меньшикову, мы находимся накануне какого-то религиозного переворота. Ничуть не бывало. Дело только в том, что г. Меньшиков мое слово «поворот» заменил словом «переворот». О каком же религиозном повороте я говорю? Да о том, который у всех на глазах. В большинстве русского народа крепко держится убеждение, что для спасения необходимо идти в монастырь. Благодаря этому, оставшиеся в мире чувствуют себя словно гарантированными от обязанности жить строго по-христиански. Но в последнее время многие просвещенные писатели приглашают русское общество обратить серьезное внимание на христианизацию семьи. Они настаивают, что не толь-

ко «можно» в семье спастись, но «непременно должно» христианину и в семье спастись, целию и семейной жизни ставить не что-либо другое. А именно спасение, подобно тому как спасение ставится целию жизни в монастыре. Для всякого непредубежденного ясно, как Божий день, что этим ни монашество нимало не отрицается и не требуется для этого никакого переворота, а требуется только, чтобы миряне жили не спустя рукава, а по-божьи. С точки зрения этой именно мысли встречаются у меня или пренебрежительные, или укорные выражения относительно Византии, которая, действительно, о христианизации семьи мало заботилась и не оставила нам в наследство ни единого «руководства ко спасению в семейной жизни», а между тем постоянно напоминала об отречении от мира.

Г. Меньшиков не нашел в первом послании св. апостола Петра указания на проповедь Христа Спасителя во аде, а мою цитату намеренно или ненамеренно выбросил. Между тем в указанном мною месте (1 Петр. 3: 19, 20) ясно говорится, что Христос проповедовал во аде даже таким отъявленным грешникам, каковыми были современники Ноя, истребленные потопом. А церковный взгляд на дело Христа Спасителя во аде между прочим высказан в величании на Неделю Фомину, которое поется во всех церквах Российской империи: «Величаем Тя, Живодавче Христе, нас ради во ад шедшаго и с Собою вся воскресившаго».

Г. Меньшиков видит какой-то антагонизм между Вторым и Третьим Лицами Пресвятой Троицы. Между тем я мыслю полную солидарность между Ними. Я высказал, что тяжкие грешники, вроде Ницше, поступают в Царство, или под покровительство Духа Святаго. Это не значит, что Царство Духа Святаго есть царство отъявленных грешников, а значит, что Дух Святой есть как бы последняя и крайняя инстанция любви Отчей к роду человеческому, нечто такое, слабое отражение чего мы видим в законе о городах-убежищах у Древнего Израиля, в которых находили себе неприкосновенный приют и сохраняли себе жизнь грешники,

обреченные законом на неминуемую смерть. Солидарность между Сыном Божиим и Духом Святым ясно обнаруживается из того, что Сын Божий благоволительно принимает ходатайство Духа Святаго, основывающееся, очевидно, на крестных заслугах того же Сына Божия. Ибо если бы Сын Божий ходатайства от Духа Святаго не принимал, то его бы (ходатайства) и не существовало, между тем, по слову апостола Павла, «Дух ходатайствует о нас воздыханиями неизреченными» (Рим. 8: 26). Не следует из моих слов и того, будто это ходатайство действительно безусловно для всех грешников, ибо я ничуть не сказал, что оно действительно и для некающихся грешников. Хотя, с другой стороны, не следует упускать из внимания и того, что Промысл Божий по отношению к некоторым грешникам употребляет особые меры воздействия, что видно из примера коринфского кровосмесника, которого апостол Павел повелел предать сатане во измождение плоти. Для чего? Да дух спасется в пришествие Господа нашего Иисуса Христа. Но вот мы знаем, что и Ницше в последние годы своей жизни был предан тяжкой душевной болезни во измождение плоти. Для чего?!

Понятие Триединого Бога совершенно естественно приводит к понятию Триединого христианства, и потому истина и святость православия нисколько не страдает от того, если сыны православия, по крайней мере некоторые, будут питать в себе горячее желание объединения христианского мира в духе братской любви.

А откуда это взял г. Меньшиков, что вне супружеского сожителства я не вижу ничего хорошего на свете? Или он, неведомо и незримо для меня, совершил путешествие в мою душу, подобно тому как совершил путешествие в общину Николая Николаевича Неплюева?

Мысль о желательности и целесообразности развода и провожу потому, что слишком много насмотрелся и слышался самых ужасающих картин принудительного совместного сожителства супругов...

Все ли мои мысли о супружеских отношениях, над которыми так ехидно хихикает г. Меньшиков, достаточно объясняются из моей общей мысли, высказанной в начале сего объяснения. Жалко только, что г. Меньшиков мое выражение, что специальные супружеские отношения следует совершать «в свете лица Божия», подменил своим, приписав его мне, будто бы отношения эти следует совершать «открыто, при дневном свете».

Само собой понятно, что, высказываясь за необходимость христианизации семьи, я тем самым нимало не касаюсь института монашества, которое получило в истории блестящее развитие. Я высказываюсь только за желательность столь же блестящего, в христианском смысле, развития и христианской семьи.

Протоиерей Александр Устынский²⁷⁹.

А. В. Ельчанинов — В. Ф. Эрнэ²⁸⁰

[14.10.1903. СПб. — Москва]

Непреренно выполню твою просьбу, дорогой Володя; твоё письмо меня ужасно взволновало: я давно ничего не читал с таким волнением. Если ты, человек во всяком случае недюжинный (не прими за комплимент), преклоняешься перед первокурсником вместе со многими другими, то это действительно что-то поразительное. Жаль только, что я не могу подробнее расписать Мережковскому его планы. Пожалуйста, при первом свободном часе напиши о нём подробнее.

Почему ты не пишешь ничего о Флоренском? Если ты не можешь, пусть Женя²⁸¹ напишет. Твой А. Е.

²⁷⁹ Копия, переписанная женой А. Устынского, была послана В. Розанову, который передал её членам Совета Общества для прочтения.

²⁸⁰ Печатается с комментариями по: *Чертков*, 2017. С. 77.

²⁸¹ Сестра Ельчанинова.

А. В. Ельчанинов — П. А. Флоренскому²⁸²

[14.10.1903. СПб. — Москва]

Часто я собирался писать тебе, дорогой Павлуша, и летом, и теперь, но по разным более или менее законным причинам откладывал. Сейчас у меня сильное желание писать, и именно тебе, и если мне не помешают, то, может быть, я что-нибудь выражу.

Мне всегда казалось, Павлуша, что между нами что-то есть, что мешает полной близости. Мне кажется, что одно из таких «средостений» — это то, что я никогда не высказывался перед тобой. Все то, что меня мучило и занимает теперь, тебе неизвестно или известно только отчасти. Сейчас Эрн прислал мне письмо, в котором в восторженных выражениях говорил о Свенцицком. Это письмо ужасно взволновало меня и подняло во мне целую тучу вопросов, которые перестали было меня мучить, придавленные всякими внешними делами и отношениями. Все эти вопросы, которые я попытаюсь сейчас свалить на твою голову, носят отчасти субъективный характер, к ним прирешан сильный эмоциональный элемент. Начнем с того, что я абсолютно не понимаю смысла исторического процесса в его целом²⁸³. Я решительно не понимаю, чем оправ-

²⁸² Там же. С. 77–79.

²⁸³ На поставленные далее вопросы попытался ответить каждый из друзей. П. Флоренский в статье «О цели и смысле прогресса» констатировал не только прогресс добра в человечестве, но и прогресс зла, а также обострение борьбы между ними. Целью должной деятельности считал установление идеального единства, но теократию как таковую признал нереализуемой, поскольку «она, безусловно, исключает всякое насилие». Дабы избежать атараксии, вывел «необходимый постулат всякой деятельности» — наступление должного порядка общества после конца мировой истории и качественного преобразования человеческой природы (См.: *Флоренский П., свящ.* Сочинения: В 4 томах. Т. 1. С. 196–204). Эрн в статье «Идея катастрофического прогресса» представил историю как «процесс усвоения положительной бесконечности», Абсолютного, когда «тленное пронизывается Вечностью, человеческое — обо-

дывается или освящается жизнь миллионов и сотен миллионов масс тупых косных людей, живущих сегодня, как вчера, как жили тысячи лет назад их такие же тупые предки. Эта колоссальная масса бессмысленности прямо давит на мозг, когда я читаю историческую книгу, когда я иду по улице, когда я беседую с «просвещенной дамой», поклонницей Горького и Андреева. Для какого дьявола на этой бессмысленной массе, на самой поверхности непроницаемой кожи, для чего на ней — тонкий, как паутина, налет искусств, наук и всего прочего; для чего единицы — гении, для чего эволюция философских систем, для чего весь этот сложный, тяжелый и вместе с тем микроскопический прогресс на поверхности постоянно недвижной, косной массы? Я не понимаю, дальше, почему каждый из этой серой массы, как бы он ни хотел, не может выйти из своего состояния, не может даже захотеть этого? Почему силы наши отвешены каждому на скупых весах и всякая попытка мошеннически развить их кончается сумасшествием или полной протрацией? Вопрос об усталости для меня поэтому центральный вопрос. Могу ли я все или мне поставлены вечные, непреходимые преде-

жествляется, законы мира сего, весь природный строй побеждаются, и в освобождении от них, в новой земле Царствия Божия человек обретает истинную свободу свою» (*Эри В.* Сочинения. М., 1991. С. 198–219). Несколько работ этой теме посвятил Свенцицкий: «История мира для христиан — медленное, свободное разделение Добра и Зла. Разделение, на одну сторону которого встанет все готовое к воссоединению с Творцом своим, на другую — все стремящееся к окончательному самоутверждению. (...) Подобно тому как Бог и человек стал Богочеловеком, мир и Божество должны стать богочеловечеством (...) В соединении Неба и Земли весь смысл мирового процесса. (...) В победе Добра над Злом и в преображении материи и всей жизни как следствие этой победы получают свой ответ, свое успокоение — все вопросы, которыми изболелось человечество и от которых без Христа не излечится никогда! Вопросы о смысле жизни, о смысле страдания, о судьбе мира...» (*Свенцицкий В., прот.* Собрание сочинений. Т. 1. С. 222. Т. 2. М., 2010. С. 258. Т. 3. М., 2014. С. 176).

лы или я «обречен»? Физиология и т. д. говорит, что всякое действие влечет за собой усталость, всякая деятельность физически ограничена, что если я хочу работать 14 часов в сутки, то это идет за счет тканей и жира и может продолжаться очень недолго, заканчиваясь неврастением или амент²⁸⁴.

Мне хочется верить, что это не так, что воля человека неограниченна, что он может все, но доказательств у меня нет или почти нет.

Я хватаюсь с жадностью за факты вроде нормального физического и умственного состояния истеричных при хроническом голодании (Шарль Рише²⁸⁵) или примеры огромной траты энергии при минимальных физических силах (ты, например). Но насчет первого я не знаю всех подробностей явления, а насчет тебя я ужасно боюсь, что это плохо кончится.

Я сегодня (с 13-го на 14-е) видел тебя во сне в очень плохом виде — типичный случай острого слабоумия (ты смеешься?).

Напиши мне, пожалуйста, как ты решаешь эти вопросы? Если я не могу все — мне ничего не надо, жизнь абсолютно не имеет никаких резонансов для своего продолжения²⁸⁶.

Твой А. Ельчанинов.

²⁸⁴ Безумие (*лат.*).

²⁸⁵ См.: Рише Ш.-Р. Сомнабулизм, демонизм и яды интеллекта. СПб., 1885.

²⁸⁶ На оригинальную смесь принципов Кириллова (героя «Бесов» Достоевского) и ибсеновского Бранда дал ответ Свенцицкий: «Смысл земной жизни (...) лежит в развитии и проявлении тех внутренних сил, которые потенциально содержатся в человеке (...) Я должен прожить свою земную жизнь, доведя до величайшей степени развития свою личность. В этом смысл и оправдание моего бытия. А так как в основе своей личность божественна, то развить ее до конца — это значит стать “сыном Божиим”, по слову апостола, иметь все “чувствования, какие и во Христе Иисусе”. Проявить же свою божественную личность — это значит со всей возможной для нас силой осветить жизнь божественным началом» (*Свенцицкий В, прот.* Собр. соч. Т. 3. С. 50).

Д. В. Философов — В. В. Розанову²⁸⁷

[16.10.1903]

Дорогой Василий Васильевич.

Спешу Вас успокоить. Удивленный тем, что в редакцию не доставляют редакторских экземпляров Хроники, я справился в типографии. Оказывается цензура выкинула *совсем* две статьи из нашей хроники: Вашу о Петрове²⁸⁸ и мою о театре.

Радуюсь за Вас и горюю за «Мир Искусства». Без того мы неаккуратно выпускаем Хронику, а тут еще такие неприятности.

Душевно ваш,

Д. Философов.

P. S. При сем рукопись.

А. С. Глинка²⁸⁹ — **В. С. Миролубову**²⁹⁰

²⁸⁷ Текст подготовлен к изданию и прокомментирован Е. В. Глухой по архивному оригиналу: НИОР РГБ. Ф. 249. К. М3871. Ед. хр. 4—6. Л. 31.

²⁸⁸ Вероятно, это была одна из многих статей Розанова о священнике (расстрижен в 1908 г.) Григории Спиридоновиче Петрове. См. *Ломоносов А. В. Корреспонденты В. В. Розанова...* С. 522—523 и по указ.

²⁸⁹ Александр Сергеевич Глинка (псевд. Волжский) (1878—1940) — религиозно-философский публицист, критик, историк литературы. Родился в московской дворянской семье, правнук поэта, мемуариста, прозаика Сергея Николаевича Глинки. В детстве был очень религиозен, подростком пережил духовный кризис, во многом обусловленный чтением Н. К. Михайловского. В 1889—1896 гг. учился в симбирской гимназии, из 7-го класса которой «был исключен за пьянство, которое как-то уживалось одно время с идейными увлечениями...». Зимой 1896—1897 гг. был домашним учителем в деревне Помаево Симбирской губ., где в числе его учеников был В. В. Хлебников. Весной 1898 г., сдав экстерном экзамен на аттестат зрелости за курс гимназии, поступает в Московский университет на юридический факультет. Здесь под влиянием «легальных марксистов» он отходит от народничества. В 1901 г. за участие в студенческих сходках выслан в Симбирск под гласный надзор полиции. Впервые выступил

в печати в 1900 г. с разбором книги М. М. Филиппова об экономическом учении К. Маркса (Научное обозрение. 1900. № 5). В ссылке начал регулярно печатать литературно-критические статьи. Приглашенный Михайловским к сотрудничеству в «Русском богатстве», опубликовал статью «Глеб Успенский о заболевании личности русского человека» (1904. № 1–2). В полемике с А. Луначарским, признававшим необходимость жертв как цены социального прогресса, отстаивал абсолютную ценность всякой человеческой личности (ВФП. 1902. Кн. 63–64). После появления положительной рецензии Г. на книгу С. Н. Булгакова «От марксизма к идеализму» он знакомится и сближается с ее автором. Вскоре под влиянием Булгакова совершает ту же эволюцию, провозгласив, что «на смену изжившему себя марксизму явился идеализм абсолютный, метафизический и религиозный» (Журнал для всех. 1903. № 12). В результате возникшего конфликта с журналом и его постоянными авторами (Горький, Серафимович, Вересаев) вышел из состава редакции, заявив, что для него «упразднение Бога, исключение религиозного элемента из предметов обсуждения — условие неприемлемое». Вскоре через С. Булгакова сближается с Н. Бердяевым, В. Эрном, С. Аскольдовым и начинает публиковаться в «Новом пути» и «Вопросах жизни». Впоследствии эти публикации были собраны в сборнике «Из мира литературных исканий» (СПб., 1906). Обратившись к духовно-нравственной проблематике и проблеме человеческой личности под влиянием творчества Ф. М. Достоевского, стал подходить к личности отвлеченно-метафизически, «сознательно и свободно пошел к подлинной религии, не чураясь метафизики и не боясь мистики». Резко критиковал Горького, обвиняя его в нищенстве и умалении «ценности человеческого личного» в пользу стихийного потока жизни и «сильной индивидуальности». В 1905 г. возвращается в Симбирск, изредка печатается в МЕ и РМ. После безуспешной попытки сдать экстерном за курс духовной семинарии и поступить в Казанскую духовную академию поступает на службу в уездное финансовое ведомство. Многие годы работает над книгой «Жизнь и творчество Достоевского», так и не увидевшей свет. Опубликовал в издательстве «Путь» брошюру «В обители преподобного Серафима» (М., 1914), где звучит апология бездумной народной веры. В годы войны публикует патриотическую брошюру «Святая Русь и русское призвание» (М., 1915), а после революции — «Социализм и христианство» (Нижний Новгород, 1919). В советское время, занимаясь финансово-хозяйственной работой, подвергается идеологическим преследованиям за свое «религиозно-идеалистическое прошлое». (Изложено

[21.10.1903. Самара — СПб.]

Многоуважаемый Виктор Сергеевич!

Большое Вам спасибо за все ваши предложения; на все из них я согласен. Буду вести хронику, назовем ее «Литературные отголоски», скромнее — лучше. На декабрь, к 10–12 ноября пришлю по поводу книги Булгакова. То обстоятельство, что он сам еще будет отвечать Овсяннико-Куликовскому²⁹¹, мне кажется, помешать не может, тем более что я пишу не столько о Булгакове, сколько именно по поводу его книги о марксизме, подзаголовок «к психологии марксизма»... Разбор же самой книги я, быть может, сделаю в будущем году или в рецензии.

по статье В. И. Масловского в: Русские писатели. Т. 1. С. 581–582.) Произведения раннего периода литературного творчества переизданы и прокомментированы: *Глинка (Волжский) А. С.* Собрание сочинений в 3 книгах. / Сост. и ред. Анна Резниченко. Кн. 1: 1900–1905. М., 2005. С. 926.

²⁹⁰ Текст подготовлен к изданию А. И. Резниченко. Публикуется впервые. Оригинал: РО ИРЛИ. Ф. 185. Оп. 1. № 417. Л. 1–2 об. Адрес на конверте: Самара, Соборная ул. № 166. Александру Сергеевичу Глинке. Виктор Сергеевич Миролобов (1860–1939) — оперный певец, журналист, издатель. Переехав в 1897 г. из Москвы в Петербург, М. купил находящийся в упадке «Журнал для всех» и вел его как издатель и редактор до его закрытия осенью 1906. Поднял журнал на высокий уровень, превратил его, при необычайной дешевизне, в один из самых популярных в стране, привлек к участию в журнале талантливых молодых писателей разных направлений и групп (Л. Андреева, М. Арцыбашева, А. Ахматову, И. Бунину, Е. Чирикова, М. Горького, А. Куприна, Д. Мамина-Сибиряка, Д. Мережковского, А. Чехова и др.). Под влиянием Мережковского в нач. 1900-х увлекся религиозно-философскими вопросами, что послужило причиной длительного охлаждения дружбы с Горьким. Был одним из членов-учредителей РФС в Петербурге (1901–1903), имевшего целью устранение отчужденности между церковью и интеллигенцией, представителями «нового религиозного сознания», регулярно участвовал в заседаниях Собрания, его выступления публиковались в журнале «Новый путь» (1903).

²⁹¹ Дмитрий Николаевич Овсяннико-Куликовский (1853–1920) — литературовед и лингвист. — В. К.

О Горьком перейдет на дек Январь. Пришлю к 10–12 декабря. Если в декабре «К психологии марксизма» не пустите в декабрь, а отнесете на декабрь январь, то о Горьком, быть может, можно будет одновременно в этом же номере (Январском) — особой статьей. Вообще, хорошо бы было помимо хроники уделить место еще для отдельных статей²⁹². Какой максимум статьи о Горьком?

Вперед прошу — не стесняться, в случае расхождения высказывать это. У меня нет ложного самолюбия.

Что касается рецензии, то охотно буду писать и о беллетристах, только нельзя ли посылать мне сюда книги для разбора (хорошо также было бы по критике, истории литературы и проч., а то не всегда получишь отсюда вышедшую книгу, а это бывает важно)...

Газета здесь у нас неплохая, но только я не газетный человек <Sic!>, значительную часть моей работы я делаю [все же] с насилием над собой... Времени свободного вообще немного, а временами — в земские собрания — оно сплошь занято.

Поэтому я боюсь за декабрь. Впрочем, от части работы, быть может, удастся отказаться; особенно если у нас с Вами дело упрочится. Чтобы совсем бросить газеты, мне надо было бы рублей 100 в месяц, но главное верных... Жаль, в самом деле, что в Петербург нельзя поехать. Здесь и в смысле удобств работы — есть на что пожаловаться. Не всякую задуманную тему можно здесь выполнить, порою просто каких-то старых № «Русской мысли» не доищешься... Впрочем, все эти жалобы столько же основательны, сколько и бесполезны...

Пока всего Вам хорошего.

Ваш А. Глинка

1921/X 03

²⁹² Как Вы предлагаете, для статей о Достоевском. Но эта моя работа слишком велика для «Журнала для всех», будет не менее 5 листов. — *Примеч. А. Глинки.*

А. С. Глинка — В. С. Миролюбову²⁹³

[30.10.1903. Самара — СПб.]

Многоуважаемый Виктор Сергеевич

Правда Ваша — для совместной работы нужна общность не только идей, но и настроений. Ее, конечно, лучше всего можно установить личным знакомством, живым впечатлением. Но несколько все же Вы преувеличиваете [значение] этого личного первого впечатления; подчеркивая его, Вы вносите в организацию работы элемент неустойчивости [и] произвола, быть может даже каприза.. Нам пока можно говорить только об идейной солидарности, гармония же настроений, если она есть, может сказаться только постепенно, так как вещь эта менее уловимая.

Судя по Вашему письму, у нас, кажется, есть существенные точки соприкосновения, но, быть может, встретятся и разногласия. Будем говорить применительно к тому направлению, которое представлено в литературе «Проблемами идеализма» и т. п. произведениями. Я сказал бы, что оно идет слишком далеко и все же уходит недостаточно далеко... В увлеченных исканиях идеализма слишком еще много того, что лучше всего назвать — пережитками рационализма, рассудочной религией, и слишком мало живой, откровенной религиозной веры, которая всегда питает сама себя. В идеализме этом живет уверенность в возможности добыть Бога разумом, получить основные догматы религии как конечные выводы метафизики. Выдвигая права веры, «идеализм» рационализирует эту веру, сильно окрашивая ее метафизическим цветом, цветом рационализма, потому что метафизика все же сфера разума, хотя и в сверхопытном его применении... Идеализм в одно и то же время стремится разграничить сферу [разумного] познания и, безгранично

²⁹³ Текст подготовлен к изданию А. И. Резниченко. Публикуется впервые. Оригинал: РО ИРЛИ. Ф. 185. Оп. 1. № 417. Л. 3—8 об. Адрес на конверте: Самара, Соборная ул. № 166. Александру Сергеевичу Глинке.

расширяя правоспособность метафизики, снова объявляет разум всемогущим... Отсюда противоречивая двойственность компетенции разума...

В движении новейшего идеализма я считал бы необходимым решительнее выдвинуть религиозный идеализм, который в нем представлен слабо и неоткровенно, к религиозным проблемам он чаще подходит не непосредственно, а стремится раскрыть его в метафизических настроениях. Я не против метафизики, но я и не за нее... Не веря в возможность, по крайней мере не удовлетворяясь ни одной из известных мне попыток, дать рационалистическое определение зла (Гегель, Соловьев), не веря в возможность найти Бога разумом, я не хотел бы обесценивать или унижать этих исканий, поскольку они отражаются в метафизике. Я думаю, что путь религиозных исканий — вне разума, значение его здесь только иносказательное, вернее, то, что добыто чувством и волей, что открывается сердцу... В этом — смысл философии религии как излияния веры...

Сергей Николаевич Булгаков издавна был мне особенно интересен и дорог именно тем, что в его поисках найти выход из сдавливающей душу философии марксизма сказывается решительный уклон в сторону именно религиозного идеализма. (Прежде это у него было явственнее, или мне только так казалось...) Этим он отличался от других идеалистов. Но все-таки и в его религиозных увлечениях живучи пережитки рационализма, против которого он сам ведет войну — и у него, и у Владимира Соловьева (увлеченным учеником которого он теперь является, соединяя его религиозную метафизику с общественно-политическим учением социализма) чувствуется двойственность компетенции разума, тенденция рационализировать веру. В моей статье о Соловьеве («Русские ведомости», № 209) мне не пришлось это отметить чисто по условиям места...

Соловьева можно было во всех отношениях сопоставить с Достоевским, это было бы интересное сопоставле-

ние (отчасти я сделал это в своих не изданных еще статьях о Достоевском). Во многом сходясь, они диаметрально расходятся психологически, религиозные запросы Достоевского выразительнее, сочнее, у Соловьева они — более рассудочные, бескровные. У Достоевского всегда чувствуется морально-психологический источник его религиозных запросов, он к Богу обращается, потому что живьем чувствует, что вне его негде искать опоры для восстановления изначальной человеческой личности. У Соловьева, в его религиозных увлечениях, часто преобладает отвлеченно-философский интерес, затушевывая и иссушая породивший его жизненный нерв... Соловьев хочет познать Бога, Достоевский — исповедовать Его, зато Соловьев устойчивее, невозмутимее в своей отвлеченно-философской вере, у Достоевского несравненно более мятежная, трепетная вера при постоянных колебаниях, сомнениях, недоверии к себе...

Не разделяя, конечно, социально-политических мотивов творчества Достоевского, я вижу в его художественной философии наиболее полные [и глубокие] выражения религиозного идеализма, и время его еще впереди... Им я думаю еще много заниматься. Мечтаю написать его биографию, какой в настоящих размерах еще нет. Хотелось бы получить доступ к неизданным биографическим материалам, попытаюсь найти ход к вдове... но все это пока оттягивается, так как для этого нужно попасть в Питер... Между прочим, если бы Вы могли сделать какие-либо указания, к кому тут [с этим делом] стоит обратиться, я бы ужасно был Вам благодарен...

(...) Получилось досадное отступление... Итак, приветствуя идеализм, я схожусь с ним гораздо более в отрицательных, чем в положительных его пунктах, т.е. более отрицанием материализма, эвдемонизма, позитивизма, утилитаризма и т. п. измов, чем его положительными взглядами. Многое в нем, особенно в его психологии, для меня совершенно чужое: самодовольный, самолюбую-

щийся оптимизм. Это то же самолюбование, что у Горького или Бальмонта. Хотя и на хорошее свое любитесь человек, но есть в его самоупоении всегда что-то неприятное, конфузно за него... Горделивого, торжествующего, с восхищением [постоянно] оглядывающегося на свою собственную тень. Идеалистического оптимизма особенно много у Бердяева; вообще как собрание отрицательных и несимпатичных [?] сторон идеализма — он самый типичный, самый наивный и самый великолепный в наивности своей писатель...

Не разделяю я такого высокомерного отношения некоторой части идеалистов к литературе 70-х годов, к Михайловскому... Напротив, у меня к ним теплое, почти благоговейное чувство... Мой «синтез» сложнее...

Отношение к идеализму, а также многие другие не менее существенные пункты хотелось бы развить поподробнее. Быть может, это удастся сделать в разборе книги Булгакова по существу, если он состоится.

Я много наговорил, но, кажется, довольно комкано. Хотелось несколько наметить свои основные точки зрения, которые, несомненно, отразятся в «Литературных отголосках». Точку зрения религиозного идеализма мне хотелось бы ~~поставить~~ провести его самостоятельно, с одной стороны не окрашивая ее целиком и всецело в цвет господствующего идеализма. Хотя в очень существенных пунктах и примыкая к нему, с другой стороны — отгораживая ее от в сфере социально-политических вопросов (здесь я стою за религиозный социализм, за соединение революции с христианством) от мутных новых путей и от «Нового пути» в частности. Все это высказано здесь в слишком общих чертах, поневоле грубо и несколько искусственно. Но наметить некоторые пункты необходимо, конечно. Если удастся сговориться в самом основном, легче справиться с отдельными темами (о Соловьеве, о Достоевском, о идеализме, о Мечникове, об Максиме Горьком, новых исканиях в искусстве и т. п.). Если не исчерпаешь каждую из них в са-

мостоятельной работе, то, во всяком случае, смелее захва-
тываешь попутно...

Ну, пока всего хорошего. Очень бы я был рад, если бы нам
с Вами удалось сговориться. Очень хотелось бы мне найти
где-нибудь свое место, в котором можно было постоянно
работать, но вместе с тем это и очень трудно, особенно труд-
но, не разделяя целиком какого-нибудь из господствующих
в журналах направлений.

Посылаю Вам свои некоторые печатные вещи; быть мо-
жет, это несколько поможет узнать меня, хоть с литератур-
ной стороны.

К 8 декабря пришлю о Горьком. А вообще, посмотрим,
что выйдет.

Ваш А. Глинка

1930/Х 03

Самара, Соборная ул., 166

А. С. Глинка — В. С. Миролюбову²⁹⁴

[1.11.1903. Самара — СПб.]

Многоуважаемый

Виктор Сергеевич.

Посылаю, как писал, «Литературные отголоски» на де-
кабрьскую книжку. Подходит ли по размеру вполне; мне
кажется, что да. Сразу трудно приноровиться. Какой раз-
мер [?] статьи о Горьком, попробую написать и об этом.

Теперь думаю приняться за эту статью.

Если можно будет вообще посылать сюда из редакции
книги для рецензий, то не направите ли «Идиллию в про-

²⁹⁴ Текст подготовлен к изданию А. И. Резниченко. Публикуется впервые.
Оригинал: РО ИРЛИ. Ф. 185. Оп. 1. № 17. Л. 3–8 об. Закрытка. На ад-
ресной стороне: Петербург, Невский, 88 Редакция «Журнала для всех»
ЕВБ Виктору Сергеевичу Миролюбову. Самарский штемпель нераз-
борчив. На СПб. штемпеле: «1.XI.1903».

зе» Накрохина, я бы дал о нем небольшую рецензию. А также, если присланы Вам, быть может, и [последние] стихотворения Бальмонта («Будем как солнце», «Только любовь») и собрание Брюсова — хотя это уже и не важно.

Рукопись высылаю заказной бандеролью одновременно.

Ваш А. Глинка

Самара, Соборная ул. Д. № 165

А. С. Глинка — В. С. Миролюбову²⁹⁵

[2.11.1903. Самара — СПб.]

Ну, Виктор Сергеевич, тем, действительно, много предвидится очень интересных, и ужасно потянуло работать... Выписываю сейчас целый ряд интереснейших книг. Нашел между прочим сборник позитивистов «Очерки реалистического мировоззрения», выписываю и его и, вероятно, буду о нем писать. Хотелось бы так или иначе коснуться книг Арнольди-Лаврова, недавно вышедших... Сулят интересный материал и журналы, есть кое-что любопытное в январском № «Нового пути».

Очень рад, что можно увеличить размер хроник, — это иногда бывает страшно важно — не жаться чересчур. Тогда, быть может, отпадут упреки недовольного мной подписчика — в абстрактной сжатости[?]. О Дорошевиче сейчас пишу. Газету бросаю. Не сердитесь же на меня ради Бога, — ведь иначе я, право, не мог поступить без насилия над совестью. В Петербург приеду не ранее февраля; хорошо бы в случае, если не получу официального разрешения, Вы бы гарантировали мне место, где остановиться.

Ваш А. Глинка.

²⁹⁵ Текст подготовлен к изданию А. И. Резниченко. Публикуется впервые. Оригинал: РО ИРЛИ. Ф. 185. Оп. 1. № 417. Л. 16 об. Закрытка. На адресной стороне: Петербург, Невский, 88 Редакция «Журнала для всех» ЕВВ Виктору Сергеевичу Миролюбову. Самарский штампель неразборчив. На СПб. штампеле: 1.XI.1903.

К. М. Аггеев²⁹⁶ — П. П. Кудрявцеву²⁹⁷

[4.11.1903. СПб.]

4.XI. Петербург

(...) И при суетливости общественной деятельности я утомления не чувствую, того физического утомления, которым сказывался у меня учебный год в Киеве²⁹⁸: главная причина тому — только 22 урока и в одном месте через дорогу. Нервная раздраженность — результат других причин. Как я хотел бы, чтобы и впредь у меня не было «законного» числа уроков (у нас оно 36)! Времени при всей беготне мно-

²⁹⁶ Константин Маркович Аггеев (1868–1921) — православный священник, окончил КДА в 1893 г., магистр богословия, настоятель храмов: Свято-Троицкого в Мариамполе Сувалской губ. с 1896 г., Сщмч. Александры Римской при Николаевском институте в Киеве с 1900 г., Александра Невского при Александровском институте в С.-Петербурге с 1903 г. и Мчц. Татианы при Ларинской гимназии в С.-Петербурге с 1906 г., участник «группы 32-х» священников (Братства ревнителей церковного обновления), ХББ, МРФО, ПРФО, член редакции журнала «Век» и Поместного Собора 1917–1918 гг., расстрелян. Автор книг: Христианство и его отношение к благоденствию земной жизни. Опыт критического изучения и богословской оценки раскрытого К. Н. Леонтьевым понимания христианства. Киев, 1909; Христова вера: В 2 т. СПб., 1911; многочисленных статей по церковно-общественным вопросам.

²⁹⁷ Печатается с комментариями по: Балакшина Ю. В. Братство ревнителей церковного обновления (группа 32-х петербургских священников, 1903–1907): Документальная история и культурный контекст. М.: Свято-Филаретовский православно-христианский институт, 2014. (Далее: Балакшина, 2014). С. 217–222.

Пётр Павлович Кудрявцев (1868–1940) — магистр богословия с 1908 г., профессор КДА в 1909–1919 гг., член редакции газеты «Народ» в 1906 г., Киевского РФО и Поместного Собора 1917–1918 гг.

²⁹⁸ 1 июня 1903 г. свящ. Константин Аггеев был назначен законоучителем и настоятелем церкви Санкт-Петербургского Александровского института. Его дочь Е. К. Кисиль вспоминала, что отец был переведен из Киева в столицу благодаря хлопотам гр. Марии Акинфиевны Коновницыной (начальницы Киевского института благородных девиц, в котором о. Константин Аггеев в 1901–1903 гг. служил законоучителем), возглавившей Александровский институт в Петербурге.

го... Окончил записки для пепиньер²⁹⁹, принимаюсь на днях за Леонтьева³⁰⁰. Ему же посвящу много времени и предстоящим летом. Моя работа о «возрождающемся идеализме» дополнена, составил вводную главу к Леонтьеву, «Возможные решения вопроса о прогрессе на христианской почве». Мне кажется, я бы мог справиться с Леонтьевым, тем более что все это время я вращаюсь в сфере вопроса о христианском пессимизме — при видимом разрыве внутренне связи не порывал...

Гонение³⁰¹ Петрова меня возмущает — и не только за него, но и за то, что он мог бы сделать и не сделал. Трудно тебе в должной мере изобразить, сколь важна и полезна деятельность его...

Ведь его погрешности для слушателей не были заметны, а польза несомненна. При прощании в Академии в своем слове он просил у учеников и прихожан молитвы за себя и дальше не мог говорить от душивших его слез. Личный нравственный облик Петрова удивительно высок: его незлобие просто не знает пределов. И каково его в известном смысле смирение? «Мое дело маленькое. Я только подготавливаю, привожу к вам людей, — а ваше дело уже строить», — говорил он одному моему здешнему приятелю, о котором ниже... Популярность Петрова настолько тяжела для него с внешней стороны, что просто не знаешь, как он выносит

²⁹⁹ Пепиньерка — в дореволюционной России: девушка, окончившая среднее закрытое учебное заведение и оставленная при нем для педагогической практики.

³⁰⁰ Речь идет о работе о. Константина Аггеева над диссертацией на степень магистра богословия «Христианство и его отношение к благоустройению земной жизни. Опыт критического изучения и богословской оценки раскрытого К. Н. Леонтьевым понимания христианства». Защита диссертации состоялась 9 августа 1910 г. в КДА.

³⁰¹ В 1903 г. свящ. Григорий Петров после ряда критических публикаций о его проповеднической деятельности был отстранен от должности законоучителя и настоятеля церкви в Михайловском артиллерийском училище.

ее: дверь его квартиры не закрывается — и все за советами, за утешениями... А кто не знает, насколько трудна этого рода благотворительность, доступная только для людей высокохристианского настроения!.. Когда вспомнишь, что гонители Петрова — некоторые по крайней мере из них — люди, для которых нет ни Бога, ни, выражаясь по Платонову³⁰², сатаны (хотя бы и Антонин...³⁰³), то становится вдвойне тяжело... Обедать у Скворцова я считаю для себя психологически невозможным. Он просто с Козицким³⁰⁴ возбуждает во мне гадливое чувство: припомни его веселую в красном галстуке фигуру... [нрзб] Мы, вероятно, еще где-либо побеседуем с ними. Не обедать у него, а... [нрзб]

Я в данное время в натянуто-боевом состоянии.

Во второй половине Смольного законоучителем состоит некто о. Егоров, почти мой сверстник по летам. Мы с ним как будто двойники по своим педагогическим взглядам. Видимся ежедневно и ведем нескончаемые беседы, Егоров — личный друг с давних пор о. Петрова и последним рекомендован начальнице Института, хотя об этом в Институте знают только княжна³⁰⁵, инспектриса Кудашева да я. Егоров втянул меня в свой интимный кружок, куда мы собираемся еженедельно для беседы. Главою нашего кружка состоит редкой учености и ума человек Николай Петрович Аксаков³⁰⁶, автор «Духа не угашайте» — удивительный зна-

³⁰² Платон (Порфирий Федорович Рождественский, 1866–1934) — епископ, в 1902–1907 гг. ректор КДА.

³⁰³ Возможно, еп. Антонин (Грановский).

³⁰⁴ Петр Александрович Козицкий — чиновник Канцелярии обер-прокурора Св. Синода; автор ряда книг, направленных против свящ. Григория Петрова (*Козицкий П. А. О литературной проповеди священника Г. Петрова. СПб., 1903*).

³⁰⁵ Елена Александровна Ливен — светлейшая княжна, фрейлина ее императорского величества, в 1895–1917 гг. начальница Императорского воспитательного общества благородных девиц (Смольного института).

³⁰⁶ Николай Петрович Аксаков (1848–1909) — российский богослов, историк, исследователь церковного права, поэт и публицист. — *В. К.*

ток святоотеческой литературы, — личный друг Владимира Соловьева... Егоров — по призванию законоучитель и живет своим делом. Ко всему этому удивительно образованный человек — эстетик какой-то. Он подает магистерское — «Библейское творчество...». Солидарность как в общих, так и в педагогических взглядах создала нашу внешнюю, так сказать, неразрывность: все вместе делаем — даже и визиты учителям, благо у нас много общих... Наши начальницы, находящиеся во взаимных дружественных отношениях, несказанно рады такому удивительному совпадению. Представь: наши предшественники были друзья — родственники (они женаты были на сестрах, племянницах Исидора³⁰⁷) и оба противоположные полюсы нам. Наконец — оба мы не удались фигурой: он чуть ли еще не меньше меня... Положение наше в Институте до поразительности тождественно... Во мне как будто бы воскресло прежнее настроение: я погрузился в законоучительство. Новшеством по отношению к недавней киевской работе служит у меня 3-й класс (по программе Катехизис), где я веду дело путем бесед, совершенно отстранив Катехизис, который является просто скелетом. Дети любят мои уроки и занимаются удивительно хорошо. 2-й класс определяю на изучение посланий апостолов: историк из меня не выйдет, и в Петербурге дальше удельной системы не пошел... Ученицы Русскую историю будут проходить по книге (курс параллельной «Русской гражданской истории»), а я им буду вести беседы по посланиям. Но это дело сравнительно недалекого будущего: сам только что принял за Священное Писание. В 1-м классе также без Катехизиса занимаемся с пылом. Сегодня уясняли идею Царства Божия — восстановить которое приходил на землю Христос Искупитель...

Петербург не Киев в отношении свободы преподавания — так, по крайней мере, хотят меня уверить, но мы

³⁰⁷ Исидор (Петр Александрович Колоколов, 1866–1918) — с 1903 г. епископ Балахнинский, викарий Нижегородской епархии.

с о. Егоровым, что называется, закусили удила. На прошлой неделе поехали с ним вместе к епископу Константинову³⁰⁸ по маленькому делу и вступили в беседу. Обрушились на Катехизис. «Неужели, — говорим, — хуже будет, если мы будем не отрывочные тексты долбить, а будем ту или другую истину раскрывать по Священному Писанию в связи с предыдущим и последующим. Катехизис, — говорим, — детей в трепет приводит, сна их лишает. А вторая часть Катехизиса? Ведь это идеальное уничтожение христианской нравственности...»

Беседа была во вторник. А в среду на 1-й урок в 1-й класс приехал ко мне Константин (вечером при прощании предупредил меня...). Пришли графиня³⁰⁹ и инспектор³¹⁰. Спросил я 8 человек — плохих, средних и хороших... Впечатление получилось для Константина и Ветвеницкого какое-то странное. «Константин испугался» — так определила графиня его настроение. В прошлом году приезжал. Ученицы катали — «Помилуй мя, Боже», «Боже, внуши молитву мою», а теперь... Мне Константин сказал: «А успеете Вы окончить программу при такой широкой постановке?» — Говорю: «Успею». Он, кажется, усомнился. А вот удивительно характерная беседа графини с Ветвеницким на другой день... «Новый дух, слишком широкая постановка, но ведь это незаконно. Батюшка не имеет права так вести дело. Его сократят. От наблюдателя требуют дословно-

³⁰⁸ Константин (Кирилл Иоакимович Булычев, 1858–1922) — епископ Гдовский, vicарий С.-Петербургской епархии. Далее в письмах, если не указано иное, — просто Константин.

³⁰⁹ Мария Акинфиевна Коновницына (урожденная Суковнина, 1856–1941) — графиня, главная надзирательница Рязанской Мариинской женской гимназии (1887–1892), начальница Киевского института благородных девиц, начальница Александровской половины Смольного института благородных девиц в Петербурге. Далее в письмах Аггеева упоминается как «графиня».

³¹⁰ Петр Иванович Ветвеницкий — действительный статский советник, инспектор классов в Александровском институте.

го изучения Катехизиса, значит, и о. Константин. Ведь так вести дело можно, только если бы у нас совершилась коренная реформа в преподавании Закона Божия...»

— Да. Но ведь реформа сама собой не приходит. И честь и слава тем, которые находят в себе мужество открыто заявить о ненормальности дела.

— Так-то так, — но...

— Сознаете ли вы с о. Егоровым, — спрашивала нас графиня, — сколь трудное и важное дело вы предпринимаете...

П. А. Флоренский — В. Ф. Эрну³¹¹

[11.11.1903. Москва — Москва]

Дорогой Володя!

Ваше письмо написано в таком тоне, что Вы как будто ждете ответа. Но что, собственно, могу ответить Вам я, не знающий Вас, как и сами Вы говорите, о таких вопросах, конечно, что по существу; общих-то фраз можно наговорить сколько угодно. Одно только скажу: если Ваше состояние я верно понял, то оно есть то, что я давно хотел бы от Вас; оно именно и желательно, и полезно. Человек, в отличие от духовного автомата, должен страдать или, по крайности, перестрадать мировоззрение, а иначе это будет просто энциклопедией больших или меньших размеров.

Никаких злых чувств я к Вам не питаю и не питал, как и сами Вы знаете, и не собирался иметь их; конечно, мне грустно, но эта печаль «покойна и тиха»³¹², и на многое смотрю если не с любованьем, то, во всяком случае, тихо. Да и иначе нельзя: все, что я делаю, должен считать подарком судьбы, ибо не могу рассчитывать ни на какие сроки.

³¹¹ Печатается с комментариями по: *Чертков*, 2017. С. 79–80.

³¹² Ср. арию Леоноры «Тиха и покойна ночь» из оперы Дж. Верди «Трубадур» (1853).

Раньше мечталось, что получу право повторить: «Я прохожу мимо людского зла, потому что оно мешает мне служить Богу»³¹³, но теперь убедился в смехотворности подобных претензий с моей стороны; где уж там «служить Богу», когда каждый год не надеешься дотянуть до конца. Потому ни на какие сильные чувства и подъемы с моей стороны не рассчитывайте, я даже остерегаюсь их. Если же хотите видеть меня так, попросту, то приходите; я буду рад. Дома я всегда бываю с 9 часов вечера; но в пятницу утром переезжаю на другую квартиру, и самое удобное будет, если вы придете в среду.

П. Ф.

Р. С. В доказательство, что я не чувствую неприязни, дарю вам единственный экземпляр одного сочиненьца, которым когда-то дорожил.

В. В. Розанов — П. П. Перцову³¹⁴

[14.11.1903. СПб.]

Молчит, и я не напоминаю: очевидно, одна «грусть» выйдет. Да и странно: год ругали, а к концу года дать на поддержку³¹⁵. Мне думается, все же объявления надо начать, а в декабре поместить для читателей смету, подписку и маленькое предложение. Да устроить паи по 300 рублей³¹⁶.

ВР

³¹³ «Я прохожу мимо зла человеческого, ибо оно мешает мне служить идее Бога» (Б. Спиноза).

³¹⁴ Печатается с комментариями по: *Гончарова*, 2015. С. 151–152.

³¹⁵ Возможно, речь идет о финансовой помощи журналу, за которой обращались к А. С. Суворину, владельцу «Нового времени». С ним у Розанова были хорошие личные отношения. 11 ноября 1903 г. с просьбой о принятии на себя временных расходов по изданию «Нового пути» к Суворину обратился Д. С. Мережковский (это письмо было позже опубликовано Розановым: *Новое время* 28 января (10 марта). 1914. № 13 607. С. 3).

³¹⁶ Несмотря на приличную подписку на «Новый путь» в 1903 г. (2558 платных подписчиков), было ясно, что дохода от подписки недостаточно для продолжения издания журнала. В феврале 1904 г. редакция пред-

В. Ф. Эрн — А. В. Ельчанинову³¹⁷

[17.11.1903. Москва — СПб.]

Дорогой Саша! Ключевского лекций у нас достать никак невозможно, по крайней мере менее, чем за 15–12 руб. В утешение могу тебе сказать, что Ключевский весь свой курс печатает, и, сколько мне известно, 28 листов уже напечатано из него. Шлю тебе привет. Мне довольно хорошо работается. Основные мысли своего мировоззрения я ухватил и начинаю понемножку их развивать³¹⁸. Если будет время, то в этом году три основных мысли я изложу если не в деталях, то в существенных чертах. Очень уж это меня соблазняет. Павлуша перешел на новую квартиру: Остоженка, д. Егорова, кв. 40. Много у него очень мыслей. Пиши.

Твой В. Эрн

Д. В. Философов — В. В. Розанову³¹⁹

[18.11.1903?]

18 ноября

Дорогой Василий Васильевич

приняла попытку обеспечить журнал путем учреждения издательского фонда, состоящего из денежных паев. См.: *Максимов Д. Е.* «Новый путь» // *Евгеньев-Максимов В., Максимов Д.* Из прошлого русской журналистики. С. 169.

³¹⁷ АЭ. Открытка, почт. шт.: Москва. 17.11.1903. Адрес на конверте: В Петербург, Лиговка, 56, кв. 8. Ельчанинову.

³¹⁸ В университетский период В. Эрн, А. Ельчанинов и П. Флоренский стремились осмыслить свое предназначение, выработать личное мировоззрение, «искали пути праведного жития», как вспоминал впоследствии один из них, находясь уже в эмиграции (см.: *Ельчанинов А., свящ.* Записи. Париж, 1962. С. 6).

³¹⁹ Текст подготовлен к изданию и прокомментирован Е. В. Глуховой по архивному оригиналу: НИОР РГБ. Ф. 249. К. М 3871. Ед. хр. 7. Л. 32. Розановская нумерация листов красными чернилами — 56.

С благодарностью возвращаю Вам письма Ковнера³²⁰. Что сказать об их авторе? Это один из тех «Ното novus» (в Вашем смысле), которыми земля держится. С одной стороны — отрицание мистицизма, проповедь «дар случайный», жевание резинки кантовского императива, а с другой — мука за людей, любовь, жажда справедливости, письма Толстому и Муравьеву, и т. д. и т. д. Вам он может быть полезен лишь как гебраист, имеющий сведения. Его поправки очень существенны, и во многом коренным образом меняют Ваши слишком смелые обобщения. Дальше же «ученых поправок» Ковнер едва ли пойдет. Он Вас абсолютно не понимает. Связь Ваша чисто внешняя. С одной стороны — якобы общая тема — еврейство, с другой — эстетическое наслаждение, получаемое Ковнером от чтения ваших писаний. (Это он чувствует и понимает.)

К моему великому горю, здоровье мое не позволяет быть у Вас сегодня. Даже невинная поездка к Победоносцеву — причиняет мне много физических страданий. Я не спал ночь и пролежал весь вчерашний день.

Душевно Ваш,
Д. Философов.
18 ноября

Д. В. Философов — В. В. Розанову³²¹

[23.11.1903]

³²⁰ Аркадий (Авраам-Урия) Григорьевич Ковнер (1842–1909) — писатель и публицист, корреспондент Розанова. В НИОР РГБ Хранится около 40 писем Ковнера к Розанову. В кн. «Около церковных стен (М., 1995) Розанов включил атеистический трактат Ковнера. Некролог Розанова: [Б. п.] А. Г. Ковнер // Новое время. 17 (30) мая 1909. № 11 917. С. 4. Подробнее о судьбе и личности Ковнера, о его письмах к писателям см.: *Гроссман Л. П.* Исповедь одного еврея. М. ; Л., 1924.

³²¹ Текст подготовлен к изданию и прокомментирован Е. В. Глухой по архивному оригиналу: НИОР РГБ. Ф. 249. К. М3871. Ед. хр. 4–6. Л. 12–13.

Дорогой Василий Васильевич.

С чувством особого удовольствия просмотрел я присланную Вами корректуру. Простые опечатки я поправил красными чернилами, а относительно неловких, по-моему, мест — я сбоку поставил в кружок синим карандашом цифры. Относительно них и поговорим:

1. «человеков». Удобен ли родительный падеж множественного числа? Не лучше ли «попросту» — людей?

2. «с ногой животного» (?) не понятно!

3. «догадолавающимися». Очевидно, Вы хотели сказать «изображения, о смысле которых можно догадаться». Во всяком случае есть какая-то ошибка в смешении залогов страдательного и возвратного.

4. Это замечание по существу. «Намекнуть» на аналогию между «змием» и детородным органами — можно, но настаивать на этом — едва ли стоит. Доказательств у вас ведь нет. Чутьем Вы может быть правы, но рассуждение о <?> неубедительно, и дают слишком богатую пищу для насмешек. А поэтому предлагаю выкинуть в строке, отмеченные синим крестом.

5. Неудачны падежи, союзы «и», вообще все подчеркнутое. Есть неясность, по крайней мере, для меня. Нельзя ли после «с плодами» поставить точку с запятой, а после «ароматы и звуки» многоточие. «Плодами» творительный падеж, а рядом стоит именительный падеж — что неясно. Вместо «им», «него», и «его» надо хоть раз вставить «Аписа».

6. Опять возражение по существу.

Как верно заметил один Ваш поклонник и ценитель, у Вас³²² есть одна крупная недомолвка (по-моему, сознательная), а именно, по-Вашему должно выходить, что брак свят, потому что пол свят, а выходит, что пол свят, потому что брак свят. Первое, законное следствие «публика» никогда не признает, а потому и не простит. Второе же, обратное следствие — встречает всюду успех. Отсюда одобрительные

³²² В Ваших статьях, посвященных ему. — *Примеч. Д. Философова.*

письма престарелых генералов и «русских женщин». Чувствуется, что Вы как-то мечетесь между двумя способами доказываниями, первым, за которым правда логическая и вторым, за которым правда социальная. Вопрос запутывается еще потому, что благодаря социальной неправде сущность пола извращается. Гонимый и непризнанный, он начинает извращаться и жить в Андреевском «Тумане»³²³. Но все-таки из этого не следует, что если бы социальная неправда в области брака и семьи была устранена — понятия пола и брака — стали бы адекватны. Вы это конечно знаете лучше меня, но как русский публицист Вы все прикрываетесь «X томом», да проектами Боровиковского³²⁴. Но черт ли в них, когда пол берется на протяжении всей человеческой истории, и когда Достоевский украшается рисунками египтян? Заметьте, в первом столбце, Вы так любовно описываете общение с животными, что — по совести Вы должны допустить скотоложество. В третьем столбце Вы прямо доказываете, что надо «давать просящему» (хотя бы и не смешивая семени). И все это логично, все это последовательно. Но потом вдруг Вы спохватываетесь: а брак-то как же, если жена (живущая по X тому, исправленному согласно Розанову и Боровиковскому) должна «давать просящему»? И вот Вы придумываете чудовищный институт «дуо-гамии», чуть ли не «combination a trios»³²⁵. Ну скажите где тут логика? Ведь без всяких «соломинок на путях плодородия» женщина может иметь по крайней мере 10 мужей, а муж — чуть ли не 1000 жен. Но Вы под русскими законами ходите — и вот вместо откровенной полигамии приходите к какому-то жалкому компромиссу. Позволяю иметь

³²³ Имеется в виду рассказ Леонида Андреева «В тумане» (1902).

³²⁴ Александр Львович Боровиковский — (1844–1905) — юрист, правовед; автор фундаментальных трудов по юриспруденции «Законы гражданские» и «Устав гражданского судопроизводства».

³²⁵ Т. е. брак, в котором живут трое (так позднее называли союз Меружковских и Философова).

любовника, но не больше одного. Оно приличнее и гигиеничнее. Вследствие этих соображений — советую выкинуть «дуо-гамию» (всего 6 ½ строк). Вы столько вынесли вражеских упреков, что право не стоит останавливаться перед намеком на полное отрицание моногамии.

Вот вкратце мои поправки.

Душевно Ваш

Д. Философов

P. S. Так как с Бурениным очевидно не выгорело, печатаю.

К. М. Аггеев — П. П. Кудрявцеву³²⁶

[27.11.1903. СПб.]

1903.XI.27

Вчера получил твое последнее письмо, дорогой Петр Павлович, — отвечаю на него и продолжаю свое последнее. Сношения с графом³²⁷ еще не закончились. По последующим комментариям Ветвеницкого, граф далеко не успокоился после разговора со мною и все твердил — я уверен — в пылу увлечения: «Как я доложу Государыне об изменении с вами?!»

Я тогда решил — графиня утвердила — представить графу обстоятельную докладную записку. Удалась она мне и по обстоятельности мыслей, и по тону, удалась, потому что вылилась. Две мысли заключает записка: апологетика нужна, и в одном знании Евангелия нет еще спасения школы. Заключение — пусть лица, близстоящие к Вам и ко-

³²⁶ Печатается с комментариями по: *Балакшина*, 2014. С. 233–236.

³²⁷ Имеется в виду Николай Алексеевич Протасов-Бахметев (1834–1907) — граф, генерал-адъютант, главноуправляющий Собственной Его Императорского Величества канцелярией по учреждениям императрицы Марии (1890–1906), председатель С.-Петербургского Опекунского совета (1889–1906), член советов Смольного и Александровского институтов по учебной части. Далее многократно упоминается в письмах К. Аггеева как граф.

торым предстоит работа составления единообразных программ для педагогических классов — «не сковывают тех, кто почему-либо находит нужным заняться затронутыми вопросами...»

Записка писалась на другой день после отличной публичной лекции о. Михаила Семенова.

«Вчера, — пишу, — о. Михаил взывал к нам, законоучителям: “Бойтесь Библию сделать учебной книгой”».

Свой рапорт отправил через инспектора, сидевшего по болезни дома. К вечеру получил просьбу Ветвеницкого зайти к нему на несколько минут. «Верите Вы или нет, но следующее говорю только из-за интересов дела и Ваших: не ведите дело так официально. Записку нужно подать. Но сделайте так: Пошлите предварительно письмо к графу с просьбой разрешить прислать ему рапорт. Тогда и пошлете».

Я поблагодарил Ветвеницкого и вчера послал графу письмо. Ответа пока не получал, и рапорт лежит, приготовленный к отправке... Граф вообще ко мне относится подозрительно. На этой струне кто-то и играет в выдумывании таких нелепостей, как сообщенные тобою о проповеди на Покров. Клевета злостная: можно вскрыть ее путь... Я писал тебе в свое время содержание удавшейся проповеди. Напоминаю. Праздник — идея Промысла Божия и Божией Матери. Жизнь без этой идеи невыносима. Сколько в ней зла и господства неправды!.. Но верьте... Видимо, говоренное принципиально сведено на степень частного. Но удивительна доверчивость графа к этому слуху: ведь если бы я действительно призывал отдать под свою защиту детей — то значило бы открыто идти мне против, прежде всего, лица, оглаворяющего дом и какового лица это прежде всего касается, т. е. против графини... Граф даже этого соотношения фактов не усмотрел и поворачивает дикую выдумку.

Дело можно оставить без последствий. Печатание проповеди никого не разубедило: ведь я говорил наизусть...

На проповеди была графиня, заместитель графа Олив³²⁸, и все в один голос и в одной форме остались довольны ею. Источник слуха от какого-либо канцеляриста-генерала, каковых было несколько...

В назначенный день были у меня Шемякин³²⁹ и Дубровский³³⁰. Я пригласил к себе и о. Егорова. Просидели часа 2. Беседа вращалась в сфере общих вопросов, и на этой почве мы все были удивительно солидарны. Но итог, сформулированный ими, таков: «В пределах существующего решения, изменение коего предоставим, думаем, недалекому времени, — чтобы сделать нам для внесения в школьную жизнь живого духа. Помогите...»

Следующий день был праздник. Я воспользовался им и пошел с ответным визитом к Дубровскому. Просидел у него с часик.

«Мы ехали от вас, — говорил он мне, — и много говорили о том, что есть же люди и около нас... Но... помните, что здешнее духовенство особое, к приезжим относится чрезвычайно подозрительно. Примите наш братский — мы к Вам напрашиваемся на братство — совет: будьте хотя бы немного сдержанны... Все это время я нахожусь под впечатлением тяжелых по своей удивительной правдивости слов ваших, точно пелену сняли с моих глаз: какой смысл имеет экзамен по Закону Божию? Точнее — что можно представить более чудовищного в этом сочинении? Будем долбить эту истину. Авось, она дойдет до сознания — кому ведать надлежит...»

³²⁸ Сергей Васильевич Олив (1844–1909) — генерал-лейтенант от кавалерии, товарищ главноуправляющего Собственной Его Императорского Величества канцелярией по учреждениям Императрицы Марии, член советов Смольного и Александровского институтов по хозяйственной части.

³²⁹ Василий Иванович Шемякин (1840–1916) — член Училищного совета при Свящ. Синоде, с 1896 г. главный наблюдатель церковноприходских школ Российской империи.

³³⁰ Константин Васильевич Дубровский — помощник В. И. Шемякина.

Прощались, целовались... Дубровский только что вошел в наше ведомство. Оба они, по-видимому, относятся ко мне с доверием. Вот еще доказательство. 30 ноября в Русском собрании³³¹ заседание в память святителя Митрофана. От имени Комарова³³² просили меня занять амплуа Петрова: сказать речь. Я в нынешний год решительно отказался...

В связи с предыдущим и ввиду начинающихся по Петербургу речей о моей беседе с графом — моя статья о Петрове всеми будет принята демонстративной выходкой. Петров теперь предмет разделений. Третьего дня было юбилейное празднество архиерейского училища, и оно обратилось в грандиозное чествование Петрова. И чествовали люди сильного положения.

Сотрудником время от времени «Киевских откликов»³³³ с удовольствием буду и именно по вопросу, сформулированному Григорием Владимировичем Александровским, особенно когда начнутся религиозно-философские собрания. Об этом я напишу Григорию Владимировичу сам.

А вот всем вам хорошие вести. Вчера у нас было обычное чтение составленного сочинения о Церкви Николая Петровича Аксакова (было бы очень хорошо, если бы вы озна-

³³¹ «Русское собрание» — в 1900–1906 гг. просветительская организация, ставившая своей целью содействие выяснению, укреплению в общественном сознании и проведению в жизнь исконных творческих начал и бытовых особенностей русского народа. Позднее — право-монархическая организация. Первоначально занималась исключительно обсуждением докладов и устройством вечеров. Первой формой деятельности были собрания по пятницам, посвященные общественно-политическим проблемам, и литературные понедельники.

³³² Виссарион Виссарионович Комаров (1838–1907) — русский полковник, сербский генерал, редактор-издатель ряда крупных патриотических изданий, один из членов-учредителей и член совета «Русского собрания».

³³³ «Киевские отклики» — ежедневная литературно-политическая, экономическая и общественная газета, издававшаяся в Киеве с 21 ноября 1903 г. Редактором-издателем газеты был Григорий Владимирович Александровский.

комились с ним по книге «Духа не угашайте», искаженно печатавшейся в «Русском обозрении» и изданной отдельно «Благовестом» в 1894 г.). Если не найдете, я вам вышлю ее. Прочтите с вниманием, хотя бы только предисловие. Николай Петрович — личный друг Т. И. Филиппова — весь погрузился в богословскую святоотеческую литературу и по ней создает богословие — совершенно далекое от сухих, в некотором смысле атеистических, катехизисов и догматики макариев. Теперь мы читаем его сочинение о Церкви. Вчера было удивительно хорошее чтение о победе над адом, или начале христианской Церкви, по учению святых отцов. Слова некоторых из них (Ефрем Сирийский) — какие-то чудные гимны, перлы религиозной поэзии. Это чтение было несколько преждевременное ввиду одного моего возражения о мысли апостола Петра о сошествии в ад. Эпизод совершенно готовый и вставленный в рамки идеи о Церкви — совершенно, значит, цельный и принципиальный. С внешней стороны — разумею цензурной, корректной, — но имея уши слышати, услышит новую речь, живые слова... После чтения я неуверенно заговорил о печатании. После первых итогов работы заговорил о нашем Киевском оружии АКТ³³⁴. «Да вы предвосхитили мою идею, лучше сказать, нашу... С удовольствием располагайте всеми моими и готовыми и впредь имеющимися появиться трудами. Если в Петербурге, — то я сам и корректуру буду вести... В видах цензурных советую в первый раз пустить именно чтение о сошествии в ад. Статья с видимой стороны только справка из учения святых отцов...» Просит передать свой совет держаться по возможности дольше сборников. «Будет у нас журнал, непременно придется время от времени помещать хлам, а иногда и пакость. Ведь вот все наши журналы. Буквально ни в одном с чистою совестью нельзя статью

³³⁴ АКТ — Киевское издательство, название которого составлено из трех первых букв фамилий: Аггеев, Кудрявцев, Троицкий. — *Примеч. Е. Кисиль.*

свою поместить. Всегда есть свой оппортунизм». Другие члены нашего кружка также не отказываются от участия в нашем АКТе.

Вот теперь и обсудите дело о непосредственной работе по изданию сборника и о последующем.

Со следующей пятницы начинаются наши коллективные работы по составлению руководства вероучения по Священному Писанию и Преданию, выразившемуся в сознании святых отцов и богослужении нашем. Аксаков уже многое приготовил — пока отрицательного по отношению к Катехизису, — готов и догматический этюд о символических книгах в истории Христианской Церкви... Печатать последний пока еще нельзя... Руководство предлагаем также печатать Вам, — а я лично от себя хочу провести свой проект: во избежание каких бы то ни было речей, нельзя ли будет напечатать первое издание за погашением расходов с благотворительной целью... Об этом я пока никому не говорил... Пообсуди пока ты сам...

Сам лично хочу (и начал уже) по-серьезному заняться. Для пепиньер — вероучение не готово, а они от вероучения не ждут ничего. Лучшие из них говорят, что скоро-де кончится самая интересная часть. Такие речи возлагают особую важную задачу. Хотелось бы построить учение в органическом единстве с Образом Христа. Читаю очень хорошую книгу Эдершейма³³⁵.

Восхитительно идут у меня уроки в 3-м классе, прямо-таки одушевленно. Самые плохие минуты — это когда после предварительной беседы в конце урока читаем Катехизис. Отец Светлов³³⁶ очень помогает мне. Его изложение вероучения прекрасное. Он, дорогой Петр Павлович, умный,

³³⁵ Речь идет о книге англиканского библеиста, магистра Оксфордского университета Альфреда Эдершейма (1825–1889) «Жизнь и время Иисуса Мессии» (М., 1900).

³³⁶ Павел Яковлевич Светлов (1861–1941 или 1945) — протоиерей, педагог, профессор богословия Киевского университета. — В. К.

не только ученый, человек... 3-й класс — обе параллели — мои почитатели.

Писал ли я тебе? Были на уроках Ветвеницкий и графиня. Ветвеницкий сказал, что лучше значительно. Но... о ужас, ведутся записки... «Отпечатайте свои уроки, — и я сейчас же выпишу для всех учениц...» Во втором классе скоро приступим к жизни Спасителя.

Все мои члены семьи здоровы. Твой крестник несколько вот уже дней ходит. Это событие у нас. Мне он покою не дает: топ, топ в кабинет. Целую всех вас и детей. Жена тоже.

Письмо прочти Зотиковичу³³⁷ и Аркадию, которых целую крепко. Пообсудите дело поскорее и напишите мне.

Целую тебя, твой друг священник К. А.

На днях буду у Аксакова. Он хочет чрез меня переслать Владимиру Зеноновичу³³⁸ свои заметки по личным воспоминаниям своих друзей и родных о А. С. Хомякове. Владимира Зеноновича мы ожидаем на Рождество Христово в Петербург. Шемякин мне говорил, что он будет читать речь в Собрании.

Егоров изъявил желание вступить в наш АКТ и рекомендует открыть нечто вроде филиала... Понятно, почему своим ближайшим делом мы считаем составление не учебников — это слово отрицаемое нами, а руководств в духе проектировавшегося тобою, например, для 1-го класса по нравоведению (программа, руководство и хрестоматия). Временное затишье АКТа не должно смущать нас: и я, и Егоров отдаем ему свои труды-руководства. Вопрос об учебнике для

³³⁷ Евгений Зотикович Капралов (1868 — не ранее 1931) — протоиерей, законоучитель Киевского Алексеевского инженерного училища, редактор журнала «Руководство для сельских пастырей», член Поместного собора 1917–1918 гг. В письмах Аггеева упоминается как Зотикович.

³³⁸ Владимир Зенонович Завитневич (1853–1927) — русский писатель, историк, профессор КДА по кафедре русской гражданской истории. Автор обширного труда о жизни и деятельности А. С. Хомякова. Далее в письмах Аггеева упоминается как Зенонович.

старшего класса и примерных программах для педагогических классов я беру на себя. Теперь, как только окончу последний дневник — принимаюсь за Священное Писание и богословскую — в смысле положительного вероучения — литературу... Это изучение, необходимое лично мне, дает многое и для вышеназванных проектируемых руководств... Для сборника теперешнего я мог бы дать только из напечатанного — конечно переделанное в том или другом отношении. (Опять прерываю письмо. Иду на уроки.)

Леонтьев меня очень занимает. Я, как считают это многие, — понимаю всю серьезность трактуемых им вопросов. Аксаков, стоявший, видно, в очень близких отношениях к Леонтьеву, предлагает мне открыть несколько вечеров в нашем кружке в память его. У него материала много и лучшего (с субъективной стороны), чем у Фуделя. К слову сказать, Розанов говорил Егорову, что о Леонтьеве уже приготовил сочинение один кандидат Университета (Бердяев)³³⁹. Леонтьев для работы хорош тем, что вопросы слишком широки: я в изучении Священного Писания буду искать на вопросы его [ответы].

А. С. Глинка — В. С. Миролюбову³⁴⁰

[28.11.1903. Самара — СПб.]

Многоуважаемый
Виктор Сергеевич

Посылаю статью о Горьком. По моим расчетам будет листа 1 ½, я разделил на два №, на январь и на февраль. Если

³³⁹ Вероятно, речь идет о работе Н. Бердяева: К. Леонтьев — философ реакционной романтики. Впервые опубликована в: Вопросы жизни. 1905. № 7. С. 165–198.

³⁴⁰ Текст подготовлен к изданию А. И. Резниченко. Публикуется впервые. Оригинал: РО ИРЛИ. Ф. 185. Оп. 1. № 417. Л. 3–8 об. Адрес отправителя: Самара, Соборная ул. № 166. Александру Сергеевичу Глинке.

найдете возможным соединить обе в январском №, то придется на стр. 22 отрезать приклеенные листочки...

Рецензии на январь уже не пришлю. Не было времени. Кроме того, многому помешал произведенный у меня обыск, забрали все рукописи и вообще несколько выбили из колеи. Теперь, впрочем, почти все уже вернули...

Газеты бросить, вероятно, придется, лишь только дело у нас наладится. Это тем более будет необходимо сделать, что обострившееся у меня физическое нездоровье еще более осложняет дело.

Теперь, что касается невозможности въехать в Санкт-Петербург, то здесь дело вот в чем. В 1901 году, по выходе из тюрьмы (Москва), я был отправлен в Симбирск, где по приговору отбыл два года надзора. Нынче летом срок кончился, я получил право выезда, но с ограничением жительства в столицах на 3 года... Это теперь большею частью так делается. Мечтаю все же добиться если не полного уничтожения ограничения, то хоть сокращения срока... Дело, в котором я обвинялся, — пустяковое: недоказанное участие в редактировании гектографического журнальчика «Студенческая мысль»... Вот и вся история.

Ваш А. Глинка

P. S. Поскорее сообщите, разделяете ли статью на 2 № или зараз пустите — это важно для срока приготовления следующего материала.

1928/XI 03

[Адрес отправителя]: Самара, Соборная ул. д. № 166 Александру Сергеевичу Глинке

В. В. Розанов — П. П. Перцову³⁴¹

[28.11.1903. СПб.]

³⁴¹ Печатается с комментариями по: *Гончарова*, 2015. С. 152.

Петр Петрович! Посылаю Вам начало статьи о студентах³⁴². Конец скоро пришлю. Пока велите набирать. Пожалуйста, статью мою в декабре о проституции озаглавьте: «Лекция г-жи Лухмановой о проституции»³⁴³ (а то мне надоело, что всё с моим именем связываются разные порочные сюжеты). Да и виднее будет при рекламе в газетах. Непременно в декабре поместите статистику недели, расSORTИРОВАВ иностранную. Важно, что в Америку и Австралию пошло. Случевский³⁴⁴ у Суворина за обедом говорил

³⁴² Статья «Психика и быт студенчества» (Новый путь. 1904. № 1. С. 209–235; № 2. С. 94–111; № 3. С. 121–134).

³⁴³ Статья Розанова была озаглавлена «Г-жа Лухманова о проституции». Речь шла о лекции Н. А. Лухмановой, состоявшейся в Петербурге в Соляном городке. Розанов писал, что публика, собравшаяся на лекцию, знала предмет гораздо лучше, нежели лекторша (См.: Новый путь. 1903. № 12. С. 127). Надежда Александровна Лухманова (урожд. Байкова, 1844–1907) — прозаик, переводчица. В 1903 г. между Розановым и Лухмановой возникла полемика. В статье «Кто дал им право?» (Заря. 2 (15) апреля 1903) Лухманова выступила против журнала «Новый путь» и Розанова. 4 апреля 1903 г. Е. А. Егоров писал Перцову: «Сейчас был у меня В. В. Розанов и жестоко разнес меня (или Новый Путь — я хорошенько не разобрал), что я не читал вчерашней статьи Лухмановой в “Заре” 3/IV. Существование “Нового Пути” будто бы опять на волоске. Одним словом — целую уйму страхов. А когда я стал улыбаться и шутить, то он и совсем рассердился. Выходило как-то так, что Новый Путь закрыт за то, что я не читаю “Зари”. Я говорю Розанову: дорогой Василий Васильевич, если Лухманова написала что-то против Нового Пути и Религиозно-философских собраний, то не из-за меня и не из-за того, что я не читал ее вчерашней статьи — а из-за вашего “Угла”. Если журнал закрыт, то за ваш угол. А он только сердится, и притом искренно, и почему-то именно на меня (...) Розанов встревожен страшно» (Письма З. Н. Пиппиус к П. П. Перцову // Русская литература. 1992. № 1. С. 135).

³⁴⁴ К. К. Случевский печатал свои стихи в «Новом пути»: «Быть ли песне?», «Песня Гидальго» (1903. № 1. С. 109–111). Розанов бывал у Случевского на еженедельных дружеских собраниях поэтов, так называемых «пятницах Случевского» (Фонтанка, д. 127). Случевский состоял членом Совета министра внутренних дел и был главным редактором официальной газеты «Правительственный вестник». Он, вероятно, принимал участие в получении разрешения на издание журнала «Новый путь».

язвительно: «не дошло до тысячи», да и все так думают, раз что прошел слух о закрытии. Сверх этого, если кто вздумает помогать, брать как etc., — то прежде всего за подписку возьмутся. А ведь она, во всяком случае, удовлетворительна. Не с 1-го же года и 5.000.

Послушайте меня и никого не слушайте!!!!

Иначе я окончательно рассержусь.

На январь печатайте: год второй издания. Солиднее будет. «Молодая надежда». Ради Бога, уродливых стихов не помещайте. Это ужасно портит. Или отведите особую рубрику: «Стихи начинающих».

В. Р.

В. Ф. Эрн — А. В. Ельчанинову³⁴⁵

[*Конец ноября. 1903. Москва — СПб.*]

Дорогой Саша! Ты прости меня. Свенцицкий, перечитав свой рассказ, который хотел отправить в «Новый путь», решил его немного переделать, это, конечно, займет некоторое время. Насчёт его планов к сожалению ничего не могу тебе сказать. Он мне говорил о них, но не в тех терминах, которые бы можно было передать. Не помню, писал ли я тебе в прошлом письме: он на днях едет в Македонию для подачи медицинской помощи македонцам³⁴⁶.

Так, 23 февраля 1902 г. З. Н. Гиппиус извещала Перцова: «Уже написала Случевскому, не увидит ли он быстро Шаховского и когда доклад» (Письма З. Н. Гиппиус к П. П. Перцову // Русская литература. 1991. № 4. С. 130).

³⁴⁵ АЭ. Почт. шт.: Москва 12.04.1904. Адрес на конверте: «В Петербург Лиговка 56, кв 8. Е. В. Б. Александру Викторовичу Ельчанинову». По мнению С. В. Черткова, эта датировка ошибочна, потому что письмо вложено в другой конверт, и письмо следует отнести к концу ноября 1903 г.

³⁴⁶ В письме речь идет «о медицинской помощи македонцам». 20 июля 1903 г. на юго-западе Македонии началось Илинденское восстание против османского ига, а 19 августа в Восточной Фракии вспыхнуло

Если это тебе характерно — могу сказать, с этим человеком я сошелся очень близко, узнал его хорошо и преклонился перед ним вполне. Кроме горячего почитания — я испытываю к нему самую живую любовь. От сближения с ним я обновился и почувствовал, что во мне что-то назревавшее — назрело до конца и определилось навсегда. Ты представь себе только: ни одного противоречащего впечатления от него не было, ни одной хотя бы крохотной черточкой. Цельность необычайная. К сожалению, нет у меня времени, а то бы много интересных вещей я тебе рассказал о нём.

Я очень занят. В последние две недели набросал свои мысли о вере в людей³⁴⁷, пришедшие мне летом; поглощен этим, потому что увлекли меня мысли и показались очень важными. Читаю довольно много, но, пожалуй, не особенно много, зато хорошо воспринимаю прочитанное. В университете у нас заваривается каша. В Гомельском погроме участвовал юрист 2 курса Абрамович (Московский университет). Его хотят судить. Уже начались курсовые совещания и выборы делегатов. Как всегда, полный индифферентизм и вялость. Но есть основания бояться посторонних осложнений. О Павлуше я тебе ничего написать не могу. Мы

Преображенское восстание болгар; к ноябрю оба были подавлены. В письме упоминается и «Гомельский погром», произошедший 29 августа — 1 сентября 1903 г. Поскольку в предыдущих посланиях Эрнэ от 9 октября и 17 ноября 1903 г. есть факты, тесно связанные с искомым письмом, его необходимо датировать концом ноября 1903 г. (См.: *Свенцицкий В., прот.* Собр. соч. Т. 1. С. 731). Увиденное в начале декабря 1903 г. в Софии и Адрианополе Свенцицкий описал в статьях: *Перевоспитание инстинктов // Маленькая газета. 7 (20) октября 1914. № 17; На братской могиле // Новь. 23 ноября (6 декабря) 1914. № 122. — Примеч. С. Черткова.*

³⁴⁷ Эти мысли, вероятно, легли в основу первой опубликованной брошюры В. Эрнэ: *Эрнэ В. Ф. Христианское отношение к собственности*. Религиозно-общественная библиотека. Серия 1, № 3. Склад изданий: Москва, Моховая, дом Бенкендорф, книжный магазин Д. П. Ефимова. 1906.

с ним видимся очень редко. Он вконец на меня рассердился, конечно, без малейшего повода с моей стороны: на чисто теоретических основаниях. А разве ты с ним не переписываешься? (...)

П. А. Флоренский — О. П. Флоренской³⁴⁸

[04.12.1903. Москва — Тифлис]

(...) Я теперь предпочитаю жить даже на самой дрянной квартире, чем в общежитии, потому что среди всех обитателей его господствует пошлость, возведенная в принцип, и когда я вижу все эти самодовольные [нрзб] и ни о чем не [нрзб] физиономии, то испытываю почти что ненависть. Иногда вечером вернешься из библиотеки домой, и уверенность, что никто из моих знакомых по общежитию не постучится ко мне сейчас в дверь и что я никого из них могу не видеть, вызывает такой подъем духа и радужного настроения, как будто избавился от смертельной опасности. (...)

Вот прошла целая неделя, моя дорогая мамочка, я все не дописал письма; последние дни особенно занят, так как хочу прочесть рефераты у нас на математических собраниях, в секции по философии религии³⁴⁹ и одновременно пишу статью³⁵⁰. Правда, что все это на одну тему, но главное не в содержании, а в способе обработки, а обработка должна быть именно совершенно различная. (...)

³⁴⁸ Печатается с комментариями по: *Чертков*, 2017. С. 84.

³⁴⁹ Секция истории религии — пятая секция Историко-филологического студенческого общества (ИФСО), созданная по инициативе Свенцицкого (официально зарегистрирована в сентябре 1904 г. под председательством С. А. Котляревского) и ставшая прообразом МРФО.

³⁵⁰ См.: *Флоренский П.* О символах бесконечности (Очерк идей Г. Кантора) // *Новый путь*. 1904. № 9. С. 173–235; *Флоренский П., свящ.* Сочинения в 4 томах. Т. 1. С. 79–128.

В. Ф. Эрн — П. А. Флоренскому³⁵¹

[Декабрь 1903]

Павлуша! Меня особенно томит теперь жизнь. Очень уж тяжело от мыслей. Вспоминались несколько раз вы, и мне хочется ответить на ваше летнее письмо.

Я вижу, что положение мое было фальшивое. Бессознательно я сильно лицемерил. Думая, что вы нападаете на мою веру и думы, я защищался. А ведь это была ложь. Ничего этого не было. Перед вами я чист и невиновен. Но перед всеми людьми и перед Богом я виновен, потому что я был слишком недостоин того, во что я верил и что любил. Были минуты и дни подъема и чистоты, но они быстро мелькали, и тянулись за ними длинные полосы сна. Оторваться от него и служить Богу всем сердцем — я не мог от слабости и бессилия. Все, что вы сказали обо мне, — правда, может быть не вся. Жажда иного во мне не угасала и иногда пылала слишком мучительно. Я и теперь мучусь и, кажется, утрачиваю последнюю надежду. Что будет, не знаю. Если теперь я не встану и не пойду за Христом — я погиб.

Вам мне хочется сказать одно. Вы были правы, может быть не совсем, я был неправ. Говорю это с жгучим раскаянием, потому что очень-очень хотелось мне, чтобы не было много из того, что было. Мне так стыдно себя, своей жизни и всего, что я не знаю, вынесу ли я этот стыд. Недавно мне встретился человек — какой-то гений Добра и Ума, он поехал теперь «целовать ноги страдающих» в Македонию и вряд ли оттуда возвратится. Он блеснул для меня таким светом и, сам того не ведая, так мучительно ярко показал мне всю неправду моей жизни, что я изнемогаю³⁵².

³⁵¹ Там же. С. 84.

³⁵² Речь о Свенцицком. Ср. описание им своего alter ego: «он светился весь тихим, радостным, убаюкивающим светом (...) Но (...) было что-то тяжелое и мучительное. (...) Я не мог отделаться от мысли,

Павлуша, простите меня, простите, что я так не понял все ваши правдивые слова и ответил на них так грубо. Если бы как-нибудь мог бы заглазить это, я был бы рад и счастлив до крайности.

В. Эрн.

А. С. Глинка — В. С. Миролюбову³⁵³

[7.12.1903. Самара — СПб.]

Многоуважаемый Виктор Сергеевич

Получил вашу открытку и две закрытки. О Гусеве-Оренбургском пришлю на февральскую книжку (в начале января). Поздно получил вашу открытку 19 декабря [ноября?], да и не на что купить книгу Гусева.

К февральскому № пришлю еще и библиографии.

Во 2-й половине статьи о Горьком (на февраль) Вы, быть может, лучше всего сами сгладите некоторые усилительные выражения, вроде «неимоверной силы». Не помню даже, где это написано. Дело в том, что все эти эпитеты чисто формального характера и при том освещении содержания творчества Горького, которое я пытался дать, — большого значения, думается мне, не имеют. Пусть большая, большущая сила таланта Горького, но я не умею восхищаться силой, независимо от ее свойств. Определение же формальной, количественной стороны размеров таланта, — особенно такого, как Горький, — вещь второстепенная... Если Вы сбавите в этом смысле тона, — я буду даже рад. Удивляться размерами таланта Горького и слишком

что Николай Эдуардович судья (...) и что он читает нам обвинительный акт» (*Свенцицкий В., прот.* Собрание сочинений. Т. 1. С. 78–79, 99).

³⁵³ Текст подготовлен к изданию А. И. Резниченко. Публикуется впервые. Оригинал: РО ИРЛИ. Ф. 185. Оп. 1. № 417. Л. 3–8 об. Адрес на конверте: Самара, Соборная ул. № 166. Александру Сергеевичу Глинке.

легко, и немного поздно, — с моей стороны это скорее уступка общему восхищению.

Что же касается «безумца, который навеет человечеству сон золотой», то ведь Горький вкладывает в этот куплет свой Горьковский смысл. И Лука, именно мысль автора, является таким (Горьковским) безумцем. Этот «Безумец» встречается [?] и в прежних его произведениях [?].

Что касается Горького как «Русского Ничше», то он, пожалуй, «Русский Ничше» в том смысле, в каком, например, Боборыкин — «Русский Золя»³⁵⁴ или «современный Тургенев». Копия всегда далеко отстает от оригинала. Хотя для меня лично большой вопрос, насколько Горький копирует Ничше — в узком смысле. Я не знаю [так близко] процесса его духовного роста и влияний на него тех или других писателей...

Но вообще я за те или другие частности не стою, в них легко сговориться, потому что легко уступить. Мне было бы дорого сойтись в общей точке зрения, в самом духе писания. А его Вы отчасти можете видеть из этих моих статей.

Чтобы работать свободнее — мне газеты бросить почти необходимо. Тем более что я очень плохо чувствую себя физически. Месячную плату, — я уже писал Вам! — мне нужно 100 руб. (которые хотелось бы получить в более или менее определенный срок, например по выходе книги). То же, что недохватало ~~бы~~ мне, я мог бы дорабатывать другой несрочной работой... Быть может, осталось бы время заняться снова ~~большой~~ работой о Достоевском. Вам же, мне думается, я эти 100 руб. в месяц отработал бы хроникой и библиографией³⁵⁵.

В Петербург я мечтаю приехать. Но на праздники уже не приеду, начал лечиться, а это протянется, если выдержу,

³⁵⁴ Это явствует из тона и смысла личного сближения. — *Примеч. А. С. Глинки.*

³⁵⁵ Хорошо бы это устроить в январе же. К январю я бы мог высвободиться из газеты. — *Примеч. А. С. Глинки.*

месяц—два. Попробую попроситься в Декабре [1 сл. нрзб] приехать на месяц или более, чтобы позаниматься в Публичной библиотеке. Но если не пустят, быть может, приеду так в марте (когда в Питере будет художественный театр?) на несколько дней, не прописываясь.

Пока всего хорошего.

Ваш А. Глинка.

Хроники буду готовить к 8-му к первым числам февраля, т. е. на март.

Хорошо бы, если можно было прислать несколько оттисков каждой статьи.

197/ХП 03

Самара Соборная 166 Александру Сергеевичу Глинке

NB Если бы я Вас попросил в оглавлении, кроме общей рубрики «Литературные отголоски», выставлять также и подзаголовок: «О некоторых мотивах творчества Горького» и т. п.

К. Д. Бальмонт — П. П. Перцову³⁵⁶

[7.12.1903. Москва]

7 декабря 1903 г.

Москва, Б. Толстобокый б.

Многоуважаемый Петр Петрович.

Посылаю вам 5 стихотворений из Уолта [Уитмена]³⁵⁷.

Прошу доставить мне корректуру. Своих стихотворений сейчас у меня нет.

Я охотно буду участвовать в «Новом Пути» и в 1904-м году. Но только я хотел бы что-нибудь получать за те страницы, которые посланы вам за истекший год, я не получил ничего за свои стихи. Мне неприятно об этом говорить, но у меня нет ни банковых билетов, ни земель.

³⁵⁶ МА МДМД. Фонд П. П. Перцова. КП-323/1. Л. 1. Маш. копия.

³⁵⁷ Уолт Уитмен (1819–1892) — американский поэт и публицист.

Я обращаю также ваше внимание на то, что в «Новом Пути», называемом новым, не было никакого отзыва о книгах, которые не имеют старого характера, — разделы той поэзии Шелли и книгу «Будем как солнце». Я писал об этом Мережковскому, но он слишком занят собою. Скажите: неужели такая небрежность по отношению к «своим» допустима? Браните, но не молчите. Это, наконец, просто скучно. Неужели редакция «Нового Пути» страдает литературным дальтонизмом и не видит именно живых красок?

Уважающий Вас

К. Бальмонт

К. Д. Бальмонт — П. П. Перцову³⁵⁸

[12.12.1903. Москва]

12 декабря 1903 г. Москва.

Многоуважаемый Петр Петрович

Вы слишком буквально поняли меня. Я вообще говорил о желании получить что-нибудь за свое сотрудничество и не настаиваю на этом, раз Вы не можете платить. Не можете, так не можете. Я охотно и без денег буду присылать в «Новый Путь» стихи и переводы. Не знаю, буду ли в состоянии присылать статьи, так как статьи отнимают у меня обыкновенно много времени, и я с этим должен считаться. Но стихи возникают без усилия.

Итак, я возвращаю Вам стихи из Уолта Уитмана и посылаю, кроме того, три свои стихотворения.

Я отнюдь не хочу порывать с «Новым Путем» и очень рад сотрудничать в нем.

Жму Вашу руку.

Преданный Вам К. Бальмонт

³⁵⁸ Там же. Л. 2. Маш. копия.

Д. В. Философов — В. В. Розанову³⁵⁹

[16.12.1903?]

16 декабря

Дорогой Василий Васильевич.

Задержался ответом на Ваше крайне меня тронувшее письмо, потому что пришлось еще раз повидать Струве, который известил меня, что он в субботу быть никак не может. Завтра мы с ним окончательно сговоримся о дне нашего собрания, а пока что, свой проект увидеть Вас завтра у себя в числе других дорогих гостей — я откладываю. В воскресенье надеюсь быть у Вас и тогда мы сговоримся о дне собрания.

Душевно Ваш,

Д. Философов.

К. М. Аггеев — П. П. Кудрявцеву³⁶⁰

[22.12.1903. СПб.]

1903.XII.22

Поздравляю тебя, дорогой Петр Павлович, всю твою семью, дорогих Зотиковича и Аркадия с великим праздником Рождества Христова. Будем все надеяться, что с Ним снизойдет и в души наши и в условия жизни больший мир, чем то было до сих пор. Теперь каждое мое письмо является продолжением предшествующего. Таковым служит и это. Со времени последнего письма совершилось немало более или менее важных событий. Я тебе не раз говорил о некоей игуменье — настоятельнице Леснинского монастыря Екатерине — в миру графине Ефимовской³⁶¹. Послед-

³⁵⁹ Текст подготовлен к изданию Е. В. Глуховой по архивному оригиналу: НИОР РГБ. Ф. 249. К. М 3871. Ед. хр. 7. Л. 10. Розановская нумерация красными чернилами — 57.

³⁶⁰ Печатается с комментариями по: Балакшина, 2014. С. 256–261.

³⁶¹ Екатерина (Евгения Борисовна Ефимовская; 1850–1925) — схиигуменья, настоятельница Леснинского Свято-Богородицкого монасты-

нее наше свидание с нею было 12-го января на хиротонии Евлогия³⁶². Там она была моею сторонницей в споре о Соловьеве с Антонием [(Храповицким)]. В Петербурге Леснинский монастырь имеет свое подворье, к слову сказать, находящееся от меня всего только в... 9 верстах. На днях приезжает ко мне священник подворья, бывший мой псаломщик в Мариамполе, и сообщает, что Екатерине очень хотелось бы повидаться со мною, просит так или иначе устроить это свидание. Я, конечно, поехал сам и в обществе Екатерины и ее наперсницы, матери Нины³⁶³, будущей настоятельницы, курсистки по образованию (ее отец и ныне жив — председатель Виленского Окружного суда), провел целый вечер. Сама Екатерина — глубоко интересный человек. Друг семьи Аксаковых и Хомяковых, находившаяся чуть не в материнском отношении к Соловьеву, от которого она имеет лично переданные все сочинения его — она представляет собою тип, в лучшем смысле слова, монаха-либерала... Беседовали обо всем и о моем личном деле. Итог беседы — рук не нужно опускать, ослабить Катехизис, эту, по ее слову, «возмутительную в 2–3-й части книгу», — значит доставить радость Митрополиту Фи-

ря, графиня. Окончила женские курсы при Московском университете (1879), учительница в Татевской школе С. А. Рачинского. В 1885 г. основала православное сестричество в с. Лесна Седлецкой губ.; открыла при нем школу, приют, больницу, богадельню. Приняв постриг, 26 августа 1889 г. возведена в сан игумении. Переписывалась с В. С. Соловьевым и св. прав. Иоанном Кронштадтским. В 1908 г. вышла на покой. Вместе с монастырем эвакуировалась сначала в Петроград (1915–1917), затем в Жабовский монастырь Кишиневской епархии (1917–1920), наконец, в Хоповский монастырь в Сербии. Перед смертью приняла схиму.

³⁶² Евлогий (Василий Семенович Георгиевский, 1868–1946) — впоследствии митрополит, экзарх русских церквей в Западной Европе. Соученик и товарищ о. Константина Аггеева по Тульской духовной семинарии. 12 января 1903 г. был хиротонисан во епископа Люблинского, викария Холмско-Варшавской епархии.

³⁶³ Нина (Наталья Григорьевна Косаковская, (?–1949) — помощница игумении Леснинского монастыря Екатерины (Ефимовской), с 1907 г. игумения Леснинского монастыря.

ларету³⁶⁴, который теперь ждет не дожидается этого дела... Екатерина уверила меня в сочувствии Императрицы, с которой она в очень близких отношениях. В январе она приезжает опять в Петербург, будет у меня и у графини. «Время приезда будет зависеть, — говорила она, — от того, когда будут назначены мои лекции в Обществе». Уехал от игуменьи в очень бодром настроении духа.

На другой день виделся с Антонием (Храповицким), встретившим меня чрезвычайно любезно и приветливо. «Я непременно буду говорить о Вас с Митрополитом, которого вы и держите. Графу, у которого от старости и ноги трясутся, очень понравился один из Волынских законоучителей, в действительности — ниже всякой критики... Не хочет ли он его на Ваше место?» Я просил передать Митрополиту — за невозможностью личной передачи — «желания нашей молодой партии законоучителей в виду предстоящей к Рождеству конференции для составления единообразной программы педагогических классов». А для полноты и верности на другой день послал ему еще письмо дополнительное...

В тот же день вкупе с Егоровым были у преосвященного Константина. Протоиерей Розанов уже успел настроить его против нас, особенно против меня, причем допустил следующую фигуру умолчания. Говоря о моем изучении философии, он подтвердил ссылкой на свое посещение моих уроков, а о предмете последних умолчал. Когда же я Константину сказал, что в младших классах я говорил о религии и ее основных истинах, а в старших — о Ветхом и Новом завете как источниках нравоведения, то он заметил: «Какая же тут философия. У Вас и в 1-м классе ученицы в моем присутствии о том же говорили и говорили хорошо. Это, очевидно, о протоиерей смешал что-нибудь».

— Нет, говорю, Владыко, здесь дело не в смешении... — и рассказал всю свою беседу с Розановым, сообщенную тебе.

³⁶⁴ Вероятно, речь идет о митр. Филарете (Дроздове).

Константин сообщил нам, что к нам на уроки после Рождества Христова приедет Владыка Митрополит.

«Лучшего, — говорю, — ничего не желаем. Устройте только, чтобы он приехал на самые ответственные уроки...»

— Да, и я приеду вторично.

— Будем очень рады...

Все это потекло своевременно к Митрополиту. Мы ждали результатов. И только сегодня они чуть-чуть сказались... Я между прочим писал Орнатскому о том, что после Рождества Христова не прочь прочесть одну—две публичные лекции. Он несколько дней ответа не давал. Сегодня пишет письмо, за краткими строками которого можно вскрыть кое-что хорошее. Он с моим предложением был у Митрополита, и тот дал свое благословение на мое участие в лекциях Общества. Митрополиту, как видно из письма, известны мои отношения к графу... Орнатский предлагает мне первому избрать дни и готовить самому чтения. Письмо — хорошего тону...

Таков великий ход событий.

Пользуясь свободным временем, изучаю жизнь Спасителя. Уроки в младшем педагогическом классе после Рождества Христова буду вести несколько иначе, чем предполагал. Я буду изучать с ними Символ веры изучением жизни Спасителя. После учения общего о Боге — христология по Евангелию с моими комментариями. Так, учение о Божестве — не только по речам, но и по всей жизни — 12-летний отрок в храме, крещение, изгнание торгующих из храма, беседа с Никодимом и т. д. ...В следующем году этот курс у меня будет хорош...

(К слову сказать — как хороша и глубока по содержанию книга Эдершейма. С моей точки зрения — вернее, со стороны моей психики, — слишком только много историко-археологического материала...) Сознавая всю ответственность — и не столько для себя, сколько для дела, — уроков при посещении Митрополита, я готовлюсь к ним... Теперь

скажи, что было бы со мною, если бы у меня не было самоуверенности! Ведь это страшнее экзаменов! Пройдет этот визит только молча, и с какою бодростью поведу я своих воспитанниц на экзамен при графе. Пусть-ка Розанов спросит, почему отвечают не по программе, составленной им...

Немного не вовремя лекции в Обществе, и при других обстоятельствах я подождал бы выступать. Но теперь они мне нужны как опора в неравной борьбе. Удастся хорошо прочесть лекции — меня Общество оценит или, по крайней мере, Митрополит узнает, и опять не так легко графу будет справиться со мною. Нужно знать, что в будущем мне предстоят частые стычки на конференциях. Безмолвно выслушивать и принимать к исполнению его дикие речи я не буду, — особенно после того, как стану еще в более близкие отношения к ученицам. В минувшую пятницу один учитель наш пригласил меня к себе на обед. Там были еще два самых лучших и самых дельных учителя. Ко мне они отнеслись с особым сочувствием, всецело становясь на моей стороне. Оба учителя и на конференции, и в беседе с графом (один из них инспектор другого Института) смели свое суждение иметь... Судя по их словам, бывшее — только цветочки... Я — не могу не сказать при данном случае — горжусь доверием сослуживцев, особенно знаменательным в моем известном им всем положении! Дай Бог и впредь ни единым фактом не обмануть его!

К лекциям придется много готовиться. Булгакова «От марксизма к идеализму» я уже купил. Перечитаю Вересаева. Войдет мой реферат, конечно, не целиком, о Гоголе и Белинском. Если когда, то теперь нужно выступить подготовленным. Мои лекции будут 22 и 29 января по четвергам. Помяните в эти дни...

Давно я от всех вас получал письма. Сегодня получил № Р³⁶⁵ со статьею Зотиковича. Хороший он писатель, «пес

³⁶⁵ Речь идет о журнале «Руководство для сельских пастырей», издававшемся при Киевской духовной семинарии. В № 51 от 21 декабря 1903 г.

его съешь». А моя-то статья — вот брежно напечатана?! Да и хороша же. Просто стыдно! Те еще в печати как-то ничего себе. А это?!

Ну, пока довольно.

Целую всех вас, прошу дорогую Анну Елисеевну при случае написать строки две. Ее письма я очень люблю.

Напиши о Паше³⁶⁶.

Кланяйся очень Владимиру Петровичу³⁶⁷ — старцу.

Целую тебя крепко — Любящий свящ. К. А.

Сейчас только получил твое и Аркадия письмо. К этому письму пока ничего не добавлю. Впрочем, Егоров как-то высказал в вопросительной форме такой парадокс: «Отчего это предметы издали кажутся меньшими, а вблизи большими, а люди наоборот?» Граф и моя борьба странна издали. Граф, положим, не хочет меня. Как же реализует «свое нежелание». Ведь нужно чем-либо мотивировать? Имейте в виду, что о моем деле, если только хотя немного будут угрожать мне, может быть, известно Императрице... Графиня меня спрашивала — говорила об одном. Вот наград, пособий и т. п. мы получать не будем — это верно. А надо всем этим я могу без труда возвыситься... Успокойтесь, мои друзья: дело еще не так дурно стоит...

Д. С. Мережковский — Вяч. И. Иванову³⁶⁸

[22.12.1903]

Глубокоуважаемый Вячеслав Иванович, спасибо за Вашу превосходную статью. Первая глава произвела на меня глу-

была помещена статья свящ. Евгения Капралова «Зло наших дней» (С. 419–430). В том же журнале в рубрике «Из дневника священника» регулярно публиковались заметки о Константина Аггеева (Т. 1. № 9. С. 231–246; Т. 3. № 42. С. 184–187; Т. 3. № 44. С. 237–241 и др.).

³⁶⁶ Возможно, сын П. П. Кудрявцева.

³⁶⁷ Лицо не установленное.

³⁶⁸ Печатается по: К проблеме «Мережковский и Вячеслав Иванов». Переписка Д. С. Мережковского с В. И. Ивановым. С. 81–82.

бокое впечатление. Ваш труд освещает все наши темы новым и поразительным светом. Усердно просим: присылайте продолжение как можно скорее!

Январь уже вышел, и Вы его получите через день или два. Февраль уже печатается, и для того, чтобы не вышло замедления, нам нужно получить Вашу статью не позже 15 Января, а лучше бы пораньше. Итак, ради Бога, поспешите! Сообщите, какое впечатление на Вас произведет Январская книжка.

Сердечно Ваш, Д. Мережковский

ВЗЫСКУЮЩИЕ ГРАДА 1904 год

П. А. Флоренский — О. П. Флоренской¹

[6.01.1904. Москва — Тифлис]

(...) Убедился я, что не смогу переписать работы² к нужному сроку и поэтому работаю над ней совсем понемножку. А последние два дня и вовсе не работал, так как занялся писанием рецензии³, которая, может быть, будет напечатана. Отчасти смотрю на такие работы с чисто практической точки зрения; так как в дальнейшем я думаю заниматься литературной работой, то мне необходимо приобрести знакомых и некоторую репутацию. Иначе, что мне хорошо известно, чрезвычайно трудно сделать что-нибудь, так как рукописи лиц совсем неизвестных в редакциях даже не читают довольно часто.

Вчера мы, т. е. Ельчанинов, Ланге⁴, Эрн и я, ходили в Симонов монастырь и взбирались на колокольню. Оттуда чудесный вид на всю Москву и беспредельную снежную равнину, исштрихованную дорогами, деревнями и лесочками. Оттуда так всё кажется ничтожным и мелким. Ползают какие-то чёр-

¹ Печатается с комментариями по: *Чертков*, 2017. С. 85.

² Дипломная работа Флоренского «Идея прерывности как элемент міросозерцания».

³ *Флоренский П.* Спиритизм как антихристианство (По поводу двух поэм: Лестница: Поэма в VII главах А. Л. Миропольского, 1902; А. Белый. Северная симфония (1-я героическая), 1903 // Новый путь. 1904. № 3. С. 149–167).

⁴ Александр Семенович Ланге-Поздеев — родственник Ельчанинова.

ленькие точки по белому — экипажи и люди, под ногами видишь золочёные маковки церквей, которые снизу кажутся очень высокими. Хорошо было бы тебе побывать там.

Последнее время я завёл знакомство с сыном профессора Бугаева⁵. Он оригинален и интересен, есть у него собственное, но немножко бестолков, в том смысле, что ему трудно мыслить последовательно. Кроме того, он как человек очень деликатен и мил, что среди студентов встречается редко. Впрочем, теперь он кончил университет, но хочет поступить снова на другой факультет. (...)

П. А. Флоренский — А. И. Флоренскому⁶

[14.01.1904. Москва — Тифлис]

(...) Я на Рождество познакомился кое с кем из интересных людей, особенно в один вечер, когда я зашёл к Бугаеву и застал у него всех или почти всех московских знаменитостей, по преимуществу из молодых. Был там и Бальмонт, читавший свои стихи, и Брюсов и т. д.; все люди разных направлений и убеждений, но не бесцветные. Были теософы умные и теософы, захлебывающимся голосом от волнения говорившие банальности, спириты, неоромантики, символисты и т. д. и т. д. и люди, ничего не смыслящие в поэзии. Сами по себе эти вечера не особенно интересны — немного показательные, но очень полезны, так как дают

⁵ Ср. записи А. Белого: «Декабрь 1903. Появление у меня 3-х студентов — Флоренского, Эрна, Свенцицкого; и мое вступление в религиозно-философский студенческий кружок... Январь 1904. Вхожу в контакт с кружком будущего Христианского братства борьбы... Долгая, внутренняя беседа со Свенцицким»; «Они пришли приглашать меня в группу “христиан”... Свенцицкий в некоторых кругах был известен как пламенный оратор, увлекающий сердца, Эрн считался знатоком первых веков христианства и сильным философом» (*Белый А.* Ракурс к дневнику. М., 2016. С. 349).

⁶ Там же. С. 86.

возможность познакомиться с людьми, которых бы нигде не увидел. Наша секция по философии и истории религии, к сожалению, вызвала слишком большие и преувеличенные ожидания и надежды: «к сожалению», потому что, как ни хорошо и просто мы ведём свои дела до сих пор, теперь, пожалуй, придётся быть на виду, а это всегда делает положение несколько натянутым. Но зато в этом есть и выгода, так как несколько очень интересных лиц просили принять их в число членов; среди них есть если и не слишком учёные, то много знающие в каком-нибудь одном направлении, например по индусской литературе, и потому можно ждать от них интересного. Одного только можно опасаться, именно того, что у таких людей часто бывает особый привкус партийности и тенденциозности, а в большом количестве это почти невыносимо.

Тут собирается издаваться новый журнал «Весы»⁷; не знаю, будет ли он интересен или нет, а потому пока подожду решать вопрос относительно предложения, которое мне сделал Брюсов, — именно сотрудничать в нём. Пожалуйста, только об этом никому не говори. (...)

А. В. Ельчанинов — П. А. Флоренскому⁸

[19.01.1904. СПб. — Москва]

Дорогой Павлуша!

⁷ «Весы» — научно-литературный и критико-библиографический журнал русского символизма, который начал выходить в Москве с начала 1904 г. под эгидой Брюсова (просуществовал до 1909 г.). Руководитель стремился в противоположность «Новому пути» сосредоточить внимание своего издания на проблемах искусства как области, автономной от политики, религии, общественной проблематики.

⁸ Печатается с комментариями по: Переписка 1903–1908 гг. между А. В. Ельчаниновым и П. А. Флоренским / Публ. и коммент. Н. Н. Павлюченкова // Вестник ПСТГУ. Сер. I. Вып. 1 (33). М., 2011. (Далее: *Павлюченков*, ВПСТГУ 2011/1). С. 87–88.

Пишу тебе о том, что давно уже должен был написать тебе, но не мог по обстоятельствам, от редакции не зависящим. Только что пришел из редакционного собрания. Твоя статья очень понравилась Дмитрию Сергеевичу и Философову и пойдет в марте⁹. Вообще Дмитрий Сергеевич рассчитывает на тебя. Он очень просил, чтобы ты непременно написал к марту рецензию на 2-е издание Розанова «В мире неясности и т. д.»¹⁰, оно совсем переработано. Познакомился с Розановым и говорил с ним, но больше слушал. Он довольно много говорил, и насколько я понял, настаивал на том, что не видит реальности христианства («одни колонки, колонки — а продувает»). Пределами рецензии не стесняйся — хоть целую статью. Я очень рад, что мне удалось настоять, чтобы твою статью читал Дмитрий Сергеевич; благодаря этому она, кажется, не будет изуродована¹¹.

Он очень просил, чтобы я дал им для напечатания в отделе частной переписки твои письма с моими вопросами. Ответь скорее, сейчас же открыткой — согласен ли ты; если да, то пришли мои письма, которые имеют смысл и освещают твои ответы. Разумеется, я немного их подправлю в смысле стиля (и твои и мои).

Ну, пока прощай. Твой С. СПб. 1904 I/18. P. S. Печатание отчетов религиозно-философского собрания прекращено секретным распоряжением Синода¹².

⁹ Речь идет, по-видимому, о статье «Спиритизм как антихристианство», опубликованной в: *Новый путь*. № 3. С. 149–167.

¹⁰ Речь идет о: *Розанов В. В.* В мире неясного и нерешенного. Рецензию на эту работу Розанова П. Ф. не написал. Однако первый обмен дружескими письмами между ним и Розановым произошел еще в сентябре 1903 г.

¹¹ Тем не менее см.: *Флоренский П., свящ.* Сочинения: В 4 томах. Т. 1. С. 714. Примечания.

¹² Историю прекращения РФС и печатания их протоколов см.: *Половинкин С. М.* На изломе веков. О Религиозно-философских собраниях 1901–1903 гг. // *Записки ПРФС*. С. 506–509.

Р. Р. С. Сегодня я первый раз видел все собрание сотрудников (Минский, Философов, Розанов, Мережковские, Успенский, Тернавцев и др.)¹³. Все они настроены ужасно радикально. Некоторые из студентов сотрудников — наоборот, толкуют о священной особе царя, о помазаннике и т. д. И забавляются теоретизированием до того, что Философов назвал их баранами: правда, они ловко вывернулись, сказав, что и Христос был агнец, ввиду чего Философов счел нужным умолкнуть. Сам Дмитрий Сергеевич сказал громовую речь.

А. Е.

Андрей Белый — П. А. Флоренскому¹⁴

[24.01.1904. Москва — Сергиевский Посад?]

24 января 1904, Москва

Многоуважаемый Павел Васильевич¹⁵, у меня к Вам поручение: «Новый путь»¹⁶ через Философова поручил мне узнать адрес, имя и отчество Свинтицкого, а также просить передать ему свою просьбу о рассказах: «Новый путь» просит рассказов у Свинтицкого¹⁷. Во-вторых: не приготовите ли Вы что-нибудь для «Весов»¹⁸? Быть может, Вы сами

¹³ Речь идет, по-видимому, не о собрании сотрудников редакции «Нового пути», а о собрании членов-учредителей РФС.

¹⁴ Печатается с комментариями по: *Иванова*, 2004. С. 433–498.

¹⁵ По мнению Е. В. Ивановой, не исключено, что изменение отчества имеет подтекст (см. умышленное искажение имени Флоренского в письмах к нему Н. Н. Лузина, опубликованных в кн.: *Историко-математические исследования*. М., 1989. Вып. 31. С. 135). — *В. К.*

¹⁶ Флоренский опубликовал в «Новом пути» две статьи: «О суеверии» (1903. № 8) и «О символах бесконечности» (1904. № 9). Но он не считал близким себе это издание; свое отношение к «Новому пути» он выразил в письме к Белому от 21 мая 1904 г.

¹⁷ Рассказы Свинтицкого в «Новом пути» не обнаружены.

¹⁸ Флоренский опубликовал статью «Об одной предпосылке мировоззрения» в: *Весы*. 1904. № 9. С. 24–35.

зайдете в «Весы»? Редакция: Театральная площадь, Метрополь, кв. № 23. Лучше всего по вторникам от 6 до 7. Далее: не зайдете ли ко мне во вторник в 8 часов? У меня один товарищ будет читать свою драму. Наконец: 25 воскресенье, случайно я не могу быть дома.

Весь Ваш, Борис Бугаев

П. А. Флоренский — Ю. А. Флоренской¹⁹

[24.01.1904. Москва — Тифлис]

(...) Тут при университете несколько человек нас образовало кружок для занятий по истории и философии религии. Собрания наши немногочисленны и, может быть, потому интересны. Хочу скоро прочесть там реферат и сейчас строю его, но подвигается он медленно.

Пиши. Я тебя помню и не забываю, вспоминаю почти каждый день, но не пишу, потому что нет времени и устаю, да и не люблю писать. Не люблю я чучел, гербариев и т. п., а письма — нечто вроде того. Нужно было бы письма обрабатывать, чтобы они были «произведениями», тогда дух передаётся.

А так — раздавленный как-нибудь набок, искажённый и побуревший цветок, который не имеет никаких определённых очертаний, и сам засушивший его через несколько дней может не признать за свой. Уверен я, что от 9/10 своих писем, если бы мне их дали, я бы отрёкся, так всё не то и не то. (...)

Думаю, мы с тобой совсем разошлись во взглядах. Вероятно, ты становишься понемногу склонной к умеренному позитивизму на почве науки и т. п., а я со дня на день всё более наклоняюсь к монашеству для себя лично и теперь, кажется, вполне являюсь православным, разумеется, я говорю про мелочи, а не про главное, потому что

¹⁹ Печатается по: *Чертков*, 2017. С. 87.

в главное втайне я всегда, с самого малого детства, верил, но это оставалось до поры до времени совершенно обособленным ото всей остальной жизни, пока не просочилось всюду.

П. А. Флоренский — О. П. Флоренской²⁰

[24.01.1904. Москва — Тифлис]

Дорогая мамочка!

Пишу совсем второпях. Дело в том, что Лахтин²¹ советует подавать просто часть сочинения моего и держать экзамены. Приходится наскоро переписывать первую половину, доканчивать одновременно одну статью-реферат²², которую я обещал прочесть в филологическом обществе, и готовиться к лекциям. И всё это надо делать к самому скорому времени, чтобы после начать подготовку к экзаменам. Боюсь, что ничего не успею, так как времени очень мало, а своих обещаний не исполнить, конечно, не могу. Целый день пишу, так что ручка вываливается. Зато думаю по окончании этих ближайших работ устроить маленький роздых и на несколько дней уехать куда-нибудь поблизости.

У нас было как-то домашнее собрание религиозной секции. Читал сын профессора Бугаева одну свою статью, которая скоро выйдет в свет²³. Чем больше я узнаю его, тем более

²⁰ Там же. С. 87.

²¹ Леонид Кузьмич Лахтин (1863—1927) — математик, с 1896 г. профессор и в 1904—1905 гг. ректор Московского университета.

²² Возможны два варианта: статья «О символах бесконечности» или «Спиритизм как антихристианство».

²³ 15 января 1904 г. на квартире Эрна (Обыденский пер., д. Ковригина, кв. 44) собрался весь будущий костяк ХББ, в т. ч. Свенцицкий, Б. Е. и В. Е. Сыроечковские, Д. Д. Галанин (мл.), Д. В. Шер. Присутствовавший Блок аж потемнел: «Между этими всеми людьми что-то есть там тяжелое. Не нравится мне!» (См.: *Белый А.* Воспоминания о Блоке. М., 1995. С. 75). «Читаю реферат “Символизм и религия” в религиозно-фи-

понимаю, что это замечательная личность, глубокая и совершенно не имеющая в себе той вульгарности «практической» жизни, которая в большей или меньшей степени почти у всех, по крайней мере у очень многих. Даже на тех, кто был предубеждён против него, он произвёл в этот последний раз чарующее впечатление. Видел я его как-то на вечере, среди разных знаменитостей, людей, во всяком случае, талантливых и оригинальных более или менее. И все мне перед Бугаевым казались такими жалкими и ничтожными, хотя он почти ничего не говорил. (...)

А. В. Ельчанинов — П. А. Флоренскому²⁴

[25.01.1904. СПб. — Москва]

Дорогой Павлуша! Разумеется, я ни в каком отношении не могу и не сержусь на тебя. Я молчал, так как хотел написать тебе, когда получу ответ от madame Крайнего²⁵. Ответа этого я еще не получил, так как не был у них последнее время, мое мнение о твоей статье такое: содержание тем интересное, важное, хотя некоторые пункты мало доказательны (может быть, самые главные); но изложение и язык... неудобочитаемые. Ты, вероятно, писал прямо набело, иначе таких фраз, как «не фактов не признают», не было бы. Я исправил кое-где неудачные выражения, но не все, так как не считаю себя вполне компетентным и в этом. Зинаида Николаевна приняла эту вещь (Дмитрия Сергеевича не было дома!) и сказала, что она пойдет, если в ней не будет чего-нибудь декадентского (дура!). Я ее всячески убеждал

лософском кружке у Эрна. Долгая, “внутренняя” беседа со Свенцицким» (*Белый А.* Ракурс к дневнику. М., 2016. С. 349). См. также: *Белый А.* Символизм как миропонимание // Мир искусства. 1904. № 5.

²⁴ Печатается с комментариями по: *Павлюченков*, ВПСТГУ 2011/1. С. 88. Открытое письмо. Адрес: Москва, Остоженка д. Егорова, кв. 40. Санкт-Петербург 25 января. 1904. Москва 26.01.1904.

²⁵ Антон Крайний — псевдоним З. Гиппиус.

внимательнее отнестись к твоей статье, хотя чувствовал, что это бесполезно (т. е. убеждать ее). Когда узнаю об участии твоей статьи, то напишу подробнее.

Твой А. Е. СПб.1904 I/25

А. В. Ельчанинов — П. А. Флоренскому²⁶

[29.01.1904. СПб. — Москва]

Дорогой Павлуша!

Твое письмо было вдвойне приятно для меня как свидетельство твоего дружеского расположения ко мне и по своему содержанию. Впрочем, когда я писал это и когда вообще думаю о подобном, я помню твои слова о λόγος'е устройтеле, которые приемлю как истину. Прежде всего, спешу подтвердить твое предположение о моих словах насчет счастья — это, конечно, описка. Я не хотел в этом своем письме протестовать против оформливания хаоса, я высказался только против тех способов, которыми упорядочивается все «непорядочное»; во мне каждая жилка протестует против такого способа, который практикуется теперь и лучшее доказательство которого его полная бесплодность.

Несмотря на твой аргумент (о людоедстве), я все же плохо верю в прогресс — я думаю, людоедство есть теперь, потому что омар, устрица и т. д. представляются гораздо более привлекательными, а людей едят еще в больших количествах, только не гастрономы и не из желудочных побуждений.

Почему ты, Павлуша, называешь бегство в лес, в пустыню бегством от работы? Я представляю себе свое житье в лесу не иначе, как сопровождаемое непрерывной работой, размышлением, подготовкой, после которой только и можно идти к людям.

²⁶ Там же. С. 89. 29 января 1904. Москва. Б. Козихинский пер. д. Фроловой, кв. 9. Е. В. Ельчаниновой.

Ты, конечно, верно поймал кое-какие гедонистические и бесовские нотки в моем настроении. Действительно, иногда (но очень редко!) я рисую себе свою жизнь где-нибудь на острове Тихого океана, среди животных и цветов, без костюма, под горячими лучами солнца. Тогда мне ужасно близок Киплинг и Гамсун: («Пан»), хотя я знаю, что это — падение. Вопрос о природе, о моем к ней отношении, по-моему, дьявольски труден. Возьмем, например, такую гамму настроений: чувства умиления перед внешними формами, чувство своего родства, желание потонуть в ней — затем раствориться в природе, желание лечь на траву, стать на четвереньки, заблеть козлом, обратиться в фавна, гоняться за нимфами и т. д. Где тут служение хаосу и где синтезирующее начало? Я не могу здесь где-нибудь поставить границу. Я буду тебе крайне благодарен, если ты мне напишешь хоть на открытке, как ты справляешься с этими вопросами. Если возможно, держись сферы конкретного, так как я довольно слабо мыслю абстракциями.

Еще раз благодарен тебе за твою отзывчивость.

1904 I/29. СПб. Твой А. Е.

Собственно, все это вопросы Мережковского²⁷, но во мне они живут вполне самостоятельно.

Андрей Белый — П. А. Флоренскому²⁸

[11.02.1904. Москва — Москва]

11 февраля 1904, Москва²⁹

²⁷ Ср.: Письмо от 11 ноября 1902 г. В данном случае А. Е., похоже, истолковывает оппозицию духа и плоти у Мережковского как оппозицию культуры и природы, что, однако, вряд ли можно считать адекватной интерпретацией.

²⁸ Печатается с комментариями по: *Иванова*, 2004. С. 452.

²⁹ Открытое письмо. Датируется по почт. шт. В адресной строке имя и отчество Флоренского написаны верно.

Многоуважаемый Павел Васильевич³⁰, ректор, несмотря на мою просьбу, не разрешил мне присутствовать в Университете на заседаниях религиозно-философской секции³¹. С большим сожалением уведомляю Вас о своей невозможности быть в среду 11 февраля. Готовый к услугам,

Б. Бугаев

А. С. Глинка — В. С. Миролюбову³²

[20.02.1904. Самара — СПб.]

Самара 1904 20/II

Был, Виктор Сергеевич, я в Москве и надумал-таки зайти к Андрееву. Впечатление у меня получилось самое хорошее. Как я предполагал, к марксизму он относится совсем так равнодушно и подписался под письмом из тех сообщений, что ему враждебна проповедь христианства. Он говорил, что им хотелось поговорить об этом, собравшись как-нибудь с Вами всем вместе. Письмо же было как бы только призывом к этому. Вам он и ещё писал, впрочем. Они, по его словам, ничего, пожалуй бы, не имели бы против идеализма, но не хотят примириться с проповедью Бога. Еще говорил он, что они с Горьким и другими решили нигде не работать врозь, а всегда сообща... Говорил он об этом и о многом другом, но за всем сказанным явно чувствовалось, что ему меньше всего хочется ссориться и «Журнал для всех» он действительно ценит, знает, ценит и Ваши работы... И вообще выражал надежду, что все это уладится. Очень советовал мне побывать у Вересаева.

³⁰ См. примеч. к письму А. Белого П. Флоренскому от 24.01.1904.

³¹ Причина, по которой А. Белому не разрешали посещать собрания кружка, возможно, заключалась в том, что в 1903 г. А. Белый окончил курс университета и не был студентом.

³² Текст подготовлен к изданию А. И. Резниченко. Публикуется впервые. Оригинал: РО ИРЛИ. Ф. 185. Оп. 1. № 417. Л. 18—22 об.

Я и был у него, и он смотрит на их письмо не как на разрыв или войну, ну а скорее как на приглашение сговориться и выработать «конституцию» дальнейшей работы. Только дело в том, что конституция-то эта является делом очень трудным. Одно дело — это марксизм, под которым, как я и ожидал, он понимает главным образом социал-демократическое движение; я же имел дело только с его литературным одеянием. (...)

З. Н. Гиппиус-Мережковская — П. А. Флоренскому³³

[24.02.1904. СПб. — Москва]

24 февраля 1904 С.-Петербург, Литейный 24³⁴

Дмитрий Сергеевич получил Ваше письмо, очень благодарит Вас за несколько слов о романе³⁵. Мы оба, т.е. я и Дмитрий Сергеевич, большие поклонники кое-чего, что в вас есть. Ваши статьи всегда с радостью печатаем. Скоро будем в Москве и хотели бы познакомиться с Вами лично. Вашу статью «Две поэмы» (кстати сказать — заглавие ничего не дающее, а статья — много) — задержала цензура, надеемся — отдаст для мартовской книжки, которая выйдет скоро³⁶. А что касается «Юдаизма»³⁷ — то как его добыть?

Отдельно он не вышел, и оттисков нет, а прошлый год «Нового пути» ведь Вы имеете? Я уверена, что Вам его вы-

³³ Печатается с комментариями по: *Иванова*, 2004. С. 510.

³⁴ На бланке журнала «Новый путь».

³⁵ Вероятно, о романе «Петр и Алексей», который в этот момент печатался в журнале «Новый путь».

³⁶ Речь идет о рецензии Флоренского, опубликованной в мартовском номере «Нового пути» за 1904 г.: Спиритизм как антихристианство (По поводу двух поэм: «Лестница». Поэма в 7 главах А. Л. Миропольского, 1902; А. Белый. Северная симфония (1-я героическая), 1903).

³⁷ Речь идет о цикле статей В. В. Розанова «Юдаизм», которые печатались в журнале «Новый путь» в 1903 г. (№ 7–12).

сылали. Если (невероятно!) нет — напишите скорее, я исследую дело. Тем более это было бы досадно, что полных экземпляров за прошлый год у нас, кажется, сейчас уже и нет.

Ждем Вашего отклика

З. Гиппиус-Мережковская

А. В. Ельчанинов — П. А. Флоренскому³⁸

[1.03.1904. СПб. — Москва]

Отвечаю тебе, дорогой Павлуша, как только получил интересные тебя сведения. Дмитрий Сергеевич говорит, что ты ему писал о своей статье³⁹ как малодоступной публике. У него лично большое желание напечатать ее, но он боится Перцова и других. Поэтому он советует тебе сократить ее и отдать в «Весы». Я удивляюсь, Павлуша, почему ты не устроишь ее в целом виде в «Вопросах философии и психологии» — по-моему, ей как раз там место; а протекция у тебя для нее найдется и там⁴⁰: этот журнал имеет и солидный круг солидных читателей и не стесняется полной на-

³⁸ Печатается с комментариями по: Павлюченков, ВПСТГУ 2011/1. С. 90–91.

³⁹ Речь, очевидно, идет уже о другой статье Флоренского; скорее всего, это статья «Об одной предпосылке мировоззрения», действительно опубликованная в «Весах» (1904. № 9. С. 24–35) или «О символах бесконечности», которая все же попала в «Новый путь» (1904. № 9. С. 173–235).

⁴⁰ А. Е. намекает на участие П. Ф. в семинарах кн. С. Н. Трубецкого и Л. М. Лопатина. Вместе с другими участниками этих семинаров (а также семинаров П. И. Новгородцева и С. А. Котляревского) — В. П. Свенцицким и В. Ф. Эрном — С. Н. Булгаков, А. Е. и П. Ф. приняли впоследствии участие в ХББ и ряде других инициатив 1905–1907 гг., в которых пытались совместить проповедь аскетических идеалов православия и революционную социалистическую агитацию (см.: Колеров М. А. Не мир, но меч. Русская религиозно-философская печать от «Проблем идеализма» до «Вех». СПб., 1996. С. 225–279; *Он же*. Сборник «Проблемы идеализма» [1902]. История и контекст. С. 150–152).

учностью и серьезностью. Рецензию о Розанове присылай к апрельской книжке. Кстати, в № III будет коллективная статья о Розанове, которая будет тебе полезна.

Ну, это все, так сказать, официальный отдел. Теперь часть неофициальная. Да! еще немного — Мережковский усиленно расспрашивает о Свенцицком: что он? собирается ли присылать свой рассказ? Напиши о нем Дмитрию Сергеевичу; он будет очень рад. Скоро Мережковские будут в Москве и надеются с тобой увидеться. Твое сообщение о дальнейших твоих намерениях меня очень поразило. Монастырь? Но почему именно он? Я понимаю это только как желание устроить себе подходящую обстановку для размышлений, но никак не больше. Впрочем, прости, ты ведь обещал со мной говорить об этом летом. Я, разумеется, весь к твоим услугам. Меня только одно смущает (впрочем, не «только одно»), зачем тебе экзамены и диплом? Я это спрашиваю, потому что сам очень сомневаюсь сейчас насчет этого пункта — к чему делать одну лишнюю если не глупость, то бессмысленность (на экзамены я иначе смотреть не могу)?.. Я даже не начинал еще готовиться, так как не хочу проделывать никому не нужных фокусов. Твой ответ я приму как руководство для себя. Тороплюсь отослать письмо, и так я опоздал с сообщением насчет твоей статьи.

Твой А. Е. 1904 III/1. СПб.

П. А. Флоренский — О. П. Флоренской⁴¹

[3.03.1904. Москва — Тифлис]

Дорогая мамочка!

Уже давно я не писал тебе; всё нет как-то времени спокойного. Но сейчас я занимаюсь немного: всё равно во время экзаменационных занятий ничего не сделаешь, а подготовка к экзаменам у меня всегда идёт очень туго, в этом же

⁴¹ Печатается с комментариями по: *Чертков*, 2017. С. 91–92.

году особенно худо. Вся жизнь идёт слишком ускоренным темпом и очень интенсивно, так что формальности вроде экзаменов невыносимы. Да вдобавок ко всему за последнее время я приобрёл кое-каких новых знакомых, и отчасти благодаря их рассказам, отчасти потому что теперь, перед окончанием курса, все стали более откровенны, а многие и более цинично откровенны, мне пришлось видеть многие стороны университетской жизни, которые ранее старался не видеть. Столько сплетен, дрызг и подозрительных действий, что как-то хочется отстраниться от этой жизни. Впрочем, и помимо этого оставаться при университете я не думаю, даже если бы меня оставляли. Университет дал очень много мне и в смысле научном, и, пожалуй, в нравственном, потому что я там встретил некоторых лиц, с которыми схожусь в некоторых убеждениях, по крайней мере в положительном отношении к Церкви. Пожалуй, можно сказать больше. Оказалось, когда мы познакомились между собою, что у нас независимо друг от друга выработалась известная программа действий. Это, конечно, сильно сблизило нас, несмотря на значительное расхождение во многих теоретических вопросах. Но всё-таки мы волей-неволей образуем одну кучку: не ссориться же теперь, когда нас так немного (сравнительно) и когда одни с сожалением качают головою на нас, считая больными, другие кипят благородным негодованием на наш «обскурантизм» и сплетничают. Но кое-чего мы добиваемся, потому что, несомненно, движение растёт. Произвести синтез церковности и светской культуры, вполне соединиться с Церковью, но без каких-нибудь компромиссов, честно, воспринять всё положительное учение Церкви и научно-философское мировоззрение вместе с искусством и т.д. — вот как мне представляется одна из ближайших целей практической деятельности. В необходимости церковности я лично, да и многие, убеждены более, чем в чём-нибудь другом, и мне кажется, что было не только нелепо, но во многом и непоследовательно отрицать такую необходимость, как

это делалось и делается. А о содержании церковного учения, конечно, уж и говорить нечего. Впрочем, необходимость церковности вам более понятна, должно быть, папа, по крайней мере, поймёт; что же касается до догматов и таинств, то тут разговор чересчур длинный. Я подходил к этому с самого детства. Одно время эта потребность была особенно сильной, но вы не считали нужным обращать на неё внимания; потом она приняла очень теоретический характер и ослабла, пока наконец занятия математикой и философией не дали права и санкции развиваться таким запросам совершенно свободно.

Может быть, впрочем, это и к лучшему. Я долго голодал. Правда, это очень мучило, но зато теперь ценишь то, что имеешь, с особой напряжённостью. Может показаться иронией судьбы, что всё выходит наоборот, против намерений и планов наших, но приходится думать, что в такой иронии скрывается глубокий смысл.

Как-то на днях я познакомился с одним замечательным, хотя малоизвестным лицом. Это — лишённый епархии епископ Антоний⁴², личность очень интересная и высокая. На меня же лично он произвёл двойное впечатление, потому что манерами, лицом и даже голосом очень похож на тётю Юлю. Вдобавок к этому его фамилия «Флоренсов», и я думаю, тут может быть какое-нибудь родственное сходство. (...)

⁴² Антоний (Михаил Симеонович Флоренсов, 1847–1918) — епископ Вологодский и Тотемский, в 1895 г. уволен на покой, проживал в московском Донском монастыре. Был знатоком греческой античной культуры, обладал знанием основ философии, психологии, истории, искусства, литературы, математики. В его доме часто бывали С. М. Соловьев, В. Ф. Эрн, А. В. Ельчанинов, А. А. Блок, А. Белый. С 1904 г. и до своей смерти был духовным отцом П. А. Флоренского. Подр. о нём: *Ельчанинов А. Епископ-старец // Путь. 1926. № 4. С. 157–165.*

А. В. Ельчанинов — П. А. Флоренскому⁴³

[4.03.1904. СПб. — Москва]

Дорогой Павлуша! Ты писал как-то на днях, а еще раньше и говорил мне о целесообразности «института послушания» (прости за канцелярское выражение). Я не верю, что чужую душу можно делать такой или иной по произволу руководителя, и потому ничего не имею против этого принципа ни в теории, ни на практике. Я думаю, что руководитель, как бы силен он ни был, не может вложить в душу чего-либо существенно нового; он может только вызвать к жизни, поддержать, воспитать то, что есть. Впрочем — это все не то! Я хотел, Павлуша, чтобы ты немного помог мне разобраться в том хаосе, который господствует у меня в голове. Многое ты уже сделал своими письмами и разговорами, но во всем этом ты был слишком деликатно-отвлеченным, кроме твоего последнего рассуждения «о пользе университетского диплома»⁴⁴. Я знаю, не буду скромн, что если бы я мог сосредоточиться на одной цели, то кое-что я мог бы сделать; но целей слишком много, и каждая сомнительна: 1) я имею возможность остаться при университете (этого я не сделаю ввиду полной неспособности к чистой науке)⁴⁵; 2) быть учителем; 3) остаться здесь при образующемся здесь весьма интересном деле, «Педологическом институте»⁴⁶, куда меня тянут изо

⁴³ Печатается с комментариями по: *Павлюченков*, ВПСТГУ 2011/1. С. 91–92.

⁴⁴ Твое рассуждение это (прости, пожалуйста) сильно напомнило мне почтенного отца Сокол, советовавшего смело шагать через грязные лужи, надев предварительно «нравственные калоши». — *Примеч. А. Ельчанинова*.

⁴⁵ На полях карандашом, вероятно, рукой П. Ф.: «это и ко мне».

⁴⁶ В 1901 г. проф. А. П. Нечаев создал в Петербурге первую в России лабораторию экспериментальной педагогической психологии, где изучались особенности психики детей разных возрастов. В 1904 г. при этой лаборатории были открыты педагогические курсы. В этом же году в Петербурге В. М. Бехтеревым был создан Педологический и Психонев-

всех сил. Кажется, второй путь самый лучший. Меня ужасно радует, Павлуша, твое настроение. Сестра мне пишет, что ты последнее время совсем неузнаваем, редко ехидничаешь и придираешься⁴⁷. Напрасно ты не послал Дмитрию Сергеевичу того письма, которое ты приготовил ему⁴⁸. Ведь Зинаиде Николаевне послал же? Или это такая хитрость на посрамление дьяволу, «богопремудростное коварство»⁴⁹? Ведь пишешь мне об этом, почему бы не написать и Мережковскому. Правда, это может повести к маленькой ссоре, как это было у меня с ним в прошлом году, когда я ему прислал критику первого номера на 4-х страницах. Подробнее отвечу на твои письма (за которые я тебе очень благодарен) позже. Теперь зубрю всякую дрянь.

Твой А. Е.

Твое последнее письмо мне лично (почти все) разъяснило в твоих будущих намерениях⁵⁰, но все же с огромным нетерпением жду лета, чтобы поговорить с тобой как следует. Между прочим прими к сведению, что я буду спрашивать тебя по следующим пунктам: 1) какая твоя гносеология, где у тебя критерий истины; 2) смысл страдания в мире.

1904 III/4

рологический институты, основан журнал «Вестник психологии, криминальной антропологии и педологии» (См.: Интеграция образования. 2014. № 3. С. 142). — *Примеч. С. В. Черткова.*

⁴⁷ На полях карандашом, вероятно, рукой П. Ф.: «Едва ли когда-то с нею я был таков».

⁴⁸ Сохранившиеся письма П. Ф. к Мережковским, в том числе и письмо о «Новом пути», см.: *Иванова*, 2004. С. 508–517.

⁴⁹ В книге «Просветитель» (Слово 14, 4) прп. Иосиф Волоцкий утверждал необходимость «богопремудростного художества и богонаученного коварства» в борьбе с еретиками (то есть умение притворяться единомышленником, чтобы выведывать намерения), даже Богу приписывая хитрость и коварство. См.: *Казакова Н., Лурье Я.* Антифеодальные еретические движения на Руси XIV — начала XVI в. М.; Л., 1955. С. 186). — *Примеч. С. В. Черткова.*

⁵⁰ Речь идет, видимо, о планах П. Ф. поступать в МДА.

Л. Д. Зиновьева-Аннибал — М. М. Замятниной⁵¹

[17.03.1904. Москва]

17 Марта

Вчера приехали в 4 часа пополудни. Собирались сейчас же написать вам; только вымывшись, заехали на ½ часика! к Брюсову. Его не застали. Сказали: в «Скорпионе»⁵². Поехали туда. Там собрание: Бальмонт со «взором каторжника»⁵³, да еще затравленного и озлобленно-пугливого. Поляков⁵⁴ — очень бойкий, любезный, разговорчивый, деловитый, несколько незнакомцев и похудевший Поярко⁵⁵. Последний бросился к нам, как бы родные братья неожиданно явились. Бальмонт был сначала как бы очень рад знакомиться с Вячеславом и сказал это. С полчаса присутствовал и слушал беседу, но вдруг совсем как бы омарчился и ушел... Он имеет манеру Умолова⁵⁶ почти. Со мной поговорил о путешествиях в Палестину и Африку⁵⁷, но странно, отрывоч-

⁵¹ Печатается с комментариями по: *Богомолов*, 2009. С. 93–96.

⁵² В 1904 г. издательство помещалось по адресу: Москва, Театральная пл., д. «Метрополь», кв. 23.

⁵³ Отсылка к первой строке стихотворения Брюсова «К портрету К. Д. Бальмонта» (1899): «Угрюмый облик, каторжника взор!»

⁵⁴ Сергей Александрович Поляков (1874–1943) — купец, предприниматель, один из меценатов русского символизма, на деньги которого было основано издательство «Скорпион» и журнал «Весы». По образованию был математик, пробовал свои силы как переводчик. — *Примеч. Е. В. Ивановой.*

⁵⁵ Николай Ефимович Поярко (1877–1918) — поэт, литературный критик (псевд. Н. Ярко), примыкавший к кругу символистов; познакомился с Ивановыми летом 1903 г. в Париже, когда слушал лекции Иванова в Высшей школе общественных наук.

⁵⁶ Персонаж романа «Пламенники», поэт, прототипом которого послужил отчасти Бальмонт, отчасти С. П. Дягилев.

⁵⁷ Ивановы были в Палестине на Пасху 1901 г., попутно проездом побывав в Александрии и в Каире. Бальмонт, сколько нам известно, в Палестине не бывал никогда, а в Африке был в 1909 г. (Египет) и во время кругосветного путешествия 1912 г. Разговор, по всей видимости, был связан с планами Бальмонта, о которых он сообщал Брюсову 8 июня

но и мрачно. Неуютный и непонятный человек. Брюсов был очень радушен и прост. Смотрели новые издания и... обложку с рисунком женщины, рассыпающей звезды, одного совсем молодого художника — для «Прозрачности»⁵⁸. Есть легкость в рисунке. Недурно. Не портит и не громоздит книги. Книгу вот с минуты на минуту (2 часа дня) привезет сам Брюсов и сегодня же отошлет в цензуру. Всё устроилось, кажется, по желанию Вячеслава. Спросила Брюсова, читал ли он мои «Тени Сна»⁵⁹, он ответил: «Нет, буду читать в корректуре». Видишь, уважили без чтения. Странно делаются дела. «Северные Цветы» будут набираться летом, выйдут в Сентябре⁶⁰. Просят непременно «Гантала». Никто из Грифистов⁶¹ не будут, даже Белый и Бальмонт⁶². Посидев часок, все 6 человек (один незнакомый) пошли в Большой Московский Трактир⁶³, и Поляков настоял угостить ужином с обилием вина и ликеров. Вернулись в третьем часу ночи! Вот тебе и письмо домой. (...) Очень было интересно, очень, очень.

Друзья они литературные пока верные и спасительные. Очень интересовались, очевидно, Вячеславом. Я старалась быть очень умной, чтобы не подумали, что Вячеслав

1903 г.: «Осенью будущего года еду в кругосветное путешествие. Константинополь, Египет, вероятно, Персия, Индия, часть Китая, Япония. На обратном пути Америка» (*Брюсов В.* Переписка с Бальмонтом // Литературное наследство. Т. 98, кн. 1. М., 1991. С. 150).

⁵⁸ Обложку к «Прозрачности» делал близкий к «Скорпиону» художник Николай Петрович Феофилактов (1878–1941).

⁵⁹ Такое название получили «стихотворения в прозе» Зиновьевой-Аннибал, о которых речь идет выше.

⁶⁰ Альманах «Северные цветы ассирийские» вышел в свет лишь в начале 1905 г. Издание «Северных цветов» на 1904 г. не осуществилось.

⁶¹ Имеются в виду участники альманахов и издательства «Гриф», составлявшие некоторую конкуренцию «Скорпиону» и «Северным цветам».

⁶² Вопреки данному утверждению, Бальмонт в «Северных цветах ассирийских» участвовал (драма «Три расцвета»). Андрей Белый действительно в альманахе не печатался.

⁶³ Находился по адресу: Воскресенская пл., д. Карзинкина. Принадлежал С. С. Карзинкину и М. В. Селиванову.

из любезности приписал в своих сборниках моей башке [нрзб] цитаты из «Пламенников». Кажется, ничего была. Говорила с Поляковым о языках и о музыке, он очень, кажется, технически образован в музыке и истый лингвист, преславный малый⁶⁴. Но, оговорю, глубины не чувствует-ся у Скорпионских друзей, где ни тронешь, и тонкого истинного артистизма я тоже не замечаю что-то. Говорила, конечно, и о делах. Поляков сказал: «Если бы вы с осени приехали, то мы в две недели набрали бы, а то затруднение на затруднении, спросить некого, ну и откладываешь». Он обещал, если я останусь, то хоть в Марте!?? набрать. А «Пламенники» к осени. Очень может быть, что вернемся с нашим паспортом и еще раз приедем сюда осенью. Но это предположения! и пока ничего не ясно вполне. Да, вот ждем Брюсова: обещал принести и руготню Буренина в «Новом Времени!» на Вячеслава, но такую, какую никто из Скорпионцев не решался повторить⁶⁵. Валерий уже печатает от-

⁶⁴ О лингвистических интересах Полякова см.: *Брюсов В.* Переписка с С. А. Поляковым (1899–1921). С. 7.

⁶⁵ Сверху вписано: «10051, 27 февраля». Речь идет о неподписанной заметке в разделе «В журналах и газетах» (Весы. 1904. №3. С. 73–74). Поскольку до сих пор заметка не атрибутировалась Брюсову и не перепечатывалась в сборниках его произведений, приведем ее полностью: «Новое Время (№ 10051). Жаргон “лакейских” и “распивочных” для Буренина уже давно — привычный стиль. В своих последних фельетонах этот “критик” ставит себе только одну цель: сказать печатно как можно больше “непечатных” ругательств (...) Впечатление получается, конечно, омерзительное. Но нам стало почти страшно, когда он в пример “идиотской” поэзии выписал стихи Вяч. Иванова “Не извечно, верь, из чаш порфирных...” (из книги “Прозрачность”), которые для нас всегда были образцом чистой и глубокой поэзии, лучшим доказательством, какого сильного поэта имеет русская поэзия в лице их автора (...) Страшно потому, что почти немислимо допустить, чтобы до такой крайней степени можно было стоять “в разных плоскостях”. Но, впрочем (...) Вероятно, г. Буренину его фельетоны кажутся осмысленными речами, а мы, положа руку на сердце, клянемся, что почитаем их чистейшим образцом “идиотской” критики и критического тупоумия». В фельетоне В. П. Буренина и заметке Брюсова обсуждается стихотворение Иванова «Хмель» (См.: *Ива-*

ветную ругань в «Весах». Хорошо бы, вот круговая порука. Ругань на стихотворение из «Нового Пути» с моим эпиграфом: «Мир — хмель Божества». После Брюсова придет наш Поярков, который прямо захлебывается от радости. Какой милый, сердечный человек.

..... 9 вечера. Были оба. Брюсов так мил и любезен, что не узнаваем, прямо ухаживает за нами обоими. Поярков уходит. Вячеслав расцвел в... крапивнице. Укладываю его. Целую.

Л. Д. Зиновьева-Аннибал — М. М. Замятниной⁶⁶

[24.03.1904. Москва — Женева]

24 Марта. Среда.

Оторвал от письма приход Брюсова. Видимся каждый день. Но вернусь к Субботе. Мы попали в «Скорпион» по приглашению Брюсова. Пришел часов в 7 Бальмонт, посидели, пошли с Бальмонтом в трактир обедать. Здесь и началось несказанное. Очень быстро оба опьянели, т. е. Брюсов и Бальмонт (мы, конечно, нимало). Еще до пьянства Бальмонт говорил мне всякие восторженные вещи, вроде что знает, что я всё без слов пойму, что довольно взглянуть в глаза, чтобы видеть, что я имею силу всё высказать, и что всё это он понял, когда увидел на моем затылке завиток, которого я сама не знаю... и много еще совсем безумных и невозможных вещей, которые усиливались по мере вина. Он не позволял мне говорить с другими и всё жаловался, что нет цветов, и не выпито вино, и что перегородки между людьми, и он один. Объяснялся жарко в любви то мне, то Вячеславу, то Брюсову и весь дрожал каким-то иступленным желанием порвать перегородки между всеми нами.

нов В. И. Собрание сочинений Т. 1. С. 753) с эпиграфом из «Пламенников» (впервые: Новый путь. 1904. № 2. С. 79).

⁶⁶ Там же. С. 97–99.

Что касается Брюсова, то он пил мало, но внезапно побледнел и иступился по-своему мрачно и трагично, неопишимо. Он сказал мне о себе такие страшные признания, до того безвыходно трагичные, что я не смею верить в их действительность, и пришел в экстатическое помешательство на идее поклона в грязную землю Раскольникова. Но он был вменяем еще и даже незаметно пьян, мы трое пытались всеми силами утащить Бальмонта из трактира к Соколову⁶⁷ в «Гриф», куда нас звали к 9-ти вечера. Трудно было. Брюсов умолял меня «на коленях», как выразился, взять Бальмонта с собой на извозчика, потому что с нами он не поедет. В 12½ домчались до «Грифа», Бальмонт вел с собой со мной <Sic!> совершенно пристойно, хотя всё время продолжал объяснения в вере к моему таланту <Sic!> и в любви к каждому волосу на моей голове. В «Гриффе», т. е. у Соколова и его жены Нины Петровской, застали нескольких грифистов, и здесь-то началось совсем неопишемое. Это был не театр, а сон, и то кошмар, то сладкий восторг. Бальмонт говорил речь о «слове», слово — всё, слово прекрасно, слово жизнь, но нет, нет, не нужно слова, нужны облака, тающие, проплывающие, исчезающие, нужны облака...⁶⁸

⁶⁷ Сергей Алексеевич Соколов (1878—1936), поэт (псевд. Сергей Кречетов), издатель, владелец книгоиздательства «Гриф», впоследствии редактор журналов «Искусство», «Золотое руно», «Перевал».

⁶⁸ Н. И. Петровская, хозяйка вечера в «Гриффе», вспоминает: [21.03.1904. Москва]:

«На Страстной неделе, несмотря на все мои протесты, Сергей Кречетов пожелал устроить вечер, может быть последний в сезоне. К тому же в Москву приехал Вячеслав Иванов с женой, захотелось, как называется, перед ним блеснуть.

Приглашен был Валерий Брюсов, конечно, Бальмонт, аргонавты. (...) Длинный ужин тянулся, как бесконечный кошмар. Ужас, но много пили в тот вечер, и дело не обошлось без неприятного инцидента.

Эллис очень почтительно разговаривал с превращающимся уже в чудовище Бальмонтом, который, очевидно, заранее лил какую-то скверную

Говорил Брюсов о том, что он идет на поклон, лбом в грязную землю... были негодования слушателей, один господин плюнул в книгу и полез под стол (трезвый), всё было еще в кабинете. В столовой же Брюсов пригласил Вячеслава стать на колени перед Бальмонтом. Вячеслав сказал, что не стыдится стать на колени перед Богом в Бальмонте, но Бог мгновенен, и уже Бальмонт не тот, что был за минуту, и поэтому теперь он не встанет, и что тот же Бог и в нем, и в Брюсове, и во всяком художнике, и никто не знает, кто высший, если я сегодня, ты завтра, может быть. Тогда Брюсов стал на колени, и Бальмонт тоже, и стали целоваться друг с другом. Да, забыла, что в трактире они придумали 4-х поэтов России: Вячеслав Иванов, Валерий Брюсов, Константин Бальмонт и Андрей Белый, и всё время Брюсов и Бальмонт прокламировали это,

“пулю”. Эллис разыскивал не помню какую редкую английскую книгу и спрашивал Бальмонта, где ее можно достать.

— Она у меня есть, — сказал с непонятым вызовом Бальмонт.

— Да? Так Вы мне, может быть, ее одолжите дня на три? — Чудовище высокомерно прищурилось и зловеще прошипело:

— Нет! Вы можете посмотреть ее у меня в доме.

— Почему?

— Потому что иначе... Вы...

— Что?

— Вы можете ее присвоить!!

С грохотом опрокинулся стул, Эллис бросился с кулаками на Бальмонта. Их разнимали, как в кабаке. Покойная Зиновьева-Аннибал наблюдала эту сцену через лорнет.

Вячеслав Иванов мирил, но не примирил и, наконец, увел с собой Бальмонта.

Но, новичок в таком деле, поплатился всем остатком ночи, и Бальмонт до изнеможения таскал его по ночным притонам, а под утро привел на рынок к Сухаревой башне, купил копченого сига, фунт мороженой клюквы и пригласил пройти с утренним визитом к Валерию Брюсову.

Наученный горьким опытом, Брюсов его не пустил. С проклятием швырнув у двери подарки, Бальмонт скрылся в пространствах на три дня» (Жизнь и смерть Нины Петровской / Публ. Э. Гарэтто // Минувшее: Исторический альманах. Т. 8. Paris, 1989. С. 52–53).

на что Вячеслав и отвечал, что не согласен, ибо неизвестно, где и когда и в ком открывается Бог. Бальмонт говорил мне: «Знаете, вы знаете, ваш муж гений, он гений, да, он гений», и еще: «Знаете, я люблю Валерия, Валерий великий поэт, но я отдам всю его поэзию за два ваших слова!» — «Каких?» — «Кольца и Пламенники», потом, уже на улице, целовал мне руки и говорил: «Ну вот, теперь хорошо!» — и я: «Ну конечно, очень хорошо, ну и успокойтесь». Или жмет руки: «Я вас уважаю, я так уважаю, что не решаюсь поцеловать ваши холодные руки». Он так в «Грифе» командует: «Валерий, встань! Валерий, приди!», а Валерий: «Бальмонту покорствую!» И смех, и удивление, и граница шутовства, и... ну, «Паяц и Гений соприкасаются» Умолва. О, Умолва, Умолва, твой автор правда геньялен. Валерий причащал избранных сыром, требуя, умоляя нас всем святым принять от него священный кусочек, и всё время они оба глубоко мучились и бились. Валерий сказал в «Грифе» мне речь вроде: «Я читал только первую главу “Пламенников”, простите, простите! но я поэт, поэт видит глазами духа, и я знаю вас: вы царь, мы ваши рабы, мы: Валерий Брюсов и Сергей Поляков. Что бы вы ни велели, мы должны печатать, не рассуждая» и т. д. Уйти из «Грифа» было трудно, Валерий удрал раньше, а Соколовы умоляли нас, т. е. Вячеслава, меня и Пояркова увести совсем опьяневшего Бальмонта. Ведь он начал вечер со мной с того, что он корректный англичанин!! Ну, я его и стыдила, и умоляла, и сердилась, — не уходит да и всё. Часам к 3-м утащила его с лестницы под руку и силой [нрзб] и пошли по городу, он удирал со мной и не позволял оглядываться, а то станет и начинает объясняться в любви Вячеславу — гению! Бегали мы бегали, боясь покинуть этого несчастного человека. Время от времени он вдруг, плача, говорил мне: «Вы оставьте меня, я буду один, один, один». Что было дальше, во всех подробностях трудно [нрзб] рассказать. Напишу же только, что около пяти я их покинула и поехала домой, а Вячеслав еще утром в 10 часов,

рассказывая о том, как билась о препоны несчастная одинокая душа Бальмонта, — плакал. Часов в 6 утра Поярков покинул их, и Вячеслав странствовал вдвоем с Бальмонтом. Были они у немецкого поэта Бахмана⁶⁹, ритмического и поэтического человека, друга любимого Бальмонта. Были на рынке и приобрели 2 кумачовых платка соленой рыбы и кулек клюквы, причем Бальмонт гнал Вячеслава усиленно, и так как Вячеслав задумал привести его и сдать Брюсову и не уходил, то Бальмонт жаловался на рынке собирающимся вокруг них торговцам: «Вот иностранец привязался», или: «Это сумасшедший за мной увязался, возьмите его». Он требовал, чтобы Вячеслав нес ему клюкву, а когда Вячеслав отказался, то он разбросал соленую рыбу и клюкву на все стороны... Со всеми трудами мира удалось усадить его на извожика, где он то толкался и ругался, то приглашал к завтраку и говорил, что любит и привести его к Брюсовым, но здесь уже в передней Бальмонт улучил минуту невнимания, сорвался со скрипучих ступенек и скрылся за ворота⁷⁰.

⁶⁹ Георг (Егор Егорович) Бахман (1852–1907) — поэт, писавший по-немецки, преподаватель немецкого языка в московских гимназиях, друживший со многими символистами.

⁷⁰ Этот обширный фрагмент требует столь же обширных комментариев. Подводя итоги 1904–05 года в своей жизни, Брюсов записывал в дневнике: «Для меня это был год бури, водоворота. Никогда не переживал я таких страстей, таких мучительств, таких радостей. Большая часть переживаний воплощена в стихах моей книги “Stephanos”. Кое-что вошло и в роман “Огненный Ангел”. Временами я вполне искренно готов был бросить все прежние пути моей жизни и перейти на новые, начать всю жизнь сызнова. Литературно я почти не существовал за этот год, если разуметь литературу в Верленовском смысле. Почти не работал: “Земля” напечатана с черновика. Почти со всеми порвал сношения, в том числе с Бальмонтом и Мережковскими. Нигде не появлялся. Связь оставалась только с Белым, но скорее связь двух врагов. Я его вызвал на дуэль, но дело устроилось: он извинился». Ивановы присутствовали при начале этого «водоворота»: 9 / 23 марта, всего за два дня до выезда Ивановых из Женева, у Брюсовых второй раз (впервые —

24 Марта

2) Милая, было исписано еще 4 листа, и... не послано. Немного терпения, моя любимая, и мы будем вместе, прочитаем тебе те листы и всё до конца расскажем. Нельзя теперь: виденное, пережитое слишком безумно и сложно⁷¹. Да, рай-

в 1901 г.) родился мертвый ребенок. По крайней мере до мая месяца Иоанна Матвеевна была серьезно больна. Однако ни следа разговоров об этом в переписке Ивановых мы не находим: очевидно, от них Брюсов таил происходящее, хотя сообщал даже не самому близкому к нему человеку — М. А. Волошину.

Но, безусловно, следы этого тяжелого переживания усматриваются в том «исступлении», с которым Брюсов рассказывал Ивановым о себе, и в его желании покаяться, как Раскольников. На это накладывалось пребывание в Москве Бальмонта, который регулярно создавал вокруг себя атмосферу скандала и пьяного дебоша, поддерживаемого его ближайшим окружением, прежде всего «скорпионами».

⁷¹ Устное воспоминание об этом застолье Вяч. Иванова, записанное Ольгой Дешарт: «Много пили. Приближалась минута, когда совершенно пьяный Бальмонт, как это всегда с ним случалось, вдруг вскоит и убежит в холод, в ночь, неизвестно куда. На сей раз поручили приезшему гостю, новичку (...) догнать лавроносного беглеца и водворить его домой. Мороз трескучий. Вячеслав Иванович был в длинной шубе, меховой шапке и теплых ботах. Быстро двигаться ему было тяжело. Бальмонт выскочил без пальто и бежал с привычной пьяной легкостью. Все же Вячеслав Иванович ухитрился за ним поспевать. Но вдруг на каком-то перекрестке Бальмонт, увидев городского, со всех ног к нему разлетелся, за него спрятался и вызывающе ему бросил: “Избавьте меня, пожалуйста, от этого иностранца; он меня преследует”. Городовой обомлел, увидев перед собою важного барина без шубы, с лавровым венком вместо шапки, и только руками развел; тем он невольно преградил путь поспешавшему Вячеславу Ивановичу. А тут, откуда ни возьмись, оказался извозчик, на которого Бальмонт во мгновение ока вскоичил и так повелительно крикнул: “Гони!”, что тот помчался во всю мочь. Когда на других санях Вячеслав Иванович прилетел в дом беглеца и вошел через не запертую пьяным хозяином наружную дверь, он увидел Бальмонта в столовой спокойно и деловито подходящего к каким-то бутылкам. Но тот, сразу учуяв погоню, с кошачьей ловкостью выскочил в окно. Вячеслав Иванович бросился за ним через дверь, в ужасе, готовясь к страшному зрелищу, но тут же и успокоился, ибо вдали разглядел фигуру порученного ему поэта, который как ни в чем

ские были ароматы и зловония, но нет, лучше и это не считай сказанным. Общее прекрасно, и мы счастливы бездонно. Я как в волшебном сне любви Вячеслава, признания и уважения и больше того гораздо со стороны кружка. Нас так носят на руках, что всё кажется сном. Даст Бог, скоро свидимся, сестра. Всех целуем, папочку, [нрзб] деток.

Лидия

П. А. Флоренский — О. П. Флоренской⁷²

[25.03.1904. Москва — Тифлис]

Получил сейчас твоё письмо, дорогая мамочка, и вижу, что, как и ранее, ты совсем извращённо представляешь и мои настроения, и мои желания.

Ты непременно хочешь видеть во мне нечто, чего на самом деле нет, а если я заявляю об этом, то как-то отмахиваешься, а про себя думаешь: «это не настоящее, это только так, а настоящее — то, что я представляю». Вот и сейчас тоже, и знаю, что сколько бы я ни клялся и ни божился, что ценю, люблю и т. д. и т. д. науку, ты всё равно не веришь про себя этому и не поверишь. Точно так же, когда я говорил, что наука не может и у настоящего учёного не висит на воздухе, а опирается на религиозную жизнь, ты не веришь, чтобы я так думал на самом деле. Что я могу против этого, против такого недоверия, которое и ты, и папа проводите систематически в отношении ко мне? Приходится ждать, чтобы самое течение внешней жизни могло наконец заставить смотреть на дело без предвзятого мнения.

не бывало мчался прочь от него вдоль по улице. Убежал. На следующий день его нашли в каком-то притоне крепко спящим. А еще через день он уже заливался новыми песнями» (*Иванов Вяч.* Собрание сочинений. Т. 1. С. 72–73).

⁷² Печатается по: *Чертков*, 2017. С. 94–95.

Никогда ещё я не был так бодр, жизнерадостен, полон надежд и планов на будущее, как сейчас. Никакой реакции во мне не происходит, и я только привожу в ход программу, намеченную более 5-ти лет тому назад, хотя, конечно, теперь я её усовершенствую и разовью. (...) Я с несомненностью убедился, что в университете мне делать нечего. Если бы я мог сделать что, так это читать лекции общего характера, так называемые «ненаучные», с обобщениями, отступлениями, — словом, наполовину лирические.

К этому я стремился и стремлюсь до известной степени, но в университете теперь этого никому не нужно и таких лекций никто слушать не станет. Некому читать. Все заняты отметками, экзаменами и т. п. или ничего не делают. Если даже есть интересующиеся более бескорыстно, то они цепляются за какую-нибудь «специальность», не желая понять, для чего она и каков смысл всей работы. Я надеялся, что наше математическое общество расшевелит студентов. Может быть, что-то и выйдет из этого, но чтобы возбудить в массе жизнь, нужны совсем иные меры и «радикальные потребны тут лекарства». Так всё это сложно и так связано с основным — религиозным возрождением общества, которое, несомненно, начинается, что сейчас ближайшая задача — не моя, конечно, а задача времени — создать религиозную науку и научную религию. Я глубоко убеждён, что без религиозных интересов не может у серьёзного и вдумчивого человека быть каких бы то ни было идеальных интересов, иначе рано или поздно даже у самых высоких личностей произойдёт равнодушие и бесчувственность ко всему, кроме того, что непосредственно даёт о себе знать, и я хорошо помню свой страстный, но ото всех скрываемый пантеизм, который возбуждал особую любовь к исследованиям естественно-научным. Как только он временно ослаб, так все научные исследования показались ненужными и чуждыми. И сейчас естественные науки мне гораздо менее интересны, чем ранее, именно по той же причине; центр же тяжести перешёл на математику и т. п. (...)

Происходит глубоко сидящее, но с виду неприметное брожение. Трудно объяснить, в чём оно, а к чему направляется, вероятно, и никто не разъяснит. Оно, по-видимому, захватывает самые различные области, но мне лично думается, что наименее осознаваемым и в то же время самым интенсивным и глубоким его элементом является жажда возобновить понимание форм религиозной жизни. Это то, что хочется тут сказать с точки зрения, по которой религиозная жизнь есть одна из сторон культурной жизни. Но тут ещё многое можно и должно говорить с точек зрения, далее идущих в сущность дела, чем такая. Однако говорить это вслух, вероятно, было бы преждевременно.

В. П. Свенцицкий — П. А. Флоренскому⁷³

[30.03.1904. СПб. — Москва]

Приходите среду квартиру Шеру⁷⁴ буду ждать около девяти.

Свенцицкий

В. Ф. Эрн — А. В. Ельчанинову⁷⁵

[11.04 1904. Москва — СПб.]

Дорогой Саша!

Свенцицкий просил меня написать тебе о следующем. Его товарищ Вишняк написал какую-то вещь, не то поэ-

⁷³ Печатается с комментариями по: Переписка В. П. Свенцицкого и П. А. Флоренского / Публ. П. В. Флоренского, С. В. Черткова // Новый журнал. 2011. № 264. С. 124.

⁷⁴ С конца XIX в. дом семьи Шер (Остоженка, 1-й Зачатьевский пер.) стал местом сбора и общения гимназических знакомых Свенцицкого, впоследствии он с Эрном снимал там квартиру, где и была зарегистрирована канцелярия МРФО.

⁷⁵ Печатается по: *Чертков*, 2017. С. 96.

му, не то стихотворение в прозе (я как-то упустил это из вида) под заглавием «Три дня», и хочет послать их в «Новый путь». Не можешь ли ты обратить внимание Мережковских на него. Он еврей, довольно типичный и патриот, но как-то по-особенному настроен. Я его знаю только как человека: в личном общении он производит очень симпатичное впечатление. О его же литературных способностях ничего не знаю. Ну, это редакция увидит из самого произведения. Знаю только, что он очень остроумен. (...)

Ты, наверно, теперь зубришь, а я всё ещё не могу начать зубрить, пока только подчитываю, ибо всё почти время идёт на другое. Прости, что я тебе не оканчиваю письма. Но сейчас очень поздно, и у меня прямо перо валится из рук от усталости.

Твой В. Эрн.

П. А. Флоренский — О. П. Флоренской⁷⁶

[16.04.1904. Москва — Тифлис]

Дорогая мамочка! (...)

Был я недавно в Сергиеве, в Духовной академии. Свои впечатления я уж буду рассказывать по приезде домой. А теперь передам дело: ректор академии почему-то относится ко мне хорошо и предложил поехать с ним путешествовать по российским монастырям, между прочим, в Соловки. Для меня предложение очень заманчивое, так как, во-первых, я с ним смогу сойтись поближе, а во-вторых, имею возможность посмотреть такие вещи, какие иначе никак не смогу, и, главное, ознакомиться с бытом духовенства. (...)

Я писал тебе, кажется, о своём довольно близком знакомом Бугаеве-сыне. Недавно он выпустил сборник своих стихов «Золото в лазури»⁷⁷. Читала ли ты его? Я в полном

⁷⁶ Там же. С. 96–97.

⁷⁷ Книга вышла в марте 1904 г. — В. К.

восторге, несмотря на многие неумелости и слабости автора в деталях. Наконец-то в русской поэзии появилась свежесть и чистота. Как будто посыпался искромётный водопад драгоценных камней. Нет более грязно-серых тонов нашей живописи, запылённости чеховских настроений! Но одно скверно. Этот сборник не для публики, и $\frac{3}{4}$ там остаётся для посторонних совершенно непонятным. Если будет минутка свободная, непременно напишу восторженную критическую статью⁷⁸.

Целую тебя, дорогая мамочка, и всех вас. Твой П.

П. А. Флоренский — Андрею Белому⁷⁹

[22.04.1904. Москва — Москва]

22 апреля 1904, Москва

Многоуважаемый Борис Николаевич!

Если Вам желательно, то можно будет назначить заседание с Вашим рефератом на 28-е, а нет — так отложим до сентября.

Разрешите ли Вы написать Вам летом? Если да, то сообщите, пожалуйста, адрес. Когда вы уезжаете? Хотел бы видеть Вас, да не знаю, удастся ли.

Я говорил, кажется, Вам о журнале, который когда-нибудь мы станем издавать⁸⁰. Он, мне кажется, к Вам подхо-

⁷⁸ См.: *Флоренский П., свящ.* Сочинения в 4 томах. Т. 1. С. 695–699.

⁷⁹ Печатается с комментариями по: *Иванова*, 2004. С. 452.

⁸⁰ Мысль о необходимости издавать свой журнал настойчиво повторяется Флоренским и в последующих письмах. Однако в 1904–1905 гг. осуществить это намерение не удалось. Свенцицкий, Эрн и Флоренский тоже издавали сборники «Вопросы религии» (вышло два выпуска в 1906 и 1908 гг.), но программа этого издания не отвечала тем устремлениям, о которых пишет Флоренский, а была связана с «Христианским братством борьбы». В 1906 г. эти же участники на деньги А. В. Ельчанинова пробовали наладить попеременно в Москве и Тифлисе издание газеты, которая из-за цензурных преследований все время меняла название

дить по своему направлению и задачам будет вполне. Подумайте о нем, потому что, быть может, дело и не так далеко, как представляется сейчас. Подробности о нем расскажу, если хотите, в письме.

Искренне любящий Вас
П. Флоренский

Андрей Белый — П. А. Флоренскому⁸¹

[28.04.1904. Москва — Москва]

28 апреля 1904, Москва

Многоуважаемый и дорогой Павел Васильевич⁸², теперь уж, я думаю, поздно мне читать в кружке. До будущего года. Буду у Вас на днях. Скоро уезжаю из Москвы⁸³. Надеюсь, мы увидимся еще. Остаюсь готовый к услугам искренне преданный Вам Борис Бугаев.

В. В. Розанов — П. П. Перцову⁸⁴

[28.04.1904. Петербург]

Петр Петрович! Расхрабритесь-ка, батюшка: купите к майской книжке журнала у меня статью о Хомякове⁸⁵,

(«Наша мысль», «Ходите в свете», «Маяк», «Встань и ходи», «Маяк», «Вы еще спите?», «Духа не угашайте». Вышло около 10 номеров). Кроме того, они издавали «Религиозно-общественную библиотеку», выходящую двумя сериями — для интеллигенции и для народа.

⁸¹ Там же. С. 452–453.

⁸² См. примеч. к письму А. Белого П. Флоренскому от 24.01.1904.

⁸³ Лето А. Белый провел в своем имении Серебряный Колодезь Тульской губернии.

⁸⁴ Печатается с комментариями по: *Гончарова*, 2015. С. 153.

⁸⁵ Имеется в виду статья «Памяти А. С. Хомякова (1 мая 1804 — 1 мая 1904)» (Новый путь. 1904. № 6. С. 1–16; *Розанов В. В.* Собрание сочинений. Около церковных стен. М., 2010. С. 419–428), написанная к столе-

очень умеренно-удачную и уже почти готовую, принеся сегодня вечером 100 рублей (меньше нельзя). Получу деньги — буду кончать; нет — нет! Я же весьма нуждаюсь в деньгах, ибо в «Новом времени» за войною⁸⁶ статьи (передовые)⁸⁷ вовсе не идут 3-ий месяц, а Дягилев всё не собрался уплатить мне обычный годовой гонорар⁸⁸. Я хотел у Вас просить 200 рублей, но боюсь испугать.

Ваш В. Розанов.

П. А. Флоренский — В. Ф. Эрну⁸⁹

[Начало мая 1904. Петровско-Разумовское — Москва]

Иногда кажется, будто я умер, даже не иногда, а всегда, когда я один. Ждешь в каком-то чистилище последнего, завершительного. Но если не наступила окончательная полнота, то всё случайное ушло; сделалось злое таким ничтожным

тию со дня рождения А. С. Хомякова. Розанов дал весьма критический отзыв о Хомякове. Судя по письму, в «Новом пути», вопреки устоявшемуся мнению о безгонорарном характере издания, вероятно, гонорары иногда платили. В начале существования журнала оплата авторам предполагалась. 17 января 1902 г. Перцов писал Розанову: «Видно, что Вы привыкли к суворинской пышной трапезе. У нас, батюшка, таких соусов не будет. (...) Дайте утвердиться на крепком устое, а тогда хоть по-федоровски швыряться николайдорами будем. Ведь сейчас ни кола, ни двора» (РГАЛИ. Ф. 1796. Оп. 1. № 83. Л. 3).

⁸⁶ Русско-японская война началась 27 января 1904 г., когда японский флот без объявления войны атаковал русскую эскадру, стоявшую в Порт-Артуре.

⁸⁷ Передовые статьи в «Новом времени» шли без подписи Розанова.

⁸⁸ Речь идет об оплате за статьи в журнале «Мир искусства», где С. П. Дягилев был редактором-издателем. Розанов печатался в журнале с момента его возникновения. В 1904 г. вышли последние четыре номера журнала, после которых журнал прекратил свое существование. Последней публикацией Розанова в «Мире искусства» стала статья «Что сказал Тезею Эдип (Тайна сфинкса)» (1904. № 2. С. 33–42).

⁸⁹ Печатается с комментариями по: *Чертков*, 2017. С. 97.

и незаметным в общем, в целом, что как-то и не замечаешь его. Это — специально коджорское настроение; вне времени и пространства, особенно вне времени, ходишь... «Только отблеск, только тени...»⁹⁰

Вот я снова в Коджорах. Тот же, прежний ветер бессильно хочет сорвать деревья с земли, тот же пронизывающий холод, тот же разговор за стеною. Почти не можешь решить, был ли я уже или буду там, на земле. Т. е. я не сомневаюсь, конечно, что это я, Павел Александрович Флоренский, пишу что-то бессвязное, но это — эмпирически, на этом надо сосредотачиваться. А когда не думаешь, то и не знаешь... Личины уплыли куда-то, будто их не было. Будто личин не было и они хранятся только в виде бледных воспоминаний. Я = я, только это не есть «я», моё, оно тоже уплыло ещё дальше других, это «Я», и в него входишь таким малым со смиреньем, что, думается, и не найдёшься в Нём. «Спиритуалисты напрасно против этого говорят. Так уж самим Богом устроено...»⁹¹

Всю силу приходится напрягать, чтобы вспомнить об экзаменах, о их существовании. Не то что готовиться. И тем тянутся года.

«Куда-то, куда-то в безвестность».

Свистят паровозы, проходят поезда. Несутся, суетятся. Это надо там, надо накопить богатый гардероб, личин-массок. Вроде воспитания и образования «я». Пускай же себе поучится, «развивается». Но так ясно, так ясно, куда все паровозы идут, перед какой станцией свистят и вызывают грудными контральто⁹². Могу повторить Козьму Пруткову: «Не-

⁹⁰ Цитата из стихотворения В. С. Соловьёва «Милый друг, иль ты не видишь...» (1892).

⁹¹ Парафраз слов городничего из комедии Н. В. Гоголя «Ревизор» (1836): «Нет человека, который бы за собою не имел каких-нибудь грехов. Это уже так самим Богом устроено, и вольтерьянцы напрасно против этого говорят».

⁹² Ср.: «...за пестрым калейдоскопом жизни я вижу неподвижную, мрачную стену, к которой все так стремительно несутся... Смерть сто-

сусь я точно так, но двигаюсь вперед, а ты несёшься сидя»⁹³, т. е. наоборот это нужно сказать: я несусь сидя, а паровоз — двигаясь вперед. Хотя неизвестно, кто окажется дальше и кто «нанесёт» больше. Вы не смущайтесь, дорогой Володя, моими вульгарностями. Они сейчас не вульгарности, а чем будут завтра, уж не знаю. А теперь буду бредить и брести извивчатыми тропинками (...)»⁹⁴

Тут есть несколько комнат пустых, пока ещё не сданных, так что, если Вы или Свенцицкий захотите приехать, я могу предоставить свою комнату в полное распоряжение, а сам быть в других, и Вы сможете заниматься, как будет угодно.

Тут соловьи, ландыши, берёзки, и, для полноты, не хватает грибов. Впрочем, может быть, они и имеются, только я их не видал покудова.

В. П. Свенцицкий — П. А. Флоренскому⁹⁵

[15.05.1904. Москва — Петровско-Разумовское]

Голубчик Флоренский! Мне Эрн говорил, Вы очень заняты, — к тому же ему нельзя приехать ко мне раньше 17. По-

ит поперёк дороги» (Свенцицкий В., *прот.* Собрание сочинений. Т. 1. С. 111, 141); «очевидно, стена уже перед нами, и мы уже упираемся в неё, не желая только в этом сознаться» (Эрн В. Сочинения. М., 1991. С. 173).

«Вся кипучая деятельность, вся лихорадка, вся изобретательность XIX века и всё тому подобное, принимаемое за прогресс в каком-то туманно-идеальном смысле, есть не что иное, как стихийное, стремительное бегство баранов к пропасти, чтобы скорее, как можно скорее, самым передовым образом упасть в пропасть и разбиться вдребезги» (Свенцицкий В., *прот.* Собрание сочинений. Т. 1. С. 136).

⁹³ Цитата из басни «Чиновник и курица».

⁹⁴ Лист оборван, следующие абзацы написаны на его обратной стороне.

⁹⁵ Печатается с комментариями по: *Чертков*, 2017. С. 100. Открытка. Адрес: Петровский парк, Старо-Разумовское шоссе, дача д-ра Кёппе, № 3 В. И. Звереву для передачи П. Флоренскому. Штемпели: Москва 14.V.1904; Петровско-Разумовское 15. V.1904.

этому я решил перенести Ваш визит ко мне на 22 мая⁹⁶. Как Вы на этот счет думаете?

В. Свенцицкий

П. А. Флоренский — В. Ф. Эрну⁹⁷

[*Май 1904. Петровско-Разумовское — Москва*]

Дорогой Володя! Стоит мне только сделать маленький шаг для эмпирического разделения, чтобы я почувствовал со всею силою, на какую вообще способен, как люблю всех вас: «...растёт восторг одиночества пирный»⁹⁸, остаюсь один, я делаюсь внешне ненормальным. Но тут-то — я не могу выразить это в прозе, когда-нибудь попытаюсь в поэзии, — появляется совершенно особое состояние любви — сознание близости того, что стало эмпирически далёким. Любовь *an und für sich*⁹⁹ — независимая от каких бы то ни было эмпирических проявлений и стремлений. Внутренне — зачем? Ведь вижу в нусе¹⁰⁰. Быть вместе — но ближе быть нельзя. «Ярким солнцем в лесу пламенеет костёр, и, сжимаясь, трещит можжевелник. Точно пьяных гигантов столпившийся хор, вон качается с важностью ельник. Я и думать забыл про холодную ночь...»¹⁰¹ Тут холодно, как в Коджорах. Шумит ветер в соснах, солнце золотит верхушки. На сосенках — янтарно-жёлтые свечки.

⁹⁶ По-видимому, именно в этот день на квартире Эрна (Обыденский пер., д. Ковригина, кв. 44) состоялся философский спор, о котором говорится в следующем письме.

⁹⁷ Там же. С. 97–98.

⁹⁸ Цитата из стихотворения А. Белого «Все тот же раскинулся свод...» (1902).

⁹⁹ В себе и для себя (*нем.*).

¹⁰⁰ Нус (*греч.*) — ум, мысль, разум.

¹⁰¹ Искаженная цитата из стихотворения А. А. Фета «Ярким солнцем в лесу пламенеет костер...» (1859).

Вступаешь в готический собор. Всюду миленькие листики клейкие-пахучие. Идёшь по лесу и не удаётся проходить мимо стволов без слёз и объятий. Помню, в детстве я плакал над цветами, думая, что обижаю их; пренебрегаю фиалками, когда не могу собрать всех, обещал в другой раз прийти. А когда вырос, полюбил особенно стволы, и каждый будто просит, чтобы и его обнять. Вам кажется диким — ничего, — но я не фантазирую, думая, что стволы говорят: «Не можем, не можем, не можем сами подойти. Не можем обнять. Хотим и ждём от вас». Висят смешные червячки-сережки, будто обученные, качаются ловко. Лес поёт — не шумит, это особо. Слышали ли вы хор леса — хорал славящий и страшно грустный, хотя торжественно-чинный.

Всё моё несчастье, что я могу быть самим собой, только когда я сам с собой — с Матерью. А с братьями делаюсь невыносим (и для них, и для самого себя). Нужно очиститься. «Я и думать забыл про холодную ночь, уж прошло, что меня волновало». Но может быть, если опьяняться почаще земным океаном — дрожащими сладко осиновыми листиками, если почаще иметь возможность обнимать грубые тёплые стволы и делать безумства в готических храмах — тогда — лично, индивидуально по крайней мере, быть может и удастся наконец выявить искупление. Володя, не забывайте (кажется, с Вами это случается), что искупление есть факт, а не ожидаемое.

Может быть, надумаете приехать. Тут можно оставаться сколько угодно, только не могу обещать, что Вам будет очень удобно. Хотя не знаю.

Нет больше бумаги¹⁰². Целую Вас, дорогой Володя. Иисус Христос с Вами. П.

¹⁰² Письмо написано на схеме расположения дачи доктора Кёппе вблизи старого Петровско-Разумовского шоссе, куда Флоренский переехал в мае 1904 г. для подготовки к выпускным экзаменам.

Андрей Белый — П. А. Флоренскому¹⁰³

[15.05.1904. Серебряный Колодезь — Москва]

15 мая 1904, Серебряный Колодезь

Многоуважаемый и дорогой Павел Васильевич¹⁰⁴, ужасно сожалею, что не мог с Вами проститься, но я был очень занят последние дни перед отъездом. Мне бы очень хотелось узнать о результатах Вашего экзамена¹⁰⁵ и о Ваших дальнейших планах. Быть может, Вы мне напишете два слова? Мой адрес: Тульская губерния, г. Ефремов, сельцо Серебряный Колодезь. Мне. Буду очень рад иметь от Вас известия. Мой поклон Эрну и Свинтицкому, если их увидите. Остаюсь искренно преданный Вам Б. Бугаев

П. А. Флоренский — Андрею Белому¹⁰⁶

[21.05.1904. Петровско-Разумовское — Серебряный Колодезь]

21 мая 1904, Петровско-Разумовское

Многоуважаемый и дорогой Борис Николаевич! Мне жаль, что не удалось увидеть Вас, тем более что были кое-какие дела. Одно из них вот какое: помнится, я говорил Вам уже, что мы, наш кружок, собираемся впоследствии издавать журнал — нечто вроде органа «ордена»¹⁰⁷. Журнал должен быть посвящен вопросам религии, причем можно подступаться со всех сторон к ним: от философских

¹⁰³ Печатается с комментариями по: *Иванова*, 2004. С. 493.

¹⁰⁴ См. примеч. к письму А. Белого П. Флоренскому от 24.01.1904.

¹⁰⁵ Флоренский сдавал выпускные экзамены на физико-математическом факультете Московского университета и заканчивал кандидатское сочинение «Об особенностях плоских кривых как мест нарушений прерывности». Университет он окончил с дипломом I степени, получив предложение остаться для продолжения работы на кафедре математики.

¹⁰⁶ Там же. С. 493–494.

¹⁰⁷ Вокруг Флоренского, Эрна и Свенцицкого в эти годы существовал круг единомышленников среди соучеников по университету.

и мистических произведений до научных и исторических, включая чисто поэтические (например), как Ваши стихи, вот диапазон. «Новый путь» во многом не удовлетворяет; редакция боится серьезности, недостаточно обдумала, что она, собственно, хочет говорить и т.д. Наша задача — дать заранее обдуманый и единый по настроению периодический орган, который имел бы не временное значение, а сохранил бы ценность, как книга.

Ввиду этого мы думаем, что необходимо тщательно подготовить материал на 1½—2 года заранее, заранее подготовить номера и хорошо спеться. Главное — иметь материала настолько, чтобы можно было выбирать лучшее. Наш кружок уже сговорился между собою, что каждый думает приготовить. Среди других Вам известных лиц (т.е. Эрн, Свенцицкий) будут еще Ельчанинов и кое-кто, кого Вы не знаете. Кроме того, я имею в виду еще кое-кого. Издаваться журнал сможет не особенно скоро — не ранее, чем через 1½—2 года, потому что всем нам предстоят серьезные работы.

Конечно, Вы нас мало знаете: но если Вы не имеете ничего против, то, может быть, захотите присоединиться к нам и готовить за этот срок что-нибудь в указанной рамке (она настолько широка, что едва ли стеснит Вас). Мы будем Вам рады, как Вы и сами знаете. Для Вас лично тоже имеется выгода, та именно, что никто не станет гнуть Вас по-своему и ломать, а главное, не станет бояться специальной или трудной работы. Ваши литературные произведения будут принимаемы с еще большей охотой. Но, как я уже писал, мы все будем относиться друг к другу строго, потому что исполняем долг и не занимаемся приятным времяпрепровождением. Смутит ли Вас такое обстоятельство?

Если Вы увидите Соловьева¹⁰⁸, то расскажите ему, но далее, пожалуйста, этих сведений пока не пускайте: к чему шуметь, пока еще ничего нету.

¹⁰⁸ Сергей Михайлович Соловьев (1885–1942) — сын младшего брата Владимира Соловьева — Михаила Сергеевича. Окончил Московский универ-

Оказывается, что сюда приезжали Мережковские (они не нашли меня, так как я переехал на дачу), теперь уехали в Грецию.

Напишу Вам, дорогой Борис Николаевич, толком после: теперь одурел от экзаменов, да и времени нету.

Мой адрес: Тифлис, Николаевская, 67, П. А. Флоренскому.

Как идет у Вас чтение Вронского¹⁰⁹? Очень интересно, справитесь ли, — интересно, потому что собираюсь в будущем году читать его и несколько опасуюсь, что вполне, во всех оттенках не уразумею.

Эрн Вам просил передать поклон. Увидимся?

Ваш П. Флоренский

ситет (1911) и МДА (1918); близкий друг Андрея Белого, поэт-символист; Флоренский, будучи редактором «Богословского вестника» (1911–1917), опубликовал ряд его статей. В 1916 г. принял священный сан, в 1920 г. преподавал в Москве в основанном В. Брюсовым литературно-художественном институте. В том же году вошел в общину русских католиков восточного обряда. С 1924 г. служил в костеле Непорочного Зачатия на Малой Грузинской улице в Москве, занимался переводами и преподавательской деятельностью. Арестован в 1931 г. Психически заболел в ходе следствия; скончался в госпитале для душевнобольных в Казани.

¹⁰⁹ Юзеф Вронский-Гёне (Wroński-Noene, 1778–1853) — польский философ, мистик и математик, автор работ «Мессианизм как конечное объединение философии и религии, образующее абсолютную философию» и «Метафизика мессианизма». В «Ракурсе к дневнику» Андрей Белый отметил чтение работ Вронского в марте 1904 г.: «Пробую читать мистика Вронского. И все это для того, чтобы бороться с вредными тенденциями медиумизма и магии, которые усиленно насаждают А. А. Ланг, Брюсов и композитор Ребиков, с которым знакомлюсь» (*Белый А. Автобиографические своды / Составление: А. Лавров, Дж. Малмстад, К. Плотников, научн. ред. М. Л. Спивак. М.: «Наука», 2016. (Далее: *Белый А. Автобиографические своды*). С. 350*). А. Белый заинтересовал работами Вронского и Флоренского, на которого они оказали некоторое влияние.

Вяч. И. Иванов — Андрею Белому¹¹⁰

[23.05.1904. Москва]

23 мая, 04.

Дорогой Борис Николаевич, — Вашу проникновенную и так много говорящую мне статью¹¹¹ было позволено мне прочесть в рукописи, — и счастлив был я и глубоко тронут Вашим посвящением¹¹²: спасибо Вам за честь и память! Но помогите нам здесь выйти из затруднения, в которое ставит, особенно меня лично, решительно слишком пышная формулировка посвящения, не приемлемая для моего и литературного, и религиозного — в Дионисе — смирения. Мы уже думали было самовольно заменить «провозвестника» хоть словом «проповедник», что ли, или вовсе опустить указание на связь идеи статьи с задачами лица, отличенного посвящением.... — Странно ведь, — едва сведя знакомство¹¹³, почувствовать разлуку как тяжесть и ущерб. А между тем Ваше

¹¹⁰ Печатается с комментариями по: Переписка Андрея Белого и Вячеслава Иванова (1904–1920) / Вступ. статья, подг. текста и коммент. Н. А. Богомолова и Дж. Малмстада (США) // Русская литература: Историко-литературный журнал. 2015. № 2. (Далее: *Богомолов, Малмстад*, 2015). С. 37–39.

¹¹¹ Имеется в виду статья Белого «Маска» (Весы. 1904. № 6. С. 6–15).

¹¹² Журнальная публикация «Маски» открывается словами: «Посвящено Вячеславу Иванову, проповеднику дионисизма». Ср. запись об апреле 1904 г. в «Ракурсе к дневнику» Белого: «Встреча с Вячеславом Ивановым в Москве — всюду: проблема дионисизма; темы “религии страдающего бога”» (*Белый А.* Автобиографические своды. С. 351). В это время книга Иванова о Дионисе «Эллинская религия страдающего бога. Опыт религиозно-исторической характеристики» печаталась в № 1, 2, 3, 5, 8, 9 «Нового пути» за 1904 г. При перепечатке «Маски» в сборнике статей Белого «Арабески» (М., 1910. С. 130–137) текст был несколько сокращен: «Посвящено Вячеславу Иванову».

¹¹³ Согласно «Материалу к биографии», Белый познакомился с Ивановым на Пасху 1904 г., 28 марта, когда тот явился к нему с визитом. Однако 30 марта Л. Д. Зиновьева-Аннибал извещала М. М. Замятинну: «С Белым еще не видались, до Фоминой его нет в Москве» (*Богомолов Н. А.* Русская литература начала XX века и оккультизм. М.: Новое литератур-

отсутствие для меня именно ущерб и разлука...¹¹⁴ — Говорил о Вашем намерении слушать в университете «de omnibus rebus et quibusdam aliis»¹¹⁵ с одним из членов соответствующего этой программе факультета, Сергеем Андреевичем Котляревским. Конечно, живо протестует — не хотят Вас к себе *ἀνδρες φιλόλογοι!*¹¹⁶ — и верит, как я, в здоровый воздух «der philosophischen Facultaten»¹¹⁷ <Sic!> за границей¹¹⁸. Жена¹¹⁹ вчера уехала в Петербург к семье своего брата¹²⁰, который только что потерял на войне старшего сына¹²¹. Ми-

ное обозрение, 1999. (Далее: *Богомолов*, 1999.) С. 103). Фомина неделя в тот год начиналась 5 апреля.

¹¹⁴ 4 мая 1904 года Белый уехал из Москвы в имение Серебряный Колодезь. «Я в деревню уезжаю сегодня», — сообщал он в этот день А. С. Петровскому (Андрей Белый. Алексей Петровский. Переписка 1902–1932 / Вступ. статья, сост., коммент. и подг. текста Дж. Малмстада. М., 2007. С. 85).

¹¹⁵ Обо всех вещах и кое о чем еще (*лат.*).

¹¹⁶ Мужы-филологи (*греч.*).

¹¹⁷ Философских факультетов (*нем.*).

¹¹⁸ 12 августа 1904 г. Белый сообщил П. А. Флоренскому: «Подал прошение в Университет» (*Иванова*, 2004. С. 466). Он поступил на историко-филологический факультет Московского университета в сентябре 1904 г. Иванов учился как на историко-филологическом факультете Московского университета, так и в Берлинском университете.

¹¹⁹ Л. Д. Зиновьева-Аннибал. В это время готовилась публикация в издательстве «Скорпион» ее драмы «Кольца» (М., 1904) и муссировался вопрос о печатании романа «Пламенники», так и оставшегося незавершенным и неизданным.

¹²⁰ Александр Дмитриевич Зиновьев (1854–1931) — брат Л. Д. Зиновьевой-Аннибал. С 1903 г. был петербургским гражданским губернатором.

¹²¹ Александр Александрович Зиновьев — сын А. Д. Зиновьева; после окончания Пажеского корпуса в 1900 г. служил в Конногвардейском полку. С началом Русско-японской войны, как и пишет Иванов, перевелся во 2-й Читинский полк Забайкальского казачьего войска и был убит 10 мая 1904 г. при разведке Хабалинского перевала. См. в дневнике современника: «Получено известие о смерти бывшего конногвардейца хорунжего Зиновьева, загадочно убитого во время рекогносцировки. Это третий офицер конной гвардии, выбывший из строя: первый был Соловьев, умерший сумасшедшим, второй фон Валь, раненый

лый юноша, вполне καλός καγαθός¹²² — перешедший сотником в Читинский казачий полк, чтоб сражаться, — был

и взятый в плен» (*Квитка А.* Дневник Забайкальского казачьего офицера. Русско-Японская война 1904–1905 гг. СПб., 1908. С. 85). В 1907 г. его останки были перезахоронены. См. также: «Узнав о смерти сына, Александр Зиновьев обратился к нейтральной стороне — в британское посольство, с просьбой помочь выяснить обстоятельства гибели. Англичане с уважением отнеслись к просьбе петербургского губернатора, связались с Токио и вскоре получили ответ: японцы прислали не только карту с обозначением места гибели сотника Александра Зиновьева, но и личные вещи погибшего. Отец пожелал перенести останки погибшего сына на родину, и эта просьба была выполнена. В указанном на карте месте на небольшом холме оказался столб, на котором значилась фамилия Зиновьева, написанная на французском языке. Когда могилу вскрыли, то в ней нашли лишь останки, и только по двум золотым вставным зубам смогли точно определить, что останки, действительно, принадлежали сотнику Зиновьеву. 19 мая 1907 года останки сотника Зиновьева доставили в Петербург по Николаевской железной дороге. “Прах покоится в металлическом гробу, покрытом венками из живых цветов, — сообщала “Петербургская газета”. — После краткой литии гроб с останками сотника перевезли на Балтийский вокзал для отправки в имение». У этой истории оказалось необычное, очень знаковое продолжение. Представители православной миссии митрополита Николая в Японии разыскали в лазарете раненого японского офицера — того, который убил в перестрелке сотника Зиновьева. Они сообщили в Петербург его адрес, а также адрес его родителей. Петербургский губернатор написал туда письмо — и получил ответ. Как бы это ни казалось удивительным, но между семьями японского офицера и петербургского губернатора возникла тесная связь и длительная переписка. И те и другие понимали, что в трагической гибели сотника Зиновьева была виновата война, сделавшая людей врагами и пославшая их убивать друг друга. И еще один удивительный факт: японский офицер, который сошелся в роковой схватке с сотником, каждый год на протяжении многих лет, до 1950-х годов, проводил в Японии панихиды по убитому им в бою Александру Зиновьеву» (*Глезеров С.* На графских развалинах // Вести (<https://culture.wikireading.ru/2058>).

¹²² Такой, как следует быть (*греч.*).

окружен японцами в разезде близ Хабалина и, защищаясь от них один, был убит¹²³. Страшно думать о матери...

Русь! На тебя дух мести мечной
Восстал — и первенцев сразил,
И скорой казнию конечной
Тебе, дрожащей, угрозил —
За то что ты стоишь, немея,
У перепутного креста,
Ни Зверя скиптр подъять не смея,
Ни бремя легкое Христа.
Поникли нежные посевы,
Встает врагами вал морей,
И жертв невольных чьи-то гневны
У темных косят алтарей¹²⁴.

Утешьте о России. Ваш всем сердцем Вяч. Иванов.

Р. С. Аморфностью письма даю добрый пример — для окрыления возможной переписки между нами. — Еще у Никитских ворот, в номерах Троицкой¹²⁵.

¹²³ Подвиг Зиновьева стал известен, о нем писали газеты (так, В. Я. Брюсов послал Зиновьевой-Аннибал вырезки из «Русского листка» от 20 мая и из «Новостей дня» от 29 мая 1904 г. (См.: РГБ. Ф. 109. К. 13. № 83)), он был запечатлен на картине Репина (1906), упоминаемой в литературе под разными названиями: «На разведке», «Офицер Зиновьев», «Смерть А. А. Зиновьева» (см.: Новое о Репине. Л., 1969. С. 153, 345, 368).

¹²⁴ Впервые: Новый путь. 1904. № 7. С. 67; без заглавия. Перепечатано: *Иванов В. Сог Ardens*. М., 1911. Т. 1. С. 48, в составе цикла «Година гнева» под названием «Мечь мечная» с датой «12 мая 1904 г.» и с посвящением: «Геройской памяти сотника Александра Зиновьева». Стих 8 в этой публикации читается: «Ни иго легкое Христа»... (*Иванов В. И. Собрание сочинений*. Т. 2. Брюссель, 1974. С. 251). Дата — день гибели Зиновьева.

¹²⁵ Вяч. Иванов и Л. Д. Зиновьева-Аннибал прибыли из Швейцарии в Москву 16 / 29 марта 1904 г. и остановились по адресу: у Никитских ворот, проезд Тверского бульвара, меблированные комнаты Троицкой (№ 28). Подробно об этом времени см.: *Богомолов*, 1999. С. 91–114.

А. В. Ельчанинов — П. А. Флоренскому¹²⁶

[23.05.1904]

Дорогой Павлуша! Последний мой экзамен 26-го¹²⁷, 28-го я думаю ехать, и именно через Крым и Батум, так как я уже обещал своим детям¹²⁸ заехать к ним по пути (они едут на лето в Крым, около Феодосии — Судак). До Феодосии тебе будет стоить 10 руб. 20 коп. От Феодосии до Батума от 6-и до 3-х руб., смотря по тому, на какой пароход попадешь; и от Батума до Тифлиса 4 руб.; итого — 17–20 руб. В Судаке я не задержусь долго; не больше суток. Они люди простые и тебе нечего стесняться. Если ты согласен на это, то напиши поскорее. Тогда я приеду к тебе 29-го, а числа 30-го поедем, а то 31-го. Лучше бы поскорее. К своим детям я еще, может быть, не заеду, если не буду знать точного их адреса.

А. В. Ельчанинов — П. А. Флоренскому¹²⁹

[26.05.1904. СПб.]

Пока я соберусь писать большое письмо, дорогой Павлуша, спешу уверить тебя, что я не только не был недоволен твоим советом, но вообще твое письмо было для меня одним из самых интересных и практически важных. Мне даже отвечать на него было нечего, так как в принципе я с тобой сразу согласился, да и практически был почти удовлетворен, особенно твои советы обратиться к педагогике меня окончательно укрепили в моем старом

¹²⁶ Печатается с комментариями по: *Павлюченков*, ВПСТГУ 2011/1. С. 92–93.

¹²⁷ Ельчанинов не пошел сдавать выпускной экзамен и уехал 26 мая в Тифлис, не получив диплома об окончании С.-Петербургского университета.

¹²⁸ Воспитанники А. Е., ученики младших классов гимназии.

¹²⁹ Там же: С. 93. Открытое письмо, 26 мая 1904 г.

решении¹³⁰. Мне есть что писать тебе и много, но сейчас как-то нет желания вообще братья за перо — зубрю, хотя пока не особенно свирепо. Как только меня потянет к перу, сейчас же напишу тебе большое письмо. К тому же сейчас мешает девчонка — она расстраивает обеими руками мою прическу, несмотря на мои протесты.

Прощай. Твой А. Е. СПб.

Андрей Белый — П. А. Флоренскому¹³¹

[27.05.1904. Серебряный Колодезь]

27 мая 1904 года, Серебряный Колодезь

Многоуважаемый и дорогой Павел Александрович. Много я думал о проекте того ордена, о котором Вы мне говорили весной. И пришел вот к каким результатам: мысль этого ордена чрезвычайно счастливая, и я могу только приветствовать возникновение его. Серьезные и сложные задачи такого предприятия требуют и серьезного, очень серьезного отношения. Вот почему вслух сказать, что примыкаю к нему, было бы с моей стороны очень легкомысленно: назвался груздем — полезай в кузов. 1) Еще не надеюсь на свои слабые силы. 2) Еще слишком мало знаю участников (кроме Вас): конечно, надо присмотреться. Поэтому душой примыкаю к Вам — это не обязывает Вас делать меня посвященным в эзотерическую организацию. Считайте меня искренним и преданным делу доброжелателем. Время покажет, насколько я оправдаю то внимание, которое Вы мне оказываете, и само собой — я примкну тогда к Вашей орга-

¹³⁰ На педагогический дар А. Е. указывали практически все, о нем писавшие. См., напр.: *Булгаков С., прот.* Отец Александр Ельчанинов // Памяти отца Александра Ельчанинова. Париж, 1991. С. 60–64; *Мария (Скобцова), мон.* Отец Александр как духовник // Памяти отца... С. 56–59.

¹³¹ Печатается с комментариями по: *Иванова*, 2004. С. 455–456.

низации. Что же касается до журнала, то, конечно, мысль о предварительном плане №№ очень удачна, и я готов с радостью примкнуть к участникам журнала. Если этот № журнала выйдет, например, в январе 1906 года, то обещаю Вам до этого срока дать все стихотворения явно религиозного характера, которые напишу за это время. Затем я бы мог приготовить ряд статей, объединенных одним содержанием, но об этом еще рано говорить. Лучше условимся при личном свидании. Есть у меня, кроме того, еще симфония (4-я)¹³², над которой думаю летом поработать. Если что-нибудь выйдет, то я могу ее Вам показать прежде, нежели сдавать «Скорпиону» или «Грифу»¹³³. Она по сюжету будет носить явно апокалипсический оттенок. Я уже ее написал года 1½ тому назад, но теперь придется заново переделать и дополнить.

Сейчас же верно Вам обещаю только стихотворения религиозного оттенка. Теперь у Вас, вероятно, экзамены подходят к концу, а когда получите мое письмо, то уже Вы кончите. Поэтому заранее поздравляю Вас. Я пока еще не вошел в свою обычную норму и слегка нервничаю. Слишком тяжело сознавать, какое большое бремя на плечах у нашего поколения и как мы мало подготовлены для того, чтобы достойно нести это бремя. Да и, наконец, силы не хватает, остается одно: ждать помощи свыше. Что касается до Вронского, то я захватил в деревню три огромных тома его со-

¹³² Четвертая симфония Белого «Кубок метелей» вышла в издательстве «Скорпион» в 1908 г. В письме идет речь о ранней редакции симфонии, с которой был знаком Флоренский.

¹³³ «Скорпион» и «Гриф» — два конкурирующих символистских издательства, в которых сотрудничал А. Белый. «Скорпион» (1889–1916) издавал журнал «Весы», его издательскую политику определял главным образом В. Брюсов; руководителем «Грифа» был С. А. Соколов (Кречетов), издававший преимущественно альманахи и сборники отдельных поэтов-символистов; четкого и определенного лица издательство не имело.

чинений: «Réforme absolue du savoir humain»¹³⁴. Остальные книги у меня взял читать Сергей Александрович Поляков. Но читать имеющееся у меня сочинение весьма трудно, так как оно сплошь испещрено математическими выкладками, а также ссылками на предыдущие тома, что делает чтение для меня почти невозможным.

Дорогой Павел Александрович, очень был рад получить от Вас письмо. Мы, объединенные одним чаянием, воистину находимся как бы на маленьком островке среди будущего хохота чуждых стихий. Поэтому всякий знак, подаваемый издали сочувствующим и знающим, радует и окрыляет.

Буду ждать письма. Христос да хранит Вас. Готовый к услугам Борис Бугаев.

Вяч. И. Иванов — Андрею Белому¹³⁵

[2.06.1904. Москва]

Москва, 2 Июня '04

Дорогой Борис Николаевич, получили ли Вы мое письмо (от 22 Мая)¹³⁶ и, если да, отчего так меня забыли?.. Пишу Вам сегодня, чтобы высказать Вам (как это, быть может, ни мало оправданно со всех точек зрения, кроме чисто интимной) — мое задушевное желание, исполнить которое умоляю Вас, если Вы питаете ко мне доверие и расположение: так дорого мне, чтобы Вы сделали, чего я прошу и что обяжет меня лично Вам благодарностью как доказательство глубокой дружбы, связанное для Вас — быть может — с некоторою жертвой, но жертвой благотворной по ее последствиям для всех.

¹³⁴ См.: *Wronski-Hône J. Messianisme ou Réformé absolue du savoir humain* (1847).

¹³⁵ Печатается с комментариями по: *Богомолов, Малмстад*, 2015. С. 39–40.

¹³⁶ Имеется в виду письмо от 23 мая 1904.

Я прошу Вас прислать свой литературный вклад в «Северные цветы»¹³⁷. Этим действием Вы положите конец на стоящему ненормальному положению дела, вносящему внешний раскол в дорогую область, где должно быть любовное единство, и обманчивую видимость разделения там, где самое согласие — уже действенная сила. Имейте же мужество и великодушные способствовать рассеянию соблазна и опасности устранением с Вашей стороны того фактора личного самолюбия, который является единственным фактором, обуславливающим разделение. Ибо, за устранением самолюбивого упрямства, препятствующего каждому из заинтересованных взять на себя почин в забвении давно устаревшей путаницы отношений, — я знаю с достоверностью, что «Весы» ничего не желают больше, как объединения своих сотрудников в издании, которое должно представить ту же душу в ее поэтическом аспекте. Правда, и помимо чисто личного самолюбия, «Весам» трудно перейти к действию, могущему быть истолкованным как издательский расчет. Вы один, по моему убеждению, можете «*gompre la glace*»¹³⁸ игнорированием всего старого и личного, на что Вам ответят, наверное и без всякого сомнения, таким же забвением устарелых и спутанных счетов, — и восстановить таким образом желанную нам всем, стоящим вне практики издательства, свободу, не изменяя в то же время Ваших отношений к «Грифу», которые должны естественно быть далекими от всякой исключительности¹³⁹. Прибавлю, что Ваше решение после-

¹³⁷ Альманах, выпускавшийся издательством «Скорпион» с 1900 г. В это время готовился его очередной выпуск, появившийся в свет лишь в начале 1905 г. под названием «Северные цветы Ассирийские».

¹³⁸ Разбить лед (*фр.*).

¹³⁹ В 1903 г. С. А. Соколовым было основано книгоиздательство «Гриф», которое должно было стать прямым конкурентом фактически руководимого Брюсовым издательства «Скорпион». Белый начал сотрудничество с новым издательством. К концу 1903 г. Брюсов пошел на крайние меры, запретив сотрудникам «Грифа» печататься в альманахе «Северные цве-

довать моим убеждениям вывело бы меня лично из крайне неприятного положения, которое Вы оцените, если примете в соображение, как тяжело и ответственно являться «исключением», с одной стороны, как тяжело и ответственно отказаться от участия в «Северных цветах» во имя связи с «Грифом» — с другой, и этим последним решением дилеммы затруднить самую возможность их появления при наличии моей солидарности в случае такого исхода с Валерием Яковлевичем¹⁴⁰. Рассеките же, дорогой Борис Николаевич, этот Гордиев узел присылкой Ваших произведений и поймите правоту и искренность любящего Вас Вяч. Иванова.

Еще в течение недели: Тверской бульвар у Никитских ворот №№ Троицкой; или Метрополь «Скорпион»¹⁴¹.

Потом еду в Женеву: villa Java, Chatelaine, Geneve¹⁴².

P. S. Прошу Вас, чтобы содержание этого письма осталось между нами!

ты». В ответ на это Белый написал в «Скорпион» письмо с отказом в нем публиковаться и участвовать в его изданиях, в том числе в начинавшемся журнале «Весы». Брюсов был готов прервать с ним всякие литературные отношения, но уже написанное 5 декабря очень резкое письмо не отправил, и вскоре при личной встрече писатели примирились. Белый остался сотрудником «Весов» и «Скорпиона», но в «Северных цветах» все-таки участвовать не стал. Подробнее см.: *Брюсов В.* Переписка с Андреем Белым // Литературное наследство. Т. 85. С. 371–374.

¹⁴⁰ Брюсовым.

¹⁴¹ В 1904 г. издательство «Скорпион» и редакция журнала «Весы» помещались в недавно построенной гостинице «Метрополь» (1899–1903 гг. по проекту В. Ф. Валькотта) на Театральной пл., кв. 23.

¹⁴² Иванов с семьей жил на вилле «Ява» в Шатлене, близ Женевы, до весны 1905 г. В июле 1905 г. Иванов и Зиновьева-Аннибал поселились в Петербурге на Таврической ул. (д. 25, кв. 24).

Вяч. И. Иванов — Андрею Белому¹⁴³

[12.06.1904. Москва]

12 июня

Все еще — Москва.

Дорогой Борис Николаевич

Две строчки, немного впопыхах, — чтобы известить Вас, что свое последнее письмо я послал Вам заказным, что было неосторожно, так как получение заказных писем в деревне, конечно, весьма затруднительно. Между тем письмо это — деловое и важное, и меня чрезвычайно беспокоит мысль, что оно не дошло до Вас.

Благодарю Вас за Ваше дорогое и очаровательное письмо¹⁴⁴. Ваш ландыш упал ко мне из милой лазури¹⁴⁵.

Ваша «апатия»¹⁴⁶ хороша и благотворна для летнего отдыха; но не забывайте бросать нам цветы, которые выраста-

¹⁴³ Печатается с комментариями по: *Богомолов, Малмстад*, 2015. С. 40–41.

¹⁴⁴ Упомянутое здесь письмо Белого до нас не дошло.

¹⁴⁵ Судя по всему, намек на книгу Белого «Золото в лазури». Вероятно, к письму был приложен цветок.

¹⁴⁶ Белый так описывает июнь 1904 г. в «Материале к биографии»: «Этот июнь для меня характерен главным образом теоретическими интересами; природа не запечатлевается никак; она — поверхностно скользит; и — даже утомляет меня; утомление, недоумение — вот лейт-мотивы моих медитаций; утомление шумной, “литературной” зимой, утомление разговорами, утомление аргонавтами; и главное: утомление “романом” с Н. И. Петровской, с которой я состою в деятельной переписке; (...) духовный язык природы как бы закрылся для меня. Отношение к протекшему сезону 1903–1904 гг. — резко отрицательное; я хочу бежать прошлого; все это отражается в моих стихотворениях этого периода:

Покинув город, мглой объятый,
Пугаюсь шума я и грохота.
Еще вдали гремят раскаты
Насмешливого, злого хохота.
Там я года твердил о вечном,
В меня бросали вы камнями.
Вы в испуге скоротечном

ют в тиши в Вашем сердце. И как ни прекрасно говорите Вы о царственности молчания, не забудьте также, что сомнение в себе не царственно. О, дорогой поэт, помните, что возложивший руку на плуг не должен оглядываться назад¹⁴⁷.

Любящий Вас Вяч. Иванов.

«Скорпион» или villa Java, Chatelaine, Genève.

П. А. Флоренский — Андрею Белому¹⁴⁸

[14.06.1904. Тифлис — Серебряный Колодезь]

14 июня 1904, Тифлис

Около недели тому назад я приехал в Тифлис, милый Борис Николаевич, и получил Ваше письмо. Ему я был очень рад, и это по трем различным причинам. Во-первых, оно — от Вас. Во-вторых, мне приходится быть в та-

Моими тешились мученьями.
Я покидаю вас, изгнанник, —
Моей свободы вы не свяжете.
Бегу — согбенный, бледный странник —
Меж золотистых, хлебных пажитей.

(...) Лейт-мотив бегства — готовится, бегства из уз “плоти”, “чувственности”, городской пыли, московской болтовни и нестроицы». Стихи — начальные строки стихотворения «Изгнанник», 1904 (*Белый А. Стихотворения и поэмы / Вступ. статья, сост., подг. текста и примеч. А. В. Лаврова и Дж. Малмстада. Т. 1. СПб.; М., 2006. С. 282*).

¹⁴⁷ Отсылка к словам Христа: «никто, возложивший руку свою на плуг и озирающийся назад, не благонадежен для Царствия Божия» (Лк. 9 : 62).

¹⁴⁸ Печатается с комментариями по: *Иванова, 2004. С. 456—459.*

ком тяжелом положении¹⁴⁹ (слова о «мече» не устарели¹⁵⁰, Борис Николаевич, меч несколько не заржавел и даже обострился), что всякий ветерок из родных стран научаешься ценить. В-третьих, наконец, меня обрадовало содержание письма: Вы от себя говорите то, что было давно уже выговорено промеж нас, но что по стечению обстоятельств я не мог передать Вам. Само собой разумеется, что каждый из нас (во всяком случае, я) не считает себя готовым ни в каком смысле — ни в мистическом (нет благодати особой), ни в эмпирическом (нет знаний, опытности и т. д.). Мы можем только готовиться и ждать; нельзя высказывать самим из-за кулис, куда не настало время. Следовательно, говорить вслух теперь совершенно неуместно. Давать обещания — тоже: разве мы назначаем ту или другую деятельность себе? Мне думается, что нужно по возможности меньше надуманного, формальностей. Быть вместе во Христе¹⁵¹ — немедленно совершать вместе или порознь — как понадобится — во Христе, что будет требовать нашего действия, а таких «обстоятельств» на каждом

¹⁴⁹ Трудно сказать, что подразумевает здесь Флоренский. Возможно, речь идет о спорах в семье вокруг решения П. А. Флоренского принять монашество, о котором он писал своему духовному наставнику еп. Антонию (Флоренсову). Судя по ответному письму еп. Антония, родители противились этому решению, еп. Антоний также отговаривал торопиться с пострижением. «По-моему, — писал он 23 июля 1904 г. Флоренскому в Тифлис, — самое лучшее пока в Вашем положении, с согласия родителей, поступить в духовную академию и учиться, а там, по окончании курса, видно будет, что дальше делать» (цит. по: *Андроник (Трубачев), игумен*. Еп. Антоний (Флоренсов) — духовник свящ. Павла Флоренского // *Журнал Московской Патриархии*. 1981. № 10. С. 66). Слова еп. Антония сыграли решающую роль в выборе жизненного пути Флоренского.

¹⁵⁰ Слова о «мече»: «Не думайте, что Я пришел принести мир на землю; не мир пришел Я принести, но меч, ибо Я пришел разделить человека с отцом его, и дочь с матерью ее, и невестку со свекровью ее» (Мф. 10: 34–35).

¹⁵¹ В рукописи здесь изображен астрономический знак Венеры — любовь.

шагу сколько угодно, начиная от разговора за чаем, который обращается порою в проповедь философского катарсиса от мусора, загромождающего голову¹⁵², и до активной этической или мистической помощи — в этом пока должна состоять наша деятельность, как это представляется мне, в этом и в подготовке себя самих. Если будет единство, о котором я говорил, то сам собою неудержимо полется теургизм — «от избытка чувств глаголют уста»¹⁵³. Есть такие настроения, которые невольно облекаются в форму Символического делания, в форму делания символов и мифотворчества. Иногда уже не можешь говорить иначе как символически¹⁵⁴. Я понемногу готовлюсь к писанию большого сочинения мистического и теоретико-познавательного, по теории познания, построенной на понятии символа¹⁵⁵. Приходится заниматься между прочим и археологией, и вот, погрузившись в христианские древности, я охвачен этим потоком свежих прозрачных пере-

¹⁵² Об этом «катартическом периоде» см. в предисловии к поэме «Святой Владимир». Позднее Флоренский пытался использовать свой «катартический опыт» в преподавательской деятельности, о чем писал еп. Феодору: «Катартика, т.е. очищение ума от ложных предпосылок и догматов современности, от ложной науки и ложной философии, чтобы чистым оком ума учащиеся научились взирать на область духовную, благодатно открываемую» (цит. по: Московская Духовная Академия. 300 лет. М., 1986. С. 241).

¹⁵³ Мф. 12:34; Лк. 6:45.

¹⁵⁴ Рассуждения Флоренского о теургии и символическом делании во многом соприкасаются с идеями Белого, высказанными в его ранних статьях: *Белый А.* Формы искусства // *Мир искусства*. 1902. № 12. С. 343–36; О теургии // *Новый путь*. 1903. № 9. С. 100–123; Символизм как миропонимание // *Мир искусства*. 1904. № 5. С. 131–142. Идея создания искусства, основывающегося на религиозном понимании действительности, символического искусства, открывающего путь к познанию иной реальности, была общей для Флоренского и Белого в эти годы.

¹⁵⁵ Флоренский работал над статьей «Эмпирея и Эмпирия». Впервые опубли.: *Богословские труды*. Сб. 27. М., 1986. С. 294–393). См. также работу о символе в Записной тетради (*Иванова*, 2004. С. 323–429).

живаний христиан первых веков. До сих пор у меня все мелькало опасение — сомнение: да, мы говорим о Христе и знаем Его, но точно ли это Тот самый, которого знали древние христиане?¹⁵⁶

Точно ли мы христиане в обычном смысле слова? Я говорил себе, что мы воспринимаем в Христе по преимуществу момент апокалиптический, созерцаем аспект Масличной горы (Вознесение)¹⁵⁷, тогда как те, древние христиане, воспринимали исторический момент в Христе, видели момент Голгофы, и тогда как бедный Розанов¹⁵⁸ бьется-бьется и не может выговорить своего, не может выразить себе точно третий момент — «животный», не может увидеть достаточно ясно и чисто аспект Вифлеема¹⁵⁹. С теоретической стороны я был доволен таким построением, но не хватало постоянной (моментами хватало) твердости — крепости сознания, что мы говорим действительно об одном, что мы не разрываем с А, устремляясь к Ω¹⁶⁰. Но теперь дано сознание — воспринята убежденность «твердая, как небесный свод», что мы действительно, — одно. Это нахлынуло теплой волной — прозрачной, затопило радостью и ликованием всякие сомнения и недоумения. Что бы кто бы ни го-

¹⁵⁶ Рыба — символ Христа, основывающийся на криптограмме: ἰχθῦς (греч. — рыба) расшифровывалось как «Иисус Христос Сын Божий Спаситель».

¹⁵⁷ Масличная гора — гора Елеонская, где произошло Вознесение Господне (См.: Деян. 1:9–13).

¹⁵⁸ Флоренский имеет в виду статьи Розанова начала 1900-х гг. См. в комментариях к Записной тетради (Иванова, 2004. С. 414–429). Розанов подвергал критике христианство за аскетизм и подавление биологического жизненного начала, инстинкта продолжения рода. В этот период он противопоставлял христианству иудаизм с его культом и обожествлением «плодовитости», брака, семьи.

¹⁵⁹ Вифлеем — город, где родился Христос. Рождение Христа составляет догмат о таинстве воплощения (см. об этом: Православнодогматическое богословие Макария, епископа Винницкого, ректора С.-Петербургской Духовной Академии. Т. 3. СПб., 1881. С. 52–101).

¹⁶⁰ Первая и последняя буквы греческого алфавита.

ворил, я могу, быть может, отвечать глупости, запутаться в возражениях, но буду все время знать и помнить: те, малые и великие первых веков, *pisciculi atque pisces*¹⁶¹, действительно братья, не потому, что должны быть, а потому, что таковы уже суть.

Можно прямо смотреть в глаза каждому из них и по совести сказать, что мы подошли к той же бесконечности, но с другой стороны, хотя первую сторону помним, знаем, любим и даже видим; мгла веков несколько обесцвечивает для нас, по нашей слабости, лик исторического Христа — этот лик был им, первым христианам, виден яснее, красочнее; но зато лик Христа грядущего, подернутый ранее, в первые века, дымкой, скрывавшей исторические перспективы (все приобретения культуры, науки, искусства и т. д. — все Христово в эмпирическом по своему внешнему выражению), стал теперь для нас ясен и близок. Теперь лучше видно, как должно было раскрываться Христово в эмпирическом. В тумане, в пыльном воздухе отдаленные предметы кажутся совсем близкими. Не был ли такой же обман зрения и у первых христиан? Туман сознания скрадывал от них исторические глубины мирового процесса, а Христос Грядущий казался им близким — вот-вот придет время. Может быть, и еще останется туманность у нас, может быть, и мы обманываемся собственной пыльностью и преждевременно приближаем в своих мыслях Ω ? Может быть, да. Но ослепительная яркость красок, ясные, как драгоценные камни, тона показывают, насколько уменьшился слой тумана, пролегающего между сознанием и Ликом, насколько он стал мало поглощать лучей. Мы не знаем, в какой литературе между α и ω мы находимся, но лично мне думается, что где-нибудь среди букв τ , υ , ϕ , χ , ψ — к концу ближе, чем к началу: во всяком случае мне кажется, что мы уже перешли через *taхіtum*¹⁶² незнания Христа.

¹⁶¹ Рыбки и рыбы (*лат.*).

¹⁶² Максимум (*лат.*).

Незнание Христа

Перед отъездом из Москвы я виделся с Свенцицким, он просил передать Вам свой поклон.

Виделся также с преосвященным Антонием¹⁶³. Он был в этот раз вполне серьезен и говорил прямо «своим голосом», почему произвел особенно сильное действие. Заметили ли Вы такую подробность. Он иногда «не вовремя» говорит «Христос Воскресе». Это очень важно для понимания его. Правда?

Христос Воскресе, дорогой Борис Николаевич! Следовательно, прогоните от себя всю нечисть — я догадываюсь, что Вы измучились, — и снова скажите: «я в восторге — я молод», а затем обливайте себе вином кого угодно, хотя бы меня¹⁶⁴. Уж,

¹⁶³ Знакомство Флоренского с еп. Антонием (Флоренсовым) произошло в марте 1904 г., когда он был еще студентом 4-го курса физико-математического факультета Московского университета, благодаря А. Белому, часто посещавшему еп. Антония в это время. Еп. Антоний был необычайной и колоритной личностью, он был не лишен способности к эксцентрическим поступкам, но пользовался большим духовным влиянием как наставник. По замечанию игумена Андроника, «для того, кто поступал к нему под руководство, он делался необходимым как духовная пища» (*Андроник (Трубачев), игумен*. Еп. Антоний (Флоренсов) — духовник свящ. Павла Флоренского // *Журнал Московской Патриархии*. 1981. № 9. С. 75). Флоренский обрел в еп. Антонии руководителя, в котором нуждался, и сохранил привязанность к нему до последних дней жизни епископа.

¹⁶⁴ Флоренский цитирует стихотворение А. Белого «На горах»:

Горы в брачных венцах.
Я в восторге, я молод (...) —
и подразумевает конец этого стихотворения:
Я в бокалы вина нацедил;
И подкравшись боком,
Горбуна окатил
Светопенным потоком.

(*Белый А.* Золото в лазури. М., 1904. С. 120–121.)

наверно, обольете в 4-й симфонии, заранее говорю, что насколько не буду в претензии, если зальете меня с головы до ног.

Как-то, довольно давно, я видел такой сон. Вы, Алексей Сергеевич¹⁶⁵ и я сидим вдвоем и рассуждаем о значении слов «убелили одежды кровью Агнца»¹⁶⁶ — как это кровью можно убелять? Тогда я встаю, в простом стакане граненом от чая размешиваю общипанным и облезшим кропилом какую-то жидкость красную, будто бы кровь, водой разведенную сильно; встаю, расстилаю одежды — три платица детских, белых с цветочками серыми мелкими — их расстилаю с молитвами; после — жидкостью красною их окропляю. Вы оба смеетесь лукаво. Красные капли на ситцевых платьях расходятся пятнами крупными. Я говорю вам обоим: «смотрите, смотрите — одежды мои убелились кровию Агнца; белыми сделались, будто из снега». Вы с удивлением смотрите, пальцами тычете в пятна. «Где ж белизна-то?» Но я не смущаюсь. «Да, отвечаю, для опыта органов чувств то — красные пятна, но внутренно, тайно — снега белее одежды. Напрасно смеетесь...» Это был новый обряд — обряд апокалиптического христианства — обряд «убеления риз». Вы не смейтесь, Борис Николаевич. Ведь это только сон, протокольно передан-

¹⁶⁵ Алексей Сергеевич Петровский (1881–1958) — окончил физико-математический факультет Московского университета на год раньше Флоренского (1903) и в том же году поступил в МДА; в 1904–1905 гг. жил с Флоренским в одной комнате. Один из самых близких друзей А. Белого. Будучи в 1903 г. в Серафимо-Дивеевском монастыре, познакомился с епископом Антонием (Флоренсовым) и познакомил с ним А. Белого (а тот — Флоренского). В 1906 г. по болезни прервал обучение в МДА и уехал в Финляндию. После выздоровления в академию не вернулся; работал в библиотеке Румянцевского музея. В 1910 г. посетил Р. Штайнера, основал первый в России антропософский журнал (1912–1918), стал одним из учредителей Русского антропософского общества (1913). После ареста в 1931 г. работал на Беломорско-Балтийском канале, освобожден в 1933 г. До конца жизни работал по библиотечному делу. — *Примеч. С. Черткова.*

¹⁶⁶ Откр. 7: 13–14.

ный Вам¹⁶⁷. Если этот обряд нелеп, то я не виноват, если только Вы не станете винить за сны.

Христос Воскресе! Ваш П. Флоренский.
Мой адрес: Тифлис, Николаевская, 67.

К. М. Аггеев — П. П. Кудрявцеву¹⁶⁸

[25–28.06.1904. Одесса]

1904. VI.25. Одесса, Большой Фонтан.

Разочарование доставило мне твое письмо... А вчера получил письмо от Мани, извещающее о выезде Анны Елисеєвны... Не пришлось нам пожить вместе. Надеюсь, по крайней мере, ты приедешь в Карашин.

Расчеты отца Павла относительно Креста с мощами меня очень удивляют. Ему известны мои взгляды на это дело: я не позволял даже при себе речь заводить о Кресте, добытом нечестными путями такими лицами, как предшественник Кротевич, по народному выражению «боготоп» (он сочинил явленную икону в колодце, в который сам же опустил ее), и его достойный родственник регент Калишевский... О каком-либо моем пособии «созданию праздника» о. Павел и думать не может.

¹⁶⁷ Возможно, эти размышления Флоренского продолжали темы их прежних бесед, так как они совпадают с тем, о чем писал Андрей Белый в это время. В докладе «Символизм как миропонимание» сказано: «Первые века христианства обогреты кровью. Вершины христианства белы, как снег. Историческая эволюция церкви есть процесс “убеления риз кровью агнца”. Для нашей церкви, еще не победившей, но уже предвкусившей победы, характерны все оттенки заревой розовой мечтательности» (Мир искусства. 1904. № 5. С. 191). Хотя впервые этот доклад был опубликован в июне 1904 г., Флоренский мог знать его и раньше, так как А. Белый читал его в виде лекции. См., например, запрещение попечителя Московского учебного округа от 20 марта 1904 г. читать лекцию «Символизм как миропонимание»: НИОР РГБ. Ф. 25. К. 31. Ед. хр. 14/4. Л. 22; тезисы лекции здесь же: Л. 23.

¹⁶⁸ Печатается с комментариями по: Балакшина, 2014. С. 276–278.

Перечитал я оба тома сочинений Леонтьева, его «Зедергольма»¹⁶⁹. Составлен у меня контурный план. Для оценки понимания христианства Леонтьева очень много дает прочтенная мною прекрасная книга архиепископа Сергея о спасении...¹⁷⁰ Я уже писал тебе, что, по моему мнению, руководящей идеей Леонтьева служит мысль о полной поврежденности человеческой природы. Дальнейший ход мыслей. Христианство — религия супранатуральная, всецело осуждающая землю и яже на ней. Соотношения между христианскими предписаниями и природой человека нет. Отсюда в деятельности человека ценно лишь принудительное добро, а идеалом дел христианина служит монашество, понимаемое в смысле одного лишь отречения и самоуничтожения. Разорвав небо и землю, Леонтьев, понятно, должен говорить о небе: «не знаем, что будет там».

Подлежащие уяснению главные вопросы:

1. Учение православной Церкви о степени поврежденности человеческой природы.
2. Учение православной Церкви об аскетизме.
3. Учение православной Церкви о земле. (Пророческие идеалы о Царстве Божиим. Новый Завет по всем этим вопросам. Особенное уяснение указываемых Леонтьевым мест Св. Писания, узаконивающих пессимизм.)

28 июня

Если бы ты нашел по этим вопросам хорошие, подлежащие приобретению книги, привези: в Одессе все магазины осмотрел, и нет ничего. Из Одессы я выезжаю 30 июня. Еду прямо в Староселье, где в настоящее время моя се-

¹⁶⁹ Имеется в виду сочинение К. Н. Леонтьева «Православный немец: Оптинский иеромонах отец Климент (Зедергольм)» (Варшава, 1880).

¹⁷⁰ Речь идет о книге: *Сергий (Страгородский), архим.* Православное учение о спасении: Опыт раскрытия нравственно-субъективной стороны спасения на основании Св. писания и творений святоотеческих. Сергиев Посад, 1895.

мья. Из Староселья в Карашин приедем во всяком случае к 3 июля и будем жить там очевидно до 22 июля (22 — день именин тещи), 23 опять в Староселье. Приедешь, будем очень рады. Я тебе уступлю свой кабинетик для занятий.

До зарезу мне нужна твоя брошюра «Христианский взгляд на жизнь». Привези штук пять. С ней я начну внеклассные беседы с 1-ми классами. А в Петербурге нигде нет. Пиши мне по адресу — ст. Корсунь.

Чем раньше приедешь, тем лучше.

Целую тебя.

Любящий свящ. Аггеев.

Андрей Белый — П. А. Флоренскому¹⁷¹

[28.06.1904. Серебряный Колодезь — Тифлис]

Серебряный Колодезь

Воистину Воскресе!

Падают, падают дни — матовые жемчужины — в чашу безвременья. Разлетаются — одуванчики. Начало сливается с концом. Остается одно — неизменно вечное, старое, и новое во все времена.

Дорогой Павел Александрович, спасибо, спасибо за те слова, которые Вы мне написали. Теперь дни — созревают колосья, разбиваются волны опьяненных колосьев многопенным шелестом прибоя. Пройдет еще немного дней — и ржаное золото опустится, тяготеть. И светозарные волны солнечных лучей пахнут медовым, золотым, как абрикос, ветром: вот закрутилась пыль на дороге, и ветренный шепот: «Вот и Я близко». И сердце наполняется безотчетной радостью, и — воистину — воскресает в сердцах!

Христос Воскресе!

¹⁷¹ Печатается с комментариями по: *Иванова*, 2004. С. 459–461.

«О дне сем никто не знает, даже Сын»¹⁷² — конечно, мы должны всегда это помнить. Но, освобождаясь от власти времени, начало и конец встают неожиданно перед нами. Чувство конца, апокалипсичность, есть, по-моему, один из вернейших показателей нашего христианства (держая так говорить, лично сознавая, что мое чувство «христианства» есть чудесная и незаслуженная милость Божия). Мир сей — в пространстве и во времени, и языческому сознанию совершенно уместно говорить о феноменальности всяких переживаний, ибо «чувство» безвременности, конца есть залог и вместе с тем начало того, что «проходит образ мира сего»¹⁷³ — конечно, это мир (с маленькой буквы), а не Мир. Чувство конца указывает нам, что мы из «мирских» становимся «мировыми» гражданами. Купаться в ветерке, пить аромат вселенной, целовать золотые усики колосьев — уже это все показывает, что мы отныне заинтересованы не только делами людскими (общественность), но и Божьим делом (сначала «миро»любие, а потом и «миро»творчество).

Сначала нужно полюбить мир Божий, а потом пронизать им и «мир сей» (общественность). Так что порядок любви: 1) любовь к Богу; 2) любовь к миру; 3) любовь к ближним (цемент, скрепляющий 1) с 3) — Мир Божий). Чувство конца создает из граждан мирограждан, а ведь мирогражданство и было той основой, на которой воздвиглось христианство как преодоление «мира сего» (бесконечность, непрерывность, пространство и время). «Христианство только тогда христианство, когда “мир сей” становится прозрачным, как стекло, так что, оставаясь “миром сим”, оно уже не сей мир, а иной» (символизм). Мир — как стекло: «И видел я как бы стеклянное море, смешанное с огнем, и победившие зверя и образ его, и начертание его, и число имени его стоят на этом стеклянном море, держа гусли Божии»¹⁷⁴. Миро-

¹⁷² Ср.: Мф. 24: 36; Мк. 13:32.

¹⁷³ 1 Кор. 7:31.

¹⁷⁴ Откр. 15:2.

гражданство — стеклянное море — «хаос», муть мирская (народы, язычники; хаос личного сознания, ужас, «смешение» методов), здесь претворилось в «прозрачность мировую». Характерно, что следующий текст таков: «И поют песнь Моисея, раба Божия, и песнь Агнца, говоря: велики и чудны дела Твои, Господи — песнь Моисея и песнь Агнца»¹⁷⁵ — стало быть, стекло, бывшее прежде не дочиста протертым, не разбивается, а протирается. Стало быть, «мир сей» проходит в смысле того, что «мир сей» — (минус) пыль Мир Божий. Отсюда: как бы отстает один верхний покров и снимается с Тайны. Конец мира исторический более всего резок для более других опыленных. Мое «Я» — есть стекло ± пыль. Если пыли больше в «Я», чем стекла, то устранение этой пыли повлечет за собою быструю и резкую погибель, смерть и осуждение. Наоборот, очищение всегда постепенно, и в этом смысле конец для очищающихся есть все растущая сладость чувства безвременности и Христова Приближения (по крайней мере, таково первое веяние конца). Чистые как бы не увидят Антихриста, исторически воплотившегося, хотя он их и будет мучить на историческом плане... Впрочем, боюсь делать из этих намеков какие бы то ни было догматические выводы.

Знаменателен Ваш сон, и разве можно смеяться над такими снами? Я знаю, что бывают времена, когда вся сила реальности сосредотачивается в этих снах особого рода (внутренний опыт недаром отмечает одни сны и не обращает внимания на другие)... Вы пишете об Антонии: Антоний производит на меня какое-то чересчур сильное действие. Я чту его более чем кто-либо, сознаю безмерность силы, таящейся в нем, но... есть люди из степей и раздолгий, сознающие потрясающее действие горного пейзажа, но все же... их тянет к широким степным раздольям. И обратно. Это не должно понимать как совершенную чуждость горам со стороны людей низин, и обратно: люди, привык-

¹⁷⁵ Откр. 15:3.

шие к одному идеалу святости, не вполне понимают святых по другому идеалу. Я как-то еще не вполне понимаю точек приложения силы Антония...¹⁷⁶

Ужасно интересуюсь Вашим трудом. Надеюсь в Москве больше узнать у Вас о Христианских древностях.

Пока же до свиданья. Храни Вас Господь!

Остаюсь любящий Вас Борис Бугаев.

Р. С. Пишите. Я в деревне до 15-го августа, а потом — в Москве.

А. В. Ельчанинов — П. А. Флоренскому¹⁷⁷

[Б. д.]

¹⁷⁶ В мае 1904 г. Андрей Белый охладевает к еп. Антонию, о чем он писал Блоку: «Ты не то, что Антоний, который в меня бросил камнем суровости в тот миг, когда я, и без того разбитый и уничтоженный, ждал от него слов утешения. Кроме всего: он высказал такое незнание меня и в то же время так грубо определил насильно, чем мне нужно быть, что я из гордости решил не подходить к нему ближе, но застегнуться на все пуговицы. Больше мне нет смысла бывать у него» (Андрей Белый и Александр Блок: Переписка. М., 1940. С. 90). Отношения с еп. Антонием восстанавливались позднее, но ненадолго. Впоследствии, когда Андрей Белый ушел из-под его влияния, еп. Антоний говорил о нем: «Этот юноша изящный, нежный; ему нужно чистое дело, а не туман. Я давно за ним слежу, но только я человек гордый, самолюбивый, и в чужую душу я без приглашения лезть не стану. Вот если бы он ко мне сам обратился — это другое дело. Тут я пустил бы в ход свою педагогику. Я не пророк, но я вижу, что если он вовремя не остановится, то погибнет совсем. Я знаю, что он эти опыты (развития в себе оккультных сил. — Е. Иванова) давно уже стал делать, с тех пор как умер отец. Растреплется совсем, а жаль, он человек талантливый» (цит. по ст.: *Андроник (Трубачев), игумен*. Еп. Антоний (Флоренсов) — духовник свящ. Павла Флоренского // ЖМП. 1981. № 10. С. 67–68).

¹⁷⁷ Ранее: *Павлюченков*, ВПСТГУ 2011/1. С. 93–94. Письмо без конверта и даты.

Дорогой Павлуша! Начиная это письмо, я не знаю еще, к каким заключениям я приду в конце: передо мной ряд фактов: 1) я не взял с собой постели; 2) мне ужасно хочется поскорее домой; 3) поезд мой идет в 6 часов¹⁷⁸; 4) я могу переночевать в гостинице; 5) ты будешь меня ругать, если я уеду сегодня; 6) я устал как собака и т. д. Что из всего этого можно вывести¹⁷⁹? Я всегда говорил, что ни один человеческий поступок не может быть разумным, так как не в наших силах определить, больше ли «за» или «против» совершения его. В таком положении и я. Осел Буридана был глубоко прав, если ездок между двумя связками: собственно говоря, если он без порядочной логики, то он должен был сдохнуть, даже если бы одна связка была больше и вообще привлекательнее. Я за логику в таких случаях не держусь (ты меня упрекал в этом случае в самодурстве и бестолковости). Но ведь иначе и нельзя. Да! забыл самое главное: ты ведь, кажется, и завтра не хотел ехать и чуть ли не послезавтра, а я не могу! Клянись честью, клянись моей печенью, моим дипломом второй степени, моим университетским значком, который мне подарил дядя, — я поехал бы прямо в экспрессе, будь у меня денег в обрез на него. Итак? Вот скотина! Вот бесстыдник! Если бы ты знал, Павлуша, сколько милых, бесконечно дорогих мне душ ждет меня в Тифлисе, считают каждый час до моего приезда, ты бы не сердился на меня. Сейчас «просматривал» Белого¹⁸⁰ — что за немецкие обороты и «речения»: паук мохнатый, светолепный? Недоставало еще паука длинноного-мохнато-черно-бурого или темно-золото-крас-

¹⁷⁸ Вероятно, отправляется в 6 часов (поезд Москва — Сергиев Посад) — В. К.

¹⁷⁹ А. Е. пародирует научную методологию.

¹⁸⁰ Возможно, речь идет о только что вышедшей тогда «Северной симфонии», хотя выражение «мохнатый паук» встречается в более ранней «Симфонии 2-й, драматической». Об отношениях П. Ф. и Андрея Белого см.: Из наследия П. А. Флоренского. К истории отношений с Андреем Белым // Контекст. М., 1991. С. 3–99; Переписка с Андреем Белым // Иванова, 2004. С. 433–498.

но-зелено-пахучий! Неужели нельзя писать этих элементов отдельно: я подозреваю, что у него мамаша — немецкого вида или поблизости (по виду похожа). Сейчас я прочел твое письмо (оно — со мной). Там ты ждешь меня 29-го, затем 30-го собирался к Андрею и в Академию, да еще документы. Эдак ты освободишься числа 31-го, а я что буду делать 3—4 дня? Я сам виноват, что рано приехал, жаль, но мне и в Петербурге нечего было делать! Ты, пожалуйста, не сердись.

Твой С. Я у тебя с 12-и. Удивительно у тебя хорошо! Я шел много пешком; по-моему, на Кавказе никогда так хорошо не бывает. Особенно эта светлая зелень и ярко-белые стволы берез.

В. П. Свенцицкий — П. А. Флоренскому¹⁸¹

[30.06.1904. Крекшино — Тифлис¹⁸²]

Дорогой друг! Письмо Ваше вызвало во мне опять-таки ряд недоумений. Прежде всего последний пункт, выставленный Вами как причина того тяжелого состояния, которое наступило у Вас после нашего разговора у Эрна¹⁸³. «Видеть Вас, — пишете Вы, — поступающим опрометчиво,

¹⁸¹ Печатается с комментариями: *Чертков*, 2017. С. 107–110. Адрес на конверте: В Тифлис, Николаевская, 67. Штемпели: Москва 1.VII.1904; Тифлис 6.VII.1904. Крекшино 30/VI 04 г.

¹⁸² «Была у него и дача-избушка в селе Крекшино (...) С крошечным окном она стояла, покосившись, на краю выгона и утопала в навозе. Внутри закоптелые бревна и заплесневевшее одеяло на нарах» (*Вишняк М.* Дань прошлому. С. 168).

¹⁸³ Ср. описание диспута с И. И. Фондаминским летом 1903 г.: «И «грянул бой», или, вернее, началось состязание «певцов» (...) Неумолимой логикой, широтой подхода, негодующим сарказмом Свенцицкий загонял противника в такие глубины или на такие высоты, куда тот вовсе не расположен был идти. Это было захватывающее — умственно и эмоционально — состязание (...) Фактически поле битвы осталось за Свенцицким, и несдержанность Илюши это подчеркнула (...) В споре не участвовавшие (...) считали его победителем» (Там же. С. 75–76).

думающим не до конца и принимающим преждевременно тон угрозы — все это вещи не легкие».

Относительно моей непродуманности я подожду оправдаться, так как это оправдание может заключаться только в опровержении высказанных Вами взглядов, — скажу только, что раз я считаю себя правым, а Вас не правым, то, очевидно, с моей точки зрения тот же упрек в непродуманности должен быть отнесен на Ваш счет. Но во всяком случае я протестую против «тона угрозы». Это замечание еще раз убеждает меня в том, с чего начался наш спор: Вам более чем кому-либо нельзя Ваши настроения считать за критерий достоверности того или иного происходящего в душе у Вашего собеседника. Назовите это ошибкой или, по Вашей терминологии, «неполнотой» — суть дела не меняется. Я со своей стороны категорически могу заявить, что ни в коем случае ничего даже похожего на желание угрожать не испытывал¹⁸⁴.

Другое мое недоумение возникает по поводу того, как Вы могли наш спор свести к этому вопросу, который Вы рассматриваете в Вашем письме? Но это недоумение я считаю совершенно неважным — как бы ни было, вопрос затронут. Перейдем к нему.

Вы очень определенно защищаете идею всеединства, доказывая, что она красной нитью проходит в священном писании и что без идеи всеединства нелепыми становятся самые основные догматы христианства. Я никогда не спорил и не спорю против этого. Я считал и считаю это основным

¹⁸⁴ Ср. письмо Ельчанинова Флоренскому от 14 января 1903 г.: « (...) ты только не раздражайся и не пиши зlostных писем, а то опять отобьешь у меня охоту писать на месяц. Ты представить не можешь, как меня поразило твое письмо, когда ты вздумал обвинять меня в разных грехах, которые и во сне мне не снились (...) Тем печальнее твой зlostный тон и мое глубокое удивление, а потом прямо-таки негодование на твою подозрительность и приемы судебного следователя по отношению к друзьям. Я не писал, потому что боялся, что не выдержу и разругаюсь» (*Чертков*, 2017. С. 64–65).

положением христианского миропонимания. Да и мне ли, стоящему на точке зрения Владимира Соловьева, отрицать идею всеединства. Таким образом, все Ваши соображения по существу дела не могли «опровергать» меня и лишь могли лишний раз убедить, что идея всеединства, в которую я глубоко верю, — подлинная, действительная истина¹⁸⁵.

Но, говоря только о всеединстве, Вы совершенно упростили проблему. Имея дело в Евангелии только с тем, что с очевидностью говорит о всеединстве, все, конечно, выходит очень просто. Но с моей точки зрения и очень мертво. Вся жизненность, вся глубина и вся трудность затронутой Вами проблемы — трудность рационально, быть может, даже вовсе непреоборимая — заключается не в признании идеи всеединства, а в примирении этой идеи с другой, на первый взгляд взаимно ее исключающей, — и также с очевидностью выраженной в Евангелии, — идеей «отдельности».

Трудность проблемы заключается в том, каким образом наряду с тем, что всё есть единое целое, каждое есть и абсолютно различное.

Вы верно пишете, что идея искупления невысказима, если часть не имела связи со «все́м», — но, продолжу я, — идея искупления была бы абсурд, если бы равным образом часть не имела нечто абсолютно отличное от целого.

Поясню это примером из области чисто эмпирической. Возьмем организм человека, как он трактуется эмпириками. Каждая клеточка живет своей особой жизнью, питается, размножается и т. д., но совершенно неизвестным нам образом она, кроме того, «часть» целого. Если, например, заболит группа таких клеточек — весь организм будет страдать,

¹⁸⁵ Ср.: «Учение Соловьева, учение “Положительного Всеединства”, не было эклектической системой, собранной и составленной искусственно из разнородных частей. То был живой органический синтез, изумительный по своей творческой оригинальности и стройности, парадоксальной по самой широте своего замысла и проникнутый глубокой истинной поэзией» (*Трубецкой С.* Смерть В. С. Соловьева // *Вестник Европы.* 1900. № 9. С. 416).

но страдание его как целого будет совершенно иным, чем страдание этих частей по отдельности. Отдельные клеточки даже вовсе могут умереть, а организм продолжать свою жизнь.

Правда, признавая эту раздельность, мы, как я сказал, почти до неразрешимости усложняем проблему, но зато при решении ее у нас не останется ни одного факта, который бы не входил в это решение. Только при признании обеих половин проблемы мы знаем, как объяснить, что отдельные «личности» (употребляю это слово не в строго философском смысле) могут вечно страдать, в то время как другие вечно блаженствовать, — факт совершенно нелепый с точки зрения только идеи всеединства.

Да и само искупление, чем бы оно являлось, если бы искупляло не «часть» «всё», а «всё» искуплялось бы само в себе. Раз один за всех, значит, один абсолютно индивидуальный. А между тем отсюда проистекают огромной важности следствия. Поскольку вы часть «всего», вы, если хотите, непогрешимы, и все дело сводится к большей или меньшей степени «просветленности», но поскольку вы абсолютно отделены — вы способны и к ошибкам, и к греху.

†

Я, как Вы видите, ждал некоторое время — думал, не получу ли письмо от Ал.¹⁸⁶ — покуда ничего нет, а между тем Вы пишете, что «менее удобно, если я напишу ей сам». Затем Вы пишете, что, может быть, она сама зайдет ко мне по адресу Шера, а адрес ее — Козлов. Я не знаю, как ей предложить работу: прислать туда к ней или просить приехать сюда. Если ей нужно уехать из Козлова, и у ней есть деньги на проезд, и все дело в том, что она боится, что в Москве останется без средств, и потому не едет, — то я могу дать ей работу рублей на 25–30 (не в месяц, а всего, т.е.

¹⁸⁶ Татьяна Алексеевна Алабина — падчерица врача Жилинского, друга семьи Флоренских в Батуме. Павел переписывался с нею и встречался в доме общих друзей Андросовых.

июль и август) (до сентября) — а там и еще. Напишите сейчас же, ждать ли от нее письма и вообще все, что предпринять по этому поводу. Письмо это, может быть, до Вас скоро не дойдет, а потому пишите по адресу: Рязано-Владимирская ж. д., станция Спас-Клепики, имение Шер, Валентину Павловичу Свенцицкому.

†

Дорогой мой, милый мой, ради Бога, не сердитесь, прочел я Розанова, это просто сукин сын! Где Вы там нашли «глубину», это не в «материнских ли пустотах»?! Неужели же можно называть глубиной какие-то обрывки идей, пересыпанные напряженно истерическими всхлипываниями «тайна!.. тайна!..». Не говоря уже о совершенно справедливой записке, ему присланной: «под гнетом любодееяния написана ваша последняя статья»¹⁸⁷. А где «гнет любодееяния» — там мудрости не жди, ибо это «потемнение» сознания. А «Переписка» со всевозможными «иереями», которые ему пишут: «Так вы из чиновных!» «Ну что же, слава Богу, нынче все пророки из чиновных, например, Победоносцев». Не говоря уж о том, что ½ книги занимают «полемические материалы» и книга стоит 1 руб. 50 коп.¹⁸⁸!

Я бы на вашем месте и рук об него марать не стал. Вообще насчет «Нового пути» и мистики с «полетами»; насчет Александра Блока (прочтите, ради Бога, его «бред» в июнь-

¹⁸⁷ Ср. первое письмо Флоренского к Розанову от 9.09.1903 в наст. издании.

¹⁸⁸ См.: *Розанов В.* В мире неясного и нерешенного. С рисунками в тексте. Изд. 2-е. СПб., 1904. Ср. отзыв Н. К. Михайловского (Русское богатство. 1902. № 8): «Книга (...) содержит в себе не только статьи самого г. Розанова (...) но еще ряд «полемических материалов», ряд статей и писем разных авторов, возражающих г. Розанову или выражающих ему свое сочувствие», к ним присоединяются примечания, «а иногда выходит и еще многоэтажнее, так как г. Розанов делает примечания к примечаниям г. Шарапова, в журнале которого печатались (...) некоторые из полемических материалов».

ской книге «Нового пути»¹⁸⁹); насчет всяческих «тайн» и пр. и пр. — я установил вполне отчетливое суждение.

Мне очень важно знать, какие впечатления на Вас произвела фантазия «Три дня», напечатанная в «Новом пути» за июнь¹⁹⁰. Я много занимаюсь и чувствую себя прекрасно.

Крепко Вас целую.

Вал. Свенцицкий

P. S. Может быть, что не так написал, простите.

К. М. Аггеев — П. П. Кудрявцеву¹⁹¹

[9.07.1904. Карашин]

1904.VII.9

Дорогой Петр Павлович!

Я уже осел в Карашине, где начал свои занятия. Ожидаем теперь к себе тебя. По получении сего немедленно напиши, когда ты думаешь приехать: мы выйдем тебя встречать.

В бытность свою на минувшей неделе в Староселье я прочитал «Толстого и Достоевского» — Мережковского

¹⁸⁹ В этом номере журнала были опубликованы 9 стихотворений Блока 1903 г. Ср. сказанное по другому поводу: «(...) не есть ли это злоупотребление природным даром? Какая-то доля разумного должна же быть и в прекрасном, иначе оно становится просто глумлением над душой» (*Мани Т. Иосиф и его братья*. М., 1987. Т. 2. С. 617).

¹⁹⁰ *М<арк> В<ишняк>*. Три дня (Фантазия) // Новый путь. 1904. № 6. С. 102–106.

11 апреля 1904 г. Эрн писал Ельчанинову: «Свенцицкий просил меня написать тебе о следующем. Его товарищ Вишняк написал какую-то вещь, не то поэму, не то стихотворение в прозе... под заглавием «Три дня», и хочет послать их в «Новый путь». Не можешь ли ты обратить внимание Мережковских на него?» (От Афин к Иерусалиму Небесному / Автор-сост. П. В. Флоренский. Т. 2. М., 2011).

¹⁹¹ Печатается с комментариями по: *Балакшина*, 2014. С. 278–279.

1-й том¹⁹². С нетерпением буду ожидать 2-й том, который ты захватишь (я забыл у тебя). Своей основной идеей трилогия Мережковского возбуждает много мыслей, относящихся к моей работе... После Мережковского взял я Трубецкого «Критический очерк»¹⁹³ о Ницше — маленький: помню, ты хвалил его, мне и захотелось прочитать. И там — немало мыслей по моему вопросу. Какое удивительное совпадение! Основные мысли и чувства Ницше — философское ощущение действительности и стремление возродить ее в искусстве. У Леонтьева религиозное отрицание действительности и стремление возродить в искусстве для здешнего мира и в вечной жизни: для загробного.

Помню, Московский Трубецкой [С. Н.] назвал Леонтьева корректно-православным, полагая, что Православие в значительной степени выражается в Леонтьевском аскетизме. Киевский Трубецкой [Е. Н.] тоже напирает на слова: «весь мир во зле лежит». Неотложным для меня вопросом является учение православной Церкви об аскетизме. С практиче-

¹⁹² Имеется в виду литературно-критическое эссе Д. С. Мережковского «Л. Толстой и Достоевский», опубликованное в 1900–1901 гг. в журнале С. П. Дягилева «Мир искусства» и в 1901 г. выпущенное отдельным изданием в 2-х томах.

¹⁹³ См.: *Трубецкой Е. Н.* Философия Ницше: Критический очерк. М., 1904. Евгений Николаевич Трубецкой (1863–1920) — князь, философ, правовед, брат С. Н. Трубецкого, независимый общественно-политический деятель либерального направления, издатель «Московского еженедельника». По окончании Московского университета преподавал в Ярославском юридическом лицее. Получил степень магистра (1892) и доктора (1897) философии. Обе диссертации были посвящены изучению западной религиозной мысли (первая — блж. Августина, вторая — религиозно-общественному идеалу западного христианства в XI в.). Главные его интересы лежали в сфере философии. Он получил место профессора в Киевском университете, откуда в 1905 г. перешел в Московский университет. Участвовал в организации и деятельности Психологического общества при Московском университете, МРФО, инициатор и сотрудник книгоиздательства «Путь» (1910–1918), член Поместного Собора 1917–1918 гг.

ской аскетикой я ознакомлюсь у Феофана. Но нет ли сочинений — нечто вроде Философии Христианской Аскетики.

В последние дни своего пребывания в Одессе получил письмо от ученицы Гаршиной, которое напоминает мне об организации внеклассного чтения. Вопрос очень серьезный и требует обсуждения, приезжай поскорее — побеседуем.

Целую тебя. Любящий свящ. Аггеев
Ст. Корсунь. С. Карашин.

П. А. Флоренский — Андрею Белому¹⁹⁴

[18.07.1904. Тифлис — Серебряный Колодезь]

18 июля 1904, Тифлис

Мир (и Мир) и благодать Господа Иисуса Христа!

Милый Борис Николаевич!

Как-то я сидел за работой — писал; приносят Ваше письмо, и в нем читаю некоторые из фраз, которые только что написаны мною: почти тождественные даже выражения. Это хорошо и радостно. В одной масонской рукописи я видел когда-то схематический рисунок мироустройства, а на рисунке надпись: «*Abyssus invocat Abyssum*» — бездна бездну призывает; выражение взято из псалмов¹⁹⁵, но с совершенно измененным смыслом. Теперь тоже происходят переделки Бездны — и Бездны хаоса и другой, «нашей». Вот на этом-то факте следовало бы внимательнее остановиться, потому что тут несомненный факт. Не Вы и не какое-либо отдельное лицо является в данном случае «*Abyssus*». Некоторая Бездна, т. е. то, что не имеет эмпирически ограничивающего Ее — дна, — звучит вечной гармонией, и перекликаются в нас, резонатором, отзвуки этой гармонии.

¹⁹⁴ Печатается с комментариями по: *Чертков*, 2017. С. 110–112.

¹⁹⁵ Пс. 41:8.

Милый друг, иль ты не слышишь,
Что весь этот гул трескучий
Только отклик искаженный
Торжествующих созвучий¹⁹⁶.

Слова перестают уже быть «моими» или «твоими» словами, они воспринимаются как заглушенные отклики иных слов — слов Слова. Если в мире сем такие переделки и созвучия резонаторов вызывают неудовольствие и ярость («как он смеет говорить то же, что и я: это — мое; pereant, qui ante nos nostra dixerunt¹⁹⁷»), то в Мире ином, в том мире, к которому мы стремимся, так «да не будет», но «да будет» обратно. Слова звучат в каждом индивидуально — ведь не индивидуальность, не идея данной личности, делающая ее абсолютно ценной и необходимой в Мирогражданстве, уничтожается, а только ее разделенность, обособленность, замкнутость в себе, — но слова уже не «мои» и не «твои». Даже и не «наши» общие слова. Слова у держащего в Себе, как в живом Разуме, полноту всякого слова — у Слова; они — Его. Там и тут жидко рассеянными звездочками вспыхивают оклики Слова; чаще и чаще мелькает лучезарная искорка — это одна из пылинкок попала в золотой снопок лучей; накаплиются светоносные брызги, перекликаются, и вся поверхность моря — шумящего и мятущегося многоголового чудовища, стада людского — покрывается нежно сплетенною сетью — кружевом мерцающей пены и мириадами блестящих искорок. Мы не можем не ждать, что вот-вот сияние разольется по всей поверхности, захватит светлою скатертью всякого, кто не хочет только сам погрузиться вниз, в холодную темную влагу, не можем мы отрешиться от впечатления, что отдельные оклики не сегодня завтра сольются в один полнозвучный аккорд и хаотическое море, мятущееся, выкристаллизуется в готические

¹⁹⁶ Неточная цитата из стихотворения Вл. Соловьева «Милый друг, иль ты не видишь...» (1892).

¹⁹⁷ Да погибнут те, кто раньше нас высказал наше (*лат.*).

кружевные соборы, в стройную музыку Церкви. Несется Дуновение где-то, но уже струйки «хлада тонка»¹⁹⁸ захватывают этот мир, холодная дрожь радости пробегает по всему телу, охватывает предутренняя свежесть.

Вот гудят вдали колокола перед Великой Заутрней, вот перекликаются горласто звонкие петухи.

Ой дівчя, дівчя жидівчя,
Ой кобись то так и не моя дітина,
Я казав би тя в Дунай кинути,
Втоди руській Бог із мертвих устав,
Коли тот каплун перед мя злетить,
Перед мя злетить, красно запіе.
Есть перед жидом тарель точений,
Тарель точений, каплун печений,
А каплун злетів, та й на облок сів,
Красенько запів, а жид остовпів.

Мы, не уславливаясь в символикe, можем говорить символически. Понимаем друг друга. Неужели это ничего не значит. Мы ненаучны; великолепно. Но ведь такое духовное единение есть факт, его надо же объяснить. Прилив сил надо объяснить. Радость надо объяснить.

Один из основных тезисов того сочинения о символах, которое я пишу¹⁹⁹, есть тот, что символы не есть что-нибудь условное, создаваемое нами по капризу или прихоти. Символы строятся духом по определенным законам и с внутренней необходимостью, и это происходит всякий раз, как начинают особенно живо функционировать некоторые стороны духа. Символизирующее и символизируе-

¹⁹⁸ 3 Цар. 19: 12.

¹⁹⁹ Сочинение о символах — возможно, статья «О символах бесконечности» (Новый путь. 1904. № 9). Возможно, также имеются в виду наброски, которые опубликованы в Записной тетради, см.: *Иванова*, 2004. С. 323–432.

мое не случайно связываются между собою. Можно исторически доказать параллельность символики разных народов и разных времен. Аллегии делаются (fiunt) и уничтожаются; аллегии — наше, чисто человеческое, условное; символы возникают, рождаются в сознании и исчезают из него, но они в себе — вечные способы обнаружения внутреннего, вечные по своей форме; мы воспринимаем их лучше или хуже, смотря по действительности некоторых сторон духа. Но мы не можем сочинять символов, они — сами приходят, когда исполняешься иным содержанием. Это иное содержание, как бы выливаясь через недостаточную вместительную нашу личность, выкристаллизовывается в виде символов, и мы перебрасываемся этими букетиками цветочков и понимаем их, потому что букетик на груди снова тает, обращаясь в то, из чего он был создан. Посмотрите, дорогой Борис Николаевич, будто в лаун-теннис играют: всюду в воздухе носятся букетики. Неужели можно сказать: «это мой букетик»? Мне иногда думается: впоследствии, тогда было бы хорошо устроить анонимность. Издает журнал братство; «моего» и «твоего» нету. Это я только фантазирую пока, да и никому еще не говорил. Что загадывать вперед: ведь все зависит от того, насколько мы сами проникнемся Христом. Такие вещи не делаются по заказу и намеченному плану, а если бы и сделались, то не имели цены... «Милости хочу, а не жертвы»²⁰⁰. Но можно пофантазировать. Почему литературная собственность не есть собственность, «мое», особое? Может быть, это самое собственное, и едва ли что так может действовать разделяюще, как литературное самолюбие. «Своего» не нужно. Не то чтобы никогда и нигде его не должно было быть, чтобы оно само по себе было плохо. Конечно, нет. Но «все можно, но не все полезно». Литературная собственность может мешать. И мешает, часто мешала, была «неполезной».

²⁰⁰ Ос. 6:6.

Тут, в Тифлисе, после заката солнца бывает иногда особое небо; такого я нигде не видал. Какое-то будто прозрачное, твердое, почти бесцветное, а за ним будто пламена далеко-далеко. Мне прежде всего вспоминается «стеклянное море, смешанное с огнем»²⁰¹, и это было бы для нашего неба лучшим описанием.

Читаю Ваши стихи, еще и еще и все более восхищаюсь. Есть разные стилистические и т. д. недочеты, но, быть может, это и к лучшему: рвется сквозь нее яснее непосредственность, невыдуманность. Очень хорошо. Все собираюсь написать статью для «Нового пути» о «Золоте в лазури», но не решаюсь. Ответственно очень. Ваш сборник по своему характеру (не по качеству, а по сути) — знаменье перелома, перевала сознания; новые виды раскрываются, хотя многое еще подернуто дымкой. Об этом новом (теургизм) надо сказать достойно Вашего сборника — для меня это трудно, если не невозможно²⁰².

Может быть, Вы, — простите за смелое предположение, — сами и половины в своих стихах не понимаете, не понимаете ценностей. С некоторыми вещами можно богослужение совершать. Об этом я расскажу Вам кое-что, когда свидимся.

Не знаю уж, я ли так сжился с Вашими стихами или они действительно так многообразны, как мне кажется, но на всякий момент жизни находится несколько стихов, и когда остаешься один, то невольно незаметно для себя напеваешь или шепчешь что-нибудь из Вашего.

Господь с Вами! Любящий Вас
Тифлис, Николаевская, 67.

²⁰¹ Откр. 15:2.

²⁰² Мысль о теургии (в написании Флоренского — феургии) станет впоследствии одной из центральных в капитальном труде Флоренского 1920-х годов «Философия культа» (Собрание сочинений. Т. 2. С. 5–625).

Епископ Антоний (Флоренсов) — П. А. Флоренскому²⁰³

[25.07.1904. Москва]

Мир Вам и Божие благословение!

Ваше письмо [от] 17 июля мною получено. Благодарю за добрую память и скажу несколько слов по содержанию Вашего письма.

Конечно, каждый христианин должен всегда быть с Богом, со Христом, и ничто не может и не должно разлучить его от любви Божией со Христом ([см.:] Рим. 8: 38, 39). Любить Христа — это значит соблюдать и исполнять Его слова, Его заповеди ([см.:] Ин. 14: 21–23).

О монашестве нет заповеди, а о родителях есть ([см.:] Мф. 15: 4; Мк. 7: 10; Еф. 6: 2). Не подумайте, что я говорю против монашества. Нет, не то, а вот что: желание монашества ведь может быть или истинно, или ложно; истинно, когда на то воля Божия, а ложно, когда нет на то воли Божией, а есть только личное самомнение и самовольное смирение. Слова Иисуса Христа: «И всяк, иже оставит дом, или братию, или сестры, или отца, или мать, или жену, или чада, или села имене Моего ради, сторицею примет и живот вечный наследит» (Мф. 19: 29) — не имеют никакого отношения к монашеству, которого тогда еще и не было, а тут речь идет только о том, что ради Христа требуется отказаться от всего, даже родного и дорогого, если иначе нельзя быть верующим христианином. Чтобы не было недоумений при чтении Евангелия, для этого нужно знать подлинный греческий текст и учение Церкви. Если суждено Вам быть в монашестве, то оно от Вас не уйдет. Но предварительно нужно испытать себя и, во всяком случае, раньше узаконенного срока, 30-летнего возраста, монашества не при-

²⁰³ Печатается по: Антропологические матрицы XX века. Л. С. Выготский — П. А. Флоренский: несостоявшийся диалог / Общ. ред. А. И. Олексенко. М., 2007. (Далее: Л. С. Выготский — П. А. Флоренский). С. 621. Адрес на конверте: Москва, Донской монастырь — Павлу Александровичу Флоренскому. Штемпель: 1904.07.25.

нимать. Конечно, для Ваших родителей тяжело знать Ваше желание монашества, и это правда, что монах для семьи человек посторонний и чужой. Но зачем же Вам было говорить им о том прежде времени и тем самым их беспокоить? Вероятно, Вы знаете монашество только по литературе, а самого монашества не знаете: «могий вместити да вместит» (Мф. 19: 12). Вам ведь еще и знать-то рано. По-моему, самое лучшее пока в Вашем положении, с согласия родителей, поступить в Духовную Академию и учиться, а там, по окончании курса, видно будет, что дальше делать. Вы толкуете о какой-то общественной деятельности. Значит, Вы помышляете не о монашестве, а о чем-то другом. Обеты монашествующих содержат в себе долг повиновения и ученичества, а не учительства и начальствования.

Будьте здоровы и благополучны. Кланяюсь Вашим родителям.

Епископ Антоний

В. П. Свенцицкий — П. А. Флоренскому²⁰⁴

[28.07.1904. Ольгино — Тифлис]

Ольгино 28/VII 04

Дорогой друг! Говоря о Розанове, Вы советуете мне не бояться слов — уверяю Вас: никакой боязни я не чувствую, очень хорошо понимаю также, какое бедное и ограниченное орудие «слово», — но хорошо знаю разницу между неясностью, происходящей от сложности идей и чувств, — и неясностью, которая является результатом бедности содержания и сознательного или бессознательного стремления прикрыть нищенское содержание глубокомысленной формой.

²⁰⁴ Печатается с комментариями по: *Чертков*, 2017. С. 113–116. Адрес на конверте: г. Тифлис. Николаевская, 67. Штемпели: Спас-Клепки 31.II.1904; Тифлис 6.VIII.1904.

Спор о Розанове действительно становится трудным, в силу того что я могу говорить только о том, что сказал г. Розанов, а Вы можете говорить также и том, что он хотел сказать.

Вы усматриваете в писаниях Розанова мистические глубины, которые, по вашим словам, не есть ни «идеи», ни «философия», ни даже «толковое писание», — я же, действительно, усматриваю только неясные идеи, плохую философию и юродствующий слог²⁰⁵. В целой серии знаков восклицательных, которыми пересыпает Розанов свои статьи, вроде: недоумеваю!.. Страшно поднять очи!.. Трепещу!.. по-моему мистики столько же, сколько в пироге с ливером.

С Шараповым²⁰⁶ же я никаких дел не имею²⁰⁷.

«Читая Розанова, — пишете Вы, — нужно не придиричиво цепляться за фразы, а с любовью стараться уловить смысл», — но иной раз любовь является тем же, — по своим последствиям, — как и «настроения»...

Глядя на какой-нибудь купол, сделанный из мозаики, в магометанской мечети — могут явиться глубочайшие идеи, — если лицо созерцающее будет на них способно, — но на куполе они не написаны. И в странное положение попал бы мыслитель, который тех, которые смотрели на купол и не прочли там философской системы, — стал упрекать в безграмотности...

²⁰⁵ Ср. отзывы о личной дискуссии Свенцицкого и Розанова в 1908 г.: последний «показал, что никакой философией, в смысле систематического воззрения, он в настоящее время не обладает, он поэт земных идеалов» (Московский еженедельник. 1908. № 13. С. 53–59); «оставил впечатление чего-то сумбурного, гаерского, чему место (...) никак не в собраниях общества, принявшего громкое название философского» (Колокол. 15 (28) марта 1908. № 624. С. 3).

²⁰⁶ Сергей Федорович Шарапов (1855–1911) — публицист, редактор-издатель еженедельной газеты «Русское дело».

²⁰⁷ С. Ф. Шарапов был одним из учредителей Союза русских людей в Москве (1905); автор статьи «Жмеринские львы и буйствующий В. В. Розанов». См.: *Шарапов С. Ф. Сочинения*. Т. 2. Вып. 4. М., 1901. С. 14–21.

Ваш Розанов пишет набор фраз, пишет, выражаясь словами Михайловского, «маханально»²⁰⁸, цепляясь за созвучия, пересыпая все: «тайна!..» «не постигаю!..» А Вы прочтете слово «Бог» и переживете, увидав это слово, целую вереницу идей, — а потом пишете: «Розанов несет в дар философии такое количество материала, какого еще, быть может, никто из наших писателей не приносил». — И смешно, и обидно.

Я чрезвычайно рад, что мы с Вами несколько столкноваемся по вопросу о Едином Сушем. Мы с Вами дотолковались до признания Единого наряду с отдельным. Вы совершенно верно отметили, что вся суть «в каком смысле понимать отдельность».

Вы даже излагаете, в каком смысле Вы понимаете ее. Для меня проверкой истинности всякого умозрения и всякой философии является Евангелие. Зная, что в этом мы стоим с Вами на одной почве, я прежде всего и укажу, что вопрос, мною выставленный, вопрос об Аде, при Вашем умозрении остается вопросом.

Пусть в «Царстве Божием нет личного существования» (в известном смысле), потому что каждая «часть» имеет своим «центром» Иисуса Христа, но те, которые вне Царствия, очевидно, не имеют Христа своим центром. Ад, по-Вашему, очевидно, есть «дробности». Эти «дробности» являются результатом «самоутверждения частей». Во-первых, мне не ясно, есть ли это результат стремления к самоутверждению или это самоутверждение, так сказать, удавшееся. Если оно факт свершившийся, то спрашивается, может ли быть такое самоутверждение лишь результатом

²⁰⁸ «Очевидно, выводя эти слова пером на бумаге, г. Розанов не давал себе никакого отчета в том, что он пишет, а писал именно с разбегу и без оглядки, «маханально», как говорит один купец у Островского» (*Михайловский Н.* О г. Розанове, его великих открытиях, его маханальности и философической порнографии // Русское богатство. 1902. № 8. С. 203).

пассивного, как Вы выражаетесь, «недопускание Христа». Ведь Ад будет не отсутствие наслаждений, а присутствие страдания, т. е. начала активного. Очевидно, та форма загробного бытия, которую Вы представляете как некоторое самоутверждение части, самоутверждение, в основу которого полагаете «недопускание Христа», не соответствует Аду страданий, который имеет в своей основе творческий грех. И священное писание и творения св. отцов полны явного различия «глухоты» к восприятию Христа и врагов Христа, «не слушающих» и «Антихриста». Вспомните, что есть грехи не прощаемые во веки, как например хула на Духа Святого.

О связи Ваших рассуждений по поводу множества в Абсолютном и типах святости ничего сказать не могу, так как Вы только обмолвились словечком, и я с должной ясностью не представляю, что Вы хотели сказать. Мне это очень интересно, а поэтому, если соберетесь, напишите, пожалуйста.

По вопросу о пресловутых «настроениях», а в связи с этим о познании, мы все еще стоим на точке непонимания друг друга.

Вы пишете: «Я думаю, что ничего нельзя судить о человеке на основании чисто эмпирического наблюдения».

Совершенно верно. Но никогда я и не говорил о «чисто эмпирическом наблюдении как методе познания».

Далее Вы выставляете 4 способа познания.

С тремя последними я вполне согласен, а именно: 2) из непосредственной, неизвестно откуда явившейся уверенности (мистическое восприятие?); 3) ясновидение и Дух Святой. Лишь с оговоркой, уничтожающей Ваше замечание, что «непосредственной уверенности часто не бывает». По-моему, это необходимое условие познания личности и имеется всегда.

О первом речь особо. Вы пишете «настроение» Но что это такое? Если Вы это слово не объясняете по-своему, то Вы должны принимать его в общепринятом смысле. Тогда Вам придется под «настроением» разуметь то ощущение, то чув-

ство, которое является суммой целого ряда воспринятых впечатлений. А если так, то оно не есть метод познания, а есть результат познания.

В силу этого мое соображение и мое замечание, Вас касающееся, остается в прежнем виде и в прежней силе: нельзя людям, склонным к настроениям, т. е. к разно ощущаемой «сумме» впечатлений, получая какие-либо впечатления от нового лица, свои настроения считать за впечатления именно от данного лица и на основании этого настроения (которое неверно принимается за впечатление) давать оценку этого лица.

Весьма возможно, что под настроением Вы разумеете совсем другое, тогда напишите.

†

Насчет Алабиной и денег следующее: я от нее ничего не получал, а потому и ей ничего сделать не мог. Вы спрашиваете, куда мне привезти деньги, — адрес такой: Рязанско-Владимирская ж.д., ст. Спас-Клепики, Василию Владимировичу Шеру²⁰⁹. (Не для Валентина Павловича Свенцицкого) Только надо ли это? Ведь уже теперь конец июля, может быть, до середины сентября будет достаточно и 25?

Насчет «Нового пути» — советую Вам подождать до осени, нам действительно необходимо решить этот вопрос радикально. Это самый существенный вопрос, в практическом смысле и по отношению нашего журнала²¹⁰. Дело в том,

²⁰⁹ Василий Владимирович Шер (1883–1940) — друг Свенцицкого в 1896–1904 гг. (об их взаимоотношениях см.: *Вишняк М.* Дань прошлому. С. 28–86; *Свенцицкий В., прот.* Собрание сочинений. Т. 2. С. 401–407), член ИФСО, с 1905 г. в РСДРП (меньшевик); член правления Госбанка СССР (1920-е), в 1930 г. арестован, все ложные обвинения признал, умер в тюрьме.

²¹⁰ Флоренский писал А. Белому 21 мая 1904 г. о задуманном журнале, посвященном вопросам религии: «“Новый путь” во многом не удовлетворяет; редакция боится серьезности, недостаточно обдумала, что она, собственно, хочет говорить и т. д. Наша задача — дать заранее обдуман-

что одним из самых важных пунктов нашего будущего издания я считаю необходимость выяснить, в каком отношении мы стоим ко всяким сторонам и партиям и что заставило нас выделиться в самостоятельный орган. Едва ли не с первого, с чего придется начать, — это с отповеди «Новому пути», ибо нет врагов более опасных, как врагов в том же «костюме» и в том же «лагере», их можно узнать только путем «вскрытия». Несогласие по этому пункту делает немыслимым одну из существеннейших задач журнала, а значит, и сам журнал. Между тем, покудова разногласия несомненны: Вы говорите — он велик, но одинок, а я говорю — он прохвост, каких много, — разница порядочная!

†

Вы пишете: «Простите голубчик, что приходится нам переписываться в таком разном тоне» и т. д. Пожалуйста, без «настроений»! Не знаю, какой «тон» моих писем, знаю, что я люблю Вас всей душой и всем сердцем, горячо и сильно.

А затем прощайте, крепко жму Вашу руку и крепко целую Вас.

Христос с Вами!

Вал. Свенцицкий

P. S. Если отсюда уеду — то письма не пропадут.

[на отдельном листе:]

Насчет дневника Достоевского могу сказать следующее: по содержанию я ставлю его очень высоко, может быть, выше даже его беллетристики. Форму одобряю вполне. Больше того: все мною написанное первоначально имеет вид такого «дневника» — иначе писать я совершенно не могу. И уже затем я выделяю «целую» работу. Но, конеч-

ный и единый по настроению периодический орган, который имел бы не временное значение, а сохранял бы ценность, как книга (...) Наш кружок уже стоворился между собою, что каждый думает приготовить. Среди других Вам известных лиц (т.е. Эрн, Свенцицкий) будут еще Ельчанинов и кое-кто, кого Вы не знаете» (*Чертков*, 2017. С. 102).

но, далеко не все может быть выделено в «целое» — и, может быть, иногда самое важное: истина ясно сознаваемая, но недоказуемая, впечатление самое яркое, но не имеющее законченности, чтобы стать «рассказом».

Из этого Вам, конечно, ясно и мое отношение к дневнику — это одно из самых родных моих произведений, и именно не столько по своему содержанию, сколько в своей «целостности»²¹¹.

Вал. Свенцицкий

Н. А. Бердяев — Л. Ю. Рапп²¹²

[Первая половина августа 1904. Цюрих]

Родная моя детка, наконец-то я получил твои письма и сам могу много написать. Первое письмо меня огорчило, а второе сделало меня счастливым. Меня ужасно беспокоит твое здоровье, много я также думаю о судьбе твоего дела, чем кончится суд²¹³, в последнее время я очень

²¹¹ Ср.: «Там действительно все частное соединяется с общим во внутреннем единстве, и, читая «Дневник писателя», живешь с Достоевским, а не узнаешь лишь отдельные мысли его чисто головного свойства (...) Вопросы политики, вопросы дня, пестрые впечатления жизни сливались так тесно с напряженнейшими моментами его жизни, выражавшимися в его художественном творчестве, что это не могло нарушить цельности «Дневника». (...) Не признать живую органическую его цельность невозможно» (Свенцицкий В., *прот.* Собрание сочинений. Т. 2. С. 125).

²¹² Печатается с комментариями по: Письма молодого Бердяева / Публ. и коммент. Д. Барас // Память: Исторический сборник. Вып. 4. Париж, 1981. (Далее: *Барас*, 1981). С. 221–222.

Лидия Юдифовна Рапп (урожд. Трушева, 1874–1945) — будущая жена Н. А. Бердяева.

²¹³ В 1898–1904 гг. Л. Ю. Рапп принимала участие в харьковских революционных кружках и несколько раз (впервые в 1898–1899 вместе с сестрой Е. Ю. Рапп и ее мужем Е. И. Раппом) привлекалась в качестве обвиняемой по политическим делам.

много об этом думаю. Не знаешь ли чего-нибудь нового по этому поводу? Ты не создана для обыденной общественной жизни и для сутолоки жизни, ты должна быть выше всего этого, так как ты «революционер духа» и можешь идти совершенно новыми путями. Как много общего в наших настроениях и стремлениях! Это меня особенно радует и укрепляет. Какой, действительно, ужас, что мы могли не найти друг друга, а мы нашли, нашли наконец, это я чувствую всем своим существом, и мы уже не одиноки. У меня бывают минуты вдохновения и просветления на кого-то, и тогда я ощущаю рождение новой жизни... Мы с тобой стоим на великом повороте, на пути к новому Богу. Нужно только сбросить с себя эту кошмарную власть обыденности, какими бы добродетелями она ни прикрывалась. Я иногда не без горького чувства сознаю, до какой степени мне чужды демократические чувства и интересы, до какой страшной степени я аристократ не только во внутреннем, но и во внешнем смысле этого слова. Я люблю контрасты жизни, люблю яркие краски, люблю красоту во всем строе жизни, ненавижу плебейство, страдаю от грязных ногтей, от скверного запаха, от грубых манер. Во мне часто играет моя кавалергардская аристократическая кровь и влечет меня к шампанскому, к хорошим Hotel'ям, к первому классу. Иногда я ловлю себя на том, что жизнь для меня обесцветилась бы, если бы в ней все было уравнено, исчезли бы контрасты, водворилось бы организованное насильственное добро. Даже ты, может быть, осудишь меня за это. Спасает меня только ненависть к духовному плебейству сословной аристократии и безмерная любовь к свободе. Только к свободе у меня и есть вкус, она непосредственно связывает меня с жизнью, и ей я никогда не изменю. В жизни своей я любил только три вещи, любил неумело и беспредельно философию, свободу и красоту. Теперь также люблю еще одну большую вещь, красивую, свободную и философскую, люблю тебя, хочу окружить тебя красотой, по-

строить для тебя храм и поклоняться тебе, тем самым поклоняясь и самому себе. Сейчас в Цюрихе смотрю из окон первоклассного Hotel'я на нашу суетливую демократическую молодежь и думаю горькую думу о ней и о себе. Что меня связывало с ней всю мою сознательную жизнь, почему я любил эту интеллигенцию русскую, нелепую и часто раздражавшую меня почти физически, почему чувствовал какой-то долг перед ней? Я прошел (...)²¹⁴

Андрей Белый — П. А. Флоренскому²¹⁵

[12.08.1904. Серебряный Колодезь]

1904 года [12 августа],

Серебряный Колодезь

Дорогой Павел Александрович, ну конечно, мы совпали! В то время, когда Вы писали о символах как об элементах, формирующихся по определенным внутренним законам, я писал о символе как об определенной эстетической единице, как о мере художественного измерения, как о едином неоплатоников, как о чем-то, покрывающем школьные понятия о форме и содержании, и старался вывести закон сохранения творческих усилий из понятия о Символе как частный случай выражения символической доктрины в эстетике. Очевидно, теперь это порхающая мысль времени. Она нас обвеваает ласковым дуновением, посылая нам одинаковые букетики. Весело и радостно работать, когда чувствуешь, что «Оно» само напрашивается на то, чтобы быть высказанным. Только что недавно получил письмо от Алексея Сергеевича²¹⁶ и по нему увидел, что мы тоже значительно совпадаем. Оба страшно обрадовались рождению царевича Алексея, можно ли было

²¹⁴ Конец письма утрачен.

²¹⁵ Печатается с комментариями по: *Иванова*, 2004. С. 465–466.

²¹⁶ Петровского.

дать иное название ему²¹⁷, родившемуся в столь смутное время. Радуюсь войне²¹⁸: чем хуже, тем лучше. Заметьте, что разгром одних эскадр и рождение наследника совпали: последняя дымка, скопившаяся до войны, теперь разрядилась и от этого наследник мог родиться: прежде дымка ему мешала.

Стоят «душные, знойные дни», и опять, и опять хватаюсь за Владимира Соловьева и весь бываю объят чувством конца:

Печальные ели
Застыли вдали без движенья.
Пустыня без цели
И путь без стремленья.
И голос все тот же звучит в тишине без укора:
Конец уже близок: неожиданное сбудется скоро.

(Владимир Соловьев)²¹⁹

Иной раз мне кажется, что Соловьев — посланник Божий не в переносном, а в буквальном смысле, а если и не все соответствует в нем тому представлению о посланнике свыше, которое требует от такого посланника легкости и усмирности (это против Алексея Сергеевича), то ведь понятие о легкости воззрений чисто догматическое: многое в Соловьеве заставляет признать истинного пророка вопреки всему. Часто я внутренне бунтую против соловьевства и потом снова и снова проникаюсь его духом. Его «Теоретическая философия» (том VII) и стихи прямо гениальны, особенно: «Три свидания», «У царицы моей...», все о «Сайме», «Обида», «Море» и т. д.

Если бы Достоевский обладал той степенью прозорливости, как Владимир Соловьев, то вместо «Братьев Карамазо-

²¹⁷ Наследник престола цесаревич Алексей родился 30 июня 1904 г.

²¹⁸ Русско-японская война началась в январе 1904 г., и к августу русские войска отступили под Ляоян.

²¹⁹ Неточная цитата из стихотворения Вл. Соловьева «Сон наяву» (1895).

вых» мы имели бы «Апокалипсис». Достоевский бы сумел показать товар лицом, Соловьев же прятал все наиболее глубокое в себе, высказывая это в парадоксах и сопровождаемая своим характерным смешком «Хе-хе». Смешок этот так и застыл на портретах его, заставляя подчас — и совершенно напрасно — видеть в Соловьеве нечто демоническое²²⁰. Но демонизма как страсти в нем нет, нет и нет.

Дорогой Павел Александрович, надеюсь теперь скоро увидимся. Я думаю выехать из деревни 20 августа и затем с мамой поехать в Саров²²¹. К 1 сентября буду непременно в Москве. Все же простите меня за внешнее, что пишу здесь, но тороплюсь, сегодня надо еще написать много писем, а времени мало.

Христос с Вами!

Остаюсь любящий Вас Борис Бугаев.

Р. S. Подал прошение в Университет. А Вы как с Академией? Надеюсь, будете часто бывать в Москве²²² и у меня, конечно. Надеюсь, мы будем все видеться.

²²⁰ О смехе Вл. Соловьева Белый написал в своей статье «Владимир Соловьев»; см.: *Белый А.* Арабески. М., 1911. С. 392. В статье «Рыцарь-монах» (1910) Блок также упоминал соловьевский «хохот, который все вспоминают особенно охотно» (*Блок А.* Собрание сочинений в 8 т. Т. 5. М., 1960. С. 449); о смехе Соловьева писал Евг. Трубецкой в статье «Личность Вл. Соловьева» (О Владимире Соловьеве. М., 1911. С. 54). Э. Голлербах вспоминал, что «Розанову не нравился даже у Владимира Сергеевича тот смех, который многие находили детски чистым и заразительным. Ему мерещилось в нем что-то странное, демоническое» (*Голлербах Э.* История одной полемики: Вл. Соловьев и Розанов // *Сполохи* (Берлин). 1922. № 13. С. 22).

²²¹ О посещении Саровской обители в августе 1904 г. Белый писал: «В конце месяца с мамой едем в Саров; скорее тяжелые впечатления от Сарова» (*Белый А.* Ракурс к дневнику // *Белый А.* Автобиографические своды. С. 352).

²²² Флоренский с осени 1904 г. стал слушателем МДА и переехал на жительство в Сергиевский Посад.

В. Я. Брюсов — Л. Н. Вилькиной²²³

[*Не позднее 15 / 28.08.1903. Старое Село*]

1903

Старое Село

Я вспоминаю Вас часто, Людмила, но не знаю, как стал бы говорить с Вами при встрече. Быть может, нам было б не о чем говорить. Да, я печатаю свои стихи: книга выйдет в сентябре. И опять, как это бывало каждый раз, чувствую я, что все это, все стало для меня прошлым и ненужным. Есть особое чувство перепутья, чувство границы. С закрытыми глазами ощущаешь блеск пересекающихся дорог и невидимую линию, разделяющую два мира, и вдыхаешь воздух новых полей, на которые еще не ступал раньше. Приходят минуты этого ощущения, совершенно особого, не сходного ни с каким другим, и знаешь, что нечто в жизни кончено и началось что-то иное; что? — еще не знаешь, но не все ли равно! Мне было б трудно говорить с Вами, потому что я стою на перепутье. У меня еще нет слов, чтобы высказать все новое, наступающее, увлекающее в себя. Я еще не могу отказаться от старых слов, они еще владеют мной; но для меня они мертвые: я говорю теперь мертвые слова. Поймите (это трудно понять мне самому), что я не хочу теперь ничего из того, чего недавно желал так полно: ни силы, ни полноты мига, ни блаженства. Да, ни блаженства. Я пройду мимо мгновений, которые дали бы мне величайшее блаженство, все счастье, о котором можно помыслить, которые испепелили бы все мое существо пламенем восторга... Я когда-то тоже проходил мимо их — из страха; потом искал их и бросался в огненный водопад всем телом, теперь опять я должен идти мимо. О, конечно, не потому, что я «насытился» ими! Этих мгнов-

²²³ Печатается с комментариями по: *Котрелев, Лавров*, 2004. С. 338–339. Отправлено в Краттиген, переадресовано в Берн (почтовые штемпели: Krottigen. 30.VIII.03; Luzern. 31.VIII.03; Bern. 31.VIII.03).

вений было так мало! их может быть так мало! Но есть какая-то Судьба, Рок, Голос, не знаю... Здесь кончается власть «мертвых» слов, — и у меня еще нет живых.

Быть 16-го в те часы... Но почему не так: Вы будете, скажем, 10 октября, там, где я, хотя бы и в Петербурге? О, это «почему» в таких словах всегда останется между нами.

Шестова весьма «ценю», но никак «не смею» назвать ни себя его другом, ни его моим: ни по нашему знакомству (мы виделись раза два), ни по сходству наших взглядов (мы ни в чем не сходимся). Что до «Сони», то ведь Бальмонт во всех был влюблен столь же, сколько в нее, т. е. вполне, и все верили ему, как она, т. е. тоже вполне. В этом счастье Бальмонта и тех, кто ему верил.

«Грифа» я послал Вам в Петербург²²⁴. Посылаю еще и сюда. «Ваш» Валерий

Н. А. Бердяев — Л. Ю. Рапп²²⁵

[*Вторая половина августа 1904 г. Берн*]

Сегодня, родное и любимое дитя мое, я в очень философском настроении и хочу написать тебе большое философское письмо, которое сохрани для потомства.

Основная гносеологическая проблема это — проблема отношения мышления к бытию. Каким образом разум (мышление) может проникнуть в действительность (бытие), т. е. во что-то чуждое и инородное, и постигнуть ее, ассимилировать ее себе. Это чудо из чудес, величайшая тайна, над которой билась философская мысль с древнейших времен. Я окончательно пришел к тому выводу, что может быть только два типа теории познания и два решения гносеологической проблемы отношения мышления к бытию, это — ра-

²²⁴ Имеется в виду «Альманах книгоиздательства “Гриф”» (М., 1903), вышедший в свет в марте 1903 г.

²²⁵ Печатается по: *Барас*, 1981. С. 225–228.

ционализм и иррационализм, или мистицизм. Такого рода классификация может показаться парадоксальной и совершенно не принятой в философской литературе, она нуждается в особенном оправдании. Меня могут спросить, что я сделал с самыми распространенными гносеологическими направлениями, с критицизмом и эмпиризмом? Их я отношу целиком к рационалистическому типу, в этом своеобразии моей точки зрения. Рационализм рассекает живое непосредственное первичное сознание и создает путем искусственного условного противоположения субъекта и объекта вторичное рационализированное сознание, в царстве которого протекает наша обыденная жизнь. Бытие попадает в когти разума и умирает, оно не может жить в той клетке, которая создается категориями разума, ему тесно в пространстве, времени, живое не выносит логического деспотизма, созданного диктатурой разума. Рационализм создает объект познания, и в объекте этом ничто не существует, все умерщвлено, это условные знаки. Если объект обусловлен субъектом (разумом), если в нем разум узнает свою собственную природу, то очевидно в нем нет ничего безусловного, нет бытия в себе истинно сущего. Эмпирики клянутся опытом и даже совершенно отвергают разум с его априорными категориями, но они тоже рационалисты, только наивные и бессознательные. Ведь «опыт» эмпириков это опыт рационализированный, он протекает в определенных рамках, в пределах того же условного противоположения субъекта и объекта, в этом опыте не может быть чудес, тут мы встречаем беззаветную веру в закономерность природы. А почему не может быть чудес, почему такая вера в «закономерность»? Потому что эмпирики очень наивные люди, они не хотят признать, что их бог все тот же законодательный разум, дающий гарантию, что все будет в опыте по закону и что чудес и всяких бесчинств не будет; они только по философскому недомыслию способны утверждать, что опыт без руля и без ветрил есть их последняя инстанция. Критицисты, так или иначе примыкающие к Канту, больше всех

думали над гносеологической проблемой и выдумали много остроумного, они модернизировали и рафинировали рационализм и довели его до крайней степени. Считаться теперь приходится только с критицизмом, потому что старый рационализм и новый эмпиризм не играют теперь в философии почти никакой роли. Критицизм всех видов и оттенков конструирует весь данный нам мир из разума и водворяет как навыки в царстве идей и понятий, он насквозь идеалистичен. Последний продукт критицизма — имманентная школа гносеологического монизма (Шуппе²²⁶) решает проблему отношения мышления к бытию окончательным упразднением бытия, все оказывается в мышлении, имманентно ему, носит на себе его творческую печать. Критицизм постоянно смешивает сознание со знанием, с разумом и субъектами (в гносеологическом смысле) и вместо того, чтобы помещать бытие в сознании первичном, цельном и беспредельном, помещает его в сознании рационализированном, расчлененном, условно ограниченном. Рационализм всех оттенков (т. е. и эмпиризм, и критицизм) не может решить проблемы отношения мышления к бытию и не в состоянии построить такой гносеологической теории, при которой открылись бы двери для познания бытия реального, сущего. Рационализм или пытается дедуцировать из разума, из понятий учение о бытии, причем непозволительно логизируется бытие; или совершенно упраздняет бытие и приходит к иллюзионизму; или наивно принимает за бытие что-то кажущееся и условное. Из удушливой темницы рационализма нужно выйти на свежий воздух, на простор бытия. А это возможно только в том случае, если есть познание без раздвоения на субъект и объект, познание, не делающее своего предмета условным и мертвым, словом, познание, в котором дано абсолютное тождество субъекта и объекта и в котором, следовательно, мы соприкасаемся с истинным существом мира.

²²⁶ Вильгельм Шуппе (Ernst Julius Wilhelm Schuppe, 1836–1913) — немецкий мыслитель, представитель имманентной философии.

По принятой в философии терминологии такой акт познания может быть назван мистическим в противоположность рационалистическому. Этот гносеологический мистицизм есть вместе с тем настоящий реализм, так как он приводит нас в соприкосновение с реальным бытием, в то время как рационализм непременно идеалистичен и приводит нас в связь только с идеями. Моя теория познания признает трансцендентность всякого бытия мышлению, рационализированному сознанию и вместе с тем имманентность бытия сознанию первичному, нерассеченному, живому. Поэтому, с моей точки зрения, возможен трансцендентный, метафизический опыт, в котором может быть дано ничем не ограниченное богатство бытия. Понятие бытия вырабатывается из материалов, данных в непосредственном, живом, нерационализированном сознании, и всякое бытие оказывается индивидуальным и живым, т.е. конкретным духом. Образчиком всякого бытия является мое «я», которое «я» мистически познаю без раздвоения на субъект и объект, так как «я» не противопоставляю себя своему «я» как субъект объекту, не превращаю это «я» в обусловленное и мертвое. Материалы первичного, нерационализированного, «мистического» опыта могут быть обрабатываемы метафизическим разумом, который это делает без создания условного объекта. И метафизический разум формирует понятие бытия, как субстанции, всегда индивидуальной, всегда живой, конкретнодуховной. Таким образом, признается первенство бытия над мышлением (т.е. реализм, а не идеализм), и разум не конструирует опыта (и бытия), а оказывается только инструментом, которым обрабатываются материалы метафизического опыта. Это одна сторона, та, с которой открываются двери для метафизического постижения сущности мира. А с другой стороны, разум создает мир рационализированного опыта, условный пространственно-временной мир, с которым имеет дело наука и практическая жизнь. Но я противник полного разрыва этих двух миров, я признаю в известном смысле имманентность трансцендентно-

го и вижу эту связь в человеческой психике, в которой, как в центре, переплетаются узлы двух миров, истинного метафизического и кажущегося эмпирического. «Я» себя сознаю и существом временно-пространственным, относительным, сыном «земли», и вместе с тем существом безусловным, вневременным и внепространственным духом, сыном «неба». Это двойственность сознания первичного, живого, нерассеченного и сознания вторичного, рассеченного. Моя философия хочет восстановить ту живую целостность духовного существа человека, при которой он соприкасается «мирам иным». Только в этой духовной целостности человек встречается и самого себя, и другого человека, и Бога. Это переход от отвлеченного мировоззрения к мировоззрению конкретному, которое возвращает нам веру в одухотворенность мира, в живую душу каждой травки, произрастающей в мире. Думается мне, что и смысл всемирной истории и индивидуальной человеческой жизни должен быть понят не реалистически, как понимает этот смысл религия людей нашего времени, а мистически... Сейчас в мою комнату ворвались звуки духовой музыки, и мне хорошо сделалось на душе. На меня странно возбуждающе действуют трубные звуки, точно разрываются грани нашего условного временного и пространственного мира. Я безумно люблю музыку Вагнера за эти трубные звуки. Понятно ли все, что я пишу, не кажется ли это бредом? В этом иррационалистическом бреде я укрепляюсь все больше и больше, и ему принадлежит вечность. Ни о чем «земном» не хочу сейчас писать. Целую твои ноги, дитя, это тоже для меня не такое уж «земное», хотя ты и ходишь по земле.

Твой философ.

Если захочешь, то я часто буду писать тебе философские письма.

Не получаю несколько дней твоих писем, так как моя корреспонденция в Цюрихе, и переслана она будет уж туда, куда я поеду из Берна. Пиши пока в Цюрих. Жду твоей фотографической карточки.

Н. А. Бердяев — Л. Ю. Рапп²²⁷

[*Вторая половина августа 1904. Кларанс*]

Сейчас получил твоё письмо (ответ на то, которое написано «кровью моего духа») и хочу тебе немедленно ответить, хотя всего несколько минут тому назад опустил тебе письмо. Мне кажется, что тебя пугает мой разрушительный демон, что ты его подозреваешь в желании разрушить наше счастье, помешать нашей радости. Всю жизнь мою неизменным спутником моего Бога был мой Черт, и я давно уже интимно свыкся с ним. Это, дитя мое, и есть «трагедия духа», а не трагедия личных чувств, и не думаю, чтобы это была трагедия слабых. Ты глубоко права, нужно или «прийти» или «уйти», третье было бы позором. Но для меня этот вопрос решен окончательно, так бесповоротно, как только это может быть для человека. Еще на заре своей сознательной жизни я нашел «в себе большую внутреннюю силу», которую противопоставлял бесконечным мукам моей беспутной жизни. И я никогда, ни на один момент не доходил до отчаяния, не терял веры в смысл жизни и в свое высокое предназначение в мире. Я всегда знал, куда иду и зачем иду, всегда чувствовал, что многому могу научить людей. Всегда у меня была уверенность в своих огромных, выходящих из ряда вон умственных силах и дарованиях и всегда я сознавал свое превосходство над другими людьми. То, что я писал тебе в этом «кровавом» письме, относится к сфере подпольной психологии. Мои сомнения, моя слабость начинаются там, где у других людей ничего нет. Я хочу перешагнуть через ту грань, через которую люди никогда не переходят за исключением немногих избранников Божьих, и то, что я называю своим бессилием, то не назвали бы бессилием самые сильные, самые умные, самые одаренные люди, так как они не посягают на божественное постижение тайны бытия. В эту ми-

²²⁷ Там же. С. 213–214. Письмо на бланке: Hotel-Pension Ketterer. J. Knecht, propr. Clarens — Montreux.

нута я говорю языком своей гордыни, но мог бы это сказать и языком смирения. Ведь гордыня и смирение — одно. Я твердо стою на своем пути и иду к единой цели, но путь мой мучительный и мятежный. Моей души коснулся «декаданс» нашей переходной, полной противоречий эпохи, и я глубоко его пережил. Я во многом «декадент» в подлинном смысле этого слова, но это не последнее слово, которое можно и должно обо мне сказать. «Декадентское» разрушение не коснулось моей коренной, составляющей мою интимную природу, веры в смысл жизни и в свое индивидуальное предназначение в мире. Я ведь не только сознательно, надуманно, по философским построениям своим, но и стихийно, безотчетно, каждой клеткой своего духовного существа верю в бессмертие, в безвременную, вечную жизнь моего индивидуального духа. В моем бессмертии я никогда, понимаешь, никогда не сомневаюсь, внутренне для меня даже тут нет вопроса, во всем могу усомниться, но не в этом. Поэтому для меня «уйти» имеет другой смысл, строго говоря «уйти» от себя нельзя, «уйти» от жизни нельзя, потому что мы во власти жизни вечной. А отсюда я делаю то заключение, что нужно принять всякую муку жизни, нужно пройти через все и творить свое будущее и будущее мира. «Уйти» может только тот, кто не верит в бессмертие, для меня этот путь во всяком случае исключен. Хотел бы я еще сказать тебе о тайне и истине, это великий вопрос. И для меня мир есть тайна, но я отодвигаю эту тайну, я до тайны хочу завоевать себе безмерное царство. Метафизика и религия упираются в тайну, ведь признать бессмертие души не значит упразднить тайну, а значит обогатить и то, что по эту сторону тайны, и то, что по ту ее сторону. Позитивизм живет в душевной комнатке, и тайной для него являются ее стены. Я хочу выйти на широкий простор, и моя тайна на далеком, далеком горизонте, к которому я иду. Люблю тайну, но вечно буду идти вперед, искать истину, буду выходить из всех оград, буду разбивать все стены, т. е. буду метафизиком, а не позитивистом. И я, родная, потерял вкус к несчастью в области «личного

счастья», я слишком пострадал на этом и устал. Хочу радости, хочу дать тебе большое счастье. Я верю в себя, но и ты должна верить в меня. Целую твой лобик, твои глазки.

Твой.

В. П. Свенцицкий. Прощение в Императорский Московский Университет²²⁸

[25.08.1904. Москва]

В Совет профессоров историко-филологического факультета.

Весной истекшего 1903/4 учебного года я, страдая хронической болезнью, туберкулёзом лёгких²²⁹ и от более обычного усиленного обострения процесса, обратился весной к суб-инспектору Софийскому²³⁰ за советом, как мне лучше поступить: подать ли прошение об условном переводе, не держав экзаменов вовсе, или держать, покуда хватит здоровья. Субинспектор сказал мне, что хотя по уважительной причине меня и могут перевести условно на 2-й курс, но что лучше, если я попробую выдержать хотя бы некоторые экзамены.

Я держал 6 экзаменов, всё время находясь в нерешительности, смогу ли я явиться на следующий. На греческом экзамене я чувствовал себя уже так плохо, что, получив балл 3-, обратился после экзамена к профессору Никитско-

²²⁸ Печатается с комментариями по: *Чертков*, 2017. С. 117–119.

²²⁹ Свенцицкий с детства страдал хроническим воспалением верхнего правого легкого. По врачебному заключению от 26 мая 1904 г., «вследствие убыстрения в течении процесса за последнее время ему настоятельно рекомендуется оставить всякий труд, для поправления здоровья ехать на южный берег Крыма» (ЦГАМ. Ф. 418. Оп. 317. Д. 999. Л. 32).

²³⁰ Илья Васильевич Софинский — преподаватель русского языка в 1-й Московской прогимназии (1890-е), субинспектор и член стипендиальной комиссии Московского университета (до 1917 г.).

му²³¹ — назначившему для получивших 3- переэкзаменовки 26 мая, — с просьбой позволить мне передержать весной следующего года при переходе на 3-й курс, так как я, по всей вероятности, не в силах буду явиться на переэкзаменовку 26 мая. Профессор Никитский уважил мою просьбу.

На последний экзамен по римской истории я не мог явиться и подал прошение об условном переводе.

Постановлением Совета просьба моя была отклонена. Ввиду того что причиной такого постановления, видимо, послужила моя плохая успеваемость по древним языкам, выражавшаяся в плохих баллах по латинскому и греческому (3 и 3–) и плохом зачёте по латинскому языку, и ввиду того что Совет постановил своё решение, не зная всех обстоятельств, — я решаюсь обратиться с нижеследующими разъяснениями.

С раннего детства я был очень слаб и в младших классах, уже принуждённый работать, несколько раз оставался по болезни. В пятом классе 1-й Московской гимназии я захворал и должен был два года жить в Крыму. Здоровье моё, однако, поправлялось очень плохо. Так как я незаконнорожденный сын, мне никто не помогал, и мне приходилось не только лечиться, но и кормиться, зарабатывая отчасти мелким литературным трудом, отчасти трудом очень тяжким, даже физическим. Особенно много работать мне приходилось потому, что нужно было копить деньги на предстоящее ученье. Наконец через два с лишком года мне удалось поступить в частную гимназию Креймана, где я и окончил курс через три года. Всё это может подтвердить Р. Ф. Крейман²³², который

²³¹ Александр Васильевич Никитский (1859–1921) — филолог-эпиграфист, с 1902 г. ординарный профессор Московского университета, в 1906–1908 гг. декан историко-филологического факультета, в 1910–1915 гг. приват-доцент СПУ, с 1917 г. действительный член АН.

²³² Рихард Францевич Крейман (1872–1938) — окончил медицинский факультет Московского университета (1898), с 1901 г. руководил основанной отцом частной гимназией, в 1920-х бухгалтер в Гослаборснабжении.

каждую весну до экзаменов отпускал меня в Крым, так как весной у меня начинались сильные кровотечения.

Эта же болезнь была причиной моего скверного зачёта и плохих баллов по древним языкам, так как во время ответов я впадал в такое особенное нервное состояние, что говорил совершенно машинально. Особенно это было на экзамене по греческому языку. На этом экзамене во время ответа я чувствовал себя настолько ужасно и давал такие ответы, что профессор Никитский сказал мне: «Вы, кажется, больны, — придите в другой раз».

Я даю честное слово, что всё это было так, и готов теперь, когда я чувствую себя лучше, документально доказать своё знание по древним языкам.

Конечно, оставление на второй год не кара, но в иных случаях это хуже кары. Для меня оставление на второй год равносильно выходу из университета. Во-первых, потому, что я живу только тем, что кончу университет и наконец получу возможность, не бегая по урокам, заняться своим здоровьем, и лишний год равносильен потере этой возможности. Во-вторых, потому что обстоятельства мои таковы, что нынешний год, при переходе на 2-й курс, я буду пользоваться небольшой материальной поддержкой одного лица.

Кроме того есть ещё обстоятельства, о которых мне говорить неудобно, — и которые окончательно делают для меня вопрос о переходе на 2-й курс вопросом о пребывании в университете.

Я очень хорошо понимаю, как мало я имею юридическо-го права на то, чтобы просьба моя была уважена, хорошо понимаю также, что трудно Совету входить в жизнь каждого студента, — но обстоятельства мои, право же, исключительно тяжёлые, и, может быть, Совет, узнав их, отменит решение.

А эти новые обстоятельства показывают: 1) что то незнание древних языков, за которое я был оставлен, не существует или, по крайней мере, не может быть заключено на тех основаниях, по которым о нём заключил Совет;

2) что оставление меня на второй год не является обычным средством заставить пополнить пробелы в знаниях, а будет иметь совершенно другие последствия.

Я прошу Совет назначить мне испытание по древним языкам и уже тогда сделать своё окончательное постановление²³³.

Н. А. Бердяев — Л. Ю. Рапп²³⁴

[*Конец августа 1904. Cläreus*]

Hotel Ketterer

Мне кажется, что от тебя очень давно не было писем, последний раз была открытка с одним словом. Не знаю, что с тобой сейчас, не чувствую твоего настроения. Боюсь, что некоторые мои письма произвели на тебя дурное и тяжелое впечатление. Но я писал их, потому что хотел быть очень искренним с тобой, хотел открыть себя с самых разнообразных сторон. Я очень противоречивый человек, и мою истинную субстанцию не так легко открыть. Но я хочу, хочу всем существом своим отдать тебе все, что у меня есть лучшего, сильного и значительного, хочу уничтожить во имя твое в себе все скверное, слабое и ничтожное. И я верю, что это будет, будет, дитя мое родненькое. Поехала ли ты уже к морю? Дня через два я еду в Женеву, а затем, может быть, во Флоренцию, но ты пиши мне сюда. К 1 сентября я буду в Киеве и хочу знать, как и когда встречу тебя. Был ли у тебя Шестов и завязалось ли между вами более близкое знакомство? Последние дни я довольно много работаю и много думаю. По вечерам у нас бывают литературно-философские беседы и чтения. Минский все хочет узнать мою философию. Это необычно-

²³³ В сентябре 1904 г. Свенцицкий получил допуск до экзаменов по древним языкам (греческому прозаику и римскому поэту) и после их успешной сдачи был переведен на II курс (ЦГАМ. Ф. 418. Оп. 476. Д. 31. Л. 64).

²³⁴ Печатается по: *Барас*, 1981. С. 231–232.

венно умный человек, вероятно, один из умнейших людей в России, но не нравится мне он, не верю я ему. Как трудно сойтись с кем-нибудь в интимнейших, индивидуальнейших настроениях своих, даже близкие единомышленники все-таки чужие друг другу. Я люблю индивидуальную историю своей души, дорожу теми особыми путями, которыми я пришел к своим верованиям и убеждениям. У меня есть своя интимная религия, и она неповторима в своей индивидуальности. И всю мою жизнь мне казалось все и вся чужим и далеким, я страдал от пропасти, отделявшей меня от самых близких мне людей, от самой родственной мне среды, от наиболее симпатичного мне круга идей. И мистический индивидуализм сделался моей религией. Я ощутил свою «индивидуальность» в вечности, поставил целью определение своего истинного «я» и осуществление своего индивидуального предназначения в мире. Но если я нашел в тебе свою «родину», если одиночество мое прекратилось, то история моей индивидуальной души должна превратиться в историю «нашей» души и каждый из нас должен вносить свое творчество в эту историю. Так должно быть, только тогда можно назвать это настоящим и значительным. Ведь и ты так думаешь? Нам предстоит еще решить целый ряд прозаических жизненных вопросов, это очень неприятно для таких возвышенных существ, как мы с тобой, но даже мы должны быть немного «позитивистами». Не слышно ли чего-нибудь нового о ходе твоего дела? Я с большим беспокойством думаю об этом. С Софьей Григорьевной Пти мы заключили союз добрых приятелей, но усиленно мистифицируем Минского и внушаем ему мысль о романтическом характере наших отношений (он всюду подозревает романы, такой уж он пошлый человек). Но особенно мне нравится муж Пти, это удивительно красивый и удивительно благородный человек. Прилагаю при письме список книг по новейшей немецкой литературе, так как ты этого хотела. Некоторые книги я купил. Осенью непременно прочту лекцию о Великом Инквизиторе в Киеве, Одессе и, может быть, в Харькове. Разреша-

ешь ли ты мне поселиться в номерах Иваницкого? Если это тебе почему-либо неприятно, то скажи прямо. Если же ты не видишь в этом никакого неудобства, то я непременно поселюсь там до переезда из Киева. Как твое здоровье, не болит ли моя дорогая головка? Целую ваши ножки. Жду писем с нетерпением.

Твой.

Н. А. Бердяев — Л. Ю. Рапп²³⁵

[28.08.1904. Флоренция — Киев]

Писем от тебя все нет и нет. Меня это начинает и беспокоить и раздражать. Отчего это, дитя мое? Я прекрасно понимаю, что можно быть в настроении, не подходящем для писания писем, но тогда можно написать открытку с одним словом. Уехал из Clärens, не дождавшись от тебя писем. Пробыл несколько дней в Женеве, но писем тоже не получил. Сегодня приехал в божественную Флоренцию и те дни, которые предполагаю здесь остаться, во всяком случае, не буду иметь писем, так как сказал пересылать свою корреспонденцию в Вену. Пишу тебе в номера Иваницкого, хотя надеюсь, что ты уже у моря. В Женеве имел много интересных впечатлений, о которых расскажу полно при свидании. Был на философском конгрессе, который был очень плох, но интересно было встретиться с разнообразными людьми. Никогда я не предполагал, что встречу такой благосклонный и даже дружественный прием со стороны заведомо враждебных мне элементов. Должен поделиться с тобой впечатлениями от Флоренции, хотя я тут всего один день. Это совершенно необыкновенный город, тут все необыкновенно, начиная с комнаты, в которой я живу. Я остановился в старинной гостинице, и мне еще никогда не приходилось жить в такой высокой и длинной комна-

²³⁵ Печатается по: Барас, 1981. С. 233–234.

те с причудливым потолком. Длинные и узкие окна высоко, и к ним нужно подниматься по лестнице, окна выходят на такую узкую улицу, что я почти могу коснуться рукой окон противоположной стороны улицы. Смотрю в окно и ощущаю средневековую жизнь, именно на такой улице должны были столкнуться Монтеки и Капулетти. Тут происходила знаменитая борьба гвельфов и гибеллинов. От каждого уголка Флоренции веет многовековой историей. И историей, созидавшей величайшую красоту. Тут жил Данте и сохранился его домик. Тут проповедовал Савонарола и был сожжен на знаменитой piazza della Signoria. На этом месте теперь вечный фонтан, которым потомство хотело залить огонь костра, на котором сгорел один из величайших людей Флоренции. В мире нет города, в котором накопилось бы так много великих памятников архитектуры, скульптуры и живописи, тут можно видеть эпоху возрождения в творениях первоклассных ее мастеров. Особенно сильное впечатление произвел на меня Боттичелли, это ведь самая большая гордость Флоренции. Я всегда имел пристрастие к Боттичелли, самому мистическому из художников. Но видал я еще мало и слишком поверхностно. Все время думаю о том, как хорошо было бы, если бы ты была здесь. Так хотелось бы перенести к тебе всю эту красоту. Софья Григорьевна Пти покупает во Флоренции виллу и приглашает к себе в гости. За все время своего путешествия за границей я видел очень много людей, теперь я в первый раз в полном одиночестве и очень счастлив. Поглощен мыслью о своем «Великом Инквизиторе»²³⁶. В Киеве буду приблизительно к 3 сентября. Как и где я тебя встречу? К мо-

²³⁶ Впервые издано в книге: *Бердяев Н.* Новое религиозное сознание и общественность. СПб., 1907. С. 1–32. Статья «Великий Инквизитор» была ее первой главой. В этой книге заложены основные мысли бердяевской философии истории, этики и эстетики, разработаны принципы оценки разных общественных движений, в том числе революции и реакции.

ему великому изумлению Луначарский²³⁷ и Богданов²³⁸ здесь не пользуются никаким кредитом, и один из вожаков марксизма²³⁹ даже сказал мне, что предпочитает меня этим господам. Жду твоих писем в Вене, хотя на это письмо уже не стоит отвечать. Целую твои глазки, скверное дитя. Твой.

²³⁷ Анатолий Васильевич Луначарский (1875–1933) — к 1904 г. один из лидеров большевиков, отбыв ссылку в Вологде, уезжает за границу, становится членом редакции газет «Пролетарий» и «Вперед», издававшихся в Женеве, где сближается с А. А. Богдановым (Малиновским) и В. И. Лениным. Первым браком был женат на А. А. Малиновской, сестре философа и политика А. А. Богданова (Малиновского). С Луначарским Бердяев был знаком еще со времен совместного участия в киевских революционных кружках, со вторым познакомился в Вологде в 1901 г. В 1901–1902 Богданов и Луначарский — главные (и по воспоминаниям Луначарского — успешные) оппоненты Бердяева во время диспутов и докладов, регулярно устраивавшихся ссыльными в Вологде. Об отношении Бердяева к Луначарскому и Богданову см.: *Бердяев Н. А. Самопознание: Опыт философской автобиографии.* Париж, 1949. С. 131, 136–137.

²³⁸ Александр Александрович Богданов (Малиновский, 1873–1928) — революционный деятель, большевик, врач, философ-утопист, ведущий идеолог социализма. В ссылке в Калуге познакомился с А. Луначарским, после перевода обоих ссыльных в Вологду Богданов работает врачом в местной психиатрической больнице. Одним из его пациентов был Бердяев, который вспоминает: «Курьезны были мои отношения с А. Богдановым (...) А. Богданов был очень хороший человек, очень искренний и беззаветно преданный идее, но по типу своему совершенно мне чуждый. В то время меня уже считали “идеалистом”, проникнутым метафизическими исканиями. Для А. Богданова это было совершенно ненормальным явлением. По первоначальной своей специальности он был психиатр. Он вначале часто ходил ко мне. Я заметил, что он мне систематически задает непонятные вопросы, как я себя чувствую по утрам, каков сон, какова моя реакция на то или иное и тому подобное. Выяснилось, что склонность к идеализму и метафизике он считает признаком начинающегося психического расстройства, и он хотел определить, как далеко это у меня зашло» (*Бердяев Н. А. Самопознание.* С. 136–137). В 1904 г., отбыв ссылку, выехал в Женеву, где, несмотря на идейные разногласия, сближается с Лениным.

²³⁹ Вероятно, речь идет о встрече с Г. В. Плехановым.

Н. А. Бердяев — Л. Ю. Рапп²⁴⁰

[31.08 / 13.09.1904. Флоренция — Киев]

Уже несколько дней я вне жизни, вне современности, вне людей. Точно меня перенесли в далекое прошлое и я живу его красотой. Я буду долго помнить эти дни, когда я соприкасался «мирам иным», когда так бесконечно далека была от меня суeta жизни и так близки были тени Данте, Савонаролы, Боттичелли, Леонардо да Винчи, Микельанджело. Сегодня слушал богослужение в храме S. Annunziata, украшенном фресками, представляющими чудо искусства, слушал звуки органа и понял великую власть католицизма над человеческими душами, от которой и до сих пор оно не может освободиться. Никогда, никогда рационалистический социализм не будет так могуч и прекрасен. Рационализм ведет нас в царство разума, ясное, устроенное, убившее «сказку», а в «сказке» вся красота жизни. Во Флоренции я примирился с Западной Европой, тут нет места ненависти к мещанскому позитивизму. Но настоящим образом я помешался на Боттичелли, о нем я даже не могу говорить и не могу думать. Как бы я хотел перенести тебя в эти храмы, ты ведь так любишь католические храмы. Приехал сюда из Женевы, где жизнь так суетлива, где видел так много людей. Это сильный контраст. Там был поражен любезностью и дружественным приемом генералов от марксизма, там прокатилась прозаическая и шумливая сторона моей жизни; здесь вневременная красота, далекая от всяких споров, возникших вокруг марксизма. В этой обстановке много думаю о тебе и о нас и открываю что-то новое. Ты еще не вполне меня знаешь, дитя мое, ты знаешь меня в очень исключительных условиях. Помнишь, я тебе несколько раз говорил, что в моем отношении к тебе много смиренности, странной и несвойственной моей природе. Эта смиренность была психологическим и моральным

²⁴⁰ Печатается по: *Барас*, 1981. С. 234–235.

продуктом того разрыва с тяжелым и скверным прошлым, который во мне происходил и в котором играло роль мое сближение с тобой. Теперь этот психологический процесс закончен, и моя смиренность исчезла. И это очень хорошо, родная, это даже необходимо. Если бы у меня осталось это смиренное настроение, вызванное особыми причинами, то я бы в конце концов ушел от тебя, я бы не вынес этой ненормальности, не вынес бы того, что в наших отношениях, самых дорогих для меня, не сказывается мое Я целиком, не остаюсь я самим собой. Скверное отпало, для тебя будет только хорошее, мое любимое дитя, но должна остаться вся сложность моей природы со всеми ее противоречивыми порываниями. Так должно быть, если ты хочешь получить меня, именно меня, каков я есть по своей сущности. Уже около трех недель не имею от тебя писем, не знаю, где ты, что с тобой. Меня мучит, что я не могу почувствовать твоего настроения, тоска минутами охватывает ужасная. Буду в Киеве 3–4 сентября. Целую свою родную детку. Твой.

Л. Н. Вилькина — В. Я. Брюсову²⁴¹

[6.09.1904. СПб.]

6 сентября 1904, Петербург

Понедельник

Я люблю ваши стихи — они такие сочные, округленные, немного слишком написаны земным *mâle'em*²⁴². По духу мне не так близки... Вы в Петербург ко мне не собираетесь? Досадно.

²⁴¹ Печатается с комментариями по: *Котрелев, Лавров*, 2004. С. 357–358.

²⁴² Т. е. самцом (*фр.*). Ср., однако, французское выражение «*style m le*» — «уверенный, выразительный стиль»; не исключено, что Вилькина играет словами.

Отчего не присылаете мне подарков? Обеднели? Хоть подсластили бы отсылку повести²⁴³. За это, Валерий, я буду долго злиться. Сонеты пришлю.

Я стала вас во многом не понимать, и мне это больно, а потому хотелось бы поговорить с вами. Как это сделать, когда вы упорно не приезжаете? И вообще, что с вами, что с вами? Как будто мне вас подменил кто-то.

Что было за это время в вашей жизни? Знаю, жена ваша была больна²⁴⁴, вы тоже. Знаю — вы собирались жить за границей. Почему? Зачем? Отчего вас не тянет ко мне, как меня к вам? Не женски, о нет, как женщина я чувствовать и жить перестала — надоела <Sic!> да и безвыходно, глупо. А так — по глубокому, ценному.

Ответьте мне настоящим письмом — хотите?

Гнев ваш на войну разделяю²⁴⁵. Душно и противно.

До свидания. Пришлите еще стихи. Хоть они говорят мне о вас настоящее.

А я исчезла из вашего сердца совсем? Совсем забыли «Лесную деву»²⁴⁶? И больно, и не смешно.

Увы, для красоты жизнь слишком ревнива и заглушает-ся предметами и обстоятельствами. До свидания, Валерий. Не забывайте меня.

Людмила

²⁴³ Подразумевается возвращение рукописи рассказа «Ее руки».

²⁴⁴ У И. М. Брюсовой были вторые неудачные роды (ср. письмо Брюсова к А. А. Шестеркиной: «9 марта 1904, день жаворонков, день моих именин. Опять ребенок мертвый». — ОР РГБ. Карт. 128. Ед. хр. 12), за которыми последовала затяжная болезнь. 29 марта 1904 Брюсов сообщал П. И. Бартеву: «Иоанна Матвеевна (...) в канун Пасхи вдруг разболелась очень неожиданно и очень сильно. У нее оказался сильнейший жар, свыше 40°, и полная потеря сил. На беду все знакомые доктора оказались в разъезде. Только к вечеру первого дня мне удалось разыскать одного, который нашел болезнь довольно опасной». Прим. 4. (РГАЛИ. Ф. 46. Оп. 1. Ед. хр. 594. Л. 85).

²⁴⁵ Вероятно, имеется в виду стихотворение — одно из тех, в которых Брюсов затрагивал тему Русско-японской войны.

²⁴⁶ Намек на стихотворение «Лесная дева» (26 ноября 1902), посвященное Вилькиной.

А. В. Ельчанинов — П. А. Флоренскому²⁴⁷

[21.09.1904. Москва — Сергиевский Посад]²⁴⁸

Дорогой Павлуша! Мне хочется с тобой посоветоваться по одному важному для меня вопросу. Ты знаешь мои намерения на эту зиму: в университете я слушаю английский язык, методологию философских наук, индийскую философию, у Блуменау²⁴⁹ и Нечаева²⁵⁰ работаю по теме об устойчивости внимания и слушаю некоторые курсы, с моими детьми тоже много самой интересной работы. Но... Ты знаешь, что во всяком деле у меня всегда было это «но», что все мои занятия казались мне бессмысленными и руки опускались; теперь то же самое и в такой степени, что прямо невозможу; мне надо полного одиночества, отказа от всех занятий, чтобы найти наконец то, что мне надо, что дало бы смысл моим поступкам. Вчера моя Соня²⁵¹ сказала мне: «Ты гонишь от себя свои мысли, ты боишься их». Она, конечно, права, это всегда было, я всегда шел по линии наименьшего сопротивления, и это мне надоело. Мой план такой: я попрошу у мамы разрешения и, посоветовавшись с тобой, поеду на Черноморское побережье к тамошним пу-

²⁴⁷ Печатается с комментариями по: *Павлюченков*, ВПСТГУ 2011/1. С. 94–95.

²⁴⁸ В публикации С. Черткова (*Чертков*, 2017. С. 120) указана дата 29.09.1904. — *В. К.*

²⁴⁹ Леонид Васильевич Блуменау (1862–1931) — невропатолог, доктор медицины, приват-доцент Военно-медицинской академии, профессор клинического института великой княгини Елены Павловны в Петербурге.

²⁵⁰ Александр Петрович Нечаев (1870–1948) — российский и советский психолог, основал в Петербургском университете психологический кабинет, затем лабораторию экспериментальной педагогической психологии, читал курс педагогической психологии. См. также примеч. к письму А. Ельчанинова к П. Флоренскому от 4.03.1904.

²⁵¹ Предположительно гражданская жена А. Ельчанинова. — *Примеч. С. Черткова.*

стынникам²⁵², если они меня примут: там, около Адлера, есть несколько групп монахов, ушедших с Афона и живущих в глубине страны. Теперь я жду от тебя ответов на следующие вопросы: 1) Надеешься ли ты, что я вообще когда-нибудь приду к Христу? 2) Какие, по-твоему, условия нужны для этого? 3) Не надо ли мне пройти какие-нибудь подготовительные стадии?

Жду с нетерпением ответа. Жене²⁵³ ничего не говори.

Твой С.

В. П. Свенцицкий — П. А. Флоренскому²⁵⁴

[29.09.1904. Москва — Сергиевский Посад]

Флоренский!

Не мог приехать, потому что задержала г. Богрова²⁵⁵. В среду заседание бюро историко-философского общества²⁵⁶ — так что опять не могу. В пятницу Лопатин²⁵⁷. Так что уже на следующей неделе я посету Вас.

²⁵² Речь идет о пустынножителях, монахах, покинувших Святой Афон и поселившихся в горах Черноморского побережья Кавказа. О них пишет В. Свенцицкий в книге «Граждане неба. Мое путешествие к пустынножителям Кавказских гор». Пг., 1915.

²⁵³ Вероятно, речь идет об их бывшем общем однокласснике Евгении Архипове. С. Чертков (см.: *Чертков*, 2017. С. 120) полагает, что имеется в виду сестра А. Ельчанинова. — В. К.

²⁵⁴ Печатается с комментариями по: *Чертков*, 2017. С. 119. Открытка: по Московско-Ярославской ж. д. станция Сергиево, в Московскую духовную академию. Штемпели: Москва 21.IX.1904; Сергиевский Посад 22.IX.1904. Чертков датирует 29.09.1904.

²⁵⁵ Личность не установлена.

²⁵⁶ Историко-философское общество зарегистрировано в сентябре 1904 г. под председательством проф. С. Котляревского, стало прообразом МРФО.

²⁵⁷ Лев Михайлович Лопатин (1855–1920) — профессор Московского университета, читал курсы по истории новой философии и основным проблемам познания; председатель Московского психологического общества, заседания которого проходили в Круглой аудитории.

Вал. Свенцицкий

Н. А. Бердяев — Л. Ю. Рапп²⁵⁸

[*Сентябрь 1904. Киев*]

Сегодня отправил тебе письмо, но опять хочу написать тебе несколько слов. Мою душу наполняет какая-то необыкновенная, беспредельная нежность к тебе, радость моя, и я не могу не сказать тебе этого. Я целый день как-то наполнен тобой, припоминаю каждую черточку твоего существа и люблю ее, целую ее, мне все кажется прекрасным в тебе, таким родным и близким. Я уже даже перестаю понимать, как это я так долго мог быть без тебя, не ощущать твоей близости. А как я мог всю прошлую жизнь прожить без тебя! Никогда я не думал, что могу быть счастлив, до сих пор я слишком много занимался внутренней ликвидацией прошлого, а теперь я в настоящем и будущем и чувствую приближение огромного счастья. Хочу, чтобы в твоей жизни было как можно больше радости, чтобы жизнь сложила у твоих ног самые прекрасные дары. Я уже не могу думать о своем будущем и строить какие-нибудь планы без тебя, без того, чтобы ты играла в этом будущем главную роль. Мы победим прозу жизни и не позволим обыденности нас засосать, в это я глубоко верю. Я очень вам благодарен за позволение жить у Иваницкого, но сейчас еще не решаюсь туда переехать, слишком неопределенно мое положение. Жду Булгакова, который должен привезти некоторые сведения относительно журнала²⁵⁹, а главное жду тебя, чтобы решить во-

²⁵⁸ Печатается с комментариями по: *Барас*, 1981. С. 237–238.

²⁵⁹ Переговоры об участии «новых идеалистов» в «Новом пути» велись С. Н. Булгаковым. Для окончательного решения вопроса он в 10-х числах сентября 1904 ездил в Петербург. Возвращения его оттуда и ждал Бердяев. Приехавший в эти дни в Киев А. М. Ремизов сообщал О. Мад-

прос о моем дальнейшем местопребывании. Месяца два, во всяком случае, буду в Киеве. Передо мной, как и всегда, открыты два пути: один в стороне от большой дороги, путь индивидуальный, на котором выразятся только самые интимные стороны моего существа и самые сокровенные мои мысли; другой путь вмешательства в «дела мира сего», связывающий с другими людьми, осложняющий жизнь чисто внешними событиями. Первый путь — мой настоящий, но есть в моей природе стихия, которая влечет меня и ко второму. Одно другого не исключает окончательно, но тогда жизнь запутывается и теряет в своей чистоте. Такое дело, как журнал, есть самый идеальный способ соединения двух путей, тогда я наиболее индивидуально могу вмешиваться в «дела мира сего» и не буду отказываться от наиболее интимных своих переживаний и мыслей. Но что ты думаешь об этом, дитя мое любимое? Наши жизни должны быть слиты, без этого я уже не представляю себе никакой жизни, и потому наша общая жизнь должна быть для тебя удовлетворяющей и прекрасной. Все, что я завоюю в жизни, должно принадлежать тебе, и высшая моя радость в том, чтобы доставить радость тебе, высшая награда в выражении твоих глаз. В октябре я почти наверное буду читать лекцию о Великом Инквизиторе, в которую думаю много вложить. Очень стремлюсь поделиться с тобой своими философскими мыслями и переживаниями. Чувствую, что я внутренне двигаюсь вперед, все стремлюсь в какую-то бесконечность. Стараюсь теперь осмыслить массу заграничных впечатлений, я ведь видел так много людей, так много мест. Кажется, самое сильное впечатление от Флоренции. Для меня было бы величайшим блаженством поехать с тобой за границу в места

лунгу в письме от 13 сентября: «Виделся с Бердяевым (кланяется Вам), говорит, что очень скоро решится, будут ли они издавать новый журнал “Вопросы жизни” или возьмут “Новый путь”» (Письма А. М. Ремизова и В. Я. Брюсова к О. Маделунгу. Copenhagen, 1976. С. 31).

самой большой красоты. В Люботине ли твой муж (идиотское слово) и какие у тебя теперь с ним отношения²⁶⁰? Хорошо ли тебе там? Целую твои ножки. Твой.

Н. А. Бердяев — Л. Ю. Рапп²⁶¹

[*Сентябрь — октябрь 1904. Киев — Киев*]

Родное дитя мое, я ночью было совсем уже оделся и хотел опять бежать к тебе, хотел еще раз склонить свою несчастную и безумную голову у твоих ног и много, много сказать тебе... А я могу дойти до того, что буду боготворить тебя, именно у меня это должно быть. Все-таки моя самая страшная и самая глубокая болезнь — это гордыня, меня она всю жизнь так гложет, как других больная совесть. У меня часто бывали припадки болезненного раздражения и неистовства, когда я поклонялся себе как богу (все-таки с маленькой буквы), а людей никогда не мог любить, не мог никого считать равным себе, ко всем относился жестко, холодно, с презрением и высокомерием, я внутренне третировал каждого человека на своем пути. Я выстрадал себе право верить в Бога и все не могу еще окончательно поверить, выстрадал также право целовать ноги твои так, как я это делаю и целовать их буду вечно...

Н. А. Бердяев — Л. Ю. Рапп²⁶²

[*Сентябрь — октябрь 1904. Киев*]

Киев. Пушкинская д. 10

²⁶⁰ Л. Ю. Рапп была замужем (с 1899 г.) за Виктором Ивановичем Раппом. Фамилию Бердяева она стала носить с 1909 г.

²⁶¹ Там же. С. 238. Адрес на конверте внутри городской «секретки»: Михайловская, 24.

²⁶² Там же. С. 239–240.

У меня сегодня очень тяжело и скверно на душе, я почувствовал какую-то боль и постарался дать себе в этом отчет. Мне показалось, что что-то нехорошее может вкратиться в наши отношения, и эта мысль для меня невыносима, так как хочу, чтобы было только хорошее и светлое. Я и раньше что-то замечал, но сегодня назвал себе это и испугался. Боюсь я, ужасно боюсь, чтобы наши отношения не были отравлены своеобразным соревнованием, борьбой за преобладание одного над другим, чтобы они не пошли по тому пути, в конце которого говорят, что «два медведя в одной берлоге не уживутся». Меня сейчас отравила мысль, что ты, может быть, дорожишь во мне только моим отношением к тебе, что значение для тебя будет иметь, если я во имя твое сделаюсь добродетельным, если во имя твое напишу замечательную философскую книгу, а не мной дорожишь, каков я сам по себе, не моей индивидуальностью со всеми присущими ей противоречиями. Может быть, тебе только и важно сознание твоей власти над моей душой, сознание того, что без тебя мне будет очень плохо и даже невозможно. Если бы это оказалось так, то я бы ушел от тебя, на этом построенные отношения для меня невозможны. Я привык к своему одиночеству, много раз говорил себе, что только в нем найду себе спасение, и я не пугаюсь того еще более ужасного одиночества, которое могло бы наступить для меня, в этом отношении я человек беспредельно сильный и могу все, мне незнакомо чувство малодушия, я всегда мог бы растоптать ногами самое дорогое для моего сердца и во имя свободы добра, и во имя свободы зла. Я часто бываю смиренен перед собственным своим Богом, часто в жизни спотыкался и падал, но всегда, всегда я считал себя человеком большого калибра, верил, что отмечен я перстом Божиим среди других людей, и этого сознания не могут уничтожить во мне никакие силы мира. Другой человек приобретет для меня беспредельное значение, если он признает и узнает меня среди всех других людей. Ты говорила, что я могу для

тебя быть очень нужен, много тебе дать, иметь для тебя значение. Что значит «могу»? Если ты уже знаешь, кто Я, то это все, если же мое значение определяется только тем, каков я буду для тебя, то это не имеет никакой ценности. Мое же отношение к тебе ты слишком хорошо знаешь, оно исключительное и для меня необычайное. Но стремлением к преобладанию в каком бы то ни было смысле нельзя ничего во мне создать и можно все разрушить. Я это почувствовал и не мог не сообщить тебе, иначе вкралась бы неискренность. Пишу, а не лично говорю, потому что настроен очень зло и неприятно, в этих случаях я производжу болезненное впечатление, а в письме все смягчается. Прости, родная моя, за глупое и скверное письмо, но так лучше. Я страшно, бесконечно дорожу чистотой наших отношений и хотел бы охранить их от вторжения чего-то постороннего.

Н. А. Бердяев — Л. Ю. Рапп²⁶³

[Сентябрь — октябрь 1904. Киев — Киев]

Мое бедное, родненькое и любимое дитя, не могу сейчас прийти к тебе и потому должен тебе написать. Мне бесконечно грустно и больно, что я был таким вчера, но, может быть, лучше, чтобы ты знала, с кем имеешь дело. Я провел кошмарную ночь, и в болезненном и мучительном полусне что-то подымалось из глубин моей природы, в моем сознании промелькнуло что-то очень тяжелое и до ужаса неприятное и отталкивающее. Ах, дитя мое, ведь надо мной тяготеет проклятие половой ненормальности и вырождения. С ранних лет вопрос о поле казался мне страшным и важным, одним из самых важных в жизни. С этим связано у меня очень много переживаний, тяжелых и значительных для всего существования. И всю жизнь я ду-

²⁶³ Там же. С. 240–241.

мал, что тут есть что-то мистическое, что пол имеет значение религиозное. Мне кажется, что у нас с тобой в этом отношении очень различный опыт и очень разны мы относимся к этой стороне жизни. И меня пугает это. У тебя как будто бы еще дремлет пол, ты как будто бы еще бесполое существо, и мне страшно от мысли, что я, может быть, не разбужу в тебе его. Тогда я пойду по дороге полного вырождения, прямо физического вырождения, как бы ни был силен душевный подъем от наших отношений. Сейчас наши отношения почти бесполое, слишком дружеские и детские, слишком бескровные и постные. Но тогда почему же нам не быть просто друзьями? Ты человек очень чистый и, может быть, не поймешь подпольной половой психологии. Ты вот очень увлекаешься Пшибышевским²⁶⁴ и ценишь его, а ведь все его творчество окрашено в кровавый цвет и изображает проклятие пола, его власть над человеческой природой. Я это проклятие всегда чувствую и хочу спастись от него, хочу наконец освятить свой пол, потому что знаю, что отрицание пола есть такое же страшное вырождение, как и разврат, аскетизм есть разврат бессилия. У меня есть внутреннее глубоко интимное верование, что настоящая религиозная, мистическая жизнь всегда оргиастична, а оргазм, могучая сила жизни, связан с половой полярностью. Половая полярность есть основной закон жизни и, может быть, основа мира. Это лучше понимали древние, а мы отвратительно бессильны и вырождаемся все больше и больше. Сейчас я вспомнил и понял, что мне сделалось неприятно, когда Ремизов ска-

²⁶⁴ Станислав Феликс Пшибышевский (Przybyszewski, 1868–1927) — польско-немецкий писатель, испытывал влияние взглядов Ф. Ницше, пропагандировал крайний модернистский эстетизм, эротизм и экспрессионизм. В драматургии ориентировался на Ибсена, Метерлинка, Стриндберга. Начал писать на немецком языке (литературно-критические эссе, поэмы в прозе, символистско-натуралистические романы). — В. К.

зал, что ты не понимаешь танца Саломеи²⁶⁵. Это сложный и страшный вопрос, дитя мое. Ведь дело не в том, чтобы ты согласилась жить со мной в физической близости, этого страшно мало и этого нельзя принять, если ты согласна быть моей женой для меня, а не для себя, для того чтобы я был удовлетворен, чтобы мне не было плохо, а не потому, что ты хочешь иметь меня своим мужем, для себя хочешь. Я не могу рассматривать бесконечно близкую мне женщину как инструмент для удовлетворения своих потребностей, я бы считал более достойным прибегнуть к проституции, хотя я содрогаюсь от одного этого слова. На половую жизнь нельзя смотреть со стороны, она возможна только, когда обе стороны забываются, когда каждый хочет другого, не может без другого, когда два должны слиться в одно, не могут жить иначе. Я думаю, что не только человеческая плоть, но и человеческий дух имеет пол, что половой характер духовной индивидуальности, символизирующийся в плоти, существует не только в этом мире, но и в других мирах. Страшна та вечная истина, что для мужчины является несмываемым оскорблением, если в близкой ему женщине он не может разбудить инстинкт пола, если не может заставить желать себя. А отношения эти не могут, не должны быть механическими, это радость жизни, ее источник, показатель ее силы. И мне иногда кажется, что и у меня самого слишком бесполое к тебе отно-

²⁶⁵ С. А. М. Ремизовым Бердяев познакомился в 1902 г. в ссылке в Вологде. Сблизились они позднее: вначале в Киеве в июле и сентябре—октябре 1904 г., а затем в 1905 г. в Петербурге, куда Ремизов переехал по приглашению Бердяева. В одном из писем Бердяева к Л. Ю. Рапп зимы 1904—1905 гг. (из Киева в СПб.) читаем: «Ремизовых перетаскиваю в Петербург, и это будет для нас большое приобретение. Они могут составить часть приятной атмосферы отношений с людьми в противовес неприятной атмосфере Мережковских». В Петербурге в 1905 г. Ремизов стал секретарем редакции «Вопросов жизни» (при редакторе Бердяеве). Замечание Ремизова о Л. Ю. Рапп относится к первой половине июля 1904. Речь идет об эротическом танце Саломеи в одноименной драме Оскара Уайльда.

шение, что я не умею к тебе подойти, не знаю тебя как женщины. Помни, что мужем и женой в настоящем и самом высоком смысле мы можем быть, если у каждого из нас есть пол, если как полярные противоположности мы стремимся слиться в одно. Иначе это не может быть оправдано. Прости за мои подпольные мысли и чувства, но я должен тебе их сказать. Что ты об этом скажешь? Но люблю я тебя безмерно. Твой.

В. Ф. Эрн — П. А. Флоренскому²⁶⁶

[1.10.1904. Женева — Сергиевский Посад]

Дорогой Павлуша! От всего сердца вас обнимаю и приветствую и вместе с вами Бориса Николаевича, Соловьёва и Валентина Павловича. Мне много раз хотелось написать вам, но всё как-то не удавалось: не умел схватить мгновения, да впрочем, и времени не было — пришлось много бегать и суетиться.

Иногда мне довольно ясно представляется, как вы теперь себя чувствуете. Мне рисуются ваши кельи. Ваш странный сожитель ушёл спать, а вы сидите за долгой ночной работой, а потом, насупясь, передумываете ту массу разнородных впечатлений, которую вам теперь приходится переживать. Мне иногда как-то чувствуется, почти ясно, что вы теперь в приподнятом настроении и, может быть, переживаете борьбу, и сильную борьбу, и мне хочется вам сказать, что я вас люблю, что я душой с вами и мгновениями крепко о вас молюсь.

У меня очень много впечатлений, над которыми стоит задуматься, и я задумываюсь. Но о них писать очень долго. Лучше я вам расскажу о Вячеславе Ивановиче Иванове. Это имеет отношение к нашему делу.

²⁶⁶ Печатается с комментариями по: *Чертков*, 2017. С. 120—124.

Несколько дней тому назад, когда я шёл за каким-то мелким делом, мне вдруг вспомнилось, что Котляревский²⁶⁷ настоятельно советовал зайти к Иванову. Как нарочно целиком припомнился его адрес, и я, не рассуждая, отправился. Он живёт в деревушке в отдельной вилле, недалеко от Женевы, в минутах 20-ти ходьбы. Вилла вся в зелени — в живописной местности и в сумерках показалась мне очень красивой.

Вячеслав Иванович был чем-то занят, и несколько минут, которые мне пришлось подождать, я был занят рассмотрением его апартаментов. Они производят очень приятное впечатление. Всё очень просто, но удобно и расставлено с большим вкусом и оригинально, а несколько хороших снимков с картин и гипсовые маски и бюсты создают особую эстетическую атмосферу. Чувствуется, что это жилище художника. Вячеслав Иванович скоро вышел, представил меня своей жене²⁶⁸, которая была одета в какой-то особенный тёмно-коричневый хитон с открытой шеей и руками до локтей (что придавало ей несколько античный вид), своим дачникам и пожилой домне²⁶⁹ — «старинному нашему другу», как он сказал, с седыми волосами и с удивительно симпатичным лицом. Прежде всего, меня очень приятно поразили его детки, удивительно милые, с открытыми добрыми лицами, прямодушные, умненькие; а главное, особый тон царит в их семье — тон какой-то особой лёгкости, тихого веселия и радостной настроенности. Я с ними закусывал, а это в таких мелочах особенно ярко проглядывает; мне вспомнились его слова об исступлённости и экстазе и радости искания и нахождения Диониса, и теперь, смотря на его детей, я воочию видел, насколько серьёзно и действительно то, о чём он говорил тогда. Я, право, не фантазирую: мне казалось, что из ясных голубых глаз его деток глядит Дио-

²⁶⁷ Сергей Андреевич Котляревский.

²⁶⁸ Лидия Дмитриевна Зиновьева-Аннибал.

²⁶⁹ Домоправительница.

нис, что-то языческое, но чистое и светлое, и, право, у детей это обаятельно и прелестно до высшей степени.

Вячеслав Иванович с женой (жена его выглядит femme savante²⁷⁰), любит говорить на высокие темы, вставляет иногда некстати какое-нибудь «мистическое» выражение, имеет довольно резкий голос, кажется, что-то пишет, но в общем, кажется, добрейшая особа), так Вячеслав Иванович с женой с очень большим интересом расспрашивали о Борисе Николаевиче и говорили о нём очень горячо. Они его очень любят. Тут, собственно, начинается то, о чём я хотел вам написать.

Вячеслав Иванович говорит, что теперь, по его мнению, начинается особый период в литературе (я очень схематично передаю его слова — он говорит живо, колоритно и иногда необыкновенно оригинально выражается). Период чистого эстетизма прошёл. Последним крупным его представителем у нас был Бальмонт. Это чрезвычайно богатый и даровитый поэт, умевший петь очень своеобразно и на новый лад, поэт, смевший то, что ему положено было сметь, но его время прошло. Бугаев очень вовремя отслужил по нему панихиду. Теперь литература приближается к перевалу: переходит к действию, в кружках «Скорпиона», «Весов», «Нового пути» начинается дифференциация, совершается этот переход — и тут начинают ясно определяться два резко отличных, может быть диаметрально противоположных, пути. Один путь магизма, другой путь теургии. Валерий Брюсов ясно определился как вступающий на первый путь, Андрей Белый — как вступающий на второй. Он (Вячеслав Иванович) чувствует себя с Белым. Он очень высоко ценит Брюсова как поэта, но чувствует с ним расхождение. Он предчувствовал это ещё тогда, когда Брюсов предложил ему свою дружбу. Он ответил ему тогда, что, быть может, дороги их разойдутся и, может быть, им придётся всту-

²⁷⁰ Ученая женщина (фр.).

пить в борьбу. Он даже, пожалуй, решается сказать, что Валерий Брюсов — сила тёмная. Он знает, что между этими намечающимися направлениями — магизмом и теургией — завяжется борьба на жизнь и на смерть, но борьба эта ещё не началась.

Он был очень искренен. Из его слов видно, что он считает себя христианином, признаёт Церковь идеальную, но совсем не видно, как он относится к Церкви исторической.

Мы заговорили об аскетизме, и тут настроение обрисовалось довольно ярко. Выяснилось, что он различает восторг от экстаза. Восторг — это цель — это умирённое состояние, владение собой, хотя восторг всегда и исторг. К восторгу как к цели ведут два средства: с одной стороны — аскез, с другой — экстаз. Экстаз — именно средство. Это исхождение из себя — это иступление, ещё не умирённое. Его нужно пройти, чтоб дойти до восторга.

Я его спросил, считает ли он возможным достигнуть восторга без экстаза — просто путём постепенного очищения и работы над собой для уничтожения в себе препятствий для действия благодати.

Он ответил на это, что вполне признаёт возможным, но: «А я думаю устраивать хороводы! Это веселее... веселее гораздо потерять Христа и найти... забыть, а потом ненароком встретить опять. Мне нравится это искание Диониса... Эта радость встречи. Так радостно узнавать Христа под чудною маскою, под чужим ликом».

Я ему сказал, что ведь нельзя же так переносить центр тяжести на удовольствие, на приятность; он ответил на это:

«Нет, тут особый эпикуреизм духа», и жена его сказала «эпикуреизм духа», а он продолжил:

«Экстаз... Я признаю священное убийство... при условии согласий жертв на жертвоприношение. Я оправдываю убийство в экстазе. Нет-нет, я не рекомендую!»

Жена сказала: «Ты увлекаешься, стараясь оправдать своих греков... Это ведь до Христа было позволительно».

Вячеслав Иванович с этим согласился.

«Христос совершил последнее священное убийство: убил Себя Самого. Принёс в жертву Себя Самого. Он жрец, Он и жертва, после Него убийство не нужно...»

Тут он как-то незаметно перешёл на то, что:

«Мир — это страдающий Бог. Это Бог Сын в разлучности с Богом Отцом». Только в этом и видит он возможность теодицеи.

Я ему заметил, что у него в воззрениях нет места тогда дьяволу (а он перед этим, когда говорил о Брюсове, сказал, что верит в дьявола).

Он мне ответил:

«Правда, я о нём не думаю, я в него верю, опять он, мне кажется, всё напортит».

Вот, кажется, всё, что я упомянул из разговора с ним. Та пожилая дама с седыми волосами всё время молчала, но, подперев подбородок рукой, жадно слушала, что говорили. Когда Вячеслав Иванович увлекался и начинал говорить почти с трепетом, я чувствовал, как и она трепетала, и от её присутствия, этого сочувствия и тихости веяло чем-то удивительно нежным и чистым, истинно-женственным. На меня сам Иванов и весь этот вечер произвёл самое хорошее впечатление, хотя я чувствую, что Христос для Иванова — не есть центр и всё, не есть средоточие его жизни и воззрений. Он пусть и радуется Христу, [но] не потому, что это Христос, а потому что это искание и встреча доставляют ему радость. Но ещё я посмотрю. Я боюсь говорить что-нибудь решительное. Он просил меня очень зайти, и скорее. Когда я возвращался от него ночью в час по тёмной, заросшей деревьями дороге, мне было очень стыдно того, как легко, даже легкомысленно я отнёсся к нему, когда он тогда зашёл ко мне знакомиться. Мне это хочется сказать именно вам, дорогой Павлуша, потому что я легко относился и пренебрежительно ко многому из того, что вы понимали и что для вас было предметом поклонения. Я, кажется, останусь в Женеве всё время до лета. Я очень рад, и Женева очень мне нравится. А главное, здесь условия таковы, что

я смогу хорошо поработать. Тут очень своеобразная религиозная жизнь, закваска Кальвина ещё сохраняется. Всякие лекции, диспуты с неверующими и с католиками при живом отношении к этому публики. Есть много сект. Вот постараюсь поскорее овладеть языком и тогда примусь приглядываться.

Дорогой Павлуша, я вас очень попрошу сделать следующее: насчёт «журнала». Дело довольно уяснилось. Теперь нужно уяснить насчёт «ордена». У меня мелькают соображения — или, лучше, чувства и некоторые картины. Мне бы очень хотелось знать, как чувствуете и думаете об этом вы. Если вам это не очень трудно, напишите мне об этом. Если это будет отрывочно — это ничего. Я пойму.

Всего доброго, Господь с вами!

Любящий вас Володя.

Р. С. Сообщите мне адрес Люси [Флоренской]. Мне бы очень хотелось зайти к ней, да не знаю адреса.

К. М. Аггеев — П. П. Кудрявцеву²⁷¹

[6.10.1904. СПб.]
1904.X.6

Одновременно с сим посылаю тебе, дорогой Петр Павлович, бандероль, книгу Леонтьева без переплета. На переплет прилагаю при сем 4 марки. По словам Мани — «Университетские известия» лежат в шкафу, но чтобы найти их, нужно перерыть весь шкаф, что мною будет сделано в более свободное время. Ведь «Университетские Известия» не так нужны?!

Я со дня на день — вы с Анной Елисеевной сейчас захотите — собираюсь писать тебе, но... растрепан совершенно окружающими меня событиями и впечатлениями: я болез-

²⁷¹ Печатается с комментариями по: Балакишина, 2014. С. 279–284. Также: Чертков, 2017. С. 124.

ненно переживаю перипетии войны вплоть до потери сна. А тут погрузился в литературную спешную работу...

Минувшие дни меня чрезвычайно волновала интрига, которая велась против Куропаткина. Во главе ее стояли Великие Князья Владимир Александрович и Николай Николаевич. Последнего совершенно определенно называли главнокомандующим. Что могло тогда выйти, трудно сказать. К счастью, партия Николая Николаевича потерпела фиаско. Начальник охраны Государя Гессе нашел в себе мужество предупредить Государя, что назначение Николая Николаевича главнокомандующим поведет за собою военный бунт. По утвердившемуся теперь мнению главнокомандующим будет назначен Куропаткин.

Не так давно в Русском собрании был Величко²⁷², о речи которого во всех газетах говорилось чрезвычайно плохо. Я лично был и с живейшим интересом выслушал этого героя, поражающего своею удивительной скромностью, чуждого какого-либо генеральского гонора. Фактически нового он нам не сообщил ничего, но в его характеристике личность Куропаткина является положительно героической. «Нужно представить, — говорил Величко, — что Куропаткин, ведя кампанию отступления при самых неблагоприятных условиях — а они, действительно, просто невероятны, — знал о той злобной критике, которая велась в России за карточными столами с бутылками вина, знал о том нетерпеливом ожидании скорых побед и, что главное, получал за 10 000 верст предписания кое-откуда, каковые для него не могли быть малозначащими... А тут отступления и отступления. И при таких условиях сохранить удивительное спокойствие духа. Я порою не мог удержать-

²⁷² Константин Иванович Величко (1856—1927) — генерал-майор, русский военный инженер, член совета «Русского собрания»; 12 февраля 1904 г. был назначен генералом для особых поручений при командующем (позже главнокомандующем) силами на Дальнем Востоке А. Н. Куропаткине.

ся. Говорю ему: “Алексей Николаевич! Откуда у Вас такая душа?” — “Что же Вы хотите? Чтобы я тоже со всей Россией нюнил!.. Там, где Россия поручила мне свою судьбу, я должен иметь в виду лишь одно — оправдать возложенное на меня доверие”.... Положим, — закончил Величко, — седина и худоба лица нашего вождя, равного которому не знает военная история, показывают, чего стоит это спокойствие...»

Суди, как могли действовать на нас слухи об интригах великокняжеских против такого человека! Теперь дело стоит, по-видимому, хорошо. Алексеев, первый интриган, говорят, отзывается в Петербург, где он будет или председателем какого-то комитета, или, по новейшим сведениям, Министром иностранных дел на место теперешнего идиота графа. Командующим 1-й армией будет назначен, кажется, Зарубаев, а главнокомандующим Куропаткин.

Настроение политическое в Петербурге возбужденное. Статья вашего Трубецкого [Е. Н.] «Война и бюрократия» («Право» № 39) волнует всех²⁷³. Сейчас у меня один студент политехникума, мой бывший ученик, который говорил мне, что профессора прямо раздают им оттиски статьи. Мои старшие педагогички говорили мне, что среди учащихся начнется организованное движение. Недавно бывшее назначение двух князей не только Петербург, но, по словам брата графини, находящегося теперь на Дальнем Востоке, взволновало и тамошние круги. И правду сказать, как не возмущаться, когда столь важные места даются неучам исключительно для поправки расстроившихся фи-

²⁷³ «Статья (...) имела совершенно исключительный успех. Не только со всех сторон сыпались ему приветствия, но учреждались стипендии его имени в университетах (...) Он блестяще открыл эру нового направления внутренней политики (...) “эру доверия к общественным силам”, как называют ее земцы» (*Трубецкая О. Из пережитого // Современные записки. 1937. № 64. С. 287*). — *Примеч. С. Черткова.*

нансовых дел. Передают: некто из этих мест дает одного жалованья 40 000 в год. А там еще...

Писаллия тебе, что будто бы уже составлен проект Конституции. Мне передавали даже такие подробности. К наличному составу членов Государственного Совета выбирается такое же количество земством и городами. Государственный Совет избирает канцлера; последний по утверждению в должности Государем составляет кабинет министров... Я лично сомневаюсь в правдоподобности этого слуха.

Крупною новостью в духовном ведомстве служит разрешение студентам Семинарий поступление во все Университеты. Вчера мне говорил Болдовский, что он уже видел бумагу по этому делу Синода. Считаю эту меру чрезвычайно важною и чреватую большими последствиями. Как выдержат этот экзамен наши семинарии?

Мне кажется, все дурные стороны нашего общего режима особенно ярко отражаются в нашем духовном ведомстве. Что только делает этот подлец Саблер²⁷⁴, трудно равнодушно говорить. Что только представляют собою его клеветы, трудно поверить. Вот последняя новость. Климент Подольский²⁷⁵ — заведомо больной и до болезни глупый человек —

²⁷⁴ Владимир Карлович Саблер (1847–1929) — управляющий канцелярией Синода с 1883 г., товарищ обер-прокурора Синода с 1892 г., член Государственного совета с 1905 г., обер-прокурор Синода в 1911–1915 гг. «Положительное, сделанное им для Церкви, было столь мелко и ничтожно (...) что об этом и говорить не стоит. Самое же главное в том, что тон (...) самый характер его работы были разрушительны для Церкви» (*Шавельский Г.* Воспоминания последнего протопресвитера Русской армии и флота. Т. 1. М., 1996. С. 285–286). — *Примеч. С. Черткова.*

²⁷⁵ Климент (Верниковский, 1863–1909) — епископ — с 1892 г. ректор МДС, с 1897 г. настоятель посольской церкви в Риме; 26 мая 1902 г. возведен в сан епископа и назначен на самостоятельную кафедру в город Уфу. В конце 1903 г. он был переведен в Каменец-Подольск епископом Подольским и Брацлавским. 1 декабря 1904 г. преосвященный Климент был освобожден от управления епархией и назначен настоятелем Херсонесского Владимирского монастыря близ Севастополя

вызывается в Синод — точно последний психиатрическая лечебница. И он же назначается председателем Училищного совета на место Соколова, который заменяет Смирнова²⁷⁶. Это, впрочем, только слух, но характерный. Вот вам и Церковь Православная, а говорите об отношении Церкви к интеллигенцией!

Не особенно давно была в «Церковном Вестнике» помещена статья архимандрита Сильвестра²⁷⁷ «Где истинная интеллигенция». Она при первом чтении весною возмутила меня, а теперь еще более. Послал Рождественскому критический разбор ее под заглавием «Роковые недоразумения»²⁷⁸. Поместит ли только?.. К «Церковному Вестнику» хочу присоединиться. Редактор мне очень нравится. Сегодня вечером назначено у него маленькое заседание. Там, вероятно, прочтем и мою статью. 4 октября послал ему и другую статью — разбор фельетона [В. В.] Розанова «Правила добродетели и условия добродетели» («Новое Время» 30 сентября). Последние 10 дней эти две работы и занимали все свободное время.

Леонтьевым пока прекратили заниматься. Хочу некоторое время посвятить публицистике по поводу «Нужды деревни» — издательство «Право». Думается, мы накануне важных реформ в деревне. В каком отношении станет к ней

с титулом епископа Винницкого и оставлением его присутствующим в Св. Синоде.

²⁷⁶ Петр Алексеевич Смирнов (1831–1907) — протоиерей, богослов, автор ряда учебников по предметам среднего курса Закона Божия, председатель Учебного комитета при Св. Синоде. — В. К.

²⁷⁷ Сильвестр (Александр Алексеевич Братановский, 1871–1932) — архимандрит, в 1904 г. ректор Смоленской духовной семинарии; 4 апреля 1910 г. хиротонисан в епископа Рыбинского, викария Ярославской епархии; с 1925 г. — архиепископ.

²⁷⁸ Аггеев К., *свящ.* Роковые недоразумения // Церковный вестник. 17 февраля (2 марта) 1905. № 7. С. 195–200.

наше сельское духовенство? Хочется мне взять в «Церковном Вестнике» целый отдел вроде «Из дневника священника» «Руководство для сельских пастырей». И тогда сделаем его коллективной работой. Об этом я хочу тоже сегодня поговорить с Рождественским. «Церковный Вестник» — хороший журнал и теперь смелый: Рождественского, законоучителя царских детей, Саблер не так-то тронет... К тому же Рождественский, по-видимому, наш и по летам, и по взглядам!

О сегодняшнем вечере напишу на днях. В институте занятия у меня пошли вовсю. Доволен я внеклассными беседами, организованными у меня в педагогических классах, 1-м и 2-м, — в соответствии с их развитием. Иногда, впрочем, вечер превращается в одну беседу, как, например, третьего дня, когда мы говорили о деятельности сельского священника...

1 октября по обычаю великий праздник со всею знатью, на сей раз с графом. Говорил речь... Конец о «возрождении», ввиду совершающихся событий, кажется, графу не совсем по сердцу: по крайней мере, при общем хорошем отношении благодарности за речь не было...

Кстати, вспомнил. Уважнова²⁷⁹ ушла после грубого выговора графа за то, что она в Институте употребила большие деньги на лазарет и свою квартиру. Подробности я забыл. Но графиня наша, знающая все это дело от самой Ольги Александровны и из Ведомства, говорит, что Ольга Александровна не виновата и, ушедши, отрезала пути к оправданию своему...

Ну, пока до свидания. Целую тебя. Что же не вышлешь своей брошюры — «Христианский взгляд на жизнь»? Она мне так нужна...

Любящий свящ. К. Аггеев.

²⁷⁹ Ольга Александровна Уважнова — сотрудница Смольного института.

П. А. Ивашева²⁸⁰ — В. Ф. Эрну²⁸¹

[11.10.1904. Москва — СПб.]

Очень жалею, Владимир Францевич, что не пришлось повидаться с Вами перед Вашим отъездом. Могу ли я, не думая, что мешаю Вам в Ваших занятиях, прислать Вам для прочтения свою драму? Конечно, не только для прочтения, но также чтобы узнать и Ваше мнение об ней.

Шлю Вам это письмо по гадательному адресу — буду надеяться, что оно попадет в Ваши руки. Только, пожалуйста, не стесняйтесь, и в том случае если Вы не располагаете более или менее свободным временем, то так прямо и скажите, потому что я несколько не хочу мешать Вам. С другой же стороны, Вы знаете, что я очень ценю Ваше мнение. Право, когда я услышала у Протопоповых, что Вы уехали, то, каюсь, я чисто эгоистично пожалела об этом.

Мой адрес: Москва, Малый Сыромятнический переулок, близ Курского вокзала, дом Молчановой, квартира Соловниных, на мое имя.

Всего Вам лучшего. Написали ли Вы летом свою легенду? И как жаль, что я так и не узнала ее содержания.

П. Ивашева

11го октября 1904го г.

Н. А. Бердяев — Л. Ю. Рапп²⁸²

[22.10.1904. Варшава — Киев]

²⁸⁰ Пелагея Александровна Ивашёва (1879–?) — учительница, лишенная права преподавания из-за участия в нелегальном обществе (ХББ) и соиздательница газеты «Народ»; окончила 5-ю московскую женскую гимназию, воспитывала сына Сергея, домашняя наставница; с Эрном познакомилась осенью 1901 г., к концу 1904 г. написала драму, опубликовала рассказ (два издания), ред.-изд. газеты «Стойте в свободе».

²⁸¹ НИОР РГБ. Ф. 348. Эрн В. Ф. К. 2. Ед. хр. 47. Л. 3–4 об.

²⁸² Печатается по: Барас, 1981. С. 220.

Варшава, 22 октября. Опять потянуло писать тебе, детка моя родненькая. Сегодня я тоскливо настроен, я все еще не могу освоиться с великим счастьем своей жизни. Я тебе могу только постепенно раскрывать все тайники своей души. О, ты еще не знаешь, что значишь для меня, моя Ли. Я, может быть, гораздо хуже и извращеннее, чем ты думаешь, но люблю я тебя в тысячу раз больше, чем могу это выразить, чем ты можешь себе это представить. Всю жизнь свою во всех людях я разочаровывался, открывал в них неприятные и противные черты. Только с тобой наоборот, я очаровываюсь с каждым днем все больше и больше, открываю в тебе новые богатства, люблю каждую твою черту, каждое твое движение. Ты мой органический идеал и послана ты мне Высочайшим в мире, наконец пробил мой час. Жду с трепетом твоих писем. Твои письма за границу не удовлетворили меня, а наша встреча после разлуки очень ранила меня. Теперь этого уже не может быть. Скажи: я для тебя то же, что ты для меня? Когда это будет так и мы оба это будем чувствовать каждую секунду, тогда начнется совершенно новая жизнь. У нас должно быть то, чего ни у кого нет. Твой.

А. В. Ельчанинов — П. А. Флоренскому²⁸³

[24.10.1904. СПб. — Сергиевский Посад]

Дорогой Павлуша!

Твоё письмо было вдвойне приятно для меня: как свидетельство твоего дружеского расположения ко мне и по своему содержанию.

Впрочем, когда я писал это и когда вообще думаю о подобном, я помню твои слова о λογος'е устроителе, которые приемлю как истину.

Прежде всего спешу подтвердить твоё предположение о моих словах насчёт счастья — это, конечно, описка.

²⁸³ Печатается по: *Чертков*, 2017. С. 120.

Я не хотел в этом своём письме протестовать против оформливания хаоса, я высказался только против тех способов, которыми упорядочивается всё непорядочное; во мне каждая жилка протестует против такого способа, который практикуется теперь и лучшее доказательство которого — его полная бесплодность.

Несмотря на твой аргумент (о людоедстве) я всё же плохо верю в прогресс — я думаю, людоедства нет теперь исключительно потому, что омары, устрицы, икра и т. д. представляются гораздо более привлекательными, а людей едят ещё в больших количествах, только не гастрономы и не из желудочных побуждений.

Почему ты, Павлуша, называешь бегство в лес, в пустыню — бегством от работы? Я представляю себе своё житьё в лесу не иначе, как сопровождаемое непрерывной работой, размышлением, подготовкой, после которой только и можно идти к людям.

Ты, конечно, верно поймал кое-какие гедонистические и бесовские нотки в моём настроении. Действительно, иногда (но очень редко!) я рисую себе свою жизнь где-нибудь на острове Тихого океана, среди животных и цветов, без костюма, под горячими лучами солнца. Тогда мне ужасно близок Киплинг и Гамсун («Пан»), хотя я знаю, что это падение.

Вопрос о природе, о моём к ней отношении, по-моему, дьявольски труден. Возьмём, например, такую гамму настроений: чувства умиления перед великими формами, чувства своего родства, желание потонуть в пейзаже, раствориться в природе, желание лечь на траву, стать на четвереньки, заблестеть козлом, обратиться в фавна, гоняться за нимфами и т. д. Где тут служение хаосу и где синтезирующие начала?

Я не могу здесь где-нибудь поставить границу. Я буду тебе крепко благодарен, если ты мне напишешь хоть на открытке, как ты справляешься с этими вопросами. Если возможно, держись сферы конкретного, так как я довольно слабо мыслю абстракциями.

Ещё раз очень благодарен тебе за твою отзывчивость.
Твой А. Е.

Собственно, всё это вопросы Мережковского, но во мне они живут вполне самостоятельно.

В. П. Свенцицкий — П. А. Флоренскому²⁸⁴

[24.10.1904. Москва — Сергиевский Посад]

Милый друг! Во вторник в 8 часов вечера я читаю реферат (в канцелярии историко-философского общества) «О драмах Метерлинка»²⁸⁵. Приезжайте, пожалуйста.

Помимо реферата мне очень нужно повидаться с Вами, так как в среду вечером уезжаю из Москвы.

Ваш Вал. Свенцицкий

П. А. Флоренский — А. И. Флоренскому²⁸⁶

[24.10.1904. Сергиевский Посад — Тифлис]

²⁸⁴ Печатается с комментариями по: Переписка В. П. Свенцицкого и П. А. Флоренского / Публ. П. В. Флоренского, С. В. Черткова // Новый журнал. 2011. № 264. С. 133.

²⁸⁵ Поводом к написанию работы стала премьера в МХТ спектакля по пьесам «Слепые», «Непрошенная» и «Там, внутри» в постановке К. С. Станиславского. Доклад состоялся 26 октября 1904 г., текст опубликован в 1906 г. под заглавием «Смерть и бессмертие (По поводу трёх драм Метерлинка)» в сб. «Свободная совесть» (См.: *Свенцицкий В., прот.* Собрание сочинений. Т. 2. С. 213–245). Основная идея: «Бессмертие — это абсолютное требование нашего духа, требование, носящее характер стихийности (...) факт, который не могут уничтожить никакие теории (...) идея бессмертия движет всю жизнь человечества, есть необходимое условие и основа всякого прогресса, а сами отрицатели бессмертия в действительности бессознательно, стихийно подчиняются идее бессмертия» (Вера и Церковь. 1906. № 3. С. 537). Ныне статья включена в программу по апологетике (Основному богословию) для 5-го курса Коломенской духовной семинарии.

²⁸⁶ Печатается по: *Чертков*, 2017. С. 126–127.

(...) В академии у меня нашлись некоторые практические дела, именно связанные с разными обществами и народными чтениями. Хорошо то, что официально мы ведём народные чтения под присмотром ректора, читаем, что хотим и как хотим, совершенно вне контроля полиции. А ректор в свою очередь предоставляет нас самостоятельности, и поэтому у нас — полная свобода и даже полный произвол, ограничиваемый лишь теми соображениями, что если начнём читать что-нибудь неподходящее, то народ, слушающий чтение или лекцию, выйдет посреди чтения, так как в этом отношении деликатностью не отличается. (...)

Хотя я предлагаю проект устроить «православную миссию в академии», но это нарочно утрировано сказано, так как есть много людей совсем не настроенных позитивистически. В общем, мне студенческая среда — даже наши радикалы и позитивисты — очень нравится, и кажется, в скором времени благодаря этому я буду лично знаком со всеми студентами. Среди них замечательно много единства — товарищества в лучшем смысле слова. Я нарочно расспрашивал старых студентов, и мне все говорили, что, действительно, живут они очень дружно; не только ссор, но даже раздражённых разговоров почти никогда не бывает; я, по крайней мере, никогда не слышал, хотя в столовой и т. д. можно было бы слышать сколько угодно, если они вообще имеются. Очень хорошо, что академия изолирована от города. Это у большинства сохраняет свежесть и большую работоспособность; поэтому и от профессоров требования несравненно выше, чем в университете, и в каждом из трёх семестров в году надо представить сочинение, над которым приходится поработать немало. Почти все чем-нибудь интересуются и что-нибудь делают. Вследствие всего этого мне даже выезжать отсюда в Москву не хочется, и, во всяком случае, делаю это гораздо реже, чем предполагал сначала: достаточное поле деятельности и здесь. Теперь, за какие-нибудь 1½ месяца я приобрёл знакомых более, чем

за всё время пребывания в университете, и это именно потому, что там волей-неволей от большинства приходилось сторониться.

Целую тебя, дорогой папочка, и всех вас. Твой П.

П. А. Флоренский — В. Ф. Эрну²⁸⁷

[25.10.1904. *Сергиевский Посад — Москва*]

Дорогой Володя! Писать нету времени, да и не в настроении. Поэтому присылаю кусок коры. Мы с Петровским заняты топкою печи, и я отодрал ее от березового полена. Много работы обязательной, а еще больше деятельности, потому что многих можно собрать к себе. В Академии много братства и чистоты. Христос с Вами.

П. Ф.

О. П. Флоренская — П. А. Флоренскому²⁸⁸

[25.10.1904. *Тифлис — Сергиевский Посад*]

Дорогой Павлик.

Мы не знаем, как объяснить себе твое долгое молчание. Если ты здоров, то грешно нас заставлять так беспокоиться о себе; если же есть какая-либо серьезная причина, то ты должен был бы попросить написать о тебе. Подождем еще завтрашнего дня. Быть может, причиной запозданий служат завалы на военно-грузинской дороге. На днях мы сделали тебе перевод денег (100 руб.) Думаю, что ты известишь своевременно о получении.

²⁸⁷ Там же: *Чертков*, 2017. С. 127.

²⁸⁸ Печатается по: Л. С. Выготский — П. А. Флоренский. С. 632. Адрес на конверте: Сергиев посад (Московской губернии) Павлу Александровичу Г-ну Флоренскому. Духовная академия. Штемпель: Тифлис 1904.10.27, Сергиев Посад.

Ты стал так мало писать о себе, о своей деятельности. Неужели же это продолжение твоего летнего настроения? Дома у нас все хорошо. Папа здоров и теперь дома. Ремсо-тетя уже давно вернулась из деревни. Она записалась на лекции Гехтмана по истории и ходит в неделю два или три раза во II гимназию. Мог ли ты этого ожидать?

От Люси получили сегодня письмо. Она здорова и вся погружена в свои занятия, которые доставляют ей, видимо, большую радость и удовлетворение. Люся пишет, что и Володя Эрн в Женеве. У кого он там живет и почему он оставил Московский университет? Напиши, пожалуйста, если знаешь. Я-то очень рада его присутствию там, так как Люся не будет там совсем одна.

Пиши, пожалуйста, о себе. Как идут твои занятия и как тебе нравится в новой среде? Ты как будто забыл нас, а мы-то все думаем о тебе...

Вспомни свою Маму.

П. А. Флоренский — О. П. Флоренской²⁸⁹

[25.10.1904. *Сергиевский Посад — Тифлис*]

Дорогая мамочка!

Я не писал в тот промежуток времени, о котором ты спрашиваешь, исключительно потому, что очень много было дела, да и не знал ничего определенного относительно того, как я устроюсь. Но ведь теперь ты все знаешь обо мне, что хотела? Не правда ли? В виде добавления (может быть, его следовало бы поставить во главу письма) могу сообщить, что тут я ем, как никогда, трижды распиваю чай — именно распиваю, так как длится не менее часу каждое чаепитие, гуляю, завожу знакомства и много разговариваю. Я приобрел несколько очень симпатичных и интересных знакомых; из преподавательского и «начальственного» персонала, бываю ча-

²⁸⁹ Там же. С. 629–630.

сто у ректора и профессора Попова²⁹⁰; да как-то и не хочется особенно заводить знакомства с профессорами: это было бы личное, мое, а студенты мне нужны для дальнейшей деятельности, да и надеяться на совместную деятельность, конечно, можно только со студентами. Ректор, как человек, очень простой, неглупый и, кажется, образованный; ко мне он относится чрезмерно хорошо, но, несмотря на то, каждый раз, как мы приходим к нему, дело кончается «обличениями» его в недостаточной мистичности. Эти «обличения» иногда делаются весьма резкими, чтобы не сказать грубыми, но он с нами не ссорится и даже не портит своих отношений. Но что мистичности не достаточно — это для меня несомненно, хотя не знаю, как будет потом. Собираясь у него, мы обсуждаем вопросы вроде того, законен ли новый закон о браке, законно ли существование Синода и т. д., и тут приходится слышать много интересного из самой подпольной жизни высшего духовенства — вещи, о которых едва ли можно узнать из других источников.

Давно уж не могу взяться за письмо, чтобы окончить его: в скором времени надо подать семестровое сочинение, и приходится довольно усиленно заниматься им. Работать заставляют довольно много, так как таких сочинений надо подать в год три, а для каждого с каким-нибудь вопросом познакомишься довольно сносно. Сейчас я занят философией Оригена²⁹¹ — дело, которое мне давно хотелось проделать.

Часто думаю о вас всех, но это не потому вовсе, чтобы мне было скучно; наоборот, жизнь очень деятельная и в то же время спокойная; но я сам лично работаю не много, так как хочу как следует отдохнуть и, главное, переварить тот материал, который скопился за последние годы. — Получил

²⁹⁰ Иван Васильевич Попов (1867–1938) — экстраординарный профессор МДА, редактор журнала «Богословский вестник» (1903–1906), член Поместного Собора 1917–1918 г., расстрелян.

²⁹¹ Ориген Адамант (ок. 185–253 или 254) — христианский теолог и философ периода ранней патристики.

на днях маленькое письмо от Люси, но ответить не могу, так как она не прислала своего адреса; пожалуйста, сообщите его. От Эрна из Женева я имел известия; он видел несколько раз Люсю. Слышал, что в Москве и в Петербурге идут очень крупные беспорядки в университете; но сам я не знаю в точности, как и что, так как очень давно не бывал в Москве: хотя там идут наши заседания, но не хочется как-то трогаться с места и взбаламутить мысли.

Опять не мог окончить письма: каждый раз что-нибудь отрывает. После освобожусь немного и налажу жизнь, тогда буду писать как следует.

Много сил и времени идет на то, что тебе и папе даже не покажется делом — на разговоры; это у меня всегда так, а теперь в особенности. Для меня, в конце концов, они есть и были главной целью, потому что то влияние, какое я могу иметь, требует именно личного общения. Вот и приходится перебирать множество людей, чтобы находить таких, с которыми можно лучше действовать вместе.

Пишите почаще, дорогая мамочка. Ведь вас много, а мне приходится расписываться во все стороны, так что, как я ни стараюсь, не могу писать настолько часто, насколько хотел бы.

Целую тебя, дорогая мамочка, и всех вас.

Твой П.

Сергиев Посад 1925/X 04

P. S. Надо бежать на народное чтение: за мной пришли, ждут.

П. А. Ивашева — В. Ф. Эрну²⁹²

[30.10.1904. Москва — СПб.]

Многоуважаемый Владимир Францевич! Сердечное Вам спасибо за Ваше письмо: Вы, верно, и по себе знаете, как

²⁹² НИОР РГБ. Ф. 348. Эрн В. Ф. К. 2. Ед. хр. 47. Л. 5–6 об.

много значит увидеть искреннее отношение к своей любимой мечте. Пришлю Вам рукопись во второй половине ноября. Да, мне очень хотелось бы видеть эту драму на сцене, и я имею в виду Корша: думаю, что в случае принятия пьесы Коршем у него она скорее может быть поставленной. Как писала я драму? О, с громадными перерывами, с громадными! Занимала она мою мысль постоянно, но бывали месяцы, в течение которых я до нее не дотрагивалась. Я то с упоением проводила за работою над нею целые вечера напролет, то бросала перо положительно чуть ли не с отчаянной уверенностью, что больше никогда даже не примуся. Привела же я ее к окончательному выполнению таким образом: собрала все написанные мною в разное время отрывки, отдельные сцены и переделки, внимательно перечла все, вроде как бы по конспекту написала сразу целую драму и писала ее уже с какою-то самое меня удивившею непоколебимой и спокойной уверенностью в том, что я могу написать, что я напишу. Писала почти вновь со страстностью и с увлечением, но почти методично, как бы какую определенную работу, изо дня в день, уже ничем больше не занимаясь, и окончила драму приблизительно недели в две. Мне все эти раньше написанные мною наброски и отдельные сцены представляются какими-то отчаянными прыжками с кочки на кочку, отчаянными порывами найти дорогу. Беру с Вас заочно слово на том, что Вы вполне искренно скажете мне именно вот свои непосредственные впечатления. Говорят, что почти наверное придется кое-что изменить в пьесе, — если Корш ее возьмет, — по требованию той артистки, у которой будет главная роль, и вот тогда-то, при некоторой, так сказать, переделке драмы, я буду считаться и с Вашими замечаниями. Гляжу сейчас с восторгом на исписанные листы, но и с великим, великим страхом: прямо сердце замирает.

Одновременно с этим письмом посылаю Вам бандеролью мой небольшой рассказец — я Вам когда-то об нем говорила. Брошюрка эта хорошо разошлась и в этом августе была

издана вторым изданием. Сергей Иванович упрекает меня за этот рассказ, но, по-Вашему, заслуживает ли действующее в нем лицо упрек будто бы в том, что представляет собою живое воплощение безысходного отчаяния, и можно ли сказать, что рассказ этот «подталкивает на опускание рук»?

Что дала Вашему духовному миру «заграница»? И как Вам кажется, где живут больше жизнью духа: у нас или там, в каком бы виде ни проявлялась эта жизнь? Я разумею, конечно, впрочем, не массу, а тех, кто «стремится». Мне лично кажется, что здесь у нас «стремление» проникнуто большей отвлеченностью и более бесплотно, если можно так выразиться. Люди, особенно заметно мыслящие «по-заграницному», особенно утверждают меня в этом мнении. И это наводит для глаз моих тень на «заграницу», несмотря на все мое признание ее преимуществ перед нами.

Когда-то вы хотели дать мне прочесть свою легенду — отчего не дали?

До свидания. Жму Вашу руку.

П. Ивашева.

30го Октября 1904го г.

Знаете, что мне еще приходит в голову? То, что мне будет ужасно обидно, если — при благоприятном исходе моих стараний о постановке пьесы — не увидите ее на сцене Вы, ибо я слышала от Протопоповых, что Вы пробудете за границей года два.

Я не совсем ясно разобрала название улицы, где Вы живете: я прочла Montbrabant — так это?

П. А. Флоренский — В. Ф. Эрну²⁹³

[2.11.1904. Сергиевский Посад — Москва]

Во имя Иисуса Христа.

Милый Володя!

²⁹³ Печатается с комментариями по: *Чертков*, 2017. С. 127–128.

Много раз хотел писать и не мог. Право, занят, очень, прямо ни минутки нет моей. И не занятиями. Почти всё разговариваю, то с тем, то с другим. Может быть, сейчас это — главное моё дело, и наше дело, так как можно подготовить настоящих (т. е. не только в возможности, но и в акте) братьев. Много есть таких, которые в неустойчивом равновесии. Их можно подтолкнуть и туда и сюда. А я ими очишаюсь. Подробно когда-нибудь после напишу об академии. В общем, я полюбил её более, чем когда-либо любил какое-либо учреждение. Несмотря на разъединённость и т. д., в ней очень много братства и чистоты. Самые распущенные тут были бы невинными в университете. Много нетронутости, детской ясности. Каждый пустяк принимается ими с благодарностью, и делается совестно, что её абсолютно не заслужил и не оправдываешь. В общем тон несколько позитивистический, но, думаю, с этим можно и стоит еще побороться. Но есть лица, с которыми я и сейчас могу сходиться по убеждениям, и все люди такой ясности и кристальной чистоты, что дивуешься, откуда она.

У меня нет времени записывать свои мысли, но где-то на клочке записал такой афоризм (сегодня, намереваясь читать реферат, нашёл случайно его): «Если бы я был профессором, то вместо таких разговоров стал бы демонстрировать Сергея Семеновича Троицкого. Если и тут кто сможет не убедиться, то будет яко язычник и мытарь. От чистоты дух захватывает. Могло ли такое произведение не выйти непосредственно из рук Творца?»

Каждый в своем роде, но несколько таких лиц, и много тоже очень хороших, и если не вполне живых, то могущих быть вполне живыми.

Я и [нрзб] потерял тем разом, когда брался за письмо. Получили ли оттиск моей статьи²⁹⁴? Целую Вас.

П. Флоренский

²⁹⁴ В 1904 г. у Флоренского вышло несколько статей: «Об одной предпосылке мировоззрения» (Весы. 1904. № 9), «Спиритизм как антихристи-

А. И. Флоренский — П. А. Флоренскому²⁹⁵

[5.11.1904. Тифлис — Сергиевский Посад]

Дорогой Павлуша.

Получили твою заметку из «Весов»²⁹⁶. Позволю себе сообщить свои впечатления от нее как обыкновенного читателя. Ход изложения заметки совершенно прерывный, и уследить последовательность мысли в таком сложном вопросе совершенно невозможно. Мне кажется, самое правильное было бы начать с оценки личности Бугаева как профессора и философа-математика. Вопрос о прерывности совершенно незнаком читателям и остается им и после прочтения заметки столь же темным, и реальное значение прерывности остается совершенно невыясненным. Если ты пригодишь свое произведение о прерывности в геометрических формах, то необходимо будет предпослать ему хорошее введение, исторический обзор развития идей непрерывности и прерывности в научных мировоззрениях.

Весьма характерно, что все наше научное здание было построено исходя из прерывности материи: атомистическая теория, гипотеза эфира. Только с развитием теории энергетики вопрос о прерывности и непрерывности теряет свое значение, так как самые гипотезы о строении материи, о механизме явлений отступают на задний план. Тем же недостатком, т. е. прерывностью, страдает, по моему мнению, и «Символы бесконечности». Ты прямо начинаешь с боевого крика: Бог, тогда как это должно быть замечанием твоей аргументации. О последней статье я постараюсь сообщить тебе более подробно свои впечатления и выводы впоследствии: надо подумать.

анство» (Новый путь. 1904. № 3), «О символах бесконечности (очерк идей Г. Кантора)» (Новый путь. 1904. № 9).

²⁹⁵ Печатается с комментариями по: Л. С. Выготский — П. А. Флоренский. С. 634. Адрес на конверте: Сергиев посад (Московской губ.) Павлу Александровичу Г-ну Флоренскому. Духовная академия.

²⁹⁶ См.: Флоренский П. А. Об одной предпосылке мировоззрения // Весы. 1904. № 9. С. 24–35.

Твои статьи или печатают неаккуратно, или ты сам делаешь нечаянные пропуски. На 35 странице «об одной предпосылке мировоззрения» — в конце начата цитата из Кантора²⁹⁷ — и не закончена. Вообще 35 страница, кажется, должна стоять на месте 34. В такой статье это крупный промах.

К твоему заключению о накануне «нового искусства и новой науки»... я все-таки скажу, что все это только ветви и стволы даже на старых корнях. И новое искусство и новая наука — это врывающийся могучий поток с Востока, желтая опасность. Разделенное человечество пространством, несмотря на вражду, видно, объединяется и в своих идеях и в реальной жизни: из периода прерывности оно переходит в период непрерывности.

Получил ли ты сто рублей? У нас все благополучно. До свидания, дорогой.

Твой папа.

П. А. Флоренский — О. П. Флоренской²⁹⁸

[8.11.1904. *Сергиевский Посад — Тифлис*]

Дорогая мамочка!

Всю последнюю неделю, даже две, пожалуй, я был так занят и, — самое неприятное, — писанием, что решительно не был в состоянии взяться ни за одно из того множества писем-долгов, которые всегда лежат на мне. Кажется, дело кончится плохо: меня объявят несостоятельным должником. Дело в том, что тут множество «дела» — в более прямом

²⁹⁷ Георг Кантор (Cantor, 1845–1918) — немецкий математик, создал теорию множеств, теорию трансфинитных чисел, изложил принципы учения о бесконечности, сформулировал одну из аксиом непрерывности. Идеи Кантора оказали большое влияние на развитие математики.

²⁹⁸ Там же: С. 635–636. Адрес на конверте: Тифлис. Е. В. Б. О. П. г-же Флоренской Николаевская 67. Штемпели: Сергиев Посад 1904.11.10, Тифлис 16.11.1904. Судя по дате в письме и штемпелю на конверте, П. Ф. три недели по забывчивости не отправлял это письмо.

смысле, чем занятия положительные, такого рода «дела», которое всегда хотел от меня папа. Это, именно, применение своих скрупулезных знаний и навыков к переработке общественных настроений.

Я знаю, что сейчас на мне лежит большой и очень ответственный долг, и если я не выполню его и не сумею воспользоваться необычайно благоприятными обстоятельствами (потому что в Академии меня совершенно незаслуженно, даже ничего не зная обо мне, встретили хорошо, и даже те, которые понимают, что они — мои враги в области мысли, т. е. радикалы), то такого случая больше никогда уже не повторится. И вот поэтому приходится быть всегда наготове. Кроме того, тут обязательной вполне определенной работы учения почти не существует; намечаются очень широкие рамки, внутри которых можно двигаться самостоятельно; например [за] «2-й семестр» нужно написать «работу по библейской истории». Предложены темы на выбор, но темы таковы, что, в сущности говоря, можно заниматься чем угодно и как угодно, лишь бы только заниматься: там и археология, и лингвистика, и история науки, и социология, и психология, — одним словом, для человека чем-нибудь интересующегося не может не оказаться чего-нибудь по вкусу.

С чего ты берешь, милая мамочка, что я вас забываю? Оттого что я не писал? Но ведь я могу, вообще говоря, не писать и очень долго, и все-таки вовсе не потому, что забыл, а скорее напротив; я всегда настолько живо чувствую кругом себя всех, настолько ясно могу мысленно и разговаривать и сближаться и ссориться, что кажется иногда неуместным «вдобавок» еще писать письмо, как было бы странно писать записки, находясь под одной кровлей. Это все не оправдание: я только хочу пояснить, как можно не писать и даже не говорить, а все-таки быть близким.

Ближайшим друзьям своим, если нет определенной цели писания, иногда не пишу месяцев по 5–6 и — ничего. Относительно Лили я сделаю то, что говорит папа, но прежде чем сделать это, я должен знать: 1) на какое отделение хочет она

поступать; 2) какой у нее аттестат (медаль и все такое). Сказать с полной уверенностью, что ее примут на первый же год, нельзя, но, впрочем, это — после. Получили ли вы от-тиск одной из моих статей, который я посылал вам как-то?

Первые впечатления от Академии, о которых я писал тебе ранее, нисколько не рассеялись, а напротив, так сказать, сгу-стились. Я познакомился с такими людьми, что удивляешься, откуда могла взяться такая чистота и свежесть не то, что в тех неблагоприятных условиях, в которых они росли, но и во-обще. Ясные, прозрачные, очень глубокие души; многое по-нимают и притом детскость — умение по-детски радоваться всему, усматривать глубокое и интересное и живое в том, что у нас считается надоевшим — нету пресыщенности.

Может быть, ты собираешься приехать на Рождество сюда, в Москву? Если да, то хорошо бы написать об этом заранее, чтобы я устроил все как следует. Соня Андросова уехала в Берн и уж принялась за занятия. Она очень скучает там, тем более что почти никого нет знакомого.

Только что вернулся с прогулки, которой уж не делал бо-лее двух или трех недель, так как и не выглядывал за сте-ну Лавры. Ходил с одним из товарищей в Гефсиманский скит²⁹⁹. Глубокий довольно снег, а на нем тоненькая короч-ка, аппетитно хрустящая под ногами; солнце и почти чи-стое небо; ели с ласковой зеленью, когда они освещены за-ходящим солнцем — а ведь теперь солнце почти целый день только и делает, что «заходит». Ходил навестить своего старца Исидора³⁰⁰. Пошел к нему с недоумением, а вернулся

²⁹⁹ Гефсиманский скит и Вифания — монастыри, приписанные к Троице-Сергиевской Лавре. Маршрут планируемой прогулки мог иметь неко-торый подтекст в противопоставлении митрополитов Платона и Фи-ларета: Гефсиманский скит был основан в 1844 году митрополитом Филаретом. — В. К.

³⁰⁰ Отец Исидор (Иоанн Козин, или Грузинский — как он сам себя назы-вал, 1824—1908). Павел Флоренский — автор книги «Соль земли, или Сказание о жизни старца Гефсиманского скита аввы Исидора», опубли-кованной в 1908—1909 гг. в журнале «Христианин» (см.: *Флоренский П.*,

легко и радостно — с силами. Он — совсем простой, из бывших крепостных графа Толстого (не писателя), но понимает многое гораздо лучше ученых богословов, так что мысли, самые дорогие мне, с радостью выслушиваешь от него — мысли, которых многие не понимают. Это — мысли о мистике и об общественных задачах — о католиках, о евреях. Отец Исидор весь белый, ласковый и радостный — будто светится; угощает чаем и своим знаменитым вареньем из клюквы, изюму, меду и квасу, в которое он «хотел прибавить еще репы». Это варенье — высший сорт, для людей настоящих, а варенье простое, как подают всюду, для гостей, не заслуживающих аскетического угощения, — аскетическое, потому что наш ректор говорит, что он не может съесть его более ложки, и то скрепя сердце.

Отец Исидор — большой любитель евреев и так относится к ним, что у него завелась масса «крестников», которые переписываются с ним и советуются о разных духовных и недуховных нуждах. Меня особенно восхищает его детскость. Например, он писал Александру III карандашом большое послание о том, что Церковь единая и святая, что нам больно видеть, как нашу Мать делят на части из-за «канцелярщины», из-за одной буквы, это о том, что мы, православные — католики, а сторонники западной Церкви — католики. Посылал он также книжки Гладстону³⁰¹ и Бисмарку³⁰², порт-

свящ. Сочинения: В 4 т. Т. 1. С. 571–637). В предисловии он пишет: «Всему можно удивляться в нем — любви, кротости и смиренню, нелицеприятию, прямоте и независимости; непритязательности, бескорыстию и бедности; ясности, мирности, духовности; наконец, молитве. Но более всего удивляет его надмирность. Был в мире — и не от мира; был с людьми — и не как человек». — В. К.

³⁰¹ Уильям Юарт Гладстон (Gladstone; 1809–1898) — английский государственный деятель и писатель. Премьер-министр Великобритании (1892–1894).

³⁰² Отто Эдуард Леопольд фон Бисмарк-Шёнхаузен (von Bismarck-Schönhausen; 1815–1898) — князь, с 1871 г. — первый канцлер Германской империи, осуществивший план объединения Германии и прозванный «железным канцлером».

реты которых красуются в его келье, и при книжках письма; в них он указывал, что мы, православные, любим протестантов и католиков, в чем они сами могут убедиться из церковных служебников. Но главное, что меня привлекает в нем, это его понимание многих мистических идей, и очень тонкое, хотя образное, а не в понятиях.

Целую тебя, дорогая мамочка, и всех вас. Папе напишу как-нибудь на днях. Сейчас не могу: надо скоро идти к ректору читать реферат.

Твой П.

К. М. Аггеев — П. П. Кудрявцеву³⁰³

[9.11.1904. СПб.]

1904.XI.9

Дорогой Петр Павлович!

Сравнительно поздно отвечаю тебе на последнее письмо, потому что ожидал «Церковного Вестника», но последний пока лишь наполовину ответил на твой запрос (см. мои статьи передовая «Личность и общество» и «Ненужная речь»). Я писал тебе, что в настоящее время занят изучением постановлений бывших статистических комитетов по книгам «Нужда деревни» и «Земская мелкая единица». Начал ряд статей по этому вопросу под общим заглавием «Нужды деревни». Первая статья появится недели через две—три, и, думаю, она может послужить исповеданием моей веры в сфере намеченных тобою пунктов. В ней я указываю два основных взгляда, которые разделяют наших радетелей деревни на два лагеря. По одним — наш народ груб, дик, «сброд как животное» и по отношению к нему возможны лишь меры самой широкой опеки с палкой и розгой — лагерь консервативный, восхваляемый «Московскими Ведомостями» (здесь же и наши земляки Бодиско, Сухотин). По другим — если наш

³⁰³ Печатается с комментариями по: Балакшина, 2014. С. 287–292.

народ плох, то благодаря бесправию своего положения и привилегированности прочих сословий. Уравнение с прочими сословиями в отношении административного суда и просвещения — вот чего ждет народ — лагерь либеральный. Первый лагерь основывается на духовенстве. «Подлинно только роковое недоразумение, — пишу я, — близит служителей Религии света и любви к меньшему брату с этими людьми, из которых не выветрился еще дух крепостничества...» Заканчиваю статью такую тирадою: «Когда в праздничные дни окраинные улицы Петербурга наполняются пьяными грубиянами из народа, когда видишь или слышишь о диких явлениях народного самоуправства, когда встречаешься с какою-то иногда тупостью и бестолковостью мужика, грустно и тяжело становится на душе... Но жалок тот старший брат, который не опознает своей вины в положении опустившегося меньшого брата! Жалок тот русский интеллигент, который может сулить только палку да розги тому крестьянину, который своей кровью на бесприютных полях Дальнего Востока обеспечивает наше благополучие, удивляя мир подвигами своего великого духа!»

Александр Петрович говорил мне, что непременно напечатает эту статью.

Сегодня я слышал в учительской про один бывший в один из прошлых годов факт. Ученица отвечает по-русски и говорит, что нужно писать «искреннюю», а не «ую». Граф, бывший на экзамене, говорит, что не так было: «Государыня на одной бумаге написала, «“выражаю искреннюю благодарность”, и я с тех пор пишу именно так!» Я припомнил один анекдот, рассказанный мне Скарятиным³⁰⁴. «Император Николай темным вечером зимой во время метели слез с саней на одной из улиц пустынных и, подойдя к фонарному столбу, сделал пипи. Вдруг фонарь засветился, оказалось, стоял человек. «Ах! Простите...» — «Рад ста-

³⁰⁴ Александр Петрович Скарятин-Хомяков — артист Народного дома императора Николая I.

раться. Прошу записать в формулярный список», — сказал оказавшийся чиновник-счастливец.... Вот, по моему мнению, атмосфера «Московских Ведомостей». Думаю, что не иного мнения по этому вопросу держится и Зотикович, от которого я никогда не слыхал опровержения своих взглядов. А их я откровенно высказывал всегда...

На днях я должен получить экземпляры постановлений бывшего на этих днях официально конфиденциального земского съезда³⁰⁵. Из 90 человек 63 высказались решительно за правовую конституцию (ограничение самодержавия законодательным порядком, свобода печати, собраний); 27 за образование при Государе особой думы, — члены которой выборные, — но которая имела бы лишь совещательный голос и созывалась или, точнее, призывалась по усмотрению Государя. Резолюция эта будет представлена Святополк-Мирским Государю. Каков будет результат, об этом судить рано. Преобладает, впрочем, пессимистический взгляд: слишком много людей заинтересовано в сохранении самодержавия...

Атмосфера Петербургская насыщена нетерпеливым ожиданием. По учебным заведениям беспрерывные сходки. Сергей Николаевич Булгаков закончил свою лекцию о Чехове горячими словами «непримиримости, непримиримости до конца...» И не знаю, что будет, если все ожидания останутся без удовлетворения. Верным показателем дальнейшего хода дел будет положение Мирского³⁰⁶. Сегодня говорят — Мирскому дается отпуск, завтра — Мирский останется... Характерно: в редакцию газеты «Наша жизнь», в 1-ом № которой самая откровенная речь о конституции, нельзя,

³⁰⁵ Первый легальный Земский съезд проходил в Петербурге 6–9 ноября 1904 г. под названием «Частное совещание земских деятелей».

³⁰⁶ Имеется в виду Петр Дмитриевич Святополк-Мирский (1857–1914) — князь, российский государственный деятель; с 26 августа 1904 г. по 18 января 1905 г. — министр внутренних дел Российской империи. С должности был уволен после начала массовых беспорядков в январе 1905 г.

говорили мне сегодня, добраться. С этими №№ ты, конечно, знаком: один из деятелей этой газеты — С. Н. Булгаков...

Я лично занят организацией «Христианского содружества учащейся молодежи женских учебных заведений» на манер существующего «Содружества учащейся молодежи мужских учебных заведений»³⁰⁷. Заседания последнего производят на меня очень хорошее впечатление. Частые сношения со своими ученицами-курсистками (таковых у меня около 15 человек), «Дневник Елизаветы Дьяконовой» — говорят мне о необходимости такой же организации и для женщин. Завтра у нас маленькое совещание по этому вопросу будет (отцы Рождественский, Слободской, Колачев и я). Сегодня хочу написать Платону об открытии Содружеств при Киевском Религиозно-просветительском обществе по образцу Петербургского — без архиереев и протоиереев: последние — только гости...

Минувшие дни проводила у нас Игуменья Екатерина, которая своей статьей в «Церковном Вестнике» кашу заварила. Письмо и статья уже пошли, а начальство — Победоносцев и Саблер — отнеслись недружелюбно, хотя ей, страха ради, не высказывали... Она предполагает отвечать на все возражения. Екатерина провела у меня вечер в кругу моих знакомых. Что это за женщина. Я устроил отдельный вечер у наших пепиньер и выпускных: и этот вечер останется памятным моим ученицам... Некоторые крайности в статье Екатерины, с моей точки зрения, есть, но я прощаю ей их ввиду ее личного редкого аскетизма и искренности — и ввиду того что под противоположным принципом личной святости у нас, к сожалению, скрывается всякая мерзость, о чем между прочим упоминаю я в статье еще не напечатанной: «Роковые недоразумения».

³⁰⁷ Открытие Христианского содружества женской учащейся молодежи при Обществе распространения религиозно-нравственного просвещения состоялось 13 марта 1905 г. (См.: Православно-русское слово. 1905. № 5. С. 432–433).

Немалое и разное впечатление производит у нас фельетон «Русского Слова» на минувшей неделе, кажется, во вторник, о. Петрова «Великий нигилист» о Победоносцеве. Беседа с Исполином церковных Сановников — в действительности бывшая беседа Петрова с Победоносцевым, а сочинение о Валаамовой Ослице — это еп. Серафима³⁰⁸, переведенное на английский язык. Портрет всё же узнан. Многие осуждают Петрова как священника, особенно за конец, слабый к тому же и с других точек зрения...

Все мы здоровы и благополучны. Целуем всех вас крепко. Были бы счастливы, если бы оказалось возможным наше свидание на Рождество. Владимировы собираются «выписать» Рыбинских...

Любящий тебя твой неизменный друг, свящ. К. Аггеев.

Меня удивляет: епископ Антоний (Храповицкий) среди Петербургского духовенства, к которому я близок, не пользуется расположением и даже более того...

Вчера у Александра Петровича Рождественского слышал от академического профессора, что в минувший вторник решено дать доктора М. А. Олесницкому. Вероятно, новость поздняя...

В. П. Свенцицкий — П. А. Флоренскому³⁰⁹

[11.11.1904. Москва — Сергиевский Посад]

³⁰⁸ Преосвященный Серафим (Яков Михайлович Мещеряков, 1860–1933) — с 4 июня 1902 г. епископ Полоцкий и Витебский; автор книги «Прорицатель Валаам» (СПб., 1899), переведенной на английский язык. В 1922–1924 гг. примыкал к обновленческому движению; в 1925–1927 гг. отбывал срок на Соловках, где написал работу «Догмат об Искушении»; в 1933 г. расстрелян.

³⁰⁹ Печатается с комментариями по: *Чертков*, 2017. С. 130–131.

В пятницу 12-го ноября в 8 часов вечера состоится 5-е заседание нашей секции. Трубецкой прочтет реферат «Вельгаузен и библейская критика». Приезжайте.

Мне позволили пригласить вашего профессора Воронцова³¹⁰, если успеете, передайте ему приглашение.

Вал. Свенцицкий

В. П. Свенцицкий — П. А. Флоренскому³¹¹

[15.11.1904. Москва — Сергиевский Посад]

Милый друг, я окончательно уезжаю к графу Баранову³¹², для этого мне понадобились деньги 20 руб., которые я и занял у Дмитрия Владимировича Шера³¹³. Но так как мне было бы гораздо приятнее состоять должником у Вас, то не согласитесь ли Вы на следующую финансовую операцию: пришлите 20 руб. по почте на имя Дмитрия Владимировича Шера по следующему адресу: Москва, Остоженка, Зачатьевский пер., дом и квартира Шер. Вы мне окажете очень большую услугу, за которую буду Вам чрезвычайно благодарен. Деньги выплачу обязательно и в возможно скором времени.

†

Приеду я в субботу 20-го поздно вечером и буду на заседании нашей секции в воскресенье 21-го. Оно состоится

³¹⁰ Евгений Александрович Воронцов (1867–1925) — протоиерей, гебраист, профессор МДА, иерей (1909), магистр богословия (1910).

³¹¹ Там же. С. 131–132. Конверт: Московско-Ярославская жел. дор. Станция Сергиево. Московская духовная академия. Москва. 15/XI 04 г.

³¹² Александр Павлович Баранов (1862–1918) — граф, окончил Московское пехотное юнкерское училище (1880), перечислен в запас в чине поручика (1890). Женился на Анастасии Михайловне Баратынской, имел сыновей Михаила и Николая. Проживал в своем имении (Рязанская губ., Михайловский уезд, дер. Каморино). Цель поездки не выяснена.

³¹³ Дмитрий Владимирович Шер (1885–1942) — брат Ольги и Василия Шеров, одноклассник Д. Д. Галанина (мл.), впоследствии вступил в брак с Н. С. Багатуровой, оставив первую жену с тремя детьми.

в 6 часов вечера, Дмитрий Дмитриевич Галанин³¹⁴ прочтет реферат о том, что такое «Образование». Если приедете, увидимся.

Мой адрес теперешний: г. Михайлов (Рязанской губ.), село Каморино, имение графа Баранова, мне. Пишите, пожалуйста, — я уезжаю туда начиненный массой литературных планов беллетристического и публицистического характера; глаза разбегаются, за что взяться; во всяком случае, погружусь в мир своих грез по самую макушку. Очень большой толчок всему этому дал мне последний симфонический концерт, где исполнялось «Столпотворение Вавилонское» Рубинштейна³¹⁵. Впечатление местами было потрясающее — только один господин мешал очень: бесконечно толстый и грязный, он так наваливался на меня сзади, что я чувствовал его перистальтику кишок!

Прощайте, крепко Вас целую.

Ваш fr. Minimus³¹⁶.

P. S. Если у Вас нет 20 руб., пришлите, сколько можете.

П. А. Ивашева — В. Ф. Эрну³¹⁷

[23.11.1904]

³¹⁴ Дмитрий Дмитриевич Галанин (младший) (1886–1978) — активный член ХББ и МРФО на ранних этапах его существования, друг Эрна и Ельчанинова, сын и полный тезка своего отца Д. Д. Галанина (старшего) (1857–1929) — преподавателя математики Первой мужской гимназии в Москве, историка математики и отца известного советского физика М. Д. Галанина (1915–2008). После революции Д. Д. Галанин (младший) — педагог, физик, член-кор. АПН РСФСР (см.: Чижикова З. А. Сведения о родственниках Михаила Дмитриевича Галанина // К истории ФИАН. Серия «Портреты». Вып. 3. М., 2004. С. 15–17).

³¹⁵ Оратория А. Г. Рубинштейна «Вавилонское столпотворение» (1869).

³¹⁶ Frater minimus — наименьший брат (*лат.*), член созданного в XIII в. св. Франциском Ассизским Ордена меньших братьев; здесь — самоуничижительная форма вежливости.

³¹⁷ НИОР РГБ. Ф. 348. Эрн В. Ф. К. 2. Ед. хр. 47. Л. 7–8.

Многоуважаемый Владимир Францевич! Только со вчерашнего дня могла приняться за переписыванье экземпляра, предназначенного быть посланным Вам: был болен мой мальчик, и целых шесть дней я не могла ничего делать. Спасибо Вам за письмо. Ваши доводы о необходимости веры во Христа, без сомнения, несут свет душе, и эта вера и мне представляется единственной, дающей отрадный для сознания смысл жизни. Но как сделать, чтобы она стала моей непреложной, моей непоколебимой верой? Верой действительной, а не желаемой только? Чтобы верить во Христа-Бога, надо ведь верить и в возможность чудесного — так? Но что поможет моей мысли убедиться в возможности чуда? Какие рассуждения, какие факты?

Вы простите, что я ставлю Вам вопрос за вопросом, и не думайте, что так сейчас и надо отвечать; ответьте, если у Вас найдется время и если Вы найдете возможность ответить; потому что — повторяю — я совсем не хотела затруднять Вас.

Не знаю, может быть, мне все только кажется в слишком мрачных красках, но порою меня положительно повергает в уныние не только картина бед и страданий людских, но и то общее настроение, какое представляется мне присущим огромному подавляющему большинству, и притом интеллигентному большинству, то есть как раз тем, кто по развитию выше толпы, кто эту толпу зовет и ею руководит. Меня безмерно смущает то, что эти «высшие», эти «лучшие» культивируют главным образом жизнь тела (хотя бы и в лучшем смысле этого слова), что земля и земное признается ими единственным, что может и должно заботить человека. И когда меня начинает страшить сомнение: «что, если они правы?», то вот в этот момент у меня на самом деле опускаются руки. Вы — уверены в том, что этого не может быть? Почему Вы так уверены?

Ну, пока до свидания. Смотрите же, не думайте, что надо спешить отвечать мне. Всего Вам хорошего.

П. Ивашева

23го ноября 1904 г.

Андрей Белый — П. А. Флоренскому³¹⁸

[23.11.1904. Москва]

Брюсов снял маску³¹⁹. Принимайте меры. Бугаев. Соловь-

³¹⁸ Печатается с комментариями по: *Иванова*, 2004. С. 466.

³¹⁹ Вероятно, А. Белый подразумевал полученное им стихотворение «Бальдеру Локи». О конфликте с Брюсовым и восприятии его поведения Андреем Белым см. во вступ. заметке Е. В. Ивановой к публикации переписки Андрея Белого и Флоренского: «Близость не исчерпывалась миром общих идей и интересов: Флоренский оказался втянут в напряженную личную жизнь Белого, что также отчасти отразилось в переписке». Жизнь А. Белого в этот момент протекала под знаком «решительной борьбы с Брюсовым (сны, телепатия, обмен угрожающими стихами). (...) Над всю жизнь — черное крыло гипноза Брюсова». В переписке участие Флоренского в поединке между Андреем Белым и Брюсовым, носившем характер своеобразной умственной дуэли, отразилось лишь в одной из записок (связано с ним и письмо Флоренского к Брюсову от 5.12.1905) — между тем это был очень важный момент в их отношениях.

Русский символизм за время своего недолгого существования окружил себя совершенно особой духовной атмосферой, пронизанной мистическим восприятием жизни. «Мы жили тогда в реальном мире, — вспоминал об этом периоде В. Ф. Ходасевич, — и в то же время в каком-то особом, туманном и сложном его отражении, где все было “то, да не то”. Каждая вещь, каждый шаг, каждый жест как бы отражался условно, проектировался в иной плоскости, на близком, но неосязаемом экране. Явления становились видениями. Каждое событие, сверх своего явного смысла, еще обретало второй, который надобно было расшифровать. Он не легко нам давался, но мы знали, что именно он и есть настоящий». Вне этой совершенно особой атмосферы невозможно понять тот поединок, который происходил между Брюсовым и А. Белым в конце 1904 — начале 1905 г., невольным участником которого стал и П. А. Флоренский.

Напряженные отношения сложились из-за Н. И. Петровской, жены владельца издательства «Гриф» поэта С. А. Соколова (Кречетова). Петровская вместе с Андреем Белым была участницей кружка «Арго», где и произошло их сближение на почве общих мистических устремлений. Свое понимание отношений с Петровской Белый выразил в стихотворении «Преданье» (1903), где они представлены как мистериальная платоническая любовь пророка и сибиллы. Брюсов,

увлекшись Петровской, из чувства соперничества как бы развил этот сюжет, дав ему иное направление: он пишет ответное стихотворение «Предание» (1904–1906), где, намекая на свои отношения с Петровской, прославляет тайную любовь пророка и сибиллы и подчеркивает ее земной характер. В ответном стихотворении Брюсов старался придать сложившемуся любовному треугольнику мифологический смысл: он «демонически» похищал у «светоносного» Белого Петровскую и увлекал ее с высот небесной любви на путь греховной страсти.

Развивая и совершенствуя этот сюжет дальше, подчиняя ему свои отношения с Андреем Белым и Петровской, Брюсов умышленно акцентировал в нем борьбу Добра и Зла, света и тьмы, при этом он придавал собственным поступкам нарочито демонический характер и добровольно уступал Белому роль светлого героя. Брюсов, работая над романом «Огненный ангел», тогда увлекался оккультными науками и спиритизмом, изучал черную магию и плоды своих познаний использовал, направляя жизненный сюжет в нужное русло. Все эти «жесткие игры», которые партнерами Брюсова воспринимались совершенно всерьез, нужны ему были как материал для будущего романа, о чем они не подозревали. Не понимая этой «экспериментальной» подоплеки, экзальтированный Андрей Белый испытывал и переживал подлинный мистический ужас. Этим почти суеверным страхом объясняется тон его послания к Флоренскому.

Флоренский воспринимал поединок с Брюсовым под тем же углом зрения, что и А. Белый, и всячески стремился оказать ему духовную помощь: ездил по его поручению к еп. Антонию, пытался мобилизовать свои духовные силы, чтобы защитить друга от демонического влияния Брюсова.

Кульминацией поединка стал конец 1904 г., время особенно тесного сближения Андрея Белого с Флоренским. В ноябре А. Белый пишет стихотворение «Отчаянье», где изображает Брюсова в образе двойника, преследующего его. Этот момент в их общении запечатлен в прозе Белого, опубликованной позднее; в «Химерах» (см.: Весы. 1905. № 6), где описывается борьба юноши с солнечными волосами с преследующими его темными силами, среди которых легко угадывается Брюсов в образе «профессора-мрака»; в «Сфинксе» (см.: Весы. 1905. № 9) он же появляется как «маг, закрытый пледом».

Брюсов, развивая мифологическую подоснову, направляет А. Белому стихотворение «Бальдеру Локи»; лист, на котором оно было написано для передачи А. Белому, автор свернул в виде стрелы. Используя имена героев скандинавского эпоса «Младшая Эдда», Брюсов прозрачно

соотносит А. Белого со светлым богом Бальдером, сыном Одина, себя же — с демоническим многоликим Локи, сеющим распрю между богами. Находящийся в состоянии крайней экзальтации А. Белый пишет 1 декабря 1904 г. ответное стихотворение «Старинному врагу», сопроводив его выписками из Евангелия. «Пока писал, — признавался А. Белый, — чувствовал: через меня пробегает нездешняя сила; и знал: на клочке посылаю заслуженный неотвратимый удар (прямо в грудь), отучающий Брюсова от черной магии — раз навсегда, грохотала во мне сила света». В стихотворении «Старинному врагу», где Брюсов предстает как гордый демон, пытающийся взмахом крыла затмить свет. Но светлый герой побеждает демона, унося в небесную лазурь. Текст стихотворения и листок с выписками из Евангелия А. Белый передал Брюсову через Флоренского, о чем он сообщал Блоку в письме 18–19 декабря 1904 г.: «Наконец, приехал Флоренский и Петровский из Академии и отнесли в “Скорпион” стрелой сложенную записку Брюсова в знак объявления войны». Стихотворение Брюсова «Бальдеру Локи» привлекло внимание Флоренского, как следует из его письма А. Белому. Эти события и стали поводом для его обращения к Брюсову, где он предостерегал поэта от увлечения черной магией и оккультными науками.

Напряженная борьба разрешилась неожиданно вполне мирным путем: в ответ на стихотворение «Старинному врагу» 1 января 1905 г. Брюсов пишет А. Белому второе стихотворение «Бальдеру», где признает победу «сына света». Эпиграфом к стихотворению стала строка З. Гиппиус: «Тебя приветствую, мое поражение», что означало его выход из игры. Настоящее прозрение всех участников наступило тогда, когда они получили возможность прочитать соответствующие главы романа «Огненный ангел», разъяснившие для них мотивы поведения Брюсова. «Он, — вспоминал Андрей Белый, — заставлял произвольно меня в месяцах ему позировать (...)» Это взаимное прозрение могло стать одной из психологических причин взаимного расхождения Флоренского и А. Белого, о которой последний вскользь говорит в воспоминаниях «Начало века» и о которой упоминает и сам Флоренский; во всяком случае, вскоре после истории с Брюсовым их отношения навсегда теряют близость, приобретая характер чисто интеллектуального общения. Возможно, что поводом для размолвки явились разногласия из-за создания «Христианского братства борьбы», под знаком которого складывались отношения Андрея Белого с «тройкой апокалиптиков» в 1905 г. (Из наследия П. А. Флоренского. К истории отношений с Андреем Белым. С. 3–22).

ев³²⁰.

Р. С. Дать знать Свенцицкому.

В. Я. Брюсов — Л. Н. Вилькиной³²¹

[28–30.11.1904. Москва]

Ноябрь 1904

Дорогая Людмила!

Мои молчания должны Вам казаться прежде всего — невежливостью, а это одно из самых жестоких обвинений, какое я могу придумать. Но это не так. После некоторых «настоящих» слов, которые хотя бы однажды были сказаны между двумя, для них уже почти закрыта возможность условных, формальных писем и разговоров. Конечно, я мог бы ответить Вам запиской на бумаге с клеймом Скорпиона, начав словом «уважаемая» и кончив изъявлением преданности, но на это у меня не достало воли. Если когда-нибудь нам суждено видеться и говорить, верю, Вы простите мне эти мои молчания. Пока же Вы найдете здесь стихи, на которые смотрите не как на стихи (ибо, разумеется, у меня есть лучшие), но как на фотографию моей сегодняшней души.

Какие из Ваших стихотворений возьмем мы для «Северных Цветов», мы еще не решили, но извещу тотчас. Перевод статьи ван-Бевра³²² сделан не мною, и я не имею на него никаких прав. Он напечатан отдельно при изданном Скорпионом рассказе Мэтерлинка «Избиение младенцев».

«Ваш» Валерий Б.

Опять душа моя расколота
Ударом молнии, — и я,
Вдруг ослепленный вихрем золота,
Упал в провалы бытия.

³²⁰ Соловьев Сергей Михайлович.

³²¹ Печатается с комментариями по: *Котрелев, Лавров*, 2004. С. 359–360.

³²² Адольф ван Бевр (1871–1927) — французский библиограф. — В. К.

С победным хохотом, товарища,
Лемуры встретили меня,
На пепле древнего пожарища,
В дыму последнего огня.
«Ты — наш! — вскричали в дикой нежности, —
Ты — наш! и в безднах вечно будь!
Свободный дух предай мятежности,
Тропы лазурные забудь!»
И мне от жгучей боли весело,
И мне желанен мой костер,
И небо черный полог свесило
На мой полуослепший взор!

1904.

Валерий Брюсов³²³**Д. Д. Галанин — П. А. Флоренскому**³²⁴*[29.11.1904. Москва — Сергиевский Посад]*

Многоуважаемый Павел Александрович, Валентин Павлович просил сообщить Вам во-первых, что деньги он получил, а затем следующее: Можете ли Вы прочитать Ваш реферат «Эмпирея и эмпирей»³²⁵ в субботу 4 декабря в 8 часов вечера в секции. Заседание назначено, если не можете,

³²³ Впервые опубликовано под названием «Молния» в составе цикла Брюсова «В провалах» (Северные цветы Ассирийские. С. 31); вошло в книгу Брюсова «Στέφανος» (М., 1906). Датируется 17 ноября 1904 (см.: Брюсов В. Собрание сочинений. Т. 1. С. 400), однако автограф стихотворения был выслан Брюсовым А. А. Шестеркиной уже 12 ноября 1904 (см.: НИОР РГБ. Карт. 128. Ед. хр. 13). Стихотворение отразило переживания Брюсова, связанные с началом его любовной близости с Н. И. Петровской.

³²⁴ Печатается с комментариями по: Переписка В. П. Свенцицкого и П. А. Флоренского / Публ. П. В. Флоренского, С. В. Черткова // Новый журнал. 2011. № 264. С. 135.

³²⁵ Впервые «Эмпирея и Эмпирия» вышла в: Богословские труды. Сб. 27. М., 1986. С. 298–322.

то известите телеграммой на мой адрес (Москва. Водоотводная, д. Протопопова. Галанину), поскорее...

Валентин Павлович будет сам на этом заседании и очень просил Вас не отказываться.

Уважающий Вас Д. Галанин

П. А. Флоренский — Андрею Белому³²⁶

[1.12.1904. Сергиевский Посад]

1 декабря 1904, Сергиев Посад

Милый Борис Николаевич!

Валерия Брюсова в «Весах» не было, хотя мы ждали его довольно долго и хотя он должен был прийти, по словам Полякова.

На нас это произвело впечатление такое, что Валерий Брюсов уклоняется от встречи. Записку и ваше письмо³²⁷ я оставил для него на столе редакции.

Мне кажется, что он снова принялся за Вас и что у Вас не совсем спокойно. Не обращайтесь, дорогой Борис Николаевич, внимания и идите своим путем мимо всех личин. Мы не дадим Вас. Хотя Валерий Брюсов и пристает, но я сознаю, что он надломился и теперь больше форсит, чем имеет подлинной силы. Молюсь за Вас и искренно люблю.

П. Флоренский

P. S. Привет Сергею Михайловичу.

Мне было бы очень важно иметь для изучения стихотворение Валерия Брюсова, посвященное Вам³²⁸. Тогда я не успел переписать его. Может быть, Вы сможете доставить на 2–3 дня?

³²⁶ Печатается с комментариями по: *Иванова*, 2004. С. 466–467.

³²⁷ Флоренский представлял интересы Белого в той умственной дуэли, которую вел с ним Брюсов.

³²⁸ Стихотворение «Бальдеру Локи».

В. Ф. Эрн — П. А. Флоренскому³²⁹

[8.12.1904. Женева — Сергиевский Посад]

Дорогой Павлуша! Спасибо, что написали. Я очень и очень за вас рад и совсем успокоился. Живо представляю, что, как и в каком духе. Как это всё хорошо! Берёзовой кожицей вы доставили мне большое удовольствие. С одной стороны, у ней такой тёплый цвет, а с другой — повеяло берёзками Нестерова и вместе с ними дорогим духом, который живёт в наших лесах. Вы мне дали маленькую, но существенную точку опоры, и я буду знать теперь, как представлять себе вашу жизнь. Но если б вы написали подробнее и о всех — о Свенцицком, Бугаеве и Соловьёве, — то очень бы меня одолжили. Ведь за всё время я не имел о вас никаких сведений, не считая, впрочем, тех, которые получаю во сне и... невыразимых, пришедших неизвестно как.

Завтра едет в Москву Иванов с супругой. Я уже писал о нём Свенцицкому. Очень-очень хотел бы, чтоб вы его узнали и оценили. Он очень простой и хочет с вами познакомиться — значит, — всё устроится легко. Я его ставлю очень высоко; он самобытен, силён, и Христос для него в конце концов самое главное. В нём много свободы и удивительного своеобразия. Я бы мог многое написать насчёт него, но вы скоро сами его увидите, а чтоб было видно моё отношение — скажу, что я полюбил и люблю его от души. Кроме того я ему очень обязан. Он, сам о том не зная, насчёт многого меня просветил. Жена его тоже очень хороший и интересный человек. Только, чтоб это увидеть, нужно близко познакомиться, а сначала она отталкивает. Так, Павлуша милый, я всеми силами, сколько могу, рекомендую их вашему вниманию.

Я встретился здесь с Люсей и сошёлся с ней. Какая она хорошая, какая добрая! Вся она горит беспокойством и так

³²⁹ Печатается по: *Чертков*, 2017. С. 133–135.

умеет незаметно помочь в трудную минуту. Она тайну большую носит в своей душе, я прикоснулся чуть-чуть и относись к ней теперь прямо с благоговением. Мне кажется, вы не знаете Люси и Люся вас. Странно это.

О себе мне не хочется писать. Как-то всё ещё волнуется и не застыло. А может быть, только начинается. Знаю только, что были бури и был покой, потом опять бури и опять покой. Вольно, просторно и страшно. Старое всё ломается, а на новое только надежда. Передайте всем глубокий поклон.

Обнимаю вас горячо.

Господь с вами!

Найдите минутку, напишите подробнее о своей жизни, о встречах. Очень уж мне интересно.

Любящий вас В. Эрн.

Оттисков ваших статей не получал. Очень об этом сожалею, потому что мне несколько раз хотелось их перечитать. Впрочем, я, пожалуй, тут могу достать.

С. Н. Делекторский³³⁰ — В. Ф. Эрну³³¹

[15.12.1904. *Нуон* — *Женева*]

(...) Прошу Вас приехать ко мне (во вторник или четверг на той неделе). Надеюсь, что Вы не проскучаете, так как встретитесь здесь с интересными людьми: Маргарита Кирилловна Морозова³³², по убеждению Белого, принад-

³³⁰ Сергей Николаевич Делекторский — врач, жил по соседству с М. К. Морозовой на Остоженке, помимо профессиональных услуг в этот период исполнял роль ее секретаря.

³³¹ НИОР РГБ. Ф. 348.2.5. Л. 1–2. Почт. шт.: Нуон. 15.12.1904. В Женеву. Дата в конце письма указана неточно: следует читать: 28/15 декабря.

³³² Маргарита Кирилловна Морозова (урожд. Мамонтова, 1873–1958) — жена фабриканта М. А. Морозова (овдовела в 1904 г.), одна из крупнейших представительниц религиозно-философского и культурного просвещения России начала XX века. Соучредительница Московского музыкального общества, обладательница крупнейших коллекций современной

лежит к числу трех женщин, имеющих мировое значение, да и, помимо замечаний Белого, по моему убеждению, это очень хороший и глубокий человек, которого я очень ува-

русской и западной живописи и древнерусских икон, переданных ею Третьяковской галерее и вошедших в ядро собраний этого и нескольких других российских музеев. М. К. финансировала такие издания, как ВФП, МЕ. Она же стала учредительницей МРФО и книгоиздательства «Путь» при нем. Организовала и финансировала множество благотворительных и просветительских начинаний: школ, приютов, больниц. Без ее помощи и материальной поддержки мы бы недосчитались множества философских, поэтических, музыкальных и живописных произведений, вошедших в золотой фонд русской культуры.

По ее собственным словам, в ее жилах текло множество кровей: русская, немецкая, английская, еврейская, армянская. Может быть, поэтому она поражала современников необыкновенной красотой, унаследованной от матери, в честь которой была названа. После самоубийства отца, Кирилла Николаевича Мамонтова, проигравшего все состояние в Марселе, мать, Маргарита Оттовна, с двумя малютками-дочерьми осталась без всяких средств. Однако, обучившись шить и работая с невероятной энергией, она открыла модное ателье в Москве, которое вскоре стало одним из самых фешенебельных в городе. Детство сестер Мамонтовых прошло в тесном общении с семейством Третьяковых.

Выйдя замуж за Михаила Абрамовича Морозова и родив ему четверых детей, М. К. не обрела семейного счастья. Пьянство, грубость, деспотичный нрав, буйная раздражительность и ревность мужа делали жизнь с ним тяжелой и унижительной. При этом следует отметить, что М. А. Морозов также был крупным меценатом — коллекционером живописи и икон, покровителем художников, литераторов, артистов и музыкантов. После внезапной смерти мужа, отказавшись от всего полученного в наследство недвижимого имущества в пользу детей, М. К. оставила себе лишь московский особняк.

В 1904 г. во время поездки в Швейцарию М. К. встречается с композитором А. Н. Скрябиным. Предложив дать ей уроки фортепианной игры, она щедрым вознаграждением дала Скрябину возможность, обеспечив содержание семьи, сосредоточиться на музыкальном творчестве. До самой смерти композитор и оставленная им первая жена с детьми получали от нее 2000 руб. ежегодно, а после его скоропостижной кончины пенсию получали обе его вдовы и дети.

В 1907 г. Морозова была в числе тех, на чью финансовую помощь опирался С. П. Дягилев при организации в Париже концертов русской музыки. См. подробнее: *Думова Н.* Московские меценаты. М., 1992. С. 97—107.

жаю. Мне хотелось бы, чтобы Вы познакомились с ней; такие люди удивительно хорошо действуют на душу. На Рождество Вы можете встретить здесь Александра Николаевича Скрябина³³³, что и для Вас и для него будет очень и очень полезно, а для меня радостно.

Любивший и любящий Вас С. Делекторский
28/14 декабря Nyon villa les Frênes.

П. А. Ивашева — В. Ф. Эрну³³⁴

[24.12.1904. Москва — СПб.]

Многоуважаемый Владимир Францевич! Поздравляю Вас с праздником Рождества Христова и шлю Вам сердечные пожелания всего лучшего на Новый год.

Через три—четыре дня посылаю Вам заказной бандеролью свою рукопись. Может быть, Вы найдете удобным сделать соответствующие пометки (хотя бы красным карандашом, что ли) на самой рукописи и потом прислать мне ее обратно, причем имейте в виду, что посылаемый вам мною экземпляр не необходим мне, ибо у меня имеется другой такой же, так что если это Вам покажется почему либо неудобным, то и не делайте так.

Теперь, когда пьеса уже вполне мною закончена и я гляжу на нее, так сказать, со стороны, мне кажется, что не все типы вполне разработаны: одним из таких неясных лиц представляется мне, например, хотя бы тот же Корнев³³⁵. Снова повторяю свою просьбу Вам: высказать мне откровенно свое мнение о пьесе. Буду очень и очень ждать Вашего ответа. И меня нисколько бы не устрасила перспектива ее новой переработки, — так что не бойтесь критиковать всюю.

³³³ Александр Николаевич Скрябин (1871/72–1915) — композитор, пианист.

³³⁴ НИОР РГБ. Ф. 348. Эрн В. Ф. К. 2. Ед. хр. 47. Л. 30–32 об.

³³⁵ Персонаж пьесы.

Вы спрашиваете меня, что больше всего мне самой нравится в моей пьесе: мне нравится последняя сцена [зачеркнуты 3 слова]. Не пеняйте на меня за позднюю присылку рукописи: все это время был болен мой мальчик, как болен он еще и сейчас, так что я писала и пишу положительно урывками. Не подумайте, впрочем, что у него болезнь заразная и не испугайтесь моей рукописи, — нет, у него коклюш, опасный лишь для маленьких в смысле передачи.

Ну, до свидания. Всего Вам хорошего.

П. Ивашева

П. А. Флоренский — В. Ф. Эрну³³⁶

[25.12.1904. *Сергиевский Посад* — СПб.]

Сергиев Посад, 25 декабря 1904 г.

Христос родился, милый Володя! По этому случаю приветствуем и обнимаем Вас все мы — бархатные черные-черные сосны, что качаются важно возле Гефсиманского скита³³⁷, и атласные, детские тельца березок, и подернутые серебряною тканью ледяных кристаллов гроздь коралловой рябины; посылают частицу радости искрящиеся пелены и кружевные пологи деревьев; Вифлеемская звезда вынимает из волос своих влажный свет, — но он испарится, прежде чем дойдет до Вас. Наконец и нижеподписавшийся — осел при яслях во пещере — желал обнять Вас. А еще, хотелось бы думать, «Честнейшая Херувим и славнейшая без сравнения Серафим». Ясная улыбается Вам, и Ново-рожденный, однодневный Христос [нрзб] из яслей. Сегодня за обедней солнце так восторженно разбивало свои струи о журчащее серебро подсвечников, тако [нрзб] глядели восковые свечки, одухотворенные солнечным трепе-

³³⁶ Печатается с комментариями по: *Павлюченков*, 2014. С. 206.

³³⁷ Гефсиманский скит Троице-Сергиевой лавры.

том, так кротко и усмирено теплились на них огнистые головки, так уютно распахивались врата при въезде Благословенного, так... одним словом, все, что бывает в святые моменты, было так свято, что я стоял, стоял в церкви и потом позабылся, потонул в картинах. И представилась мне весна, ранняя, ранняя, когда солнышко чуть целует. Березовые [нрзб] замирали в порывах радости, миленькие листочки по цвету напоминали желтых смешных гусенят; ветви сквозили лазурью весны. Крупными каплями жемчуга ложились на атласной коже березовых телец круглые пятна свету. Мы с Сергеем Семеновичем³³⁸ шли гуськом по рощичной стежке, оба в белых облачениях — из грубого, снежно-серебрящегося полотна, такого грубого, что отдельные сплетения нитей шелковились жемчужинами, мерцали загадочной улыбкой спокойствия. Сергей Семенович шел впереди; как священник он нес развернутый антиминс из гранатно-красного бархата; он почти бежал своими широкими шагами. А диакон — я — ковылял позади, нагруженный какими-то церковными принадлежностями; в правой руке была струя расплавленного серебра — ослепительно белая кадильница и нежное опалесцирующее³³⁹ облако — облако голубого фимиама расходилось от нее волнистыми струями. Мы шли, пробираясь по опушке, где виднелся какой-то не то камень, не то столб из дерна. Зелененький луга была такой свежей, такой яркой, ослепительно изумрудной, столько сочности было во всем, что хотелось выжать глазами алмазные и хризолитовые струи, потонуть в ласковой зелени. Крупными дрожащими шариками были осыпаны травинки; весь луг был иссечен радужными пучками — тысячами оттенков вспыхивали и загорались трепещущие, как живые, бриллианты. А где-то далеко за мною серебрились переключки ребятишек в золотых вен-

³³⁸ Сергей Семенович Троицкий (1881–1910) — однокашник Флоренского по МДА. — В. К.

³³⁹ Переливающаяся, как опал.

чиках: янтарные и медовые и льняные волосенки их были взбиты и подняты, как лучи, порывами атласного ветерка — весеннего. Это были наши питомцы — Сергея Семеновича и мои, будущие «братья». Вот мы вышли на прогалину, к сооружению, и вдали, на других концах ее, показались Вы, Валентин Павлович³⁴⁰ и Борис Николаевич³⁴¹. Все вы, но — шли по разным тропинкам, из своих приходов в соседних деревнях. Все были в белых облачениях. Но не успели мы все собраться, как появились Сергей Михайлович Соловьев и Саша³⁴², в бледно-серых, пепельных костюмах, в штатском; они вертели руками, о чем-то восторженно разговаривали. Эти все «братья» собирались послужить обедню. Я не знаю, что было далее, так как мне помешал кто-то внезапным разговором — и все исчезло. Но как-то я узнал, что мы все часто собираемся из своих деревень для совместных обсуждений, для редакционных заседаний, для чтений. Думал также (но только о себе, а о других ничего не знаю), что я довольно часто уходил из деревни странствовать и проповедовать «лето Господне благоприятное». А в вьюжные зимние вечера, когда бывали все в сборе для нашего заседания, или когда собирались к нам еще соседние мужики, то у нас неизвестно откуда то находилась белая лилия, цветущая, и только с одним атласным цветком. Вот, милый Володя, что еще не есть: а теперь к тому, что есть. Но давайте я буду просто рассказывать случаи. Выводы уж делайте сами.

На днях с Сергеем Семеновичем мы пошли пешком в скит, называемый «Параклитом»³⁴³, именно для целей, соответствующих этому названию. Туда верст с восемь; и, так как он расположен весьма уединенно, в лесу, то дорога необыкновенно хороша — лесом, полянками, елями и береза-

³⁴⁰ Валентин Павлович Свенцицкий.

³⁴¹ Борис Николаевич Бугаев (Андрей Белый).

³⁴² Александр Викторович Ельчанинов.

³⁴³ Один из скитов в окрестностях Троице-Сергиевой лавры. Название «Параклит» (*греч.*) относится к Св. Духу — «Утешителю» (Ин. 15:26).

ми. Шумят ели «под ризой сыпучей»³⁴⁴, трескаются стволы с сухим кряканьем. На снегу — следы чьих-то лапок, белых, может быть. Маленькие птички чирикают и скачут чуть не под ноги и, видимо, не озабочены нисколько, «во что одеться», по случаю холода и снега... В «Параклите» мы провели несколько дней, причем большую часть суток (дня и ночи) — в подземной церкви. Службы долгие, но после них — как восковой: гибкий весь и усмиранный, а Вы знаете, как это мне необходимо. Время прошло очень хорошо, особенно когда можно было вместе молиться, не в церкви, а на дому. Этого я никогда не забуду; Вы помните, дорогой Володя, сколько раз я Вам указывал на необходимость теургизма, на его настоятельную необходимость для меня. Тут — начало его, маленькое начало, во многом неудачное (так как я не умею читать по-славянски и делал комические ошибки). Но даже при этих условиях, когда мне читал молитвы по большой писанной Псалтири Сергей Семенович (прочитывать их полагается по уставу), то я окончательно убедился в необходимости именно совместной молитвы и думаю, что она качественно отлична от индивидуальной, почему и последняя тоже нужна. Конечно, я ничего не могу сказать, как и что переживает Сергей Семенович; но когда мы причастились, тогда стало ясным, что я навек соединен с ним связью, которой не может порвать ничто эмпирическое. Пусть (делаю дикцию, сейчас непредставимую!) возникнут непоправимые недоразумения, но эта связь, помимо желания, останется нерушимой, хотя никаких слов не было сказано, да и не будет, а к чему? В силу такого единства со мною он соединен со всеми нами. Мы вынули «во здравие» Вас, Свенцицкого, Бориса Николае-

³⁴⁴ См.: М. Ю. Лермонтов «На севере диком...»:

На севере диком стоит одиноко
На голой вершине сосна,
И дремлет, качаясь, и снегом сыпучим
Одета, как ризой, она.

вича и Сергея Соловьева просфору, которую за такую объединенность в одном хлебце многих лиц назвали «коллективной», и раздали кусочки от нее всем, кроме Вас, так как трудно прислать кусок. Но мы повторим это самое в иной раз и тогда пришлем Вам просфору целиком.

Это — не личное; а что до личного, моего, то Сергея Семеновича я полюбил от всей души и уверен, что еще больше полюбите Вы, тем более что во многом, но не во всем, конечно; это к моему удовольствию, так как я предпочитаю иметь всего по unicum'у и за числом не гонюсь и иметь Володю № 2, раз имеется № 1, мне нет надобности.

Вы спрашиваете о Свенцицком и других. К сожалению, я его вижу (особенно его) очень мало; изредка бываю в Москве, на заседаниях; но там мы заняты другим, а после как-то всегда и мне и ему приходится торопиться. Борис Николаевич одно время был сильно измучен, но теперь как будто проходит; то же до известной степени с Соловьевым.

От Саши³⁴⁵ я получил одно, очень сильное письмо, но после того — ни слова. Не знаю, что это он не пишет; правда, что и я не пишу, но, Володя, у меня нет времени ни для чего, хотя я о многом думаю. Богу будет угодно — так сразу напишу сочинения для журнала, а теперь все-таки чуть-чуть, но работаю — успешно или нет, не знаю, да и мне, быть может, не следует знать. Что же касается редакционных дел вообще, то можно сказать следующее: Борис Николаевич читал мне свою 4-ю Симфонию³⁴⁶ — 3 части, а 4-ю только

³⁴⁵ Саша — А. В. Ельчанинов. В. Ф. Эрн, В. П. Свенцицкий, А. В. Ельчанинов, С. М. Соловьев, А. Белый и П. А. Флоренский во время совместной учебы в Московском университете входили в кружок по изучению истории христианства, которым руководил профессор университета С. Н. Трубецкой.

³⁴⁶ Ср.: в статье «Спиритизм как антихристианство» (Новый путь. 1904. № 3) Флоренский писал о «Северной симфонии» А. Белого (1903): «Для автора "Симфонии" Бог реален до осязаемости. Он — здесь, теперь. Наши усилия не есть что-то мнимое, вечно стремящееся, но никогда не достигающее цели (...) Темные наследственные силы, греховность

набросал. Я в восторге, хотя на ней — налет болезненности и отразилась его измученность. Кое-что читал и Соловьев — одарен. Затем Сергей Семенович знает много о расколе, как теоретически, так, по преимуществу, практически, и прослеживает на новейших раскольниках, с которыми много беседует и спорит, «процесс выработки русского протестантизма»³⁴⁷. Я думаю, что он может доставить для журнала очень много ценного и притом именно, такого, чего у нас не хватает, — практического, конкретного знакомства с вопросом. Кроме того, он знает крестьянский быт, и тут опять-таки может дать необходимое для журнала. Вячеслава Иванова я постараюсь повидать, но не знаю, удобно ли явиться к нему самому, да и адреса его у меня нету. Относительно Люси отчасти Вы правы, а отчасти — ошибаетесь, как кажется мне, т. е. не в понимании ее, а в понимании наших отношений с нею. В следующий раз напишу Вам о замечательном отце Серапионе³⁴⁸.

тяготееют над нами (...) но есть искупление (...) верное прибежище — Христос, и темные силы должны выпустить свою добычу. Везде и во всем — законченность, законченная “актуальная” бесконечность» (Флоренский П., *свящ.* Сочинения в 4 томах. Т. I. С. 130).

³⁴⁷ Из ряда записей Флоренского видно, что с расколом приходилось на практике сталкиваться отцу С. С. Троицко — сельскому священнику Симеону в Костромской губернии. Флоренский на каникулах посещал село, где служил о. Симеон, и делал, в частности, такие записи: «Раскол не есть определенная форма исповедания, а только сила, нудящая говорить не так, как говорит Православная Церковь. Эта сила — сила бессознательного протеста против идеи церковности (...)» Мотивы раскола, отмечал Флоренский, явление вторичное. Они всегда подыскиваются, а главное — протест. Со слов о. Симеона, Флоренский затрагивает и вопрос о глубоких причинах и предпосылках раскола: каждый в храме желает молиться отдельно от священника, почти все — вместо «Господи, помилуй» творят вслух Иисусову молитву, «и от этого их не отучить». «А это, — добавляет Флоренский, — как мне кажется, характерный признак того, что нет сознания церковного единства» (Иванова, 2004. С. 391).

³⁴⁸ Серапион (Машкин, 1854–1905), архим. — оригинальный мыслитель, богослов, окончил МДА (1896), настоятель Знаменского монастыря

Пусть Новорожденный хранит Вас!
In Co frat. Minimus

В. Ф. Эрн — П. А. Флоренскому³⁴⁹

[31.12.1904. Женева — Сергиевский Посад]

Дорогой Павлуша! Сейчас получил ваше письмо. Прочёл раз — что-то коснулось меня, но очень смутно. Я помолился — прочёл ещё раз и ещё раз вслух, и точно с усилием и нехотя раздвинулось и ушло всё задерживающее, и всё, что вы пишете, стало так близко, дорого и понятно. Страшно хочется обнять вас и как-нибудь выразить чувство глубокой любви к вам, и такой спокойной радости о вас. Мне так хорошо от вашего письма. Слышатся и чудятся в нём голоса и призывы, которые влекут меня к себе всё сильнее и сильнее. Странно! Как отлично по содержанию и форме всё, что пришлось и приходится переживать мне, — от того, что переживаете вы; и вместе с тем, читая ваше письмо, мне казалось, что всё это я пережил вместе с вами. Точно Гос-

в Москве (1897–1900), уволен на покой с пребыванием в Оптиной пустыни; автор большого сочинения «Система философии. Опыт научного синтеза» (1903–1904), в котором делается попытка философского и научного (математического) обоснования христианства. Флоренский познакомился с ним заочно, по переписке, которая продлилась с декабря 1904 г. по февраль 1905 г. После смерти о. Серапиона весь его основной архив, включая неопубликованное сочинение, достался Флоренскому. Флоренский использовал некоторые идеи Машкина в своем «Столпе и утверждении Истины» (1914), собирал материалы для монографии об архим. Серапионе и готовил его сочинение к публикации (См.: *Флоренский П., свящ.* Архимандрит Серапион Машкин (Жизнь мыслителя). Кострома, 2012; *Пентковский А. М.* Серапион Машкин и студент Павел Флоренский (новые материалы) // Символ. 1990. № 24; *Павлюченков Н. Н.* К вопросу об «идейной собственности» в наследии священника Павла Флоренского и архимандрита Серапиона (Машкина) // Вестник ПСТГУ. 2012. Вып. 4 (42).

³⁴⁹ Печатается по: *Чертков*, 2017. С. 139–140.

подь дал нам каждому разную работу, разные муки и радости, а глазами позволил пользоваться сообща. Да, разными тропками идём на одну полянку. Поскорее бы прийти и начать. Ах, Павлуша дорогой, страшно это сказать — страшно от радости, — но чувствуется, что Господь со всеми, всех ведёт таинственным шествием в горние селения. Господь и с нами и нас тоже ведёт Своими путями. Дивно, радостно и блаженно становится, когда видишь Его руку. Так верится теперь, что Господь был с нами, когда мы собрались тогда в вашей комнате поговорить о совместной работе. Как нежны и малы были мои мысли, когда мы в первый раз робко, стесняясь и таясь, стали говорить об этом. И как теперь всё стало расти и полниться. Точно в душу тогда был брошен новый росток, привитый Самим Виноградарем, и уже эмпирическое не имеет над ним власти. Но мне нужно много, много работать и страдать, чтобы росток рос и не заглошался.

Павлуша милый, не забывайте меня письмами. Они для меня очень важны и нужны. Господь с вами! Я вечером всегда молюсь, чтоб вам было хорошо. Целую вас крепко. Передайте глубокий привет всем и Сергею Семёновичу. Любящий вас В. Эрн.

Р. С. Ивановы ещё не уехали. Уедут 3–4-го, это уже, кажется, окончательно. Я их узнал ещё ближе и полюбил их ещё больше. Он, наверное, поедет к вам в Лавру. Люся здорова, много работает, мы подружились и видимся часто.

Именной указатель

всех упоминаемых лиц

А

- Абрамович, студент — 397
Августин, блж. — 15, 191, 210, 483
Аггеев К. М., свящ. — 375, 376, 379, 386, 388, 390, 392, 404, 405, 409, 470, 472, 482, 484, 534, 539, 557, 561
Адам — 49, 50
Адрианович — 86
Аквилонов, свящ. — 314
Акерман — 87
Аксаков А. Н. — 189
Аксаков Н. П. — 16, 377, 389, 391–393
Аксаковы — 405
Алабина (Сократова) Т. А. — 480, 494
Александр I — 186–188
Александр II — 43, 96
Александр III — 26, 43, 556
Александрийский Кирилл — 257
Александровский Г. В. — 389
Алексеев В. — 536
Алексеев С. А. — *см. Аскольдов С. А.*
Алексей (Романов), цесаревич — 498
Алексей Михайлович, царь — 157
Аллах — 51
Алымова С. И. — 60
Альбов И. Ф., свящ. — 308
Анатолий (Потапов), иером. — 354
Андреев Л. Н. — 271, 363, 367, 385, 421
Андреевский — 194
Андрей И. В. — 212
Андроник (Трубачев), игумен — 7, 348, 464, 468
Андросова С. — 555
Андросовы — 480
Анна Елисеевна — *см. Кудрявцева А. Е.*

- Аннибал — см. *Зиновьева-Аннибал Л. Д.*
 Аннунцио — 225, 230
 Ансельм Кентерберийский — 199, 210
 Антихрист — 35, 185, 199, 474, 493
 Антоний (Вадковский), митр. — 134, 140, 254, 269, 308, 320, 322, 352
 Антоний (Флоренсов), еп. — 242, 426, 464, 468, 469, 475, 489, 490, 566
 Антоний (Храповицкий), митр. — 268, 319, 323, 405, 406, 561
 Антонин (Грановский), архим. (затем еп.) — 182, 254, 267, 268, 297, 309, 315–319, 321–324, 377
 Антонов К. П. — 254
 Антощенко А. — 78
 Апеллес — 148
- Б**
- Баадер Ф. К., фон — 252, 348
 Багалей Д. И. — 335
 Багатурова Н. С. — 562
 Багно В. — 210
 Бакст — 17, 33, 216, 231
 Балакшина Ю. В. — 7, 375, 386, 404, 470, 482, 534, 557
 Балаховская-Пети (Пти) С. Г. — 302, 341
 Балтрушайтис Ю. — 178
 Бальмонт К. Д. — 13, 124–126, 151, 178, 179, 300, 301, 302, 332, 341, 372, 374, 402–403, 412, 429, 430, 432–437, 502, 531
 Баранов А. П., граф — 562, 563
 Баранов М. А. — 562
 Баранов Н. А. — 562
 Баранова-Шестова Н. Л. — 7, 33, 204, 235, 237, 242, 244, 296,
 Барас Д. — 7, 496, 502, 512, 514, 517, 522, 540
 Баратынская (Баранова) А. М. — 562
 Барсуков Н. П. — 48
 Бартенева Б. — см. *Успенский В. В.*

- Бартенев П. И. — 519
Басаргин А. — 287
Басаргина Е. Ю. — 137
Бахман Е. Е. (Г.) — 436
Бевер А., ван — 568
Белинский В. Г. — 10, 225, 230, 408
Бельтов — см. Плеханов Г. В.
Белый А. — 15, 69, 192, 217, 242, 411, 412, 415, 417, 418, 420, 421, 426, 430, 434, 436, 442, 443, 447, 449—454, 457—465, 468—470, 472, 475, 476, 484, 494, 498, 500, 529, 531, 552, 565—567, 570—573, 577—579
Бенуа А. Н. — 33, 104, 134, 135
Бергман — 14
Бердяев Н. А. — 34, 66, 71—76, 151, 178, 208, 210, 237, 242, 244, 296, 354, 366, 372, 393, 496, 502, 507, 512, 514—517, 522—524, 526, 528, 540
Бержерак С., де — 350
Беркли Дж. — 191
Бетховен Л., ван — 191
Бех, чиновник — 324
Бехтерев В. М. — 427
Бёме Я. — 186, 208, 218, 252, 346, 347
Бисмарк О., фон — 556
Блаватская Е. П. — 212, 281, 286
Бланк И. С. — 120
Блок А. А. — 13, 178, 417, 426, 475, 481, 482, 500, 567
Блуменуа Л. В. — 520
Боборыкин П. Д. — 224, 225, 228, 229, 401
Бобринский Н. — см. Вилькина Л. Н.
Богданов (Малиновский) А. А. — 516
Боголепов Н. П. — 15, 106
Богомолов Н. А. — 7, 202, 259, 262, 268, 269, 276, 298, 429, 452, 453, 455, 459, 462
Богрова — 521
Богучарский В. Я. (наст. фам. Яковлев) — 87
Бодиско Д. М. — 557
Бокль Г. Т. — 42, 44, 54
Болотов В. В. — 255
Бонавентура — 210
Бонгард-Левин Г. М. — 7, 13
Боровиковский А. Л. — 385
Боссюэ Ж. Б. — 186, 187
Боттичелли С. — 515, 517
Бриллиантов А. И. — 255
Брокгауз — 207, 209, 218
Брюсов В. Я. — 13, 59, 121, 125, 150—154, 158, 165, 175, 178, 183, 184, 200—205, 213, 215—217, 223—225, 229—231, 252, 256, 266, 267, 269, 270, 278—279, 299, 301, 302, 331, 340, 341, 374, 412, 413, 429, 430—437, 451, 455, 458, 460, 461, 501, 502, 518—519, 523, 531—533, 565—570
Брюсова И. М. — 437, 519
Буасье — 111
Бубнов В. — 75
Бубнов Н. М. — 107, 109
Бугаев Б. Н. — см. Белый А.
Бугаев Н. В. — 242, 412, 417, 552
Будда — 236, 292, 295

- Булгаков С. Н. — 10, 12, 14, 66, 67, 69, 71–76, 84, 85, 87–90, 119, 120, 127–129, 142, 178, 211, 237, 244, 280, 296, 353, 366, 367, 370, 372, 408, 423, 457, 522, 559, 560
- Булгаков Ф. С. (Федор) — 116
- Болдовский — 537
- Булич Н. Н. — 187
- Бунаков — *см. Фондаминский И. И.*
- В**
- Вагнер Р. — 506
- Вагнер Н. П. — 189
- Ваал (Бел) (миф.) — 55
- Валленштейн А. — 338
- Валь, фон — 453
- Валькотт В. Ф. — 461
- Ванновский П. С. — 45, 78, 117, 127, 176, 177
- Варвара Григорьевна — *см. Малахьева-Мирович*
- Варварин В. — *см. Розанов В. В.*
- Василенко Л. И. — 211
- Васильев — 109
- Васильевский В. Г. — 106, 109
- Васнецов В. М. — 25
- Вахромеева О. Б. — 169
- Вахтанг — 66
- Введенский А. И. — 15, 86, 157, 220
- Вейнберг П. И. — 164, 194, 195, 261
- Векилова Е. Д. (Женя) — 145
- Векилова М. Д. — 145
- Величко В. Л. — 197, 239, 240, 535, 536
- Бунин И. А. — 367
- Буренин В. П. — 386, 431
- Бутлеров А. М. — 189
- Бутру Э. — 220
- Бутягина А. — 26
- Бутягина В. Д. — 25, 26, 171, 262, 296, 305, 340, 351
- Бухарев А. М. — 248
- Бухарева А. С. — 246, 248, 249
- Бычков В. В. — 211
- Б-а Ел. — 75
- Вельчев — 20
- Вельяминов — 25
- Венгеров А. Л. — 124
- Венгеров С. А. — 124, 204, 261, 281
- Венгров — 107, 151
- Венгерова З. А. — 124, 153, 281, 332,
- Венгрова И. А. — 124
- Верди Дж. — 380
- Вересаев В. В. — 366, 408, 421
- Верлен П. — 256
- Вернадский Г. В. — 212
- Веселитская-Микулич Л. И. — 184
- Веселовский А. П. — 211
- Ветвеницкий П. И. — 379, 386, 387, 392
- Ветлугин — *см. Розанов В. В.*
- Виардо П. — 293
- Вико — 143
- Виленкин Н. М. — *см. Минский Н. М.*
- Вильгельм А. — 138, 139

- Вилькин Н. Л. — 127
Вилькина (урожд. Венгерова)
Е. А. — 124
Вилькина Л. Н. — 121, 124, 125,
150–153, 158–160, 183, 184,
200–202, 205, 206, 213, 215–
217, 223, 224, 226, 231, 256, 266,
267, 278, 279, 301, 303, 331, 332,
340, 341, 501, 518, 519, 568
Виндельбанд В. — 15, 72, 157,
170, 180
Виноградов П. Г. — 77–79, 176,
177, 192
Витте С. Ю. — 117
Вишняк М. В. — 77, 355, 440,
477, 482, 494
Владимир, кн. — 535
Владимир Петрович — 409
Владимировы — 561
Воден А. М. — 69, 142, 280
Водовозов В. В. — 73, 90, 236,
244
Водовозова М. И. — 84, 90
Волжин С. В. — 188
Волжский — см. Глинка А. С.
Волконский С. М. — 297
Волошин М. А. — 178, 300, 437
Вольф Л. М. — 338
Вольф М. О. — 338
Воронцов Е. А., свящ. — 562
Воронцова И. В. — 7, 147, 154,
312, 313, 321, 356
Вронский-Гёне Ю. — 451, 458
Врубель М. А. — 284, 285
Врублевский М. И. — 240
Выготский Л. С. — 489, 545, 552
Вяземский П. А. — 24

Г

- Гайдебуров В. П. — 231
Гайдн — 258
Галанин Д. Д., ст. — 569, 570
Галанин Д. Д., мл. — 355, 417,
562, 563
Галанин М. Д. — 563
Гаманн И. Г. — 187, 188
Гамалея С. И. — 208, 212
Гамбаров Ю. С. — 261
Гамсун К. — 217, 225, 230, 420,
542
Гарнак А. — 150, 260
Гаршина, ученица о. К. Аггее-
ва — 484
Гатчинский отшельник — псев-
доним Ивана Федоровича Ро-
манова, «Рцы» (1861–1913),
писателя, публициста, друга
Розанова — 16
Гауптман Г. — 126, 267
Гегель Г. В. Ф. — 143, 180, 188,
347, 370
Гедговд Э. Л. — 296
Гей Б. В. — 18, 36
Гейнрот И. К. А. — 206
Геккер Н. Л. — 22
Гельмгольц Г. Л. Ф. — 330
Гераклит — 192
Гердер И. Г. — 187
Геррес Й. Й., фон — 206, 207
Гершензон М. О. — 119, 120
Герцен — 165
Герье В. И. — 77, 79, 80, 191, 221
Гессе П. П. — 535

- Гете (Гёте) И. — 81, 162, 163, 187
 Гехтман Г. Н. — 221, 335, 546
 Гигин — 132
 Гиллель (Пиллел) — 49
 Гиляров А. Н. — 49
 Гиляровский В. — 164
 Гинцбург И. Я. — 226
 Гион — см. *Гюйон Ж.-М.*
 Гиппиус З. Н. — 17, 27, 33, 69, 71, 91, 102, 130–132, 134, 135, 151, 154, 178, 179, 185, 200, 229, 253, 266, 269, 280, 299, 300, 306, 309, 320, 321, 339, 352, 395, 396, 418, 422, 423, 567
 Гиршфельд — 168, 172
 Гладстон У. Ю. — 556
 Глезеров С. — 454
 Глинка М. И. — 287
 Глинка-Волжский А. С. — 365, 367–369, 373, 374, 393, 394, 400–402, 421
 Глинка С. Н. — 365
 Глухова Е. В. — 7, 40, 57, 76, 129, 160, 170, 272, 282, 365, 382, 383, 404
 Гоголь Н. В. — 179, 230, 299, 308, 322, 408, 445
 Голицын А. Н., кн. — 187
 Голлербах Э. — 500
 Гольмстен А. X. — 108
 Гольштейн А. В. — 14, 167, 300
 Гольштейн В. А. — 173
 Гомер — 192
 Гончарова Е. И. — 7, 182, 193, 233, 239, 245, 248, 267, 271, 280, 282, 285, 297, 303, 337, 350, 351, 394, 443
 Гораций — 172
 Городницкая А. А. — 7, 167, 300
 Горький А. М. — 153, 224, 225, 228–230, 235, 236, 247, 345, 363, 366–368, 372, 373, 393, 400–402, 421
 Гофман Э. Т. А. — 184, 247
 Гракхи — 172
 Гревс И. М. — 10, 13, 14, 58–60, 64, 80, 104–109, 111–115, 121, 133, 136, 162, 163, 166–169, 171, 178, 250, 251, 273–275
 Гревс М. С. — 59, 64, 83, 124
 Григорий Великий, рим. папа — 172
 Григорий Палама, свт. — 218
 Гримм Э. Д. — 109
 Грингмут (Грингмуд) В. А. — 45, 324
 Гриневская И. — 164
 Гроссман Л. П. — 383
 Грот Н. Я. — 30
 Гуго Сен-Викторский, св. — 210
 Гурий (Охотин), архиеп. — 314–316, 318–325, 356
 Гурчин А. В. — 239, 240, 246
 Гусев-Оренбургский С. И. — 401
 Гутнов Д. — 250
 Гюйон Ж. М. — 186, 187, 209, 277

Д

- Давид (библ.), пр. — 148, 295
 Даниил Заточник — 49
 Данте А. — 164, 515, 517
 Данилевский — 143

- Даша — 103
Деметра — 125
Декарт Р. — 15, 187
Делекторский С. Н. — 572, 574
Демьянова А. Н. — 7, 121
Дерпфельд (Дёрпфельд) В. — 61, 81, 122, 138, 139
Дефнер — 138
Дешарт О. — 437
Джеймс У. (Джемс В.) — 156, 219, 220
Диана (миф.) — 64, 113
Диль Ш. — 112
Дионис (миф.) — 91, 132, 133, 174, 300, 452, 530–532
Добролюбов А. М. — 201
Добролюбов Н. А. — 99, 100, 225, 230,
Дорошевич В. М. — 226
- Е**
- Евгеньев-Максимов В. — 151, 310, 382
Ева — 50
Евлогий (Георгиевский), еп.,
впосл. митр. — 405
Еврипид — 194, 195
Егоров (домовладелец на Осто-
женке) — 382, 418
Егоров Е. А. — 130, 134, 196, 282, 395
Егоров И. Ф., свящ. — 310, 377–380, 388, 392, 393, 406, 409
Екатерина Великая — 186, 212
Екатерина (Ефимовская),
игум. — 404–406, 560
Елена Павловна, вел. кн. — 520
Ельчанинова Е. В. — 419, 521
Достоевский Ф. М. — 33, 34, 38, 43, 44, 46, 69, 70, 101, 160, 185, 195, 199, 230, 233, 235, 243, 252, 253, 343, 344, 366, 368, 370–372, 385, 401, 482, 483, 495, 496, 499, 500
Драгомиров М. И. — 118
Дрбоглаз И. Ф. — 335
Дубровский К. В. — 388, 389
Думова Н. Г. — 573
Дурылин С. Н. — 16
Дьякова И. — 8
Дьяконов М. Л. — 162
Дьяконова Е. Л. — 108, 560
Дютуа-Мамбрини Ж. Ф. — 186
Дягилев С. П. — 17, 34, 35, 37, 95, 97, 98, 104, 205, 232, 244, 306, 307, 311, 342, 429, 444, 483, 573
- Ельчанинов А. В. — 14, 15, 29, 30, 35, 36, 65, 66, 69–71, 85, 87, 128, 140, 141, 146, 154, 156, 158, 169, 178–180, 184, 185, 188–190, 198, 200, 206, 207, 209, 213, 217–220, 223, 240, 243, 244, 247, 251, 258, 276, 285, 332, 348, 353, 361, 362, 364, 382, 396, 411, 413, 418, 419, 423, 426, 427, 440, 442, 450, 456, 457, 475, 478, 482, 495, 520, 521, 541, 563, 577, 579
Енишерлов Г. П. — 234, 235, 286
Ермолова — 225, 229
Ернштедт В. К. — 137, 138, 177, 178
Ефимов Д. П. — 397
Ефрем Сирий, прп. — 45, 390

Ж

- Жане П. — 156
 Женья (Евгения Давыдовна Багатурова, жена В. Эрна) — 361
 Женья, сестра Ельчанинова — *см. Ельчанинова Е. В.*
 Жилинский, врач — 480
 Жорес Ж. — 120
 Жуковский В. А. — 163
 Жуковский Д. Е. — 72, 87, 116

З

- Завитневич В. З. — 237, 392
 Замятина М. М. — 59, 60, 82, 175, 262, 265, 268, 269, 276, 301, 429, 432, 452
 Занд, студент — 199
 Зурубаев — 537
 Захария (библ.) — 148
 Звенигородский А. В., кн. — 191
 Зенгер Г. Э. — 117, 119
 Зенонович — *см. Завитневич В. З.*
 Зернов Н. М. — 25
 Зиновьев А. А. — 453–455
 Зиновьев А. Д. — 453
 Зиновьев Д. В. — 59
 Зиновьева-Аннибал Л. Д. — 14, 58–60, 63, 81–83, 105, 106, 114, 115, 137, 139, 164, 165, 167, 169, 172, 174, 175, 178, 250, 251, 262, 264, 265, 268–270, 274, 300, 301, 429, 430, 432, 434, 438, 452–455, 461, 530
 Золя — 401
 Зотикович — *см. Капралов Е. З.*

И

- Иаков (библ.) — 148
 Ибсен Г. — 153, 364, 527
 Иванов Вяч. И. — 10, 13–15, 58–64, 80–83, 104, 105, 111–113, 115, 116, 121, 124, 133, 136–139, 162–166, 168, 169, 171, 173–178, 192, 210, 211, 249–251, 259, 262, 264, 265, 270, 273, 275, 276, 298–301, 409, 429–438, 452–455, 457, 459, 462, 463, 529–533, 571, 580
 Иванова Е. В. — 7, 69, 415, 420, 422, 428, 442, 449, 453, 457, 463, 465, 466, 472, 475, 476, 486, 498, 565, 570, 580
 Иванова Л. В. — 64
 Ивановы — 59, 262, 430, 438, 582,
 Иваницкий — 514, 522
 Ивашева П. А. — 540, 548, 550, 563, 564, 574, 575
 Игнатий (Брянчанинов), свт. — 207
 Иезекииль, пр. — 52
 Изиди — 55
 Измайлов А. А. — 264
 Иисус Христос — 28, 29, 38–40, 46, 50, 51, 53, 56, 57, 130, 148, 149, 158, 183, 185, 192, 207, 208, 257, 260, 291, 292, 294, 295, 297, 298, 309, 316, 323, 330, 331, 348, 359–361, 363, 366, 375, 378, 391, 392, 399,

- 404, 407, 415, 423, 448, 455, 459, 463, 464, 466–468, 470, 472, 474, 475, 484, 487, 489, 492, 493, 495, 500, 521, 532, 533, 545, 550, 564, 571, 574, 575, 580
- Ильин В. И. — 261, *см. Ульянов В. И.*
- Ильин И. А. — 354
- Ильинский А. — 153
- Илья, пророк — 62
- Иоанн (Сергиев) Кронштадтский, св. прав. — 131, 308, 309, 318, 406
- Иоанна Матвеевна Брюсова
- К**
- Каблуков С. П. — 283, 351, 352
- Каввадия — 138
- Каверин В. А. — 19
- Калишевский, регент — 470
- Кальвин Ж. — 534
- Калужный — 86
- Кант И. — 86, 134, 220, 221, 503
- Кантор Г. — 398, 552, 553
- Капралов Е. З. — 392, 404, 409, 559
- Кареев Н. И. — 106–108
- Карзинкин С. С. — 430
- Карпович П. В. — 15
- Карташев А. В. — 254, 310–312
- Карышев Н. А. — 261
- Карузо Э. — 35
- Катков М. Н. — 43
- Катулл Г. В. — 163
- Квасников М. — 191, 221
- (Рунт) — 437, 519
- Иов (библ.) — 70, 294
- Иосиф Прекрасный (библ.) — 49, 288, 304, 482
- Иосиф Волоцкий, прп. — 49, 428
- Исаак (библ.) — 148
- Исаев А. А. — 107, 261
- Исидор (Иоанн Козин, или Грузинский), иером. — 378, 555, 556
- Исидор (Колоколов), еп. — 378
- Иуда (библ.) — 98
- Иустин Философ, св. муч. — 191
- Йейтс Фр. — 212
- Кейдан В. И. (В. К.) — 8, 9, 23, 41, 59, 94, 103, 119, 120, 124, 128, 130, 147, 148, 150, 175, 190, 202, 207, 217, 245, 248, 287, 314, 357, 367, 377, 391, 415, 441, 476, 520, 521, 527, 538, 555, 556, 568, 576
- Керн А. П. — 24
- Киплинг Р. — 420, 542
- Киреевский И. В. — 187
- Кирилл Александрийский — 257
- Киркегард (Киркегор) С. — 243
- Кисиль Е. К. — 375, 390
- Кистяковский Б. А. — 75
- Климент (Верниковский), еп. — 537
- Климент (Зедергольм), иером. — 471
- Климент Александрийский — 133
- Клюге А. Г. — 22

- Ключевский В. О. — 79, 382
 Книжник-Ветров И. С. — см.
Бланк И. С.
 Ковалевский М. М. — 261
 Ковалинский М. И. — 335
 Ковнер А. Г. — 182, 195, 196, 245,
 280, 286, 289, 383
 Кожевников В. А. — 135, 136
 Козицкий П. А. — 377
 Козлов П. — 237
 Колачев В. Я., свящ. — 560
 Колеров М. А. — 7, 44, 66, 72, 74,
 87, 88, 114, 116, 127, 423
 Колпинский А. Е. — 140, 150
 Кольшко И. И. — 16, 231
 Комаров В. В. — 389
 Коммиссаржевская В. Ф. — 226
 Кондаков Н. П. — 164
 Коновалов Д. Г. — 219
 Коновницына М. А. — 375, 379
 Константин (Булычев), еп. —
 379, 380, 406, 407
 Конт — 143
 Конфуций — 295
 Корнев Е. В. — 186, 574
 Корнейчукова М. В. — 20–22
 Короленко — 228
 Корш Ф. А. — 549
 Косенко — 20
 Котляревский С. А. — 192, 260,
 398, 423, 453, 521, 530
 Котрелев Н. В. — 7, 13, 82, 121,
 150, 152, 153, 158, 178, 183,
 200, 202, 205, 213, 223, 226,
 256, 266, 278, 279, 300, 301,
 331, 340, 501, 518, 568
 Коцебу А. Ф. Ф., фон — 198, 199
 Кочальский Р. — 145
 Крайний А. — см. *Гиппиус З. Н.*
 Крауфорд — 340
 Крашенинников — 137
 Крейман Р. Ф. — 510
 Кривцов Н. И. — 23
 Кротевич — 470
 Ксенофонт — 192
 Кудашева, инсп. — 377
 Кудрявцев П. П. — 375, 386, 390,
 404, 409, 470, 482, 534, 557
 Кудрявцева А. Е. — 409, 470, 534
 Куклина И. В. — 137, 138, 177
 Кузмин М. — 270
 Кузьмина — 86
 Кузьмины — 35
 Кульман Е. — 264
 Куприн А. И. — 367
 Куприяновский П. В. — 7, 124,
 332
 Куропаткин А. Н. — 535, 536
 Курциус — 123
 Кусков П. — 16
 Кюнер Р. — 41–43, 45

Л

- Лабзин А. Ф. — 188, 277
 Лавров А. В. — 7, 72, 121, 143,
 150, 152, 158, 183, 200, 202,
 205, 213, 223, 256, 266, 278,
 279, 301, 331, 340, 451, 463,
 501, 518, 568
 Лаврский В. В. — 248
 Ламанский Е. И. — 107

- Ланг А. А. — 451
Ланге-Поздеев А. С. — 411
Лаппо-Данилевский А. С. — 166
Лапшин И. И. — 86, 170, 219
Лассаль Ф. — 197
Лахтин Л. К. — 417
Лебедева Е. А. — 248
Леман Б. — 186
Ленин Н. (В. И.) — *см. Улья-
нов В. И.*
Леонардо да Винчи — 71, 517
Леонтьев К. Н. — 45, 143, 193,
197, 375, 376, 393, 471, 483,
534, 538
Лепер Р. Х. — 137, 138
Лепорский П. И. — 255
Лермонтов М. Ю. — 196, 578
Лесков Н. С. — 219
Ливен Е. А. — 377
Лиль Леконт, де — 194
Лихачев В. С. — 164
Локтева О. К. — 67, 116, 120
Ломоносов А. В. — 283, 365
Ломоносов М. В. — 49, 264
Лопатин Л. М. — 30, 191, 423, 521
Лопухин И. В. — 187, 212, 333
Лоран Анна — 7
Лосев А. Ф. — 143, 211
Лосский Н. О. — 87, 211
Лохвицкая М. А. — 164
Лузин Н. Н. — 415
Луначарский А. В. — 366, 516
Лурье Я. С. — 428
Лухманова Н. А. — 321, 395
Лучицкий И. В. — 261
Лютер М. — 149, 292
Ляпустина Е. В. — 7, 13

М

- Магомет — 63, 295
Маделунг О. — 523
Мадзини Дж. — 75
Мазарини, кард. — 50
Майерс Ф. — 156
Майков — 37, 38
Макарий (Булгаков), митр.
(прежде еп. Винницкий) —
390, 466
Макарий Коринфский, прп. —
188
Маковский С. К. — 231
Макри Н. К. — 20
Максимов Д. Е. — 151, 310, 382
Малахиева-Мирович В. Г. — 238
Малиновская А. А. — 516
Малиновский А. А. — *см. Богда-
нов А. А.*
Малиновский Б. — 211
Малмстад Дж. — 7, 451–453, 459,
461, 463
Мальбранш Н. — 15, 170
Мамин-Сибиряк Д. Н. — 367
Мамонтов К. Н. — 573
Мамонтова М. О. — 572
Мамонтовы — 573
Мандельштам О. Э. — 204, 205
Манн Т. — 482
Маринович Л. П. — 176
Мария, имп. — 386, 388, 406, 409

- Маня — см. *Худадова М. Н.* 342, 351, 354, 361, 367, 381,
 403, 409, 410, 420, 424, 428,
 482, 483, 543
 Мария (Скобцова), мон. — 457
 Мария Сергеевна — см.
Гревс М. С.
 Марк, св. — 37
 Марк Вишняк — см. *Вишняк М. В.*
 Маркс К. — 120, 143, 366
 Марлинский (Бестужев) А. А. —
 229
 Масанов И. Ф. — 234
 Масловский В. И. — 367
 Матфей, свящ. — 179
 Маша — см. *Корнейчукова М.*
 Машкин С. — см. *Серапион*
(Машкин), архим.
 Медведев И. П. — 168
 Мелиоранский Б. М. — 157
 Менделеев Д. И. — 189
 Мензбир М. А. — 79
 Меньшиков М. О. — 52, 57, 132,
 303, 304, 314, 316–318, 320–
 322, 324, 358–361
 Мережковская З. — 331, 339, 422,
 423, также см. *Гиппиус З. Н.*
 Мережковские — 31, 37, 46, 58,
 69–71, 91–99, 103, 104, 131,
 134, 140, 151, 170, 178, 179,
 185, 186, 191, 194, 199, 200,
 204, 205, 210, 230, 270, 289,
 305, 309, 321, 338, 356, 385,
 415, 424, 428, 436, 441, 451,
 482, 528
 Мережковский Д. С. — 10, 13,
 18, 27, 34, 35, 37, 38, 40, 44,
 238, 240, 244, 247, 248, 251,
 252–255, 262–266, 268–270,
 276, 284, 285,– 297–302, 306–
 308, 310–312, 315, 316, 323,
 342, 351, 354, 361, 367, 381,
 403, 409, 410, 420, 424, 428,
 482, 483, 543
 Мережковский С. И. — 96, 132
 Меркушев М. Л. — 298
 Метерлинк М. — 150, 152, 153,
 159, 160, 225, 226, 230, 343,
 527, 543
 Мечников И. И. — 372
 Мещерский, кн. — 77, 79, 317,
 318, 322
 Микеладзе П. М. — 337
 Микеланджело (Микель-
 Анджело) — 33, 71, 517
 Милитта (миф.) — 54, 55
 Милицына Е. — 164
 Милосердова Л. В. — 7
 Мильеран А. — 302
 Миллер В. — 173
 Милюков П. Н. — 173
 Милютин — 132
 Минский Н. М. — 37, 96, 131,
 139, 140, 142, 143, 151, 153, 160,
 165, 178, 179, 184, 201, 204,
 216, 231, 284, 311, 331, 415,
 512, 513
 Минович — см. *Малахеева-*
Минович В. Г.
 Миролюбов В. С. — 17, 134, 365,
 367, 369, 373, 374, 393, 400, 421
 Миропольский А. Л. — 422
 Мирянин — 16
 Митрофан, свят. — 389
 Михаил (Семенов), архим. —
 289, 313, 352, 387
 Михайловский Н. К. — 44, 170,
 365, 366, 372, 481, 492
 Михайловский Н. М. — 225, 230
 Модестов — 275

- Моисеевкова Л. С. — 176, 177
Моисей (библ.) — 33, 47, 197,
292, 294, 474
Молинос М., де — 208, 209
Молчанова Н. А. — 332
Молчанова — 540
Мор Т. — 75
Мори А. — 169, 170
- Н**
- Навуходоносор, царь (библ.) —
286
Надежда Кириановна (Кирия-
ковна) — *см. Макри Н. К.*
Накрохин — 374
Наполеон Б. — 23, 256
Нежинская Р. — 302
Некрасов Н. В. — 230, 300, 301
Некрасов П. А. — 78
Неплюев Н. Н. — 357, 360
Нестеров М. В. — 25, 571
Нечаев А. П. — 427, 520
Нечаев С. Г. — 234
Никанор (Бровкович), архи-
еп. — 51
Никитина И. В. — 135
Никитский А. В. — 509–511
Никодим (библ.) — 53, 407
Никодим Святогорец, прп. —
188
- Морозов М. А. — 339, 572, 573
Морозова М. К. — 572, 573
Моцарт В. А. — 191, 304
Мраморнов А. И. — 354
Мудров, д-р — 188
Муратова К. Д. — 153, 224
Муравьев Н. К. — 383
- Николай I — 48, 558
Николай II — 228
Николай Мирликийский, свт. —
103
Николай Николаевич, вел. кн. —
535
Николай Японский, свт. — 454
Николюкин А. Н. — 7, 16, 41,
77, 183, 193, 271, 272, 289, 305,
345, 353
Никон, патр. — 50
Нина (Косаковская), иг. — 405
Ницше (Нитче, Нитше) Ф. — 34,
35, 44, 71, 100, 101, 114, 115,
134, 179, 185, 235, 236, 343,
359, 360, 401, 483, 527
Новгородцев П. И. — 72, 74, 75,
79, 423
Новиков Н. И. — 208, 212, 333
Новоселов М. А. — 72, 135
Ной (библ.) — 359
- О**
- Образцова Е. И. — 302
Овсяннико-Куликовский Д. И. —
367
Огарев Н. П. — 52
- Озирис — 55
Озеров И. Х. — 120, 121
Олексенко А. И. — 7, 489
Олесницкий М. А. — 561

- Олив С. В. — 388
 Ольденбург Г. — 217
 Ольденбург С. Ф. — 74, 241
 Ольденбург Ф. Ф. — 74
- П**
- Павел, ап. (библ.) — 2, 94, 183, 294, 309, 360
 Павлова М. М. — 7, 124, 229
 Павлюченков Н. Н. — 7, 14, 29, 35, 65, 69, 140, 154, 169, 178, 184, 198, 206, 217, 218, 221, 223, 240, 243, 247, 251, 276, 285, 332, 335, 348, 413, 418, 423, 427, 456, 475, 520, 575, 581
 Павсаний — 132
 Паисий (Величковский), архим., прп. — 188
 Паллада (миф.) — 54
 Папюс — 199, 211
 Паскаль — 187
 Паскуалис М. — 186
 Пастернак Б. Л. — 2, 81
 Паша (Кудрявцев?) — 409
 Пащенко — 86
 Пентковский А. М. — 581
 Перикл — 148
 Перцов П. П. — 12, 16, 18, 24–26, 29, 31, 32, 36, 45, 48, 53, 55–57, 83, 134, 139, 142, 143, 165, 178, 182, 193–196, 229, 233, 235, 239, 245, 248, 251–253, 265, 267, 270, 271, 280, 282, 285–288, 297, 298, 303, 337, 338, 350, 381, 394–396, 402, 403, 423, 443, 444
 Петерсен В. — 16
 Петерсон Н. П. — 136
- Ориген — 191, 547
 Орнатский Ф., прот., свщмч. — 407
 Островский А. Н. — 492
- Пети (Пти) С. Г. — см. *Балаховская-Пети С. Г.*
 Пети Э. — 302, 341, 513
 Петр, ап. (библ.) — 33, 292, 295, 359, 390
 Петров Г. С., свящ. — 233, 234, 246, 247, 281, 287, 288, 304, 308, 365, 376, 377, 389, 561
 Петров Д. К. — 164
 Пешкова-Толиверова А. Н. — 267
 Петровская Н. И. — 433, 434, 462, 565, 566, 569
 Петровский А. С. — 192, 453, 469, 498, 545, 567
 Пиндар — 177
 Пиндемонте И. — 23
 Пирожков М. В. — 34
 Писарева Е. Ф. — 281, 282, 286, 288
 Пифагор — 192
 Платон — 86, 192
 Платон (Рождественский), митр. — 377, 555, 560
 Платонов С. Ф. — 107–109, 157, 377
 Плевако Ф. Н. — 131
 Плеханов Г. В. — 37, 67, 84, 516
 Плиний — 172
 Плотин — 86, 252
 Плотников К. — 7, 451

- По Э. — 184, 270
Победоносцев К. П. — 26, 27, 134, 207, 316, 321, 323, 383, 481, 560, 561
Погорельский М. В. — 52, 53
Подарский — 100
Половинкин С. М. — 7, 178, 254, 414
Поляков С. А. — 153, 183, 202, 215, 216, 217, 429–431, 435, 459, 570
Попов И. В. — 547
Попова О. Н. — 84
Порфирий (Успенский), еп. — 320
Потанина А. В. — 248
Потресов А. Н. — 68
Поярков Н. Е. — 429, 432, 435, 436
- Р**
- Рапп В. И., барон — 524
Рапп Е. И. — 496
Рапп Е. Ю. — 496
Рапп (Трушева, Бердяева) Л. Ю. — 496, 502, 507, 512, 514, 517, 522, 524, 526, 528, 540
Ратнер М. Б. — 237, 244
Рафалович С. Л. — 214, 216, 224–226, 230, 231
Рачинский Г. А. — 72
Рачинский С. А. — 26, 293, 345, 349, 405
Ребиков В. И. — 451
Резниченко А. И. — 7, 143, 367, 369, 373, 374, 393, 400, 421
Пракситель — 148
Прозор М. Э. — 263, 301
Прометей (миф.) — 70
Просимн (Прозимн, Полимн, миф.) — 132, 133
Протасов (Протасов-Бахметев) Н. А. — 187, 386
Протейкинский В. П. — 283
Протопопов М. А. — 193
Протопоповы — 540, 550
Прутков Козьма — 445
Пти С. Г. — см. *Пету С. Г.*
Пушкин А. С. — 10, 23, 51, 52, 160, 164, 205, 230, 257, 293
Пшибышевский С. Ф. — 202, 527
Пыпин А. Н. — 186, 212
Пятницкий К. П. — 84
- Ремизов А. М. — 178, 522, 523, 527, 528
Ремсо-тетя (Сапарова Р.) — 546
Репин И. Е. — 179, 455
Рибо Т. — 220
Риккер — 15
Рицци Д. — 216
Рише Ш.-Р. — 364
Ришелье, кард. — 50
Рождественский А. П., прот. — 538, 539, 560, 561
Розанов В. В. — 10, 12, 16–18, 24–27, 29, 31–33, 36, 37, 41, 43–48, 51, 53–57, 76, 77, 83, 84, 96, 129–131, 134, 139, 140, 143, 144, 147, 149, 160, 161, 170, 178, 179, 182, 183, 193–197,

- 233–235, 239, 240, 245–248,
253, 255, 257, 262, 263, 265–
268, 271, 272, 280–290, 296–
298, 303–305, 312, 315–317,
319–320, 324, 337–339, 342,
343, 345, 349–353, 357, 361,
365, 381–383, 385, 393–395,
404, 414, 415, 422, 424, 443,
444, 466, 481, 490–492, 500, 538
- Розанов Н. И., прот. — 406, 408
Розен Р. Ф. — 287
- С**
- Саблер В. К. — 316, 537, 539, 560
Саблин В. М. — 153
Савенков Е. С. — 287
Савонарола — 515, 517
Савин А. Н. — 177
Сазонов Г. П. — 18
Саломея — 528
Сараскина Л. И. — 253
Сарра (библ.) — 325
Сведенборг Э. — 157, 186
Свенцицкий В. П. (Свинтицкий) — 79, 192, 353–356, 362–
364, 396–400, 412, 415, 417,
418, 423, 424, 440, 442, 446,
447, 449, 450, 468, 477, 481,
482, 490, 491, 494–496, 509,
512, 521, 522, 529, 543, 561,
562, 568, 569, 571, 577–579
- Светлов П. Я., прот. — 391
Святополк-Мирский (Мирский) П. Д. — 559
Селиванов М. В. — 430
Семела (миф.) — 133
Семенов М. Н. — 183, 202, 203,
229
- Росетти Д. Г. — 227
Ростовцев М. И. — 106, 275
Рубинштейн А. Г. — 563
Руднев И. — 16
Рункевич С. Г. — 255
Руска Л. — 317
Рутенбург В. И. — 168
Рцы (Романов И. Ф.) — 31, 193,
288, 304
Рыбинские — 561
- Семенников — 191
Сен-Мартен Л. К. — 186
Серапион (Машкин), архим. —
580, 581
Серафим (Мещеряков), еп. —
561
Серафим Саровский, прп. — 366
Серафимович А. С. — 366
Сергий (Страгородский), митр.,
впосл. патр. — 134, 308, 354,
471
Сетницкий Н. А. — 135
Сильвестр, архим. — 538
Симеон, св. — 580
Сипягин Д. С. — 127
Скабичевский А. М. — 257
Скарятин (Скарятин-Хомяков) А. П. — 558
Скворцов В. М. — 27, 40, 91, 92,
102, 131, 132, 377
Сковорода Г. С. — 335
Скржинская Е. Ч. — 168
Скрябин А. Н. — 573, 574
Слободской О. — 560

- Случевский К. К. — 125, 179, 231, 303, 395
- Смирнов П. А., прот. — 538
- Смирягин А. П. — 337, 338
- Сойкин П. П. — 84, 87–89, 119
- Сокол, свящ. — 427
- Соколов — 538
- Соколов П. П. — 220
- Соколов (Кречетов) С. А. — 135, 433, 458, 460, 565
- Соколов И. И. — 78
- Соколов Ф. Ф. — 108
- Соколовы — 435
- Соколовский Н. И. — 180
- Сократ — 192
- Соллертинский С. А., прот. — 134, 308
- Соловьев — 453
- Соловьев В. С. — 13, 14, 29, 30, 37, 56, 79, 142, 143, 160, 163–165, 170, 180, 189, 191, 197, 207, 209–212, 218, 226, 227, 252, 281, 297, 357, 370–372, 378, 405, 445, 450, 479, 485, 499, 500, 529
- Соловьев М. С. — 450
- Слооьев С. М., старший — 79
- Соловьев С. М. — 194, 426, 450, 568, 571, 577, 579, 580
- Соловьева П. С. (Allegro) — 95, 194
- Сологуб Ф. К. — 178, 179
- Соломон (библ.) — 295
- Солонины — 540
- Сонин Н. Я. — 170, 180
- Соня (гражд. жена А. Ельчанинова?) — 302, 341, 520
- Софинский И. В. — 509
- Спенсер Г. — 54
- Сперанский М. М. — 137, 179, 180, 188, 207, 208, 212, 247, 277, 333
- Спивак М. Л. — 7, 451
- Спиноза Б. — 217, 241, 381
- Станиславский К. С. — 543
- Старовер — см. *Потресов А. Н.*
- Стасюлевич М. М. — 34, 44, 239, 343
- Стасюлевичи — 44
- Стахович М. А. — 131, 132
- Столпнер Б. Г. — 283
- Страхов Н. Н. — 39, 83, 193, 197
- Страхов П. С. — 220
- Стриндберг А. — 527
- Строганов Н. — 280
- Струве Н. А. — 72, 74–76, 90, 280
- Струве П. Б. — 10, 66–68, 71–74, 76, 84, 87–89, 114, 116, 118, 127, 142, 280
- Суворин А. А. — 36,
- Суворин А. С. — 14, 36, 43, 64, 176, 304, 381, 395
- Суворины — 18
- Сулержицкий Л. А. — 236
- Суслова А. П. — 253
- Сухотин Н. Н. — 557
- Сыроечковский Б. Е. — 417
- Сыроечковский В. Е. — 417
- Сыромятников С. Н. (псевд. Сигма) — 234
- Сытин И. Д. — 234
- Сьерра М. Х. — 210

Т

- Таммуз (миф.) — 339
 Тара К. М. (псевд. Тахтарева К. М.) — 261
 Тарле Е. В. — 75, 76
 Таулер И. — 277
 Теляковский В. А. — 195
 Тереза Авильская — 210, 277
 Тернавцев В. А. — 27, 32, 33, 47, 104, 129, 134, 139, 262, 263, 265, 266, 415
 Терри (Тьерри) — 207
 Терьян-Корганова Е. И. — 225
 Тимирязев К. А. — 78
 Товия (библ.) — 325
 Толмачев М. В. — 154
 Толстая А. Л. — 296
 Толстая С. А. — 291, 296
 Толстой Д. А. — 42, 43
 Толстой Л. Н. — 11, 20–22, 29, 34, 38–40, 42, 43, 46, 51, 70, 72, 91, 92, 100, 102, 153, 155, 185, 235, 236, 243, 247, 282, 284, 289–291, 337, 338, 343, 383, 482, 483,
 Толстой, не писатель — 556
 Трелиаковский В. К. — 264
 Трепов А. Ф. — 177
 Третьяковы — 573
 Троицкая — 455, 461
 Троицкий А. Д. — 390, 392, 404, 409
 Троицкий И. Е. — 107
 Троицкий С. С. — 551, 576–580, 582
 Троицкий С., свящ. — 580
 Трубачев А. — см. *Андроник (Трубачев), игумен*
 Трубецкая О. — 80, 536
 Трубецкой Е. Н. — 72, 79, 483, 500, 536, 562,
 Трубецкой С. Н. — 72, 79, 80, 191, 192, 277, 423, 479, 483, 579
 Тураев — 109
 Тургенев И. С. — 95, 293, 401
 Тюрин А. Н. — 7, 167
 Тютчев Ф. И. — 346, 347, 349

У

- Уайльд О. — 528
 Уважнова О. А. — 539
 Уитмен (Уитман) У. — 402, 403
 Ульянов (Ленин) В. И. — 261, 516
 Уманов-Каплуновский В. В. — 164
 Умов Н. А. — 79
 Успенский В. В. — 254, 415
 Успенский Г. И. — 281, 366
 Устьянский А. П., прот. — 16, 57, 147–150, 246, 288, 303, 304, 312, 313, 315–319, 322, 324, 325, 356, 361

Ф

- Фальковский Ф. Н. — 89, 267
 Фатеев В. А. — 7

- Федоров М. М. — 19
Федоров Н. Ф. — 135, 136
Федякин С. Р. — 193
Фенелон Ф. — 186, 187, 209, 277
Феодор, еп. — 465
Феодор (Бухарев), архим., см.
Бухарев А. М.
Феофан Затворник (Бы-
стров В. Д.), еп. — 180, 188,
484
Феофилактов Н. П. — 430
Фет А. А. — 29, 121, 161, 228, 447
Филарет (Дроздов), митр., свт. —
41–43, 45, 48, 50, 406, 555
Филевский И., прот. — 245–247,
249, 271, 280, 282, 288, 304, 339
Филиппов М. М. — 84–90, 119,
366
Филиппов Т. И. — 3
Филиппова — 86
Филон — 252
Философов Д. В. — 31, 40, 45, 57,
58, 69, 76, 77, 91–93, 95–98,
102–104, 129–132, 134, 140,
154, 160–162, 170, 171, 178,
232, 233, 245, 272, 273, 282–
285, 296, 304–312, 339, 340,
342–344, 350–352, 365, 382–
386, 404, 414
Философова А. П. — 306
Флоренская О. А. — 69
Флоренская О. П. — 77, 222, 398,
411, 417, 424, 438, 441, 545,
546, 553
Флоренская Ю. А. (Люся) — 181,
199, 258, 344, 416, 534
Флоренские — 35
Флоренский А. И. — 412, 552
Флоренский В. П. — 7
Флоренский П. А. — 14, 15, 29,
30, 31, 35, 65, 69, 70, 72, 77, 79,
85, 128, 135, 140, 141, 143, 144,
146, 154, 156, 169, 178, 181,
184, 186, 189, 191, 192, 198,
199, 206, 209, 211, 217, 218,
221–223, 240, 242, 243, 247,
251, 258, 276, 277, 285, 325,
332, 335, 336, 344, 345, 348–
350, 361, 362, 380–382, 398,
399, 411–424, 426–428, 438,
442–449, 451, 452, 456–458,
463–466, 468–470, 472, 475–
478, 480, 481, 484, 488–490,
494, 498, 500, 520, 521, 529,
541, 543, 545, 546, 550–554,
561, 562, 565–567, 569–571,
575, 576, 579–581
Флоренский П. В. — 7, 31, 335,
348, 440, 482, 543, 569
Флоренский Ю. А. — 7
Флоренские — 480, 481
Флурнуа Т. — 156
Фома Кемпийский — 189, 207
Фондаминский И. И. — 477
Фондан Б. — 7, 33, 236, 242
Форстен — 107, 275
Фотий, архим. — 186, 188
Франк С. Л. — 72, 114, 143
Франциск Ассизский — 207, 563
Фрейд З. — 156
Фрезер Дж. — 211
Фридберг Д. Н. — 184
Фрина — 148
Фроло Клод — 219
Фудель И. И., свящ. — 393
Фьезоле М., да — 203

Х–Ч

- Халладжи (Мансур аль-Халладж) — 218
- Хлебников В. В. — 365
- Ходасевич В. Ф. — 565
- Хомяков А. С. — 143, 237, 392, 443, 444
- Хомяковы — 405
- Хуан де ла Крус — 210
- Худадов В. Н. — 30, 35, 146
- Худадов Н. А. — 35
- Худадова М. Н. — 30, 35, 66, 86, 156, 220,
- Хэтч Э. — 260
- Цераский В. К. — 78
- Церетели И. Г. — 170
- Цехновицер О. — 299
- Цимборска-Лебода М. — 7, 298
- Чаадаев П. Я. — 23, 24
- Челпанов Г. А. — 191
- Чернышевский Н. Г. — 100
- Чертков В. Г. — 291
- Чертков С. В. — 7, 70, 77, 85, 144, 181, 190, 222, 25, 290, 325, 336, 344, 354, 361, 380, 396–398, 411, 416, 424, 428, 438, 440, 444, 446, 469, 477, 478, 484, 490, 495, 509, 520, 521, 529, 534, 536, 537, 541, 543, 545, 550, 561, 69, 571, 581
- Чехов А. П. — 165, 225, 228, 230, 232, 233, 235, 367, 559
- Чижикова З. А. — 563
- Чирикова Е. — 367
- Чуковская Е. Ц. — 7, 19, 20
- Чуковский К. И. — 19, 20, 99, 300, 301
- Чупров А. И. — 261
- Чюмина (Чумина) О. Н. — 164, 200, 287

Ш–Щ

- Шавельский Г., прот. — 145
- Шапошников В. А. — 7
- Шарапов С. Ф. — 16, 286, 481, 491
- Шатобриан Ф. Р. — 317
- Шаховская Н. А. — 226
- Шаховской — 396
- Шварсалон В. К. — 59, 165
- Шварсалон К. К. — 59
- Шварсалон С. К. — 60, 61
- Шекспир У. — 237
- Шелли П. Б. — 126, 403
- Шеллинг Ф. В. Й., фон — 180, 252, 347
- Шемякин В. И. — 388, 392
- Шер, семья — 440, 480, 481, 562
- Шер Вас. Вл. — 494, 562
- Шер Д. В. — 417, 562
- Шер (Галанина) О. В. — 562
- Шервинский С. В. — 163
- Шестаков Д. П. — 29, 194, 196
- Шестеркина А. А. — 519, 569
- Шестов Л. И. — 12, 33–35, 100, 101, 194, 204, 235–237, 242, 244, 296, 341, 343, 344, 502, 512
- Шичалин Ю. А. — 211
- Шишков А. С. — 186
- Шлегель Фр. — 252

- Шопенгауэр А. — 295
 Штейнер (Штайнер) Р. — 242, 469
 Штейниц Г. — 52
 Шуберт Ф. — 191
 Шувалов П. П., гр. — 132
 Шуппе В. — 504
 Шура (Гревс) — 13
 Шутова Т. А. — 7, 31, 335
 Шапов А. П. — 42
 Щедрин М. Е. — 281
 Щедрина Т. — 12
 Щетинников — 40
 Щукин И. И. — 249, 250, 259, 262

Э—Я

- Эдершейм А. — 391, 407
 Эккартсгаузен К., фон — 187
 Экхардт (Мейстер Экхарт) — 218, 252, 277
 Эмбер Т. — 340
 Эразм Леопольдович — *см. Гед-голд Э. Л.*
 Эрн В. Ф. — 14, 15, 30, 31, 65, 66, 72, 79, 87, 140, 144–146, 154, 157, 158, 180, 189–192, 200, 213, 221, 223, 258, 325, 335, 336, 353, 355, 356, 361–363, 366, 380, 382, 396, 397, 399, 400, 411, 412, 417, 418, 423, 426, 440–442, 444, 446, 449–451, 477, 482, 495, 529, 534, 540, 545, 546, 548, 550, 563, 571, 572, 574, 575, 579, 581, 582
 Эрн Е. Д. — *см. Векилова Е. Д.*
 Эрн М. Д. — *см. Векилова М. Д.*
 Эсхил — 300
 Ювеналий, архиеп. — 240
 Юлий II, папа римский — 33
 Юм Д. — 170
 Юнг К. Г. — 199
 Юнг-Штилинг И. Г. — 187
 Юпитер (миф.) — 54
 Ягулов А. И. — 36, 335
 Якоби Ф. Г. — 188
 Ямвлих — 211, 212
 Янцен В. — 9
 Ярков Н. — *см. Поярков Н. Е.*
 Ярковский — 154

В—Z

- Baader, von — 252
 Burmistrov K. — 212
 Bismarck-Schönhausen, von — 556
 Bonaventura — 210
 Böhme — 208
 Cantor — 553
 Curtius E. — 123
 Diehl Ch — 112
 Dümmler F. — 123
 Dutoit-Membrini — 186
 Dörpfeld W. — 122, 123
 Eckhart — 218
 Endel M. — 212
 Fowler H. N. — 123

- Frazer J. G. — 123
Furtwängler A. — 123
Göres — 206
Gladstone — 557
Guion — 186, 208, 210
Harnack — 260
Harrison J. — 123
Hatch — 260
Heinroth — 206, 207
Hirschfeld O. — 168
Hitler von Gaertringen F. — 122
Jahn O. — 123
James — 219
Kiesewetter C. — 207
Knecht J. — 507
Koepp F. — 123
Kotzebue, von — 198
Kolbe W. — 139
Maeterlinck — 150
Michaelis A. — 123
Milchhöfer A. — 123
Miller W. — 123
Molinos, de — 208
Mothe-Fénélon, de La — 277
Naumann C. G. — 187
Nietzsche F. W. — 115
Oldenburg — 217
Papastawou J. — 122
Penrose F. C. — 123
Petersen E. — 123
Petit — 302, 340
Pomtow H. — 122
Przybyszewski — 527
Reisch E. — 123
Ribot T. — 220
Rosetti — 227
Saussure F. de — 173
Schelling, von — 180
Schober F. — 122
Schuppe — 504
Saint-Martin, de — 186
Spencer — 54
Tauler — 277
Teresa de Ávila — 210
Wachsmuth C. — 122
White J. W. — 123
Wickert L. — 61
Wilamowitz-Moellendorf U.,
von. — 124
Wilhelm A. — 138
Wronski-Hòne J. — 451, 459
Zschietzchmann W. — 122
Ziffer G. — 173

Именной указатель

авторов опубликованных текстов

К. М. Аггеев — П. П. Кудрявцеву	375, 386, 404, 470, 482, 534, 557
Антоний (Флоренсов), еп. — П. А. Флоренскому	489
К. Д. Бальмонт — Л. Н. Вилькиной	124
К. Д. Бальмонт — П. П. Перцову	402, 403
А. Белый — П. А. Флоренскому ..	415, 420, 444, 449, 457, 472, 498, 565
А. Бенуа — П. П. Перцову	134
Н. А. Бердяев — Л. Ю. Рапп	496, 502, 507, 512, 514, 517, 522, 524, 526, 540
Н. А. Бердяев — П. Б. Струве	71
В. Я. Брюсов — Л. Н. Вилькиной	121, 152, 202, 213, 215, 223, 256, 266, 278, 501, 568
С. Н. Булгаков — П. Б. Струве	66, 74, 84, 87, 88, 116, 127, 142, 280
Л. Н. Вилькина — В. Я. Брюсову	150, 158, 183, 200, 201, 205, 231, 279, 301, 331, 340, 518
Д. Д. Галанин (мл.) — П. А. Флоренскому	569
З. Н. Гиппиус. Дневник	91, 102, 130, 135, 306, 320
З. Н. Гиппиус — В. В. Розанову	131
З. Н. Гиппиус-Мережковская — П. А. Флоренскому	422
А. С. Глинка — В. С. Миролубову	365, 369, 373, 374, 393, 400, 421
А. М. Горький о Л. Н. Толстом и книге Л. Шестова	235
И. М. Гревс — Л. Д. Зиновьевой-Аннибал	250
И. М. Гревс — Вяч. И. Иванову	13, 104, 166, 273
С. Н. Делекторский — В. Ф. Эрну	572

А. В. Ельчанинов — П. А. Флоренскому	14, 29, 35, 65, 69, 70, 85, 141, 146, 154, 156, 169, 178, 184, 198, 206, 217, 240, 243, 247, 251, 276, 285, 332, 348, 362, 413, 418, 419, 423, 427, 456, 475, 520, 541
А. В. Ельчанинов — П. А. Флоренскому и В. Ф. Эрну	140, 169
А. В. Ельчанинов — В. Ф. Эрну	361
М. М. Замятнина — Л. Д. Зиновьевой-Аннибал	262, 265, 268, 269
Л. Д. Зиновьева-Аннибал — И. М. Гревсу	58
Л. Д. Зиновьева-Аннибал — М. М. Замятниной	429, 432
Вяч. И. Иванов — А. Белому	452, 459, 462
Вяч. И. Иванов — И. М. Гревсу	80, 115, 121, 133, 136, 162, 171
Вяч. И. Иванов — М. М. Замятниной	276
П. А. Ивашева — В. Ф. Эрну	540, 548, 563, 574
С. П. Каблуков — В. В. Розанову	351
В. А. Кожевников — Н. Ф. Федорову	135
Д. С. Мережковский — Вяч. И. Иванову	298, 409
Н. М. Минский — П. П. Перцову	142, 165
В. В. Розанов. Об адогматическом христианстве (реферат)	257
В. В. Розанов — П. П. Перцову	16, 18, 24–26, 31, 32, 36, 45, 48, 53, 56, 83, 139, 143, 182, 193, 196, 233, 239, 245, 248, 267, 271, 280, 282, 285, 286, 297, 303, 337, 350, 381, 394, 443
В. В. Розанов — Л. Н. Толстому	289
В. В. Розанов — А. П. Устьинскому, прот.	315, 317, 321
В. В. Розанов — Д. В. Философову	352
В. В. Розанов — П. А. Флоренскому	349
В. П. Свенцицкий. Прощение в Московский университет	509
В. П. Свенцицкий — П. А. Флоренскому	440, 446, 477, 490, 521, 543, 561, 562
А. П. Устьинский, прот. — Гурию (Охотину), архиеп.	356
А. П. Устьинский, прот. — В. В. Розанову	312, 324
А. П. Устьинский, прот. Мои тезисы	147
Д. В. Философов — В. В. Розанову	40, 57, 76, 129, 160, 170, 272, 282, 283, 296, 304, 305, 339, 342, 350, 365, 382, 383, 404
О. П. Флоренская — П. А. Флоренскому	545
А. И. Флоренский — П. А. Флоренскому	551
П. А. Флоренский — А. Белому	443, 449, 463, 484, 570

П. А. Флоренский — В. В. Розанову	345, 349
П. А. Флоренский — О. П. Флоренской	77, 222, 398, 411, 417, 424, 438, 441, 546, 552, 553
П. А. Флоренский — Ю. А. Флоренской	181, 258, 344, 416
П. А. Флоренский — А. И. Флоренскому	412
П. А. Флоренский — В. Ф. Эрну	221, 223, 336, 380, 444, 545, 550, 575
С. Л. Франк — П. Б. Струве	114
А. П. Чехов — С. П. Дягилеву	232
К. И. Чуковский. Дневник	19, 99
Л. И. Шестов — жене	244, 296
Л. И. Шестов — родным	204, 237
Л. И. Шестов — Б. Фондану	33, 242
И. И. Шукин — Вяч. И. Иванову	249, 259
В. Ф. Эрн — А. В. Ельчанинову	190, 353, 382, 396
В. Ф. Эрн — П. А. Флоренскому	144, 325, 399, 529, 571, 581

Опечатки, замеченные в книге 1
«Взыскующих града» (М., 2017):

С. 13, 11-я строка снизу:
вместо «сжижающим» читать «сжигающим»

С. 561, 5-я строка снизу:
вместо «Щель» читать «Цель»

Содержание

Предисловие составителя	7
<i>Татьяна Щедрина. Философская энциклопедия переживания русской жизни</i>	<i>9</i>
ВЗЫСКУЮЩИЕ ГРАДА. 1901 год	13
ВЗЫСКУЮЩИЕ ГРАДА. 1902 год	91
ВЗЫСКУЮЩИЕ ГРАДА. 1903 год	237
ВЗЫСКУЮЩИЕ ГРАДА. 1904 год	411
Именной указатель всех упоминаемых лиц	583
Именной указатель авторов опубликованных текстов.....	605